

А92

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

XXIII

ВНИМАНИЕ
КНИЖКА
ПРОДАЕТСЯ
ОТДЕЛЬНО
В НАЧАЛЕ
КАЖДОГО
НОМЕРА

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

XXIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1955

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор

Б. А. Рыбаков

Заместитель ответственного редактора

А. Я. Брюсов

Ответственный секретарь

И. Т. Кругликова

Члены редколлегии:

А. Л. Мовгайт, Б. Б. Пиотровский, Д. Б. Шелов

СТАТЪИ

Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ

РАЗВИТИЕ СКОТОВОДСТВА
В ДРЕВНЕЙШЕМ ЗАКАВКАЗЬЕ

Археологические раскопки последних двадцати лет в Закавказье выявляют общую линию развития древнего скотоводства, начиная от древнейших поселений эпохи энеолита III тысячелетия до н. э. и до времени освоения железа.

Древнейшие энеолитические поселения нам хорошо теперь известны. Однотипная культура была распространена не только в Центральном Закавказье, но и к югу от Аракса, как это можно видеть по матерпалам из раскопок на западном побережье оз. Урмии¹.

В Закавказье наиболее яркими памятниками этой культуры являются Кюль-тапа (у Эчмиадзина), Шенгавит (у Еревана)², Бешташени (Триалети)³ и поселения, разведанные за последнее время в Юго-Осетинской автономной области. Культура этого же периода в Западном и Восточном Закавказье отлична от центрально-закавказской.

Раскопанные поселения являются оседлыми поселениями, типа слабо укрепленных городищ, основой хозяйства которых было земледелие, сочетавшееся со скотоводством.

Земледелие было примитивным. При раскопках Шенгавитского поселения в крупных сосудах и на полу жилищ были найдены не только зерна, но и остатки колосков пшеницы и ячменя различных видов. Исследования М. Г. Туманяна⁴ показали, что эти зерна собраны из смешанного посева пшеницы и ячменя, что является характерной чертой раннего земледелия и имеет археологические и этнографические параллели.

Из орудий, связанных с земледелием, найдены кремневые вкладыши серпов, крупные зернотерки из пористого базальта, верхние камни которых имели своеобразную ладьевидную форму, каменные ступки и песты.

Наряду с земледелием существовало и скотоводство. В поселениях обнаружено большое количество костей домашних животных — крупного и мелкого рогатого скота, свиней и собак. Найдено также большое

¹ T. Burton Brown. Excavations in Azarbaijan, 1948. London, 1951. Раскопки Гей-тепе, слой К (III тысячелетие — начало II тысячелетия до н. э.).

² Б. Б. Пиотровский. Поселения медного века в Армении. СА, XI, 1949, стр. 171.

³ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, I. 1941, стр. 106; е г о ж е. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит. Вестник Гос. музея Грузии, XIII-V, 1944, стр. 73.

⁴ М. Г. Туманян. Культурные растения урартского периода в Армянской ССР. Изв. Академии Наук Арм. ССР (биолог. серия), 1944, № 1—2; е г о ж е. Основные этапы эволюции ячменя в Армении. Изв. Академии Наук Арм. ССР (биолог. серия), 1948, № 1.

количество фигурок, преимущественно глиняных, изображающих бычков, баранов и собаку¹. Такие фигурки, найденные на холме Кюль-тапа около Эчмиадзина, позволяют предполагать, что скот составлял стада, при которых были уже собаки. Находки костей домашних животных показывают, что наряду с мелким рогатым скотом (овцами, козами) разводился и крупный, отличавшийся, правда, низкорослостью, и что нет оснований считать один из видов скота преобладающим. Крупный рогатый скот служил также тягловой силой. На поселениях в большом количестве найдены глиняные колеса моделей повозок, кузов и дышла которых, изготовлявшиеся, вероятно, из дерева, не сохранились. Частое наличие на фигурках животных углублений в передней части туловища позволяет предположить, что в этих углублениях закреплялись прутки, связывавшие фигурку животного с повозкой.

Сравнение костных материалов из поздних энеолитических поселений с ранними выявляет рост численности мелкого рогатого скота. Так, при раскопках 1927—1928 гг. в Эларе было обнаружено много костей мелкого рогатого скота, при незначительном количестве костей крупного рогатого скота, а также несколько зубов лошади, осла и свиньи².

Это увеличение поголовья мелкого скота было вызвано развитием производительных сил общества, которое изменило систему скотоводства. Пастбища в непосредственной близости от поселения не могли уже удовлетворить кормовую потребность, и скот приходилось угонять на пастбища, удаленные от поселений. Естественно, эта форма скотоводства связана с численным увеличением менее прихотливого и легче передвигающегося мелкого скота.

Рост поголовья скота и необходимость обеспечить скот кормовой базой привели к освоению высокогорных лугов, богатых травой. Но это луга сезонные, и постоянные поселения в их зоне существовать не могли; поэтому скотоводство приняло форму полукошевого-отгонного³, с выгоном скота в горы на летнее время. Новый вид скотоводства оторвал его от земледелия, и мы видим, что в начале II тысячелетия до н. э. земледельческие поселения энеолитического времени в низинах затухают, жизнь на них прекращается примерно на целое тысячелетие.

Старые места жительства первобытных земледельцев и скотоводов заселяются вновь при втором подъеме земледелия уже в I тысячелетии до н. э.

В наиболее крупных урартских крепостях (Армавир, Цовинар), крепостях античного периода (Гарни) и городах древней Армении (Двин), под культурными слоями этих эпох находится слой с энеолитическим материалом при отсутствии или незначительности остатков промежуточного времени — эпохи бронзы⁴.

Нет сомнения в том, что в начале II тысячелетия до н. э. происходит смена места жительства, связанная с тем, что ведущей формой хозяйства становится скотоводство. Поселения переносятся ближе к горным пастбищам, долинные районы, где были поселения раннего энеолита, теряют свое прежнее положение.

Наряду со значительным ростом скотоводства в середине II тысячелетия до н. э. наблюдается усиление имущественной дифференциации пле-

¹ Б. Б. Пиотровский. Ук. соч., табл. 4.

² Е. А. Байбуртян. Псевдоэнеолитические поселения Армении. ПИМК, 1933, № 1—2, стр. 40.

³ О термине «отгонное скотоводство» см. А. З. Тамашев. Крупный рогатый скот Армении в прошлом и настоящем. Ереван, 1947, стр. 17, 18.

⁴ Б. Н. Аракелян. Гарни, I. 1951, стр. 22—27; К. Г. Кафадарян. Город Двин и его раскопки, I. 1952.

мен. У отдельных, богатых скотом, племен накапливаются богатства, становящиеся средством обмена, что приводит к укреплению связей с соседними Закавказью странами древнего Востока. Наиболее богатое племя выдвигается во главу союза племен, приобретая особое положение. Имущественное неравенство начинает оформляться и внутри самого племени, так как крупные материальные ценности, полученные путем обмена, скопляются в руках вождей племен и их родов, что четко отражается в роскоши и богатстве отдельных погребений.

Таковыми погребениями являются богатые курганы, раскопанные Б. А. Куфтиным в Триалетском районе (Грузия)¹ и Б. Б. Пиотровским в Кировакане (Армения)². В них найдено большое количество золотых и серебряных предметов тонкого ювелирного искусства, несомненно попавших в Закавказье из северо-восточных областей Малой Азии, связанных с хеттской культурой. По богатству и роскоши эти погребения середины II тысячелетия до н. э. не имеют себе равных на территории Закавказья.

Своеобразная расписная керамика, с черной росписью по красному фону, связывает эту культуру с отдельными памятниками из районов первобытно-земледельческих поселений энеолита, но там не встречены богатые погребения, подобные Триалетским и Кироваканскому, так как там не имелись достаточные условия для интенсивного развития скотоводства.

При раскопках Триалетских и Кироваканского курганов было обнаружено большое количество костяков крупного и мелкого рогатого скота. Как было установлено раскопками Б. А. Куфтина, в центре могилы ставилась деревянная повозка с прахом покойника, оставшимся после кремации. Быки, запрягавшиеся некогда в повозку, клалась также в могилу. Но наряду с полными скелетами в погребениях обнаружены также остатки жертвоприношения шкур, при которых сохранялись черепа животных и нижние конечности. Обращает на себя внимание громадный размер крупного рогатого скота, кости которого сохранились в курганах середины II тысячелетия до н. э. Б. А. Куфтин привел показательное сопоставление размеров первой фаланги коровы из Триалети (7 см) с первой фалангой коровы из раскопок Колхидской низменности (4 см)³

С. К. Даль, обрабатывавший кости быков из Кироваканского кургана, определил их как кости туров (*Bos primigenius* Vaj) и предположил, что одомашнение этих крупных по размеру рогатых животных является побочной линией одомашнения, наряду с разведением мелких по размеру рогатых животных, известных еще с энеолита⁴. Это наблюдение представляет исключительный интерес, так как объясняет сосуществование в Закавказье, в эпоху бронзы, двух видов крупного рогатого скота: одного — низкорослого и другого — высокорослого. Значительная разница в росте отдельных пород наблюдается и у современного крупного рогатого скота⁵.

Н. И. Бурчак-Абрамович, изучавший кости домашних животных из раскопок в Мингечауре (VII—V вв. до н. э.), и там отмечает наличие двух видов крупного рогатого скота, резко различающихся между собой по величине и пропорциям отдельных костей⁶, причем низкорослого быка из Мингечаура он определяет как карликового быка, по размерам близкого

¹ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, I.

² Материал хранится в Историческом музее Академии Наук Армянской ССР.

³ Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, II. 1950, стр. 127, табл. 44.

⁴ Сообщение С. К. Даля от 7 октября 1948 г.

⁵ А. З. Тамашев. Ук. соч., стр. 34.

⁶ Н. И. Бурчак-Абрамович. К изучению крупного рогатого скота древнего Мингечаура. Доклады Академии Наук Азерб. ССР, 1949, V, № 10.

к хевсурскому рогатому скоту, отличавшемуся чрезвычайной стройностью и тонкостью.

В курганах триалетского типа кости лошадей не были обнаружены. Лошадь в могильниках Закавказья появляется лишь в конце II тысячелетия до н. э. Так, в погребении, раскопанном в 1936 г. у сел. Шахтахты в Нахичеванской АССР, под большим количеством глиняных сосудов, среди которых имелся один расписной, оказался полный скелет коня¹. Помещение коня в могилу, несомненно, свидетельствует об усилении отгонного скотоводства. Верховой конь служил целям постоянных связей летних пастбищ, кочевков, расположенных в горах, с основными поселениями.

Археологическое изучение памятников эпохи бронзы и появления железа в Закавказье, — краткого, но блестящего периода древнейшей истории края, охватившего первые три века I тысячелетия до н. э., — освещает один из важнейших этапов истории первобытно-общинного строя на данной территории². Это был период интенсивного развития территориально ограниченных культур горных племен, использовавших рудные богатства и горные пастбища. Богатые скотоводческие племена в этот период владели также и разработками медных руд, вокруг которых сосредоточивалось изготовление бронзовых орудий и оружия, ставших одним из основных объектов междуобщинного обмена³.

Скотоводство, широко использовавшее естественные условия края, переживало значительный подъем. Освоение летних высокогорных пастбищ, лежащих иногда выше 2 км над уровнем моря, в этот исторический период достигло предела. Рост скотоводства содействовал окончательному установлению патриархальных отношений, а обогащение отдельных родов внутри племени — усилению расслоения общества и использованию труда военнопленных, бывших фактически на положении рабов. За скот и пастбища между отдельными племенами происходила непрерывная борьба. Эта постоянная военная обстановка иллюстрируется большим количеством оружия в закавказских могильниках начала I тысячелетия до н. э., а также и тем обстоятельством, что поселения этого периода во многих районах приняли вид крепостей, называемых по мощности своей кладки «циклопическими». Ведь именно люди и скот были той основной добычей, которую, согласно урартским клинописям VIII в. до н. э., урарты угоняли в центр своего царства.

Раскопки могильников в Южном Закавказье дают громадное количество примеров помещения в могилу не только мясной пищи в виде отдельных частей животных, но и целых туш. В Севанском районе Е. А. Лалаяном в нескольких склепах были обнаружены полные костяки крупного и мелкого рогатого скота, причем в одном случае, около сел. Кишляг (Мртбидзор), оказалось захоронение одного быка⁴.

В связи с тем, что основной формой скотоводства в Закавказье было отгонное скотоводство, наблюдается преобладание мелкого рогатого скота. Это можно видеть хотя бы на примере 15 курганов, раскопанных Г. О. Розендорфом⁵ около Кировабада и Ханлара. В большинстве погребений

¹ А. Алекперов. Крашеная керамика Нахичеванского края и Ванское царство. СА, IV, 1937, стр. 255.

² Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья, 1949, стр. 55.

³ А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, вып. 120, 1935; его же. Древнейшая металлургия Кавказа и ее роль в Передней Азии. III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии, 1935. Изд. Академии Наук СССР, 1939, стр. 91.

⁴ Е. А. Лалаян — Этнографическое обозрение, 1910, XIX, стр. 60 (на арм. яз.).

⁵ ОАК, 1903 г., стр. 86—102.

были обнаружены полные костяки животных, но наряду с ними в сосудах, поставленных около покойника, оказались и отдельные кости от вареного мяса. Наибольшее число костяков, а именно 11, принадлежало овцам и баранам; в одной могиле был обнаружен скелет козы, в трех — скелеты свиней.

О таком преобладании мелкого рогатого скота над крупным свидетельствуют и урартские летописи, в частности летопись царя Сардури, открытая в нише на северном склоне Ванской скалы. Согласно сохранившемуся тексту летописи за все походы было пригнано в центр Урарту около 110 тыс. голов крупного и около 200 тыс. голов мелкого рогатого скота. Только за два похода в Закавказье было угнано из страны Эриахи, к северу от горы Арагац, 23 194 головы крупного и 63 420 голов мелкого рогатого скота. Мы видим, таким образом, что в приведенной сводке число захваченных овец и коз почти в 3 раза превышает число забранных там же быков и коров.

Обращают на себя внимание также сведения летописей Аргшти и Сардури о двукратных походах за год. Вероятно, они снаряжались весной и осенью, что было связано не только с климатическими особенностями края, но и с формами скотоводства. Урартские войска появлялись в Закавказье или весной — в то время года, когда скот еще не был угнан на горные пастбища, или осенью, по его возвращении с гор, т. е. именно тогда, когда войскам была обеспечена богатая добыча.

Этнографические кавказские материалы сохранили сведения о различных формах полукочевого скотоводства с большим или меньшим удельным весом зимовников¹. Пользуясь этими материалами, мы можем до некоторой степени восстановить картину отгонного скотоводства, так называемого яйлажного типа, в Закавказье IX—VII вв. до н. э. Отчетливо наблюдается также и разделение труда между низменными (долинными) и горными районами; в первых преобладало земледелие, а во вторых — скотоводство. Следует подчеркнуть, что речь в данном случае может идти только о преобладании того или иного вида хозяйства, так как обмен не был еще достаточно развит для обеспечения полного разделения труда.

Для скотоводства на высокогорных пастбищах в древности устраивалась целая система водоснабжения. Возможно, что некоторые из пересохших каналов и водоемов, отмеченные на склонах горы Арагац, относятся к интересующему нас времени. Там от мощного источника воды отходила целая разветвленная система каналов с водоемами, похожими на небольшие озера, служившие для водопоя скота. Эта система водоснабжения существовала и в более позднее время, так как именно около таких каналов были установлены культовые каменные статуи, так называемые «вишапы», в виде гигантских каменных рыб или столбов с изображением бычьей шкуры, из морды которой изливается вода.

Одновременно с развитием отгонного (яйлажного) скотоводства в горных районах Закавказья значительно усилилась роль охоты, дававшей мясную пищу кочевникам-скотоводам, которым также постоянно приходилось защищать свои стада от нападения диких зверей. Охота, таким образом, сопутствовала развитию отгонного скотоводства, что отразилось и в религии населения Закавказья. Сцены охоты изображены на бронзовых пластинчатых поясах и на сосудах черного цвета, украшенных резными изображениями, затертыми белой краской. На поясах мы видим, по всей вероятности, мифологические сцены, в которых в качестве охотников

¹ Д. К а л л е с т и н о в. Кочевое скотоводство. Изв. Об-ва обследования и изучения Азербайджана, 1926. № 8, стр. 74.

выступают фантастические существа с головами животных. Таковы пояса из района р. Дебед и с севанского побережья¹. На группе сосудов из раскопок Я. И. Гуммеля в районе Ханлара изображена сцена охоты на козла². Под венчиком сосуда помещена волнистая линия, разорванная тремя кружками, ниже — сцена охоты, причем сам охотник, лук, который он держит, и козел связаны пунктиром с тремя кружками в верхней части. Совершенно несомненно, что в данном случае охотничья сцена связана с астральными и солярными представлениями.

Я полагаю, что было бы ошибкой считать, что на этих предметах VIII—VII вв. до н. э., передающих изображения религиозного и магического характера, отражена прошлая форма хозяйства — охота, которая уступила место земледелию и скотоводству. Здесь, мне кажется, мы имеем дело со вторичным усилением значения охоты, связанным с полукочевым скотоводством.

В охотничьих сценах на поясах и на керамике нередко изображаются собаки, сопутствующие человеку; костяки собак были найдены В. Бельком при раскопках в Шамхорском районе. Можно предположить, что и собака в данном случае выполняла двойную функцию — как сторож стада и как помощник человека в охоте.

В тесной связи с развитием отгонного скотоводства стоит также усиление значения лошади, особенно верхового коня. Выше было уже указано на находку костяка лошади в погребении конца II тысячелетия до н. э. в Шахтахты Нахичеванской АССР, как на самый ранний из известных нам фактов помещения коня в могилу своего хозяина.

Во время урартских походов в Закавказье лошадь там была уже широко распространена. Летопись Сардури (середина VIII в. до н. э.) рассказывает об угоне из страны Эриахи после первого похода 412 коней и после второго — еще 1613 коней. К этому времени следует отнести широкое распространение лошади в Закавказье.

Раскопками Э. А. Реслера в курганах Нагорного Карабаха и Кировабадского района обнаружено большое количество скелетов лошадей. В богатом погребении Арчадзорского кургана (№ 2) костяк лошади лежал у стенки могилы³. Иногда он помещался посреди могильной ямы или же над ней на деревянном помосте. Так, на дубовом настиле кургана № 7, раскопанном Э. А. Реслером в 1901 г. около Кировабада, было обнаружено три целых лошадиных скелета⁴, а в другом случае скелет лошади находился под костяком человека, что дало основание Э. А. Реслеру заключить о помещении покойника в могилу верхом на коне⁵.

Иногда в могилу клалась только голова лошади. Черепа лошадей с бронзовыми удилами и украшениями были обнаружены раскопками В. Белька и А. А. Ивановского в Шамхорском районе в каменных ящиках, характеризующих второй период эпохи бронзы в Закавказье⁶.

Наконец, заменой лошади должны были служить удила, клавшиися в погребения наряду с другим инвентарем. Удила, найденные в могильниках Закавказья, представляют значительный интерес, и в первую очередь — по их связям с древневосточным, в частности с иранским, ассирийским

¹ J. de Morgan. Mission scientifique au Caucase, I. 1889, рис. 90, 191; Е. А. Лалаян. Раскопки курганов на территории Советской Армении. 1931 (на арм. яз.).

² J. Hummel. Zur Archäologie Aserbaizans. ESA, VIII, 1933, стр. 230.

³ Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte (VBGAEU), 1896, стр. 92.

⁴ ИАК, вып. 12, стр. 54.

⁵ Там же, стр. 58.

⁶ А. А. Ивановский. По Закавказью. МАК, VI, стр. 169.

и урартским материалом. В Арчадзоре Э. А. Реслером¹ и в Кедабекском районе В. Бельком² были обнаружены характерные удила с напускными трензелями, близкие к удилам из Ашура и из Луристана, как это уже указывалось в археологической литературе³.

Интересные образцы удил с напускными трензелями, датированные клинописью, содержащей имя урартского царя Менуа, были обнаружены в 1952 г. в цитадели Кармир-блур. Они, в отличие от упомянутых удил, имеют не прямые трензеля, а изогнутые и притом еще с парными петлями для прикрепления к уздечке. На Кармир-блуре найдены удила и другого типа, а именно — представляющие одно целое с трензелями⁴. Каждый трензель имел три отверстия: большое в середине для повода и два меньших для ремней, скреплявших удила с уздечкой. Эти кармир-блурские удила по своей форме полностью совпадают с ассирийскими из Калху⁵. В Закавказье известны и «жесткие удила» того же типа, имеющие острые выступы на мундштучной части, весьма сходные с древневосточными⁶.

При обзоре большого археологического материала создается впечатление, что удила переднеазиатского типа, проникшие и в Закавказье, распространены на значительной территории, которая охватывает всю Переднюю Азию, Иран, Средиземноморье и доходит до Египта. Удила, повидимому, сопутствовали распространению лошади и боевых колесниц из Передней Азии в страны древнего мира.

Урартские колесницы племенам Закавказья были известны во всяком случае с конца IX в. или самого начала VIII в. до н. э. Клинообразные надписи урартского царя Менуа рассказывают о снаряжении войска в области к северу от р. Аракс и указывают, что в его составе было 65 боевых колесниц⁷.

Изображения урартских боевых колесниц имеются на бронзовых памятниках искусства — шлемах и колчанах, принадлежавших царям Аргишти I и Сардури II, найденных в цитадели Тейшебаини (Кармир-блур). Поэтому неудивительно, что и на закавказских предметах мы встречаем изображения колесниц древневосточного типа. На одном бронзовом поясе из могильника в Ахтале (по р. Дебед) имеется изображение двухколесной колесницы с изогнутым дышлом, запряженной двумя конями⁸. Хотя этот рисунок крайне схематичен и колесница дана в чрезвычайно своеобразной проекции, все же в нем без труда можно узнать изображение колесницы переднеазиатского типа. Особенно характерно сильно выгнутое дышло, имеющее на конце украшение в виде цветка. Число спиц в колесе (четыре) можно отнести за счет схематичности рисунка. Перед нами настолько характерный тип переднеазиатской колесницы, что нет никаких оснований связывать изображение колесницы на поясе из Ахтала непосредственно с древнеегипетскими колесницами, как это делал Л. Мусхели⁹.

¹ Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte (VBGAEU), 1894, стр. 230, рис. 21.

² W. B e l c k. Archäologische Forschungen in Armenien. VBGAEU, 1893, стр. 63, рис. 1.

³ Б. А. К у ф т н. Археологические раскопки в Триалети, I, стр. 59—63.

⁴ Б. Б. П и о т р о в с к и й. История и культура Урарту. 1944, стр. 209—211.

⁵ M. W o l f f und D. O p i t z. Jagd zu Pferde in der altorientalischen und klassischen Kunst. Archiv für Orientforschung, X, 6, Berlin, 1936, стр. 337.

⁶ L e f e b u r e des N o ë t t e s. La force motrice animale à travers les âges. 1934, рис. 49.

⁷ Б. Б. П и о т р о в с к и й. История и культура Урарту, стр. 66.

⁸ J. de M o r g a n. Ук. соч., стр. 141, рис. 145.

⁹ L. M u s k e l i. Kaukasische Parallele zu einem altaegyptischen Rennwagen. Bull. Musée de Géorgie, VIII, Тбилиси, 1935, стр. 143.

Мне известно еще одно изображение колесницы на закавказских древних предметах. В Дилижанском музее (Армянская ССР) хранится небольшой сосуд черного цвета, по форме очень близкий к сосудам из Редкина лагеря, найденный поблизости от этого хорошо известного древнего могильника. На этом сосуде под венчиком вырезан целый ряд животных, который замыкается двухколесной колесницей, запряженной двумя конями. Колесница дана в своеобразной проекции, характерной для примитивного искусства. В кузове помещена фигура с непонятно вытянутыми руками, как будто даже с крыльями. Этот сосуд представляет для нас значительный интерес еще с той стороны, что он дает возможность связать изображения на поясах с изображениями на керамике, особенно характерной для Восточного Закавказья.

Раскопки на Кармир-блуре дали несколько полных скелетов лошадей, изученных С. К. Далем. Он выделяет два типа лошадей: первый — горная лошадь, вероятно, аборигенная, относительно небольшого роста (высота холки около 1,25 м), с узкими «стаканообразными» копытами; эта лошадь отличалась также большой массивностью нижней челюсти; второй тип лошади — был более крупного размера, с широкими «тарелкообразными» копытами¹. Ассирийские источники, в частности текст, описывающий восьмой поход Саргона, свидетельствуют о высоком уровне урартского коневодства.

Изучение остатков домашних животных из раскопок на Кармир-блуре привело С. К. Дала к заключению, что большая часть домашних животных принадлежит к аборигенным типам. Кроме лошади, к завезенным из Передней Азии животным С. К. Дала относит овец тонкорунной породы типа меринсов, которая в последующее время в Армении не встречается. На Кармир-блуре эта порода разводилась наряду с другой, типично закавказской. Заслуживает внимания также указание С. К. Дала на то, что домашняя свинья из раскопок Тейшебаини представлена местной мелкой породой². Эта черта свидетельствует об отсталости свиноводства в Закавказье исследуемого нами периода, что также весьма характерно для отгонной формы скотоводства.

Скот был основным богатством закавказских племен и главной добычей урартов во время их грабительских походов на север, за реку Аракс. Повидимому, скотоводство Закавказья стояло на высокой ступени развития и не уступало урартскому скотоводству. Иная картина наблюдается в отношении земледелия.

Техника земледелия в древнем Закавказье находилась на низком уровне; об этом свидетельствуют и примитивные земледельческие орудия, долго сохранявшие свою архаическую форму. Орудия для обработки почвы — мотыги — до нас не дошли, так как они, вероятно, изготовлялись из дерева. С территории Закавказья известно большое количество находок серпов, которые повторяют архаические формы, восходящие еще к энеолиту. Серп был составным из кремневых или обсидиановых вкладышей, закрепленных в деревянной рукоятке. Бронзовые серпы повторяют эту форму; в Бешташенском могильнике (Триалети) оба эти типа серпов были встречены в одной могиле³.

¹ С. К. Д а л ь. Лошадь времен Урарту из раскопок Кармир-блуре. Изв. Академии Наук Арм. ССР (серия естеств. наук), 1947, № 10, стр. 41—61; е г о ж е. Результаты изучения млекопитающих из раскопок урартского города Тейшебаини. Изв. Академии Наук Арм. ССР (серия обществ. наук), 1952, № 1, стр. 81.

² С. К. Д а л ь. Результаты изучения млекопитающих..., стр. 82.

³ Б. А. К у ф т и н. К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии. КСИИМК, VIII, 1940, стр. 19.

Среди земледельческих орудий Закавказья особый интерес представляют остатки молотилки обычного для горных районов Кавказа типа, состоящей из сколоченных досок с отверстиями на нижней стороне, в которые вставлялись куски кремня. Подобная молотилка была открыта Ж. де Морганом в погребении № 47 могильника у сел. Ахтала¹. Позднее такие молотилки стали известны в древних могильниках Ханлара (Азербайджанская ССР)² и Самтавро (Грузинская ССР)³. Для дальнейшей обработки зерен при приготовлении пищи применялись каменные ступки с пестами и примитивные зернотерки, состоящие из двух камней. Орошение древних полей было, вероятно, крайне простым; для этой цели использовались горные ручьи, а посевы производились или на склонах гор или же у их подножий. При таком низком уровне земледелия в хозяйстве племен Закавказья большое значение имело собирательство, сопутствовавшее раннему земледелию⁴.

Судя по находкам органических остатков, можно полагать, что основными земледельческими культурами в эпоху бронзы в Закавказье были аборигенные сорта пшеницы и ячменя, а также полба (эммер). Садоводство также отмечено археологическими материалами. В Ханларском поселении были обнаружены семена винограда и косточки персика.

Иную картину представляют земледелие и садоводство в районе урартского административного центра в Закавказье — города Тейшебаини. Урарты не только грабили и опустошали целые районы Закавказья, но в местах своих административных центров проводили значительные работы по благоустройству местности, создавали или расширяли ирригационную систему, засеивали поля, насаждали виноградники и плодовые сады. Город Тейшебаини был не только крупным административным, но и важным хозяйственным центром, куда стекалась собранная из окрестных областей дань и где она обрабатывалась и хранилась. Раскопки на Кармир-блуре выявляют высокий уровень урартского земледелия, о котором говорят также письменные источники⁵.

Надпись на каменном памятнике Русы, сына Аргишти, найденном при раскопках Звартноцского храма, рассказывает о больших работах, произведенных урартами на правом берегу реки Занги, в долине Кутурлини. В тексте говорится: «Руса, сын Аргишти, говорит: [в] долине страны Кутурлини обработанной земли там никогда не существовало. По приказу бога Халди я этот виноградник развел, поля с посевами, плодовые сады кругом устроил я там, города я ими окружил, канал из реки Ильдаруни я провел».

О высоком уровне урартского земледелия свидетельствуют также зерновые остатки, найденные на Кармир-блуре в громадном количестве и изученные М. Г. Туманяном и В. А. Петровым.

Среди хлебных злаков особое место занимали мягкая пшеница (*Triticum vulgare* Vill.) и многорядный ячмень (*Hordeum vulgare* L.) различных сортов, связанных с аборигенными формами этих злаков. При исследовании зерновых остатков М. Г. Туманян отмечает отсутствие

¹ J. de Morgan. Ук. соч., стр. 59.

² Я. И. Гуммель. Курган № 2 близ Ханлара, КСИМК, XXIV, 1949, стр. 55.

³ Т. Н. Чубинашвили. Погребение с молотильной доской на Самтаврском могильнике. Сообщения Академии Наук Груз. ССР, XII, 1951, стр. 61.

⁴ Я. И. Гуммель. К проблеме археоботаники Закавказья. Сообщения Груз. филиала Академии Наук СССР, 1940, I, стр. 745.

⁵ Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур, I. Результаты раскопок 1939—1949 гг. Изд. Академии Наук Арм. ССР, Ереван, 1950, стр. 25.

семян сорных растений, чистоту и сравнительную однородность зернового материала¹. На Кармир-блуре встречены также круглозерные сорта пшеницы и ячменя особенно высокого качества.

Весьма распространенной зерновой культурой в Урарту было просо, которое в Закавказье до настоящего времени не было засвидетельствовано находками, относящимися к доурартскому периоду. Среди сортов проса наиболее богато представлено итальянское просо, или гоми (*Setaria italica*). На Кармир-блуре найдены остатки хлеба из просяной муки, печеные лепешки из немолотого зерна проса и остатки сваренной пшенной каши. Просо, наряду с ячменем, применялось и для приготовления пива.

В Урарту, как можно судить по раскопкам на Кармир-блуре и ассирийским данным, широкое распространение получила культура кунжута (*Sesamum orientale* L.), из которого приготовлялось кунжутное масло. Кунжут обнаружен также в смешанном запасе зерна среди ячменя и семян двух видов бобовых — нута (*Cicer arietinum*) и чечевицы (*Ervum lens*).

Таким образом, мы видим, что раскопки на Кармир-блуре дали богатейший и весьма определенный материал, свидетельствующий о высоком уровне урартского земледелия, несомненно оказавшего влияние на развитие земледелия у закавказских племен, у которых интенсивный рост скотоводства, ставшего основой хозяйства, замедлил рост земледелия.

Раскопки на Кармир-блуре представили меньше данных для садоводства. Урартские клинописные тексты постоянно говорят о широком распространении виноградарства, об обширных погребах для хранения вина, устраиваемых в урартских крепостях и дворцах. При раскопках на Кармир-блуре были открыты и исследованы три большие кладовые, предназначенные для хранения вина². В них обнаружены крупные сосуды-карасы, наполовину вкопанные в земляной пол и расположенные в четыре ряда. В первой кладовой было открыто 82 таких караса, во второй—70, в третьей—20. По подсчету, произведенному на основании отметок емкости на карасах, в трех кладовых хранилось свыше 170 тыс. литров вина — цифра, которая сама по себе говорит об исключительном хозяйственном значении Тейшебаини.

Раскопки дали большое количество углей виноградной лозы и семян винограда, свидетельствующих о разнообразии культивирувавшихся сортов. Обнаружены косточки винограда не только сортов Воскеат (Харджи), но и Месхали, Арарати (Хачабаш), а также некоторых сортов черного винограда (определение С. А. Погосьяна).

Из остатков плодов на Кармир-блуре обнаружено большое количество сливы-алычи, остатки яблок и плодов граната (определение А. М. Вермишян). Нет сомнения в том, что урартское садоводство оказало сильное воздействие на развитие садоводства в Закавказье.

Включение южных районов Закавказья в состав Урартского царства (VIII в. — начало VI в. до н. э.) тесным образом связало весь Кавказ с передовыми для того времени древневосточными государствами Передней Азии. Влияние культуры древнего Востока распространилось не только на покоренные урартами страны, но и на другие области Закавказья. Культура районов Закавказья, не входивших в состав Урарту, четко отражает связи с переднеазиатским миром. В курганах Нагорного Карабаха и, как теперь выясняется по находкам 1952 г., в селениях Толоре, Зангезуре обнаружено значительное количество золотых предметов, редко

¹ М. Г. Туманян. Основные этапы эволюции ячменей в Армении. Изв. Академии Наук Арм. ССР (биол. серия), 1948, № 1.

² Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур, II. Результаты раскопок 1949—1950 гг. Изд. Академии Наук Арм. ССР, Ереван, 1952.

встречающихся в Закавказье. Вероятно, племена этого района имели постоянные сношения и вели обмен с урартами или же с другими племенами, жившими к югу от р. Аракса. За большинством золотых изделий, там обнаруженных, следует признать переднеазиатское происхождение (золотая цилиндрическая печать с изображением животных, украшение в виде головки льва, золотые бусы), что подтверждается также находкой в Ходжалинском могильнике агатовой (сардониксовой) пронизки в виде бутона цветка с клинообразной надписью ассирийского царя Ададнирари.

Во второй четверти I тысячелетия до н. э. территориально ограниченное развитие культуры горных племен Закавказья постепенно затухает и горные районы перестают быть ведущими. Развившийся к этому времени широкий междубщинный обмен делал ненужной непосредственную связь металлургии с меднорудными районами. Казавшееся ранее неограниченным развитие скотоводства на горных пастбищах оказывается уже недостаточным; отгонная (яйлажная) форма скотоводства достигает своих пределов, для дальнейшего роста скотоводства необходим был переход в степи. Но этот переход не осуществился. С одной стороны, степи Закавказья имели ограниченные пространства, да и то только в Восточном Закавказье, а с другой стороны, интенсивный рост земледелия выдвигал постепенно его на первое место. Некоторые элементы кочевой культуры наблюдаются в Восточном Закавказье; так, в погребениях Мингечаурского могильника VI—IV вв. до н. э. встречаются глиняные модели ульеобразных кибиток, помещенных на двухколесные арбы. Но в центральном Закавказье во второй половине I тысячелетия до н. э. основой хозяйства является земледелие. Поселения спускаются вниз, в долины, на прежние места энеолитических поселений. Земледельческое хозяйство с большим удельным весом отгонного скотоводства выступает как основа новых государственных образований конца I тысячелетия до н. э.

А. Д. СТОЛЯР

МАРИУПОЛЬСКИЙ МОГИЛЬНИК
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК*(Опыт историко-культурного анализа памятника)*

Мариупольский могильник, раскопанный в 1930 г. Н. Е. Макаренко и вскоре им же изданный, широко вошел как в специальную археологическую, так и в общенсторическую научную литературу. Его большая научная значимость общепризнана, и с течением времени, когда на берегах Днепра в Надпорожье был открыт ряд аналогичных погребальных памятников, она не уменьшилась, а, напротив, возросла. В настоящее время Мариупольский могильник органически входит в группу близких к нему некрополей (на Днепре — в урочище Собачки, Никольский, левобережный и правобережный Вовнижские, Чаплинский, Марьевский, Васильевский и др.) и, являясь наиболее значительным и выразительным из них, служит ключом к осмыслению всей этой своеобразной культуры в целом.

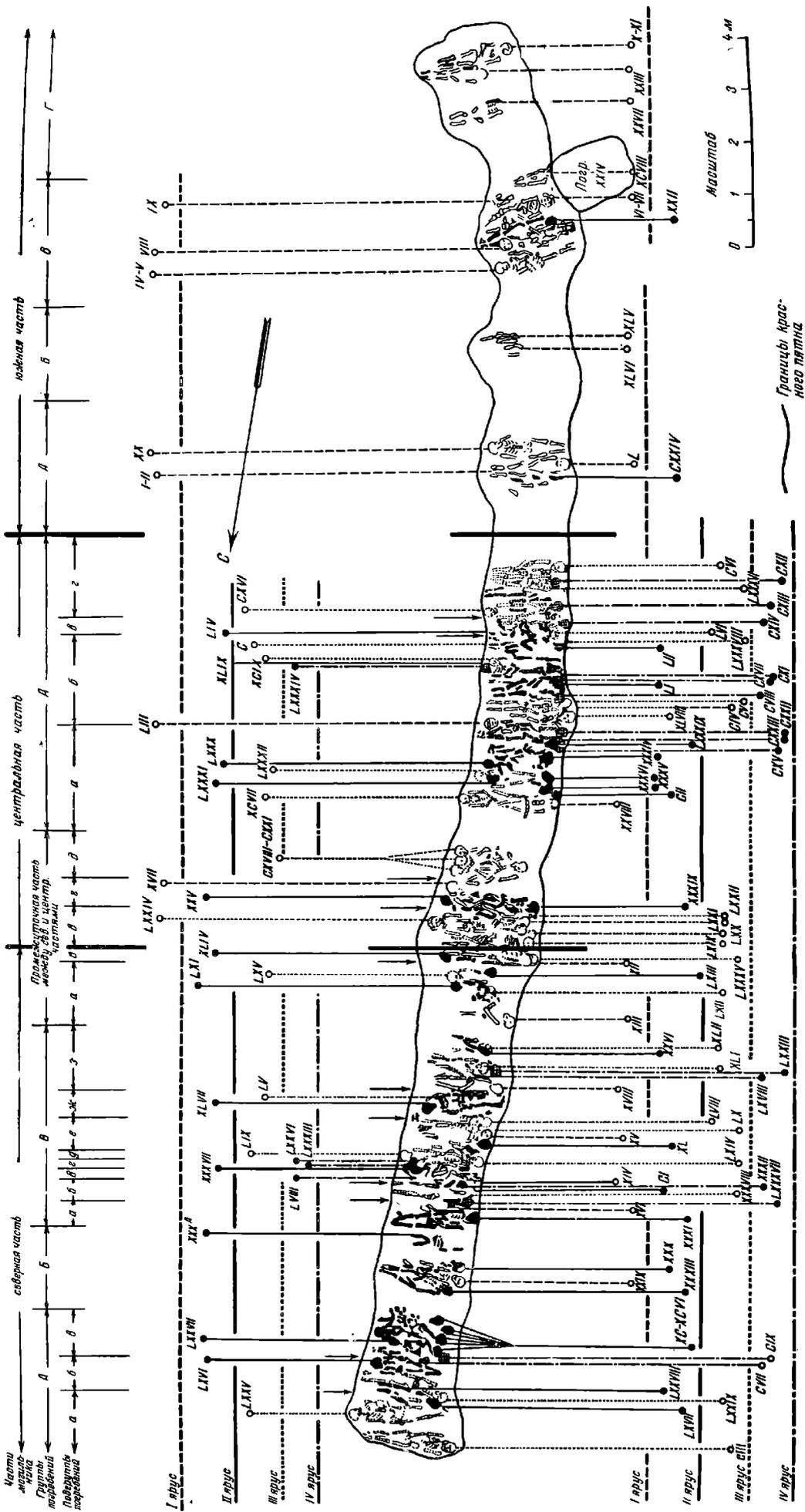
Однако приходится признать, что приазовский некрополь, известный науке уже 20 лет, до сих пор далеко не исчерпан как исторический источник. Посвященная ему специальная литература ограничивается двумя работами Н. Е. Макаренко — монографией (на украинском языке)¹ и краткой информационной статьей (на английском языке)². Ни в монографии, ни тем более в краткой статье исследователем не были поставлены такие важные для понимания исторического места памятника вопросы, как структура, стратиграфия, датировка и принадлежность к определенной культуре данного памятника. Более того, именно те немногие замечания, которые встречаются в издании по поводу перечисленных проблем, не аргументированы.

Эти пробелы не были восполнены и в дальнейшем, несмотря на накопление новых археологических материалов, расширивших возможности более полного и глубокого осмысления памятника. Мариупольский могильник вошел в археологическую литературу в той интерпретации, которую ему дал его единственный исследователь. При этом некоторые точки зрения Н. Е. Макаренко (наличие в составе могильника двух одновременных групп погребений, относящихся к разным культурам, и др.), не подтвержденные анализом и фактами, приобрели характер общепринятых положений.

Все сказанное выше позволяет отнести Мариупольский могильник к числу археологических памятников, не только заслуживающих, но и тре-

¹ Микола Макаренко. Маріупільський могильник. Київ, 1933.

² N. M a k a r e n k o. Neolithic man on the shores of the sea of Azov. ESA, IX, стр. 135—153.

1. План и схематический разрез Марупонского могильника.

бующих своего дальнейшего изучения. Он является важным источником для решения вопросов о происхождении древнейшего скотоводства в Приазовье, о времени смены в этом районе отживавшего матриархального уклада жизни первобытного общества новым — патриархальным, о замене в связи с этим архаического погребального обряда генетически с ним связанным новым обрядом, о времени появления первого металла в степной полосе Левобережного Поднепровья и ряда других.

Как известно, этот памятник выделяется своеобразием устройства и сложностью своей структуры. Большое число захоронений свидетельствует о его существовании в течение продолжительного времени. Это не позволяет признать все обнаруженные при раскопках погребения абсолютно одновременными.

Определение в археологическом памятнике признаков старого и нового, выяснение его истории и культурной стратиграфии открывают возможности для понимания характера древней культуры, для более обоснованного сопоставления могильника с другими комплексами этого периода в Надпорожье и Приазовье.

1. СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ МАРИУПОЛЬСКОГО МОГИЛЬНИКА

В Мариупольском могильнике погребения производились в пределах длинной полосы с приблизительно параллельно идущими боковыми сторонами. Эта полоса обозначалась на поверхности материка красным пятном. Она была ориентирована с севера на юг (М. Макаренко, стр. 11)¹ и достигала в длину 28 м при средней ширине 2 м (рис. 1).

По изломам контура красной полосы, незначительному отклонению южной и северной оконечностей могильника от его общей ориентировки и по группировке погребений в виде ряда отдельных скоплений можно условно разделить общую полосу на три части: северную, центральную и южную. Граница между северной и центральной частями намечается в месте нахождения погребений LXIX—LXXII и LXXIV, а граница между центральной и южной секциями локализуется между погребением CVI и погребениями I—II, CXXIV. Длина северной части могильника составляет около 9,6 м, центральной — 8 м и южной — 9,4 м.

Такое разделение могильника имеет предположительный характер, но, забегая вперед, следует заметить, что в дальнейшем оно будет полностью подтверждено исследованием культурно-исторической стратиграфии памятника.

Что же касается вопроса о соотношении во времени трех названных частей, то сейчас мы можем опираться только на особенности распределения погребений по разным глубинам (горизонтам) в секциях некрополя.

Известно, что погребения в Мариупольском могильнике располагались на разных глубинах, которые Н. Е. Макаренко условно свел к четырем слоям — ярусам, обозначив IV ярусом наиболее глубоко лежащие захоронения, а I ярусом — самые верхние.

Из общего числа 122 погребений, выявленных Н. Е. Макаренко в границах общей могильной полосы, к IV (нижнему) ярусу относилось 19 захоронений, к III ярусу — 35, к II ярусу — 39 и к I ярусу (верхнему) — 26 захоронений. Погребения IV яруса сосредоточивались, главным образом, в центральной части могильника (11 захоронений) и в несколько мень-

¹ В последующем все ссылки на указанную монографию будут приводиться непосредственно в тексте в скобках: М. Макаренко и затем соответствующие страницы или номера рисунков и таблиц.

шем числе — в его северном конце (8 захоронений). Погребения III яруса встречались чаще в северной части (20), чем в центральной (15). Следует особо подчеркнуть факт полного отсутствия погребений нижних ярусов (IV и III) в южной секции.

Преобладающее число погребений II яруса также было найдено в северной части (23), а два захоронения, относящиеся к этому же ярусу, образовывали нижний горизонт погребений в южной части могильника. Погребения I яруса, — самого верхнего, — располагались преимущественно в южной секции (15) и реже всего встречались в центральной части (3).

Распределение погребений различных ярусов по частям могильника показано в следующей таблице:

Ярусы погребений	Части могильника			Всего погребений в ярусе
	северная	центральная	южная	
I	8	3	15	26
II	23	14	2	39
III	20	15	—	35
IV	8	11	—	19
Итого	59	43	17	119

Есть основания полагать, что преобладание в центральной части могильника погребений нижних ярусов свидетельствует о том, что именно эта часть была начальным ядром могильника. Вместе с тем из таблицы явствует, что следующей по времени была северная часть, а наиболее поздней — южная секция. Последняя содержала погребения только двух верхних горизонтов (II и I) при абсолютном преобладании захоронений самого верхнего (I) яруса.

Первичность центральной части подтверждается и некоторыми дополнительными наблюдениями, а именно правильностью границ пятна на этом участке, отсутствием незаполненных промежутков между захоронениями и особенной плотностью их залегания. Наоборот, о более позднем возрасте южной секции некрополя говорят бросающаяся в глаза неправильность очертаний пятна, сравнительно небольшое число погребений, разделенных свободными промежутками окрашенной полосы, а также нахождение именно здесь наиболее поздних захоронений (погребения XXIV XXI и так называемое «погребение с медными браслетами»).

Значительное уменьшение числа погребений, относящихся к I (верхнему) ярусу, по сравнению с числом погребений нижних горизонтов, как и их перенесение в южную часть, очевидно, отражают процесс постепенного оставления некрополя.

2. МАРИУПОЛЬСКИЙ МОГИЛЬНИК — ЕДИНЫЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС

При характеристике могильника Н. Е. Макаренко ограничился тем, что разделил все погребения на две разновременные группы: о с н о в н у ю (раннюю) и отделенную от нее большим промежутком времени и относящуюся к другой культуре группу п о з д н и х (впускных) захоронений.

К основной (ранней) группе автор монографии отнес абсолютное большинство погребений (119 захоронений), а к поздней группе — «случайно» попавшие на площадь, непосредственно прилегающую к границам окрашенного пятна, скорченные захоронения в каменных ящиках (погребения XXIV и двойное погребение XXI), трупосожжение (над погребением XXI) и «погребение с медными браслетами».

Мысль о наличии в составе могильника двух не связанных между собой комплексов погребений является основным и наиболее акцентированным тезисом исследования Н. Е. Макаренко, к которому он неоднократно возвращался (М. Макаренко, стр. 12, 18—20, 29, 31, 54, 68, 72, 73, 137, 138 и др.). И, действительно, следует признать, что сумма фактов, подтверждающих положение Н. Е. Макаренко, значительна (стратиграфические наблюдения, различия в инвентаре и погребальном обряде и т. д.), и его тезис первоначально представляется бесспорным. Приведем кратко доводы в его пользу.

1. Стратиграфические наблюдения показали, что все поздние погребения лежали выше основных, а скорченное захоронение XXIV прорезало западную границу могильной полосы и частично разрушило погребение XCVIII, относящееся к 1 (верхнему) ярусу могильника.

2. Погребальный ритуал захоронений основного комплекса характеризуется во всех без исключения случаях вытянутым труположением в пределах общей полосы. В поздних же погребениях, сопровождавшихся каменными конструкциями, находились скорченные скелеты. Кроме того, они размещались за границами вытянутого окрашенного пятна.

3. Инвентарь верхних погребений включает в свой состав предметы, не встреченные в основных захоронениях и по форме или материалу датируемые более поздним временем, чем вещи, типичные для могильника в целом. К таким предметам относятся медная бусина (и тем более медные бусы и браслеты из самого позднего захоронения) и порфиристовое навершие булавы эллипсоидной формы с двумя противоположными полушаровидными выступами из погребения XXIV (М. Макаренко, стр. 72 и табл. XIV). Это навершие булавы на основании некоторых переднеазиатских аналогий датируется более поздним временем, чем крестовидные навершия булавы основного комплекса (погребения VIII и XXXI), а отсутствие металлических вещей при всех погребениях окрашенной полосы как будто красноречиво свидетельствует о чисто неолитическом их характере.

Однако сравнительное изучение инвентаря основных и поздних погребений Мариупольского могильника, вопреки всем приведенным выше аргументам, приводит к противоположному выводу — утверждению тесной генетической связи и непосредственной преемственности между обеими группами захоронений.

Для того, чтобы убедиться в этом, необходимо обратиться к сопоставлению того основного набора вещей, которым сопровождалась основные и так называемые впускные погребения и который составляет специфическую особенность материальной культуры могильника, — в первую очередь пластинки из клыков кабана, а также украшения из створок раковин, бусы из кости и камня.

Это сопоставление иллюстрируется сравнительно-типологической таблицей инвентаря нижних и верхних погребений Мариупольского могильника (рис. 2).

Пластинки из клыков кабана являются наиболее ярким и своеобразным элементом в инвентаре Мариупольского могильника. Наряду с целыми клыками, они были встречены в 41 погребении, причем в некоторых захоронениях их число доходило до 10—15 и более.

Н. Е. Макаренко различал среди этих пластинок четыре типологических разновидностей: тип А (короткие прямоугольные пластинки, имеющие на обоих концах по одной сверлине с радиально идущими от нее к ближним углам двумя желобками), тип Б (четыреугольные, шире предшествующих и несколько изогнутые, с четырьмя сверлинами по углам), тип В (аналогичные типу А, но имеющие более вытянутую форму) и тип Г (прямоугольные пластинки с поперечными желобками для пришивания на обоих концах)¹.

В плане интересующего нас сопоставления существенно, что пластинки типа Г входят в инвентарь как нижних (основных), так и верхних так называемых впускных погребений. В основном комплексе пластинки этого рода были встречены не в одном, как указывает Н. Е. Макаренко (стр. 19), а в шести случаях (захоронения XIII, XX, XXXa, XLIII, LV и трупосожжение у погребения L, о котором речь будет идти ниже). Из числа поздних захоронений такими же пластинками сопровождалось погребение XXIV и трупосожжение над двойным погребением XXI.

К сказанному следует добавить, что техника обработки и орнаментации пластинок типа Г, встреченных в наборе вещей основных и поздних погребений, совершенно тождественна.

Итак, пластинки типа Г оказываются существенной составной частью инвентаря и нижних и верхних захоронений и, несомненно, свидетельствуют о хронологической близости обоих комплексов и принадлежности их к одной и той же этно-культурной группе древнего населения Приазовья.

Этот вывод подтверждается анализом других основных групп предметов, составляющих специфический погребальный инвентарь могильника.

Ук р а ш е н и я и з с т в о р о к р а к о в и н встречены в инвентаре 49 погребений и делятся на следующие типы: 1) целая створка, не подвергавшаяся обработке²; 2) створка раковины с отверстием у «замка»; 3) плоские круглые пронизки; 4) плоские пронизки в форме сегмента с прямым основанием; 5) то же, с вогнутым основанием.

Показательно, что перламутровые сегменты, найденные в скорченном погребении XXIV в виде значительного скопления, совершенно подобны аналогичным пронизкам из инвентаря «вытянутых» захоронений (погребения IV—V XIII, XLIV, XC—XCVI) и что они изготовлены из одних и тех же разновидностей раковин при общих приемах обработки.

К о с т я н ы е б у с ы обнаружены в 39 погребениях и относятся к трем разновидностям: 1) малые, шаровидной формы с двусторонней эксцентрически расположенной биконической сверлиной (см. соответствующие цифровые обозначения на рис. 2 в графе «Костяные бусы»); 2) аналогичные описанным выше, но более крупные по размерам; 3) грушевидной или каплевидной формы с биконическим отверстием в верхней, утончающейся части.

Отметим, что две малые шаровидные бусины из погребения XXIV нельзя отличить от подобных же костяных бус основных захоронений XIII, LVI и др.

Что же касается цилиндрических к а м е н н ы х б у с (Н. Е. Макаренко называет их «гешировыми»), то они сопровождали только пять

¹ Различия между типами А и В не существенны. В обоих случаях пластинки характеризуются одной и той же формой, общими приемами обработки, способом прикрепления и орнаментом. К тому же они с трудом разграничиваются по своей длине и зачастую встречаются вместе в одном погребении, бытуя одновременно. Таким образом, среди пластинок из клыка кабана правильнее различать не четыре, а три формы: тип А — В, включающий обе формы пластинок, тип Б и тип Г.

² Номера, под которыми перечисляются типы украшений из створок раковин, отвечают цифровым обозначениям на рис. 2 в графе «Перламутровые украшения».

основных погребений (захоронения IV—V, VIII, XXXa, LI, LXXVII), выделяющихся общим богатством своего инвентаря, а во впускных погребениях отсутствовали. Относительно них следует отметить, что они, как и медная бусина в погребении XXIV, были встречены среди аналогичного набора других украшений (перламутровых кружков и сегментов, круглых костяных бус).

Результатом произведенного выше сравнения в первую очередь является вывод о существенной близости инвентаря погребения XXIV с инвентарем всего могильника. Но, далее, с основными захоронениями оказываются тесно связанными и два других поздних погребения (двойное трупоположение XXI и находившееся над ним трупосожжение).

Трупосожжение перекрывало двойное скорченное погребение, не сопровождавшееся типичными для основных захоронений вещами, и, таким образом, позволяет определить его верхнюю хронологическую границу. Обнаруженный здесь, наряду с упоминавшимися пластинками типа Г, большой двусторонне обработанный треугольный кремневый наконечник крупной стрелы или дротика находит себе полную аналогию в обломке кремневого наконечника из инвентаря погребения СХХIII основного комплекса. Сам обряд трупосожжения не так антагонистичен ритуалу основных погребений, как это полагал Н. Е. Макаренко (стр. 68), и представлен в раннем комплексе захоронений (см. ниже).

Так устанавливается определенная связь позднего трупосожжения с культурой нижних погребений могильника.

Последнее звено так называемого верхнего комплекса — двойное скорченное погребение XXI — предшествует по времени трупосожжению и хронологически близко как к нему, так и к погребению XXIV, с которым его сближает погребальный обряд (наличие каменного ящика, скорченность ног и восточная ориентировка).

Близость «нижних» и «верхних» погребений подтверждают также дополнительные данные.

1. Локализация поздних захоронений на площади, непосредственно примыкающей к окрашенному пятну, закономерна. Они находились у западного края южной, наиболее поздней части окрашенной полосы, отвечающей времени, когда изживался обряд захоронения в пределах общего узкого ряда.

2. Наиболее характерная для ритуала «впускных» погребений особенность — скорченность ног — в начальной форме наблюдается по крайней мере в одном захоронении I яруса (погребение LIII).

3. Не менее показательно совпадение местоположения отдельных однотипных предметов в «ранних» и «поздних» захоронениях. Так, положение наконечника булавы на скелетах в погребениях VIII и XXIV тождественно, а размещение перламутровых украшений в левой части костяка погребения XXIV находит аналогии в погребениях IV—V, VIII, XLIV XLVII и говорит, по видимому, об одних и тех же традициях украшения одежды. Положение пластинок в погребении XXIV также аналогично их размещению в захоронениях VI—VII, VIII и др.

4. Наконец, полностью совпадают основные группы предметов погребального инвентаря в обоих комплексах. Этот факт свидетельствует не только о материальном единстве обеих фаз одной и той же культуры, но и указывает на общность представлений о мире мертвых.

Таким образом, группа «поздних» погребений существенными признаками своей материальной культуры и обрядности тесно связывается с основными погребениями могильника. Эти «поздние» захоронения представляют следующую ступень развития погребального обряда и оставлены

тем же населением, что и многочисленные вытянутые труположения в пределах узкой окрашенной полосы.

В данном случае лишь условно могут употребляться определения «ранние» и «поздние», «нижние» и «верхние» погребения. По отношению к захоронениям Мариупольского могильника эти определения не абсолютны, и мы, понимая эти две группы погребений как захоронения, принадлежавшие различным поколениям одной и той же родо-племенной группы, вкладываем в эти термины далеко не тот смысл, который вкладывал Н. Е. Макаренко.

Расчленение погребений Мариупольского могильника на основании внешних различий на две разновременные, не связанные между собой и не переходящие одна в другую группы — древнюю, относимую к «чистому» неолиту, и значительно более позднюю группу скорченных и окрашенных захоронений эпохи бронзы не отвечает исторической действительности.

К заключению о внутреннем единстве комплекса Мариупольского могильника автор настоящей статьи, опираясь на сравнительный анализ обеих групп погребений, пришел в 1947 г.¹ Проведенные в 1950 г. А. В. Добровольским раскопки подобного же могильника на Игрнском полуострове у с. Чапли ² убедительно подтвердили такое понимание культурно-исторической стратиграфии памятника. В Чаплинском могильнике (левый берег Днепра, в районе Днепропетровска) были обнаружены, — кроме погребений, аналогичных «ранним» и «поздним» мариупольским, — захоронения промежуточного между ними типа, которые показали, что этот переход был закономерным явлением не только в Приазовье, но и в однотипных синхронных погребальных памятниках Надпорожья.

Вместе с тем материалы Чаплинского могильника позволили положительно решить вопрос об одновременности «поздних» погребений Мариупольского могильника (XXI и XXIV) и так называемого «погребения с медными браслетами», что до этого можно было лишь предполагать.

Итак, приведенные выше факты заставляют рассматривать «верхние» погребения Мариупольского могильника как отдельные случаи возвращения к захоронениям на площади незадолго до этого оставленного могильника.

3. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД И СТРАТИГРАФИЯ МАРИУПОЛЬСКОГО МОГИЛЬНИКА

За исключением очень редких отступлений, все погребения Мариупольского могильника характеризовались единообразным положением скелетов, которое Н. Е. Макаренко назвал традиционным для некрополя (стр. 11). Костяки лежали на спине, часто несколько прогибаясь в тазе, а кости ног были вытянуты. Руки были вытянуты вдоль туловища и в большинстве случаев слегка согнуты в локтях.

Как специфический признак погребального ритуала примечательна особенность положения костей нижних конечностей в ряде погребений (в погребениях XXXI, LXXXIX берцовые кости ног были сведены вплот-

¹ А. Д. Столяр. Мариупольский могильник. Сборник студенческих и аспирантских научных работ Исторического факультета Ленинградского гос. университета, ч. I. Л., 1947, стр. 17—32.

² А. В. Добровольский. Могильник в с. Чапли. «Археология», IX, Кпів, 1954, стр. 106 и сл.

ную в стопах и коленях, а в погребениях LXXIV, XCVII, CIX и, возможно, некоторых других — только в стопах ¹).

Сверху каждое погребение покрывалось отдельным пятном засыпи, состоявшей либо из чистого лёсса, либо из лёсса, смешанного с гумусом, или одного гумуса, а особенно часто — из «красной глины» различной консистенции и цвета.

Общая планировка некрополя и его стратиграфия отличались исключительным своеобразием от большинства изданных древних некрополей. Во-первых, расположение более сотни захоронений ограничивалось небольшой под прямоугольной площадью, обозначенной на горизонте материка «общей красной полосой» (М. Макаренко, стр. 11). Во-вторых, в пределах этой узкой полосы скелеты, лежавшие поперек ее, параллельно друг другу и ориентированные зачастую в противоположные стороны, распределялись не равномерно по всей площади, а, как правило, образовывали отдельные многоярусные скопления.

Такая необычайная картина заставляет рассмотреть вопрос о том, каким образом вырос подобный могильник и чем были обусловлены его правильная форма и многоярусность захоронений. Н. Е. Макаренко полагал, что «покойников погребали, выкопав небольшую и неглубокую яму рядом с предшествующими погребениями..., и покрывали их красной глиной» (М. Макаренко, стр. 13). При этом, по его мнению, часто последующие захоронения уничтожали более ранние (там же), кости которых отгребали вбок или же выбрасывали (М. Макаренко, стр. 104).

Однако внимательное рассмотрение общего плана могильника (рис. 1) заставляет усомниться в таком простом объяснении истории могильника и его многослойной структуры.

Предположению Н. Е. Макаренко о сложении могильника из суммы многочисленных, несколько одновременных индивидуальных могил противоречит ряд наблюдений, сделанных при полевых работах. Приведем часть из них.

1. Площадь могильника обозначалась на определенном горизонте сплошной полосой красного цвета, границы которой отчетливо различались на поверхности материка (М. Макаренко, стр. 14, 15 и др., табл. 2 и фототаблица II). Объяснение происхождения «общей красной полосы» не встречает трудностей; она образовалась вследствие распространения в определенной плоскости и границах того красного вещества, которым было засыпано около половины погребений.

Но при мысли о помещении погребений в индивидуальные ямы загадочным оказывается следующее обстоятельство. Захоронения не заполняли равномерно сплошь всю площадь полосы, а образовывали ряд скоплений, разделенных значительными промежутками свободного пространства. Эти интервалы достигали в ширину 1,50 м (например, в южной части между погребениями CVI и I—II, XX и XLVI, XLV и IV—V), а их поверхность по цвету не отличалась от других участков полосы и также была окрашена. Естественно, что при наличии отдельных ям подобное явление полностью исключалось, и группы захоронений неизбежно разделялись бы материковыми перемычками.

2. Н. Е. Макаренко, как этого требует методика, ставил своей специальной задачей во время раскопок определение границ отдельных ям

¹ В этом разделе в большинстве случаев, когда речь идет об особенностях и характеристике погребений, в тексте не указываются страницы монографии Н. Е. Макаренко, где приводятся соответствующие сведения. Данные о погребении можно найти под его номером в «Дневнике полевых исследований», приложенном к изданию памятника (М. Макаренко. Ук. соч., стр. 56—113).

(М. Макаренко, стр. 59). Однако эти усилия, несмотря на опытность исследователя и благоприятные почвенные условия (погребения залегали в материке и часто были покрыты слоем цветной засыпи), ни в одном случае не увенчались успехом. Насколько отчетливыми были западная и восточная границы «ямы» каждого захоронения (т. е. те отрезки, сумма которых образовывала длинные противоположные стороны общей полосы), настолько совершенно не прослеживались продольные границы отдельных «могил», за исключением двух крайних погребений, расположенных в южном (погребения X—XI) и северном (погребение СIII) концах общей полосы. Каждое из них лежало у материковой стенки, являвшейся вместе с тем поперечной границей всего окрашенного пятна.

Примечательно и то обстоятельство, что ряду скелетов (обычно у наиболее рослых покойников), как указывает Н. Е. Макаренко (стр. 58), было «тесно» в общем ряду (например, в погребениях XL, XLVII, LIII и др. скелеты упирались черепом в одну стенку и стопами ног — в противоположную, а погребение XX было несколько изогнуто). Кажется, что покойники были с трудом втиснуты в занимаемое ими место и что для каждого из них не была вырыта отдельная могила, а они помещались в приготовленной заблаговременно общей траншее.

3. Предположению о наличии отдельных могильных ям противоречат вся стратиграфия и относительно удовлетворительная сохранность погребений. Уже упоминалось, что на большей части площади «красной полосы» погребения располагались не однослойно, а в несколько ярусов, разделяясь тонкими горизонтальными прослойками. Толщина этих прослоек зависела от мощности слоя засыпки и колебалась, как правило, от 1 до 15 см, чаще же в пределах 10—15 см, изредка достигая 20—25 см.

По тексту монографии Н. Е. Макаренко и приложенному к ней сводному плану можно схематически восстановить разрез могильника, отсутствие которого в издании является одним из основных недостатков публикации. При этом выясняется, что в ряде случаев по одной вертикальной линии, но на различной глубине находилось до 3—5 погребений (в центральной части — захоронения CX, CV, CIV, XLVIII, LIII, в северной части — захоронения CI, XXXVIII, XXXII, XIV и др.).

Разбор всех подобных случаев и анализ характера повреждений в ряде погребений показывают, что дефектность значительной части захоронений Мариупольского могильника нельзя отнести за счет прорезания одних погребений другими. Особенно в этом отношении показательны изучение таких, лежащих по одной вертикали, погребений, как CXXIV (нижнее), L, I—II и XX (верхние); XXV (нижнее) и XVII (верхнее); XXX (нижнее) и XXIX (верхнее); XXVIII (нижнее), XXXII (среднее) и XIV (верхнее) и др.

Наконец, хорошая сохранность и несмешанность пятен засыпи разного цвета и состава, покрывавших каждое отдельное захоронение в многоярусных скоплениях, также опровергают предположение о наличии индивидуальных ям и впускных погребений.

Эти особенности структуры могильника и взаимного расположения отдельных погребений наглядно свидетельствуют о том, что могильник вырос не из суммы многочисленных и несколько разновременных могильных ям, а имел в своей основе открытую, вероятно, в несколько приемов коридорообразную траншею. В этом смысле Мариупольский могильник может быть назван могильником траншейного типа. В процессе заполнения этой траншеи последующие погребения помещались непосредственно на предшествующие или рядом с ними, в подавляющем большинстве случаев, не прорезая и не разрушая их.

Ярус	Подгруппы погребений			
	а	б	в	г
I		LIII п. XLVIII		
	XXVIII п. CI(?)			
II	XXXIV — XXXVI — 0,10 XVI h = 0,40	LII п. C(?) = XLIX H = 0,80; h = 0,15		
		XLVIII		
		LI п. CIV + 0,05 XLIX H = 1,00		
	LXXXIX п. CXV H = 1,20			
	LXXX — LXXXI п. LXXXII			
	CVI п. XCVII(?) — XXXIV H = 1,25	LIV п. LVI		
III			LVI H = 1,15	
		XLIX ³ п. LXXXIV — 0,20 XLVIII C H = 1,15		
		CIV п. CV — 0,20 LI		CXVI п. CXIII, CXIV
		XCIX п. LXXXIV (?)		CVI = LXXXV
	XCVII ¹ H = 1,35			LXXXVI п. CXII
	LXXXII	CV п. CVIII	LXXXVIII	
IV				CXIV = CXIII
				CXIII п. CXII
		LXXXIV		
		CVIII п. CX		
		CX H = 1,40		
		CXVII H = 1,45		
	CXV H = 1,50	CXI H = 1,50		CXII H = 1,55
	CXXIII H = 1,60			
CXXII H = 1,60				

Рис. 3. Стратиграфическая таблица погребений центральной части Мариупольского могильника (группа А).

Сохранность погребения: ярус IV, CXV — разрушено, кости «в куче», CXVII — кости левой стороны скелета отсутствовали, CX — сильно разрушено (погребением CVI), LXXXIV — череп несколько сдвинут, берцовые кости левой ноги отсутствовали, CXIII — берцовые кости смесены погребением CXVI; ярус III, CXIV — кости ног отсутствовали, CXVI — ребра и плечевые кости отсутствовали, C — череп отсутствовал, инвентарь сдвинут, XLIX — верхняя часть скелета отсутствовала; ярус II, LIV — кости плохо сохранились, LXXX — LXXXI — кости погребений перепутаны, LI — несколько сдвинуто, XLVIII — сохранилось частично, LII — кости плохо сохранились, XXXIV — XXXVI — кости встели; ярус I, XXVIII — кости встели.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

LIV — в числителе указано погребение, стратиграфическое положение которого выясняется; в знаменателе под чертой указано захоронение, стратиграфически перекрываемое данным погребением

LII
п. C (?)
H = 0,80; h = 0,15 — в знаменателе под пунктиром указано захоронение, по возможности, перекрываемое данным погребением; H — глубина залегания погребения от сохраненной дневной поверхности; h — глубина залегания погребения от условной горизонтали (примерно на 0,70 м ниже дневной поверхности). H и h указаны в метрах.

CXIV
= CXIII — погребение CXIV находилось на одном уровне с погребением CXIII.

LI
п. CIV
+ 0,05 XLIX
H = 1,00 — погребение LI находилось на 0,05 м выше погребения XLIX.

XLIX
п. LXXXIV
— 0,20 XLVIII — погребение XLIX лежало на 0,20 м ниже погребения XLVIII.

¹ Погребения LXXX—LXXXI, как и погребения XXXIV—XXXVI, относятся к ярусу II, а их местоположение в могильной траншее совпадает. Однако возможно, что разрушение погребений LXXX—LXXXI связано с помещением погребений XXXIV—XXXVI. Поэтому погребения LXXX—LXXXI помещены несколько раньше, чем погребения XXXIV—XXXVI.

² На плане погребение относится к ярусу II, а в тексте оно определяется как захоронение яруса III. Последнее является более правильным, так как погребение XLIX лежало на 0,20 м ниже погребения XLVIII, относящегося к ярусу II.

³ Перекрывается погребением XXVIII (см. общий план могильника — рис. 1).

Этот вывод подтверждается рассмотрением некоторых захоронений, кости которых были несколько сдвинуты в сторону в плоскости горизонта залегания погребения (например, незначительно смещены, но не разрушены скелеты в погребениях XXXVIII, LI, LIX, LXXVIII, LXXXIV и др.).

Если Мариупольский могильник в своем конечном виде сложился в результате многократно повторявшихся погребений в общей траншее, а некоторые из этих погребений размещались непосредственно на засыпи, покрывавшей более ранние захоронения, то глубина (ярус) погребения является хронологическим показателем для смежных с ним или для подстилающих либо перекрывающих его захоронений. Впускные погребения, прорезавшие более ранние и спускавшиеся ниже их, в Мариупольском могильнике отсутствуют. Исключением являются только два случая — погребение XXIV (см. стр. 19) и погребение LXXIV (находилось на глубине погребений III яруса), которое разрушило более древние захоронения LXIX—LXXII и было перекрыто «двуслойной» смешанной засыпью, а по инвентарю подобно погребению XIII в ярусе I северной части могильника.

Таким образом, в трех секциях могильной траншеи выделяются скопления последовательно произведенных погребений, состоящие из лежащих вплотную одно к другому захоронений. Назовем подобные скопления группами погребений. Каждая подобная группа распадается на подгруппы, включающие в свой состав только захоронения, помещавшиеся по одной вертикали, но на разных глубинах.

Деление погребений на группы и подгруппы показано на общем плане могильника (рис. 1), а взаимное положение захоронений выясняется при помощи серии стратиграфических таблиц, каждая из которых посвящена отдельной группе погребений. Одна из таких таблиц (группа погребений, находившихся в центральной части) приводится в качестве примера (рис. 3). Признавая условность распределения погребений по определенному числу ярусов (само число «слоев», различаемых Н. Е. Макаренко, условно и при более дробном членении по признаку глубины может быть сведено не к четырем, а к пяти или шести горизонтам), мы считаем основным критерием стратиграфической характеристики абсолютную глубину погребения и его относительное положение среди других, смежных с ним, захоронений.

Стратиграфические таблицы позволяют, несмотря на все многочисленные неточности публикации Н. Е. Макаренко¹, восстановить в общем виде разрез памятника. Взаимное положение погребений в общей траншее графически показано в двух горизонтальных выносках — верхней (погребения, ориентированные на восток) и нижней (погребения, ориентированные на запад) — на общем плане могильника (рис. 1; отношение вертикального масштаба разреза к горизонтальному 1 : 12).

В заключение раздела о стратиграфии и погребальном обряде Мариупольского могильника следует отметить, что отклонения от строгого погребального канона наблюдаются в четырех случаях (погре-

¹ Приведем некоторые из них. По тексту «Дневника...» погребение СХХII находилось под скоплением костей погребений СХVIII—СХХI, а по плану — между ними 2,5 м. Такое же расстояние разделяет погребения СХХII и СХIII, а согласно «Дневнику...» с севера в погребение СХХII упиралась кость погребения СХIII. Там же сообщается, что «рядом» находились погребения LXXXIV и LV (расстояние 8 м), ХСIХ и ХСVIII (расстояние 9 м), ХХII и ХХIII (между ними 3 м), ХХII и XLVI (между ними около 2 м и они разделены скелетами погребений IV—V, VIII) и что погребение СII лежало на расстоянии 0,08—0,10 м от погребения СI (по плану между ними 7 м). Неверно и замечание, что погребение ХХХI располагалось под погребением ХХIХ (между ними более 1,2 м), и т. д.

бения XIII, LIII, LV и трупосожжение рядом с погребением L) и что число действительно совершенных в могильнике захоронений должно значительно превышать цифры, приведенные Н. Е. Макаренко (119 «основных» погребений со 122 скелетами).

Остановимся вкратце на тех погребениях, которые отличались от остальной массы захоронений. В погребении XIII скелет лежал с наклоном на правый бок (М. Макаренко, стр. 62), что находит некоторую аналогию в положении скелетов более позднего погребения XXI. В погребении LIII у скелета были несколько подогнуты ноги. В погребении LV, вопреки мнению Н. Е. Макаренко, покойник был помещен в позе сидящего (М. Макаренко, фототаблица XXVIII). Наконец, остатки трупосожжения, сопровождаемые типичным для десятков «вытянутых» погребений инвентарем (пластинки из клыков кабана, перламутровые украшения, костяные бусы и кремневые орудия), были открыты, но не поняты Н. Е. Макаренко у погребения L.

Число захоронений Марнупольского могильника не может быть точно установлено. Однако очевидно, что оно значительно превышает названные цифры, так как к ним надо прибавить число погребений, не исследованных при раскопках по различным причинам (М. Макаренко, стр. 57, 59, 61, 62, 65, 66, 78, 82, 83 и др.) или не учтенных при документации (стр. 103).

4. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ СТРАТИГРАФИЯ МАРИУПОЛЬСКОГО МОГИЛЬНИКА

Относительная долговременность существования Марнупольского могильника открывает заманчивую возможность использовать его материалы не только для характеристики древней культуры Приазовья в один из моментов ее бытия, но и для выявления отразившихся в памятнике тенденций развития.

Для решения этой задачи и понимания памятника как одного из звеньев конкретного исторического процесса необходимо установить хронологические этапы развития Марнупольского могильника и дать характеристику каждого из них.

Исходя из вывода о трехчастности могильника и некоторой разновременности его секций, следует исключить простейший метод, который заключался бы в отождествлении четырех выделенных Н. Е. Макаренко ярусов погребений с общими для всего некрополя последовательными культурно-хронологическими слоями. Стратиграфия памятника может быть выяснена только при помощи графического метода исследования, впервые примененного в советской археологии П. П. Ефименко¹. При этом естественно, что если графический метод структурного анализа памятников материальной культуры всегда должен применяться сообразно с природой изучаемого объекта, то его приложение к такому своеобразному комплексу, как Марнупольский могильник, тем более будет отличаться рядом особенностей.

Анализ Марнупольского могильника осуществлен нами при помощи корреляционных таблиц трех типов, в которых памятник исследуется как в горизонтальном, так и в вертикальном планах. Эти таблицы позволяют установить последовательность смены форм найденных предметов и материала, из которого они изготовлялись, расчленив древние погребения

¹ П. П. Е ф и м е н к о. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа. МЭ, т. III, вып. 1. Л., 1926, стр. 59—84 и таблицы.

Категории, типы и формы основного инвентаря

Часть мотылька	№ погребения	Ориентировка	I Пластины из кльков набуна														II Украшения из створок раковин	III Косыльчатые бусы	IV Т. н. «геширо-вые» бусы								
			I Пластины из кльков набуна																								
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14				15	16	17	18	19	20	21	22
Северная	CVII	3																									
	CIX	3																									
	LXXXVII	3																									
	CI	3																									
	LXXXIII	B																									
	LXXVI	B																									
Центральная	LXVIII	3																									
	LXXXIII	3																									
	CXV	1																									
	CXXII	3																									
	CXXIII	B																									
	CVIII	3																									
	CX	2																									
	CXVII	3																									
	CXI	3																									
	LXXXIV	B																									
CXIV	3																										
CXIII	3																										
CXII	Ю83																										

Рис. 4. Корреляционная таблица погребений IV яруса Марупольского могильника.

1. Пластины из кльков кабаня: 1 — целый клык; II. Украшения из створок раковин: 16 — целая створка; 2 — клык с тремя дырочками; 3 — клык, разрезанный на три пластины; на раковину; 17 — просверленная створка; 18 — перламутровый кружок; 4 — пластинка типа В; 5 — концевая треугольная пластинка; 6 — пластинка промежуточной формы между типами В и А — В; 7 — пластинка типа А — В, не ориентированная; 8 — пластинка типа А — В с насечками по длинным сторонам; 9 — пластинка типа А — В с насечками по коротким поперечным сторонам; 10 — пластинка типа А — В с насечками по четырем сторонам; 11 — пластинка, сочетающая особенности типов В и А — В; 12 — пластинка переходной формы от типа А — В к типу Г; 13 — пластинка типа Г, не ориентированная; 14 — пластинка типа Г с насечками по коротким поперечным сторонам; 15 — пластинка, сочетающая особенности типов А — В и Г.

III. Косыльчатые бусы: 21 — малая шаровидная буса; 22 — буса грушевидной формы с биконической сверлиной; 23 — большая шаровидная буса.

IV. Так называемые «геширо вые» (каменные) бусы: 24 — болташная цилиндрическая бусина; 25 — малая цилиндрическая бусина.

* Ориентировка погребения не указана.

• Погребение разрушено. Его ориентировка не указана ни в тексте, ни на плане.

ния, сопровождавшиеся на первый взгляд однообразным инвентарем, на несколько хронологических групп, выделить в каждой из них основные признаки и тем самым раскрыть в какой-то степени реальное содержание процесса развития материальной культуры и отчасти идеологии того времени.

Каждая из четырех таблиц первого типа (корреляционные таблицы) посвящена одному из ярусов погребений. По их вертикальной оси последовательно перечисляются погребения данного яруса в том порядке, в котором они располагались в траншее, начиная с самого северного захоронения к самому южному. По горизонтальной оси таблиц помещены графы, учитывающие те категории и формы инвентаря, которые существенны для решения вопросов культурной стратиграфии могильника. Наличие определенных вещей в погребении отмечается знаком $\square$ в соответствующей клетке.

Рассмотрим подробнее одну из этих таблиц, посвященную погребениям яруса IV (рис. 4).

На ней ясно видны различия погребального инвентаря захоронений северной и центральной секций траншеи. Если учитывать только те предметы, которые показательны для всей культуры могильника в целом, то погребения центральной части покажутся «голыми», не сопровождаемым инвентарем; лишь при трех скелетах было найдено по одной непросверленной створке раковины. Но вместе с тем находившиеся здесь покойники сопровождалась иным набором вещей, характерных, очевидно, для традиций предшествующего времени, на почве которых выросла культура могильника. Имеется в виду широкое распространение украшений из просверленных зубов животных; в четырех погребениях были обнаружены целые ожерелья (погребения СХХII, СХХIII, СХVII, СХI), а в погребении СХIV — один зуб.

В противоположность этому скудному инвентарю в захоронениях северной части найден набор вещей, типичный для зрелой культуры памятника. Пластинки из клыков кабана (клык с тремя дырочками, орнаментированная пластинка типа А — В), украшения из створок раковин (целая, необработанная створка, просверленная створка, кружок и «сегмент»), костяные бусы (малая шаровидная и грушевидная) были встречены более чем в половине всех захоронений, причем в некоторых из них не в виде одиночных находок, а наборами (до 3—4 пластинок из клыков кабана, низки перламутровых кружков, ожерелья из малых шаровидных костяных бус).

Из этого сопоставления инвентаря погребений яруса IV следует вывод о наличии двух группировок погребений в изучаемом горизонте, из которых одну составляли захоронения, расположенные в центральной части, а другую — погребения, находившиеся на той же глубине, но в северной части могильника.

Подобная же картина наблюдается и на таблицах III, II и I ярусов. В ярусных корреляционных таблицах выделяются определенные группировки захоронений, в которых составляющие их погребения объединяются однотипным характером сопровождающего инвентаря и смежным положением покойников, находившихся на одном и том же участке «общей» окрашенной полосы. В том случае, когда погребения яруса располагались в трех частях траншеи, они распределялись по трем группировкам (ярусы II и I) — северной, центральной и южной. Если же в данном ярусе захоронения были встречены только в двух секциях могильника — северной и центральной (ярусы IV и III), то они образовывали две группировки. Границы каждой группировки захоронения точно совпадают с теми линиями, которыми мы в начале статьи разделили могильник на три части.

Этим фактом убедительно подтверждается предположение о трехчастности некрополя.

Следующая серия таблиц (корреляционно-стратиграфических) посвящена выяснению причин, обусловивших наличие поярусных локальных группировок погребений, и установлению их относительной хронологии.

Разновременность отдельных группировок погребений, относящихся к одному и тому же ярусу, будет доказана, если удастся установить, что тот порядок, в котором по горизонтальной оси корреляционных таблиц перечисляются формы аналогичных предметов внутри каждой из четырех основных категорий погребального инвентаря (пластинки из клыков кабана, украшения из створок раковин, костяные и каменные бусы), представляет эволюционно-хронологический ряд.

Каждая из корреляционно-стратиграфических таблиц посвящена анализу одной из стратиграфически связанных групп погребений. В качестве примера приводим две таблицы — для группы А в центральной части (рис. 5) и для группы В в северной части (рис. 6).

Композиция таблиц несложна. Горизонтальная ось, по которой размещены типы инвентаря, повторяет горизонтальную ось корреляционных таблиц. Вертикальная ось построена согласно стратиграфическим наблюдениям, обоснованным в стратиграфических таблицах.

Таким образом, если на корреляционных таблицах прослеживались поярусно особенности трех частей могильника, то в корреляционно-стратиграфических таблицах различия выявляются не в горизонтальном, а в вертикальном направлении.

Корреляционно-стратиграфические таблицы достаточно определенно отвечают на поставленный вопрос, открывая в каждой категории погребального инвентаря хронологическую последовательность форм и типов предметов, совершенно совпадающую с той очередностью, в которой эти формы и типы перечислялись в горизонтальной оси корреляционных таблиц. Очень важно то обстоятельство, что эволюционно-хронологические линии развития предметов, прослеживаемые на разных таблицах, взаимно согласуются и подтверждают друг друга с одной особенностью: таблица центральной части (рис. 5) отражает наиболее ранний этап развития материальной культуры, таблицы северной части (рис. 6) характеризуют последующую фазу и, наконец, таблицы южной части рисуют заключительный этап.

Итак, из корреляционно-стратиграфических таблиц вытекает, что причина отличий инвентаря, разделяющих в каждом ярусе погребения либо на две (ярусы IV и III), либо на три (ярусы II и I) группировки, заключается в некоторой разновременности заполнения трех частей могильника и что погребения, составляющие одну группировку, связаны временной близостью.

Заключительную часть раздела о культурной стратиграфии Мариупольского могильника следует посвятить синтезу всех ранее сделанных наблюдений и установлению исторической стратиграфии памятника. С этой целью необходимо свести выделенные в каждом ярусе локальные группировки погребений в общие для всего могильника культурно-хронологические комплексы, а последние расположить в порядке их последовательности.

Попытка решения такой задачи предлагается на таблице «Культурно-хронологические комплексы Мариупольского могильника» (рис. 7).

Исходным положением при ее построении явилось утверждение, что набор вещей в последовательно совершенных захоронениях закономерно отражает ту эволюционную линию развития инвентаря, которая была

установлена при посредстве корреляционно-стратиграфических таблиц. Что же касается методики сведения группировок погребений в культурно-хронологические комплексы и расположения их по хронологической вертикали, то автор руководствовался следующими принципами:

а) основным хронологическим признаком служит та последовательность категорий погребального инвентаря (раньше всего появляются украшения из раковин и позже всего — каменные бусы), а внутри них — та очередность типов и форм предметов, которые уже были определены;

б) стратиграфическим положением яруса погребений в определенной части могильника относительно других ярусов погребений в этой же части (погребения нижнего яруса в каждой части могильника совершены раньше перекрывавших их захоронений следующего яруса);

в) наблюдениями над материалом изделий (появление предметов из привозных или редких материалов, как и повторение распространенных типов изделий в новом материале, служит признаком относительно поздних погребений);

г) появлением развития погребального инвентаря не только в качественных изменениях — в возникновении новых разновидностей украшений, но и в увеличении числа вещей, сопровождавших покойника. К этому следует также добавить, что в поздних погребениях типологически ранние предметы встречались наряду с типологически поздними, а количество покойников без вещей значительно уменьшилось.

Композиция рассматриваемой таблицы (рис. 7) не требует особых пояснений. По ее горизонтальной оси в хронологическом порядке слева направо размещены как четыре категории специфического погребального инвентаря, так и последовательно формы в пределах каждой категории. По вертикальной оси снизу вверх располагаются следующие хронологически друг за другом группировки погребений.

В результате таблица выявляет в составе Мариупольского могильника семь культурно-хронологических комплексов среди «вытянутых» захоронений.

1-й комплекс (погребения яруса IV центральной части). Большинство погребений было ориентировано на запад и засыпано лёссом. Инвентарь крайне беден и исчерпывается створками раковин без сверлин и ожерельями из зубов животных.

2-й комплекс (погребения яруса III центральной части). На запад и восток ориентировано равное число погребений, преобладающая часть которых была засыпана лёссом. Широко представлен типичный в целом для могильника инвентарь при отсутствии поздних типов. В погребении CIV (детском) — кристалл горного хрусталя.

3-й комплекс (погребения яруса IV северной части). Преобладают западная ориентировка и красная засыпь погребений. Появляются новые формы предметов: перламутровая пронизка-сегмент, орнаментированная пластинка типа А — В, грушевидная костяная бусина. В погребении CIX (захоронение женщины с ребенком) — порфиритовая подвеска, в погребении CI (детском?) — вырезанная из костяной пластинки фигурка животного.

4-й комплекс (погребения ярусов II и I центральной части). Большинство погребений было ориентировано на запад и засыпано «красной глиной». Появляются поздние формы изделий: пластинка, переходная от типа А — В к типу Г, и большая шаровидная костяная бусина. Впервые найдены каменные бусы (по размеру большие). В погребении LI (ярус II) — порфиритовый клин, в погребении XXVII (ярус I) — пластинки типа А — В, изготовленные из мрамора.

5-й комплекс (погребения яруса III северной части). Появляются еще более поздние типы украшений: неорнаментированная пластинка типа Г и пластинка, комбинирующая особенности типов А — В и Г. В погребении LXIV — костяная подвеска, воспроизводящая зуб животного, в погребении LXXV — подвеска из белого мрамора.

6-й комплекс (погребения ярусов II и I северной части). Наряду с появлением самых поздних разновидностей украшений (орнаментированная пластинка типа Г, малая цилиндрическая каменная бусина) широко повторяются все предшествующие формы. В погребении LXXVII (ярус II) — пластинки типа А — В, изготовленные из перламутра; среди костей разрушенных погребений XC — XCVI (ярус II) — такая же перламутровая пластинка и кружок из «черного» камня со сверлиной. В погребении XXXI (ярус II) — порфиритовое навершие булавы крестовидного типа.

7-й комплекс (погребения ярусов II и I южной части). В засыпи погребений господствующее положение занимает «красная глина» одной консистенции. В инвентаре встречаются все формы типичных изделий, появившиеся в захоронениях за время существования могильника, кроме переходных форм пластинок. В погребении VIII (ярус I) найдены навершие булавы также крестовидного типа и фрагментированная костяная пластинка, изображающая фигурку животного, а в погребении L — небольшой отшлифованный клин из зеленого порфирита.

Перечисленные культурно-хронологические комплексы могут быть обобщены в четыре культурно-исторических этапа, каждый из которых пережиточно, со значительным запаздыванием и далеко не равномерно, но все же достаточно выразительно отражает определенный момент бытия культуры населения, оставившего могильник.

1-й этап (1-й комплекс) — «примитивный», бедный подстилающий «культурный слой», в котором отсутствует инвентарь, столь типичный для всего Мариупольского могильника. Он, очевидно, пережиточно характеризует ту раннеолитическую рыболовецко-охотничье-собираТЕЛЬскую культуру Надпорожья — Приазовья, в недрах которой, в результате определенного пути развития одного из родоплеменных массивов степного днепровского Левобережья, складывалась культура нового типа.

2-й этап (2 и 3-й комплексы) — индивидуальная материальная культура могильника, широко представленная основными формами изделий при отсутствии поздних типов. Внезапное появление в погребениях твердо установившихся форм украшений свидетельствует о том, что эти предметы были включены в погребальный набор после их длительного типологического развития и бытового употребления. Таким образом, в данном случае находки в захоронениях не отражают начальной эволюции форм, захватывая только заключительную часть процесса развития инвентаря. Обнаруженные в захоронениях этого времени предметы характеризуют тот набор орудий и украшений, который был типичным для культуры всего памятника в целом и обуславливался в конечном счете ведущими тенденциями развития общественного хозяйства у населения Приазовья, а именно — древнейшего скотоводства.

3-й этап (4 и 5-й комплексы) и 4-й этап (6 и 7-й комплексы) отражают эволюционное развитие инвентаря и все более расширяющиеся внешние, меновые связи мариупольцев, говорящие, как и ряд других фактов, о дальнейшем прогрессе производства и постепенных изменениях в социальной организации коллектива.

Непосредственно вслед за погребениями 4-го этапа, отделяя от них промежуток времени, не большим, чем 50—100 лет, следует поставить

так называемые поздние захоронения (XXI, XXIV, «погребение с медными браслетами»), принадлежавшие тому же населению, что и могильник, и датирующие момент коренных изменений в обряде погребений.

5. ОРИЕНТИРОВКА И ОБРЯД «ОКРАШИВАНИЯ» ПОГРЕБЕНИЙ

Одной из примечательных особенностей Мариупольского могильника является строгая ориентировка его захоронений в две противоположные стороны — запад или восток. Определение половой принадлежности скелетов не было произведено специалистами-антропологами, но, по замечанию Н. Е. Макаренко (стр. 15, 16), из четырех костяков, пол которых был им установлен, два женских (погребения LVI и CIX) были обращены на запад, а два мужских (погребения XX, XLIX) — на восток.

Предположение Н. Е. Макаренко о том, что погребения, в зависимости от пола умершего, ориентировались либо на запад (женские), либо на восток (мужские), подтверждается наблюдениями над распределением части инвентаря¹, ориентировкой совместных погребений взрослых и детей² и другими деталями.

Однако, если не принимать во внимание сложность, а иногда и противоречивость правил первобытного погребального культа, то один факт может стать основанием для возражения Н. Е. Макаренко: два ориентированных на запад скелета сопровождался мужским инвентарем (погребение XXXI — навершием булавы и погребение LI — двумя каменными топорами) и, наоборот, два захоронения (XLIV и LXXIV), которые по положению украшений наиболее вероятно признать женскими, лежали черепами на восток.

Нам представляется, что отмеченное явление отнюдь не достаточно для полного отрицания точки зрения Н. Е. Макаренко. Она кажется наиболее правдоподобной и подкрепляется рядом аргументов, но требует своего изучения с привлечением этнографических параллелей (обряд «превращения пола», так обстоятельно освещенный в дореволюционной русской и советской этнографической литературе, и отдельные этапы его осуществления, женское шаманство и т. п.). Если же исходить из гипотезы Н. Е. Макаренко, то окажется, что в Мариупольском могильнике женских захоронений (66) было значительно больше, чем мужских (41).

Такая, на первый взгляд, диспропорция не покажется невероятной, если принять во внимание общественное значение древнего могильника, как социального института.

Мариупольский могильник был родовым или родо-племенным кладбищем. В условиях первобытно-общинного строя, как это было выяснено Ф. Энгельсом³ и Л. Г. Морганом⁴ и подтверждено последующими работами этнографов, «общее место погребения» являлось одним из наиболее

¹ Специфические «мужские» наборы кремневых орудий труда были встречены в ориентированных на восток захоронениях XVII (режущие лезвия, повидимому, остроги, составленные из вкладышей), LXXXIV (очевидно, погребение мастера, изготовлявшего кремневые орудия), CXXXIII (обломок кремневого наконечника дротика или стрелы).

² Западной ориентировкой характеризуются те погребения, которые, бесспорно, сопровождался детскими захоронениями (погребения L, LXXXV) и, очевидно, являлись женскими.

³ Ф. Э н г е л ь с. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1951, стр. 102, 125.

⁴ Л. Г. М о р г а н. Древнее общество. Л., 1934, стр. 50, 165.

важных признаков рода. На таком кладбище хоронились умершие члены только данного рода, а выходцы из другого рода (при матрилинейном браке — мужа и при патрилинейном — жены) в случае тяжелой болезни или смерти обычно должны были доставляться в тот род, из которого они происходили. Очевидно, что последнее очень часто было практически неосуществимо, а поэтому при матрилокальном браке родовые кладбища должны содержать больше женских захоронений, чем мужских, а при патрилокальном — наоборот.

Если погребения с западной ориентировкой принадлежали женщинам, то их численное преобладание указывает на существование матрилинейного брака. О некоторых матриархальных чертах в общественных представлениях неолитического населения Приазовья говорят и такие явления, как наличие в некрополе совместных погребений взрослых, повидимому женщин, с детьми и относительное богатство вещами многих захоронений, которые рассматриваются нами как женские. В этой же связи значительный интерес представляет тот факт, что в могильнике булава появляется сначала, очевидно, в женском погребении (XXXI), а в дальнейшем встречается только в захоронениях, ориентированных на восток (VIII, XXIV).

Но в то же время, учитывая характер заключительных погребений могильника (XXIV и, особенно, двойное погребение XXI), приходится отметить, что матриархальный уклад у населения постепенно изживался и в его недрах развивались новые элементы патриархальной организации общества и складывались связанные с ней обряды, обычаи и представления. В этом отношении показательно, что особенно велико преобладание числа предположительно женских погребений над предположительно мужскими в древнейшем (1-м) комплексе захоронений (соотношение 7 : 2), в то время как «вытянутые» погребения, в которых проявляются признаки новой погребальной обрядности (погребения LIII и LV), как и заключительные захоронения в каменных ящиках, характеризуются восточной ориентировкой.

Анализ Мариупольского могильника указывает на некоторую тенденцию возрастания числа предположительно мужских захоронений, показывая, повидимому, что с течением времени все больше мужчин оставалось в своем роде. Вероятно, именно распространение патрилокального брака, вызванного к жизни все более возрастающим значением скотоводства в хозяйственной деятельности населения, и отвечающего ему ритуала привело в конечном счете к разрыву со старой погребальной традицией и оставлению древнего, существовавшего в течение длительного времени могильника.

Засыпь погребений Мариупольского могильника по цвету и составу делится на следующие группы:

1) засыпь из «обычной» (по терминологии Н. Е. Макаренко) «красной глины» (44 погребения);

2) засыпь из «красной глины» более интенсивного цвета при некоторой вариации оттенков (8 погребений);

3) засыпь из материкового лёсса (31 погребение);

4) засыпь из серовато-желтой глины, т. е. из смеси лёсса с черноземом (6 погребений);

5) засыпь из чернозема (3 погребения).

Если проследить изменения в характере засыпи погребений, принадлежавших к четырем последовательным этапам развития культуры некрополя, то тем самым мы выясним, как обряд «окрашивания» распространялся все более широко и постепенно становился господствующим.

Приводим описание засыпи захоронений по четырем историческим этапам, выделенным на основании культурно-стратиграфического анализа памятника.

1-й этап. Преобладает засыпь погребений лёссом (4 случая); одно погребение было покрыто обычной «красной глиной» и одно — «красной глиной» более интенсивного цвета. В лёссовой засыпи двух погребений — комки «красной глины».

2-й этап. Попрежнему преобладает засыпь, состоящая из лёсса (9 случаев). Четыре погребения были засыпаны глиной интенсивно-красного и три погребения — глиной обычного красного цвета. Засыпь одного захоронения была смешанной — лёссово-красной.

3-й этап. Большинство погребений было засыпано «красной глиной» обычного цвета (18 случаев). Глиной интенсивно-красного цвета покрыто 1 погребение, лёссом — 7, лёссом, смешанным с гумусом, — 5 захоронений.

4-й этап. Господствующее положение в засыпи принадлежит обычной «красной глине». Увеличение числа «окрашенных» погребений выражается следующим соотношением: обычной «красной глиной» были засыпаны 23—25 погребений, «красной глиной» более интенсивного цвета 2 погребения, лёссом — 11, лёссом, смешанным с гумусом, — 1 и гумусом — 2 погребения.

Приведенные данные позволяют выявить два параллельно идущих процесса: во-первых, переход от преобладания лёссовой засыпи к широкому применению «красной глины» и, во-вторых, стабилизацию состава красной засыпи погребений (для их «окрашивания» в течение 3-го и 4-го этапов употреблялась почти исключительно «красная глина» обычного цвета; другие варианты красной засыпи — более интенсивного и пурпурового цветов — встречаются редко).

Проявляющаяся при этом тенденция перехода от первоначального эпизодического «окрашивания» к постоянному, как неотъемлемому новому признаку обрядности, позволяет отнести Мариупольский могильник к переходному времени от эпохи камня к эпохе древнего металла по аналогии с другими памятниками Левобережной Украины.

Говоря о засыпи могильника, уместно кратко остановиться на целой серии сделанных там случайных находок: пластинок из клыков кабана, украшений из створок раковин и костяных бус, трапеций со струганой спинкой, наконечника стрелы и других кремневых орудий, фрагмента нижней части небольшого плоскодонного сосуда с гребенчатой орнаментацией и др. Все эти вещи, большая часть которых, по видимому, является остатками посмертных приношений, на основании прямых или косвенных аналогий связываются с инвентарем захоронений и поэтому могут быть привлечены для характеристики археологической культуры Приазовья этого времени. Особенно интересен тот факт, что среди случайных, по словам Н. Е. Макаренко, находок из засыпи в большом числе встречены пластинки из клыков кабана наиболее поздней формы — типа Г (3 целых, 23 фрагментированных и 20 обломков), изредка сопровождавшие «вытянутые» захоронения; напротив, часто находившиеся в большом количестве при скелетах пластинки более ранних типов здесь были представлены единицами (3 пластинки типа А — В), либо вообще отсутствовали (простейший в типологическом отношении тип Б).

Отмеченная особенность, вероятно, указывает на то, что набор вещей, полагавшихся погребенным в момент захоронения, носил в некоторой степени пережиточный характер, а в быту в это же время более распространенными были вновь возникшие формы.

8. МАРИУПОЛЬСКИЙ МОГИЛЬНИК КАК ПОГРЕБАЛЬНОЕ СООРУЖЕНИЕ

Определенная, довольно правильная форма мариупольской могильной траншеи, как и относительно хорошая сохранность большинства неглубоко лежащих погребений и покрывающей их засыпи, заставляет допустить мысль о существовании в прошлом какого-то сооружения, предохранявшего захоронения от разрушения и архитектурно оформлявшего могильник.

Однако при раскопках Мариупольского могильника Н. Е. Макаренко не были установлены какие бы то ни было следы конструкций.

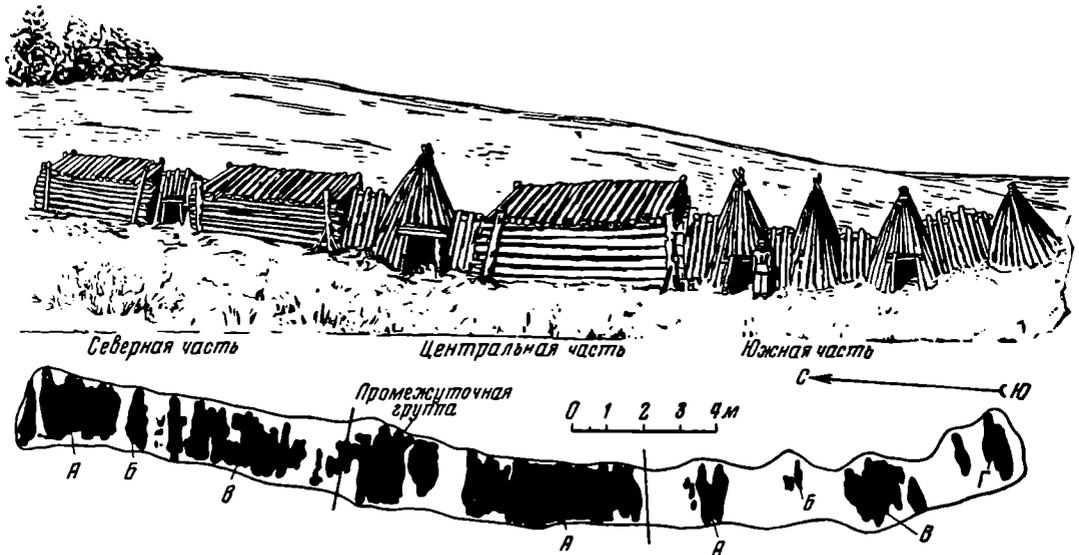

Рис. 8. Реконструкция внешнего вида Мариупольского могильника.
(Внизу, на плане некрополя, показано расположение группы погребений).

Реконструкция внешнего вида некрополя как деревянного сооружения, которая дается нами (рис. 8), носит предположительный характер и основывается на форме траншей и некоторых археологических аналогиях. Боковые стенки такого сооружения образовывались горизонтально положенными друг на друга бревнами, ориентированными параллельно длинным сторонам канавы, по обеим сторонам от нее. Показательно, что форма, которая характеризует северную и центральную части Мариупольского могильника, узкая, желобчатая траншея, ориентированная строго по оси, бытует в течение длительного времени и широко встречается в земляночных и полужемляночных жилищах неолитического периода, эпохи бронзы и раннего железа и даже верхнего палеолита. Особенно интересны в этом отношении канавообразное жилище трипольского поселения Лука-Врублевцевка¹ и близкая к нему по своему устройству «жилая впадина», исследованная на Концегорском селище в Прикамье².

План южной части могильника, отличающийся существенными особенностями от двух других секций, может быть сопоставлен с планами некоторых жилых комплексов, состоящих из нескольких небольших по-

¹ С. Н. Библиков. Жилища раннеземледельческого поселения в Луке-Врублевцевкой на Днестре. КСИИМК, XXXV, 1950, стр. 74—84.

² А. В. Збруева. Коллективное жилище в Прикамье. ВДИ, 1940, № 2, стр. 200—204.

мещений, расположенных по одной оси и соединенных узкими переходами: таковы жилища на Астраханцевской¹ и Луговской² стоянках в Прикамье; в обоих случаях были обнаружены остатки обгоревших стен в виде горизонтально уложенных бревен.

Приведенное сравнение предполагаемой реконструкции Мариупольского могильника с серией разновременных древних жилищ, изученных на обширной территории, не следует понимать в смысле генетического родства и преемственности названных памятников. Их конструктивная близость связана с широким распространением и длительным использованием простейших приемов строительства, а также и с тем обстоятельством, что как Мариупольский могильник, прототипом которого, вероятно, был «большой дом», так и упомянутые жилые постройки были созданы одной и той же социальной организацией (родовым обществом) и отразили в своей структуре в самой общей форме однотипные социальные отношения.

Бревенчатое сооружение, которое мы предположительно реконструировали в северной и центральной частях, очевидно, не распространялось на южную часть могильника. На этом участке траншея состояла из нескольких овальных углублений, заполненных погребениями и соединенных между собой узкой канавой. По предположению В. Н. Даниленко, над совершенными здесь захоронениями сооружались легкие двускатные шатровые конструкции.

Это предположение подкрепляется погребением, открытым А. В. Бодянским в 1946 г. в восточной части Сурского острова (пункт III) в Надпорожье. В могиле, входившей в состав могильника древнеямных захоронений, засыпанный охрой скелет лежал на спине с согнутыми в коленях ногами (ориентировка — западная), а на дне ямы прослеживались наклоненные к ее центру ямки — следы сооружения, подобного шатру. То, что шалашевидная конструкция в эпоху неолита и раннего металла была известна как одна из древнейших форм жилища, подтверждается остатками таких жилищ, прослеженных при раскопках как в Надпорожье³, так и в других областях СССР.

Вопрос о шатровых сооружениях (шалашах) в южной части Мариупольского могильника приобретает особый интерес в связи с открытиями «погребений в шалашах» в районе г. Элисты⁴, обычно синхронизируемых с древнеямными захоронениями. Кроме того, при изучении подкурганых погребений степной полосы было установлено, что в некоторых случаях над колодцем, ведущим в могилу, находился бревенчатый шатер, прикрытый камышом, хворостом и соломой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Кратко изложенные в статье результаты культурно-стратиграфического анализа Мариупольского могильника не являются самоцелью, а служат отправными положениями при дальнейшем изучении этого яркого

¹ Н. А. Прокошев. Жилища эпохи бронзы в Пермском Прикамье. КСИИМК, II, 1939, стр. 19—21.

² А. В. Збруева. Камская экспедиция в 1946 г. КСИИМК, XX, 1948, стр. 50—54; е е ж е. Камская экспедиция. КСИИМК, XXVI, 1949, стр. 40—42.

³ В. М. Даниленко. До питання про ранній неоліт Південної Наддніпряни. «Археологія», III, Київ, 1950, стр. 123—126.

⁴ ИГАИМК, вып. 100, стр. 203—209. Заметим, что И. В. Сившцын относит эти захоронения к более позднему времени (см. его статью «Памятники предкипфской эпохи в степях Нижнего Поволжья». СА, X, 1948, стр. 159).

археологического комплекса, осмыслении его исторического места и постановке вопроса о хозяйстве населения надпорожско-приазовской неолитической культуры.

Исследование Мариупольского могильника в этом аспекте приводит к выводу, что он относится к своеобразной этно-археологической культуре, оставленной одним из массивов древнего населения степного юга Европейской части СССР. Известные сейчас и уже достаточно многочисленные, но, к сожалению, в подавляющем большинстве еще не изданные памятники этой культуры размещаются на берегах Днепра, в Надпорожье и в Приазовье. Поэтому по своему территориальному распространению культура может быть названа *надпорожско-приазовской*.

К числу наиболее замечательных памятников надпорожско-приазовской культуры принадлежит целая серия коллективных могильников с обрядностью, структурой и частично инвентарем, очень близкими к наблюдаемым в Мариупольском могильнике. Как и последний, все они были *траншейными*, но отличались друг от друга деталями своего устройства и некоторыми особенностями. Эти могильники предположительно можно расчленить на три временные группы, а на основании параллелей в инвентаре неолитических стоянок той же области их следует приурочить к средней и поздней фазам надпорожско-приазовского неолита.

Что же касается собственно Мариупольского могильника, то он охватывает отрезок времени от рубежа среднего и позднего неолита до перехода к эпохе древнейшего металла в Левобережье и датируется непосредственно некоторыми переднеазиатскими аналогиями и косвенно — через связи надпорожских стоянок с поселениями трипольской культуры — последними тремя столетиями III тысячелетия до н. э., а его заключительные захоронения, возможно, захватывают первые десятилетия II тысячелетия до н. э.

Такая абсолютная датировка Мариупольского могильника по-новому ставит вопрос о взаимоотношении во времени наиболее поздних траншейных могильников и древнейших погребений под курганными насыпями (так наз. ямных захоронений). Уже сейчас можно утверждать, подкрепив это утверждение некоторыми параллелями, что Мариупольский могильник и синхронные ему аналогичные некрополи не предшествовали всей древнейшей культуре в целом, а существовали одновременно, по крайней мере с самыми ранними группами этих захоронений, локализуемыми, повидимому, главным образом в более восточной части южно-русских степей. Следует также отметить, что некоторые традиции культуры траншейных могильников Надпорожья—Приазовья (вытянутое положение покойников и др.) продолжают проявляться в катакомбных захоронениях этой же территории (так наз. никопольский вариант катакомбной культуры).

Разгадку временного параллелизма поздних траншейных некрополей и древнейших ямных погребений, как нам представляется, надо искать в локальных особенностях сложного, проявляющегося в индивидуальных формах и не совсем одновременного в разных районах Днепро-Волжского междуречья процесса сложения и развития древнейшего производящего хозяйства в степях юга Европейской части СССР.

При попытке восстановить картину хозяйственной деятельности творцов Мариупольского некрополя оказывается, что они были в большей степени первобытными скотоводами, нежели рыбаками и охотниками. Примерно такой же характер общественное производство имело во всей области надпорожско-приазовской неолитической культуры, где, как показывают новые определения добытого при раскопках фаунистического ма-

териала (работы И. Г. Пидопличко), проявление скотоводческих начал в хозяйстве относится в одном случае (Приазовье) к самому началу неолита, а в другом (Надпорожье) — к переходной поре от ранней к средней фазе неолита.

Прогресс неолитического хозяйства населения Надпорожья — Приазовья в этом направлении и успешное эволюционное развитие его производящей отрасли, которая приобретала все большее и большее значение, и послужили в конечном счете теми основными причинами, которые, по видимому, обусловили обособление надпорожско-приазовской культуры от других культур левобережной степи (например, от донецкой культуры), вызвали к жизни такие специфические памятники, как коллективные могильники траншейного типа, а в дальнейшем привели к их замене индивидуальными захоронениями нового ритуала.

Скотоводческая специализация хозяйства этой культуры дает ключ к пониманию географического размещения ее памятников. Все коллективные могильники и связанные с ними стоянки расположены на юго-западной периферии Днепро-Волжского междуречья, где до сих пор зимний климат сохранил значительную мягкость и где в прошлом условия природной среды были особенно благоприятными для становления только накапливавшего первый опыт скотоводства.

Наконец, заключение о раннем появлении домашних животных в районе Надпорожья — Приазовья позволяет, с привлечением богатых мезолитических материалов Крымского полуострова, гипотетически поставить вопрос об одном из центров одомашнения свиньи и конкретном содержании этого процесса.

Очевидно, что все затронутые в заключении проблемы требуют специального рассмотрения и обоснования. Это автор надеется сделать в последующих статьях, подготовляемых им сейчас к печати.

Н. Л. ЧЛЕНОВА

О КУЛЬТУРАХ БРОНЗОВОЙ ЭПОХИ
ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В музеях Сибири и в Москве имеется довольно большое количество материала из лесостепных и степных районов Западной Сибири, относящегося к бронзовой эпохе (рис. 1). Материал этот большей частью подъемный. Однако изучение западных районов андроновской культуры и последние раскопки М. П. Грязнова на Оби, выше Новосибирска, позволяют довольно точно датировать и классифицировать его. Материал этот распадается достаточно четко на две группы.

К первой группе относится нижний, андроновский слой Омской стоянки. Стоянка эта расположена на левом берегу Иртыша, против г. Омска, у парома. Местоположение и краткая история исследования этой стоянки до 1945 г. освещены В. Н. Чернецовым¹. На этой стоянке производились главным образом сборы материала. Раскопки велись только в 1927 г. Е. Н. Липеровской и В. П. Левашевой. В 1948—1949 гг. на стоянке производили сборы директор Омского краеведческого музея А. Ф. Палашенков и С. Р. Лаптев, в 1950 г. — ученики 15-й школы г. Омска Г. Рыжих и В. Молостов.

В 1953 г. автором настоящей статьи совместно с С. В. Зотовой произведена зачистка берега примерно в 50 м ниже парома. Зачистка выявила культурный слой мощностью 1,5 м. В обресе хорошо видны два очага, предстланные слоями золы с углем мощностью 6—10 см и длиной около 1 м. Очаги расположены один над другим, верхний — на глубине 0,8 м от современной поверхности, нижний — на глубине около 1,4 м. Находки в очагах дают возможность предполагать наличие в этом месте двуслойной стоянки. В верхнем очаге был найден черепок с отпечатками какой-то грубой ткани. В нижнем очаге были найдены несколько черепков от сосудов андроновской культуры и кремневый наконечник стрелы (рис. 2, 1), каких много известно из случайных находок на Омской стоянке. Нижний очаг лежит непосредственно на материке. Таким образом, по крайней мере в этой части стоянки, андроновский слой является древнейшим. Дату верхнего слоя установить пока не удастся; возможно, что этот слой позже андроновского.

Подъемный материал с Омской стоянки, относящийся к андроновской культуре, богат и разнообразен. Из бронзовых орудий следует отметить прежде всего 3 листовидных втульчатых наконечника стрел (рис. 3, 6—8).

---

¹ В. Н. Чернецов. Результаты археологической разведки в Омской области КСИИМК, XVII, 1947.

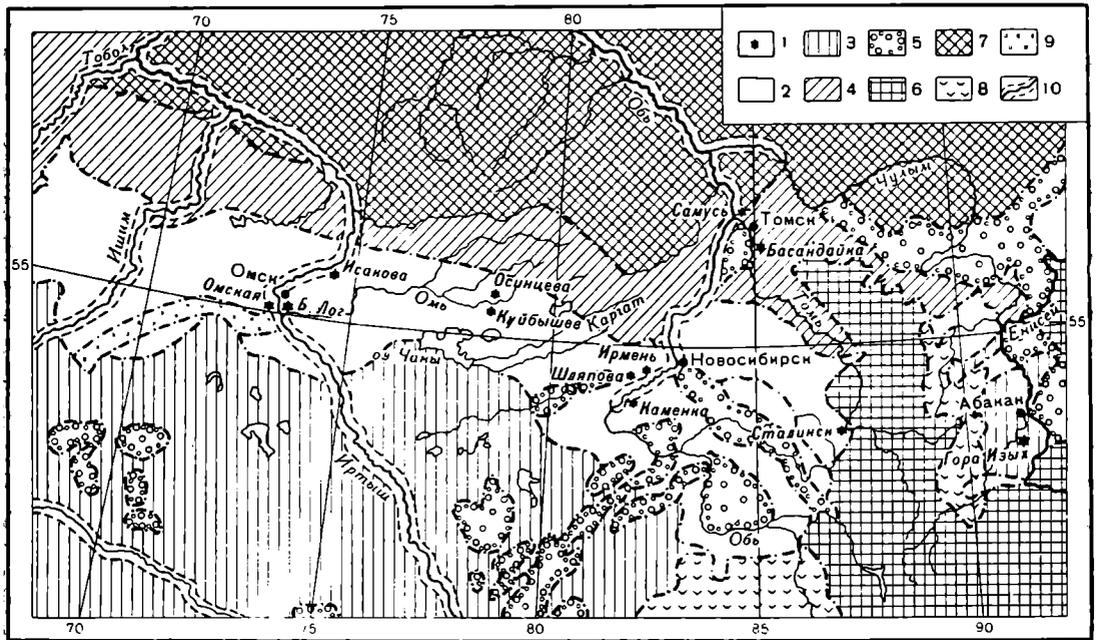

Рис. 1. Карта поселений бронзового века лесостепной зоны Западной Сибири.
 1 — стоянки; 2 — лесостепь; 3 — степь; 4 — осиново-березовые леса; 5 — сосновые леса; 6 — горные еловые и пихтовые леса; 7 — еловые леса; 8 — горные парноветные леса; 9 — луговая растительность разливов; 10 — растительность поймы рек.

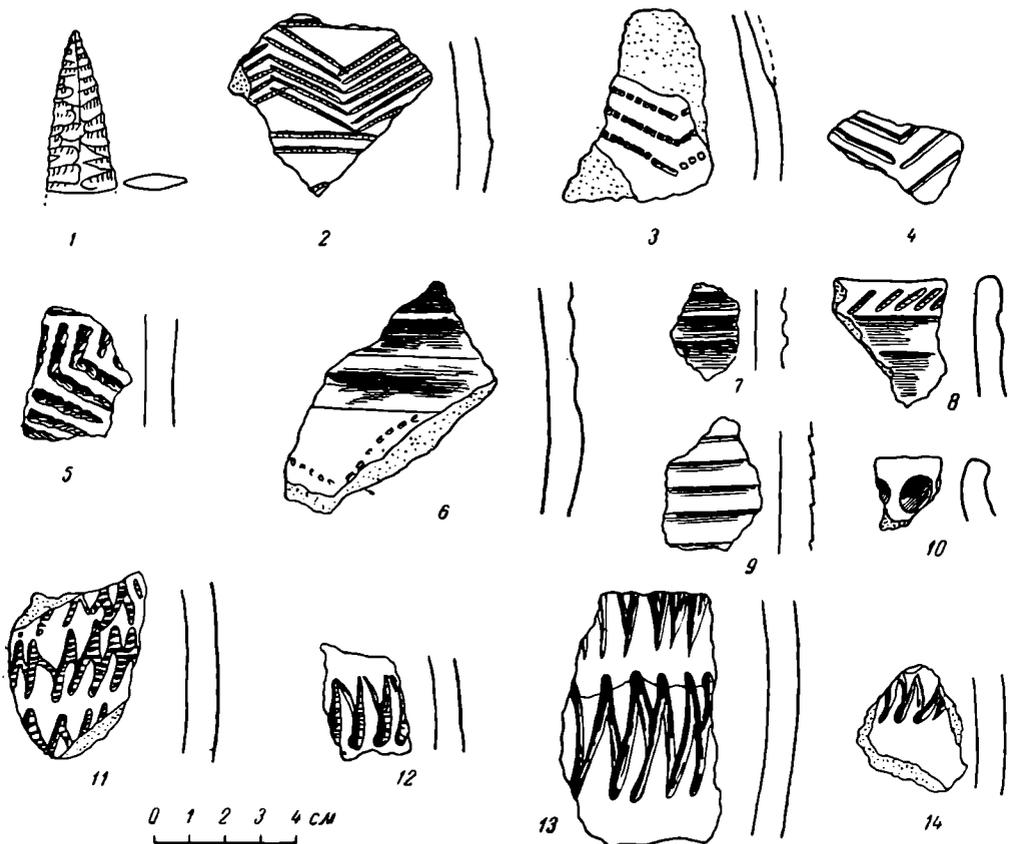

Рис. 2. Омская стоянка. Зачистка 1953 г.; предметы из нижнего очага (ГИМ).
 1 — кремневый наконечник стрелы; 2 — 14 — керамика.

Такие стрелы известны из раскопок Алексеевского поселения¹, Садчиковского поселения², Березовской стоянки³, андроновского кургана у дер. Сосновки⁴ и в Восточном Казахстане — в Малокрасноярке⁵. Они являются прямыми предшественниками архаических скифских стрел и датируются обычно предскифским временем, которое и может быть принято как поздняя дата Омской стоянки.

Кроме того, на Омской стоянке найдены косарь, подобный сосново-мазинским⁶, два простых листовидных ножичка с черенком (на одном из них сохранились следы дерева, возможно, от деревянной рукоятки), один сильно патинизированный предмет, — скорее всего, такой же ножичек, — и семь четырехгранных стержней — шильев, обломки шильев и две стамески (рис. 3, 2—5, 9—15). Из бронзовых украшений найдены обломок шестигранного в сечении кольца (видимо, браслета) и плоское кольцо (рис. 3, 16—17). Обнаружена также свернутая в кольцо проволока с завязанными концами, возможно, украшение (рис. 3, 18).

Помимо самих бронзовых вещей, на стоянке найдены льячка (рис. 3, 24), аналогичная льячке из Алексеевского поселения⁷ и ряд литейных форм. Последние были изготовлены из мягких пород камня — метаморфических глинистых сланцев⁸. Таковы комбинированная литейная форма для отливки долота и какого-то круглого стержня (рис. 3, 20), изготовленная из сланца форма для отливки четырехгранного шила (рис. 3, 21), форма для отливки двурогого втульчатого предмета, повидимому, двузубой вилки для доставания мяса из котла (рис. 3, 19). Литейная форма для отливки такого же предмета, только несколько крупнее, есть средиклада литейных форм из Кардашкинки⁹. Кроме того, найдено еще два маленьких обломка литейных форм, однако из-за их фрагментарности трудно установить, для отливки каких предметов они служили (рис. 3, 22, 23).

Наряду с формами для отливки бронзовых орудий, которые, несомненно, относятся к андроновскому слою, на стоянке найдены три формы для отливки украшений. Такие типы украшений до сих пор не были встречены, и поэтому датировка форм затруднительна. Повидимому, они относятся уже к более позднему времени. Из каменных орудий к андроновскому слою относятся кремневые треугольные наконечники стрел с черешком (обычные для андроновской культуры), а также с выемкой в основании, и полированный сверленный топор (рис. 3, 1).

Среди подъемного материала с Омской стоянки известно много ножевидных пластин и скребков, но их принадлежность к андроновскому слою пока не установлена; не исключена возможность, что в какой-нибудь части Омской стоянки есть и доандроновский слой.

Керамика нижнего слоя стоянки относится к андроновской культуре. Здесь встречаются «классические» андроновские орнаменты: меандры и

¹ О. А. Кривцова - Гракова. Алексеевское поселение и могильник ТГИМ, XVII, 1948, стр. 108, рис. 33, 1.

² О. А. Кривцова - Гракова. Садчиковское поселение. МИА, № 21, 1951, стр. 167, рис. 17, 2.

³ Сообщено К. В. Сальниковым.

⁴ Свердловский краеведческий музей, экспозиция. См. также К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, № 21, 1951, стр. 129, рис. 14, 11.

⁵ С. С. Черников. Отчет о работе Восточно-Казахстанской экспедиции в 1947 г. Изв. Академии наук Каз. ССР, археолог. серия, вып. 67, 1949, стр. 52, рис. 3.

⁶ В. В. Гольмстен. Серпы из Сосновой Мазы, ПИМК, 1953, № 5—6.

⁷ О. А. Кривцова - Гракова. Алексеевское поселение..., стр. 107, рис. 32, 1.

⁸ Определение произведено В. С. Трофимовым.

⁹ ГИМ, зал IV, витрина 6; A. Talligren. La Pontide Préscythique. ESA, II, табл. на стр. 153 (внизу).

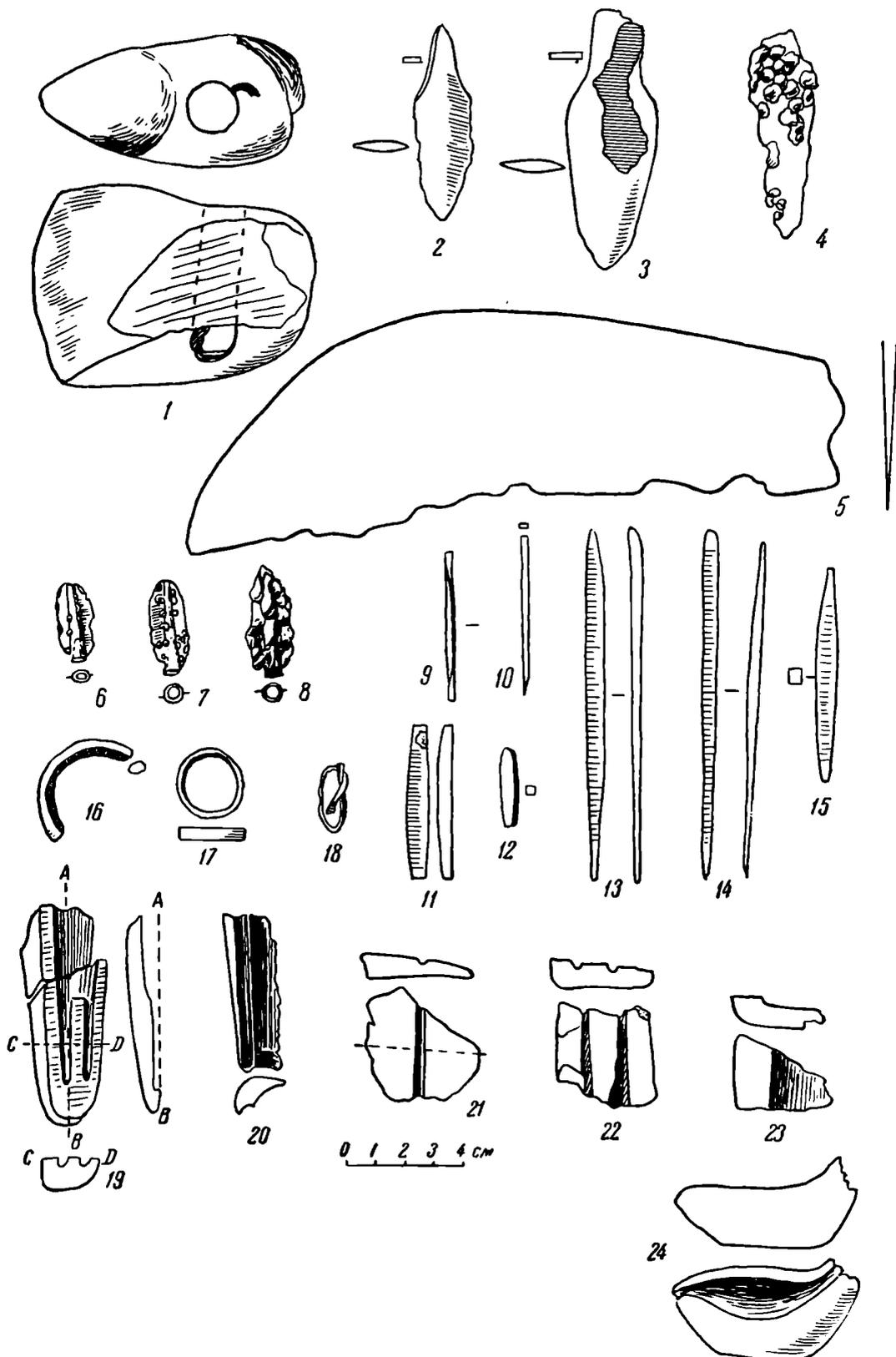

Рис. 3. Омская стоянка. Подъемный материал.

1 — полированный сверленный топор; 2 — 4 — ножи; — носарь; 6 — 8 — наконечники стрел; 9, 10, 13 — 15 — проволоки, шилья; 11, 12 — стамеска; 16 — обломок браслета; 17 — кольцо; 18 — свернутая проволока; 19 — 23 — литейные формы; 24 — льячка; 1, 19 — 23 — камень; 2 — 18 — бронза; 24 — глина (Омский краеведческий музей).

треугольники, нанесенные мелкозубчатой гребенкой (рис. 4, 1—4), нарезные зигзаги из параллельных линий (рис. 4, 2, 4), орнамент «елочка», нанесенный крупнозубчатым штампом (рис. 4, 6). Фрагменты принадлежат баночным и горшковидным сосудам андроновских форм, к числу которых относятся и черепки сосудов «с уступчиком» (рис. 4, 4, 5) поздней стадии андроновской культуры (по Сальникову, — алакульская стадия, XI—IX вв. до н. э., по Граковой, — позднеандроновская культура, X—VIII вв. до н. э.). Повидимому, к тому же, если не к еще более позднему времени, относится черепок, по венчику которого нанесены углубления пальцем (рис. 4, 8). В Приднепровье такая керамика датируется временем перехода от бронзы к железу.

Таким образом, керамика говорит о принадлежности Омской стоянки к позднеандроновской культуре, т. е. подтверждает вывод, сделанный на основании наконечников стрел предскифского типа.

На Омской стоянке совершенно отсутствует керамика замараевской стадии, и этот факт хотелось бы особо подчеркнуть. Повидимому, место замараевской керамики здесь занимает другая, характерная для городища Большой Лог и других стоянок лесостепной полосы, относящихся к еще более позднему времени (см. ниже). На Омской стоянке встречен один такой черепок (рис. 4, 7); этот тип керамики для нее еще не типичен, но уже появляется.

Характерной особенностью Омской стоянки является большое количество керамики с орнаментом «шагающая гребенка» (рис. 2, 11—14). По данным зачистки 1953 г., эта керамика относится к андроновскому слою. Обычно она в андроновской культуре не встречается или попадает в единичных случаях (Садчиковское поселение¹; окрестности Петропавловска, раскопки Аргентовского²). Для Омской же стоянки это был преобладающий орнамент; он наносился у верхнего края вдоль венчика, по стенкам у середины сосуда, полосой вдоль дна, сочетался с другими орнаментами. Наконец, встречается и «шагающая палочка» — орнамент, нанесенный тем же способом, что и «шагающая гребенка», но простым, не гребенчатым штампом (рис. 4, 10, 12).

«Шагающая гребенка» — орнамент, характерный для лесных районов. Большое количество подобной керамики на Омской стоянке, несомненно, говорит о сильном влиянии лесных культур.

Из других андроновских стоянок лесостепной полосы Западной Сибири известна еще стоянка Шляпова на р. Ирмени, притоке Оби, примерно в 60 км выше Новосибирска (раскопки М. П. Грязнова, 1952 г.). Интересно, что на этой стоянке также встречено два черепка типа городища Большой Лог (представлены на рис. 5, 3 и 9). Эти черепки найдены в андроновском слое. Нахождение такой керамики в двух андроновских стоянках — вряд ли случайное явление, оно знаменует возникновение нового типа керамики в андроновское время. Можно напомнить, что и в Садчиковке найден один такой черепок (рис. 5, 14)³, что еще раз подтверждает дату стоянок Шляповой и Омской.

К более позднему времени в лесостепной полосе Западной Сибири относятся поселения Большой Лог (нижний слой) на р. Оми, в 7 км выше Омска, Оспинцева и Каинск (ныне Куйбышев) — оба в Барабинской степи на р. Оми, Ирмень на р. Ирмени, недалеко от впадения ее в Обь, Каменка на

¹ О. А. Кривцова - Гракова. Садчиковское поселение, рис. 23, 3.

² С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае. МЭ, т. III, вып. 2, Л., 1927, табл. VII, рис. 21.

³ О. А. Кривцова - Гракова. Садчиковское поселение, стр. 169, рис. 18, 14.

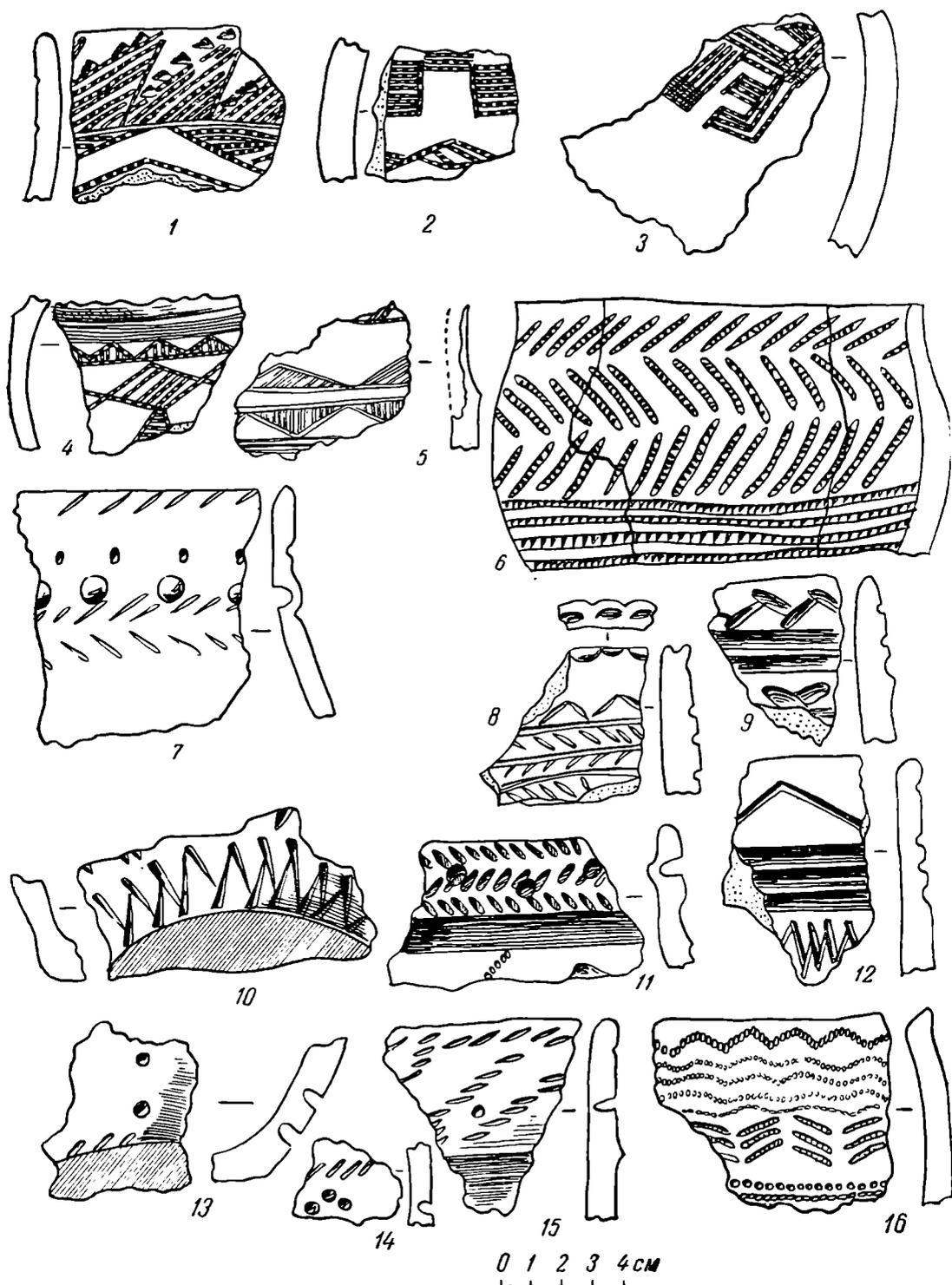

Рис. 4. Омская стоянка. Керамика. Подъемный материал (Омский краеведческий музей).

р. Каменке, притоке Оби, Самусь, Басандайка, Кузнецк (ныне Сталинск) — все на р. Томи, и находка у подножья горы Изых на Абакане (краткие сведения об этих поселениях и находках даны в приложении, стр. 56—57). Даже при беглом взгляде на керамику этих стоянок бросается в глаза ее полная однородность (рис. 5). Характернейший элемент орнамента этой керамики — выпуклости, выдавленные изнутри, — так называемый жемчужник. Обычно они располагаются в один ряд в верхней части сосуда. Однако иногда они составляют два и более рядов, например черепок из окрестностей Кузнецка (Сталинск; рис. 5, 8); встречаются они и в Барабинской степи. Эти выпуклости всегда сочетаются с орнаментом других видов — большей частью нарезным, но встречаются и ногтевой, и ямочный, и штамп. Из нарезного орнамента самый обычный — «сетка» (рис. 5, 1—4, 7), есть и заштрихованные треугольники (рис. 5, 1, 9, 10). Часто встречаются насечки, образующие елочку (рис. 5, 5, 6). Выпуклости обычно бывают разделены или круглыми ямками, или каплевидными насечками, или треугольным штампом с закругленной вершиной, что характерно для андроновской культуры. Реже встречается ногтевой защитной орнамент (рис. 7, 9). О форме сосудов придется говорить ниже, в связи с вопросом об ее происхождении.

Тесто большей частью хорошо промешано, примеси незначительны, попадает мелкий песок. Обжиг обычно хороший. Часто встречается лощение такого типа, как на андроновских и карасукских сосудах.

Эта керамика характерна для всех упомянутых поселений. Совершенно очевидно, что все они относятся к одной культуре. Материал с этих поселений большей частью известен по сборам или по раскопкам, о которых не сохранилось подробных сведений. Поэтому особую ценность приобретают раскопки М. П. Грязнова на поселении Ирмень I. Эти раскопки позволяют довольно точно датировать материал для всех остальных поселений концом бронзового века, предскифским временем. Некоторое значение для датировки может иметь и сопоставление этих поселений с поселениями первой группы — стоянками Омской и Шляповой. Мы видели, что материал Омской стоянки сильно отличается от материала других рассматриваемых стоянок. Возникает вопрос, хронологическое ли это различие или оно объясняется другими причинами, например локальными различиями, принадлежностью к другой этнической группе и т. п.

Омская стоянка расположена в непосредственной близости от поселения Большой Лэг (расстояние между ними 10—12 км по рекам, а по прямой — и того менее). Приблизительно на таком же расстоянии расположено поселение Шляпова от поселения Ирмень. Таким образом, поселения обоих типов находятся на одной территории. Различие двух групп поселений не может быть объяснено также расположением в разных природных зонах, ибо как те, так и другие поселения находятся в лесостепи. Следовательно, это не локальные различия.

Вопрос об этнических различиях сложнее, и на него трудно ответить столь же определенно. Однако если предположить этнические различия у обитателей этих поселений, то придется представить себе, что родственные группы не заселяли сплошную территорию, а жили на отдельных небольших островках, отделенных друг от друга сотнями километров и окруженных другими племенами. Эта возможность, конечно, не исключена абсолютно, но все-таки мало вероятна. К тому же, как увидим ниже, между керамикой обоих типов есть несомненная генетическая связь.

Гораздо естественнее предположить поэтому хронологические различия. Одна группа поселений (стоянки Омская и Шляпова), как мы уже говорили, бесспорно, относится к андроновской культуре. Керамика,

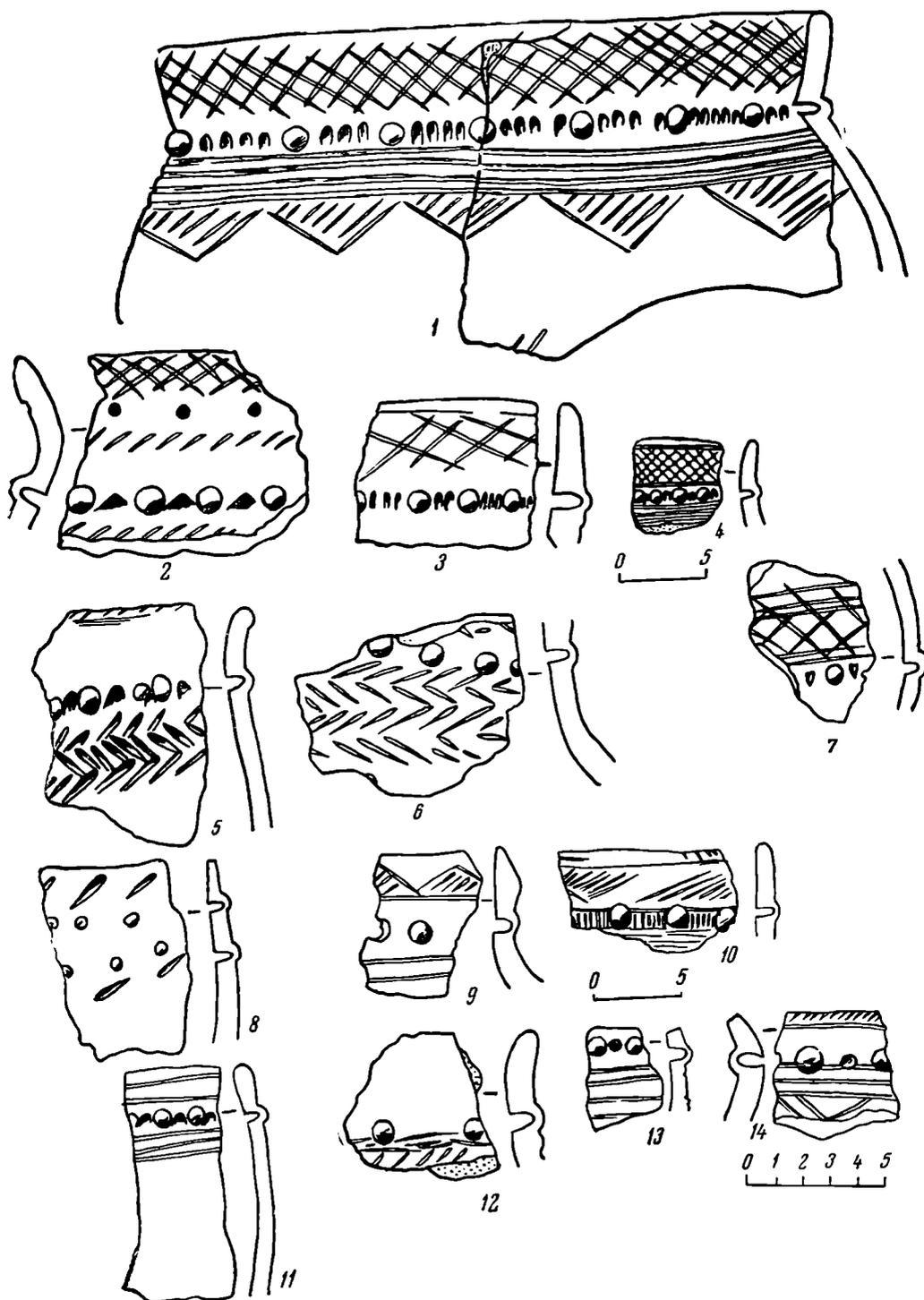

Рис. 5. Керамика ирменской культуры.

— Куйбышев; 2, 5, 12 — Большой Лог; 6 — Ирмень I; 4, 10 — Басандайка; 13 — Самусь;
8, 11 — Сталинск; 3, 9 — Шляпова 14 — Садчиковка.

характерная для поселений второго типа, сильно отличается от «классической» андроновской, а весь ее облик не позволяет относить ее к доандроновскому времени. Следовательно, вторая группа поселений должна быть позже первой. В то же время вторая группа поселений должна относиться еще к бронзовому веку. Об этом говорят бронзовые нож и шило с поселения Ирмень I и подобный же нож с Большого Лога (рис. 6). Ножи того же

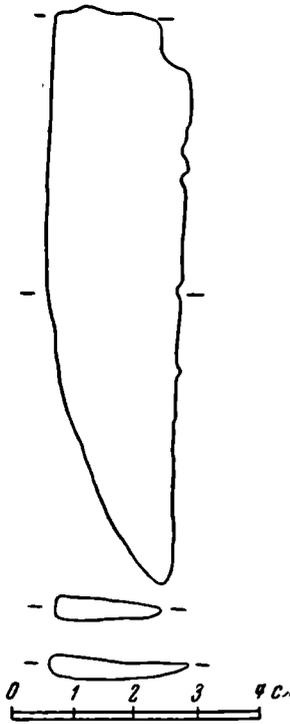

Рис. 6. Бронзовый нож из Большого Лога (сборы).

типа во множестве встречены в Томском могильнике на Большом Мысу. Этот могильник М. Н. Комарова, относит к большереченской культуре (VII—VI вв. до н. э.)¹. Однако керамика рассматриваемых нами стоянок, несомненно, старше большереченской, и эти поселения, повидимому, не моложе VIII в. до н. э. Первая же группа поселений немного старше этого времени; верхняя дата ее, вероятно, X в. до н. э. (относить верхнюю дату к более раннему времени не позволяют стрелы предскифского типа).

При разборе обоих типов поселений не было названо одно важное различие в их расположении, а именно то, что поселения первого типа (стоянки Омская и Шляпова) расположены на невысоких берегах (Омская — в современной пойме Иртыша), а поселения второго типа — на высоких мысах. На это обстоятельство применительно к Омской области указывал В. Н. Чернецов², но это относится и к поселениям других местностей (Ирмень, Каменка, Басандайка; о местоположении других поселений сведений нет). В. Н. Чернецовым сделан вывод о том, что в это время меняется климат в сторону большей влажности; прежние стоянки заливаются водой, и люди перебираются на более высокие места. Полностью соглашаясь с этим выводом, добавлю только, что, повидимому, это переселение происходило между X и VIII вв. до н. э.

Большинство современных географов считает, что географические зоны в последнее время постепенно сдвигаются к югу. В качестве одного из примеров как раз приводится смена степи лесостепью в Западной Сибири. Доказательством служат деградированные черноземы, которые образуются от черноземных почв при увлажнении климата, и осолоделые почвы, которые могли образоваться от солончаков при том же условии³. К сожалению, географы для датировки этого явления ссылаются на данные археологии.

Повидимому, уже в андроновское время Омская стоянка находилась в лесостепной зоне, что подтверждается лесными орнаментами, встречающимися на керамике из андроновского слоя (см. выше)⁴. Другая раз-

¹ М. Н. Комарова. Томский могильник. МИА, № 24, 1952, рис. 17, 20—23.

² В. Н. Чернецов, В. И. Мошинская. Городище Большой Лог. КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 86.

³ Л. С. Берг. Некоторые соображения о последнедевических изменениях климата и о лесостепи, «Вопросы географии», 1950, сб. 23, стр. 77, 78; е го же. Климат и жизнь, М., 1947, стр. 53, 54; К. К. Гедройц. Осолоднение почв. Л., 1926; е го же. Солонцы Л., 1928.

⁴ Среди подъемного материала с Омской стоянки лесных орнаментов довольно много, но пока не выяснено их отношение к андроновскому слою; поэтому речь идет только о «шагающей гребенке».

бираемая андроновская стоянка, стоянка Шляпова, таких «лесостепных» элементов не содержит, керамика ее не отличается от андроновской степной. Видимо, в этом районе в андроновское время еще была степь.

Судя по соотношению материалов Омской стоянки и стоянки Шляповой, смена степи лесостепью в Западной Сибири началась около X в. до н. э. или немного раньше.

С какой культурой может быть связан второй тип описываемых поселений? М. П. Грязнов и К. Э. Гриневиц считают эту культуру разновидностью карасукской¹.

Термин «карасукская культура» давно уже вызывает большие разногласия. Необходимо было бы условиться, что же следует понимать под карасукской культурой. Название это введено С. А. Теплоуховым² для культуры, открытой им в районе с. Батени, на речке Кара-сук, и впоследствии, благодаря работам Г. П. Сосновского, С. В. Киселева, В. П. Левашевой и других, было распространено на ряд других подобных же памятников Минусинской котловины. Для этой культуры характерны круглодонные бомбовидные сосуды, высота которых приблизительно равна наибольшему диаметру (иногда высота меньше этого диаметра и гораздо реже — больше диаметра), с прямой, обычно хорошо выраженной шейкой. Орнамент в подавляющем большинстве случаев нарезной, но встречается и ямочный. Нарезные линии тонкие, аккуратные. Мотивы орнаментов: заштрихованные треугольники, гораздо реже ромбы или квадраты, иногда каплевидные ямки, расположенные в шахматном порядке. Шейка часто отделяется от плеч одной или несколькими нарезными линиями, поверх которых иногда кое-где наносились ямки. Часто этим и ограничивался весь орнамент на сосуде. В некоторых случаях по шейке наносился ряд круглых ямок. Все это составляет наиболее характерные элементы орнамента, хотя встречаются и другие. Но теперь уже можно довольно точно сказать, каких орнаментов никогда не бывает на карасукских сосудах: меандров; выпуклостей, выдавленных изнутри («жемчужника»); треугольного штампа, точнее — оттиска угла плоской щепочки; «елочки», нарезной³ или нанесенной гребенчатым штампом. Гребенчатого штампа в обычном понимании этого слова вообще не встречается на карасукских сосудах. Карасукский «гребенчатый штамп» попадает чрезвычайно редко и отличается большим своеобразием⁴. Одним словом, на карасукских сосудах отсутствуют характернейшие андроновские орнаменты как ранних, так и поздней стадий.

Карасукская керамика отличается тщательностью отделки и обжига. Техника изготовления — выбивание из кома глины; стенки, как правило, тонкие и везде равномерной толщины. Край венчика сосуда всегда скруглен, горизонтально срезанный край совершенно не встречается.

Таковы особенности карасукской керамики. Ни форма, ни орнамент, ни техника изготовления не позволяют связывать ее с андроновской.

¹ М. П. Г р я з н о в. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. СА, XVI, 1952, стр. 161; сб. «Басандайка», Труды Томского гос. университета, т. 98, 1947, стр. 144—146, 147.

² С. А. Т е п л о у х о в. Ук. соч.

³ Единственный сосуд с орнаментом «елочка» найден в Аскызе. Большинство орнаментов этого могильника вообще не характерно для карасукской культуры; мотивы их андроновские, но совершенно своеобразное исполнение исключает генетическую связь с андроновской культурой. Это карасукский памятник, подвергшийся сильному андроновскому влиянию (см. И. П. К у з н е ц о в - К р а с н о я р с к и й. Отчет о раскопках, произведенных в Минусинском уезде Енисейской губернии в 1884 г. Томск, 1907, табл. III, рис 7).

⁴ Камышта. Раскопки А. Н. Липского, 1944 г. Отчет А. Н. Липского за 1945 г.

Также характерны карасукские бронзовые украшения — полусферовидные бляшки с петелькой на обратной стороне, двойные и тройные полусферовидные бляшки, лапчатые привески, широкие рубчатые браслеты, короткие «гвоздики» с крупными шляпками. Все эти вещи не встречаются среди андроновских украшений и не имеют с ними генетической связи. Для карасукских украшений характерно литье, для андроновских — штамповка из листка.

Андроновские украшения также не встречаются в карасукских погребениях. Ни в одном карасукском погребении не обнаружено излюбленное андроновское украшение — привески из зубов животных.

Карасукская культура характеризуется определенными, прекрасно выраженными, устойчивыми типами бронзовых орудий и оружия. Это коленчатые и хвостатые массивные ножи, известные каждому археологу, определенных типов кельты, кинжалы и «загадочные предметы», которые С. В. Киселев считает моделями бычьей упряжки.

Обряд погребения тоже характеризуется чрезвычайно определенными и устойчивыми чертами. Обычно это погребение на очень небольшой глубине (60—70 см), в каменном ящике из плит, поставленных на ребро, часто расширяющемся к голове. Покойники лежат вытянуто на спине, в громадном большинстве случаев головой на северо-восток или восток, андроновские же покойники лежат скорченно, головой на юго-запад и запад.

Подводя итоги, следует отметить, во-первых, отсутствие генетической связи карасукской культуры с андроновской и, во-вторых, ярко выраженный степной характер карасукской культуры, о чем говорят орнаментация, полное отсутствие в ней лесных и лесостепных элементов и полное отсутствие дерева в погребальных сооружениях.

Впоследствии термин «карасукская культура» был применен М. П. Грязновым к Алтаю, району Томска и даже к Центральному Казахстану. Уже так называемый «алтайский карасук» отличается от минусинского рядом таких черт, которые являются основными для карасукской культуры: сосуды плоскодонны и приближаются по форме к андроновским; бронзовые ножи — совершенно другого типа, чем карасукские минусинские; покойники лежат скорченно, головой на запад; никаких следов каменных ящиков нет¹. Орнаменты керамики отличаются от карасукских минусинских, но в общем сходство довольно значительно. Только на этом основании термин «карасукская культура» и распространен на алтайские памятники.

Но еще меньше сходства с карасукской культурой имеют памятники районов лесостепной зоны Западной Сибири, от Томска до Омска, не говоря уже о Центральном Казахстане.

На каком основании, например, поселение Басандайка считается карасукским? На основании того только, что некоторые элементы орнамента керамики с этого поселения имеют сходство с «алтайскими карасукскими».

М. П. Грязнов считает, что карасукской культуре присущи следующие элементы орнамента: налепные валики, выпуклости, выдавленные изнутри («жемчужник»), полосы с поперечной штриховкой, защитной орнамент (пальцем)². Некоторые из этих орнаментов встречаются на «алтайских карасукских» сосудах, но их нет на минусинских. Сходства с собственно карасукской культурой, минусинской, почти совершенно не осталось.

¹ М. П. Г р я з н о в. Древние культуры Алтая. Новосибирск, 1930; е г о ж е. Археологическое исследование территории одного древнего поселка. КСИИМК. XL, 1951, стр. 105—113.

² М. П. Г р я з н о в. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. СА, XVI, 1952, ст. 152.

Все это касается орнаментов. Если же обратиться к форме сосудов, то здесь различие с минусинскими сосудами полное. Не говоря уже о том, что сосуды в подавляющем большинстве плоскодонны, по форме они не имеют ничего общего с карасукскими, не только с минусинскими карасукскими, но и с алтайскими (рис. 7, 1, 4, 6, 7). Среди сосудов лесостепной полосы есть и круглодонные, но не всякий круглодонный сосуд должен считаться карасукским. Так, круглодонные сосуды с Ирмени I на карасукские похожи очень мало: прежде всего они имеют совершенно другие пропорции, высота их намного, почти вдвое, меньше наибольшего диаметра и дно также очень широкое¹. Это совсем не бомбовидные карасукские сосуды, а подобие низких плоск, не встречающихся среди карасукской керамики, но характерных (имеется в виду форма) для Томского могильника (Большой Мыс), Большой Речки и вообще лесных культур.

Наконец, есть еще сосуды третьей формы, действительно очень похожие на карасукские (рис. 7, 11, 12), и сосуды в Басандайке². Эти сосуды — несомненное следствие карасукского влияния, и этого отрицать нельзя. Но количество их незначительно, и считать на основании этих единичных находок всю керамику лесостепной зоны карасукской невозможно.

Бронзовые орудия — тоже совершенно других форм, судя по ножам с Ирмени и Большого Лога³.

Что же остается от понятия «карасукская культура»? Чрезвычайно мало. Алтайская культура имеет определенное сходство с минусинской, а томская и новосибирская — с алтайской (но не с минусинской!); в Центральном Казахстане наблюдается некоторое, очень незначительное, сходство с томской и новосибирской культурами (но не с минусинской и не с алтайской!). Поэтому все эти разнообразные культуры нельзя объединять в одну карасукскую культуру.

На всей громадной территории распространения андроновской культуры наблюдается сходство вещевого материала, между тем как памятники карасукской культуры Минусинской котловины не имеют такого близкого сходства с памятниками алтайскими и западносибирскими. Кроме того, в культуре лесостепной полосы от Томска до Омска четко прослеживается генетическая связь с андроновской культурой и наблюдаются элементы, характерные для памятников лесной полосы. Карасукская же культура Минусинской котловины не имеет генетической связи с андроновской культурой и не содержит лесных элементов.

О западном происхождении карасукской культуры Минусинской котловины говорить не приходится, так как она старше культуры лесостепной полосы Западной Сибири: культура лесостепной полосы содержит предскифские элементы, в карасукской же культуре эти элементы отсутствуют.

Карасукская культура и культура, синхронная ей в лесостепной полосе Западной Сибири, — это две разные культуры. Как же объяснить некоторое сходство этих двух культур, отмеченное выше? Для этого нет необходимости считать культуру лесостепной зоны карасукской. В самом деле, керамика одного из этапов шигирской культуры имеет большое

¹ К сожалению, сосуды с поселения Ирмень I не изданы. Фото см. в отчете М. П. Грязнова о работе Новосибирской экспедиции, 1952 г. Архив ИИМК, д. № 728, л. 24.

² Сб. «Басандайка», Труды Томского гос. университета, т. 98, 1948, табл. 16, рис. 5 и табл. 20, рис. 1.

³ Об обряде погребения, к сожалению, сказать ничего нельзя, так как в лесостепной полосе этого времени пока известны только поселения.

сходство с андроновской, но исследователи совершенно правильно считают, что в данном случае следует говорить о каком-то андроновском влиянии на шигирскую культуру¹. Очевидно, и интересующая нас культура испытала на себе какое-то влияние карасукской культуры, причем, скорее всего, не прямое, а, если можно так выразиться, многостепенное — от одной области к другой.

Корни этой культуры явно андроновские. Об этом можно судить по керамике. Форма некоторых сосудов совершенно андроновская (например, сосуд с городища Большой Лог — рис. 7, 1). Другие сосуды отличаются от андроновских незначительно, например сосуд из-под горы Изых (рис. 7, 4). Такого типа сосуды очень характерны для этой культуры; многие еще ближе напоминают андроновские и имеют близкий к андроновскому орнамент, например сосуды с поселения Ирмень I (раскопки М. П. Грязнова, 1952 г.)². Отличие от андроновских сосудов заключается только в прямом венчике; впрочем, среди андроновских венчиков иногда встречаются и показанные на рис. 7, 5.

Третий тип сосудов представлен плоскодонными сосудами с невысоким узким горлом и раздутым туловом; особенно сильно оно раздуто на середине высоты сосуда, а далее к дну суживается. Примерами таких сосудов могут служить сосуд с ручками из-под горы Изых на Абакане и сосуд из дер. Исаковой на Иртыше (рис. 7, 6, 7). Между ними существует много переходных форм (Ирмень I).

Сосуды эти изготовлены ленточной техникой, дно сделано отдельно и часто бывало очень толстым, как у андроновских сосудов. По форме они отличаются от обычных андроновских; одни отличаются больше, другие — меньше. Но встречаются и позднеандоновские сосуды подобных форм, например сосуд из с. Черняки на Урале (рис. 7, 9)³ с довольно широким горлом. Но, несомненно, среди позднеандоновских сосудов были и узкогорлые, судя по замечательному узкогорлому сосуду из Алексеевского поселения (рис. 7, 8)⁴.

У сосуда из-под горы Изых есть небольшой поддон и налпные ручки. Такие поддоны и ручки бывают на андроновской керамике (Алексеевка)⁵. Одним словом, эта форма выводится из андроновских без труда; тем не менее назвать ее андроновской уже нельзя, это — дальнейшее развитие андроновских форм, типичное для данной местности.

Громадное большинство сосудов рассматриваемой культуры имеет плоское дно и стенки, сильно расширяющиеся от дна вверх, что чрезвычайно характерно для андроновской керамики (рис. 8, 1, 2). Иногда в нижней части стенок, у дна, встречается орнаментальный пояс — деталь, присутствующая андроновской орнаментации (рис. 8, 2, 3). Это также довод в пользу происхождения рассматриваемой керамики от андроновской.

Перейдем к орнаментам. Одним из самых распространенных орнаментов описываемой керамики является, как уже указывалось, треугольный штамп, точнее — оттиск угла прямоугольной пепочки. Иногда этот угол бывает закруглен. Это характернейший из андроновских орнаментов, встречающийся от Орска до Минусинска (ср. рис. 8, 4, 5, 6).

¹ В. М. Раушенбах. Керамика шигирской культуры. КСИИМК, XLIII, 1952, стр. 55—68.

² Отчет М. П. Грязнова о работе Новосибирской экспедиции, 1952 г. Архив ИИМК, д. № 728, л. 23/24.

³ К. В. Сальников. Ук. соч., стр. 118, рис. 10.

⁴ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение..., стр. 139, рис. 62.

⁵ Там же, стр. 140, рис. 63.

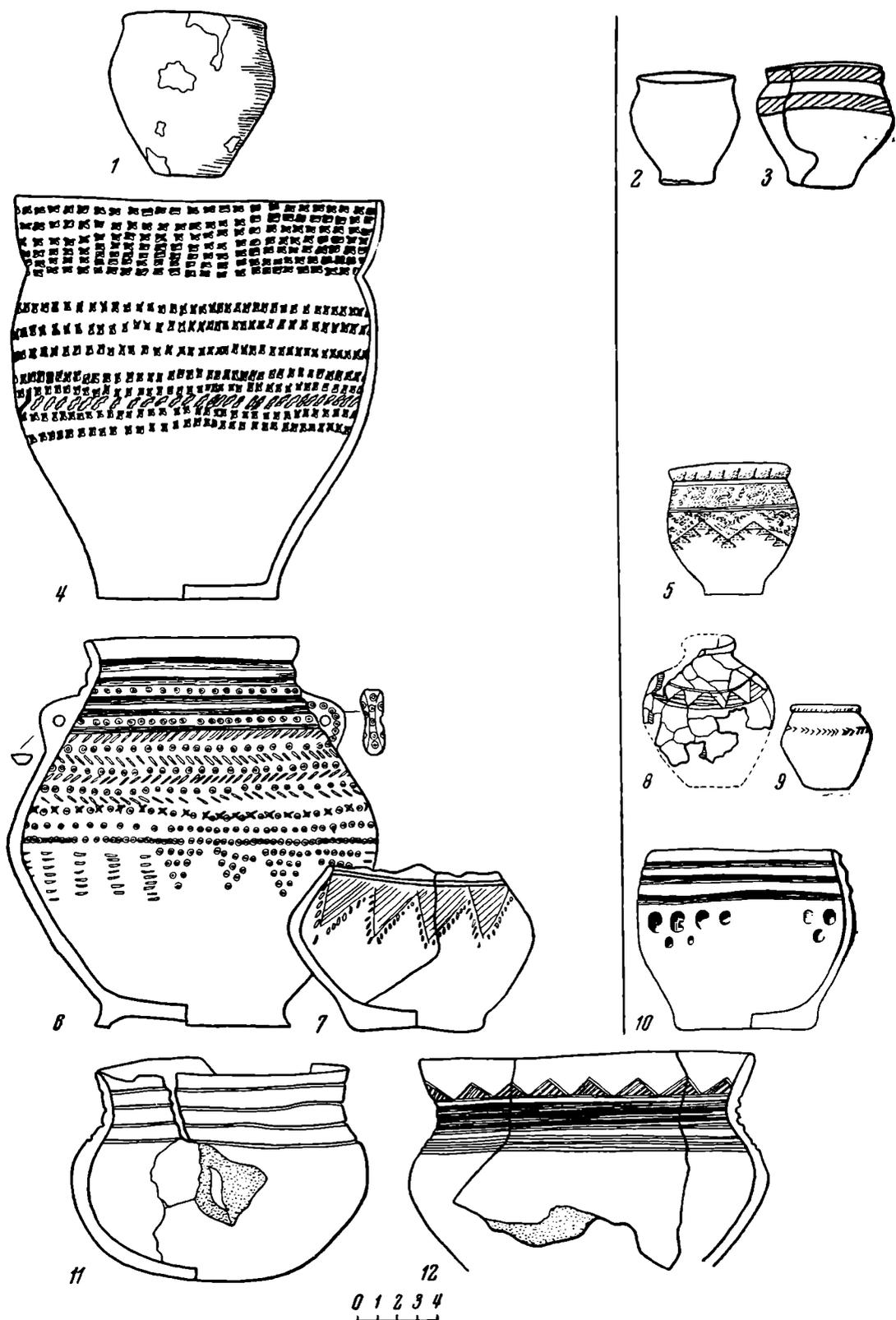

Рис. 7. ¹Формы сосудов прменской культуры в сравнении с андроновскими сосудами и сосуды, сходные с карасукскими.

1 — Большой Лог; 2 — Кожумбердынский могильник; 3 — Уралсай; 4 — гора Изых; 5 — оз. Воровое; 6 — гора Изых; 7 — Исакова; 8 — Алексеевское поселение; 9 — Черняки; 10 — Савкина Заимка (окрестности Куйбышева); 11—12 — Осинцева (2, 3, 5, 8, 9, 10 — масштаб неизвестен)

Часто встречается орнамент «елочка», нанесенный насечкой (рис. 5, 5, 6), который столь распространен в андроновской культуре, что примеров можно и не приводить.

Часто встречается и защитный орнамент, нанесенный ногтем (рис. 8, 9, 10). Этот орнамент также характерен для андроновской керамики (Алексеевка¹, Садчиковка², Шляпова³, Малоокрасноярка⁴).

Чрезвычайно типичен для рассматриваемой керамики нарезной орнамент «сетка». Благодаря тому, что поселение Басандайка принято считать карасукским, за этим орнаментом, встречающимся на керамике Басандайки, также укрепилось название «карасукский». Между тем на минусинских карасукских сосудах он не встречается, а на андроновских попадает, хотя и не часто; примером могут служить Замараево (рис. 8, 11), поселок Кинзерский, Алексеевка⁵. Повидимому, это орнамент лесостепной и лесной полос, присущий разным бытовавшим там культурам.

М. П. Грязнов считает карасукским и нарезной орнамент из узких прямых и ломаных полос — зигзагов, поперечно заштрихованных⁶. Этот орнамент может быть назван карасукским лишь с большой натяжкой. Он встречается на карасукских сосудах из Минусинской котловины чрезвычайно редко (кажется, только на одном сосуде из «Ярков»⁷), зато на андроновских очень часто. Ломаные полосы (зигзаги) — излюбленное украшение на андроновских сосудах. Они наносились гребенчатым штампом, нарезкой, «протянутой гребенкой», всеми возможными способами и очень часто дополнялись меандровыми фигурами. В тех случаях, когда орнамент наносился «протянутой гребенкой», зубцы гребенки оставляли параллельные линии, и штриховка зигзагов получалась продольная. Только этот вид ломаных полос М. П. Грязнов признает андроновским⁸. Но столь же часто на андроновских сосудах встречаются и ломаные полосы, заштрихованные поперечно гребенчатым штампом или нарезкой (рис. 8, 15, 16). С другой стороны, на интересующей нас лесостепной западносибирской керамике встречаются меандры, составленные из таких полос, или ломаные линии, дополненные, повидимому, меандрами, что также, бесспорно, свидетельствует об андроновском происхождении этого орнамента (рис. 8, 12, 14).

Последний орнамент, на котором следует остановиться, — это кольчатый штамп — оттиск камышинки или другой полой трубочки. Такой орнамент в интересующей нас культуре обнаружен в Большом Логе (рис. 8, 7) и на сосуде из-под горы Изых (рис. 7, 6). Среди андроновских орнаментов он встречается часто: несколько раз в Алексеевке⁹, в Садчиковке¹⁰, на стоянке А у поселка Таналык¹¹. Повидимому, этот орнамент также относится к лесостепному варианту андроновской культуры.

¹ О. А. Кривцова Гракова. Алексеевское поселение..., стр. 92, рис. 25, 2.

² О. А. Кривцова Гракова. Садчиковское поселение, рис. 23, 2.

³ Раскопки М. П. Грязнова, 1952 г. (шифры ш. II-6/1, ш I-3/3).

⁴ Раскопки С. С. Черникова, 1952 г. (шифры, ВКЭ-52/124, ВКЭ-52/74).

⁵ Свердловский кабинет археологии, раскопки К. В. Сальникова, 1952 г.;

О. А. Кривцова - Гракова. Алексеевское поселение..., стр. 134, рис. 56, 9.

⁶ М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа..., стр. 152.

⁷ С. А. Теплоухов. Ук. соч., табл. XII, 12.

⁸ М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа..., стр. 152.

⁹ О. А. Кривцова - Гракова. Алексеевское поселение..., рис. 57, 9; 58, 7.

¹⁰ О. А. Кривцова Гракова. Садчиковское поселение, рис. 23, 7.

¹¹ Б. Н. Граков. Работы в районе проектируемых Южно-уральских гидроэлектростанций. Археологические работы Академии на новостройках, т. II. М.—Л., 1935 (ИГАИМК, вып. 110), стр. 93, рис. 67, 9.

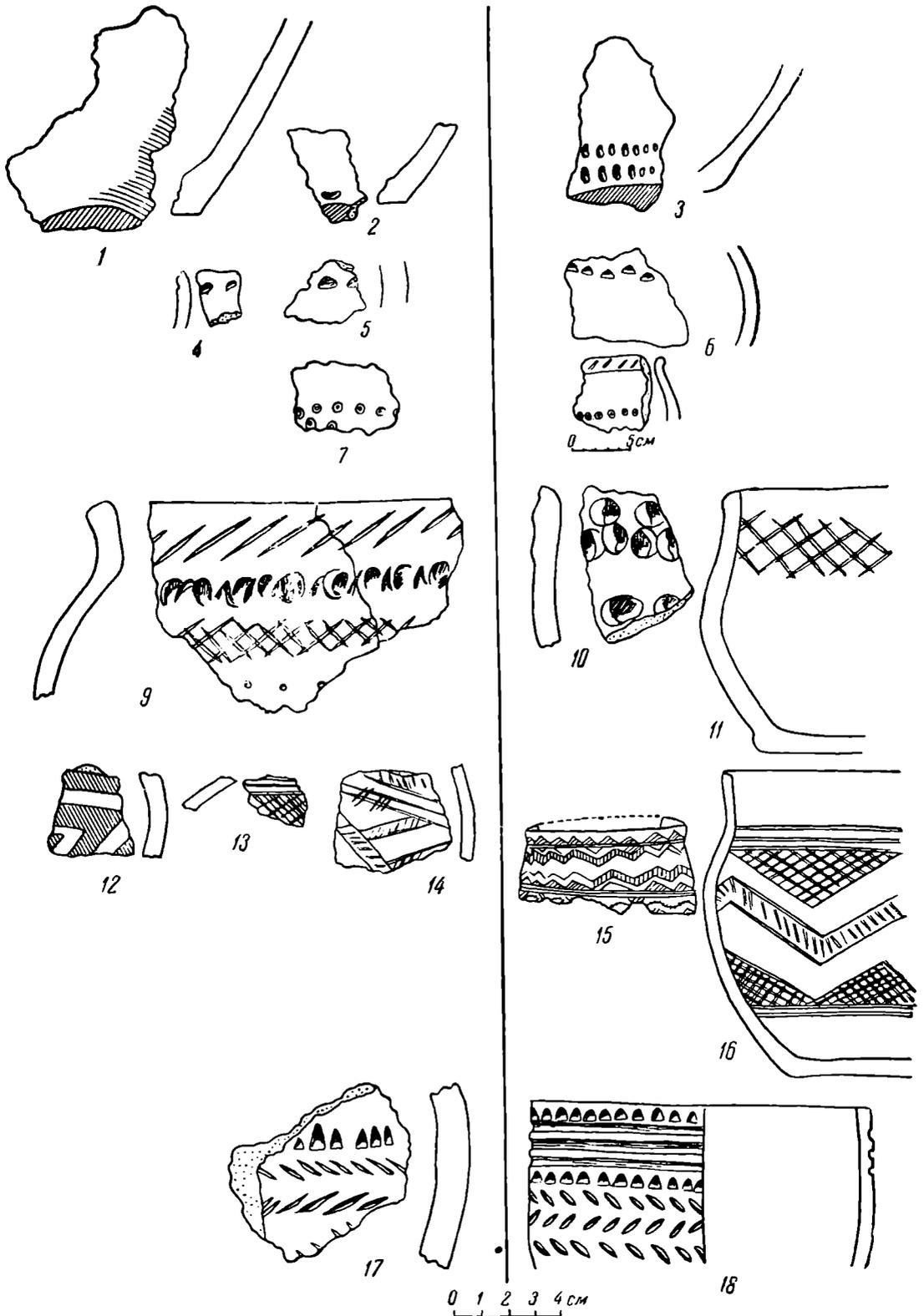

Рис. 8. Сравнительная таблица орнаментов ирменской и андроновской культур. Слева — керамика ирменской культуры, справа — андроновской.

1, 2, 4, 5, 7, 9, 13 — Гольшой Лог; 3, 6, 11 — Замаараево; 8 — Алексеевка; 10 — Малокрасноярск; 12 — Ирмень; 14 — Гасандайка; 15 — Малый Кейтас; 16 — Минусинская котловина; 17 — Осинцево; 18 — Улус Орак.

Техника изготовления сосудов рассматриваемой культуры — ленточная, что иногда заметно очень хорошо. На многих сосудах с Ирмени I вокруг дна имеется круговая трещина, столь типичная для андроновских сосудов и свидетельствующая о том, что дно изготовлялось отдельно. Уже говорилось о сосуде из дер. Исаковой, имеющем очень толстое дно, характерное для андроновских, — в особенности западноандоновских, — сосудов (рис. 7, 7, 10). Часто такие сосуды имеют прямо срезанный край. На андроновских сосудах край тоже часто бывает срезан.

Таким образом, форма сосудов рассматриваемой культуры, орнамент и техника изготовления свидетельствуют об андроновском ее происхождении.

Можно ли говорить о том, что эта культура является одной из стадий андроновской культуры, т. е. последней, заменяющей в данной области замараевскую? Повидимому, этого утверждать нельзя. На карте (рис. 1) видно, что почти все рассматриваемые поселения расположены в лесостепной зоне¹. И это далеко не случайно. Все они имеют, кроме андроновских, хорошо выраженные лесостепные и лесные черты. В первую очередь это относится, конечно, к орнаменту сосудов. Такие виды орнамента, как, например, ряды круглых ямок, крестовый, змейчатый и «палочный» штамп, — типичные лесные орнаменты. Сравним, например, орнаменты рассматриваемой культуры (рис. 9) с уральскими лесными орнаментами шигирской культуры и Иртяшского городища. В шигирской культуре встречается и нарезной орнамент «сетка», не представленный на рис. 9. А такие орнаменты, как выпуклости, выдавленные изнутри, и кольчатый штамп, относятся к лесостепным орнаментам. Следует обратить внимание и на форму сосудов. При всей близости к андроновским эти формы имеют сходство с сосудами эпохи поздней бронзы с Чувашского Мыса и с сосудами из Сузгуна, относящимися к сузгунской культуре², — с керамикой, уже в значительной степени лесной. Это сказывается в такой, например, детали, как сильное расширение стенок от дна вверх у рассматриваемых сосудов, — черта, очень характерная для керамики Чувашского Мыса и Сузгуна времени поздней бронзы³. Керамика Чувашского Мыса представляет собой андроновскую или андронидную, подвергшуюся сильному лесному влиянию.

О западносибирской лесостепной керамике можно в общем сказать то же самое, только лесное влияние сказалось здесь в меньшей степени. Но тем не менее лесные черты не позволяют считать носителей этой культуры простыми потомками андроновцев.

Лесостепь, как промежуточная ландшафтная область, привлекала к себе и жителей леса, и жителей степи. Возможно, что в связи с изменением климата и заменой степи лесостепью лесные племена двинулись к югу и смешались здесь с местным андроновским населением. В дальнейшем это смешанное население могло вести и «смешанное» хозяйство, сочетая охоту и рыболовство лесных племен со скотоводством и земледелием степняков, поскольку это допускали условия лесостепи.

¹ Исключением составляют поселения Самусь и Басандайка на Томп, расположенные в лесной зоне, и находки сосудов под горой Изых (степь). По почвенной карте СССР видно, что область по Томи, к северу и югу от Томска, — это область деградированных черноземов. Повидимому, в рассматриваемое время здесь была лесостепь. Менее понятны сосуды из-под горы Изых на Абакане, найденные в степи, но имеющие характерные лесной и лесостепной орнаменты. Повидимому, это явилось результатом проникновения в степь горно-лесных племен с юга Минусинской котловины.

² О сузгунской культуре см. В. И. Мошинская. Общая характеристика сузгунской культуры. Доклад на секторе неолита и бронзы ИИМК, 1953 г.

³ Археологический музей Томского гос. университета, инв. № 920 и 887.

Конечно, это может быть высказано сейчас лишь как предположение. Совершенно неизвестны погребения этой культуры, а, следовательно, ничего не известно о физическом типе населения, и антропология нам ничем не может помочь.

Следует вспомнить, что и на андроновской стоянке этого района (Омская стоянка) уже наблюдались лесные черты (ср. на рис. 9, 1, 2, 4 и 3, 5, 6).

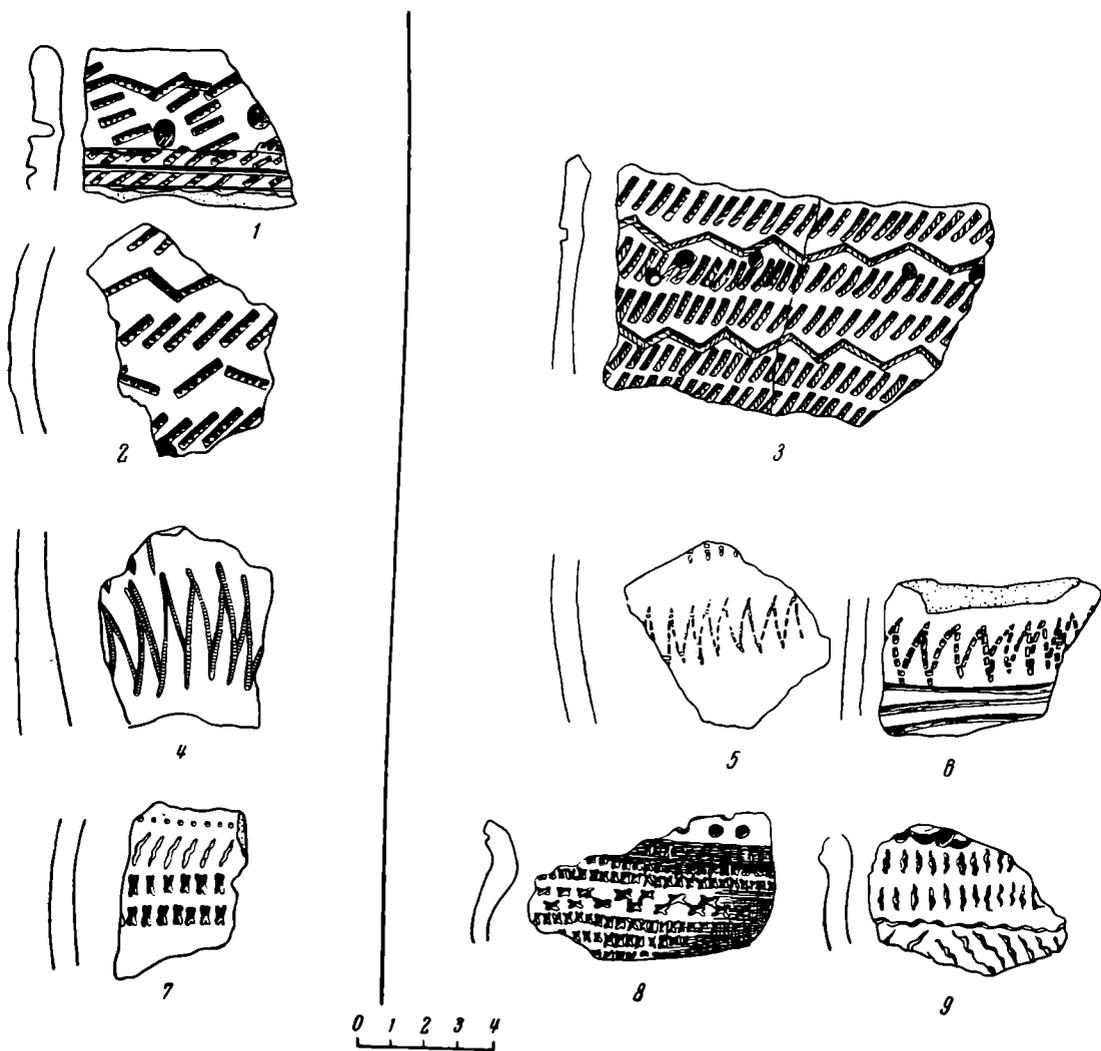

Рис. 9. Сравнительная таблица орнаментов лесостепной и лесной зон. Слева — керамика лесостепной зоны, справа — лесной.

1 4 — Омская стоянка; 7 — Басандайка; 3 — Иртышское городище; 5, 6, 8, 9 — Пальино.

Но здесь, скорее, мы видим керамику двух типов: андроновскую и лесную; лесное влияние на андроновскую керамику отмечалось только в единичных случаях; повидимому, это было начало процесса сложения «промежуточной» лесостепной культуры.

Итак, в лесостепной полосе Западной Сибири, от Омска до Абакана, около VIII в. до н. э. складывается особая культура, имеющая смешанное — андроновское и лесное — происхождение. Как может быть названа эта культура? Можно предположить, что она будет названа прменской по имени прекрасно сохранившегося поселения на р. Ирмень, второй год

исследуемого М. П. Грязновым. Но возможно, конечно, и другое название по имени любого другого поселения той же культуры.

Ирменская культура не одинока. Имеются еще по крайней мере три родственные ей культуры: культура Центрального Казахстана, представленная памятниками Дындыбай и Бегазы; культура Восточного Казахстана, представленная памятниками Малокрасноярка, Мечеть и аул Канай, и, наконец, алтайская культура карасукского времени (Ближние Елбаны IV). Их объединяют между собой и с ирменской культурой происхождение от андроновской культуры и некоторое, большее или меньшее, влияние карасукской культуры. Наибольшее сходство с ирменской культурой представляет стоянка у аула Канай, керамика которой также содержит ряд лесостепных элементов; другие районы — степные, и там сходства меньше.

Возможно, что со временем, кроме указанных культур, граничащих с ирменской с юга, будут найдены еще культуры, родственные ирменской, но граничащие с ней с севера, т. е. расположенные в лесной полосе, и тогда будут более ясны не только андроновские, но и лесные корни ирменской культуры.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ПОСЕЛЕНИЯХ ЛЕСОСТЕПНОЙ ПОЛОСЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

1. Басандайка. Городище при впадении р. Басандайки в р. Томь (нижний слой). Раскопки К. Э. Гриневица, 1944—1946 гг. См. сб. «Басандайка». Труды Томского государственного университета, т. 98, 1947. Материал — в Археологическом музее Томского государственного университета.

2. Большой Лог. Городище на правом берегу р. Оми, в 7 км выше Омска (нижний слой). Раскопки В. Н. Чернецова, 1945 г. См. В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская. Городище Большой Лог. КСИИМК, XXXVII, 1951. Сборы А. Ф. Палашенкова, 1949 г. (Омский краеведческий музей). Сборы Н. Л. Членовой и С. В. Зотовой, 1953 г. (ГИМ).

3. Гора Пзых. Находка двух сосудов под горой на правом берегу р. Абакана, в 40 км выше г. Абакана. См. С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае, МЭ, т. III, вып. 2, Л., 1927, табл. VII, рис. 18 и 19. Материал — в Минусинском музее (экспозиция).

4. Ирмень I. Один из слоев поселения на правом берегу р. Ирмени близ впадения ее в р. Обь. Верх-Ирменский район, Новосибирской области. Раскопки М. П. Грязнова, 1952—1953 гг. См. отчет об экспедиции 1952 г., архив ИИМК, д. № 728. Материал — в Государственном Эрмитаже.

5. Исакова. Поселение близ дер. Исаковой Иконниковского (ныне Горьковского) района, Омской области, на правом берегу р. Иртыша. Разведка П. Л. Драверта, 1935 г. (Омский краеведческий музей).

6. Каменка. Поселение на левом берегу р. Каменки близ впадения ее в р. Обь. Ордынский район, Новосибирской области. Раскопки М. П. Грязнова, 1952 г. См. отчет об экспедиции 1952 г., архив ИИМК, д. № 728. Материал — в Государственном Эрмитаже.

7. Куйбышев, Новосибирской области (б. Каинск). Керамика из окрестностей Каинска на левом берегу р. Оми. Раскопки Оссовского (?). ГИМ.

8. Омская стоянка. Поселение на левом берегу р. Иртыша против г. Омска. Раскопки В. П. Левашевой и Е. Н. Липеровской, 1927 г. См. В. П. Левашева. Предварительное сообщение об археологических исследо-

ваниях Западносибирского музея за 1926—1927 гг. Изв. Гос. западносибирского музея, Омск, 1928, № 1, стр. 160. Сборы П. Л. Драверта 1926 г. А. Ф. Палашенкова 1948—1949 гг., Г. Рыжих и В. Молостова 1950 г. (Омский краеведческий музей). Сборы В. Н. Чернецова и В. П. Мошинской 1945 г. (Лаборатория ИИМК). См. В. Н. Чернецов. Результаты археологической разведки в Омской области. КСИИМК, XVII, 1947. Зачистка Н. Л. Членовой и С. В. Зотовой (ГИМ).

9. Осинцева. Поселение близ дер. Осинцевой на правом берегу р. Оми, против г. Каинска (ныне Куйбышев). Раскопки В. В. Радлова, 1886 г. См. ОАК за 1866 г., стр. XX, XXI. Материал — в ГИМ.

10. Самусь. Керамика из окрестностей Самусьского затона, Томской области (правый берег р. Томи, при впадении ее в Обь). Археологический музей Томского государственного университета.

11. Сталинск, Кемеровской области (б. Кузнецк). «Городище в окрестностях Кузнецка», левый берег р. Томи. Сборы (Археологический музей Томского государственного университета).

12. Шляпова. Поселение на правом берегу р. Ирмени, против дер. Шляповой, Верх-Ирменского района, Новосибирской области. Раскопки М. П. Грязнова, 1952 г. См. отчет об экспедиции 1952 г., архив ИИМК, д. № 728. Материал — в Государственном Эрмитаже.

Н. Н. БОНДАРЬ

ТОРГОВЫЕ СНОШЕНИЯ ОЛЬВИИ СО СКИФИЕЙ
в VI—V вв. до н. э.

Изучение товарного производства в условиях рабовладельческого строя является одной из важных задач. Вместе с тем советских археологов давно интересует проблема взаимосвязи греческих городов Северного Причерноморья с местным населением Скифии.

В греческих государствах товарное производство уже в VI—V вв. до н. э. получило широкое развитие. Греческие города Северного Причерноморья, являвшиеся составной частью античного мира, также были затронуты процессом развития товарного производства. Эти города, обладавшие своеобразными чертами, обусловленными их окружением, не могли остаться в стороне от этого процесса. В названных городах товарное производство имело все условия для своего развития. Дело в том, что в городах Северного Причерноморья значительную часть населения, — если не считать рабов, — составляли торгово-ремесленные слои, которые сразу же после своего переселения на новые места сумели наладить в крупном объеме ремесленное производство, и значительная часть его продукции поступала как на внутренний, так и на внешний рынки.

Большое развитие ремесленного производства в этих городах имело исключительно важное значение для всего дальнейшего развития торговых сношений греков с местными племенами Скифии. Следует отметить, что это прежде всего относится к Ольвии, где уже в конце VI — начале V в. до н. э. существовало достаточно широко развитое ремесленное производство, особенно металлическое, причем значительная часть продукции предназначалась для удовлетворения потребностей скифского рынка.

Металлическое производство Ольвии характеризуется довольно развитым литейным делом, о чем свидетельствуют находки медного шлака и медно-бронзовых предметов VI—V вв. до н. э. В 1932 г. в Ольвии был открыт меднолитейный горн, а в 1948 г. обнаружены остатки меднолитейного производства V в. до н. э., содержавшие обломки тиглей, шлака, части разрушенного горна¹; на высокий уровень ольвийского металлического производства указывают находки в этом городе и литейных форм.

Среди металлических изделий ольвийского производства следует в первую очередь выделить группу бронзовых зеркал. Их можно разбить на две группы: зеркала, исполненные в стиле греческого искусства, и зеркала, украшенные в зверином стиле.

¹ В. Ф. Гайдукевич и С. И. Капошина. К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья. СА, XV, 1951, стр. 169; А. И. Фурманская. К вопросу о литейном ремесле Ольвии. КСИИ, вып. 2, 1953, стр. 52 и сл.

К бронзовым зеркалам первой группы относятся зеркала, ручки которых украшены изображениями обнаженной женской фигуры или же маской Горгоны и цветком лотоса. Вторая группа бронзовых зеркал имеет ручку, украшенную изображением барса, оленя, бараньих голов, а иногда — стилизованным изображением хищной птицы. Эта группа зеркал типологически восходит к распространенным в Скифии бронзовым зеркалам без ручки. Ольвийские мастера, усвоив местные, уже сложившиеся традиции, создали на основе их новые сочетания. Иногда ольвийские мастера, стремясь удовлетворить вкусы местного населения и вместе с тем сохранить греческие мотивы, изготовляли зеркала в смешанном греко-скифском стиле, в котором сочетаются местные и греческие элементы. Для примера сошлемся на зеркало, найденное у с. Басовки¹, украшенное у основания ручки изображением ионийской капители, а на конце ручки — стилизованными головами хищников, или же на зеркало, найденное у с. Мачухи, на Полтавщине, украшенное у основания диска изображением ионийской капители и изображением головы барана на конце ручки².

Зеркала разобранных групп датируются второй третью VI и концом первой четверти V в. до н. э.³

К металлическим изделиям ольвийского производства следует отнести бронзовые крестообразные бляхи, изготовленные в скифском «зверином» стиле, а также золотые и бронзовые бляшки, украшенные изображениями орла, клюющего рыбу, представленными на ольвийских монетах, головкой льва с раскрытой пастью (форма для литья таких бляшек была найдена Эбертом в одном из курганов VI в. до н. э. у с. Аджигол⁴), головкой грифона (форма для литья подобных бляшек была найдена Б. В. Фармаковским в 1926 г. в Ольвии⁵), фигурами лежащих оленей и т. п.

В Ольвии процветало не только литейное дело, но достигло высокого уровня развития также изготовление металлических изделий путем тиснения. Тисненные золотые и бронзовые бляшки в большом количестве встречались как в самом городе, так и на обширной территории Скифии. В 1926 г. Б. В. Фармаковский в Ольвии обнаружил матрицу для тиснения тонких золотых пластинок.

Металлическое производство Ольвии включало и обработку драгоценных металлов. Замечательными образцами ольвийской торевтики могут служить золотые ушные украшения в виде щитка со скульптурной львиной головкой посередине и с изображениями бараньих головок на концах⁶. С. И. Капошина правильно считает, что прямых аналогий в греческом искусстве эти изделия не имеют. Форма их соответствует распространенным

¹ ДП, вып. 3, табл. 44, рис. 351; Б. В. Фармаковский. Архаический период в России. МАР, № 34, табл. XIII, рис. 7.

² М. Я. Рудинский. Археологічні збірки Полтавського музею. Збірник, т. I. Полтава, 1928, табл. VII, рис. 12.

³ Б. Н. Граков. Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну та класичну епохи. «Археологія». I, Київ, 1947, стр. 29.

⁴ Б. В. Фармаковский. Ук. соч., стр. 31, рис. 8; M. Ebert. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn. PZ, V, 1913, рис. 10.

⁵ Б. В. Фармаковский. Розкопування Ольвії року 1926. Одеса, 1925, стр. 51, рис. 42; е го же. Археологические экспедиции 1926 г. Сообщения ГАНМК, т. I, 1926, стр. 314.

⁶ Б. В. Фармаковский. Архаический период в России, табл. IX. Б. В. Фармаковский относил их к изделиям понтийских мастеров, в то время как А. А. Пессен относил золотые ушные украшения к малоазийским изделиям лидийского или фригийского происхождения (см. Б. В. Фармаковский. Архаический период в России, стр. 25 и А. А. Пессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947, стр. 71).

в Скифии золотым серьгам, в то время как львиные головки выполнены не в скифском стиле¹.

В Ольвии специально для вывоза в Скифию изготовлялась сероглиняная и красноглиняная керамика.

Следовательно, Ольвия в своих торговых сношениях с населением Скифии не ограничивалась ролью торгового передаточного пункта, через который распространялись привозившиеся извне импортные изделия, а уже в VI—V вв. до н. э. развила разнообразные отрасли ремесленной деятельности, что сделало ее во многом независимой от греческого импорта.

Изделия ольвийского литейного ремесла VI—V вв. до н. э. в значительном количестве были найдены не только на территории Скифии, но и далеко за ее пределами. Так, бронзовые зеркала ольвийского производства имели широкое распространение — от Поднепровья до Венгрии на западе, до Поволжья и Приуралья на востоке.

Изделия литейного ремесла Ольвии рассматриваемого времени свидетельствуют, с одной стороны, о том, что товарное производство достигло в Ольвии значительного развития, и, с другой — что благосостояние Ольвии, как и других городов Северного Причерноморья, в значительной степени зависело от правильно налаженных торговых связей с местными племенами Скифии.

Процесс развития товарного производства наблюдался не только в ремесле, но и в сельском хозяйстве. В греческих городах Северного Причерноморья зерновой хлеб был основным предметом торговли. Ольвия и другие города Северного Причерноморья обладали плодородными землями, которые обрабатывались местными племенами. От последних хлеб поступал в эти города или путем скупки, или посредством сбора дани натурой. Хлеб поступал также из крупных хозяйств, организованных греческими рабовладельцами и крупными местными землевладельцами. Объектом торговли были и другие продукты сельского хозяйства.

О развитии в городах Северного Причерноморья товарного производства ярко свидетельствует также выпуск своей монеты. Так, Ольвия и Пантикапей в конце VI — начале V в. до н. э. приступают к регулярному выпуску своих денежных знаков². Регулярный выпуск монеты указывает на значительное экономическое развитие этих городов, на образование в них внутреннего рынка, который уже нуждался в собственных средствах денежного обращения.

Античные колонии Северного Причерноморья в течение всей истории своего существования находились в тесных и регулярных взаимоотношениях с местными племенами Скифии. В связи с этим развитие товарного производства в указанных городах оказало значительное влияние на темпы социально-экономического развития Скифии.

В данной статье мы попытаемся проследить сферу распространения импортных греческих и ольвийских товаров в Скифии и тем самым определить значение торговли в развитии экономической и политической жизни местного населения.

* * *

Греки еще задолго до колонизации Северного Причерноморья были знакомы с этими областями, так как периоду греческой колонизации предшествовал период доколониционных сношений греков с Северным При-

¹ В. Ф. Гайдукевич и С. П. Капошина. Ук. соч., стр. 170 п сл.

² А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 121.

черноморьем. К сожалению, это не нашло должного отражения в античной литературной традиции и поэтому основным источником для характеристики доколониционного периода служит археологический материал. Так, в различных пунктах Северного Причерноморья был найден ряд импортных изделий греческой работы, датируемых в основном концом VII и началом VI в. до н. э.¹ (рис. 1).

1. Из Ольвии происходит обломок родосско-ионийского сосуда².

2. На поселении у Широкой Балки (в 1,5 км южнее Ольвии) был найден обломок ионийской амфоры конца VII и начала VI в. до н. э.³

3. На Немировском городище Винницкой области А. А. Спицын обнаружил обломки сосудов родосско-ионийской группы⁴. Во время работ на этом городище М. И. Артамонов нашел фрагменты той же керамики конца VII и начала VI в. до н. э.⁵

4. У с. Болтышка, Александровского района, Кировоградской области, было найдено горло родосско-ионийского сосуда⁶.

5. В погребении на Темир-горе близ Керчи оказалась ваза родосско-ионийского стиля второй половины VII в. до н. э.⁷

6. В кургане на р. Цуцкан, б. Хоперского округа, Донской области, был найден обломок фигурного сосуда родосско-ионийского стиля⁸

7. На берегу р. Калитвы, близ слободы Криворожье в Донецком округе, был обнаружен сосуд самосского происхождения с горловиной в виде головы барана начала VI в. до н. э.⁹

Мы решили дать полный перечень импортных изделий конца VII и начала VI в. до н. э., найденных в Скифии, в связи с тем, что и до настоящего времени некоторые археологи отрицают наличие торговых связей между греками и населением Скифии в этот период. Так, например, М. Ю. Брайчевский в своем отчете о раскопках на Пастерском городище в 1949 г. утверждает, что «в VII в. до н. э. еще, видимо, нельзя говорить о каких-либо связях Скифии с античным миром»¹⁰.

К подобному выводу М. Ю. Брайчевский пришел лишь на основании своих работ на Пастерском городище в 1949 г. Его привел в смущение тот факт, что при чрезвычайной насыщенности скифских слоев этого городища привозной античной керамикой в нижнем ярусе жилища, который

¹ Т. Н. Книпович. К вопросу о торговых сношениях греков с областью р. Танаиса в VII—V вв. до н. э. «Из истории Боспора». ИГАИМК, вып. 104, стр. 97 и сл.

² Б. В. Фармаковский. Арханчский период в России, табл. I, рис. 1; Т. Н. Книпович. Ук. соч., стр. 103; А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 54.

³ Б. М. Рабичкин. Поселение у Широкой Балки. КСИИМК, XL, 1951, стр. 122.

⁴ ОАК за 1909—1910 гг., стр. 179 и сл.; Б. В. Фармаковский. Арханчский период в России, табл. II, рис. 3; А. Спицын. Скифы и Гальштатт. Сб. статей в честь гр. А. А. Бобринского. СПб., 1911, стр. 160.

⁵ М. И. Артамонов. Югоподольская экспедиция. КСИИМК, XXI, 1947, стр. 75.

⁶ Б. В. Фармаковский. Арханчский период в России, стр. 30; е го же. Милетские вазы из России. «Древности», т. 25. М., 1916, стр. 47 и сл., табл. VI, VII; А. Спицын. Курганы скифов-пахарей. ЦАК, вып. 65, стр. 101.

⁷ Б. В. Фармаковский. Милетские вазы..., табл. VIII; Т. Н. Книпович. Ук. соч., стр. 104; А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 55; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 17, рис. 4; Р. В. Шмидт. Греческая арханчская керамика Мирмекия и Тиритаки. МИА, № 25, 1952, стр. 226.

⁸ Т. Н. Книпович. Ук. соч., рис. 25; е е же. Танаис М.—Л., 1949, стр. 7.

⁹ Т. Н. Книпович. К вопросу о торговых сношениях..., рис. 26.

¹⁰ М. Ю. Брайчевский. Работы на Пастерском городище в 1949 г. КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 157.

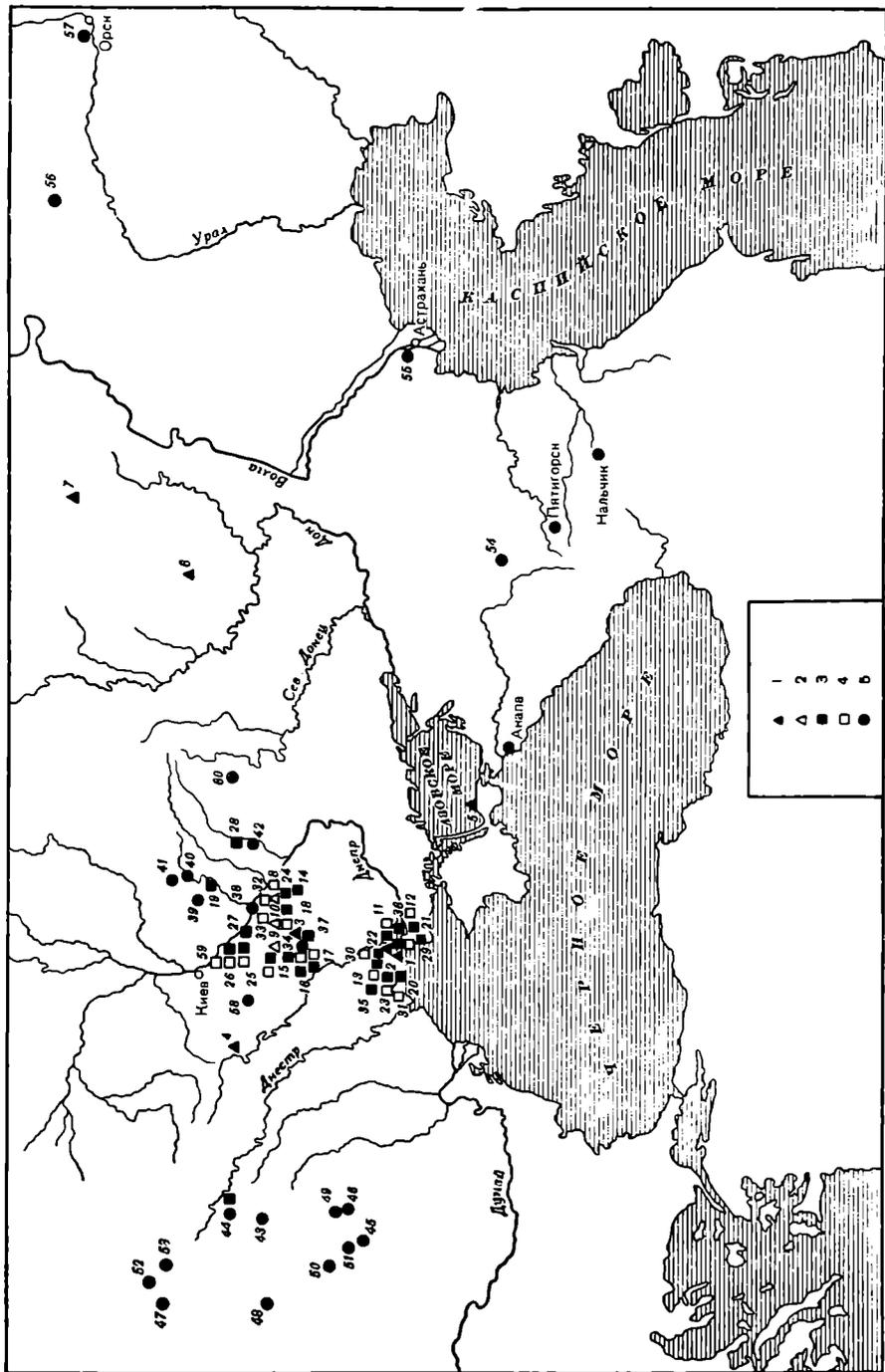

Рис. 1. Карта распространения греческих и оливийских изделий в Скифии в VI и V вв. до н. э.

1 — находки греческих импортных предметов VI и нач. V в. до н. э.; 2 — находки восточных импортных предметов VI и нач. V в. до н. э.; 3 — находки греческих импортных предметов VI в. до н. э.; 4 — находки греческих импортных предметов V в. до н. э.; 5 — находки оливийских импортных предметов VI и V вв. до н. э.

1 — Балка Широкая; 2 — Ольвия; 3 — Богданка; 4 — Цемровское городище; 5 — Темир-гора; 6 — Криворомья; 7 — Хонерский округ; 8 — Холмский Яр; 9 — Шпола; 10 — Жаботин; 11 — Луцарева Балка; 12 — Станислав; 13 — Децюна Хата; 14 — Шаронское городище; 15 — Пастерское городище; 16 — Куровка; 17 — Гурья; 18 — Моисавка; 19 — Поставуни; 20 — Пестухонка; 21 — Александровка; 22 — Коталино; 23 — Армянгол; 24 — Райгород; 25 — Яблонька; 26 — Бобрини; 27 — Печари; 28 — Бельское городище; 29 — Балка Залесова; 30 — Козарка; 31 — Куцуруб; 32 — Секириос; 33 — Смела; 34 — Кологаевка; 35 — Анювка; 36 — Рожювы Хугора; 37 — Мартонома; 38 — Гулий-город; 39 — Ансютиниш; 40 — Волковцы; 41 — Васонка; 42 — Мачуха; 43 — Букювита; 44 — Братышев; 45 — Олах-Итакода; 46 — Шокафальва; 47 — Шидин; 48 — Дебрешен; 49 — Матфальва; 50 — Фейерде; 51 — Торда; 52 — Темитюр; 53 — Борвак; 54 — Крымгирескан; 55 — Улан-Урге; 56 — Елга; 57 — Бичи-Уба; 58 — Емишка; 59 — Тришолье; 60 — Опишлянига

датируется исследователем VII веком до н. э., «не встречено ни одного даже самого незначительного фрагмента привозной греческой керамики»¹. Подобное мнение, отрицающее наличие торговых сношений между греками и населением Скифии в VII в. до н. э., не является новым и оригинальным. Подобного взгляда придерживался Э. Штерн, относивший начало торговых сношений греков с населением Скифии к концу VI в. до н. э.²

Количество найденных импортных изделий VII—VI вв. до н. э. свидетельствует о том, что в это время было положено начало торговым сношениям греков с Северным Причерноморьем. Торговля в этот период носила эпизодический характер. Во время отдельных наездов купцы устраивали в наиболее выгодных местах торговые фактории³. Подобная греческая торговая фактория существовала в VII—VI вв. до н. э. на о. Березани, где в наибольшем количестве были найдены образцы керамики, датированной тем же отрезком времени⁴.

Торговые сношения греков с Северным Причерноморьем в VII и начале VI в. до н. э. сыграли огромную роль при основании на этой территории городов-колоний. Вожди местных племен, родовая знать были заинтересованы в торговле с греками. Эта заинтересованность создавала для греков благоприятные условия при последовавшей вскоре колонизации Северного Причерноморья, в процессе которой установились регулярные торговые сношения их с населением этой территории. Следует отметить, что греки в своих первых торговых сношениях с Северным Причерноморьем иногда грабили местных жителей.

Торговые сношения Ольвии со Скифией приобрели особенно широкий размах в VI—V вв. до н. э. Преобладающая торговая роль Ольвии в Скифии в это время убедительно доказывается вещевым материалом, найденным как на территории Скифии, так и далеко за ее пределами. В рассматриваемый период торговые связи Ольвии простирались на севере до окрестностей Киева, на западе—до нынешней Венгрии, а на востоке достигали Уральских гор.

Ольвия в VI и V вв. до н. э. находилась в наиболее оживленных и постоянных торговых сношениях с населением правобережной степной и лесостепной Скифии. Здесь представлены все группы импортных изделий, в то время как за пределами Скифии эти изделия встречены в значительно меньшем количестве, причем чем дальше на северо-запад и северо-восток, тем их становится все меньше и меньше.

При посредничестве Ольвии прежде всего на Правобережье поступали дорогие керамические и металлические изделия греческого происхождения. Так, ионийская керамика VI в. до н. э. была обнаружена на поселениях у Широкой Балки⁵ и у с. Лупарева Балка, на городищах у с. Станислав и у маяка Дедова Хата⁶, на Шарповском и Пастерском городищах,

¹ М. Ю. Брайчевский. Ук. соч., стр. 157.

² Э. Р. Штерн. К вопросу о воздействии античной культуры на области, расположенные вне района древних поселений на северном побережье Черного моря. ЗООИД, т. XXIII, 1901, стр. 14 и сл.

³ Т. Н. Книпович. К вопросу о торговых сношениях..., стр. 107.

⁴ Н. Радлов. Два черепка с о. Березани. ИАК, вып. 37, 1910, стр. 81 и сл.; Е. О. Прушевская. Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове. ИАК, вып. 63, 1917, стр. 44 и сл.; Р. В. Шмидт. Ук. соч., стр. 226.

⁵ Б. М. Рабичкин. Ук. соч., стр. 122.

⁶ И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев, 1951, стр. 113; Ф. М. Штителъман. Городища, поселения и могильники Бугского лимана VII—II вв. до н. э. Научный архив ИА АН УССР, стр. 56 и сл.

Златопольского района, Кировоградской области, в курганах Г, № 418, 423 и 428 около с. Журовки и в кургане № 483 близ с. Турьи того же района¹, в кургане № 491 около с. Мокиевка, Ротмистровского района, Киевской области².

Чернофигурная и чернолаковая керамика VI в. до н. э. там представлена в значительно большем количестве. Она найдена на поселениях у Широкой Балки³, у сел Лупарева Балка, Петуховка, Александровка и Кателино, на городищах у с. Станислав и у маяка Дедова Хата, в кургане № 1 у с. Аджигол, Очаковского района, Николаевской области⁴, на Шарповском и Пастерском городищах, в курганах № 423 и 447 около с. Журовка, в кургане № 459 у с. Турьи⁵, в кургане № 2 у с. Райгород, Каменского района, Кировоградской области, в кургане № 241 в окрестностях Шполы⁶, в кургане № 491 у с. Мокиевка⁷, в курганах № 1 и 2 у с. Яблоновка, Каневского района, Киевской области, в кургане № 36 близ с. Бобрицы и в кургане № 411 у с. Пекари того же района⁸.

В V в. до н. э. на Правобережье значительно увеличивается ввоз импортной греческой керамики. Об этом довольно убедительно свидетельствуют находки краснофигурной и чернолаковой керамики.

Краснофигурная и чернолаковая керамика на указанной территории была найдена на городищах у с. Станислав и у маяка Дедова Хата, на поселениях у Закисовой Балки, у сел Лупарева Балка, Козырка, Александровка, Петуховка и Купцуруб⁹, в курганах № 3—6 у с. Аджигол¹⁰, в курганах № 400—404 и 432 у с. Журовка и № 466 и 511 у с. Турьи¹¹, в курганах № 1 и 3 у с. Пастерского, в кургане № 20 у Холодного Яра, Смелянского района, Киевской области¹², в кургане № 82 около урочища Секиристо, в курганах № 188 и 252 около Смелы, в кургане № 236 в окрестностях Шполы¹³, в кургане № 66 у с. Бобрицы¹⁴.

Ольвия, как уже указывалось, снабжала Правобережье также бронзовыми изделиями греческого происхождения. Так, в кургане у хутора Анновка, Тилигуло-Березанского района, Николаевской области, было найдено бронзовое зеркало, ручка которого воспроизводит прямо стоящую женскую фигуру С. А. Жебелев относит это зеркало к произведениям

¹ І. В. Фабриціус. Тясмінська експедиція. АП, т. II, Київ, 1949, стр. 94; М. Ю. Брайтчевскій. Ук. соч., стр. 157; ИАК, вып. 14, рис. 61, 62; вып. 17, рис. 6, 7; вып. 35, стр. 62.

² Хранится в Государственном Эрмитаже, инв. № ДН 1901 63-12.

³ Б. М. Рабичкин. Ук. соч., стр. 123, рис. 34.

⁴ Ф. М. Штителъман. Ук. соч., стр. 168; М. Еберт. Ук. соч., рис. 10.

⁵ ОАК за 1904 г., стр. 104, рис. 190; ИАК, вып. 17, рис. 30; вып. 20, стр. 7, рис. 7; В. В. Хвойко. Городища Среднего Приднепровья, их значение, древность и народность. Труды XII АС в Харькове, т. I, 1905, стр. 98; И. В. Фабриціус. Археологическая карта Причерноморья..., стр. 94.

⁶ А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. II, табл. VIII, рис. 1 (в дальнейшем: Смела).

⁷ Н. Печонкин. Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга. СПб., 1908, стр. 134.

⁸ Смела, т. III, стр. 115; Н. Печонкин. Ук. соч., стр. 126; Б. Н. Граков. Древности Яблоновской курганной группы из собр. Д. Я. Самоквасова. Труды Секции археологии РАНИОН, т. II, М., 1928, стр. 72.

⁹ И. В. Фабриціус. Археологическая карта Причерноморья..., стр. 73 и сл.; Ф. М. Штителъман. Ук. соч., стр. 168 и сл.

¹⁰ М. Еберт. Ук. соч., рис. 9 и 19.

¹¹ Хранится в Государственном Эрмитаже, инв. № ДН 1910, 3/10, 4/76, 6/15; ОАК за 1903 г., стр. 114 и сл.; ОАК за 1909—1910 гг., стр. 187; ИАК, вып. 14, стр. 24; вып. 17, стр. 89; вып. 20, стр. 10; вып. 40, рис. 5, 6.

¹² ДП, вып. 2, стр. 10 и 97.

¹³ Смела, т. II, табл. VIII, рис. 3 и 6; т. III, стр. 14.

¹⁴ Смела, т. III, стр. 130.

греческого художественного ремесла второй половины VI в. до н. э.¹ Второе бронзовое зеркало с ручкой, украшенной резным орнаментом, состоящим из розетки и изображения женщины с цветами, было обнаружено Эбертом в кургане № 1 у с. Аджигол². Третье зеркало с ручкой в виде статуэтки, воспроизводящей стоящую женскую фигуру, было найдено в кургане № 1 около Рожновых Хуторов, вблизи Херсона³. Четвертое бронзовое зеркало, ручка которого украшена мифологической сценой, было найдено в кургане № 232 в окрестностях Шполы⁴, причем целое аналогичное зеркало было найдено в Ольвии⁵.

Из изделий греческого импорта следует также отметить бронзовые черпаки и ситечки для процеживания вина. Они были найдены в курганах V в. до н. э. у сел. Аджигол и Журовка⁶. Кроме того, следует отметить и фрагментированный сосуд — кратер, украшенный на ручках скульптурными фигурками Горгоны, происходящий из кургана VI в. до н. э. близ с. Мартоноши, Ново-Миргородского района, Кировоградской области⁷.

Из изделий ольвийского производства, получивших распространение на интересующей нас территории, следует отметить бронзовые зеркала. Последние были встречены в курганах № 404 и 447 близ с. Журовка⁸ и в кургане № 38 у Гуляй-города⁹.

Торговые связи Ольвии с Левобережьем лесостепной Скифии были менее оживленными и постоянными, чем с Правобережьем. Ольвия находилась здесь в более или менее интенсивных и постоянных сношениях лишь с населением бассейна р. Ворсклы и Посулья. Население, обитавшее по берегам этих рек, получало при посредничестве Ольвии прежде всего керамические изделия. Так, ионийская керамика VI в. до н. э. была встречена в кургане № 3 у с. Поставмуки, Лохвицкого района, Полтавской области¹⁰, в то время как чернофигурная и чернолаковая керамика этого же времени в значительном количестве была представлена на Бельском городище, Опошнянского района, Полтавской области¹¹. Отдельные экземпляры этой керамики были встречены в кургане № 4 у с. Волковцы и в кургане № 6 у с. Аксютинцы, Роменского района, Сумской области¹².

На указанной территории в большем количестве, чем на Правобережье, были представлены изделия ольвийского происхождения, в частности, бронзовые зеркала и бронзовые крестообразные бляхи. Зеркала ольвийского

¹ Государственный Эрмитаж, инв. № 1897, 4/1; ОАК за 1897 г., стр. 72, рис. 186; С. А. Жебелев и В. К. Мальмберг. Три архаических бронзы из Херсонской губ. МАР, № 32, стр. 32, табл. III.

² М. E b e r t. Ук. соч., рис. 3.

³ Хранится в Государственном Эрмитаже, инв. № ДН 1896, 2/8—2/19; ОАК за 1896 г., стр. 82, рис. 337; С. А. Жебелев и В. К. Мальмберг. Ук. соч. табл. I; Б. В. Фармаковский. Архаический период в России, табл. X, рис. 1.

⁴ Смела, т. II, стр. 115 (табл. V, рис. 5).

⁵ Б. В. Фармаковский. Архаический период в России, табл. X, рис. 9, 10.

М. E b e r t. Ук. соч., рис. 10, 11; ИАК, вып. 14, рис. 36, 53.

⁷ Государственный Эрмитаж, инв. № ДН 1870, 1/1; С. А. Жебелев и В. К. Мальмберг. Ук. соч., стр. 36 и сл., табл. 10.

⁸ Хранится в Государственном Эрмитаже, инв. № ДН, 1903, 7/3; ОАК за 1903 г., рис. 246; ОАК за 1904 г., стр. 101, рис. 171; ИАК, вып. 14, стр. 24, рис. 57; вып. 17; стр. 93, рис. 27.

⁹ Хранится в Киевском историческом музее, инв. № АС, 10746; Смела, т. I, стр. 100, табл. VIII, рис. 3.

¹⁰ ЗРАО, т. VIII, Новая серия, вып. 1—2. СПб., 1896, стр. 179, рис. 48.

¹¹ В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губ. в 1906 г. Труды XIV АС в Чернигове, т. III. М., 1911, стр. 105 и сл.

¹² И. А. Линниченко. Археологические исследования летом 1898 г. ЗООИД, т. 22, 1900, стр. 14; ДП, вып. 3, стр. 14.

производства были найдены в курганах № 3 и 7 у с. Аксютинцы, в кургане № 4 у с. Волковцы¹ и в кургане № 6 у с. Басовка, Смеловского района Сумской области², у с. Мачуха около Полтавы³ (рис. 2а).

Бронзовые крестообразные бляхи ольвийского производства были встречены в кургане № 2 у с. Волковцы⁴ и в кургане Опишлянка, Котелевского района, Полтавской области⁵, причем в последнем была найдена бронзовая, обтянутая золотой пластинкой бляха (рис. 3а, 3б и 4).

Таким образом, количественное соотношение различных групп импортных изделий, найденных как в степной, так и лесостепной Скифии, позволяет утверждать, что в VI и V вв. до н. э. Ольвия находилась в наиболее оживленных и постоянных торговых сношениях с населением, жившим в непосредственной близости к городу, т. е. каллипидами, и с правобережной частью Среднего Поднепровья, т. е. со скифами-пахарями.

Население Буго-Днепровского лимана, находившееся в непосредственной близости к Ольвии и поэтому в наибольшей степени подвергавшееся экономическому, торговому и культурному влиянию греков, естественно, предъявляло большой спрос на импортные товары. Что же касается правобережной части Среднего Поднепровья, то торговые связи Ольвии, несмотря на значительную удаленность населения, здесь обитавшего, все время были постоянными и весьма оживленными. Импортные изделия, встречаемые здесь, по своему количеству не уступают найденным в окрестностях Ольвии. Подобное обстоятельство может быть объяснено тем, что племена, обитавшие в правобережной части Среднего Поднепровья, сосредоточили в своих руках нити хлебного экспорта и поэтому являлись главными поставщиками зерна в Ольвию. В данном случае речь в первую очередь может идти о племенной знати, а не вообще о представителях местных племен.

Приведенные соображения подкрепляются сообщением Геродота о том, что скифы-пахари сеяли хлеб «не для собственного употребления в пищу, а на продажу»⁶. Кроме того, главный речной путь из Ольвии в Скифию проходил через земли, заселенные этими племенами. Торговые связи, осуществлявшиеся по речному пути Ингул — Тясмин, вели из Ольвии прежде всего в Среднее Поднепровье, а затем в Поросье, Посулье. Торговые связи Ольвии с другими областями Правобережной лесостепной Скифии, в частности с племенами, обитавшими в Поросье, были менее регулярными и интенсивными. Здесь в значительно меньшем количестве представлена импортная керамическая продукция и совершенно отсутствуют металлические изделия греческого и ольвийского происхождения.

Торговые связи Ольвии с Левобережьем лесостепной Скифии были менее оживленными и постоянными, чем с Правобережьем. Импортная керамическая продукция здесь представлена в небольшом количестве, бронзовые изделия греческого происхождения почти неизвестны. Любопытно, что здесь в значительном количестве встречены импортные товары ольвийского происхождения, в частности бронзовые зеркала и бронзовые крестообразные бляхи.

Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что население лесостепного Левобережья, обитавшее вдали от Ольвии, в меньшей степени

¹ И. А. Линниченко. Ук. соч., там же; ДП, вып. 3, табл. 46, рис. 351б.

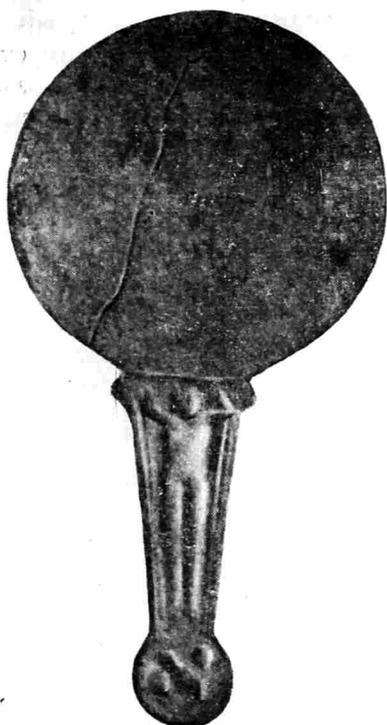
² Хранится в Киевском историческом музее, инв. № АС 18008; ДП, вып. 3, табл. 44.

³ М. Я. Рудинский. Ук. соч., табл. 7, рис. 12.

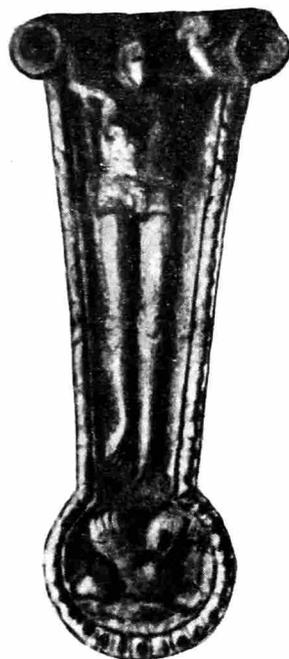
⁴ ДП, вып. 2, табл. 16.

⁵ Б. Н. Граков. Чи мала Ольвія..., рис. 5; Б. В. Фармаковский. Архаический период в России, табл. XII, рис. 2.

⁶ Геродот, IV, 17.

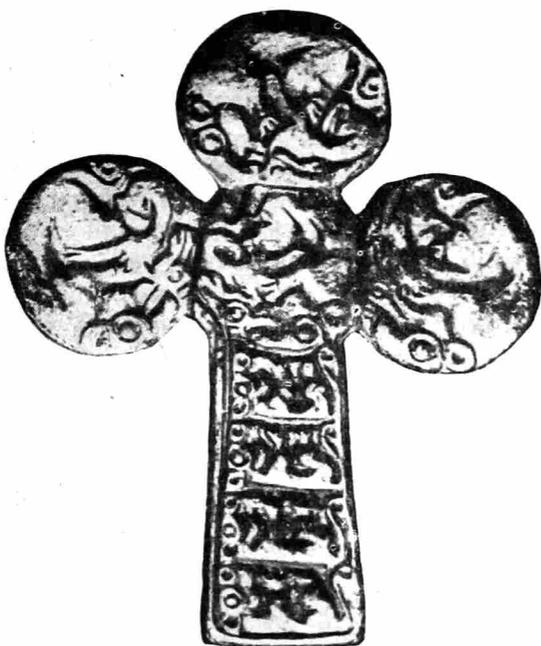

а

б

Рис. 2. Бронзовые зеркала ольвийского производства VI—V вв. до н. э.
а — из с. Волковцы; б — из Ольвии.

а

б

Рис. 3. Бронзовые бляхи.

а — обтянутая золотой пластинкой из могилы Опипшлянка Полтавской области (ГИМ); б — из с. Волковцы.

подвергалось торговому и культурному влиянию греков. В связи с этим население лесостепного Левобережья предъявляло значительный спрос на те ольвийские изделия, которые были выполнены в зверином стиле и поэтому до некоторой степени удовлетворяли их запросам. Эти племена, в которых большинство советских археологов усматривает меланхленов¹,

Рис. 4. Бронзовые бляхи.
а — из Ольвии (Эрмитаж); б — из комитата Комаром (Венгрия).

в силу сложившейся обстановки вынуждены были уступить первое место в торговле с Ольвией племенам днепровского Правобережья.

Как уже отмечалось, торговые связи Ольвии в VI—V вв. до н. э. не ограничивались только территорией степной и лесостепной Скифии, а простирались и далеко за ее пределы. Следует учитывать то обстоятельство, что за пределами Скифии в основном представлена импортная продукция ольвийского происхождения, в то время как предметы греческого импорта, распространявшиеся при посредничестве Ольвии, сюда не проникали.

Первой областью проникновения ольвийских изделий следует считать территорию Среднего Поднестровья. Здесь раскопками Сулимирского обнаружена серия бронзовых зеркал с украшенными ручками.

1. Зеркало, ручка которого на конце украшена изображением головки барана (найдено в Буковине)² Оно имеет ближайшие аналогии с зеркалами из Ольвии³, Гуляй-города⁴, Улан-Эрге⁵ и Фейерде⁶. Разница заклю-

¹ М. И. Артамонов. Этнический состав населения Скифии. Доклады VI научной конференции Института археологии. Киев, 1953, стр. 184; А. И. Тереножкин. Некоторые актуальные вопросы скифоведения. Там же, стр. 147 и сл.

² T. Sulimirski. Scytowie na Zachodniem Podolu. Lwow, 1936, табл. XI, рис. 11.

³ Б. В. Фармаковский. Арханчский период в России, табл. X, рис. 4.

⁴ Там же, табл. XIII, рис. 5; Смела, т. I, табл. VIII, рис. 3.

⁵ Б. Н. Граков. Чи мала Ольвія..., стр. 31, рис. 2.

⁶ M. Roska. Der Bestand der scythischen Altertümer Sieben-Bürgens. ESA, XI, 1937, стр. 176, рис. 15

чается лишь в том, что зеркало из Буковины имеет меньшее количество каннелюр по сравнению с остальными зеркалами (рис. 5).

2. Два бронзовых зеркала, найденных в курганах у Братышева, Тлумачского района, Станиславской области. Ручка одного из этих зеркал украшена у основания изображением оленя с поджатыми ногами, а на конце — изображением барса¹. Это зеркало очень близко напоминает зеркала из Пятигорска² и Венгрии³.

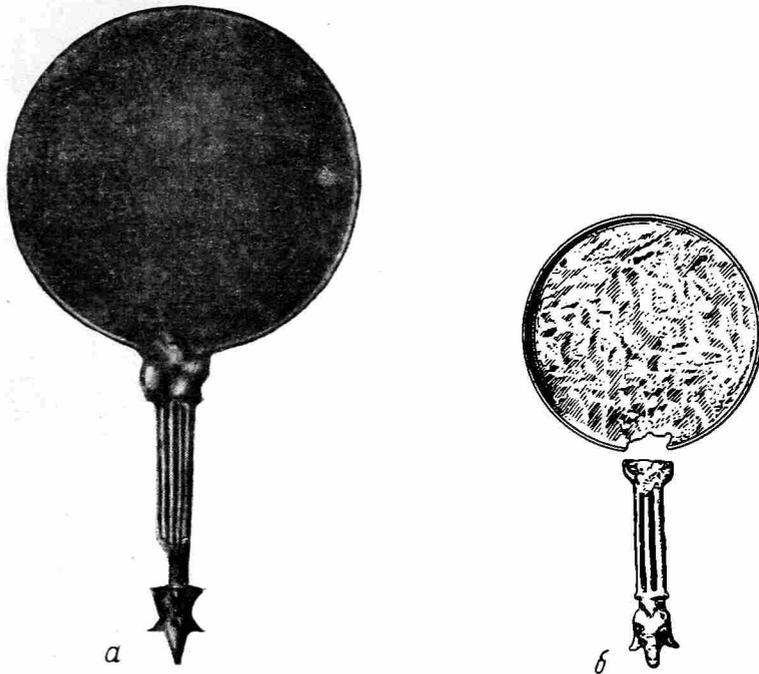

Рис. 5. Бронзовые зеркала ольвийского производства VI—V вв. до н. э.

а — из Ольвии; б — из Буковины.

Ручка второго зеркала у основания диска украшена изображением ионийской капители, а на конце — изображением головки барана⁴ (рис. 6а).

3. Зеркало, ручка которого на конце была украшена изображением головки барана (найдено в Сапогове, Борщевского района, Тарнопольской

¹ J. Reichl. *Zwierciadla podolskiej kultury scytyjskiej*, T. Sulimirski. Ук. соч., табл. V, 2а.

² Смела, т. III, стр. 68; Б. В. Фармаковский. Арханчский период в России, табл. XIV, рис. 2.

³ M. Roska. Ук. соч., стр. 179, рис. 20.

⁴ J. Reichl. Ук. соч., стр. 140, табл. V, рис. 1; табл. VI и VII. И. Райхль, издавшая группу зеркал из западных областей Украины, предполагала, что данное зеркало имеет ближайше аналогию с зеркалом из с. Мачухи и что это, по ее мнению, указывает на общий источник их происхождения, т. е. на Ольвию. Подобное мнение следует поставить под сомнение. Оба эти зеркала имеют ручку, украшенную у основания изображением ионийской капители, а на конце — изображением головки барана. Но сама трактовка ионийской капители и головки барана на ручке зеркала из Братышева резко отличается от трактовки на зеркале из с. Мачуха. Ручка бронзового зеркала из Братышева не имеет каннелюр, а составлена из двух стержней и покрыта короткими косыми насечками. Здесь мы встречаем необычную для зеркала ольвийского происхождения трактовку морды барана: она невыразительна и схематична. Верхняя часть ручки, украшенная ионийской капителью, поражает необычайным нагромождением выполненных гравировкой мотивов орнаментации: пояски, косоугольники, ромбы, волоты, чередующиеся с розетками и кружками. Зеркало из Братышева, повидимому, является изделием не ольвийских, а греческих мастеров.

области)¹. Изображение это очень схематично: ручка зеркала не имеет канцелюр, у основания диска и на конце перекладки, не встречающиеся ни на одном из известных нам зеркал ольвийского производства. В связи с этим мы склонны усматривать в этом зеркале продукцию местных мастеров, работавших по греческим образцам (рис. 6б).

Бронзовые зеркала ольвийского происхождения были найдены и на территории Венгрии.

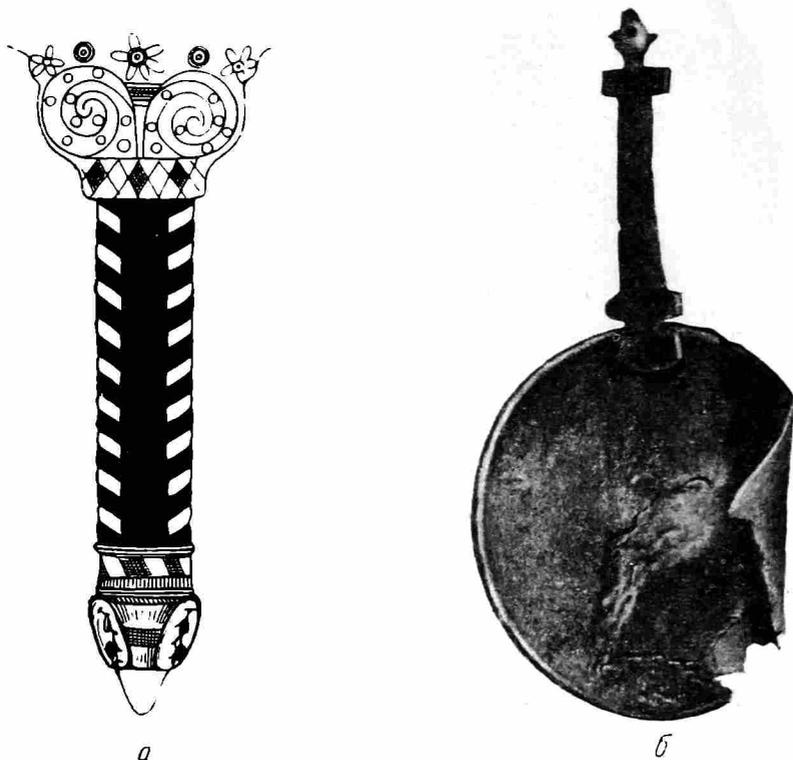

Рис. 6. Бронзовые зеркала VI—V вв. до н. э.

а — из Братышева; б — из Салогова.

У Олах-Жакода, Борзод и Покафальва были обнаружены бронзовые зеркала с ручками, украшенными у основания диска фигурой оленя с поджатыми ногами, а на конце — фигурой барса². Эти зеркала имеют сходство с зеркалом, найденным под Пятигорском³ (рис. 7).

Из Пилина⁴, Дебрешена⁵ и Макфальва⁶ происходят бронзовые зеркала, ручки которых на конце украшены фигурой барса. Эти зеркала имеют ближайшие аналогии с зеркалами из Ольвии⁷, Крымгиреевской

¹ J. Reichl. Ук. соч., стр. 138, табл. X, рис. 1.

M. Roska. Ук. соч., стр. 179, рис. 17 и 20; J. Téglás. Pokafalvai Bronztükör. Archaeologiai Értesítő, VIII, Budapest, 1888, стр. 185; J. Hampe. Scythische Denkmäler in Ungarn. Ethnologische Mitteilungen aus Ungarn, IV, 1895, стр. 22, рис. 25; стр. 24, рис. 29; A. Leszih. Scythian finds from the county of Borsod. FA, II, 1939, рис. 7.

² Б. В. Фармаковский. Архангелский период в России, табл. XIV, рис. 2.

³ N. Fettich. La trouvaille scythe de Zöldhalompusztá. Archaeologia Hungarica, Budapest, 1928, стр. 39; J. Hampe, Ук. соч., стр. 22, рис. 26; P. Reinecke. Die scythischen Alterthümer im mittleren Europa. Zeitschrift für Ethnologie, XXVIII, Berlin, 1896, табл. I, рис. 8.

⁵ N. Fettich. Ук. соч., стр. 41; J. Hampe. Ук. соч., рис. 28.

⁶ M. Roska. Ук. соч., стр. 179, рис. 18.

⁷ ОАК за 1909—1910 гг., стр. 95, рис. 120.

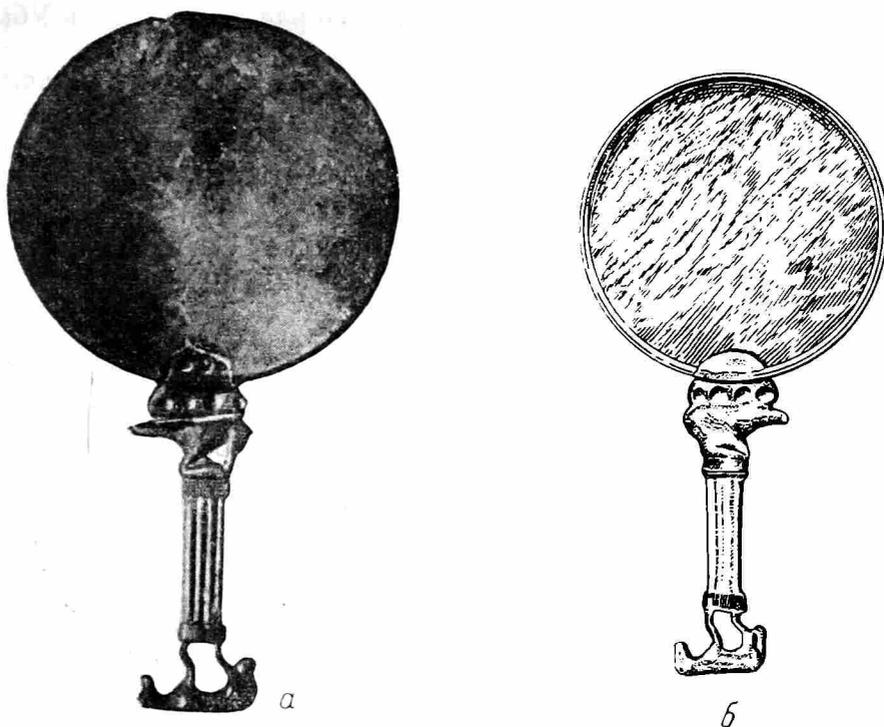

Рис. 7. Бронзовые зеркала ольвийского производства VI—V вв. до н. э.
 а — из Пятигорска (Эрмитаж); б — из Па-афальва.

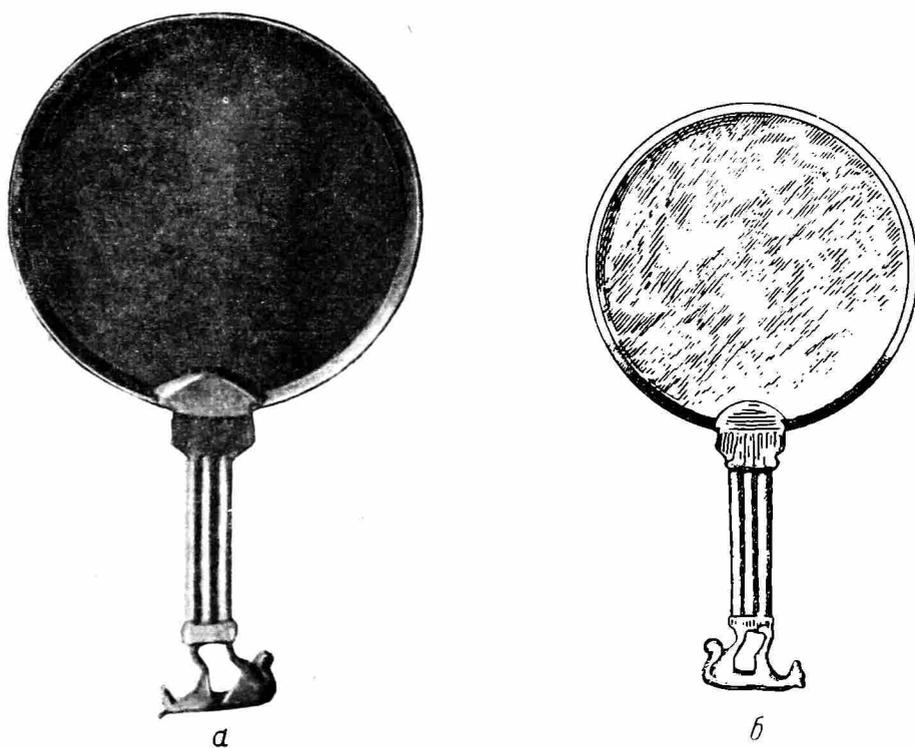

Рис. 8. Бронзовые зеркала ольвийского производства VI—V вв. до н. э.
 а — из Ольвии; б — из Макфальва (Венгрия).

станции¹, с. Преображенского, Бузулукского района², и Бишь-Убы около Орска³ (рис. 8).

У Фейерде было найдено бронзовое зеркало с ручкой, украшенной у основания диска фигурой оленя с поджатыми ногами, а на конце — головкой барана⁴. Это зеркало имеет ближайшие аналогии с зеркалом из Ольвии (рис. 9). Создается впечатление, что оба они вышли из одной и той же мастерской и из рук одного и того же мастера.

Из местности Торда и Темпозор происходят бронзовые зеркала, ручки которых на конце украшены головкой барана⁵ (рис. 10).

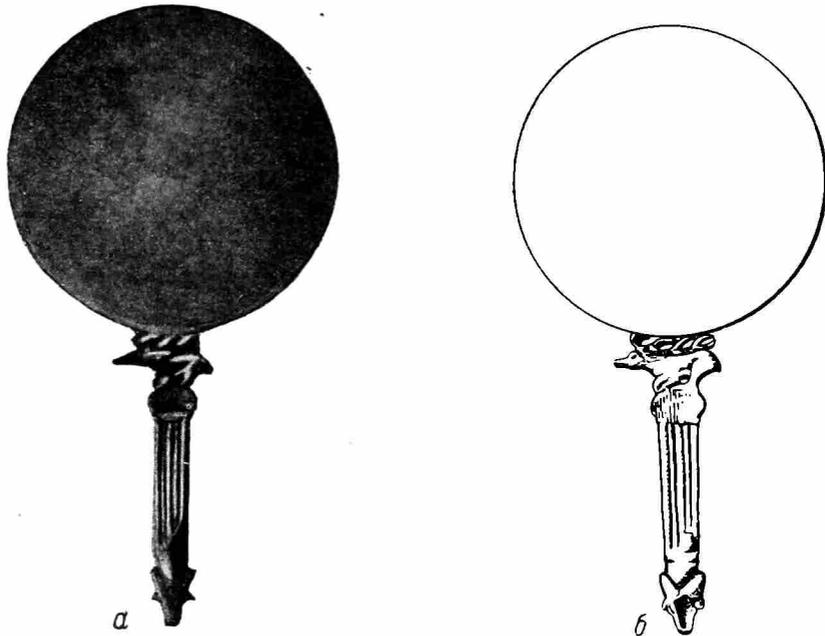

Рис. 9. Бронзовые зеркала ольвийского производства VI—V вв. до н. э.
а — из Ольвии; б — из Фейерде (Венгрия).

Говоря о торговых сношениях Ольвии с областями, расположенными на северо-запад от Ольвии, следует иметь в виду, что эти связи, повидимому, не были постоянными и оживленными и носили случайный характер. Они продолжались недолго и уже во второй половине V в. до н. э. прерываются.

Бронзовые зеркала ольвийского происхождения были найдены также и к северо-востоку от Скифии. Так, в 1911 г. Д. Я. Самоквасов обнаружил под Пятигорском бронзовое зеркало с ручкой, украшенной у основания диска изображением оленя и на конце — фигурой барса⁶.

В Крымгиреевской станице, бывш. Александровского уезда Ставропольского округа, в могиле Елга у с. Преображенского, Бузулукского райо-

¹ Смела, т. III, стр. 69, рис. 18.

² Б. Н. Граков. Чи мала Ольвия..., стр. 30, рис. 1; е го же. *Monuments de la culture scythique entre le Volga et les monts Oural*. ESA, III, Helsinki, 1928, стр. 57.

³ Смела, т. III, стр. 68.

⁴ M. Roska. Ук. соч., стр. 176, рис. 15; J. Hampré. Ук. соч., стр. 25, рис. 6.

⁵ M. Roska. Ук. соч., стр. 179, рис. 19; J. Hampré. Ук. соч., стр. 25; A. Leszih. Ук. соч., стр. 85, рис. 5.

⁶ Государственный Эрмитаж, инв. № 26/11; Смела, т. I, стр. 114; т. III, стр. 68.

на, и около Орска в урочище Бишь-Уба были найдены зеркала с ручками, украшенными на конце фигуркой барса¹ (рис. 11).

В 1913 г. из Нальчика было доставлено бронзовое зеркало, ручка которого у основания диска была украшена фигурой кабана, а на конце — изображением лежащего льва².

В окрестностях Анапы и на правом берегу Волги в урочище Улан-Эрге около Астрахани были найдены бронзовые зеркала, ручки которых на конце украшены головкой барана³ (рис. 12).

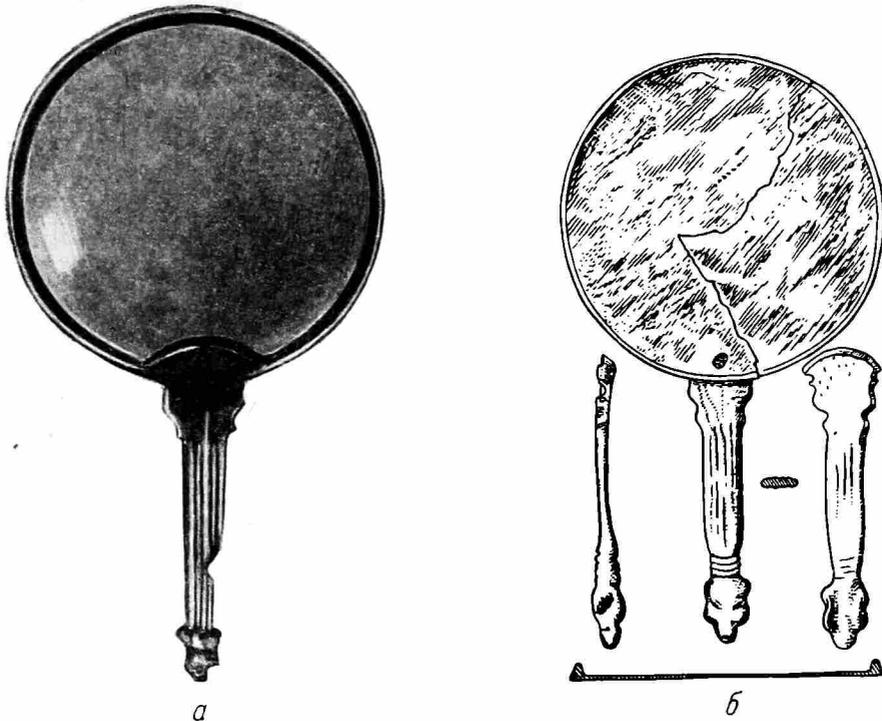

Рис. 10. Бронзовые зеркала ольвийского производства VI—V вв. до н. э.

а — из Ольвии (Киевский исторический музей); б — из Торда (Венгрия).

Торговые связи Ольвии рассматриваемого времени с областями Северного Кавказа, Поволжья и Приуралья носили более или менее регулярный характер, но далеко не столь оживленный, как со Скифией. Здесь преобладал импорт из Боспора, что особенно характерно для Прикубанья.

На торговые связи Ольвии с перечисленными областями указывает и Геродот, давая описание северо-восточного торгового пути, который вел из Ольвии к Уралу⁴. Указанные выше находки изделий ольвийского происхождения на отдельных участках этого пути подтвердили его реальное функционирование.

Итак, суммируя все изложенное, можно утверждать, что Ольвия в VI и V вв. до н. э. поддерживала оживленные торговые сношения со многими местными, как скифскими, так и нескифскими, племенами. При этом

¹ Б. Н. Граков. Чи мала Ольвия..., рис. 1 и 3.

² Б. В. Фармаковский. Архаический период в России, табл. XIV, рис. 1 и 3.

³ ОАК за 1881 г., стр. 6; ОАК за 1904 г., стр. 134; Смела, т. I, стр. 114; т. III, стр. 69; Б. Н. Граков. Чи мала Ольвия..., стр. 30, рис. 2.

⁴ Геродот, IV, 17—27.

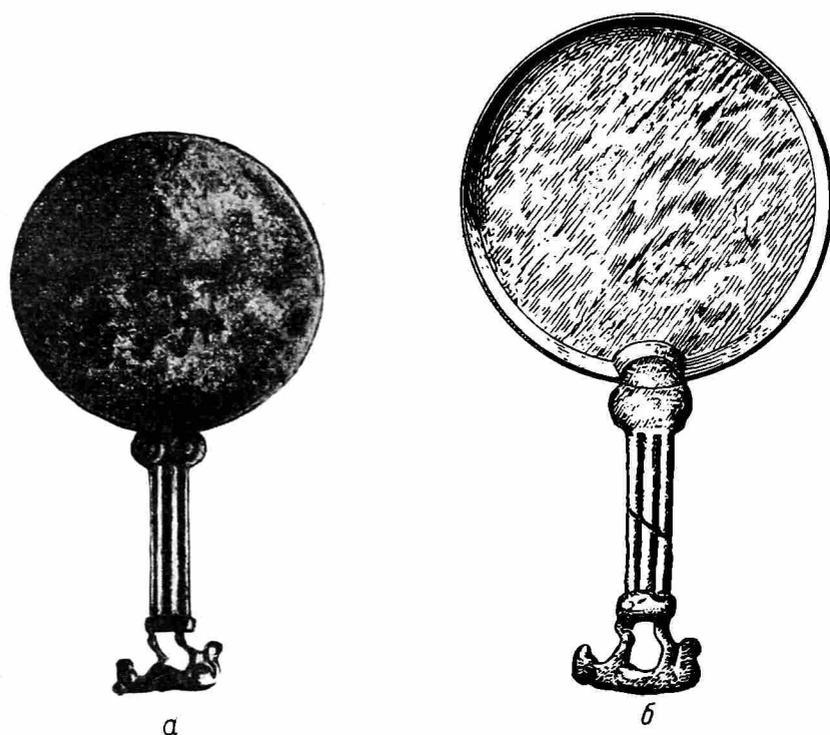

Рис. 11. Бронзовые зеркала ольвийского производства VI—V вв. до н. э.
a — из Крымгиреевской станицы; *б* — из урочища Вишь-Уба Орского района (ГИМ).

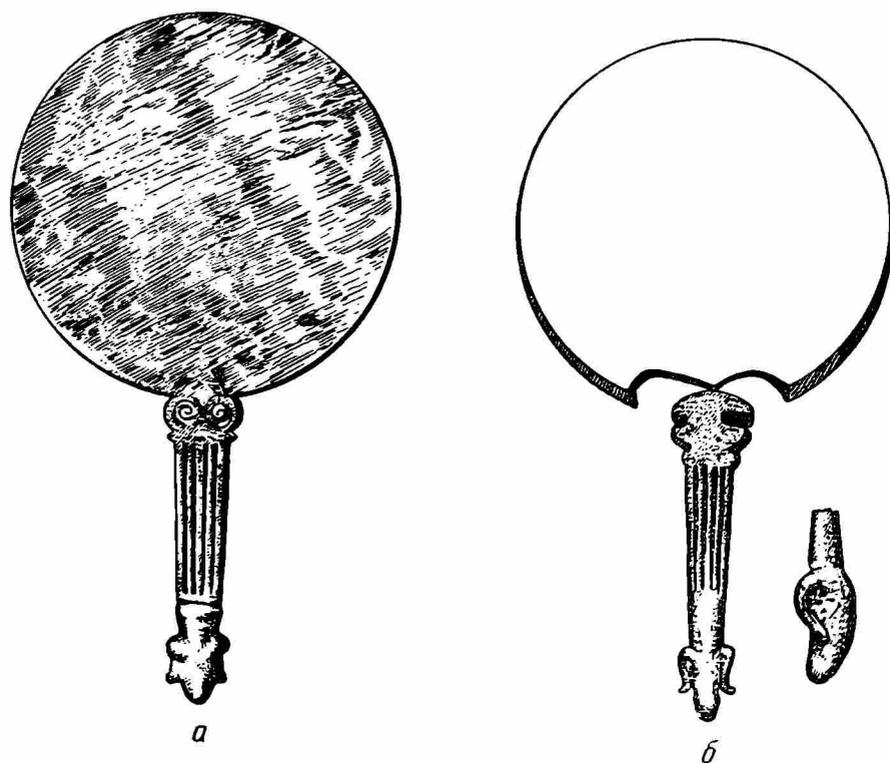

Рис. 12. Бронзовые зеркала ольвийского производства VI—V вв. до н. э.
a — из Мачухи; *б* — из Улан-Орге (ГИМ).

следует отметить, что только на территории степной и лесостепной Скифии в значительном количестве представлены все группы импортных изделий, попавших сюда при посредничестве Ольвии. На указанной территории в большом количестве были встречены импортная греческая керамика, а также металлические изделия греческого и ольвийского производства.

Граница распространения импортной греческой керамики рассматриваемого времени, попавшей в Скифию при посредничестве Ольвии, определяется Каневским районом Киевской области, а также Роменским и Смеловским районами Сумской области и Опошнянским районом Полтавской области.

Дорогая импортная керамика VI и V вв. до н. э. неравномерно представлена на территории степной и лесостепной Скифии. В наибольшем количестве она встречена в окрестностях Ольвии и в правобережной части Среднего Поднепровья; в Поросье, в Посулье и в бассейне р. Ворсклы она представлена в значительно меньшем количестве. Однако необходимо учесть, что эта керамика была встречена преимущественно в более или менее богатых курганах и притом в единичных экземплярах. В большинстве же раскопанных курганов, принадлежавших рядовому населению, ее вовсе не обнаружено. В этих курганах была встречена лишь сероглиняная и красноглиняная керамика ольвийского производства, и то преимущественно в окрестностях Ольвии.

Подобное обстоятельство в свою очередь свидетельствует о том, что курганы, в которых была найдена дорогая импортная керамика, принадлежали племенной знати, обитавшей как в окрестностях Ольвии, так и вдали от античных колоний. Эта знать имела все возможности сосредоточить в своих руках прибавочный продукт в виде продовольственных и сырьевых запасов, которые она обменивала на предметы роскоши. Большинство же населения, не располагавшее такими возможностями, естественно, не могло принять активного участия в торговле. Сказанное выше относится и к другим группам импортной продукции, в частности к металлическим изделиям греческого и ольвийского производства.

На севере импортные изделия достигали окрестностей Киева. Об этом свидетельствуют находки фигурки Беса и скарабея из фаянса в окрестностях Триполья¹.

Наличие амфорных обломков, киликов и скифосов VI и V вв. до н. э. на поселениях, в городищах и могильниках указывает на то, что греки снабжали местные племена большими партиями вина.

За пределами Скифии импортные изделия, попавшие при посредничестве Ольвии, в основном представлены продукцией этого города.

Широкое распространение бронзовых зеркал ольвийского производства, которые на западе проникали на территорию нынешней Венгрии, а на востоке—до Уральских гор, свидетельствует о том, что население здесь обитавшее, удовлетворялось лишь той продукцией, которая отвечала его вкусам. Поэтому ольвийские мастера, выполняя требования своих заказчиков, изготавливали металлические изделия в зверином стиле и тем самым делали значительный вклад и в местную культуру.

Ольвия, сбывавшая в Скифию изделия своих и греческих мастеров, экспортировала оттуда в большом количестве продовольственные и сырьевые продукты. Главным и наиболее ценным предметом экспорта из Скифии

¹ Б. Турев. Описание египетских памятников в русских музеях и собраниях. Записки Вост. отд. Русского археологическ. об-ва, т. XII, 1899, стр. 217. е го же. Objets égyptiens et égyptisants, trouvés dans la Russie méridionale. RA XVIII, 1911, стр. 33.

было зерно. О том, что греков в Северном Причерноморье интересовало прежде всего зерно, говорит описание земледельческой Скифии античными авторами. Так, Геродот, описывая земледельческие племена Скифии, указывает, что, начиная от Ольвии к западу от Днепра, живут каллипиды или эллино-скифы, к северу от них — алазоны, а выше алазонов — скифы-пахари. Все эти народы занимаются земледелием, а скифы-пахари «сеют хлеб не для собственного употребления в пищу, а на продажу»¹. В этом сообщении Геродота имеется прямое указание на участие местных земледельческих племен в торговле хлебом, а также на то, что в это время хлеб из Приднепровья вывозился при посредничестве Ольвии. Кроме указаний античных авторов о торговле хлебом, мы располагаем и вещественными памятниками, подтверждающими, что в торговом обмене Ольвии хлебный экспорт играл значительную роль. Так, например, из Ольвии происходят монеты, на оборотной стороне которых изображены колосья и зерна пшеницы, указывающие на большое значение экспорта хлеба по сравнению с вывозом из города других продуктов.

Эпиграфические памятники свидетельствуют о наличии в Ольвии крупных хлеботорговцев, скупавших у местного населения по оптовым ценам значительные партии зерна для перепродажи его по повышенным ценам греческим купцам, а также о наличии в Ольвии житниц, в которых, вероятно, хранился хлеб, предназначенный для вывоза².

Следует отметить, что часть экспортировавшегося из Скифии зерна шла на удовлетворение потребностей городского рынка, в то время как значительная часть зерна вывозилась из Северного Причерноморья в Грецию. Античные города Северного Причерноморья поэтому по праву считались житницей для Греции.

Экспорт рыбы из Северного Причерноморья играл весьма значительную роль, уступая по своему значению только вывозу зерна. Соленая рыба различных сортов в большом количестве вывозилась в города островной и материковой Греции. Античные авторы в своих сочинениях сообщают довольно подробно о рыбных богатствах Черного и Азовского морей, о качествах и сортах понтийской рыбы. Афиняне во время Геродота по этой причине были хорошо осведомлены о реках Скифии, в которых водилось большое количество хороших сортов рыб. Так, Геродот, подробно описывая реки Скифии, отмечал, что р. Борисфен — самая полезная не только среди скифских рек, но и среди всех других, кроме египетского Нила: а из остальных рек Борисфен — самая прибыльная. Она доставляет стадам прекраснейшие и очень питательные пастбища, превосходнейшую рыбу в огромном количестве; в ней ловятся для соления большие рыбы без позвоночника, называемые осетрами³. Согласно сообщениям античных авторов, понтийская рыба высоко ценилась в государствах Греции. Недаром Полибий считал ее предметом роскоши, удовлетворявшей потребности высших слоев общества⁴.

Многочисленные монеты, найденные в Ольвии, имеющие на оборотной стороне изображения рыб, лишней раз указывают на значение для города экспорта рыбы.

Говоря о вывозе рыбы из Северного Причерноморья, следует отметить, что главным видом экспорта служили осетровые, затем шли тунец, пелагида, кефаль, скумбрия, бычок, сельди, анчоус и султанка.

¹ Геродот, IV, 17

² IO S PE, I², № 32.

³ Геродот, IV, 53.

⁴ Полибий, IV, 38.

Рыбу, в противоположность другим предметам экспорта, ольвиополиты не получали из глубин Скифии, а приобретали у населения, жившего в основном в Буго-Днепровском лимане.

Из Скифии ольвийские купцы экспортировали продукты животноводства, рабов, мед и воск.

О вывозе пушнины из Северного Причерноморья сообщает Геродот, рассказывая о торговом пути от Ольвии к Уралу и перечисляя при этом охотничьи племена будинов, фиссагетов и иорков. В земле будинов, по словам Геродота, ловятся выдры, бобры и другие животные¹.

Торговые сношения Ольвии с населением Скифии в VI—V вв. до н. э. носили в основном меновой, безденежный характер. Для ольвийских купцов, отправлявшихся с товарами в Скифию, наличие денег не представляло острой необходимости, так как обмен с местными племенами оставался в большинстве случаев натуральным.

Некоторые советские ученые, затрагивая в своих работах вопросы, связанные с торговым обменом греков с населением Скифии, пытаются доказать, что местное население Северного Причерноморья было широко охвачено товарно-денежными отношениями. Так, Д. П. Каллистов, указывая на обильный выпуск ольвийских медных денег в форме дельфинов, литой, а потом и чеканной монеты, считает, что многочисленные слои туземного населения раннего периода были охвачены широко распространившимися среди них товарно-денежными отношениями². Однако обильный выпуск ольвийской медной монеты сам по себе не может свидетельствовать о широком внедрении товарно-денежных отношений среди местного населения. Многочисленные выпуски ольвийских монет в форме дельфинов, литой, а потом и чеканной монеты раннего времени, повидимому, были предназначены для нужд все развивавшегося внутреннего городского рынка, а вовсе не для торговли с местным населением Скифии. Если бы ольвийские купцы вели свои расчеты с окрестным населением на деньги, выпускавшиеся их городом, как предполагал Д. П. Каллистов³, то мы имели бы значительное количество находок ольвийских монет за пределами этого города. Однако нам неизвестны «неоднократные случаи находок ольвийских медных монет иногда на весьма значительном расстоянии от города». Ссылка же Д. П. Каллистова на В. Гошкевича не может служить доказательством этому, так как последний сообщает о находке клада крупных литых монет — ассов у Купуруба (предместье Очакова), т. е. на незначительном расстоянии от Ольвии (30—40 км). О находках ольвийских монет на весьма значительном расстоянии от Ольвии сообщают А. Уваров, П. Толстой и Н. Кондаков, но эти находки относятся к эллинистической эпохе. Предположение Д. П. Каллистова о том, что ольвийская медь прежде всего предназначалась для расчетов с туземными поставщиками хлеба и что в товарно-денежные отношения были вовлечены не только каллипиды, но и скифы-пахари, ничем не обосновано. Если бы это было в действительности так, то имелись бы многочисленные случаи находок ольвийских монет на территории, занимавшейся каллипидами и скифами-пахарями, если учесть, что скупка хлеба производилась не у крупных поставщиков.

Геродот, IV, 109.

Д. П. Каллистов. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949, стр. 145.

³ Д. П. Каллистов. Ук. соч., стр. 141. Следует отметить, что Д. П. Каллистов в своей последней работе «Северное Причерноморье в античную эпоху» отказался от подобной точки зрения, правильно считая, что ольвийская медь «и в виде литой монеты, и в виде «дельфинов» прежде всего предназначалась для внутреннего рынка» (стр. 81).

а у относительно большого числа мелких производителей. Ольвийские монеты архаического и классического периодов найдены только в Николаевской и Херсонской областях, причем в единичных экземплярах. Так, они были обнаружены у Воловой Балки и Купуруба, Очаковского района, Николаевской области, около дер. Христофоровка, Баштанского района, Николаевской области, у с. Александровка и около Семенова Рога, Белоцерского района, Херсонской области, у Кинбурнской Косы и у с. Бехтеры, Голопристанского района, Херсонской области¹.

Единичный характер находок ольвийских монет в непосредственной близости к Ольвии также не может говорить в пользу предположения Д. П. Каллистова о том, что ольвийские деньги предназначались для закупки хлеба у каллипидов и скифов-пахарей. Но на территории, заселенной скифами-пахарями, такие находки совершенно не зафиксированы. В курганах Киевской, Кировоградской, Полтавской и Сумской областей встречаются как предметы греческого импорта, так и изделия ольвийского производства, но ни в одном из этих курганов не были встречены ольвийские монеты. Следовательно, единичный характер находок ольвийских монет архаического и классического периодов в Николаевской и Херсонской областях, полное их отсутствие в Кировоградской, Киевской, Полтавской и Сумской областях довольно убедительно свидетельствуют о преимущественно безденежном, меновом характере торговых операций ольвийских купцов с населением указанных областей: местное население, сбывая продовольственные и сырьевые продукты, получало в обмен предметы греческого импорта и изделия ольвийских ремесленников. Обильные выпуски ольвийской меди в виде дельфинов и литой медной монеты, повидимому, свидетельствуют о значительном экономическом развитии самого города, об образовании в нем местного городского рынка, нуждавшегося в собственных средствах денежного обращения. Выпуск серебряной ольвийской монеты не мог удовлетворить потребностей развивавшегося городского рынка.

В заключение следует остановиться на вопросе о том, какое влияние оказала античная торговля на социально-экономическое развитие скифского общества, имела ли она решающее значение для местного населения.

Торговля греков с населением Скифии имела большие последствия для его социально-экономического развития. Эта торговля оказала значительное влияние на развитие местных племен Скифии, особенно тех, которые поддерживали с греками наиболее тесные и постоянные торговые сношения. В первую очередь это относится к каллипидам и скифам-пахарям. Торговля ускорила социальную дифференциацию внутри племен Скифии, содействовала развитию в ней товарного производства и тем самым разложению первобытно-общинного строя.

Торговые связи греков с населением Скифии привели к тому, что в ряде районов Северного Причерноморья наблюдался процесс взаимодействия греческой и местной культур. Развитие этого процесса подтверждают и письменные источники. Так, Геродот называет каллипидов «эллиноскифам».

¹ И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР, стр. 73 и сл.; В. П. Гошкевич, Клады и древности Херсонской губернии. Херсон, 1903, стр. 60 и сл.; П. О. Бурачков. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим на северном берегу Черного моря. 1884, стр. 18; е г о ж е. О местоположении древнего г. Каркинитеса и монетах, ему принадлежащих. ЗООИД, т. IX, 1875, стр. 34; А. С. Уваров. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря, вып. I. СПб., 1851, стр. 46; Журнал Министерства нар. просвещ., 1837, ч. 24, стр. 133.

Влияние торговли в большей степени коснулось родо-племенной знати, которой было выгодно сближение с античной цивилизацией. Основная же масса местного населения, в меньшей степени подвергавшаяся торговому и культурному влиянию греков, враждебно относилась ко всему чужеземному. О последнем ярко свидетельствует рассказ, переданный Геродотом о скифском царе Скиле. Следует отметить, что и греки в процессе торговых связей с племенами Скифии также подвергались значительному культурному влиянию местной среды.

Но торговля сама по себе была не в состоянии создать в Скифии новый способ производства, так как для степени влияния торговли основное значение имеет устойчивость старого способа производства. Решающим моментом в формировании скифского государства явилось значительное развитие производительных сил, подрывавших устои первобытно-общинного способа производства. В Скифии в V в. до н. э. и последующих веках это развитие сопровождалось начавшимся процессом отделения ремесла от земледелия. Этим процессом в первую очередь было затронуто железоделательное ремесло.

Развитие производительных сил, сопровождавшееся ростом производительности труда, сказалось в создании прибавочного продукта как в ремесле, так и в сельском хозяйстве. О создании прибавочного продукта в сельском хозяйстве сообщает Геродот, рассказывая о том, что скифы-пахари сеют хлеб не для собственного потребления в пищу, а на продажу. О накоплении прибавочного продукта в ремесле свидетельствует археологический материал, в частности изделия металлургических мастерских. Изделия этих мастерских становятся товаром. Известно, что такие городища, как Каменское, являлись крупными центрами обработки металла, значительная часть которого предназначалась для обмена.

Этому бурному развитию производительных сил уже больше не соответствовали старые производственные отношения, т. е. первобытно-общинные, превратившиеся в тормоз, сковывавший развитие производительных сил. Но старые производственные отношения, господствовавшие в Скифии еще во времена Геродота, не могли долго отставать от роста производительных сил и находиться с ними в противоречии, так как они начали утрачивать роль двигателя производительных сил. В связи с этим старые первобытно-общинные производственные отношения были заменены новыми, рабовладельческими.

Успехи племен Скифии в области производства, сопровождавшиеся ростом производительности труда, подрывали устои первобытно-общинного строя и послужили экономической основой для перехода к государственному образованию рабовладельческого типа.

Процесс возникновения и становления государства у скифов, начавшийся в конце V — начале IV в. до н. э., о чем свидетельствует царство Атея¹, затянулся на целые столетия. Он был успешно завершен лишь в III веке до н. э. В это время в Крыму возникает скифское государство, которому уже были присущи все признаки рабовладельческого государства. Оно имело свой экономический базис в товарном сельском хозяйстве, развитом ремесле и характеризовалось наличием городского центра с высокой строительной техникой и чеканкой монет.

«Развитие торговли и торгового капитала,— писал К. Маркс,— повсюду развивает производство в направлении меновой стоимости, увеличивает его размеры, делает его более разнообразным, придает ему

¹ Подробно о царстве Атея см.: Б. Н. Г р а к о в. Скифский Геракл. КСНМК, XXXIV, 1950, стр. 9 и сл.

космополитический характер, развивает деньги во всемирные деньги. Поэтому торговля повсюду влияет более или менее разлагающим образом на те организации производства, которые она застаёт и которые во всех своих различных формах направлены главным образом на производство потребительной стоимости. Но как далеко заходит это разложение старого способа производства, это зависит прежде всего от его прочности и его внутреннего строя. И к чему ведёт этот процесс разложения, т. е. какой новый способ производства становится на место старого,— это зависит не от торговли, а от характера самого способа производства»¹.

Итак, в процессе формирования в Скифии первых государственных образований торговле принадлежит если не решающее, то все же одно из значительных мест.

Е. В. МАХНО

РАННЕСЛАВЯНСКИЕ (ЗАРУБИНЕЦКО-КОРЧЕВАТОВСКИЕ) ПАМЯТНИКИ В СРЕДНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ

В 1901 г. В. В. Хвойко были опубликованы результаты исследования раннеславянских памятников Среднего Поднепровья — «полей погребений» у сел Зарубинцы, Черняхов и Ромашки (ныне — Киевской области). Этим было положено начало изучению славянских древностей периода, предшествующего возникновению древнерусского государства.

Рассматривая полученные материалы, В. В. Хвойко пришел к правильному выводу о том, что они распадаются на две хронологические группы. Одну, относящуюся к последним векам до нашей эры, составляют материалы Зарубинецкого могильника; вторую, охватывающую первые пять веков нашей эры, составляют материалы двух других могильников. По мнению В. В. Хвойко, эти две группы были последовательными звеньями одной цепи — развития славян на Приднепровье, поселившихся здесь «со времен самой отдаленной древности»¹. Это мнение В. В. Хвойко утвердилось впоследствии в археологической литературе как представление о двух сменяющих друг друга славянских культурах Среднего Поднепровья — зарубинецкой и черняховской².

В дальнейшем более тщательному изучению подвергались памятники черняховского типа. Данная статья является попыткой суммировать известные ныне материалы, характеризующие зарубинецкую раннеславянскую культуру.

Для того, чтобы определить место и значение зарубинецкой культуры в развитии славян в Приднепровье, необходимо прежде всего определить время ее бытования и территорию распространения.

Публикуя результаты раскопок могильника в с. Зарубинцах (рис. 1), В. В. Хвойко упоминал о наличии аналогичных памятников на Десне, а немного позже, в работе «Древние обитатели Среднего Поднепровья» (1913 г.), перечислил их, называя могильники у сел Пуховка и Погребы, Остерского уезда, Черниговской губернии. В этом же уезде В. В. Хвойко были известны могильники у сел Бортнич и Вишенки. В Переяславском уезде Полтавской губернии ему были известны зарубинецкие памятники у сел Кайлово и Рудковка, в Каневском уезде Киевской губернии — в селах Триполье, Ржищев и Тростянец.

¹ В. В. Х в о й к о. Поля погребений в Среднем Поднепровье. ЗРАО, т. XII, Новая серия, 1901, стр. 190.

² А. А. С п и ц ы н. Поля погребальных урн. СА, X, 1948, стр. 53 и сл.

Находки, совершенно тождественные зарубинецким, были обнаружены Н. Е. Макаренко в 1906 г. на Басовском городище¹. Еще в 1881 г. Ф. Каминским такие находки были сделаны на Замковой Горе в г. Лубнах². Из публикации М. Я. Рудинского, относящейся к 1928 г., известно, что аналогичные зарубинецким вещи были найдены А. Щербачевым в 1882—1890 гг. при раскопках курганов в Верхней Мануйловке и на хуторе Дьяченко, Козельщанского района, Полтавской области³. Кроме этого, в отчете Археологической комиссии за 1911 г. было помещено сообщение о том, что в Субботове, в усадьбе М. С. Чапалы, на глубине 3,20 м обнаружены 2 сосуда: один бронзовый, с отогнутым венчиком, другой — лепной, зарубинецкого типа, по форме напоминающий греческий канфар⁴.

Долгое время сведения об аналогичных Зарубинецкому могильнику раннеславянских памятниках Среднего Поднепровья ограничивались указанными находками. Накануне Великой Отечественной войны в Институте археологии Академии Наук УССР под руководством В. П. Петрова было начато широкое изучение раннеславянских памятников зарубинецкого типа. Были собраны все литературные и архивные сведения об этих памятниках, просмотрены коллекции музеев. В итоге список памятников зарубинецкого типа пополнился следующими пунктами: Вита-Почтовая, Киево-Святошинского района; села Букрин, Ржищев, Гришанцы, Куриловка, Пищальники, Пекари, Каневского района; с. Стретовка, Кагарлыкского района; с. Трахтемирово, Переяславского района; Биевцы, Богуславского района, Лицлява, Гельмязовского района Черкасской области и Черкасы⁵.

В 1940—1941 гг. к юго-востоку от Киева, около с. Корчеватого, на высоком коренном берегу Днепра П. М. Самойловским был открыт и исследован большой, аналогичный Зарубинецкому, могильник, содержащий свыше 100 погребений, главным образом трупосожжений⁶. Открытие вызвало большой интерес среди археологов. С этих пор памятники, аналогичные Зарубинцам и Корчеватому, стали называть зарубинецко-корчеватовскими или просто корчеватовскими. В послевоенное время их исследование уделялось большое внимание.

В 1945 г. Поросской археологической экспедицией под руководством Т. С. Пассек в нижнем течении Роси были открыты могильники в с. Великий Букрин, Ржищевского района и с. Селище, Каневского района. Найдены и обследованы названные В. В. Хвойко могильники у сел Тростяницы и Зарубинцы и впервые открыты поселения в Каневе, на горе Московке, на Филипенковой горе и в с. Зарубинцы⁷.

В 1947 г. В. А. Богусевичем обнаружены следы поселения около с. Хмельна, Каневского района⁸, а в 1949 г. В. П. Довженок и Н. В. Линка

¹ Н. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в 1906 г. ИАК, вып. 22, 1907, стр. 78, 85; ДП, II, 1899, табл. XXXIV, стр. 655.

² Труды VIII АС, IV, стр. 238, табл. XXXI, рис. 51; М. Я. Рудинский, Археологічні збірки Полтавського музею. Збірник I (присвяч. 35-річчю музею). Полтава, 1928, стр. 48, табл. V, рис. 18, 19.

³ М. Я. Рудинський. Ук. соч., стр. 48, табл. VIII, рис. 18.

⁴ ОАК за 1911 г., стр. 81, рис. 117, 118.

В. П. Петров. Пам'ятки культури полів поховань на території України (рукопись).

⁶ І. Самойловський. Корчеватський могильник. «Археологія», I. Київ, 1947, стр. 101—109; І. М. Самойловський. Корчеватський могильник (хранится в фондах ИА АН УССР).

⁷ Т. С. Пассек. Пороська археологічна експедиція, 1945 р. АП, I, 1949, стр. 213 и сл.

⁸ В. А. Богусевич. Отчет о работе Каневской археологической экспедиции в 1947—1948 гг., стр. 16, 17 (хранится в фондах ИА АН УССР).

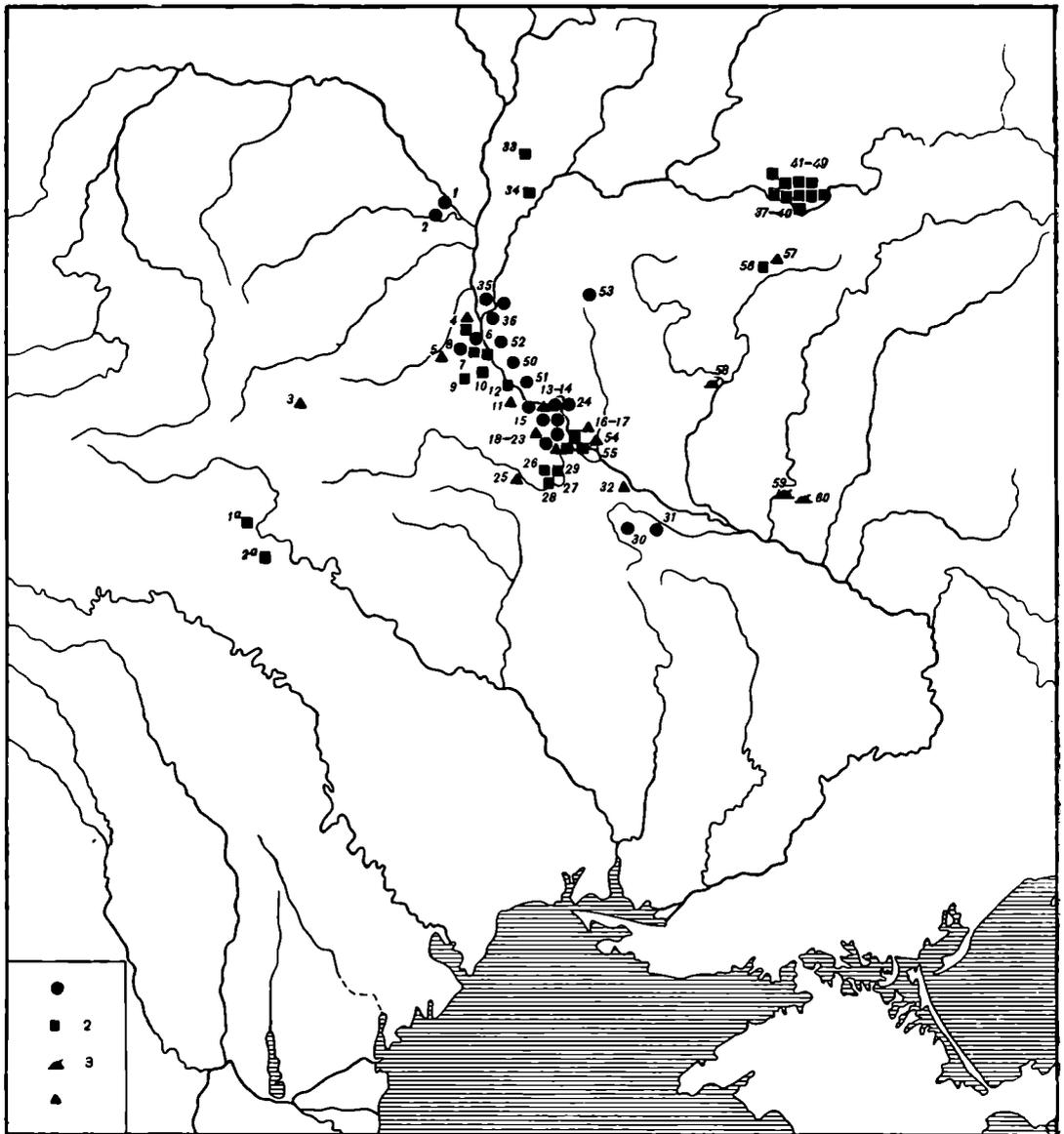

Рис. 1. Карта распространения памятников зарубинецко-корчеватовского типа в Среднем Приднепровье.

1 — могильник; 2 — поселение; 3 — впускное погребение; 4 — случайная находка.
 1а — Ровец, Винницкого района, Винницкой области; 2а — Остапковцы, Немировского района, Винницкой области; 1 — Залесье, Чернобыльского района, Киевской области; 2 — Гапонович, того же района и области; 3 — Райки, Бердичевского района, Житомирской области; 4 — Киев; 5 — Белгородка, Киево-Святошинского района, Киевской области; 6 — Корчеватое, того же района и области; 7 — Пирогово, того же района и области; 8 — Вита-Почтовая, того же района и области; 9 — Великие Дмитровичи, Обуховского района, Киевской области; 10 — Ходосовна, Киево-Святошинского района, Киевской области; 11 — Стретовка, Кагарлыкского района, Киевской области; 12 — Триполье, Обуховского района, Киевской области; 13 — Букрин, Ржищевского района, Киевской области; 14 — Великий Букрин, того же района и области; 15 — Гришанцы, Каневского района; 16 — Зарубинцы, Переяславского района, Киевской области (могильник); 17 — Зарубинцы, того же района и области (поселение); 18 — Канев, «Пилипенкова гора», Каневского района, Черкасской области; 19 — Канев, «Московна», того же района и области; 20 — Буриловка, того же района и области; 21 — Пинальнички, того же района и области; 21а — Ржищев, Ржищевского района, Киевской области; 22 — Селище, Каневского района; 23 — Тростяницы, того же района; 24 — Трахтемирово, Переяславского района, Киевской области; 25 — Биевцы, Богуславского района; 26 — 28 — Сахновка, Корсунь-Шевченковского района; 29 — Хмельна, Каневского района; 30 — Михайловка (б. Прусы), Каменского района, Черкасской области; 31 — Субботов, Чигиринского района; 32 — Черкассы; 33 — Табаевка, Черниговского района и области; 34 — Шестовица, того же района и области; 35 — Пуховка, Броварского района, Киевской области; 36 — Погребцы, того же района и области; 37 — Пересыпки, Зинovieвского сельсовета, Путивльского района, Сумской области; 38 — Пересыпки, «Синичий Брод», того же района и области; 39 — Зелово Старое, того же района и области; 40 — Харьевка, того же района и области; 41 — Хутор Красный, Прудовского сельсовета, того же района и области; 42—44 — Калище, того же района и области; 45 — 49 — Новая Слобода, того же района и области; 50 — Вишнечи, Бориспольского района, Киевской области; 51 — Койлово, того же района и области; 52 — Борнячи, того же района и области; 53 — Рудновка, Бобровицкого района; 54 — Липлява, Черкасской области; 55 — Келеберда, той же области; 56 — Басовна, Смеловского района, Сумской области; 57 — Беседовна, того же района и области; 58 — Лубны, Полтавской области; 59 — Верхняя Мануйловка, Козельщанского района, Полтавской области; 60 — Хутор Дьяченко, того же района и области.

открыли в с. Сахновке, Корсунь-Шевченковского района, три зарубинецких поселения: в урочище «Девица», урочище «Лысари-Городище» и урочище «Гончариха»¹.

А. И. Тереножкин в 1951 г. открыл погребение в известном уже ранее Субботове на р. Тясмине. Возможно, что как это погребение, так и открытые ранее в усадьбе М. С. Чапалы, относятся к одному могильнику.

Поселения с материалом, близким зарубинецко-корчеватовскому, открыты в 1947 г. Д. Т. Березовцем в верховьях Южного Буга около сел Ровец, Винницкого района, и Астапковцы I, Немировского района, Винницкой области².

Сосуд зарубинецко-корчеватовского типа обнаружен В. К. Гончаровым среди материалов, происходящих из раскопок в с. Райках, Бердичевского района, Житомирской области.

При раскопках Белогородки, известного городища времени Киевской Руси, в 1947 г. Д. И. Блифельду попало несколько фрагментов от посуды корчеватовского типа³.

Разведками экспедиции «Большой Киев», под общим руководством академика П. П. Ефименко, в окрестностях Киева открыты зарубинецко-корчеватовские поселения около сел Ходосовка и Пирогово, Киево-Святошинского района⁴.

В. Н. Даниленко открыл зарубинецко-корчеватовское поселение в с. Великие Дмитровичи, Обуховского района. Могильники открыты в с. Староселье, Выше-Дубечанского района, и с. Койлово, Бориспольского района, Киевской области. В с. Койлово И. М. Самойловский провел разведывательные раскопки⁵. Отдельные фрагменты посуды встречаются на городищах у сел Старые Безрадици, Обуховского района, Великая Бугаевка, Васильковского района, и Вита-Почтовая, Киево-Святошинского района⁶.

Особенно плодотворными были разведки Д. Т. Березовца в Посеймье, в Путивльском районе Сумской области. Здесь удалось зафиксировать корчеватовские поселения у сел: Пересыпки — 2 поселения (одно около леса, другое в урочище Синичий Брод), Зелово Старое и Харьевка, Зиновьевского района, — по одному поселению. В с. Калище, Ново-Слободского сельсовета, и в с. Новая Слобода обнаружено по 3 поселения и 1 поселение — на хуторе Красном, Прудовского сельсовета⁷.

Группа памятников, аналогичных зарубинецко-корчеватовским, обнаружена П. Н. Третьяковым и Ю. В. Кухаренко в 1951—1954 гг. в Верхнем Приднепровье и на Припяти (юго-восточная часть Белоруссии)⁸.

Посуда, несколько напоминающая зарубинецко-корчеватовскую, — в частности ребристые мисы и конусообразные плоски, — была обнару-

¹ В. И. Довженок и Н. В. Линка. Археологические исследования в нижней Роси в 1949 г., стр. 10—14 (рукопись, хранится в фондах ИА АН УССР).

² Д. Т. Березовець. Розвідка у верхів'ях р. Південного Бугу. АП, III, 1952, стр. 209.

³ Д. І. Бліфельд. Дослідження древнього Белгорода. Там же, стр. 30.

⁴ Н. В. Линка. Роботи експедиції «Великий Київ» за 1947 р. Там же, стр. 46—48.

⁵ І. М. Самойловський. Розвідки і розкопки в Києві та його околицях в 1947—1948 рр. Там же, стр. 78—81.

⁶ Н. В. Линка. Ук. соч., стр. 46.

⁷ Д. Т. Березовець. Звіт про роботу Сеймсько-Деснянського отряду 1950 г. (фонды ИА АН УССР).

⁸ П. Н. Третьяков. Вопрос этнологии северных восточнославянских племен (тезисы доклада на сессии Отделения истории и философии Академии наук СССР и пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических исследований). М., 1952, стр. 27—28.

жена в 1951 г. К. А. Бреде и Р. И. Ветштейн на Гавриловском городище, А. В. Добровольским и Р. И. Выезжевым — на поселении Золотая Балка, Ново-Воронцовского района, Херсонской области¹, а так же на Любимовском городище²

Приведенные данные свидетельствуют о значительном пополнении сведений о зарубинецко-корчеватовских памятниках в годы после Великой Отечественной войны. Общее их число в настоящее время достигает 70. Такое количество дает возможность наметить территорию их распространения в области Среднего Поднепровья, которая обрисовывается приблизительно в следующих рамках: на западе территория зарубинецко-корчеватовских памятников захватывает верховья Южного Буга и бассейны рек Тясмина, Роси и Тетерева; на востоке в ее пределы входят бассейны рек Десны, Сейма, Сулы и отчасти Псла. Таким образом, основной территорией распространения зарубинецко-корчеватовских памятников является бассейн среднего течения Днепра в лесостепной и примыкающей к ней лесной полосе. За пределы этой территории выходят только нижнеприднепровские памятники, как, например, поселение Золотая Балка, Гавриловское и Любимовское городища.

Что же представляют собой зарубинецко-корчеватовские поселения и могильники?

Могильник у с. Зарубинцы, согласно указанию В. В. Хвойко, располагался «на возвышенности, стоящей в виде отдельного холма». Могильник у Трахтемирова располагался также на высоком правом берегу Днепра в том месте, где Днепр делает петлю. Таково расположение и Корчеватовского могильника. Могильники же, открытые Якимовичем у с. Залесье и И. М. Самойловским у с. Койлово, располагаются на донах, в низменных местах.

Судя по раскопанной, сохранившейся от разрушения, части Корчеватовского могильника, в которой обнаружено свыше 100 погребений, можно думать, что могильники были значительных размеров.

Благодаря раскопкам И. М. Самойловского в Корчеватом и Койлове можно считать установленным, что основным типом захоронения были трупосожжения, но наряду с ними существовали и трупоположения. В Зарубинецком, Корчеватовском и Койловском могильниках трупосожжение совершалось на стороне, но В. В. Хвойко были известны и могильники с сожжением на месте, как, например, могильник около с. Прусы (теперь Михайловка, Каменского района, Черкасской области)³. Пережженные кости ссыпались в яму или складывались предварительно в глиняную урну. Очень часто погребения сопровождаются сосуды, количество которых колеблется от 1 до 3, доходит иногда до 4 и даже найдено погребение с 5 сосудами. Кроме посуды, при погребениях встречаются фибулы, шпильки, привесочки из бронзы, стеклянные бусы и другие вещи⁴. Обнаружены трупосожжения и без инвентаря.

¹ А. В. Добровольский. Отчет о раскопках на поселении в с. Золотая Балка в 1951 г. (хранится в фондах ИА АН УССР); Р. И. Выезжев. Отчет о раскопках на поселении в с. Золотая Балка в 1951 г. (хранится в фондах ИА АН УССР); К. А. Бреде. Отчет о раскопках на Гавриловском городище в 1951 г. (хранится в фондах ИА АН УССР); Р. И. Ветштейн. Отчет о раскопках на Гавриловском городище (хранится в фондах ИА АН УССР).

² Материалы фондов ИА АН УССР из раскопок Л. Д. Дмитрова и Ф. Б. Копылова в 1951 и 1952 гг.

³ В. В. Хвойко. Ук. соч., стр. 189.

⁴ Из 103 погребений Корчеватовского могильника только 22 имели, кроме посуды, другой инвентарь. И только одно — самое богатое — погребение имело 4 сосуда, 2 бронзовые фибулы и куски бронзовой проволоки.

Погребения с труположением в большинстве случаев инвентаря не имеют. Они размещаются, судя по материалам Корчеватовского могильника, попеременно с трупосожжениями и ориентированы головой на запад. Среди них имеется значительное число погребений с неполным скелетом. Так, из 14 погребений в Корчеватовском могильнике 5 погребений заключали в себе одни только черепа. Труположения с одними черепами встречены В. В. Хвойко в Зарубинецком могильнике. Оба эти могильника, как известно, расположены на высоких местах.

Гораздо меньше сведений имеется о могильниках на дюнах. До сих пор там встречены только трупосожжения.

В. В. Хвойко в статье «Поля погребений в Среднем Поднепровье» упоминает о кургане, раскопанном им на Зарубинецком могильнике. Характеристика результатов раскопок дана им, однако, очень кратко и невыразительно. Поэтому остается неясным вопрос о связи этого кургана и раскопанных В. В. Хвойко других погребений.

Известны случаи, когда зарубинецкие погребения помещались в более древние курганы. Так, например, в урочище Замок в Лубнах (раскопки Ф. Каминского 1881 г.), а также около с. Верхняя Мануйловка в кургане Гостра Могила и на хуторе Дьяченко А. Щербачевым во время раскопок курганов были обнаружены трупосожжения, инвентарь которых, по мнению М. Я. Рудинского, аналогичен зарубинецкому¹.

Поселения зарубинецко-корчеватовского времени впервые были открыты Т. С. Пассек, руководившей в 1945 г. Поросской археологической экспедицией. Эти поселения около Канева (Пилипенкова гора) и у с. Зарубинцы (урочище Городки) расположены на высоких отрогах коренного берега Днепра.

Таково же расположение поселений, открытых В. А. Богусевичем около Канева (на горе Московке) и в с. Хмельна, Каневского района², и В. Н. Даниленко — в с. Великие Дмитровичи, Обуховского района, Киевской области. На киевских высотах и на горе Киселевке расположены Киевские поселения³. На высоком берегу Южного Буга между двумя оврагами находится поселение, открытое Д. Т. Березовцем у с. Астапковцы I, Немировского района, Винницкой области⁴. Два поселения, открытые в 1949 г. В. И. Довженком и Н. В. Линкой у с. Сахновки, Корсунь-Шевченковского района, расположены в седловинах между двумя горами, на высоком левом берегу р. Роси, поднимающемся над уровнем поймы на 40 м (одно из них — в урочище Лысари, другое — в урочище Девица)⁵. На высоких местах находится также часть поселений, открытых Д. Т. Березовцем в бассейне р. Сейма, как, например, все три поселения в с. Новая Слобода и три поселения в с. Калище, Ново-Слободского сельсовета, Путивльского района, Сумской области, и в бассейне р. Десны у с. Табаевки, Черниговского района⁶.

Зарубинецко-корчеватовские материалы встречаются также на некоторых других городищах: на городище скифского времени у с. Басовки,

¹ М. Рудинський. Ук. соч., стр. 29—62.

² В. А. Богусевич. Ук. соч., стр. 16, 17.

³ М. К. Каргер. К вопросу о Киеве VIII—IX вв. КСИМК, VI, 1940, стр. 61—66. В 1939 г. в Киевской экспедиции под руководством М. К. Каргера, на участке В. К. Гончарова было открыто жилище, которое М. К. Каргер сначала ошибочно датировал VIII—IX веками; при дальнейшем изучении жилище было отнесено к корчеватовскому времени.

⁴ Д. Т. Березовець. Звіт про роботу Сеймсько—Деснянського заgonу.

⁵ В. И. Довженко и Л. В. Линка. Ук. соч., стр. 10—14.

⁶ Д. И. Блпфельд. Древнейшее славянское поселение на Черниговщине. КСИА, вып. 1, Киев, 1952, стр. 53—55.

Смеловского района, Сумской области, на городище времени Киевской Руси в урочище Корювель около с. Шестовицы, Черниговского района, на Пироговском и Ходосовском городищах, Киево-Святошинского района, Киевской области.

Совершенно ясно, что укрепления Басовского городища и городища Корювель около с. Шестовицы относятся одно к более раннему, другое —

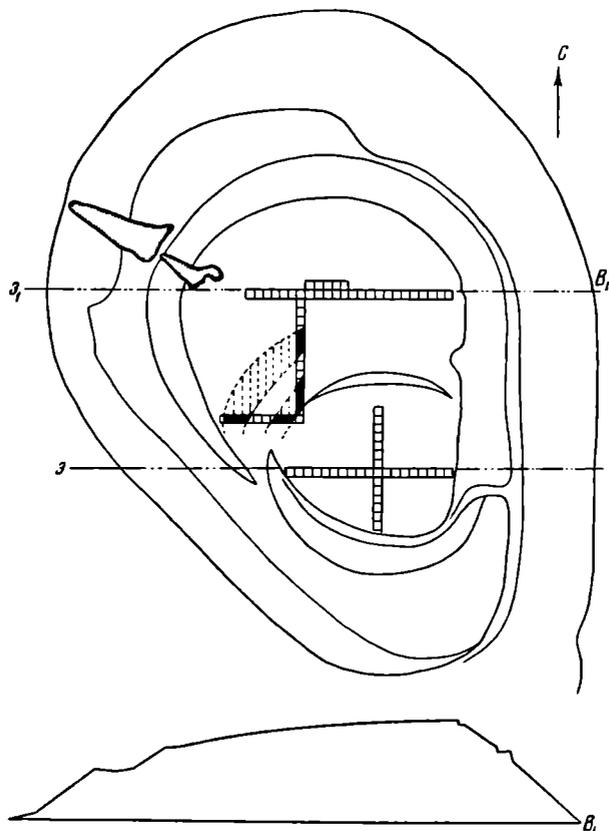

Рис. 2. План городища у с. Пирогово (места, залитые черным цветом, обозначают рвы).

к более позднему, т. е. не корчеватовскому времени. Материалы же Пироговского и Ходосовского городищ поднимают очень важный вопрос о существовании городищ зарубинецко-корчеватовского времени. Но раскопки на Пироговском городище, проводившиеся в 1950 г. под руководством автора этой статьи, не дали бесспорного материала, свидетельствующего о наличии здесь укреплений зарубинецко-корчеватовского времени.

Пироговское городище (рис. 2) находится к юго-востоку от с. Пирогово, на расстоянии 5 км на юг от Киева. Расположено оно на высоком холме коренного берега Днепра, на высоте 30—40 м над поймой. Площадь городища, размером 80 × 64 м, грушевидных очертаний, имеет легкий склон на запад и север. Крутые склоны холма, на котором расположено городище, оформлены двумя хорошо сохранившимися террасами, на которых, вероятно, возвышались деревянные укрепления. Дополнительная, слабо выраженная терраса ограждает южную, самую высокую часть городища (размером 33 × 42 м). С западной стороны хорошо сохранился въезд.

Раскопки показали, что современная конфигурация городища относится не к зарубинецкому времени, а к периоду Киевской Руси. При планировке

городища были засыпаны 2 рва, время существования которых определить не удалось. От рвов сохранилась только нижняя часть¹, указывающая на то, что оба они ограждали с севера самую высокую южную часть холма.

В южной и западной — более высоких — частях холма во время планировки городища культурный слой корчеватовского времени снят полностью и сохранился частично только в северо-западной части под насыпным слоем, снятым с более высоких частей холма. Во внутреннем рве, а также под насыпным слоем юго-западной части городища найдены черепки гончарных горшков, по всей вероятности, относящихся к IX—X вв. Этим временем и можно датировать Пироговское городище. Остается не вполне ясным, к какому времени относятся 2 рва, засыпанных при последней планировке. Не исключена возможность, что время их сооружения было весьма близким к этому же времени и весьма отдаленным от зарубинецко-корчеватовского.

Необходимо отметить, что на поверхности Ходосовского городища, система укреплений которого полностью аналогична укреплениям Пироговского городища и которое находится на расстоянии 10 км к югу от последнего, И. В. Фабрициус обнаружены были обломки сосудов, значительно более поздних, чем корчеватовские.

Следовательно, в Среднем Приднепровье мы пока не знаем ни одного городища, система укреплений которого относилась бы бесспорно к корчеватовскому времени. Это дает основание предполагать, что корчеватовские поселения были открытого типа.

Подобно могильникам, зарубинецко-корчеватовские поселения располагаются не только на высоких, но также на низких, заливаемых в половодье местах. Таковы поселения, открытые В. И. Довженком и Н. В. Линкой у с. Сахновки в урочище Гончариха. Таковыми является часть поселений, открытых Д. Т. Березовцем и Н. П. Амбургер в пойме р. Сейма, а именно поселения у сел Харьевка, Зелово Старое, Пересыпки, Зиновьевского сельсовета, и у хутора Красного, Прудовского сельсовета, Путивльского района.

Размеры этих поселений очень различны. Большинство из них, судя по находкам, встречающимся на поверхности, имеет площадь приблизительно около 2 га. Но встречаются поселения и гораздо меньших размеров.

Первые раскопки зарубинецко-корчеватовских поселений были осуществлены в 1947—1948 гг. В. А. Богусевичем² на Пилипенковой горе и на горе Московке около Канева. В 1947 г. М. К. Каргером, с целью поисков г. Заруб, были произведены раскопки поселения, обследованного в 1945 г. Т. С. Пассек около с. Зарубинцы, в урочище Городки Зарубские. В. И. Довженком и Н. В. Линкой в 1949 г. проводились раскопки на 2 корчеватовских поселениях около Сахновки. Д. Т. Березовец в 1949 и 1950 гг. раскопал поселения зарубинецко-корчеватовского типа у Харьевки. В 1949 г. Д. И. Блитель на курганном могильнике X—XI вв в с. Табаевке под курганом с трупосожжением № 2 обнаружил корчеватовский культурный слой. В 1950 г. автором настоящей работы были произведены раскопки на поселении у с. Великие Дмитровичи и на Пироговском городище.

¹ На расстоянии 6 м друг от друга. Внутренний ров сохранился на глубину 1 м, внешний — 1,8 м.

² Если не считать раскопок 1939 г. на Киевских высотах экспедицией под руководством М. К. Каргера.

Таким образом, в настоящее время мы располагаем материалами раскопок 10 поселений зарубинецко-корчеватовского времени, учитывая раскопки М. К. Каргера в 1939 г. и Д. И. Блифельда в 1949 г. в Табаевке.

При раскопках на Пилипенковой горе было обнаружено 5 наземных жилищ. Площадь одного из них составляла 4×4 м. Контуры остальных жилищ установить не удалось. В некоторых из них были каменные очаги, а в других — глинобитные сводчатые печи.

В Сахновке, где также имелись следы наземных жилищ, были раскопаны прямоугольные сооружения со слегка углубленным (на 0,20—0,60 м) полом. В урочище Гончариха жилище имело размеры 4×6 м, а в урочище Девица первое жилище — $3,60 \times 3,40$ м, второе — $4,35 \times 4,50$ м и третье — $4 \times 3,20$ м. Все они имели глинобитные сводчатые четырехугольные печи, размером в плане около 1 кв. м.

Остатки трех наземных жилищ с глинобитными сводчатыми печами раскопал Д. Т. Березовец на Харьевском поселении в урочище Трифон, однако контуры их точно определить не удалось.

На поселении Великие Дмитровичи в урочище Кулакивщина и Кутполе удалось найти места 10 наземных построек разной сохранности. Все сооружения в Великих Дмитровичах были обнаружены на глубине 0,30—0,40 м от уровня современной поверхности. Контуры их довольно хорошо обозначались темными пятнами на светложелтом фоне лёсса. Лучше сохранились остатки трех сооружений, из которых одно было четырехугольным, площадью $2,95 \times 3,20$ м; в юго-западном углу последнего на уровне пола можно было заметить желтоватое пятно, возможно, фиксирующее место печи (рис. 3, 1).

Одна из построек имела в плане очертания, приближающиеся к форме вытянутого шестиугольника (рис. 3, 2), общая площадь пола которого составляла приблизительно 10 кв. м. Выход шириной 0,90 м был ориентирован на юг; следов печи здесь установить не удалось, но выше уровня пола на 20 см можно было наблюдать четыре почти круглых пятна диаметром 0,40 м. Два пятна, находившиеся ближе к выходу, располагались рядом.

Пол третьего сооружения (рис. 3, 3) был углублен в желтый лёсс на 0,20—0,30 м и в плане имел форму пятиугольника с длиной каждой из 4 сторон 1,80—2 м и 5-й стороны — 1,60 м. Если же внимательно присмотреться, то окажется, что основная часть пола имеет форму почти правильного четырехугольника, к южной стенке которого как бы приставлена более короткая стенка, в которой сделан выход наружу с одной ступенькой, шириной, как и в предыдущем случае, 0,90 м. По обе стороны около входа найдены небольшие ямки от столбиков.

Незначительные остатки прочих наземных сооружений не дают представления об их планах и размерах. Около одного из них, почти полностью уничтоженного дорогой, удалось обнаружить 5 ям хозяйственного назначения, расположенных одна около другой и также частично поврежденных дорогой. Среди них есть яма грушевидной формы, расширяющаяся книзу, с диаметром дна 1,10 м, диаметром отверстия 0,70—0,80 м и глубиной 1 м. Одна из ям, очень близкая к первой по размерам, имела, вероятно, трубчатое горло и широкое дно. У остальных ям стенки были отвесные и дно широкое. Кроме этого, на поселении обнаружены еще 2 ямы: одна из них, с отвесными стенками, заполнена жжеными костями быка и обожженной глиной, другая — маленькая, грушевидная, глубиной 0,50 м, с диаметром дна 0,50 м и отверстия 0,45 м — была пустой.

На Пироговском городище, культурный слой которого был сильно поврежден, следов жилищ обнаружить не удалось, некоторые же данные позволяют сказать, что постройки и здесь были наземного типа.

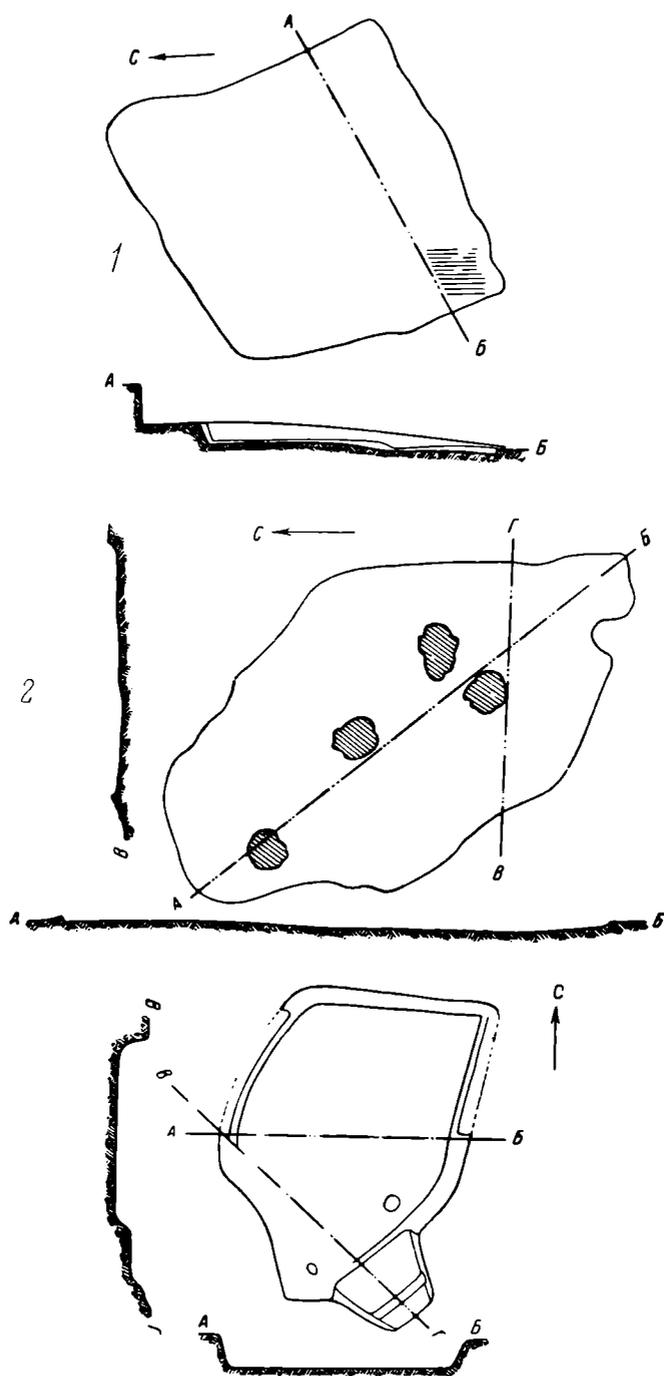

Рис. 3.

1 — план жилища № 1 на поселении у Великих Дмитровиц;
 2 — план жилища № 2 (там же); 3 — план жилища № 3 (там же).

Раскопки Д. И. Блифельда у с. Табаевки, Черниговской области, не дают достаточных материалов для характеристики жилых и строительных комплексов, но как будто позволяют автору предполагать, что таковые могли быть значительно углублены в землю.

Таким образом, можно считать, что основным типом жилых и прочих сооружений на зарубинецко-корчеватовских поселениях были небольшие

четыреугольные наземные сооружения с полом, в некоторых случаях слегка углубленным в землю, с глинобитными сводчатыми печами и каменными очагами. Жилища сопровождалось хозяйственными ямами; они располагались на расстоянии 15—20 м одно от другого, как это установлено В. А. Богусевичем для поселения на Пилипенковой горе, или же на расстоянии 30—40 м без определенного порядка, как это наблюдал В. И. Довженок на поселении в урочище Гончариха в Сахновке. В некоторых случаях постройки вытягивались в нестройные ряды вдоль склонов, как, например, на поселении у Великих Дмитровичей (рис. 4).

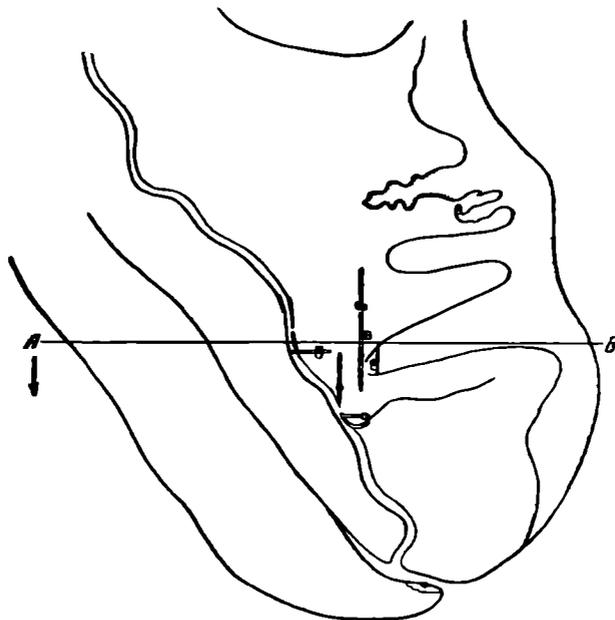

Рис. 4. План расположения остатков жилищ на поселении у Великих Дмитровичей (точками обозначены места жилищ).

Что же представляет собой вещественный комплекс, какими новыми данными для его характеристики располагает археология?

В своей публикации «Поля погребений в Среднем Приднепровье» В. В. Хвойко дает очень общую и краткую характеристику вещественных находок в Зарубинецком могильнике, указывая, что обнаруженные при погребениях сосуды «сделаны не на кругу, а от руки: все они имеют черную блестящую и чрезвычайно гладкую поверхность. Форма их довольно разнообразная, но в общем ближе всего подходит к скифскому типу»¹ В этой же статье, но в другом месте, В. В. Хвойко, немного противореча себе, указывает, что формы сосудов «бедны и в сущности мало разнообразны. То же можно сказать и о других предметах, встречающихся совместно с ними, — фибулах, шпильках, браслетах».

В работе «Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторическое время» В. В. Хвойко перечисляет формы зарубинецких сосудов, называя горшковидные, кружковидные сосуды и сосуды, имеющие вид миски на высокой подставке². Здесь он уточняет также характеристику прочего инвентаря, указывая, что при погребениях находятся

¹ В. В. Хвойко. Ук. соч., стр. 184.

² В. В. Хвойко. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторическое время. Киев, 1913.

особого вида бронзовые фибулы латенского типа II—I вв. до н. э., бронзовые шпильки, части бронзовых пластинок и другие предметы.

Материалы, переданные В. В. Хвойко в Киевский исторический музей, подтверждали его указания о составе инвентаря могильников.

Из Зарубинецкого могильника в фондах Киевского исторического музея хранилось 14 сосудов; все они имели лощеную поверхность. Отсюда же происходит 11 фибул и 8 пучков витой проволоки. Миски и кружки с лощеной поверхностью происходят из Виты-Почтовой, Киево-Святошинского района. Такая же кружка происходит из Грищанцев, миска — из Пищальников, высокий горшок и миска — из Трахтемирова, миска — из Ржищева.

Такая же посуда — две мисочки, два кувшинообразных высоких горшка — происходит из Пуховки, Броварского района. Три лощеных сосуда и четыре среднелатенских фибулы из бронзы происходят из Вишенек. Коллекция фибул из Липлявы, Гельмязовского района, представлена образцами раннелатенской, среднелатенской и позднелатенской схемы.

Опубликованная во II томе «Древностей Приднепровья» миска из Басовки и сосуд из Лубен имели также лощеную поверхность¹.

Документация этих находок ограничивалась почти исключительно указанием названия современного населенного пункта, около которого они были обнаружены, без дальнейших уточнений и разъяснений, в том числе и для Зарубинецкого могильника; поэтому наличный инвентарь не было возможности распределить по погребениям.

Раскопки Корчеватовского могильника значительно пополнили материалы для характеристики инвентаря зарубинецких памятников. Оказалось, что в зарубинецкое время наряду с лощеными сосудами существовали сосуды с шероховатой поверхностью; в Корчеватовском могильнике они составляли почти треть общего числа. В статье В. В. Хвойко «Поля погребений в Среднем Приднепровье» на рис. 36 изображено зарубинецкое погребение с большим сосудом, совершенно аналогичным обнаруженному в 1940 г. И. М. Самойловским на Корчеватовском могильнике; последний сосуд имел шероховатую поверхность и был украшен, подобно изображенному на рисунке, защипами по краю венчика; поэтому можно думать, что и зарубинецкий сосуд имел шероховатую поверхность. Следовательно, какая-то часть посуды в Зарубинцах была нелощеной.

Дальнейшее уточнение вещественного комплекса стало возможно благодаря материалам раскопок на указанных выше поселениях в Каневе, Сахновке, Пирогове, Великих Дмитровичах. Раскопки показали, что на корчеватовских поселениях преобладает посуда не с лощеной, а с шероховатой поверхностью. На поселениях также встречены в большем или меньшем количестве неизвестные ранее привозные причерноморские амфоры.

Таким образом, вещественный комплекс корчеватовских памятников состоит преимущественно из лепной посуды, имеющей в глине примесь дресвы или шамота, с шероховатой поверхностью темнокоричневого или желтоватого цвета, в сочетании с лепной посудой, имеющей в глине примесь мелкого песка, с почти черной, иногда коричневатой пятнистой лощеной поверхностью, некоторых бронзовых украшений, изделий из железа и привозной амфорной тары.

Посуда с шероховатой поверхностью представлена:

1) горшками со слегка отогнутым венчиком, широким отверстием, четко профилированной шейкой, высокими плечиками, конусообразной нижней частью и плоским, сравнительно узким дном (рис. 5);

¹ Труды VIII АС, т. IV, стр. 239.

- 2) кувшинами с отогнутым венчиком, короткой прямой шейкой, вздутым туловом и плоским дном;
- 3) кружками с небольшими ручками, напоминающими по своим пропорциям горшки, но значительно меньших размеров;
- 4) конусообразными плошками на подставке;
- 5) сковородками со слегка отогнутым вверх краем или же совершенно плоскими. Следует отметить, что сковородки, плошки и кувшины до сих

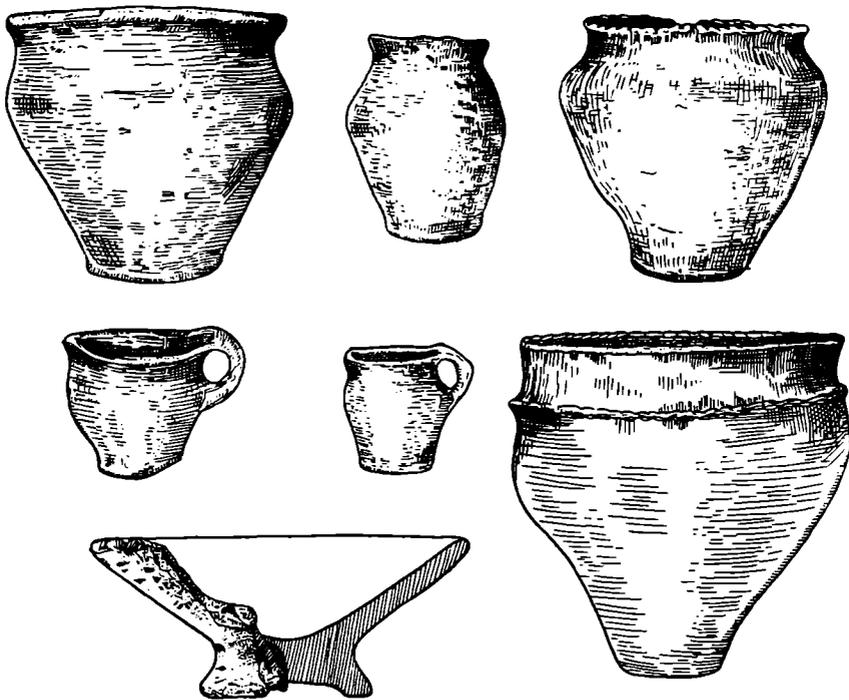

Рис. 5. Некоторые образцы лепной посуды с шероховатой поверхностью.

пор были встречены только на поселениях. В Корчеватовском могильнике найдены лишь горшки и кружки.

Все эти сосуды имеют средние размеры, но иногда встречаются большие сосуды с диаметром венчика более 0,50 м. Посуда эта изредка орнаментируется по краю венчиков пальцевыми защипами, иногда косыми насечками. Иногда встречается валик с пальцевым орнаментом, коржеобразные сковородки часто украшаются орнаментом, выполненным ногтем, вдавленным в сырую глину.

Лощеная посуда представлена следующими формами:

- 1) высокими кувшинообразными сосудами, которые можно было бы назвать и горшками, а также небольшими горшками, иногда имеющими одну ручку; все они имеют отогнутый венчик, округлое тулово и плоское дно (рис. 6);

- 2) мисками с резко отогнутыми наружу, часто трехгранными венчиками, с высокими четко очерченными плечиками и плоским дном или дном на кольцевой ножке;

- 3) кружками с ручкой, которые по формовке верхней части, т. е. венчика и плечика, напоминают миски или представляют собой миниатюрный горшок.

В Корчеватовском могильнике найдены, кроме того, три кувшина с ручкой, имеющие некоторые аналогии с черпаками скифского времени.

В качестве отдельных находок среди корчеватовской керамики можно назвать:

1) амфору из корчеватовского погребения № 73, темнорозового цвета, с коротким прямым горлом, отогнутым наружу венчиком, округлым туловом на тонкой ножке и с круглыми ручками; 2) глубокую горшкообразную миску с четырьмя ручками (из Вишенек, Киевский исторический музей, № 17873); 3) двугорлый биконический сосуд, найденный в карьере из разрушенного корчеватовского погребения.

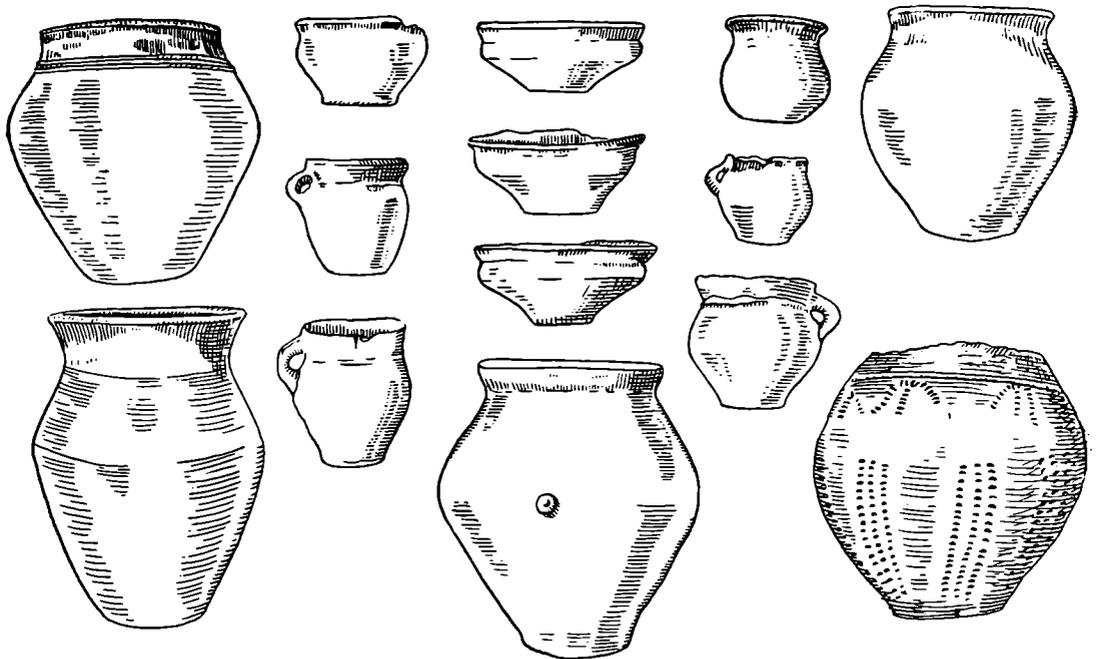

Рис. 6. Некоторые образцы лепной посуды с лошеной поверхностью.

Лощеная посуда орнаментируется лишь изредка, и то только кувшинообразные горшки. На некоторых лошенных сосудах встречаются наклепные подковообразные лжеручки; обычно их бывает три, иногда четыре, а в одном случае даже пять. Кроме этого, иногда под венчиком встречаются один или два рельефных валика, как, например, на сосудах из Трахтемировки. Попадаются сосуды, украшенные углубленными линиями, а на одном горшке с отбитым венчиком из Пуховки (рис. 6) имеется комбинация вертикальных линий в виде ряда ямочек, сделанных ногтем в сырой глине.

Особо следует отметить группу сосудов, поверхность которых обработана так, что верхняя часть сосуда лошенная, а нижняя отделана способом наклеи разведенного песка на влажную поверхность, т. е. специально ошершавленную. Отдельные фрагменты таких сосудов встречены на Пилипенковой горе, на поселении Великие Дмитровичи; целый большой сосуд высотой 0,49 м был найден в погребении № 7 Корчеватовского могильника.

Сравнительно бедный инвентарь погребений включает также бронзовые и железные фибулы, которые иногда встречаются и на поселениях. Превалирующее количество фибул в корчеватовских памятниках составляют фибулы среднелатенского времени, изготовленные из одного куска круглой проволоки. Часть фибул имеет узкую спинку, у части же фибул

спинка сделана в форме равнобедренного треугольника из расплющенной проволоки. Таковыми являются все 24 фибулы Корчеватовского могильника (из них 3 железные), 8 фибул из 11 в Зарубинцах, 2 койловские фибулы, 4 фибулы из Вишенек, 6 из 8 липлявских фибул и фибула из Верхней Мануйловки (рис. 7).

Фибулы, найденные на поселениях Пироговском и Велико-Дмитровичском, также относятся к среднелатенскому времени; они имеют широкие спинки, орнаментированные насечками по краям пластины.

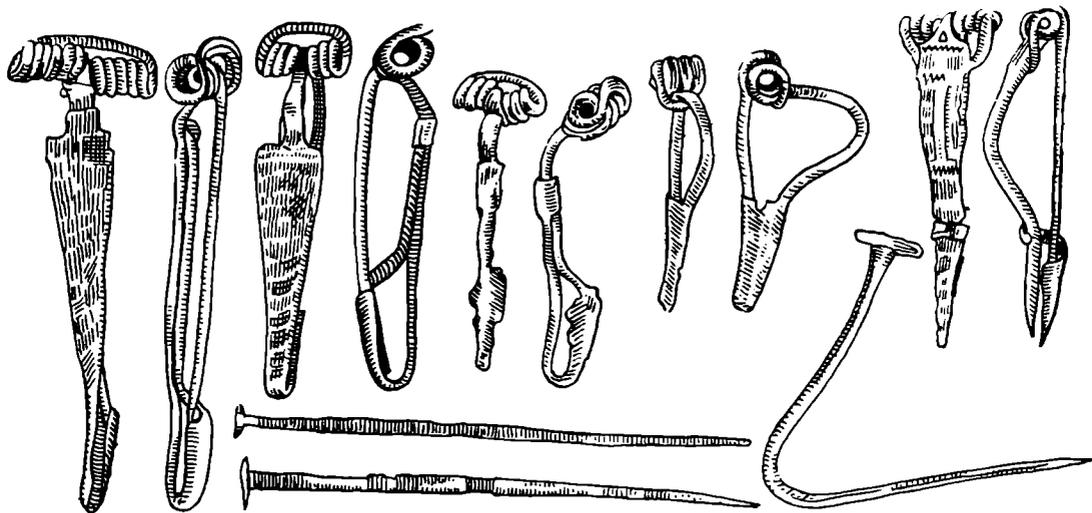

Рис. 7. Образцы фибул и шпилек.

Позднелатенские фибулы происходят из Зарубинцев, Букрина, Гришанцев, Стретовки, Липлявы и могильника в с. Чаплин, Лоевского района, Гомельской области. Раннелатенские фибулы мы знаем только из Залесья, Липлявы; вероятно, к ним относится и фрагмент фибулы (№ 1436) из Букрина. Встречаются также фибулы глазковые, как, например, из Зарубинцев, Букрина, и сильно профилированные — из Ржищева и Сахновки. Из Зарубинцев происходит фибула с подвязанной ножкой, очень близкая по форме к арбалетной фибуле, найденной А. Н. Тереножкиным в Субботове, но зарубинецкая фибула без оси. Необходимо отметить при этом, что в хорошо документированных комплексах мы до сих пор знаем фибулы только среднелатенского времени, а именно фибулы из раскопок И. М. Самойловского в Корчеватовском и Койловском могильниках, а также на поселениях Пироговском и Велико-Дмитровичском.

Помимо фибул, В. В. Хвойко нашел в Зарубинецком могильнике 8 шпилек длиной от 9 до 12 см; две из них гвоздеобразные с широкой шляпкой, остальные суживаются в обоих направлениях от середины (рис. 7). У четырех из них один конец расплюснут в небольшую шляпку, закругленную сверху, а у двух свернут в узкое, тонкое кольцо.

В Зарубинцах найдены 4 витка проволоки, которые можно было бы назвать браслетами, но они могли быть также и сырьем — заготовками для каких-нибудь изделий. Мотки проволоки найдены также в Корчеватовском и Субботинском могильниках. Кроме того, в Корчеватовском могильнике обнаружены одна гвоздеобразная привесочка и бронзовая пряжка с четырёхугольной обоймцей.

В погребении, открытом А. И. Тереножкиным в Субботове, найдены перстни из спиральной проволоки, бронзовые сережки из скрученной проволоки и еще несколько непонятных предметов. О находках сережек при погребениях с труположением в Зарубинецком могильнике упоминает также В. В. Хвойко.

В погребениях встречаются стеклянные, хрустальные и каменные бусы, сверленные штифтом, как, например, бусы, попорченные огнем в погребении Субботовского могильника.

Изделия из железа представлены тремя упомянутыми выше фибулами, а также ножами, найденными в Корчеватовском и Чаплинском могильниках и на поселении в Пирогове; на Пилипенковой горе обнаружена острога для ловли рыбы; в Субботове найдена железная скоба. В погребении

Рис. 8. Некоторые своеобразные формы сосудов.

№ 73 Корчеватовского могильника вместе с амфорообразным сосудом найден наконечник копья длиной 35,5 см. Он имеет длинное узкое перо, шириной 2 см, и короткую втулку диаметром 1,75 см.

На корчеватовских поселениях, как правило, встречаются фрагменты амфор эллинистического времени. Особенно много их известно на поселении Пилипенковой горы; найдены они также на Пироговском и Велико-Дмитровицком поселениях.

Особенный интерес представляет погребение, открытое в 1911 г. в Субботове в усадьбе М. С. Чапалы на глубине 3,20 м. Инвентарь этого погребения пока еще не имеет аналогий в других корчеватовских памятниках¹. Здесь на дне ямы стояли два сосуда: лепной с тремя ручками, подражающий греческому канфару, наполненный пережженными костями, и бронзовый бочкообразный кузнечной работы горшок с отогнутым наружу венчиком (рис. 8).

Этими данными почти исчерпываются наши знания о керамике и других памятниках материальной культуры зарубинецко-корчеватовского круга.

Весь комплекс собранных нами данных не позволяет еще дать сколько-нибудь определенную общую характеристику корчеватовских памятников. Мы вправе пока делать только предварительные выводы.

На основании известных нам фактов кое-что можно сказать относительно хронологии памятников. В. В. Хвойко в первой своей статье о полях погребений датировал Зарубинцы временем «около Р. X.» (стр. 185); во второй работе он считал группу зарубинецких памятников связующим звеном между скифской эпохой и «эпохой полей погребальных урн», да-

¹ ОАК за 1901 г., стр. 81, рис. 117, 118.

тируя их II—I веками до н. э. и первыми двумя веками нашей эры¹. Основанием для этого у В. В. Хвойко были отсутствие гончарных изделий в зарубинецких памятниках и наличие таковых в черняховских, близость «приемов и техники», а также формы зарубинецких сосудов к скифским, наличие фибул среднелатенского времени, датированных европейскими учеными временем III—I вв. до н. э.

Нужно признать, что датировки В. В. Хвойко находят полное подтверждение в новых материалах. Об этом свидетельствуют не только вновь найденные в могильниках и поселениях фибулы среднелатенского времени, но и находки на поселениях амфор эллинистического времени².

Более того, у нас есть определенные данные, позволяющие относить возникновение зарубинецко-корчеватовской культуры не ко II в., а к III в. до н. э. Об этом свидетельствуют амфорный сосуд из корчеватовского погребения № 73, подражающий фазосским амфорам III в. до н. э., и канфарообразный сосуд из Субботова; об этом же говорят наконечники стрел скифского типа, найденные в культурном слое на корчеватовском поселении в Табаевке.

Правда, мы еще не знаем точно верхнего рубежа этой культуры. В нашем распоряжении есть только памятники, которые мы можем датировать I—II веками н. э. Таковым может быть погребение, открытое А. И. Тереножкиным в Субботове. Если фибула, найденная Гёзе, может относиться к Сахновскому поселению, то сюда можно было бы причислить и его. Следует добавить, что и остальной материал, добытый и обрабатываемый В. И. Довженком и Н. В. Линкой, аналогичен материалу Велико-Дмитровичского поселения, на котором найдены фибула среднелатенского времени и обломки эллинистических амфор.

При датировке корчеватовских памятников, в особенности для выявления их верхних границ, нужно учесть, очевидно, то весьма важное обстоятельство, что основная часть их распространена на территории, включающейся в ареал памятников черняховского типа, но определенная часть, — в бассейне Сейма, Десны и Сожа, — выходит за их пределы. Не исключена возможность, что хронологическая граница корчеватовских памятников на территории распространения памятников черняховского типа и вне ее может быть разной; при этом более длительное существование их можно предполагать, главным образом, за пределами черняховского ареала, т. е. в Полесье.

В пользу этого предположения может говорить фрагмент лепного сосуда из Харьковки, на поверхности которого сделаны царапины, имитирующие следы от выпадающих зерен кварца при дополнительной формовке нижней части сосудов черняховского типа³. Выпадение зерен — черта, очень характерная для черняховской керамики. Факт имитации выпадения зерен кварца может свидетельствовать о сосуществовании корчеватовских и черняховских памятников и, следовательно, говорит о сравнительно длительном существовании корчеватовских.

Таким образом, твердо зная, что корчеватовские памятники существовали на грани нашей эры в пределах первых двух столетий до и после нашей эры, мы все еще не можем считать, что определили их хронологические рамки. Для уточнения нижней и верхней дат этих памятников необходимо выяснить также вопрос о происхождении и дальнейших путях их развития. В. В. Хвойко на этот вопрос давал совершенно определенный

¹ В. В. Хвойко. Древние обитатели Среднего Приднепровья..., стр. 43.

² По определению Т. Н. Книпович и Б. Н. Гракова.

³ Д. Т. Березовец. К вопросу о летописных северянах. «Археология», VIII, Київ, 1953, стр. 28—45.

ответ, утверждая, что «так называемая скифская эпоха в Среднем Приднепровье постепенно сменяется эпохой полей погребальных урн, полное господство которой относится ко времени II—V вв. н. э.»¹. Констатируя последовательность в развитии археологических памятников Приднепровья, памятники типа Зарубинцев он относил к промежуточному периоду, который «служит связующим звеном между двумя упомянутыми эпохами». В. В. Хвойко различает следующие хронологически последовательные группы могильников:

1) типа Пруссы, «содержащие предметы греко-скифской и латенской культур с сожжением на месте и на общих точках»; 2) типа Зарубинцы с вещами, еще близкими к скифским, и с сожжением на стороне; 3) могильники типа Черняхово, которые заключают путь развития зарубинецких памятников.

К сожалению, нам недоступны многие материалы, на основании которых делал свои обобщения В. В. Хвойко, но совершенно ясно, что высказанные 50 лет назад В. В. Хвойко соображения не потеряли своего значения и до сегодняшнего дня. Но так как памятниками зарубинецко-корчеватовской культуры до сих пор занимались недостаточно, многие вопросы, связанные с этой проблемой, — в частности, вопрос о происхождении культуры, — при настоящем состоянии материалов решить трудно и даже невозможно; поэтому они могут затрагиваться лишь в порядке постановки.

В этом плане намечается возможность высказать предположение о том, что в формировании зарубинецко-корчеватовской культуры, кроме культуры скифского времени лесостепной полосы Приднепровья, о которой говорит и В. В. Хвойко, принимала участие полесская культура этого времени. Об этом свидетельствует не только вещественный, в первую очередь керамический материал, который включает в несколько переработанном виде формы, свойственные культуре скифского времени, как лесостепи, так и Полесья, но также и обряд погребения.

Производными от лесостепных форм скифского времени в зарубинецко-корчеватовской культуре могут считаться высокие горшки, несколько усовершенствованные миски и кружки, игравшие роль черпаков. Производными от полесских форм скифского времени, вероятно, являются зарубинецко-корчеватовские горшки с шероховатой поверхностью, почти повторяющие форму полесских горшков скифского времени, а также миски-плоски с шероховатой поверхностью².

О том, что в формировании зарубинецко-корчеватовской культуры, кроме лесостепных элементов скифского времени, для которых свойственен обряд труположения в склепах, принимали участие полесские элементы, для которых свойственен обряд трупосожжения с урнами, — говорит тот факт, что основным обрядом захоронения в могильниках зарубинецко-корчеватовского типа является трупосожжение. Этот же факт указывает на то, что в процессе сложения корчеватовской культуры происходила активизация полесских элементов, что именно эти полесские элементы придали тот общий облик зарубинецко-корчеватовской культуре, который вырисовывается по материалам раскопок Корчеватовского могильника и зарубинецко-корчеватовских поселений.

Для выяснения вопроса о происхождении зарубинецко-корчеватовской культуры следует иметь в виду также указание В. В. Хвойко о нали-

¹ В. В. Хвойко. Древние обитатели Среднего Приднепровья..., стр. 43.

² На это обращалось внимание VI научной конференции ИА АН УССР. См. В. Н. Даниленко. Памятники ранней поры железного века в южной части Полесья УССР. Доклады VI научной конференции Института археологии. Киев, 1953, стр. 197.

чий бескурганых могильников типа Пруссы с трупосожжением на месте, включающих латенские вещи. Наличие латенских вещей указывает на то, что, кроме двух истоков, о которых говорилось выше, зарубинецко-корчеватовская культура могла иметь и третий.

В последующее время на территории распространения зарубинецко-корчеватовских памятников мы встречаем памятники черняховского типа, густой сетью охватывающие лесостепь, непосредственно сменяющие здесь корчеватовские.

Подтверждением высказанных В. В. Хвойко соображений о прямой генетической связи между памятниками зарубинецко-корчеватовской и черняховской культур является не только их хронологическое смыкание при наличии общей территории, но и характерный для обеих культур обряд погребения при сочетании трупоположения и трупосожжения. Для обеих культур общим является сочетание посуды с шероховатой и лощеной поверхностью, причем посуда с шероховатой поверхностью состоит главным образом из горшков и небольшого числа иных форм (мисок и кувшинов у черняховцев, кружек и кувшинов у корчеватовских племен). Посуда с лощеной поверхностью в обеих культурах представлена разнообразными формами — горшками, мисками, кувшинами, кружками; у черняховцев, кроме этого, были чарки и банки. Наземный тип жилых сооружений, стены которых имеют деревянный каркас, обмазанный глиной, также является общим для обеих культур. В Полесье, прилегающем к лесостепи, на территории распространения зарубинецко-корчеватовских памятников, позднее встречаются памятники волынцевского типа¹.

Наши представления о датировке волынцевских и корчеватовских памятников Полесья не позволяют сомкнуть их хронологические границы. Тем не менее такая возможность в перспективе не исключается, так как о преемственно-генетической связи между обеими культурами свидетельствуют однообразные формы горшков и сковородок, их орнаментация пальцем по краю венчика и общность обряда погребения — трупосожжение в бескурганых могильниках. Но коль скоро прослеживается прямая генетическая связь зарубинецко-корчеватовских памятников с черняховскими и не исключается их связь с волынцевскими, то, следовательно, можно высказать предположение о том, что дальнейшее развитие зарубинецко-корчеватовских племен шло по пути не соединения, а разъединения. Сложившись из нескольких элементов, зарубинецко-корчеватовская культура в свою очередь могла послужить основой нескольких культурных вариантов, среди которых самое видное место занимает вариант черняховского типа.

Необходимо также объяснить наличие некоторых общих черт в зарубинецко-корчеватовской и пшеворской, а также в зарубинецко-корчеватовской и сарматской культурах.

Общим для пшеворской и зарубинецко-корчеватовской культур является обряд трупосожжения, при котором остатки сожжения складываются в урну (в Корчеватовском могильнике таких погребений 26 из 103); общим является и обычай вкладывать в сосуд-урну еще небольшой сосудик-чашу с маленьким ушком². Есть много общего в форме некоторых мисок, имеющих острый перегиб тулова; о том же говорит наличие тре-

¹ См. Д. Т. Березовець. Дослідження на території Путивльського району Сумської області, АН УРСР, III, Київ, 1952, стр. 242—250.

² М. Ю. Смишк о. Памятники культуры пшеворского типа, стр. 19 (рукопись, архив ИА АН УССР).

ухих сосудиков, которые встречаются и в корчеватовской культуре (Субботов).

Вещественный комплекс сарматских памятников, раскопанных в 1951 г. археологическими экспедициями на новостройках юга, включает керамический материал, совершенно аналогичный корчеватовскому. В сарматских могильниках Усть-Каменском и Аккермень встречаются лепные стройные горшки со сравнительно высокими закругленными плечиками и резко отогнутыми венчиками, полностью аналогичные одной из форм лощеных корчеватовских горшков, а также кувшины с невысоким, почти прямым горлом, вздутым туловищем, с плоским дном, тождественные корчеватовским. Все остальные находки сарматских и корчеватовских памятников между собой существенно различаются. Аналогичные корчеватовским лощеные и конические плошки обнаружены на поселении Золотая Балка, Гавриловском и Любимовском городищах¹.

Но для решения вопроса о связях зарубинецко-корчеватовской культуры с синхронными культурами, как и вопроса о ее генетических связях, материалов еще недостаточно. И все соображения можно высказывать лишь в порядке рабочих гипотез.

Можно предполагать, что наличие общих черт в зарубинецко-корчеватовской и пшеворской культурах, которые являются автохтонными, объясняются тем, что у обеих культур были общие предшественники. Такими могли быть лесостепные культуры приднепровского Правобережья скифского времени.

Наличие общих черт в зарубинецко-корчеватовской культуре и у пришлых сарматов может объясняться заимствованиями. Это дает некоторое основание высказать соображение о том, что дальнейшее развитие зарубинецко-корчеватовской культуры и ее перерастание в черняховскую культуру, вероятно, происходили при активном участии сарматов, населявших степные районы, пограничные с лесостепью.

Таким образом, открытия последних лет значительно пополняют наши сведения о зарубинецко-корчеватовских памятниках и открывают новые возможности для выяснения генетических и культурных связей их носителей — ранних славян в Приднепровье.

---

¹ Фонды ИА АН УССР. Материалы раскопок 1951 г. А. В. Добровольского, Р. И. Выезжева, К. А. Бреде, Р. И. Ветштейн.

В. А. Ш И Ш К И Н

ВАРАХША

(Предварительное сообщение о работах 1949—1953 гг.)

Начатое в конце 30-х годов археологическое исследование городища Варахша (рис. 1), давшее сразу же исключительно ценный материал для характеристики древней культуры народов Средней Азии¹, было прервано в связи с Великой Отечественной войной и возобновлено, не считая небольших работ, проведенных в 1947 г.², только в 1949 г.³ С тех пор работы на Варахше производились ежегодно специальным отрядом Узбекско-Зарафшанской археологической экспедиции Института истории и археологии Академии Наук Узбекской ССР⁴.

Благодаря большому вниманию, проявленному Правительством и Академией Наук Узбекской ССР, послевоенные работы экспедиции производились со значительно лучшим материальным и техническим оснащением, чем в 1938 и 1939 гг. Особенно большое значение имело снабжение экспедиции в достаточном количестве автомобильным транспортом; для разведок и рекогносцировок, сверх того, мы имели возможность пользоваться самолетами. Это позволило нам развернуть работы значительно шире и провести ряд крупных исследований: закончить в основном раскопки развалин дворца бухар-худатов, полностью исследовать цитадель, возвышающуюся рядом с дворцом на южной стороне городища, исследовать на значительной площади остатки жилых домов последнего периода существования селения (X—XI вв.) и частично выполнить ряд значительных по площади и глубине стратиграфических исследований. Раскопки собственно на городище Варахша были дополнены разведочными раскопками двух памятников, находящихся в его окрестностях: бугра Талли-Гуза (в 2 км к северу от Варахши) и безымянного тепе,

---

¹ Основные публикации работ этого периода см. КСИМК, X, 1941, и ТОВЭ, т. IV, 1947.

² В. А. Ш и ш к и н. Археологические работы 1947 г. на городище Варахша. Изв. Академии Наук УзССР, 1948, № 5.

³ В работах этих лет, кроме автора статьи, принимали участие в качестве научных сотрудников Н. В. Дьяконова (Эрмитаж), В. А. Нильсен, В. Д. Жуков, Л. И. Альбаум, С. К. Кабанов, М. К. Бабаева, Ф. Азадаев, М. Х. Урманова и лаборантов — Г. Н. Катков, Т. Агзамходжаев и др. Зарисовки стеновых росписей производились художниками Г. Н. Никитиным, Ю. П. Гремячинской и В. Н. Кедриним. Работы по фиксации и вырезке со стен стеновых росписей выполнялись Е. Г. Шейвиной (Эрмитаж) и И. Б. Бентович (ЛОИМК).

⁴ Кроме работ на городище Варахша, Узбекско-Зарафшанская археологическая экспедиция выполнила ряд исследований в Самаркандской, Бухарской, Кашкар-Дарьинской, Сурхан-Дарьинской и Наманганской областях УзССР.

условно названного нами Аяк-тепе № 2 (в 18 км на запад). Попутно производились рекогносцировочные исследования того большого района древней земледельческой культуры, который расположен к западу от современного Бухарского оазиса.

Расширение программы работ по изучению как самого городища, так и его окрестностей, дало такой большой материал, что он позволил уточнить, а во многих отношениях и исправить ранее сделанные наблюдения.

Рис. 1. Общий вид городища Варахша с южной стороны.

В частности, пришлось в корне пересмотреть вопрос о датировке памятников древнего искусства — резной алебастровой скульптуры и стеной живописи дворца бухар-худатов, а также и о времени возведения этого дворца.

Яснее стала теперь и история Бухарского оазиса в целом. Кроме работ Варахшского отряда, большую роль в этом сыграл особый разведочный отряд, возглавлявшийся Я. Г. Гулямовым, который открыл неподалеку от Варахши (около 25 км южнее), у озера Заман-баба, памятники культуры эпохи бронзы, датируемые III тысячелетием до н. э. Им же произведена разведка бугра Кызыл-кыр, примерно на таком же расстоянии к северу от Варахши, где, по предварительным данным, сообщенным Я. Г. Гулямовым, обнаружены остатки земледельческого поселения, датируемого VIII—VII веками до н. э.¹ Так как земледелие в районе Кызыл-кыр могло быть основано только на искусственном орошении, это открытие значительно углубляет историю образования Бухарского оазиса, что весьма существенно подкрепляет высказанное нами еще в 1940 г. предположение о том, что оросительная система Бухарского оазиса, вероятно, не так широко развитая, как в более позднее время сло-

¹ Результаты работ Я. Г. Гулямова еще не опубликованы и любезно сообщены им лично.

жившихся рабовладельческих отношений, существовала, вопреки мнению В. В. Бартольда, еще до походов Александра Македонского¹.

Большое значение для истории Бухарского оазиса имеют работы, произведенные около станции Кую-Мазар, где аспирантом О. В. Обельченко был раскопан ряд курганов, датируемых первыми веками до нашей эры или первыми веками нашей эры. Считая преждевременными далеко идущие выводы и заключения, считаю все же возможным отметить большое сходство некоторых предметов погребального инвентаря с соответствующими вещами сарматских курганов Поволжья, что указывает на некоторые культурные, а может быть, и этнические связи. Другая часть инвентаря (керамика) носит типичный облик среднеазиатского рабовладельческого времени.

Одним из открытий 1953 г. является обнаружение к западу от Варахши остатков древней стены, окружавшей Бухарский оазис и известной в археологической литературе под названием Кампир-дивал. Остатки ее на восточной стороне оазиса были описаны еще в конце прошлого столетия и затем неоднократно являлись предметом исследования. Попытки, — сначала Л. А. Зимины, а затем и наши, — определить место, где находилась эта стена на западной стороне, оставались безуспешными. Теперь выяснилось, что стена эта проходила около бугра Кампирак примерно в 10 км от Варахши и направлялась оттуда в сторону мазара Ходжи-Убан. Таким образом, западная группа развалин, сохранивших остатки культуры рабовладельческого общества, без всякой примеси памятников средневековья, запустевшая, по нашим определениям, около IV в. н. э., оставалась вне этой стены, что указывает, вероятно, и на время ее возведения — между IV и VI вв. н. э.²

В целом разведки и рекогносцировки послевоенных лет во многом детализировали и уточнили наши представления о Бухарском оазисе и районе Варахши, но основные этапы развития оазиса, намеченные нами раньше³, вполне подтвердились. Время самого образования Бухарского оазиса и постройки первых ирригационных каналов пока еще не может быть установлено с достаточной степенью точности. Можно только предположить, что уже в первой половине I тысячелетия до н. э. здесь существовали, может быть, еще небольшие, оросительные каналы и что земледелие, основанное на каирном орошении, возникло значительно раньше этого.

С гораздо большим основанием мы можем утверждать, что максимального развития ирригационная система оазиса достигла около начала нашей эры. Последнее, несомненно, связывается с наибольшим развитием рабовладельческих отношений. Об этом свидетельствуют те же «западной группы развалин», находящиеся в 15—20 км к западу от Варахши. Разведка на одном из них, произведенная В. Д. Жуковым в 1951—1952 гг., подтвердила эту дату вполне надежным материалом. В конце IV — начале V в. н. э. функционировавшая до того ирригационная система подверглась значительному сокращению: «западная группа» была в этот период оставлена жителями и захвачена наступающими песками

¹ В. А. Ш и ш к и н. Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса. Ташкент, 1940, стр. 42; В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. СПб., 1914, стр. 9.

² Первое сообщение о стене Кампир-дивал (Н. Ф. Ситвяковского) см. Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии, год III. Ташкент, 1897—1898, стр. 89—94; см. также А. Ю. Якубовский. Археологическая экспедиция в Зарафшанскую долину 1934 г. (Из дневника начальника экспедиции), ТОВЭ, т. II, стр. 113—148.

³ В. А. Ш и ш к и н. Ук. соч., стр. 42—45.

пустыни Кызыл-кум. Весьма возможно, — хотя это и не установлено достаточными данными, — что сокращение оазиса на его западной стороне было значительно бóльшим, что оно распространилось дальше на восток, за пределы «западной группы», и что часть древних, заброшенных до того поселений вновь возродилась уже в средневековье, в IX—X вв.

Эти даты имеют не только местное значение. Они полностью совпадают с датами, которые установлены С. П. Толстовым для Хорезма¹. Несомненной представляется связь сокращения оазиса с переживавшимся страной кризисом рабовладельческих отношений и той классовой борьбой, которая сопровождала этот процесс. Эта борьба, осложнявшаяся в условиях Средней Азии передвижениями и нападениями кочевых племен, непосредственно сказывалась на поддержании и правильном функционировании оросительной системы (рис. 2).

На втором этапе территория орошаемых и возделываемых земель Бухарского оазиса еще более сократилась. В это время опустела Варахша и вся прилежащая к ней округа площадью, равной почти 500 кв. км. Относительно даты этого катастрофического сокращения площади ирригационной системы мы несколько расходимся с С. П. Толстовым. По его исследованиям в Хорезме ряд крупных каналов забрасывается сначала в VIII—IX вв., а следующий этап сокращения ирригационной сети падает на время XIII—XIV вв. — период монгольского завоевания². Исследование описываемой территории, в частности огромного количества находимого здесь повсюду подъемного археологического материала, в том числе двух с лишним тысяч преимущественно медных монет, не показывает значительного кризиса, который имел бы место в VIII—IX вв. Наоборот, большое количество монет халифатского чекана (в нашей коллекции представлены едва ли не все типы бухарского чекана этого времени) говорит об оживленной жизни именно в этот период, так же как и в более поздние времена — тахиридского и саманидского государства. Последние по времени монеты, встречающиеся в более или менее массовом количестве, относятся к первым десятилетиям господства караханидов. Хозяйственный и политический кризис, вызвавший запустение большой земледельческой территории, вероятнее всего, следует датировать для Бухарского оазиса второй половиной XI в. или началом XII в. Повидимому, и причины, вызвавшие этот кризис и сокращение посевных площадей, здесь были не теми же, что в Хорезме. Этот вопрос еще далеко не ясен и требует дальнейшего тщательного исследования с привлечением как археологических, так и письменных источников.

Однако представляется вполне возможным, что основные причины кризиса земледелия в нижней части долины Зарафшана следует искать во внутренних процессах развития форм феодального землевладения: в распаде и исчезновении старых дехканских владений и распространении института «икта» — восточной формы бенефиция. «Икта» оказалась чрезвычайно удобной для новой кочевой военной аристократии, но разрушительной для ирригационного земледелия, требующего со стороны господствующих кругов постоянной заботы о поддержании оросительных каналов. Известно, что именно в этот период дехканские замки и сады приходят в запустение, а часть земель в долине Зарафшана была занята тюркскими кочевниками, переселившимися вместе с караханидами³. По

¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 47.

² Там же, стр. 46, 47.

³ История народов Узбекистана, т. I. Ташкент, 1950, стр. 292 (часть, написанная А. Ю. Якубовским).

мнению А. Ю. Якубовского, «процесс постепенного уничтожения дехканства протекал весьма болезненно», что и вызвало сообщаемое переводчиком «Истории Наршахи» Абу-Насром Кубави обесценение земель в местности Кушки-Муган около Бухары¹

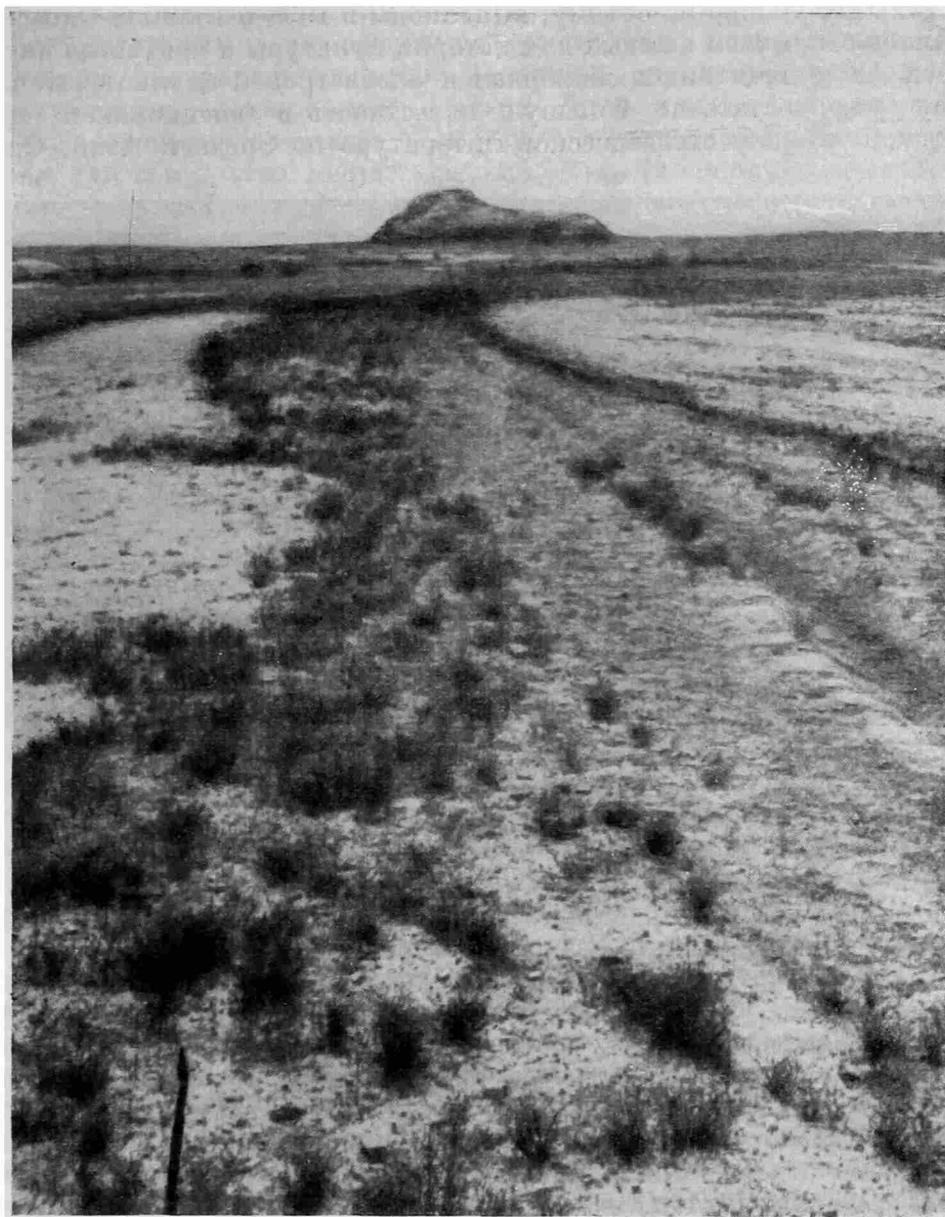

Рис. 2. Древний канал в окрестностях Варахши.

После XII в. описываемая территория оставалась пустой. Только кое-где встречаются осколки керамики, типичной для XV в., вряд ли связанные с земледельческими селениями, а ближе к самой границе современного оазиса имеются развалины небольших селений, заброшенных в последние столетия.

¹ История народов Узбекистана, т. I, стр. 289; Мухаммад Наршахи. История Бухары. Перевод Н. С. Лыкошина. Ташкент, 1897, стр. 43.

Перейдем к описанию раскопок на городище Варахша. Наиболее трудоемким и сложным объектом исследования явился дворец бухархудатов, расположенный на южной стороне городища, непосредственно у городской стены (рис. 3). Впервые развалины крупного здания, тогда же отождествленного с дворцом, были обнаружены в 1937 г. Раскопки его, очень небольшие по объему, выполнены в 1938 и 1939 гг. Они сопровождались открытием важных для истории культуры и искусства народов Средней Азии памятников живописи и алебастровой скульптуры, получивших уже достаточно большую известность в специальной археологической и искусствоведческой литературе по Средней Азии. Однако

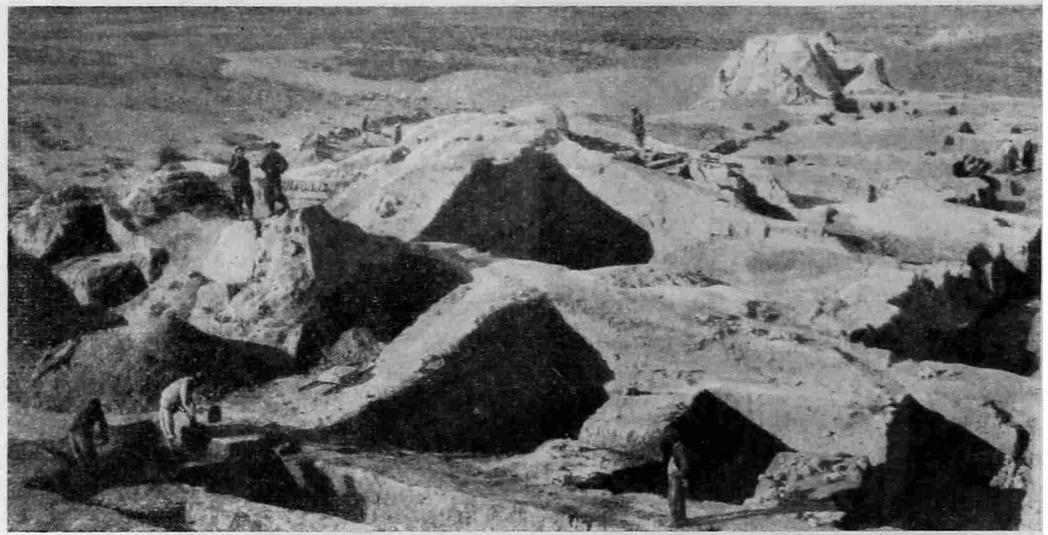

Рис. 3. Общий вид раскопок дворца.

весьма ограниченные размеры раскопок не позволили тогда выяснить в достаточной мере историю здания и его разновременных наслоений, что привело к некоторым неправильным выводам, особенно в отношении хронологических определений. Резной алебастровый декор и стенная живопись не могли тогда быть датированы достаточно надежно и точно, для чего недоставало стратиграфических данных при полном отсутствии привычного в раскопках археологического материала — керамики, монет и т. п. Датировать открытые памятники искусства пришлось по аналогии с резным алебастром Ирана и Восточного Туркестана и со стенной живописью Восточного Туркестана и Бамиана, так как на территории Средней Азии подобные памятники в то время не были известны. Напомним, что, за исключением небольшого фрагмента живописи, открытого в 1913 г. на Афрасиабе, и щита из замка на горе Муг в Таджикистане, древняя живопись Средней Азии оставалась совершенно неизвестной. Что же касается резного алебастрового декора того типа, который мы встретили на Варахше, он и поспе время не имеет достаточно точных аналогов, хотя находки на Тупрак-кала алебастровой женской статуэтки, части головы большой мужской статуи и остатков алебастровой орнаментации¹ свидетельствуют о том, что эта техника декора на территории Средней Азии имеет большую древность. О том же говорят небольшие фрагменты алебастр-

¹ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии Наук СССР 1950 г. СА, XVIII, 1953, стр. 311, 312.

ровых статуй, найденных в развалинах Аиртам близ Термеза и относящихся, по видимому, к кушанскому времени¹.

Сравнения с памятниками соседних со Средней Азией стран, к тому же еще часто совершенно ненадежно датированными, привели к ошибочному мнению о большой древности как живописи, так и алебастрового декора Варахши, которые были датированы III—IV веками н. э. с оговоркой, что «все датировки на основании стиля, не подкрепленные или недостаточно подкрепленные, как в нашем случае, дополнительными археологическими материалами, могут быть только предварительными и ориентировочными»². В свете последних работ как на Варахше, так и в других местах Средней Азии (в первую очередь на Тупрак-кала и в Пянджикенте) хронологическое место памятников искусства Варахши может быть уточнено; они оказались значительно более поздними. К вопросам датировки этих памятников мы вернемся ниже, в связи с описанием раскопок дворца.

Еще в довоенные годы выяснено, что дворец подвергался неоднократному ремонту и переделкам. Картина, выявившаяся в результате раскопок 1949—1953 гг., оказалась значительно более сложной. В сущности, в тех остатках, которые дошли до нашего времени, сохранились лишь фрагменты разновременных зданий, не дающих возможности восстановить план и структуру постройки ни для одного из периодов существования дворца. Исследование осложнялось еще и тем, что из-за сложного рельефа места, на котором было возведено здание, более поздние его части нередко оказывались на том же уровне или ниже, чем более древние.

Хронологическое определение слоев затруднялось почти полным отсутствием археологического материала. Размельченные черепки от грубых сосудов типа хумов мало помогали в этом, так как они находились в искусственно сделанных насыпках и забивках или происходили из сырцовых кирпичей и глины, употребленных на постройку, т. е. были взяты там, откуда строители брали землю для кирпича. Поэтому потребовались большие работы, которые дали в конце концов возможность разобраться в запутанной и сложной картине археологических наслоений.

От первоначальной постройки сохранилась лишь ее массивная южная стена, являвшаяся одновременно и южной стеной города. Эта стена отличается характерной системой кладки и несколько более мелким кирпичом от всех позднейших, а также и более ранних стен. Кладка стены характеризуется тем, что кирпичи положены в ней не вплотную один к другому, а с некоторым промежутком, шириной в 12—13 см. Сверху на этот ряд кирпича накладывался толстый слой глины, заполнявший и промежутки между кирпичами; поверх выкладывался в такой же системе следующий ряд³. Кладка в общем отличается большой

¹ М. И. Вязьмитина. Раскопки на городище Аиртам. Труды Академии Наук УзбССР, серия I (история, археология), Термезская археологическая экспедиция, т. I. Ташкент, 1945, стр. 25.

² В. А. Шишкин. Архитектурная декорация дворца в Варахше. ТОВЭ, т. IV, 1947, стр. 285. Ближе к истине была первоначально предложенная нами для резного алебастра дата (VI—VIII вв. н.э.), принятая по первому впечатлению, когда было открыто еще только всего несколько фрагментов (В. А. Шишкин. Резная штукатурная декорация из развалин Варахша близ Бухары. «Искусство», 1938, № 5, стр. 151).

³ В. Л. Воронина приводит подобный вид кладки под названием «комбинированной» (Древняя строительная техника Средней Азии, «Архитектурное наследство» 1953, № 3, стр. 12, рис. 9, 2Б).

тщательностью, с правильным чередованием рядов, положенных ложками и тычками. Эта стена проходит почти вдоль всех развалин здания, за исключением его западной части. К стене с южной стороны пристроена сложенная в той же технике башня, от которой сохранилась только нижняя часть, однако настолько, что видно ее внешнее оформление типичными «гофрами», т. е. тесно сдвинутыми полуколоннами, между которыми заметны следы бойниц (рис. 4). Самое это оформление башни, несомненно, одновременной с древней стеной дворцового здания, дает

Рис. 4. Остатки башни на южной стороне городища.

дату ее возведения, хотя и очень приблизительную. По аналогии с соответствующими памятниками Хорезма, где благодаря исключительно благоприятным условиям сохранились достаточно хорошо стены древних зданий, описываемая стена дворца и башня вряд ли могли бы быть отнесены ко времени, более раннему, чем конец V в. н. э. Подтверждением именно такой даты служит находка в кирпичной кладке стены медной скифатной монеты, типа, часто встречающегося в числе подъемного материала на Варахше; эта монета, несомненно, бухарского чекана, на лицевой стороне ее изображена голова в профиль вправо, увенчанная диадемой с полумесяцем, а на оборотной стороне — жертвенник, напоминающий по форме букву Н, с легендой, надежно еще никем не прочитанной¹. Точная дата этих монет также пока еще не установлена. Аллот де ла Фюи датирует их VII—VIII веками. М. М. Явич, основываясь на связи их с аршакидскими монетами, предлагает дату III—IV вв.

¹ Последняя попытка чтения легенды принадлежит М. М. Явич (ТОВЭ, т. IV, 1947, стр. 214—218).

Последняя дата представляется наиболее вероятной, на что указывает и место находки монеты при раскопках на Варахше¹.

Таким образом, мы получаем приблизительную, но вполне надежную, н а и б о л е е р а н н ю ю дату постройки дворцового здания.

Фрагменты стен, построенных при помощи тех же технических приемов, были обнаружены также на северной стороне площадки, занимавшейся дворцовым зданием, в глубинном раскопе, заложенном с целью выяснения стратиграфии нижних слоев. Этот раскоп показал, что ниже упомянутых остатков стен сохранились еще фрагменты более древних зданий, числом не менее пяти, последовательно сменявших друг друга. Однако все эти остатки не производят впечатления капитальных сооружений. Основным строительным материалом для них служил сырцовый кирпич, продолговатый, несколько варьирующийся в размерах, но более крупный, чем кирпич стены, описанной выше. Это обстоятельство также весьма существенно для определения даты интересующего нас сооружения, так как разведками на Баш-тепе, произведенными в 1938 г., а позднее и раскопками на самом городище Варахша, установлено, что кирпич (сырцовый) рабовладельческого периода, до и после начала нашей эры, как и в других областях Средней Азии, на Варахше и в ее районе был квадратным. Следовательно, даже самое нижнее из обнаруженных в нашем стратиграфическом раскопе зданий не могло быть возведено раньше V в. н. э. Следует, правда, оговориться, что сырцовые, мало капитальные здания могли сменяться одно другим настолько быстро, что между нижним и верхним из них могло пройти относительно небольшое время, например полтора столетия или несколько больше. Все же это служит указанием, что дату первоначальной постройки дворцового здания мы должны еще несколько приблизить к нашему времени и определить ее VI веком н. э.

К древней капитальной стене с северной стороны примыкает несколько больших помещений. Крайнее с восточной стороны помещение шириной около 12 м (длина в настоящее время не может быть выяснена) названо нами «восточным залом». Зал этот интересен тем, что на его южной и отчасти на западной стенах, а также на небольшом уцелевшем куске восточной стены, сохранились остатки стенной живописи. На южной стене была некогда изображена многофигурная композиция, представлявшая «сидящего на троне царя со свитой. От фигуры царя сохранились только нижние части ног и меч, поставленный между ними. Царь сидел на троне (рис. 5), украшенном золотыми (желтые с моделировкой красными линиями) грифонами — крылатыми верблюдами. В связи с этим интересно вспомнить сообщение Бейши о том, как владетель Бухары (Ань) «сидит на золотом престоле, представляющем верблюда, вышиною от 7 до 8 футов»². Влево от царя (со стороны зрителя), спиной к нему, сидит на поджатых коленях юноша с тонкой талией, в богатом костюме с кинжалом на поясе (рис. 6). Перед юношей стоит жертвенник или курильница на конической подставке, увенчанной широким диском с подвесками, похожими на колокольчики. Над диском возвышается подставка, на которую поставлена жаровня, имеющая вид ковша с короткой ручкой. В жаровне горят какие-то шарики. Коническое основание жертвенника

¹ Мнение М. М. Явич о дате описанной монеты поддержал С. П. Толстов (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I. М., 1952, стр. 31, прим.). Дата Аллот де ла Фюя в свете находки этой монеты на Варахше оказалась явно ошибочной.

² Н. Я. Б и ч у р и н (И а к и н ф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, 1950, стр. 272.

разделено на несколько орнаментальных поясов; в среднем, самом широком, изображен лежащий верблюд, на котором сидит человек в короне и туго перетянутой в талии одежде. В левой руке он держит предмет,

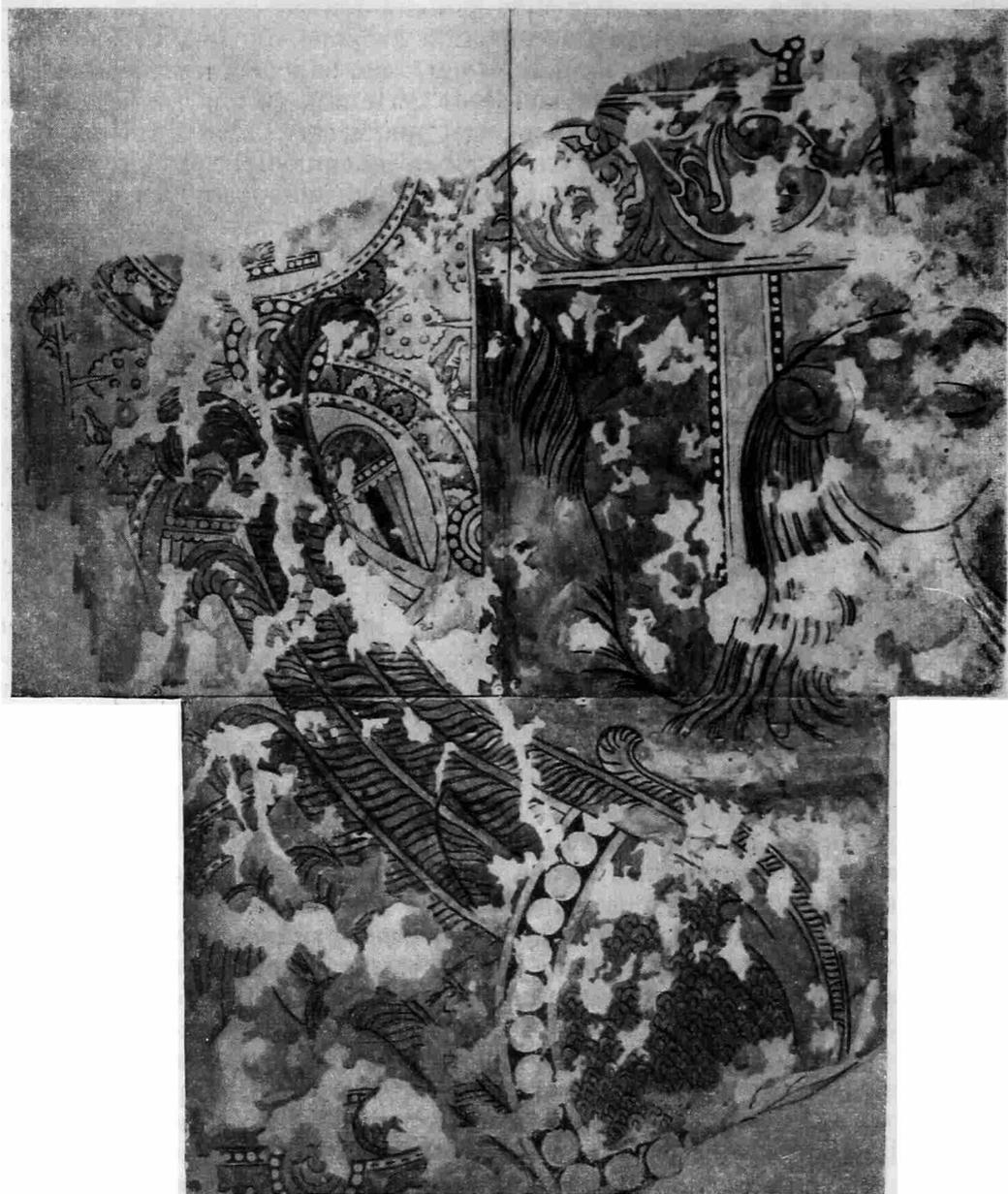

Рис. 5. Часть изображения трона (зарисовка В. А. Нильсена).

напоминающий маленький жертвенник. Возможно, что и в данном случае верблюд изображает своеобразный трон.

Еще левее, с другой стороны жертвенника—сидящая фигура, повернутая в полуоборот к жертвеннику; в правой руке этого персонажа — палочка, протянутая к огню, в левой — полусферовидная чаша, в которой видны белые шарики, похожие на те, что лежат в жаровне; на поясе — большой длинный меч. Далее влево — третья фигура; она также сидит,

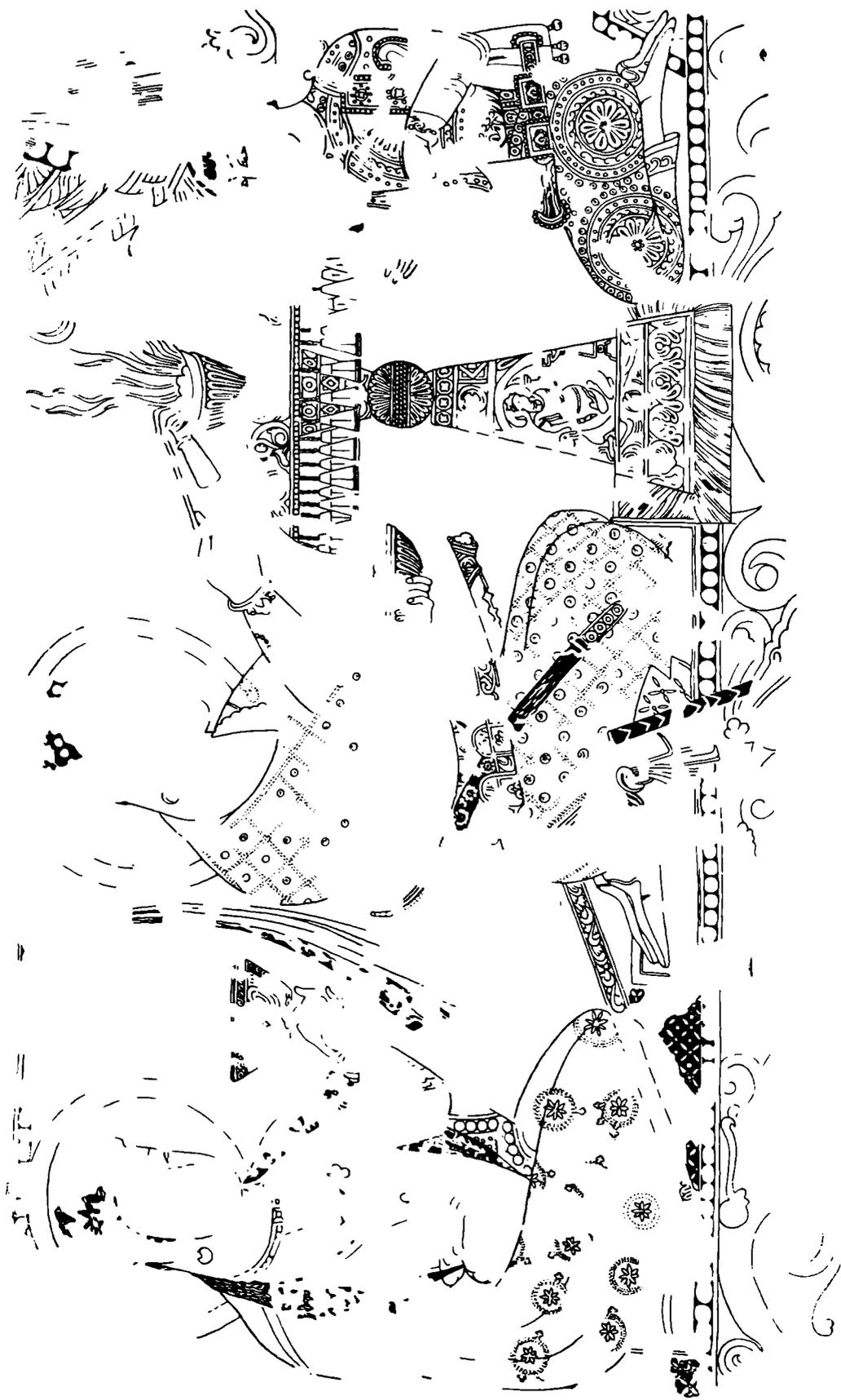

Рис. 6. Фрагмент росши «восточного зала» (прорисовка).

повернувшись в сторону жертвенника и трона царя; лицо изображено в три четверти, в левой руке — желтая орнаментированная чаша на высокой ножке.

Левее очень плохо сохранились фрагменты еще двух фигур.

Справа от царя изображен помост с балдахином; кровля его поддерживалась двумя колоннами, капители которых были украшены кариатидами в виде крылатых юных существ, может быть, — детей (рис. 7)¹. Под балдахином также были изображены сидящие фигуры, повидимому — две. От них сохранились лишь слабые следы. Большой интерес представляют изображения ковриков, на которых сидят представленные в композиции персонажи, орнаменты тканей², в которые они одеты, свисающие драпировки, различные предметы, представленные в живописи. Все это в целом дает яркое представление о быте и обстановке правящих кругов времени раннего феодализма, к которому относятся описываемые росписи.

Сохранность росписи далеко не блестяща: уцелела только нижняя часть огромной композиции, занимавшей стену 12-метровой длины; высота стены доходила, надо полагать, до 6—7 м. И в том, что сохранилось, очень много испорченных мест: мелких выпадов краски, корневидных, порок животных, больших выпадов штукатурки, грубо замазанных глиной при каком-то ремонте, и т. д. Однако даже в том состоянии, в каком роспись дошла до нашего времени, она производит сильное впечатление своим разнообразным, но мягким колоритом и большим мастерством, с которым прорисованы фигуры и отдельные детали.

Очень важно отметить здесь большое сходство некоторых элементов варахшской росписи с росписями Пянджикента. В частности, описанный выше жертвенник-курильница и сидящий вправо от него юноша, с его удивительно тонкой талией и прямым, горизонтально висящим на поясе кинжалом, имеют почти полную аналогию в объекте I раскопок в Пянджикенте³. Только рисунок жертвенника сложнее и обильнее украшен обогащающими его орнаментальными и даже изобразительными мотивами. Есть значительные элементы сходства и в целом ряде других деталей, как, например, в «сенмурвах», парящих над изображенными персонажами⁴. Совершенно одинакова техника живописи, заключающаяся в применении клеевых красок, наложенных на тщательно затертую глиняную штукатурку по тонкой белой подгрунтовке. Основное отличие заключается в том, что росписи Варахши даны в значительно более крупных масштабах; например, изображения сидящих людей больше натуральной величины. Что же касается фигуры царя, то она была, вероят-

¹ Аналогии этим кариатидам мы встречаем в рельефах биянайманских оссуариев (А. Я. Б о р и с о в. К истолкованию изображений на биянайманских оссуариях. ТОВЭ, т. II, 1940, табл. II и VIII) и известном серебряном сосуде из с. Слудки, находившемся в коллекции Строганова, также, повидимому, среднеазиатского происхождения. Вообще кариатиды варахшской живописи являются новым и достаточно убедительным аргументом для приурочения к Средней Азии значительной части так называемой «сасанидской» торовки, о чем уже много раз было сказано в советской археологической литературе.

² Изображения на тканях в варахшской живописи дают нам полное право поставить вопрос о среднеазиатском происхождении также и «сасанидских» тканей, найденных в Восточном Туркестане. В этом нас убеждает простое сравнение некоторых мотивов, например головы кабана в варахшской росписи и такой же точно головы на ткани из Турфана (А. S t e i n. On ancient Central-Asian tracks. London, 1933, стр. 269, рис. 124). Основанием для такого предположения служат и сообщения Наршахи (перевод Лыкошина, стр. 29) и географов X в. о драгоценных тканях, которыми славился город Средней Азии.

³ Труды Таджикской археологической экспедиции, т. II. МИА, № 37, 1953, табл. V.

⁴ Там же, табл. IV.

Рис. 7. Изображение карпатки (зарисовка В. П. Кедрина).

но, колоссальной, не меньше 6 м в спячем положении. Здесь строже и монументальнее композиция, тщательнее и каллиграфичнее рисунок, ярче и красочнее мягкий и уравновешенный колорит. Словом, на наш взгляд, росписи Варахши являются произведением более зрелого и изощренного мастерства, чем росписи Пянджикента. Тем не менее они, несомненно, произведения одной и той же культуры, одной и той же эпохи.

Интересный фрагмент живописи сохранился в южном конце западной стены «восточного зала». Здесь были изображены едущие вправо всадники, одетые в панцири, в остроконечных желтых шлемах со свисающими на плечи кольчужными бармицами. Панцири, покрывающие туловище и ноги, набраны из желтых и голубых пластинок чередующимися горизонтальными рядами. Ноги вдеты в стремяна, на правом боку висит колчан со стрелами. Живопись сохранилась плохо, красочный слой сильно осыпался. Однако хорошо видна вся крайняя слева фигура всадника, от второй фигуры уцелели только фрагменты, еще хуже сохранилась третья. Правее стена была в позднейшее время, при перестройке, закрыта толстой сырцовою стеной, и живопись на ней, повидимому, совершенно не сохранилась.

Незначительный по площади кусок живописи уцелел также и на восточной стене, около юго-восточного угла помещения. На нем можно разобрать только изображения камыша; повидимому, на этой стене была изображена сцена охоты. Таким образом, становится ясным и весь сюжетный репертуар живописи «восточного зала»: торжественный прием царя, войско (быть может, сцена битвы) и охота, т. е. три излюбленных сюжета искусства не только древнего, но и средневекового Востока.

«Восточный зал» в целом сохранился очень плохо. Его восточная стена обрушилась и позднее была сложена заново, но очень грубо. Затем внутри этого зала из сырцового кирпича было построено целое здание, состоящее из четырех помещений, образующих анфиладу. Однако это здание не заняло всей площади «восточного зала»: с южной и восточной сторон остались свободные пространства, которые тогда же были забиты землей. Это счастливое обстоятельство и сохранило для нас драгоценный памятник древней живописи. Жизнь во вновь построенных помещениях, повидимому, с перерывами, продолжалась вплоть до X в. или даже XI в. В одном из этих помещений была сделана находка еще нескольких фрагментов живописи в виде кусков, лежавших на полу. На двух из них видны фигуры всадников, стреляющих из лука, в характерном повороте назад (рис. 8). На третьем фрагменте, кроме всадника, уцелела часть фигуры животного с длинными винтообразными рогами. Эти фрагменты, несомненно, представляют собой части одной и той же охотничьей сцены.

К западу от описанного зала, смежно с ним, находится второй большой зал, названный нами по преобладающему тону живописи, покрывавшей его стены, «красным залом» (рис. 9). Стены зала в южной части сохранились на высоту до 4,5 м; к северу они круто понижаются. Живопись уцелела только в нижней части стен. Во многих местах она была испорчена, ибо значительные куски штукатурки с живописью вырублены каким-то острым орудием. Больше всего подверглись порче фигуры и головы изображенных здесь людей. Много разрушений и другого происхождения. Но зато оставшаяся часть живописи отличается прекрасной сохранностью красочного слоя, яркостью и сочностью тонов. Часть этой росписи, занимающая около половины западной стены зала, была вскры-

та в 1939 г.¹ Поверхность стены оказалась разбитой на два горизонтальных пояса. В нижнем из них изображены повторяющиеся группы, состоящие каждая из слона с сидящим на нем огромным, по сравнению со слоном, всадником — царем или героем — и значительно меньшим по масштабу погонщиком. С обеих сторон на них нападают звери-чудовища, во всех случаях разные. В крайней правой из сохранившихся композиционных групп они представлены оранжево-красными зверями, напоминающими больше всего львов; в следующей группе это были белые крылатые грифоны с туловищем и задними лапами собаки, а передними — когтистыми птичьими. Головы этих грифонов, к сожалению, не сохранились. Дальше была изображена группа с желтым слоном, в отличие от предыдущих белых или светлосерых с белыми круглыми пятнами, и звери кошачьей породы с расплывчатыми своеобразной формы пятнами.

В наилучшей сохранности оказалась крайняя слева группа у юго-западного угла помещения (рис. 10). Здесь с относительно незначительными, легко восполняемыми воображением лакунами сохранились все основные элементы изображения.

Большой интерес представляет фигура витязя. Он сидит на слоне боком. Левая нога, опущенная вниз, вставлена в стремя, правая согнута в колене. Всадник вооружен копьем, с помощью которого он поражает нападающего сзади зверя, похожего на гепарда. На голове всадника надета крылатая корона, украшенная перлами и частично сохранившейся протомой какого-то животного. Широкое лицо с небольшими, едва намеченными усиками (рис. 11). Обращает на себя внимание длинная оттянутая мочка уха с массивным кольцом, такая же, какую мы видим в многочисленных буддийских изображениях. Одежда этого персонажа ограничивается короткими шароварами и низенькими сапожками, верхняя часть которых украшена орнаментальной каймой с перлами. Зато обнаженный торс всадника увешан большим количеством ожерелий; на нем надет богато орнаментированный пояс, с которого свисает длинный прямой меч, на руках и ногах — своеобразные браслеты. По обе стороны от него развеваются длинные ленты. Погонщик изображен также полуобнаженным, с браслетами и поясом-португеей, на которой висят ножны прямого меча. Самый меч — в правой руке погонщика: он вонзил его почти по самое перекрестье в грудь такого же, как и слева, животного, напоминающего гепарда. Обильно украшен также и слон. Всадник сидит на круглой орнаментированной каймой попоне, прикрепленной широкой подпругой с «елочным» орнаментом. На шею слона надет ошейник с подвесками и бубенчиками, сзади — подхвостник с такими же подвесками.

Хорошо сохранилась проходящая по нижней части стены широкая орнаментальная кайма, на которую опираются ноги слона и зверей.

Южная стена зала открыта пока еще только наполовину². Во вскрытой части стены мы видим совершенно аналогичные композиционные

¹ Подробное описание см. ТОВЭ, т. IV, 1947, стр. 259—266.

² Каждый вскрываемый кусок росписи подвергается очистке, закреплению и зарисовывается в натуральную величину в красках с возможно большей точностью по предварительно снятым калькам. Эта работа, которая с большим успехом выполнялась художниками Г. Н. Никитиным, Ю. П. Гремячинской и В. Н. Кедриним, а также старшим научным сотрудником Института истории и археологии Академии наук УзССР В. А. Нильсеном, при больших площадях, требовавших фиксации, настолько задерживала изучение росписей, что в каждом сезоне раскопок мы успевали обрабатывать только часть стены.

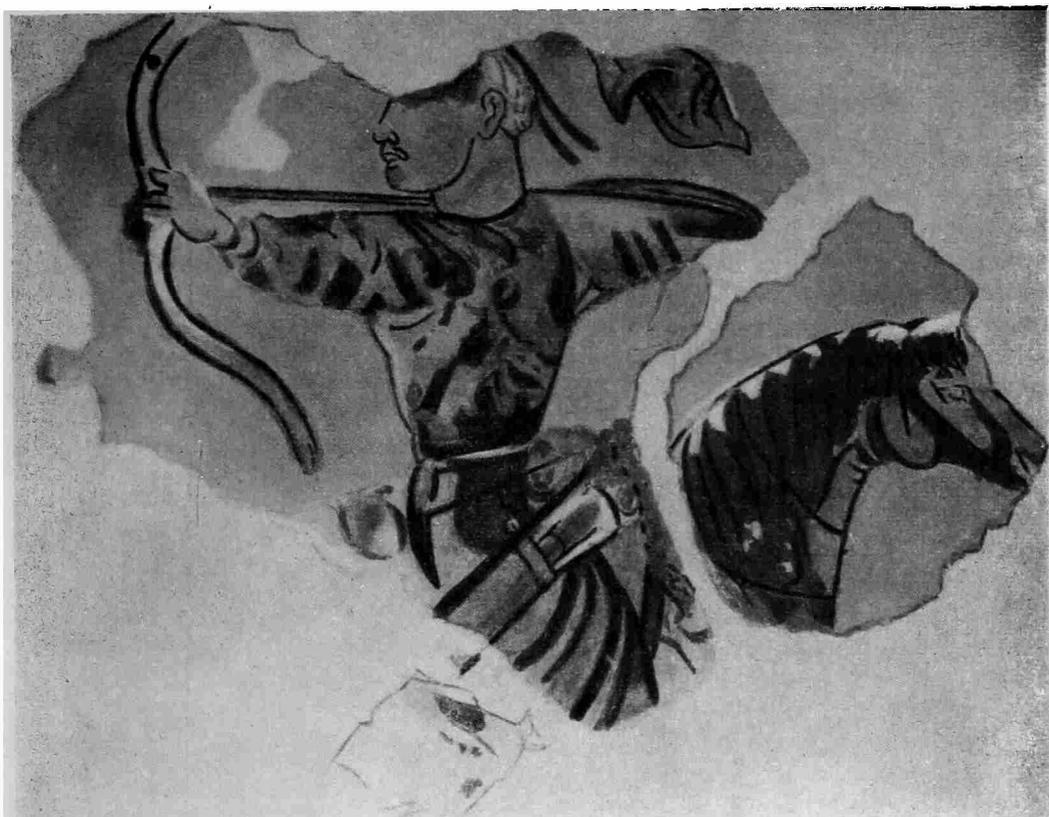

Рис. 8. Фрагмент живописи из позднего здания внутри «восточного зала» (зарисовка Г. Н. Никитина).

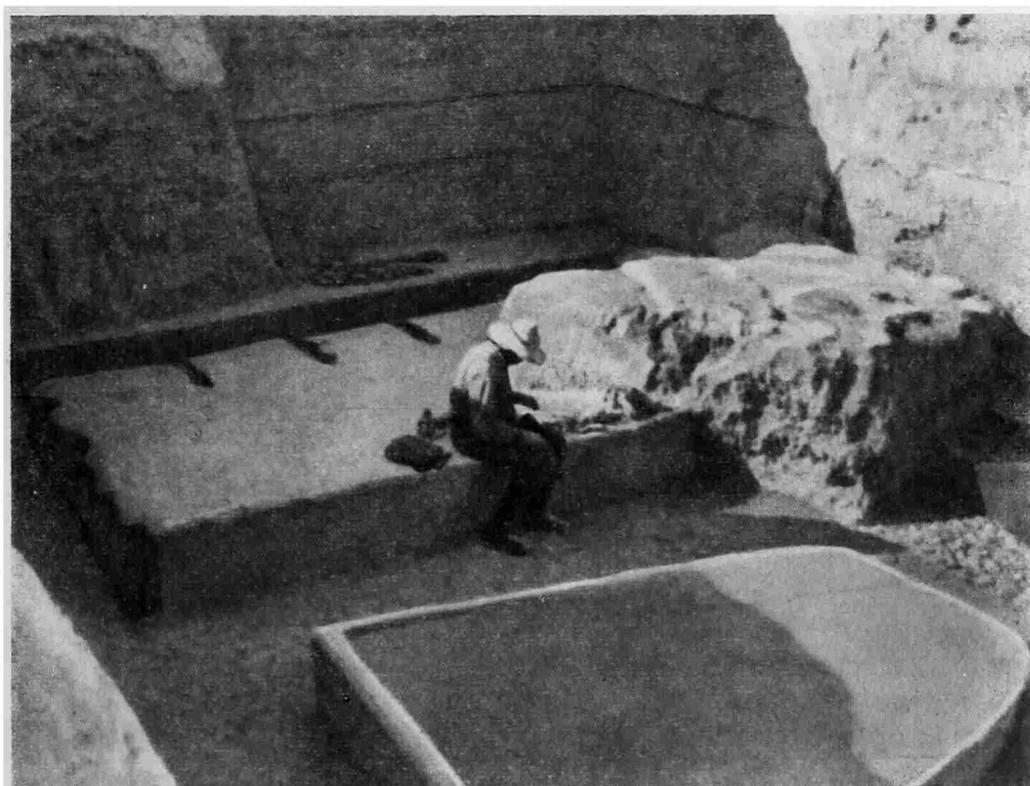

Рис. 9. Раскопки «красного зала».

Рис. 10. Часть живописи на западной стене «красного зала».

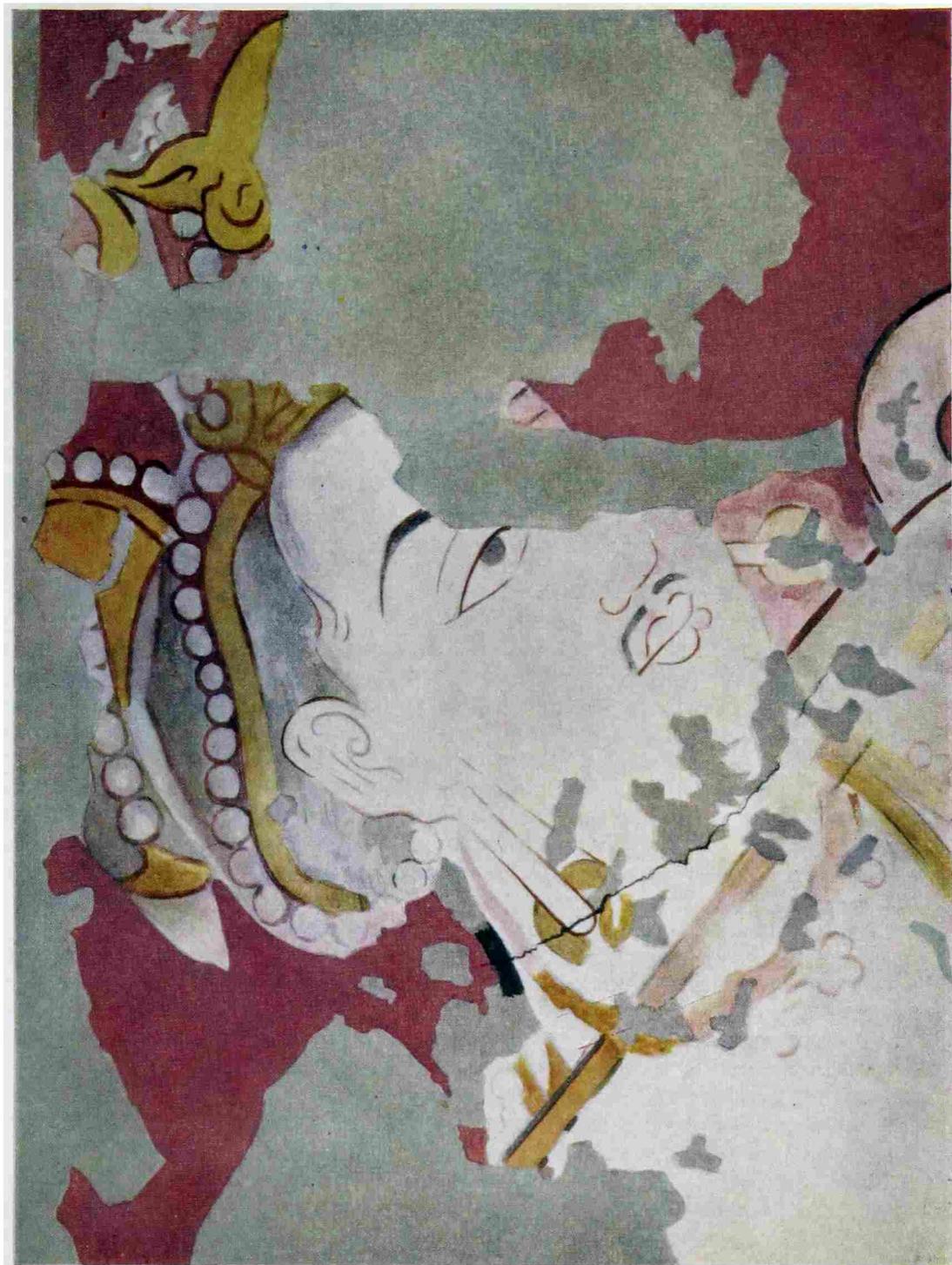

Рис. 11. Фрагмент живописи на стене «красного зала» (зарисовка В. Н. Кедрина).

группы со слоном в центре (рис. 12). Одна из них, западная, вскрыта полностью. На слона нападают чудовища в виде белых грифонов с короткими крыльями и длинными изогнутыми шеями. Голова грифона имеет небольшие рога. Фрагментарно сохранилось изображение туловища всадника. Так же как и в предыдущем случае, его обнаженный торс украшен ожерельями. Левая группа (на стене она занимает центральное положение) открыта еще не вся: видна голова слона, идущего вправо, и бросающийся на него в стремительном прыжке зверь, также напоминающий гепарда.

Открыт небольшой отрезок и восточной стены в пределах одной такой же композиционной группы. Живопись здесь почти в точности повторяет то, что изображено на противоположной стене.

Верхний пояс живописи сохранился значительно хуже. В нем изображено шествие зверей, от которых остались только ноги. Все эти животные идут влево, примерно на одинаковом друг от друга расстоянии. Здесь видны ноги копытных животных (лошади, оленя) и лапы хищных зверей кошачьей породы, наряду с которыми представлены и явно фантастические существа с кошачьими задними и птичьими передними лапами. То обстоятельство, что в этой композиции было изображено не шествие реальных зверей, подтверждается и тем, что на некоторых фигурах животных были изображены попоны и стремена.

Колорит живописи «красного зала», в отличие от «восточного», при большой яркости и насыщенности тонов чрезвычайно строг и сдержан. Все фигуры как в верхнем, так и в нижнем поясах, изображены на сплошном красном охристом фоне. Сами фигуры изображены разными оттенками белого, розового, серого и желтого тонов. В некоторых случаях замечается попытка передать объем, но светотени здесь нет, и в целом живопись следует характеризовать как условную, плоскостную. Условность подчеркивается прорисовкой контуров и деталей черной или красной линией. Несколько странное впечатление производят пропорции слонов: тело их чрезвычайно вытянуто, ноги очень короткие. В то же время изображения фигур других животных показывают большую наблюдательность и верный глаз художника, умение передать не только правильные пропорции, но и стремительное движение. Повидимому, это можно объяснить только тем, что художник не был хорошо знаком с реальным слоном, который не водился в Средней Азии, и рисовал его по виденным им картинам и даже, может быть, на память.

Сравнение живописных панно «восточного» и «красного» залов наталкивает и еще на ряд соображений. В «восточном зале» мы с полной несомненностью встречаемся с реальным, но несколько идеализированным изображением бытовых сцен из жизни дворца бухархудатов. Костюмы, ткани, оружие и предметы утвари, показанные здесь, не оставляют никакого сомнения в том, что они рисованы с реальных, действительно существовавших предметов. Другое дело живопись «красного зала»: здесь все, начиная со слишком легких для Средней Азии костюмов людей и кончая гибридными животными с задними кошачьими и передними птичьими лапами, не говоря о крылатых грифонах, фантастично, не реально. О том же говорит и своеобразная общая композиция живописных панно, так сказать, орнаментизированная и даже примитивная. Весьма возможно, что по характеру живописи можно судить и о назначении того и другого помещений. Первое, на наш взгляд, легко можно было бы считать залом для торжественных приемов царя, второе могло являться культовым местом, где совершались религиозные церемонии.

Основание для такого предположения дает и сам зал. Раскопками 1953 г., когда, наконец, зал был раскрыт полностью, за исключением небольших останцев земли, непосредственно прикрывавших еще не исследованные части росписей, выяснилось, что вдоль стен проходила сложенная из сырцового кирпича скамья. На южной стороне, отделяясь от этой скамьи узким проходом, возвышалась прямоугольная платформа, также из сырцового кирпича, на поверхности которой видны пазы от каких-то находившихся на ней сооружений, а по краям — следы от столбов прикрывавшего платформу балдахина (см. рис. 9). В середине зала имеется еще одна сырцовая платформа, прямоугольная в восточном конце и овально закругленная в западном. Прямоугольная часть обнесена невысоким глиняным валиком. На поверхности этой платформы заметны следы огня. Вряд ли можно сомневаться, что в этой платформе было место, где стоял жертвенник, возможно, такого же типа, как изображенный на южной стене «восточного зала» и в росписях Пянджикента. Судя по этим двум примерам, такая форма жертвенника или курильницы имела значительное распространение. Последнее подкрепляется находкой в 1953 г. при раскопках Балалык-тепе в Сурхан-Дарьинской области очень сходного по форме предмета, сделанного из глины.

Зал был построен одновременно и в связи с упоминавшейся выше южной стеной всего здания; позднее, при ремонте, время которого трудно определить, восточная и западная стены зала были переложены в большей своей части. Переложены они были в новой строительной технике. Это уже не «комбинированная» сырцово-пахсовая кладка; новые стены сложены из сырцового кирпича несколько более крупного формата, с тонкими швами. От старой кладки остались всего лишь части стен, непосредственно примыкавшие к южной стене. Только после этого ремонта появилась описанная выше стенная роспись. Еще позднее, уже не при ремонте, а при полной перестройке, на северной стороне зала была построена толстая, но грубо сложенная стена (старая северная стена зала вообще не сохранилась), и все помещение было заполнено землей с кусками сырцового кирпича, причем засыпка велась правильными слоями (25—30 см) с трамбовкой каждого слоя. Так же было забито и соседнее помещение, расположенное западнее. На получившейся таким образом платформе были возведены новые здания, также из сырцового кирпича, от которых до нас дошли такие незначительные следы, что определить их характер и назначение представляется совершенно невозможным; ветер и перекатывающийся через городище песок уничтожили их почти полностью. При этой перестройке жестоко пострадали стенные росписи. Именно в это время, надо полагать, были вырублены большие куски росписи, особенно головы изображенных в ней человеческих фигур.

К этому же времени, на что имеется ряд указаний, должны относиться вымостка двора, расположенного севернее «красного зала», и ряд других сооружений, в частности, тех небольших продолговатых помещений на южной стороне, в которых в 1938 г. нами было найдено большое количество фрагментов алебастрового декора здания.

Остановимся еще на одной, относительно поздней части разновременного архитектурного комплекса дворца, открытой в 1950 г. Это сооружение находится в западной части дворцового здания и занимает довольно обширную прямоугольную площадь. Северная часть его представляла собой открытый дворик, вымощенный крупным квадратным обожженным кирпичом; северная часть, возвышающаяся над двориком на три

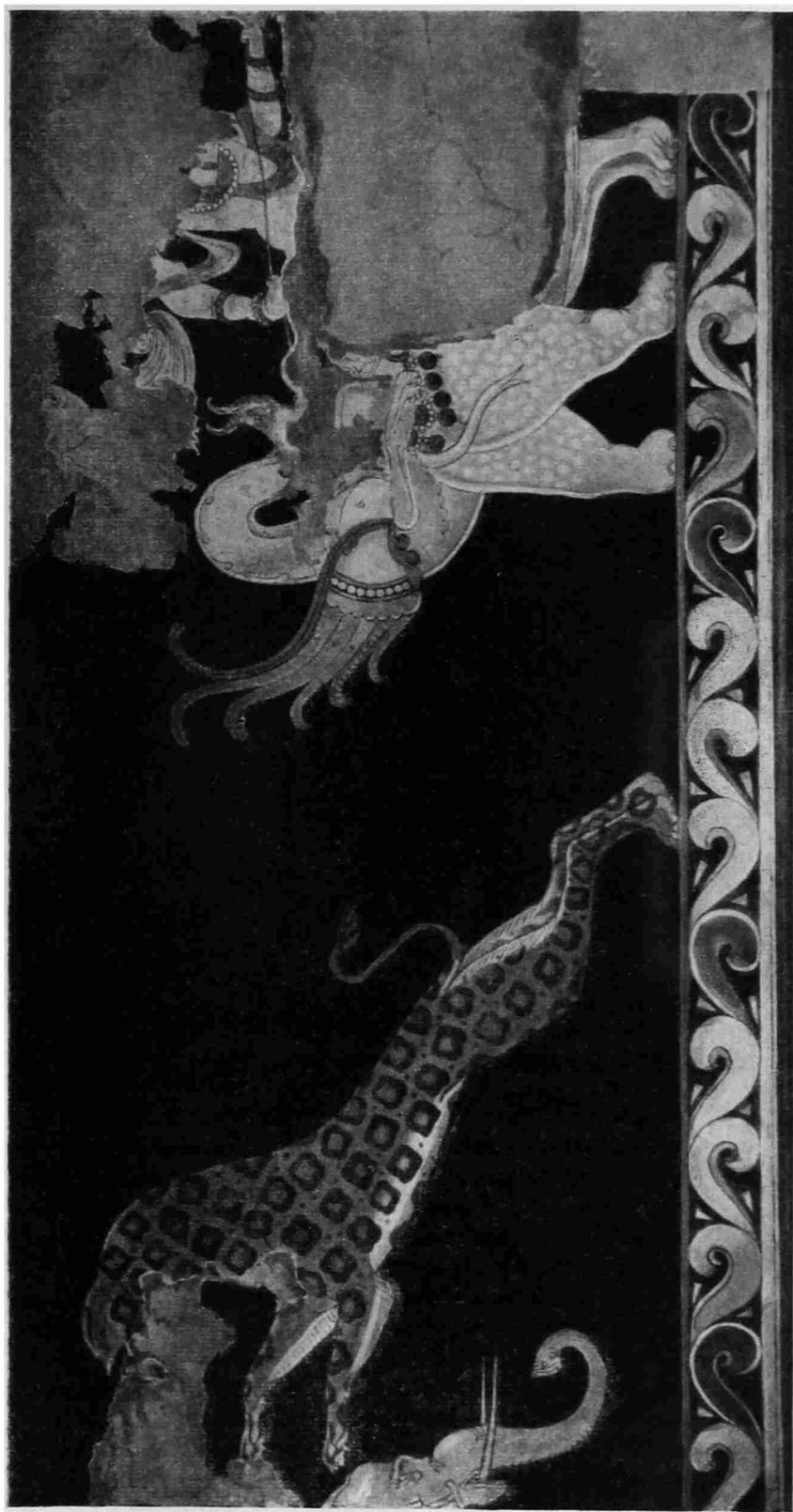

Рис. 12. Животные на южной стене «красного зала» (зарисовка — элементами реконструкции, выполненная В. А. Пильским)

ступени, отделена от него аркадой, опиравшейся на два мощных кирпичных круглых столба-колонны и на две такого же диаметра полуколонны по краям, что дало нам основание условно назвать это сооружение «айваном» (рис. 13). Пол «айвана» также выстлан крупным обожженным квадратным кирпичом очень слабого обжига. Колонны покоились на

Рис. 13. Раскопки «айвана».

квадратных плинтах, сложенных также из обожженного кирпича, под ними — фундамент из обожженного и сырцового кирпича. Интересно отметить, что сами столбы были сложены из специального лекального клинчатого кирпича. Сохранность этой постройки оказалась очень плохой. Более или менее уцелели нижние части восточной полуколонны и находящейся рядом с ней колонны. От полуколонны и колонны в западной половине сохранились только фундаменты. Совершенно неясным остался вопрос о перекрытии «айвана». При большой его площади здесь не могло быть сводчатого перекрытия; единственное возможное предположение: помещение было перекрыто по балкам, но и в этом случае перекрытие должно было опираться на столбы. Между тем при самом тщательном исследовании пола никаких следов столбов мы не могли найти.

«Айван» был некогда богато декорирован резьбой по алебастру. Об этом свидетельствует большой фрагмент алебастрового декора, сохранившийся на своем месте на восточной полуколонне. При раскопках «айвана» было найдено большое количество обломков этого декора, числом в не-

сколько тысяч (считая и мелкие куски орнаментированной штукатурки). На этих фрагментах обильно представлен разнообразный геометрический и особенно растительный орнамент (рис. 14 и 15), весьма сходный с тем, который был обнаружен в 1938 г., но дающий и некоторые новые орнаментальные мотивы, в частности плетенку. Наряду с орнаментальной резьбой на фрагментах имеются и изображения животных: голова и передняя часть туловища кийка (джейрана), почти целая фигура стреми-

Рис. 14. Фрагмент орнаментального бордюра из раскопок «айвана».

тельно бегущего барана с большими закрученными рогами (рис. 16), головы кабанов, птицы (рис. 17) и т. д. Совершенно очевидно, что в этих фрагментах имеются остатки сцены охоты; эта сцена украшала какую-то часть «айвана». В спину барана вонзилась стрела, которая проходит через все туловище. Дополнением, подтверждающим это заключение, являются фигуры лошадей. От одной из них сохранилась только голова, от другой — туловище с попоной и ногой сидящего на ней всадника, на правом боку которого висит колчан со стрелами. Фантастические животные здесь представлены рогатой головой дракона на длинной изогнутой шее. При раскопках около сохранившихся остатков колонны был также найден большой кусок свалившейся откуда-то стены из обожженного кирпича, интересный тем, что на нем сохранилась покрывавшая его алебастровая штукатурка с горельефным изображением женской головы и руки, представленных на фоне орнамента из виноградных побегов, листьев и гроздьев; голова повернута в три четверти влево (рис. 18). Неподалеку найдена была и вторая такая же голова, но повернутая в противоположную сторону. По положению руки и остаткам шарфа, сохранившегося

Рис. 15. Алебастровое орнаментальное панно на терракотовой плите.

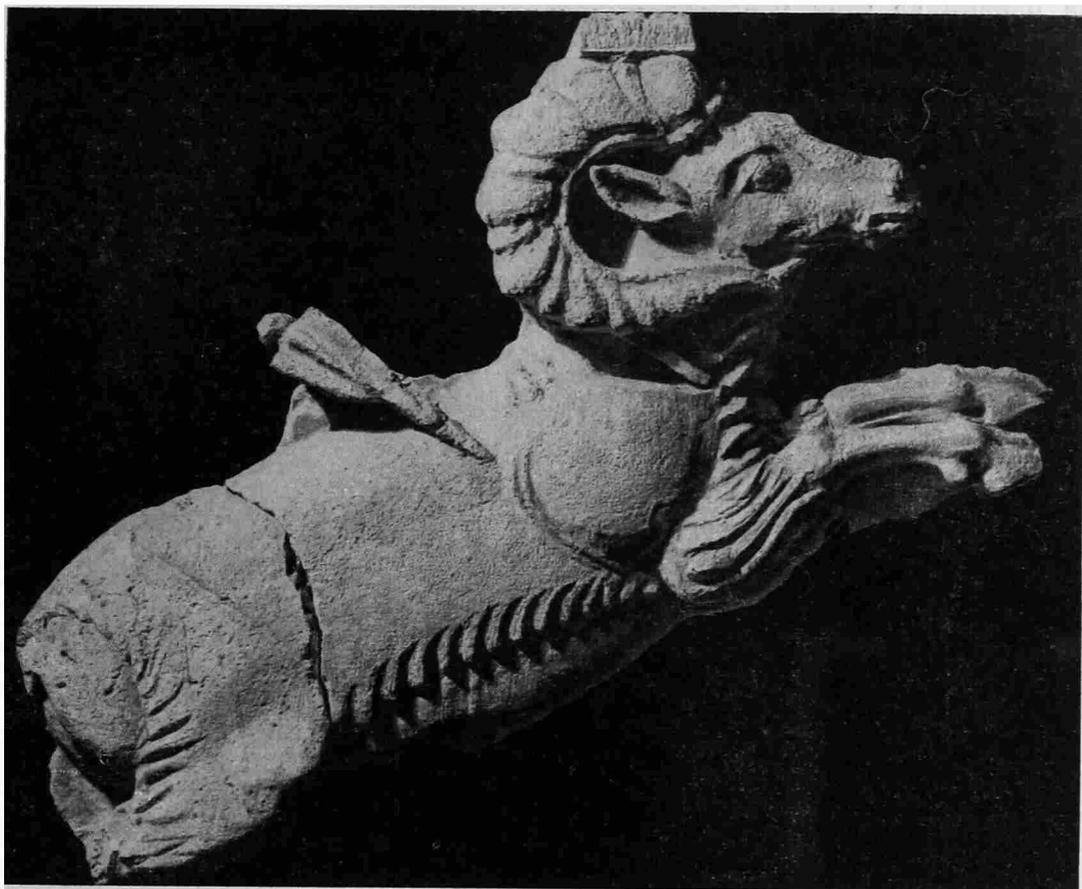

Рис. 16. Изображение барана из раскопок «айвана».

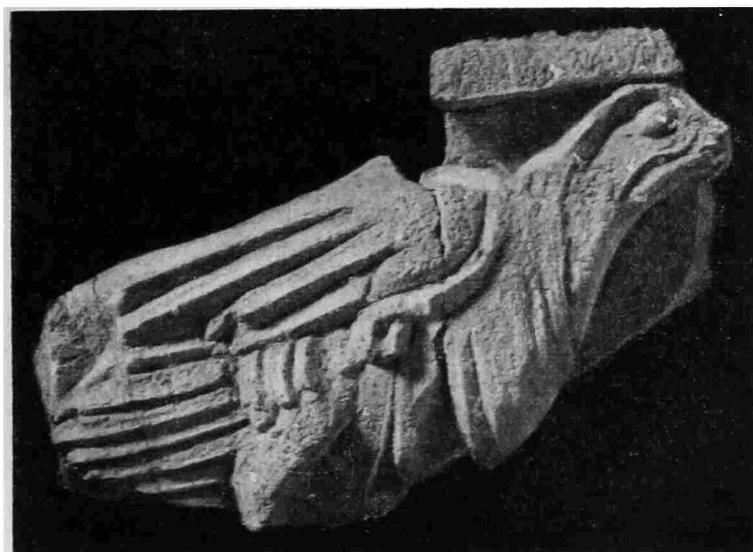

Рис. 17. Изображение птицы из раскопок «айвана».

на первом из этих горельефов, можно предположить, что женщины изображали собой танцовщиц.

Алебастровая скульптура и резной орнамент «айвана», как и те фрагменты этого вида искусства, которые были найдены и описаны в прошлые годы, показывают большое и изощренное мастерство художников, смелую лепку формы без излишней детализации, свободное владение рез-

Рис. 18. Изображение женской головы из раскопок «айвана».

цом без всяких предварительных «припорохов» и шаблонов. Это уже, несомненно, развитое искусство, предполагающее большую традицию, передававшуюся из поколения в поколение.

«Айван» подвергся разрушению еще до X в. В западной его части, на развалинах, в X—XI вв. существовали какие-то, повидному, жилые постройки; сохранились часть пола, фигурно выложенного кирпичом, остатки стен, очаг, мусорные ямы с типичной для этого времени керамикой и изделиями из стекла.

В 1951—1952 гг. сотрудниками экспедиции В. А. Нильсеном были произведены обследование и раскопки цитадели, возвышавшейся рядом с дворцом на южной стороне городища (рис. 19). Здесь были также обнаружены три основных периода строительства. По полученным данным, впервые цитадель на этом месте была возведена в конце V или начале VI в. Она состояла тогда из необычайно мощного стилобата, достигшего высоты 15 м, и строения наверху, стены которого были сложены в той

же самой «комбинированной» системе кладки, как и древнейшие стены дворцового здания (рис. 20). От этого строения почти ничего не сохранилось, кроме небольших фрагментов, по которым можно судить, что снаружи оно было оформлено такими же полуколоннами — «гофрами», как и упомянутая выше башня к югу от дворцового здания. Что же касается стилобата, то выяснилось, что он состоял из мощных сырцовых стен, одетых снаружи второй, глинобитной стеной. Пространство внутри стен было заполнено землей. Наши попытки прозондировать эту толщу, а также и длинные кладоискательские ходы, глубоко врезающиеся в стилобат, никаких стен и помещений в толще стилобата не обнаружили.

Рис. 19. Раскопки цитадели (вид со стороны городища).

Позднее (точную дату установить трудно) к восточной стороне цитадели было пристроено большое капитальное здание, состоявшее из ряда продолговатых коридорообразных помещений (рис. 21); это здание стояло также на высоком, но все же значительно более низком, чем в первом случае, стилобате. Помещения этого здания, повидимому, вскоре после его постройки были тщательно забиты землей, а частично даже заполнены прочной кладкой из сырцового кирпича, благодаря чему оно сохранило значительные остатки своих сводчатых перекрытий, сложенных наклонными отрезками. Наверху после этой забивки помещений, надо полагать, было возведено еще какое-то здание (или предполагалось его возвести), но никаких следов этого верхнего строения обнаружить нам не удалось: если они и были, то ветер и песок уничтожили их полностью.

К самому позднему периоду существования города относятся остатки построек на восточной, более высокой части цитадели. Эти остатки заключаются в фигурном настиле пола из обожженного кирпича со сливным сооружением — поглощающим колодцем в середине, закрытым большим мельничным жерновом; сохранились также остатки лестницы

(на восточной стороне), выложенной из обожженного кирпича, и некоторые незначительные фрагменты стен из обожженного и мелкого квадратного сырцового кирпича.

Раскопки дворцового здания и связанной с ним цитадели, как уже сказано выше, заставили в корне пересмотреть те предположения об истории дворца и цитадели, которые сложились в результате наших первых работ, производившихся в довоенные годы. В частности, цитадель была принята нами тогда за одну из структурных частей первоначаль-

Рис. 20. Остатки полуколонн у стены цитадели.

ного города. А так как некоторый имевшийся в нашем распоряжении материал, — в частности материал из большого шурфа, вырытого в центральной части городища и прорезавший всю толщу культурных наслоений (около 11 м глубиной), — указывал на большую древность возникновения поселения, во всяком случае не позднее начала нашей эры, то и сама цитадель представлялась сооружением значительно более древним. В результате описанных работ стало совершенно ясно, что цитадель, а вместе с нею и дворец являются свидетелями больших перемен, которые произошли в самой структуре города. Это заставило внимательнее всмотреться в особенности рельефа городища. Эти особенности в основном заключаются в том, что в центре неправильной по конфигурации площади, занятой городом, имеется значительное, но расплывчатое по форме повышение. Это повышение со всех сторон окружено кольцеобразной низиной, в значительной части засыпанной песком. Самая углубленная и широкая часть этой низины находится на западной стороне. От низины площадь городища со всех сторон снова повышается к внешним городским стенам. Такой рельеф городища уже сам по себе наталкивал на мысль, что поселение в далекой древности имело совсем иную планировку, чем в последние периоды его существования.

Для проверки и уточнения этого положения в 1953 г. были начаты два раскопа. Ввиду того, что эти раскопы еще не закончены, даем самое краткое их описание.

Первый из раскопов, начатый сразу на большой площади, расположен на западном склоне центрального холма¹. В первом сезоне раскопок выявлено, что под незначительным верхним слоем песка и некоторых

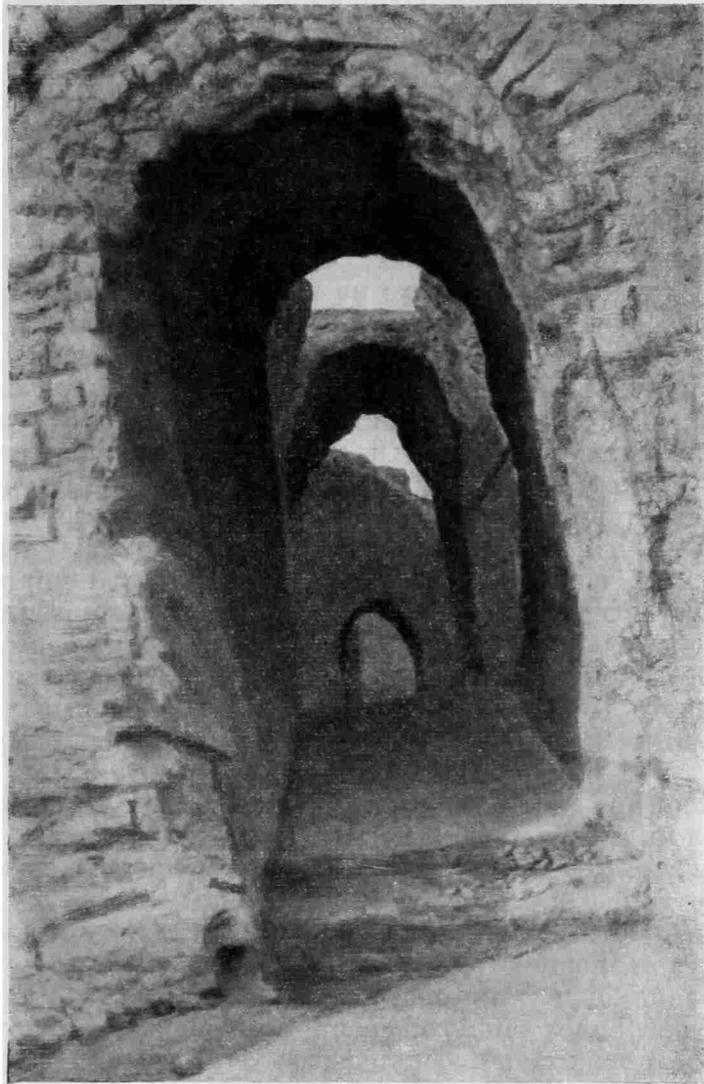

Рис. 21. Одно из помещений в восточной части цитадели.

очень сильно разрушившихся остатков сооружений позднейшего периода существования города (X—XI вв.) на протяжении 30 м от верхнего края раскопа (иными словами, — от середины центрального холма) лежит сплошная, но сделанная, видимо, отдельными участками платформа из нескольких рядов крупного сырцового кирпича, представляющая собою, надо полагать, нечто вроде фундамента для позднейших построек. Первоначальной длины этой платформы выяснить не удалось, так как

¹ Раскопки производили В. А. Нильсен, М. Х. Урманова и Т. Агзамходжаев. Длина раскопа с запада на восток достигла 52 м при ширине от 12 до 8 м.

она выклинивается на западном склоне, и западный край ее оказался разрушенным. В следующем горизонте под этой платформой лежат сохранившиеся на небольшую высоту остатки здания, стены которого характеризуются типичной «комбинированной» кладкой из сырцового кирпича и глины, аналогичной такой же кладке древнейших частей дворцового здания и западной части цитадели, что наталкивает и здесь на мысль о синхронности этих сооружений. В раскопанной части этого здания оказались три помещения. Одно из них, самое большое, повидимому, имело культовое назначение, о чем говорит небольшое прямоугольное возвышение, сложенное из сырцового кирпича, которое могло являться местом для установки жертвенника, а в соседнем, раскрытом частично, помещении на южной стороне раскопа обнаружены значительные скопления золы.

Ниже этих остатков, начиная с глубины около 2,5 м, лежит мощный слой, заключающий в себе остатки более ранних построек. Опуская описание некоторых промежуточных, очень плохо сохранившихся фрагментов стен и кладок, отметим, что на глубину до 5,25 м уходят остатки, повидимому, довольно монументальной постройки, кладка стен которой очень сильно отличается от вышележащих. В этой кладке использован сырцовый кирпич, небрежно сформованный, различных размеров: квадратный со стороной от 38 до 41 см при толщине около 9 см и продолговатый, очень крупный — $46 \times 36 \times 9$ см. Техника кладки напоминает ту вышеописанную «комбинированную» кладку, в которой кирпичи уложены со значительными промежутками; а между рядами кирпичей положен толстый слой глины, заполняющий и промежутки между кирпичами, но формат и размеры использованного здесь сырцового кирпича встречены на Варахше впервые. При раскопках этого сооружения, сохранившегося очень плохо, были найдены две монеты: одна — медная скифатная описанного выше типа, вторая — часто встречающаяся на Варахше среди подъемного нумизматического материала небольшая медная монета с изображением на одной стороне животного (верблюда), идущего вправо, на другой стороне — жертвенника. Монеты эти в нумизматике пока точно не датированы и не приурочены к определенному месту. Массовые находки их на Варахше и место в раскопе, где они встречены, позволяют нам теперь закрепить за ними бухарское происхождение и отнести их ко времени не позднее конца IV или начала V в.

На этом раскопки 1953 г. были закончены. Остались не вскрытыми еще нижние наслоения, мощность которых должна быть не меньше 4,5—5 м.

Второй раскоп, целью которого является также выяснение стратиграфии культурных наслоений городища, был заложен в его северо-западном углу¹. В верхних слоях обнаружены очень плохо и фрагментарно сохранившиеся остатки построек последнего периода города. Под ними такие же, как в только что описанном раскопе, мощные платформы из сырцового кирпича, заполняющие значительную часть площади раскопа. Интересным в этом месте является то, что, прорезав близ самого угла, образованного позднейшими стенами Варахши, толщу этих относительно поздних сооружений и напластований, мы обнаружили полуовальную в плане угловую башню древней оборонительной стены. Башня сложена из крупного квадратного кирпича. Этот кирпич и характер кладки настолько отличны от исследованных на Варахше до этого времени, что эту башню можно смело отнести к другому, более раннему периоду и датировать ее пока ориентировочно временем около начала на-

¹ За раскопом наблюдал С. К. Кабанов.

шей эры. Такая датировка башни находит подтверждение в проводившихся нами небольших по объему исследованиях в «западной группе развалин» на бугре Баш-тепе¹ и выполненных в 1951—1952 гг. раскопках небольшого безымянного городища, условно названного нами Аяк-тепе № 2². Оба они расположены в 17—20 км на запад от Варахши.

Упомянем еще о произведенных в 1951—1952 гг. раскопках остатков жилых домов X—XI вв. на западной стороне городища. Здесь были раскрыты сохранившиеся на небольшую высоту стены нескольких домов, примыкавших непосредственно к городской стене; городская стена являлась в сущности западной стеной этих домов. Хорошо устанавливаются планы домов с небольшими двориками в середине, окруженными жилыми помещениями. Несколько домов соединяются в один сплошной блок; стены, разделяющие их, являются общими для двух домов. С восточной стороны вдоль домов проходит очень узкая улочка, по другую сторону которой также имеются остатки жилых построек, вскоре выклинивающихся, так как местность в восточном направлении понижается. Несмотря на то, что при раскопках не удалось обнаружить каких-либо производственных приспособлений или оборудования, можно полагать, что эти постройки представляют собой достаточно типичные жилища горожан среднего достатка — ремесленников или торговцев, повидимому, не связанных или мало связанных с земледелием. Такого рода жилища X—XI вв. нам еще не были известны³.

Древнейшие слои Варахши пока остаются неисследованными, так как они скрыты под многометровой толщей культурных наслоений, вскрытие которых потребует в дальнейшем значительных по объему раскопчных работ; последние дадут возможность установить дату возникновения первоначального поселения на этом месте. Имеющиеся теперь материалы позволяют датировать город временем около начала нашей эры. Структура и планировка этого древнего города еще также не вполне ясны. Можно, однако, предполагать, что они сильно отличались от города последних периодов его существования. Уже теперь с достаточным основанием можно предположить, что в середине площади, окруженной стенами, возвышалось большое здание, неоднократно перестраивавшееся. Как была использована остальная часть территории внутри стен города, мы пока еще не знаем.

Город, несомненно, переживал значительные кризисы и, может быть, даже периоды запустения. На нем сказался и тот кризис, который привел к запустению западную часть тяготевшего к Варахше района, совпадавший, по всем данным, с кризисом рабовладельческих отношений.

Основные изменения в характере городской застройки произошли около конца V или в VI в., в период формирования феодальных отношений и укрепления положения землевладельческой аристократии — дехкан, первым из которых в области Бухары был бухар-худат, основавший здесь свою резиденцию. В это время был возведен дворец, «красота которого вошла в поговорку», а рядом с ним — защищавший дворец мощный замок-цитадель, надежное убежище на случай опасности.

Дворец бухар-худатов подвергался, в полном соответствии с данными Наршахи, большим разрушениям, точные причины которых нам неизвестны. Возможно, что эти разрушения, устанавливаемые как сообщениями Наршахи, так и археологическими данными, являются следствием

¹ Работы производились автором статьи в 1938 г.

² Раскопки производил В. Д. Жуков.

³ Раскопки комплекса жилых домов вел С. К. Кабанов.

тех войн, которые потрясли страну, разделенную на множество мелких владений — областей, возглавлявшихся враждовавшими между собой владетелями — бухар-худатами, вардан-худатами, хорезм-шахами, ихшидами, афшинами и т. п. Не менее вероятны и крупные народные восстания крестьян против закабаления их дехканами, подобные восстанию Аброя, описанному тем же Наршахи, которое происходило в ближайшем соседстве с Варахшой — в Пайкенде.

Разрушения дворца были настолько значительными, что последующее восстановление в каждом случае можно считать новой постройкой, возводимой по традиции на старых развалинах. Одно из таких значительных восстановлений, потребовавших возведения новых стен взамен обрушившихся, как мы видели выше, можно датировать VII веком. К этому времени относятся стенные росписи «восточного» и «красного» залов. Вскоре после этого произошло и вторичное запустение дворца. Уничтожение голов изображенных в росписи персонажей, так же как и другие признаки умышленной порчи стенных росписей, можно связать с приходом в страну арабов-мусульман, усиленно уничтожавших все, что относилось к прежним культам, и в первую очередь всякого рода культовые изображения; это, однако, не помешало правителям мусульман возводить в VII—IX вв. дворцовые здания, украшенные живописью и скульптурой, изображающими «греховные» сцены с участием людей. Примеры этого мы видим в Кусейр Амра, Каср-ал-Хейре, Самарре и, наконец, здесь же в Варахше, в позднейшем дворце, возведенном на развалинах уничтоженного. По словам «Истории Наршахи», этот последний дворец был построен «уже во времена ислама» бухар-худатом Буният, убитым по распоряжению халифа в своем варахшском дворце за его связь с восстанием Муканны в 782/783 г. К этому дворцу, построенному, следовательно, уже во второй половине VIII в., мы относим те помещения, которые были украшены резьбой по алебастровой штукатурке. После смерти Бунията дворец, надо полагать, был оставлен своими жителями и на этот раз навсегда, хотя некоторая часть постройки, по свидетельству той же «Истории Наршахи», существовала еще в X в.

В последний период существования города, как об этом упоминалось, западная часть площади, занимавшейся дворцом, была освоена под жилые постройки, от которых сохранились следы в виде остатков стен, кирпичных полов и мусорных ям.

Не исключена возможность того, что при гибели Бунията опустошению подвергся и сам город. Но если это и было так, то он вскоре после этого оправился: в X—XI вв. постройки, — повидимому, в основном жилые дома, — покрывали почти всю площадь города, кроме, быть может, развалин дворца, и застройка была при этом весьма интенсивной и плотной. Значительны были, поскольку можно об этом судить по очень плохо сохранившимся остаткам, также и предместья города, особенно около его северо-западного угла и на южной стороне. Однако эти предместья не были окружены стеной, во всяком случае никаких, хотя бы самых ничтожных, следов такой стены нет.

Об этом же, об интенсивной жизни города в X в., говорит огромный подъемный археологический материал в виде осколков керамики, металлических, гончарных и стеклянных шлаков и различных мелких поделок, собранный вокруг городища на площади радиусом в 2 км и больше. Несколько сотен саманидских монет X в. свидетельствуют об оживленной торговой деятельности, заставляющей вспомнить о больших ежегодных ярмарках, происходивших здесь, и о том, что Варахша являлась важным промежуточным пунктом на пути из Бухары в Хорезм.

Н. Я. МЕРПЕРТ

ИЗ ИСТОРИИ ОРУЖИЯ ПЛЕМЕН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

В VIII — X вв. у племен Восточной Европы распространился новый вид оружия — длинные однолезвийные полосы со слабым изгибом. Характер удара и особенности формы оружия позволяют считать его наиболее ранней формой сабли. Появление сабли явилось значительным фактором в военной истории Восточной Европы. Сабля полностью сохранила значение своего непосредственного предшественника — меча, на протяжении многих веков являвшегося не только важнейшим и излюбленным оружием, но и показателем определенного воинского строя, определенной тактики. Тактика колесничного, пешего и конного боя, преобладание того или иного рода войск, боевое построение — все это отражалось на формах мечей, изучение которых представляет поэтому большой интерес для военной истории. Это относится и к сабле, самое распространение которой вызвано определенными историческими условиями: появлением с востока многочисленного, легковооруженного, по преимуществу конного противника. Вопрос о происхождении сабли не получил еще достаточного освещения в археологической литературе. Ряд авторов связывал появление ее с определенным племенем — мадьярами, приход которых в Восточную Европу и обусловил якобы распространение здесь нового вида оружия¹. Тем самым сабля противопоставлялась оружию местных племен, а весь ход военной истории этих племен искажался или игнорировался. В советской археологии эта теория подверглась должной критике; в противовес ей неоднократно ставился вопрос о местном, исторически обусловленном происхождении сабли². Однако конкретно история формирования этого вида оружия прослежена не была. Между тем решение данного вопроса стало особенно важно для нас в связи с тем, что, как показала в своей ценной работе Г. Ф. Корзухина³, раннесредневе-

¹ I. H a m p e l. *Altertümer des frühen Mittelalters in Ungarn*, Bd. I. Braunschweig, 1905; B é l a P ó s t a. *Archäologische Studien auf russischem Boden*. Budapest — Leipzig, 1905; E. L e n z. *Eine Säbelstudie*. *Zeitschrift für historische Waffenkunde* Bd. IV, N. 6. Berlin, 1914; A. Z a k h a r o w und W. A r e n d t. *Archäologischer Beitrag zur Geschichte der Altungarn im IX Jh.* *Studia Levedica. Archaeologia Hungarica*, XVI. Budapest, 1934.

² М. И. А р т а м о н о в. Рецензия на ук. соч. А. А. Захарова и В. В. Арндта. ПИДО, 1935, № 9—10; А. В. А р ц и х о в с к и й. Введение в археологию. М., 1947, стр. 151; А. П. С м п р н о в. Рецензия на книгу С. В. Киселева «Древняя история Южной Сибири». «Советская книга», 1950, № 3, стр. 64; Н. Я. М е р п е р т. О генезисе салтовской культуры. КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 28, 29.

³ Г. Ф. К о р з у х и н а. Из истории древнерусского оружия XI в. СА, XIII, 1950, стр. 63 и сл.

ковая сабля сыграла немалую роль в формировании оригинальных форм оружия древней Руси.

Настоящая работа посвящена рассмотрению некоторых групп раннесредневековых сабель. В основу ее положены сабли, найденные при раскопках Салтовского могильника. Такой выбор материала обоснован двумя соображениями. Во-первых, в Салтове представлены почти все известные типы сабель VIII—IX вв. Во-вторых, вопрос о происхождении салтовских сабель принципиально важен для исследования салтовской культуры в целом. Некоторые исследователи считали саблю наиважнейшим доказательством инородности древних салтовцев для Восточной Европы, безусловным свидетельством их миграции с востока. Полностью отрицая подобную «методику» решения этнического вопроса, я считаю все же целесообразным проверить правильность отправного пункта этих исследователей — их утверждения о восточном происхождении салтовских сабель.

Салтовский могильник — одно из первых мест, где мы встречаем бесспорную и характерную форму сабли: однолезвийная полоса с некоторой, пока еще незначительной кривизной, длинная, что необходимо для преимущественно рубящего удара, сравнительно узкая и легкая. Если в других местах сабли, синхронные салтовским и подобные им по форме, встречаются как единичные находки, иногда наряду с мечами (Северный Кавказ), то в Салтове мечей нет совсем, сабля же встречается сравнительно часто, но только в богатых погребениях, как наиболее почетный вид оружия. Правда, в «Каталоге Выставки XII Археологического съезда» среди находок Трефильева дважды упоминается «прямой меч». Однако А. М. Покровский, производивший раскопки вместе с Трефильевым и после него, в своем подробном описании инвентаря могильника ни слова о мечах не говорит, сабель же упоминает пять, отмечая, что сабли эти «почти прямые»¹. Совершенно очевидно, что в «Каталоге» мечами неправильно названы сабли, прямыми же они названы благодаря крайне незначительному изгибу полосы. Подобные ошибки при описании раннесредневековых сабель известны и в других случаях, на что указывала уже Г. Ф. Корзухина².

В таблице на стр. 131 перечислены найденные в салтовских камерах и упомянутые в отчетах сабли. При этом в графе «Описание» цитируется соответствующий отчет.

К этим 8 саблям следует прибавить 3 сабли, найденные в 1900—1902 гг. и упомянутые А. М. Покровским³. Кроме того, как сообщил мне Б. А. Шрамко, прекрасная сабля найдена в богатом погребении воина во время раскопок С. А. Семенова-Зусера в 1948 г. (камера № 3). Общая длина этой сабли — 85 см (полоса — 76 см., рукоять — 9 см); ширина полосы — 2,8 см, перекрестье прямое, с сужающимися концами (рис. 2, 4, 4а). Таким образом, в Верхне-Салтовском могильнике всего найдено не менее 12 сабель. Очень показателен факт находки стольких сабель в одном могильнике, тогда как в других могильниках (Северный Кавказ, Кубань и т. д.) находят не более 5 сабель. Вообще мечи и сабли реже других видов вооружения сопровождают покойника; в подтверждение вспомним, насколько редко встречались мечи в курганах древнерусских дружинных некрополей. Поэтому трудно согласиться с предположением А. С. Федоровского о том, что древние салтовцы вели «довольно мирный об-

¹ Труды XII АС в Харькове, т. I. М., 1905, стр. 469.

² Г. Ф. Корзухина. Ук. соч., стр. 75.

³ Труды XII АС в Харькове, т. I. М., 1905, стр. 469.

№	Раскопки	№ камеры	Описание
1	А. М. Покровского, 1902 г.	22	«Вдоль правой стены возле мужского скелета лежала очень хорошо сохранившаяся железная сабля, от ручки которой сохранилось железное перекрестие с прорезами и верхушка ручки в виде колпачка; ножны были, видимо, положены под саблей и от них сохранилась часть железной оковки и петелек» ¹ (рис. 1, I)
2	А. М. Покровского, 1902 г.	23	«Вдоль правой стороны тела, под правой рукой положена прямая сабля в деревянных ножнах и с деревянной ручкой, при сабле — перевязь, от которой сохранились бронзовые украшения, пряжка и окончание ремня» ² .
3	В. А. Бабенко, 1902 г.	1	«Сбоку погребения лежали обломки от истлевшей сабли» ³ .
4	В. А. Бабенко, 1906 г.	1	В передней части камеры, в левом от входа углу — «железная с небольшим изгибом сабля в истлевших ножнах» ⁴ .
5	В. А. Бабенко, 1910 г.	17	«Обломки железной сабли» ⁵ .
6	В. А. Бабенко, 1911 г.	1	«С левого боку около руки лежала длинная прямая сабля в 1 м длины с богатой серебряной отделкой ножен с рельефным орнаментом. По середине ножен и на конце — тоже серебряные оковки и серебряные орнаментированные дужки для подвешивания сабли. Рукоять сабли орнаментирована серебряными... скобами; навершие рукоятки отлит из серебра, имел грушевидную форму и украшен рельефным орнаментом с изображением женщины» ⁶ .
7	В. А. Бабенко, 1911 г.	12	«Железная сабля со слабой кривизной и железной перекладной около рукоятки. Длина сабли — 86 см». Лежала справа ⁷
8	В. А. Бабенко, 1913 г.	9	При мужском костяке положена была «сбоку (?) железная прямая сабля 120 см длиной» ⁸ .

¹ Труды XII АС в Харькове, т. I. М., 1905, стр. 481, табл. XX.

² Там же, стр. 482, табл. XX.

³ Сборник Харьковского историко-филологического об-ва, т. 16. Харьков, 1905, стр. 554.

⁴ В. А. Бабенко. Раскопки в Верхнем Салтове. М., 1907, стр. 37.

⁵ Труды XIV АС в Чернигове, т. III. М., 1911, стр. 253.

⁶ Труды XV АС в Новгороде, т. I. М., 1914, стр. 448, 449. Орнамент трактован В. А. Бабенко неправильно, об этом см. ниже. Сабля издана Аредтом — см. A. Z a k h a g o w und W. A g e n d t. Ук. соч., табл. 1.

⁷ Труды XV АС в Новгороде, т. I., М., 1914, стр. 453.

⁸ В. А. Бабенко. Археологические исследования древней культуры в Верхнем Салтове. Волчанск, 1913, стр. 7.

раз жизни», ибо оружие «не составляло неременной принадлежности погребения»¹. Напротив, мне представляется, что это было племя воинственное и хорошо вооруженное, которое считало нужным и было в состоянии класть с умершими воинами даже важнейший и наиболее дорогой вид их оружия.

¹ А. С. Федоровский. Верхне-Салтовский камерный могильник VIII—X вв. Сборник Харьковского историко-филологического об-ва, вып. 2, Харьков, 1912.

При сравнении всех салтовских сабель прежде всего бросается в глаза общность формы полосы. Она имеет очень слабый изгиб, не всегда заметный на первый взгляд. Сабля почти прямая. Ни одного исключения из этого правила среди салтовского материала нет. Все полосы имеют значительную длину, колеблющуюся около 1 м, иногда немного не достигая его (0,80 м), иногда несколько превышая (1 м 20 см). Форма полосы всегда одинакова: полоса узкая (3—3,5 см), стороны идут параллельно почти на протяжении всей полосы и сходятся лишь у самого конца, причем изгиб лезвия несколько сильнее изгиба тыльной стороны. У салтовских сабель уже намечается елмань—расширение полосы в нижней ее части, но она еще не получила такого развития, как у более поздних форм. Заметим, что эта форма сильно отличается от большей части сабель кочевников XI—XIII вв.; сабли кочевников сильно изогнуты, с длинным, узким и острым концом. Конец салтовской сабли еще очень близок к концу длинного позднесарматского меча. Совершенно очевидно, что все салтовские сабли находятся на одной определенной ступени развития сабельной полосы. Эта общность представляется решающей: она позволяет объединить все салтовские сабли в одну группу слабозогнутых короткоконечных. Различия в форме рукояти являются вторичным признаком и могут лишь определять тип. Основанием рукояти у всех салтовских сабель служит железный стержень, выкованный вместе с полосой. Стержень этот еще не имеет такого резкого наклона в сторону лезвия, какой отмечен у сабель X—XI вв.¹ Стержни салтовских сабель либо совсем не имеют наклона², либо имеют очень незначительный скос³. Это является дополнительным обобщающим признаком, показывающим, что салтовские сабли относятся к периоду, когда этот вид оружия лишь начинал формироваться. Высота стержня рукояти достигала 10—12 см. Сама рукоять делалась из дерева и скреплялась железными или серебряными скобами. Рукоять наиболее богатой салтовской сабли (из камеры № 11, раскопки 1911 г.) имела, кроме того, четыре шипа, сделанных из серебра или светлого олова. Каждый шип представлял собой отдельную бляшку. Расположены они вертикально по одной линии. Шипы, очевидно, находились между пальцами и предотвращали скольжение рукояти в руке (рис. 1, 5).

Перекрестие у салтовских сабель напускное, прямое, длиной обычно около 8 см, расширенное посередине; лишь концы его трактованы различно. Одна из сабель, опубликованных А. М. Покровским, имеет перекрестие с равномерно сужающимися концами. Все перекрестие приняло форму сильно вытянутого ромба (рис. 1, 1). Иные концы перекрестия — у второй опубликованной этим же автором сабли; они заметно расширены и первоначально имели, очевидно, округленную или овальную форму (рис. 1, 2). Такое же перекрестие имела, согласно справедливой реконструкции Арендта, и сабля из камеры № 1 (раскопки В. А. Бабенко 1911 г.). От перекрестия сабли из камеры № 12 раскопок того же года осталась только средняя часть, концы его не реконструированы. Арендт лишь отмечает, что форма середины перекрестия хорошо известна (заметное расширение, стороны сходятся под углом). Сабля

¹ Примером могут служить следующие сабли: сабля из Терской области (Véla P ó s t a. Ук. соч., рис. 149), сабля из Загребинно (Э. Л е н ц. Эрмитаж. Указатель Отделения средних веков и эпохи возрождения, ч. 1, Собрание оружия. СПб., 1908, табл. ХХХI), сабля из Мордвиновского могильника (Véla P ó s t a. Ук. соч., рис. 52) и др.

² Сабли из раскопок А. М. Покровского.

³ Сабля из камеры № 1, раскопки В. А. Бабенко 1911 г.

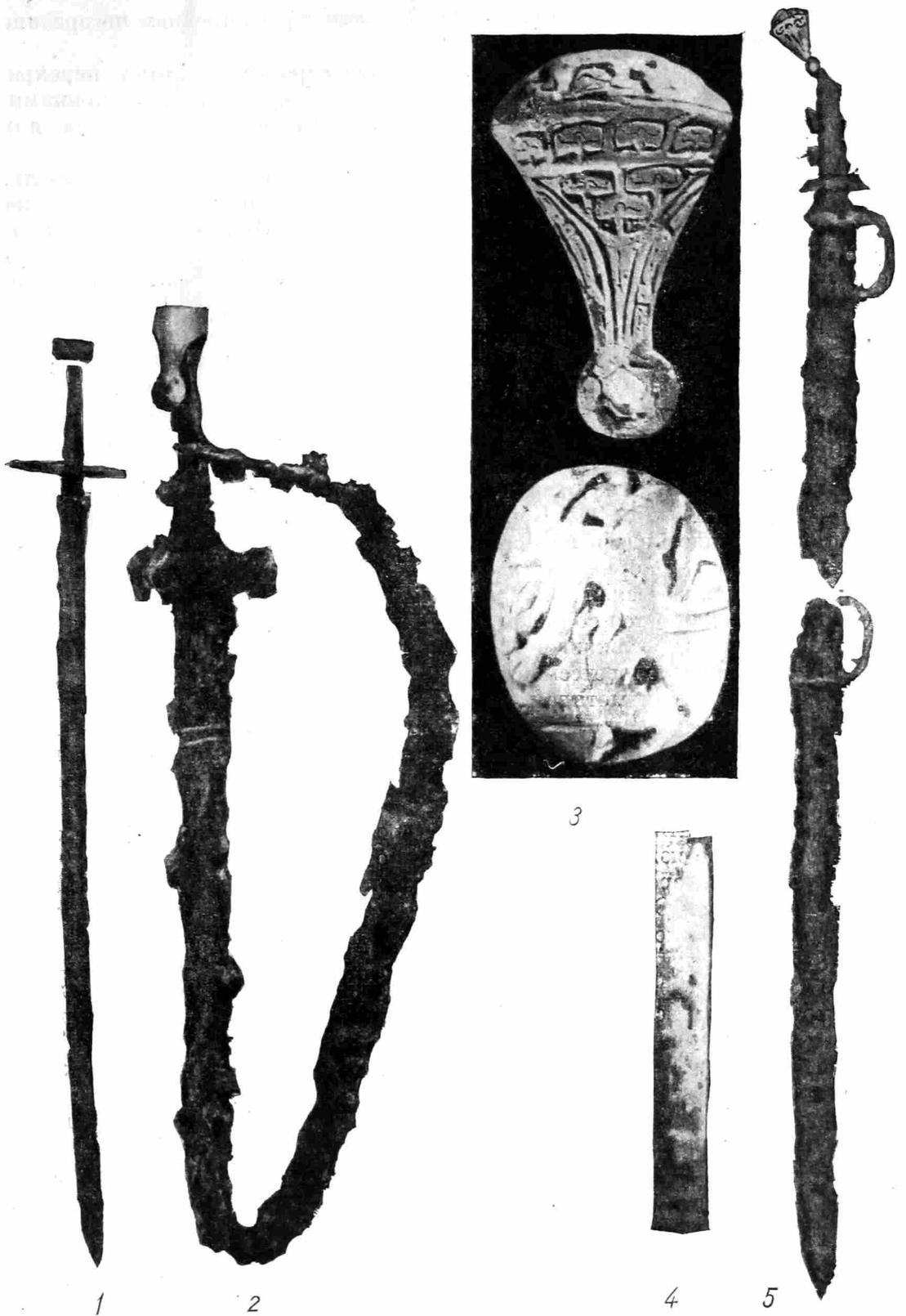

Рис. 1. Сабли из Салтовского могильника.

1—сабля из раскопок А. М. Покровского 1902 г. (камера № 22); 2—сабля из раскопок 1901—1902 гг.; 3—навершие сабли из раскопок В. А. Бабенко 1911 г. (камера № 1); 4—наконечник пожен из раскопок В. А. Бабенко 1911 г. (камера № 1); 5—сабля из раскопок В. А. Бабенко 1911 г. (камера № 1).

из раскопок 1948 г. имеет прямое перекрестие с расширением посередине и суживающимися концами.

Таким образом, пока можно наметить два варианта прямых перекрестий салтовских сабель: 1) прямое перекрестие с сужающимися концами; 2) прямое перекрестие с концами, расширяющимися в виде ромба или овала.

Более всего различий представляют навершия салтовских сабель. Всего опубликовано четыре навершия, и все они разные. Наиболее простое навершие имеет сабля из раскопок А. М. Покровского в 1902 г. (рис. 1, 1). Это — короткое, брусковидное навершие, надевавшееся на конец стержня рукояти. Совершенно иное навершие у второй сабли из тех же раскопок; оно имеет вид колпачка или усеченного конуса (рис. 1, 2), от боковых сторон его отходят вниз два отростка; у нижнего конца эти отростки расширяются; сюда вставлялись заклепки, прикреплявшие навершие к стержню рукояти. По своему принципу к этому навершию близко навершие сабли из камеры № 1 раскопок В. А. Бабенко 1911 г. Оно тоже имеет внизу отростки с заклепками, но форма самого навершия совершенно иная (рис. 1, 3). Оно скруглено наверху и в профиле напоминает грушу. Навершие отлито из серебра и покрыто сложным и интересным орнаментом. В. А. Бабенко дал неправильную трактовку этого орнамента, увидев здесь изображение женщины. В дальнейшем исследование показало, что орнамент здесь гораздо сложнее¹. На переднем плане изображена человеческая фигура в длинном одеянии, представленная до колен. Человек борется со львом, изображенным на заднем плане. Схватив зверя за пасть, он осаживает его на задние лапы. Конец хвоста заполняет задний план над человеческой фигурой. Другие свободные места заполнены растительными мотивами, которые также обрамляют всю сцену. Все изображение выполнено реалистично, хорошо передана динамика борьбы человека со зверем. Тема изображения наводит на мысль об отражении в ней мифа о Геракле. Изображение оригинально, прямые аналогии ему мне неизвестны, но манера изображения сближает это навершие с произведениями византийской торевтики и резьбы по кости, среди которых мифологические сюжеты получили широкое распространение.

Большой интерес представляет и растительный орнамент, обрамляющий эту сцену. Основу его составляет стилизованный трилистник, являющийся наиболее распространенным орнаментальным мотивом украшений (поясных наборов, конской сбруи и пр.) из могильников салтовского типа. В. Арндт видел в трилистнике стилизованное изображение водяной лилии и вслед за А. Сальмони и Б. Лауфером связывал происхождение этого мотива с китайским искусством эпохи Тан². Связи с Китаем обусловили, по его мнению, появление подобного орнамента у алтайских тюрок, в южную же Россию он принесен из «культурного круга внутренней Азии» («innerasiatische Zivilisationskreis»). В. Арндт различает три ступени развития этого мотива: на первой изображаются отдельные листья, еще не стилизованные; на второй они уже стилизованы и представлены в комбинации с пальметкой; на третьей ступени стилизация становится настолько сильной, что очертания цветов исчезают и заменяются ленточным плетением³.

Вся эта схема в целом представляется мне крайне упрощенной. Действительно, близкие орнаментальные мотивы вместе с оружием, поясными

¹ А. Z a k h a r o w und W. A r e n d t. Ук. соч., стр. 21, 22.

² Там же, стр. 64.

³ Там же.

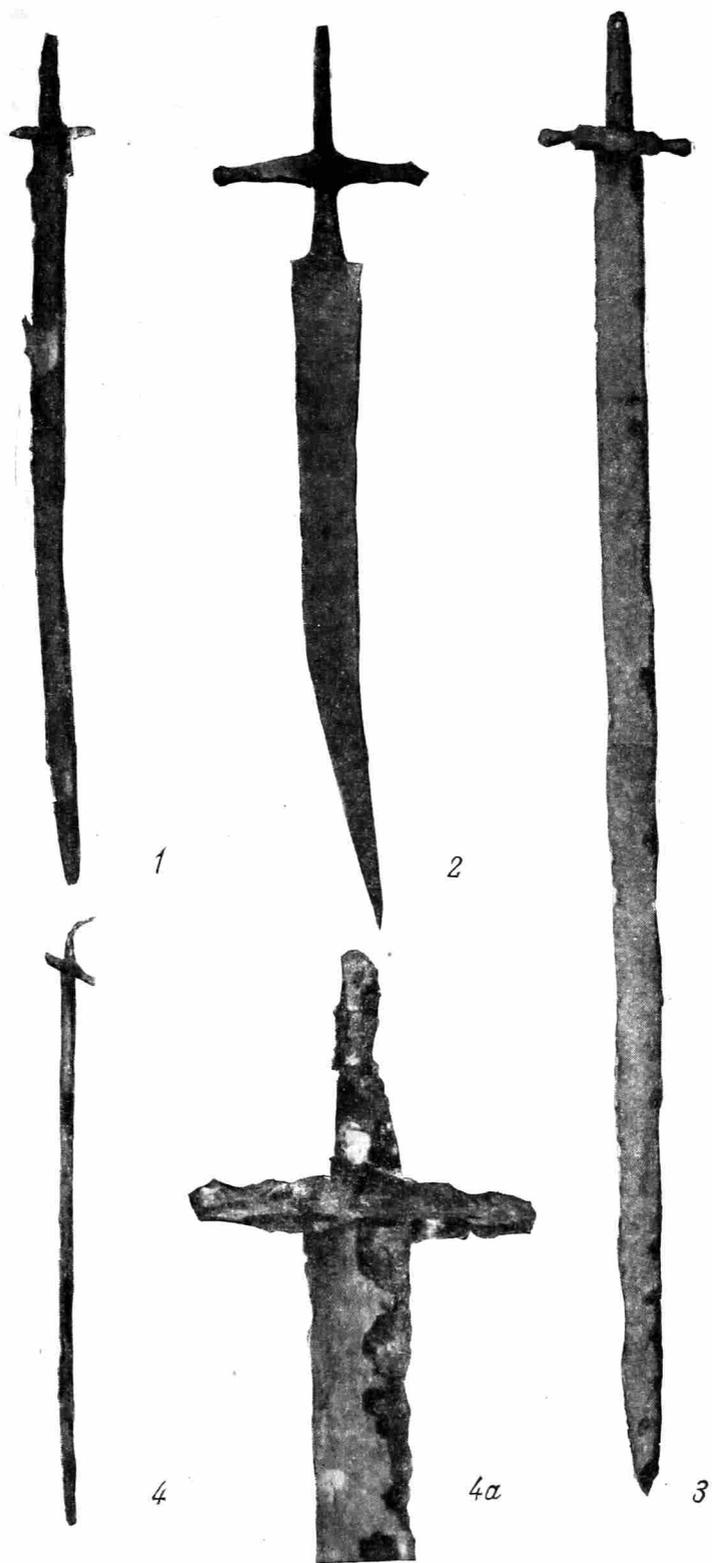

Рис. 2. Раннесредневековые сабли.

1 — сабля из могильника Галинат; 2 — сабля из Билярска, обломанная и превращенная в кинжал; 3 — сабля из сел. Прогоня; 4 и 4а — сабля из Салтовского могильника (раскопки С. А. Семенова-Зусера 1948 г., камера №3).

наборами и конской сбруей в эпоху раннего средневековья распространялись на обширных территориях, преодолевая огромные расстояния. Да и раньше, в скифо-сарматскую эпоху, просторы евразийских степей не препятствовали культурным связям между самыми отдаленными племенами. Но следует ли искать происхождение салтовской орнаментации на Дальнем Востоке? Думаю, что нет. В середине и второй половине I тысячелетия н. э. мотив трлистника различной степени стилизации был широко распространен в областях, гораздо более близких, прежде всего в Иране и Передней Азии. Сочетание пальметок и полупальметок известно в иранском искусстве еще в доарабское время; впоследствии трлистники, наряду с другими разнообразными мотивами, вошли в сложные сочетания арабесок¹. Особенно многообразны стали растительные орнаментальные мотивы в VIII — X вв. Стилизация некоторых из них зашла так далеко, что они превратились фактически в геометрический орнамент. Сложный процесс происхождения и эволюции различных видов растительного и геометрического орнамента этого времени убедительно исследован болгарским ученым проф. Н. Мавродиновым². Он показал, что интересующий нас декоративный мотив, несмотря на сильную стилизацию, как в контуре, так и в рисунке вообще сохраняет признаки своего античного или византийского происхождения. Этот мотив происходит от античного аканфового узора. В Византии он был распространен вплоть до X в. и отсюда широко распространился по Передней Азии и Северному Причерноморью. Культурные связи Северного Причерноморья с Византией и Передней Азией были достаточно интенсивны в VIII—X вв., и именно в этой связи следует, как мне представляется, рассматривать столь значительное распространение в могильниках того времени специфических растительных орнаментальных мотивов, в том числе трлистника. Четвертый вариант навершия дает сабля из камеры № 12 раскопок В. А. Бабенко 1911 г. Это навершие имеет форму низко срезанного усеченного конуса, перевернутого основанием вверх. Боковых отростков нет. И по форме своей, и по способу скрепления со стержнем рукоятки навершие это более всего напоминает простой брусковидный тип, представленный саблей из раскопок А. М. Покровского.

Итак, салтовские сабли по различиям в деталях рукоятки делятся на следующие типы:

тип 1 — перекрестие прямое с сужающимися концами; навершие брусковидное, надевающееся на стержень;

тип 2 — перекрестие прямое с концами, расширяющимися в виде овала или круга; навершие — в виде усеченного конуса с нижними отростками, прикрепляющимися к стержню с помощью заклепок;

тип 3 — перекрестие прямое, с расширяющимися, округленными или овальными концами; навершие грушевидное, с нижними отростками;

тип 4 — перекрестие прямое, навершие — в виде усеченного конуса, перевернутого основанием вверх.

Ножны делались из дерева, а некоторые детали их из железа и серебра. До нас дошли только металлические части: скобы, служившие для подвешивания сабли, обоймы, скреплявшие ножны, и наконечники. Скоб было две: одна непосредственно под рукоятью, другая ниже, у середины полосы. Это обеспечивало нормальное — наклонное — положение саб-

¹ Maurice S. Dimand. Studies in islamic ornament, I. Some aspects of Omayyad and early Abbasid ornament. *Ars Islamica*, IV, 1937, стр. 293—338, рис. 36, 37.

² N. Mavrodinov. Le trésor protobulgare de Nagyszentmiklos. *Archaeologia Hungarica*, XXIX, Budapest, 1943, стр. 50 и сл.

ли. Скоба делалась в виде полуовальной пластинки и прикреплялась концами к двум обоймам, охватывающим ножны (рис. 1, 5). Всего обойм было четыре. Обрез верхней обоймы соответствует нижнему краю перекрестия, парной ей является обойма, скрепляющая нижнюю часть рукояти. Наконечник ножен имел вид длинной трубки, согнутой из одного листа металла и затем спаянной. К нижнему концу этой трубки прикреплялась пластинка, несколько расширявшая наконечник. У ножен сабли из камеры № 1 раскопок 1911 г. к верхнему краю наконечника была прикреплена орнаментальная полоса шириной 6 мм. Она была украшена нарезным орнаментом в виде четырех листочков. Вторая полоса орнамента шла ниже, непосредственно примыкая к первой. Она состояла из четырех припаянных листочков.

Носилась сабля на перевязи, от которой в некоторых случаях сохранились обрывки ремня, бронзовые украшения и пряжки¹.

Иногда сабля клалась в могиле у правого бока покойника. Однако это не может свидетельствовать о том, что и носилась она справа. Сабля клалась у правой руки; возможно, рукоять ее вкладывалась в руку. В некоторых случаях положенная справа от костяка сабля была обнажена². Носилась же она, несомненно, слева. Слева от костяка найдена сабля из камеры № 1 раскопок 1911 г., вложенная в ножны.

Сабли обнаружены только в наиболее богатых погребениях и являются, быть может, самым характерным их признаком. В дружинную эпоху сабли и мечи клались большей частью в могилы военных вождей; это в равной мере наблюдается в тюркских, аланских и славянских могильниках. Как справедливо указывал А. П. Смирнов, «совокупность экономического неравенства и особого вооружения некоторых членов рода свидетельствует о наличии обособившихся военных дружин»³. Таким особым вооружением в Салтовском могильнике была сабля. Сабли, как правило, находились в погребениях, где все подчеркивало особое социальное положение погребенного: величина могилы и тщательность ее отделки, весь комплекс вооружения воина и богатый инвентарь членов его семьи, наконец, погребения лошади с пышной сбруей, несомненно, связанные с погребениями воинов. А. П. Смирнов, исследуя Армиевский могильник, отмечал, что «размеры могил в ряде случаев определялись социальным положением умершего»⁴ и что этот факт подчеркивает наличие социального неравенства в роде. В Салтове наличие в погребении сабли неизменно связано со значительными размерами камеры.

В подтверждение указанных выше мыслей приведу описание салтовских погребений с саблями.

А. М. Покровский пишет о камере № 22 раскопок 1902 г. следующее: «...Камера довольно большая — 1,50 м ширины, 2,10 м длины и 1,50 м высоты, потолок выведен в четыре свода, своды сходятся ребром по длине камеры, камера хорошо сохранилась и как будто выбелена»⁵. В камере было два погребения — мужское и женское. При мужском, помимо сабли, найдены бронзовый браслет и железный нож, при женском — стеклянные, сердоликовые и хрустальные бусы, 3 браслета, 4 кольцевые подвески с соколиными головками, бронзовая треугольная пряжка с усиками на углах, набор туалетных принадлежностей, скрепленных

¹ Труды XII АС в Харькове, т. I. М., 1905, стр. 482.

² Там же, стр. 481.

³ А. П. Смирнов. Очерки по истории древних булгар. Труды ГИМ, вып. XI. М., 1940, стр. 68.

⁴ Там же.

⁵ Труды XII АС, стр. 481.

бронзовыми цепочками, множество бубенцов. Кроме того, в камере найдены: глиняный кувшин, зеркало из белого сплава, тесло-мотыжка и железный шар от кистеня.

Еще более показательна как по величине, так и по богатству инвентаря камера № 23 из тех же раскопок¹. Она находилась на глубине 3,60 м, длина ее — 2,20 м, ширина — 2 м, высота — 2,20 м. В камере было три погребения — мужское и два женских. При мужском костяке, помимо сабли, найдены: массивный боевой топор с деревянной рукояткой, тесло-мотыжка, бронзовые бубенцы и пуговицы, украшение в виде бронзового обруча с несколькими рядами бус, бронзовые бляхи и пряжки от обувных ремней. Грудь первого женского костяка была покрыта массой стеклянных и сердоликовых бус, вокруг них лежало до 70—80 бубенцов, у висков — золотые серьги, на руках — 6 браслетов, на груди — золоченая подвеска, у таза — треугольная бронзовая пряжка с усиками. Не менее богат и инвентарь второго скелета: грудь его была также засыпана бусами и бубенцами, на руках — по браслету, у висков — бронзовые серьги, на груди — две подвески (ажурная из двух колец, соединенных завитками, и сплошная — в виде позолоченного фигурного листочка), у пояса — туалетные принадлежности. Кроме того, в камере найдены кувшин и зеркало из белого сплава.

Камера № 16 раскопок В. А. Бабенко 1906 г. была обнаружена на глубине 4,50 м;² длина ее — 2,30 м, ширина — 2,20 м и высота — 2,10 м. Автор отчета особо подчеркивает тщательность внутренней отделки камеры. В передней ее части стоял глиняный кувшин, лежали сабля, боевой топор, несколько ножей и наконечники стрел. Костяков было два — мужской и женский. При мужском найдены наконечники стрел, остатки кожаного колчана, нож и серебряные бляхи от обувных ремней с растительным орнаментом; при женском — зеркало из белого сплава, привеска в виде кольца с фигуркой птицы посередине, бляшки от обувных ремней.

Камера № 17 раскопок 1910 г. отличалась, по словам В. А. Бабенко, «своими огромными размерами—2,50 м длины, 2,20 м ширины и 2,80 м высоты»³. В камере три погребения—мужское и два женских. Возле тазовых костей мужского костяка лежали серебряный поясной набор из блях и пряжек с орнаментом в виде стилизованных листьев водяной лилии, обломки сабли и ножей, наконечники стрел, бляшки обувных ремней. У первого женского костяка найдены разнообразные бусы, бронзовые с серебряной подвеской серьги, колесообразная ажурная привеска, бронзовая ухвертка, два перстня. У второго женского костяка обнаружены зеркало из белого сплава в кожаном футляре, бронзовые шарики, бубенцы и пронизки. Кроме того, в камере найден глиняный сосуд.

Значительные размеры имела и камера № 1 раскопок 1911 г. Ее длина — 2,20 м, ширина — 2,00 м, высота — 1,80 м. В ней открыты два мужских костяка. При одном из них найдены глиняный кувшин, серебряный поясной набор, такие же бляшки от обувных ремней, при втором — сабля, богатый серебряный поясной набор, железный предмет полушаровидной формы, принадлежавший к оборонительному вооружению (часть шлема или умбон от щита). «Судя по величине костяка и по оружию, — пишет исследователь, — можно полагать, что в этой катакомбе был погребен воин или военачальник»⁴.

¹ Труды XII АН, стр. 482.

² Труды XIII АС в Ектеринославе, т. I. М., 1907, стр. 417.

³ Труды XIV АС в Чернигове, т. III. М., 1911, стр. 253.

⁴ Труды XV АС в Новгороде, т. I. М., 1914, стр. 449.

Камера № 12 раскопок того же года имела длину 2,30 м при ширине 2,20 м и высоте 2,50 м. В передней ее части лежал «богатый набор конской сбруи, состоявший из многочисленных круглых бронзовых пластинок, покрытых позолотой, листовидных таких же пластинок меньшего размера и нескольких ажурных от головного убора лошади, а также несколько крупных кованых бубенцов и металлических стержней от мохров. Тут же пара железных стремян с плоскими подножками, удила с высокими трензелевыми частями, кольца и пряжки и мелкие треугольные бляшки с рельефным орнаментом, очевидно, от набора уздечки»¹. В задней части камеры открыты два погребения — мужское и женское. При последнем найдены металлическое зеркало, богатый набор бус, браслет, серебряный гребень с камнем и бубенцы. При мужском погребении, помимо сабли, обнаружены боевой топор, тесло-мотыжка, железный кинжал со следами серебряной оковки и несколько ножей. Рядом с этой камерой в специальной яме была погребена лошадь, при которой найдены богатый набор принадлежностей конского снаряжения и железное копьё, первоначально поставленное вертикально у стенки ямы.

Чрезвычайно показательное погребение в камере № 3 раскопок С. А. Семенова-Зусера в 1948 г.² Вход в эту камеру открылся на глубине 4,5 м, к ней вел дромос длиной 8,6 м. Пол самой камеры находился на глубине около 5 м. Длина камеры — 2,60 м, ширина — 2 м, высота — 1,95 м. Стены камеры были тщательно отделаны. На полу найдено одиночное погребение мужчины. Поперек входа в камеру лежала сабля, рядом с ней боевой топор и стремя с плоской подножкой и пластинчатой высокой петлей. В самой камере найдены второе стремя и удила с высокими петлями и гвоздевидными псалиями. Здесь же оказались остатки колчана, 17 наконечников стрел, золотая серьга, бронзовые позолоченные бубенцы, бронзовые браслеты, серебряный поясной набор, бусы, железные ножи, кувшин и многое другое. Рядом с камерой № 3 найдены погребение лошади и очень бедное одиночное погребение, принадлежавшее, скорее всего, слуге.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в Салтовском могильнике наличие в погребении наиболее дорогого и почетного оружия — сабли неизменно связано со значительными размерами камеры и общим богатством инвентаря погребенных. Вообще находки оружия в могильнике очень характерны. Оружие наличествует уже далеко не во всех погребениях, как было в эпоху родовых дружин³. Очень многие мужские погребения снабжены лишь кинжалом или ножом, а в ряде случаев вовсе лишены оружия. Топоры и кинжалы встречены значительно чаще сабель: топоров найдено около 50, кинжалов — не менее 30. Но ни топоры, ни кинжалы не встречены в бедных погребениях; они, как правило, сопровождают относительно богатые погребения — погребения дружинников. Однако эти могилы и по величине и богатству инвентаря заметно уступают указанным выше погребениям с саблей, которая выделяется среди предметов вооружения как специальный вид, свойственный только наиболее богатым дружинникам.

Археологический материал позволяет, таким образом, говорить о выделении среди племен салтовской культуры военных дружин. Они уже резко отличны от всеобщего ополчения членов рода; они обособлены от остальных общинников, как особая привилегированная социальная группа.

¹ Труды XV АС в Новгороде. т. I. М., 1914, стр. 453.

² Приношу глубокую благодарность Б. А. Шрамко, предоставившему мне приведенные ниже сведения и другие материалы, использованные в этой статье.

³ А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 71.

Намечается дифференциация и внутри самой дружины; вождь, военачальник перестает быть «первым среди равных», институт военачальников становится обязательным, а может быть, и наследственным. Погребения дружинников уступают погребениям вождей. Но можно говорить, что весь Салтовский могильник в целом имеет дружинный характер; очевидно, именно этим объясняется относительное богатство его (в сравнении хотя бы со Зливкинским могильником), являющееся отражением более высокого экономического положения дружинников и их семей.

Сабля являлась в основном оружием, характерным для легкой конницы, действовавшей рассыпным строем; она связана с определенным комплексом оружия и конского снаряжения, четко и всесторонне представленным в Салтовском могильнике. Важнейшей составной частью этого комплекса были стремяна, без которых для всадника затруднительно нанесение рубяще-секущих ударов, невозможна подобного рода рубка в конном строю, невозможно, следовательно, и самое появление сабли. М. И. Артамонов правильно отмечал, что сабля, как и большой лук, «теснейшим образом связана с новой формой седла со стремянами, обеспечивающей за всадником устойчивость и подвижность»¹. Появившись в Южной Сибири еще в таштыкскую эпоху², стремяна быстро распространились на огромной территории, сделавшись важнейшей составной частью комплексов снаряжения конных воинов второй половины I тысячелетия н. э. В Восточной Европе они известны с VI в. (могильник Böleske в Венгрии). К началу VIII в. была выработана специфическая форма стремян, распространенная более всего в Восточной Европе и безраздельно господствовавшая там с VIII по X в. Характерными признаками этих стремян являются: прямая или несколько выгнутая кверху плоская подножка, разделенная по длине снизу валиком, высокий полуовал, образуемый боковыми прутьями, и высокая пластинчатая петля для подвешивания, отделенная от стремени перехватом³. Находки стремян зафиксированы в Салтовском могильнике не менее 10 раз, причем неоднократно стремяна были найдены вместе с саблями.

Салтовские удила — двусоставные, с неподвижными петлями и подвижными кольцами на концах. Псалии прямые, гвоздевидные, с высокими прямоугольными петлями для прикрепления уздечных ремней. Такого рода удила появились с древнейшими стремянами в Южной Сибири.

Оружие Салтовского могильника представлено относительно легкими формами. Почти все они характерны для конного воина. Большие трехлопастные, трехгранные и плоские черешковые наконечники стрел свидетельствуют о наличии большого сложного лука, распространение которого М. И. Артамонов связывает, как мы видели, с новой системой конского снаряжения, прежде всего со стремянами. Колчаны со стрелами неоднократно входили в одни комплексы с саблей (например, камера № 16 раскопок В. А. Бабенко в 1906 г., камера № 3 раскопок С. А. Семенова-Зусера в 1948 г.). В комплекс вооружения конного воина должны быть включены и копыя, хотя в Салтовском могильнике их найдено всего три⁴.

¹ М. И. Артамонов. Ук. соч., стр. 246.

² С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. Изд. 2-е, 1951, стр. 518.

³ Наиболее древние стремяна этой формы известны в Перещепинском и Галицком комплексах.

⁴ В дромосе камеры № 14 раскопок В. А. Бабенко 1903 г. (сборник Харьковского историко-филологического об-ва, 1905, т. 16, стр. 565), в погребении лошади (камера № 13 раскопок В. А. Бабенко 1911 г.) и в беспаспортном погребении (ГИМ, II отдел)

Копья имеют узкие, длинные, ланцетовидные наконечники. Все они относятся к легкому и, безусловно, кавалерийскому типу; последнее подчеркивается находкой копья при погребении лошади. Специфически кавалерийским видом оружия является железный шар с петлей, найденный в одном погребении с саблей и являвшийся ударной частью кистеня или, что менее возможно, грузом лассо.

Сложнее вопрос относительно боевых топоров, являвшихся, как было показано выше, наиболее распространенным видом салтовского оружия. Боевой топор с древнейших времен был в основном оружием пеших воинов (вспомним, например, изображение пеших воинов с топорами на горите из кургана Солоха). Но сравнительно легкие и небольшие топоры салтовского типа вполне могли служить и оружием кавалериста. Во многих случаях топор входил в состав погребального инвентаря конных воинов, наряду с саблей и конской сбруей. Иногда топоры встречались и в погребениях лошадей. Поэтому вряд ли по наличию топоров можно выделить у салтовцев пешую часть войска. Основу этого войска, несомненно, составляли конные дружинники, вооруженные составным луком, боевым топором, кинжалом, иногда — лассо или кистенем, а в ряде случаев — легким копьем и саблей.

Этот набор наступательного оружия, достаточно полный и разнообразный, характерен для легкой кавалерии, подвижной и стремительной, действующей рассыпным строем. В соответствии с этим в Салтовском могильнике почти полностью отсутствуют оборонительные доспехи. Тяжелые железные панцири, хорошо известные как в сарматских могильниках (Прохоровка, станица Воздвиженская, станица Костромская, Зубовский хутор и др.), так и в синхронных Салтовскому аланских могильниках Северного Кавказа (Чми, Балта и др.), в Салтовском могильнике не найдены ни разу. Здесь возможно наличие лишь кольчужных поясов, да и то в порядке исключения¹. В камере № 1 раскопок 1911 г., в богатом комплексе с саблей найдено железное полушарие диаметром 14,3 см, высотой 4,5 см. Оно могло быть верхней частью шлема-мисхорки. Основание такого шлема делалось из войлока, иногда к полушарию прикреплялась кольчужная сетка. Подобные шлемы характерны для легковооруженных кочевников раннего средневековья.

Таким образом, салтовский оружейный комплекс представляется достаточно цельным и соответствующим определенным военным условиям. Сабля, наряду с топором, является наиболее выразительной и характерной его частью. Необходимо отметить также, что в Салтове предметы вооружения и конской сбруи, широко распространенные в раннем средневековье на огромной территории (сабля, удила, стремяна, поясные бляхи), сочетаются с исконными местными формами (например, топоры — наиболее распространенный вид салтовского оружия) и входят в специфически местные для нашего юго-востока погребальные комплексы².

* * *

Раннесредневековым саблям Восточной Европы посвящено специальное исследование В. Арендта³. Материал, собранный им, весьма важен для нашей темы, ибо до сего времени это единственная сводка

¹ Каталог выставки к XII АС. Харьков, 1902, стр. 137.

² Н. Я. Мерперт. О генезисе салтовской культуры. КСИИМК, XXXVI, 1951.

³ W. Arndt. Türkische Säbel aus den VIII—IX Jahrhunderten. Archaeologia Hungarica, XVI. Budapest, 1934.

раннесредневековых сабель. Но, с другой стороны, отбор материала, подход к нему, методика исследования и выводы Арендта продиктованы предвзятостью идеи всей его работы и требуют коренного пересмотра. Поэтому мне в ряде случаев придется выходить за рамки данной темы и касаться вопросов более общего порядка. Однако делать это я буду лишь с полемической целью, не претендуя на всестороннее решение вопроса о происхождении сабли, поскольку этот вопрос нельзя решить, опираясь только на салтовский материал.

Всего В. Арендт упоминает 31 восточноевропейскую саблю. Найдены они в следующих местах:

1. Северный Кавказ (точное местонахождение неизвестно)	5
2. Кобань	6
3. Рутха	1
4. Новороспийск	1
5. Майкоп	1
6. Верхний Салтов	2
7. Станица Фельдмаршальская	1
8. Лядинский могильник	4
9. Село Ильинское, б. Пермской губернии	2
10. Село Загарье, там же	1
11. Село Тавкеевка, б. Спасского уезда, Казанской губернии	1
12. Село Загребинское на р. Вятке	1
13. Село Воробьевка, Воронежской области	1

К перечисленным саблям В. Арендт добавляет две сабли, место находки которых неизвестно, перекрестие, найденное без полосы на Княжей Горе близ Киева, кстати, относящееся к XI в.¹, и так называемый «меч Карла Великого», выделенный по чисто формальным признакам из довольно многочисленной группы венгерских сабель.

Работа В. Арендта, написанная в начале 30-х годов нашего века, далеко не исчерпала известный к этому времени материал. Упущен ряд сабель, найденных давно, хорошо известных по литературе или хранящихся в музеях, фонды которых были проработаны В. Арендтом. Не претендуя на составление полной сводки сабель рассматриваемого типа, укажу некоторые известные мне примеры:

Сабли из Борисовского могильника — 6 [опубликованы В. В. Саханевым в 1914 г. (ИАН, вып. 56), хранятся во II отделе ГИМ; рис. 3, 1—4].

Сабля из с. Тополи, Харьковской области — 1 (хранится во II Отделе ГИМ; рис. 3, 7).

Сабли, найденные на Мысхако, близ Новороссийска — 2 (найлены до 1890 г., хранятся в ГИМ; рис. 3, 8—9).

Сабля из с. Глебовки б. Черноморской губернии — 1 (найлена в 1898 г., хранится в III Отделе ГИМ; рис. 3, 10).

Сабли из Борковского могильника — 5².

Сабля из Гочевского могильника — 1³.

Сабля из «Черной могилы» — 1⁴.

¹ Г. Ф. Корзупина. Ук. соч., стр. 80.

² МАР, вып. 25, 1901, стр. 32 (о датировке сабель см. стр. 43).

³ Д. Я. Самоковасов. Атлас гочевских древностей. М., 1915, табл. IX, 6—9.

⁴ Д. Я. Самоковасов. Могилы Русской земли. М., 1908, стр. 200, рис. 65.

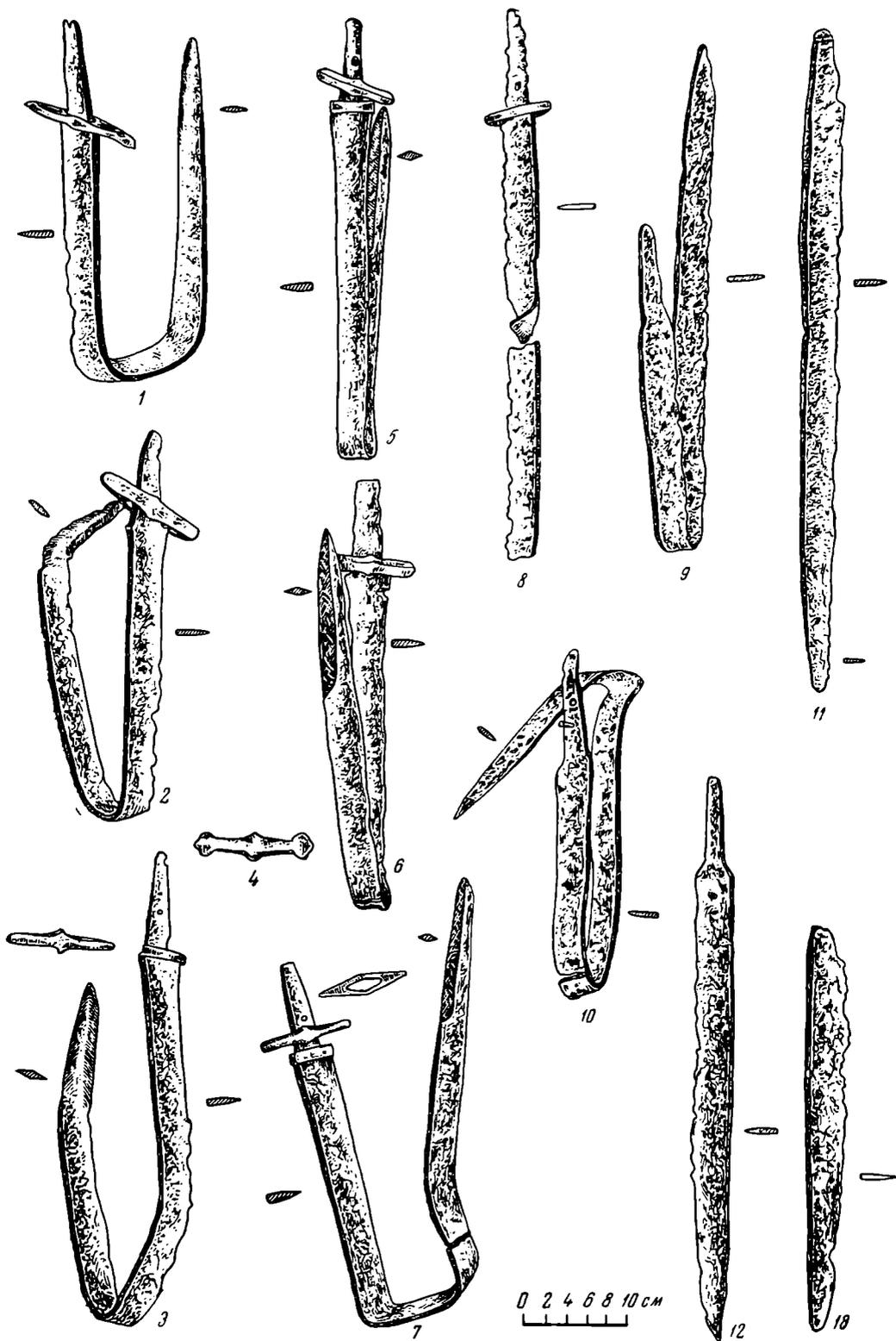

Рис. 3. Раннесредневековые сабли.

1 — 4 — сабли из Борисовского могильника: 1 — из погребения 99; 2 — из погребения 99; 3 — из погребения 103; 4 — перекрестие из погребения 134; 5 — сабля из Ново-Покровского могильника (комплекс 1); 6 — сабля из того же могильника (комплекс 2); 7 — сабля из с. Тополь; 8 — 9 — сабли из Мышаго; 10 — сабля из Глебовки; 11 — 13 — сабли из Курманского могильника.

Сабля из урочища «Лучки» у с. Россавы близ Канева — 1¹.

Сабля из села Тачанки близ Канева — 1².

Перецепинский «меч» — 1³.

Сабля из Мордвиновского могильника — 1⁴.

Сабля из Владимирских курганов — 1⁵.

Сабля из кургана № 3039 у с. Городища, б. Владимирской губернии — 1⁶.

Сабли из Салтовского могильника, известные по указанным выше публикациям и не вошедшие в список Арендта, упоминающего только две сабли, — 9.

Сабля из Киева, найденная на б. усадьбе Трубецкого, — 1⁷

Ряд сабель был найден после выхода в свет работы Арендта или не был известен ему из-за отсутствия соответствующих публикаций. Здесь необходимо указать следующие сабли:

Сабля из раскопок Салтовского могильника С. А. Семеновым-Зусером в 1948 г. (камера № 3) — 1 (рис. 2, 4, 4а).

Сабли из могильника у с. Подгорного, Валуйского района, Воронежской области; раскопки С. Н. Замятнина (камеры № 1 и 5) — 2⁸.

Сабля из могильника Галиат в Осетии; раскопки Е. И. Крупнова в 1935 г. — 1⁹ (рис. 2, 1).

Сабли из могильника Агач-Кала Дагестанской АССР; раскопки К. Ф. Смирнова 1948—1949 гг. — 2¹⁰.

Сабли из могильника у с. Ново-Покровка, Чугуевского района, Харьковской области; раскопки Ю. В. Кухаренко 1949 г. — 2¹¹ (рис. 3, 5, 6).

Сабля из могильника у колхоза «Красный Восток», Пензенской области; раскопки А. Е. Алиховой 1938 г. — 1¹² (рис. 4, 1).

Сабли из Крюковско-Кужновского могильника, Моршанского района, Тамбовской области; раскопки П. П. Иванова — 5¹³ (рис. 5).

Сабли из Вознесенского могильника близ Запорожья; раскопки В. А. Гринченко 1930 г. — 2¹⁴.

Сабля из Киева, раскопки М. К. Каргера 1939 г. — 1¹⁵.

Сабля из могильника Дуба-Юра, Грозненской области; раскопки А. П. Круглова — 1.

¹ Д. И. Самоковасов. Основания хронологической классификации. Варшава, 1892, стр. 80, № 4022.

² И. Хайновский. Краткие археологические сведения о предках славян и Русн. Киев, 1896, стр. 121, № 656, табл. VII.

³ МАР, № 34, 1914, табл. XIII.

⁴ Béla Pósta. Ук. соч., рис. 149.

⁵ Атлас к Трудам I АС, М., 1871, табл. XXX, рис. 30.

⁶ Там же, рис. 31.

⁷ И. А. Хайновский. Раскопки великокняжеского двора древнего града Киева. Киев, 1893, стр. 36—40, табл. XX.

⁸ Сабли найдены в камерах, по устройству, погребальному обряду и инвентарю совершенно аналогичных салтовским. В камере № 1 — сабля в обломках, в камере № 5 она лежит слева от покойника, длина ее — 107 см, в том числе рукоятка — 14 см; стержень ее скошен. Архив ИИМК, д. 147, 1927 г., лл. 11—14.

⁹ Е. И. Крупнов. Из итогов археологических работ (по материалам Северо-Кавказской экспедиции ГИМ в 1935 г.). Изв. Северо-Осетинского научно-иссл. ин-та, т. IX. Орджоникидзе, 1940.

¹⁰ КСИИМК, XLV, 1952, стр. 93, рис. 39, 1.

¹¹ КСИИМК, XLI, 1951, стр. 99а, рис. 30, 4.

¹² КСИИМК, XXIX, 1949, стр. 78, рис. 14, 15.

¹³ Материалы по археологии Мордвы. Моршанск, 1952, стр. 208, 209, 220, 221, табл. XXIV, XXV, XXXVI, XXXVII.

¹⁴ В. А. Гринченко. Памятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі. «Археологія», III. Київ, 1950, стр. 42 и сл., рис. 4, 13, 14.

¹⁵ Г. Ф. Корзухина. Ук. соч., стр. 81, рис. 3.

Сабли из Елизаветинского могильника, Моршанского района, Тамбовской области; раскопки П. П. Иванова — 2.

Сабля из хутора Прогоня у с. Первомай, Харьковской области — 1¹ (рис. 2, 3).

Кинжал, сделанный из сабли с обломанным концом. Найден на территории Волжской Булгарии, в Билярске. Коллекция Лихачева. Казанский музей² (рис. 2, 2).

Сабли, найденные П. Х. Михайловым в 1950—1951 гг. близ города Стерлитамака Башкирской АССР, — 3³

Сабля из села Арцыбашево, Рязанской области — 1⁴ (рис. 4, 2).

Сабли из Курманского могильника, раскопки А. С. Уварова, хранятся в ГИМ — 3 (рис. 3, 11 — 13).

Сабля из могильника Дегва, Сергакалинского района, АзССР; раскопки К. Ф. Смирнова, 1951 г. — 1.

Сабля из Малышевского могильника, Селивановского района, Владимирской области, найденная А. С. Калугиным в 1938 г., — 1⁵ (Ивановский музей, рис. 4, 3).

Таким образом, исследуя древнейшие сабли Восточной Европы, следует иметь в виду не 31 саблю, как это делал Арендт, а по меньшей мере сто сабель⁶. Из сабель, которые мы добавили к сводке В. Арендта, 29 были известны в 1934 г. Чем же объяснить, что В. Арендт в работе, специально посвященной раннесредневековым саблям Восточной Европы, использовал лишь половину доступного ему материала? Вопрос этот связан с общим характером работы В. В. Арендта, со значительной предвзятостью и односторонностью ее.

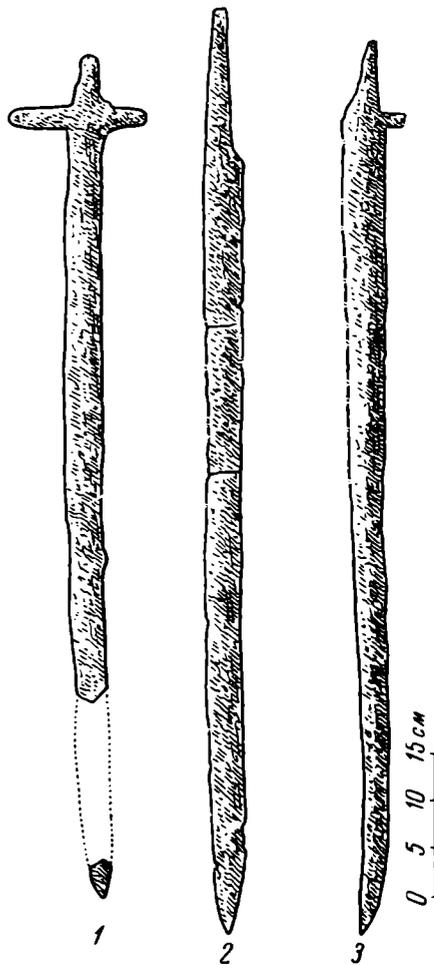

Рис. 4. Раннесредневековые сабли.

1 — сабля из могильника у совхоза «Красный Восток»; 2 — сабля из Арцыбашево; 3 — сабля из Малышевского могильника.

¹ Сабля найдена во время лесопосадок в 1948 г. Общая длина ее — 89 см, длина стержня рукоятки — 5,5 см, перекрестие — второго типа (см. стр. 135), елмань длиной 23,8 см.

² Приношу глубокую благодарность А. М. Ефимовой, предоставившей мне фотографию кинжала.

³ П. Ф. И щ е р н к о в. Аланский могильник близ г. Стерлитамака. КСИИМК, XLVII, 1953, стр. 78.

⁴ А. Л. М о н г а й т. Археологические заметки. КСИИМК, XLI, 1952, стр. 124.

⁵ Приношу глубокую благодарность А. Ф. Дубынину за сведения об этой сабле и рисунок ее. А. Л. Монгайт упоминает еще две сабли, найденные в бассейне р. Оки, — в Пальновском и Кулаковском могильниках; см. А. Л. М о н г а й т. Из истории населения бассейна среднего течения Оки. СА, XVIII, 1953, стр. 170.

⁶ В 1950—1953 гг. ряд сабель найден в Верхнем Прикамье (Неволинский, Усть-Пргинский, Деменковский и Редикорский могильники). Указанным списком отнюдь не исчерпаны восточноевропейские сабли раннего средневековья. Я вполне согласен с Г. Ф. Корзухиной, которая говорит, что «в литературе часто встречаются указания на находки сабель, изображения которых не приведены, поэтому без осмотра этих на-

Направленность работы определяется уже самим заглавием «Türkische Säbel...». При освещении общенсторических вопросов Арендт полностью следует выводам А. А. Захарова, изложенным в статье «Beiträge

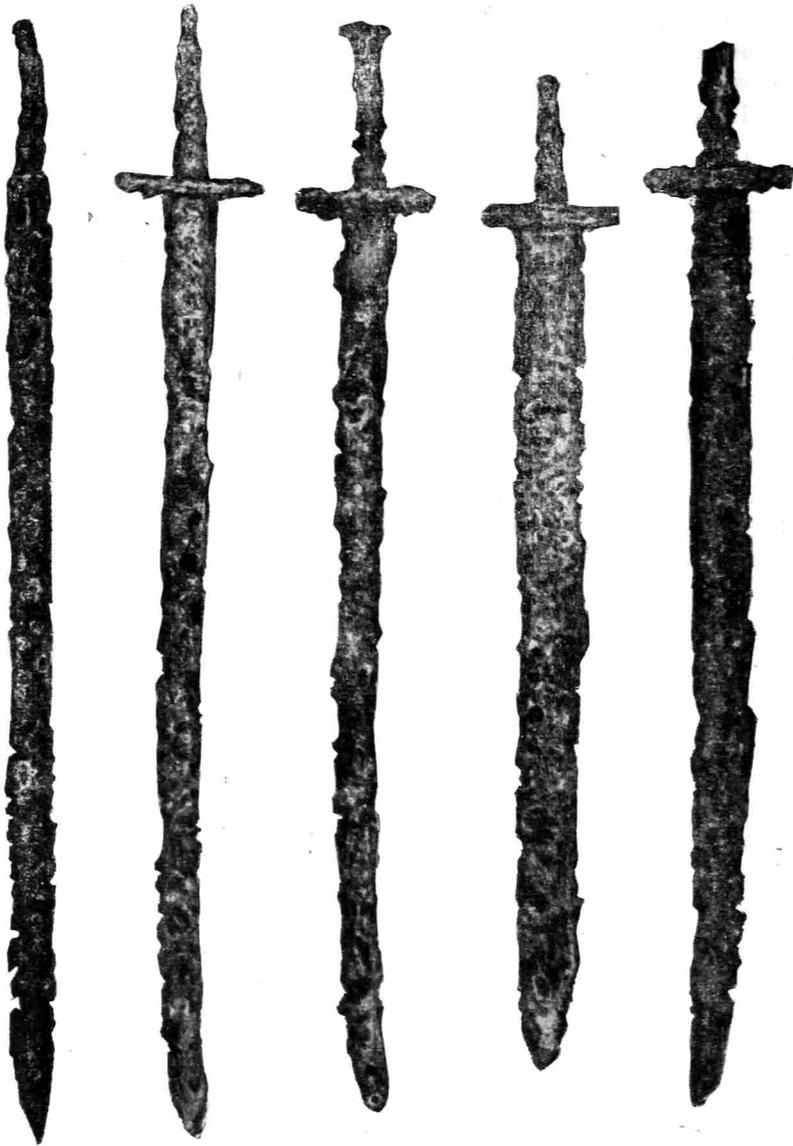

Рис. 5. Сабли из Крюковско-Кужновского могильника.

zur Frage der türkischen Kultur der Völkerwanderungszeit», опубликованной в том же номере «Archaeologia Hungarica». А. А. Захаров связывает появление сабли в Южной России с вторжением из Азии мадьяр, которые жили до этого в районах Камы и Вятки (в бывших Пермской, Вятской и, возможно, Тобольской губерниях), куда они в свою очередь явились с юга. Мадьяры, по Захарову, испытывали значительные тюркские влияния, одним из проявлений которых и явилось появление у них сабли — оружия, сформировавшегося где-то в Центральной Азии или на Даль-

ходок в музеях сказать о них что-нибудь трудно. Так, очень возможно, что к этой же группе принадлежат клинки, найденные в б. Харьковской, б. Полтавской губерниях и других местах» (Г. Ф. Корзухина. Ук. соч., стр. 75).

нем Востоке. На юге России сабля столкнулась с местной формой оружия — длинным сарматским мечом — и постепенно его вытеснила.

Историческая концепция А. А. Захарова получила уже в свое время должную отповедь со стороны М. П. Артамонова¹. Здесь я коснусь лишь конкретного материала, который используется В. Арендтом для подтверждения и развития захаровской концепции.

Восточное происхождение всех использованных В. Арендтом сабель для него — вне сомнения. Все эти сабли, по его мнению, объединяются двумя признаками:

1) принадлежностью к одному, сравнительно короткому времени, т. е. к концу VIII — IX в.;

2) инородностью для Восточной Европы, полным отсутствием связи с местным оружием. Именно салтовские сабли В. Арендт считал первыми саблями русских степей. «Начиная с культуры Донецкого района, — пишет он, — эта сабля, названная хроникой Алкуина (796 г. н. э.) гуннским мечом, господствовала в течение столетий в русских степях»²

Уже первое положение В. Арендта не может считаться окончательно доказанным. Автор не анализирует соответствующие комплексы и ограничивается лишь самыми общими, часто очень нечеткими датирующими данными (стиль украшений, находки отдельных монет и т. д.). Примером крайне поверхностной датировки является отнесение к IX в. сабли из Новороссийска на основании находки вместе с ней диргема IX в., тогда как весь комплекс и особенности формы самой сабли позволяют отнести ее к X—XI вв. Поэтому, как мне представляется, совершенно права Г. Ф. Корзухина, разделившая раннесредневековые сабли Восточной Европы на две хронологические группы — группу VIII—IX вв. и группу X—XI вв.³

Доказывая второе свое положение, В. Арендт опирается на следующие факты:

1) существование на Востоке (Алтай) оружия близкой формы (имеется в виду меч из Сросткинского могильника) и изображений сабель на так называемых «каменных бабах»;

2) наличие на рукоятках четырех восточноевропейских сабель (трех кавказских и так называемого «меча Карла Великого») остатков кожи ската (Trugon Saphon) — рыбы, характерной, по его мнению, для дальневосточных морей;

3) наличие восточных мотивов в орнаментике рукояток ножен сабель и сопровождающего инвентаря.

Прежде чем перейти к разбору этих доказательств, остановлюсь еще на одном вопросе, характерном для методики В. Арендта. Основным признаком, объединяющим рассматриваемые им сабли, Арендт считает форму рукояти. Ей он уделяет в своей работе основное внимание. Хотя типологического анализа В. Арендт и не производит, самый метод подхода его к материалу является формально типологическим. Перекрестия сабель он делит на следующие типы:

1. Концы перекрестия как бы опущены вниз. Такое впечатление достигается благодаря тому, что верхний край перекрестия изогнут под углом и образует посредине острый выступ, в то время как нижний край либо горизонтальный, либо, подобно верхнему, обращен углом вверх. Концы перекрестия обычно шарообразны. Эволюция этого типа идет по пути опускания перекрестия вниз.

¹ М. П. Артамонов. Ук. соч.

² W. Arndt. Ук. соч., стр. 48.

³ Г. Ф. Корзухина. Ук. соч., стр. 75.

2. Перекрестие совершенно прямое, расширенное в середине, суженное к концам. В центре иногда — аппликация в виде четырехугольной пластинки.

Подобное деление закономерно для различия двух близких типов. Достаточно сравнить рукоятку загребинской сабли, имеющей перекрестие первого типа, с рукояткой майкопской сабли, представляющей второй тип, чтобы увидеть, как невелики различия между ними. Перекрестия обоих типов встречены у сабель, одинаковых не только по форме полосы, но и по форме навершия. А между тем на основании этого деления В. Арендт делает заключение такого рода: «Что касается второго типа перекрестия, то мы можем принять, согласно Золтану Тоту, что он находится в связи с аварской саблей»¹. Такое утверждение не ново: не только Тот, но и Хампель задолго до Арендта связывали первый вид перекрестия с венграми, а второй — с аварами. Материал, использованный в работе В. Арендта, противоречит подобному выводу, и повторение его здесь по меньшей мере бездоказательно.

Навершия В. Арендт делит на четыре типа:

1) навершие округлое наверху, с двумя отходящими вниз боковыми выступами с заклепками, прикреплявшими навершие к стержню рукоятки; в профиле такое навершие грушевидное;

2) навершие в виде овальной коробочки или, — по Арендту, — в виде шляпы;

3) навершие в виде усеченного конуса, перевернутого основанием кверху;

4) смешанные навершия: усеченный конус, но не перевернутый, с боковыми выступами (загребинская сабля), «шляпа» с боковыми выступами (майкопская сабля).

Сопоставляя указанные типы с салтовскими навершиями, легко заметить, что в Салтове представлены почти все основные типы. Тип первый, по Арендту, соответствует третьему типу наверший салтовских сабель; тип второй — первому салтовскому типу, тип третий — четвертому салтовскому. Отметим, что полного соответствия между формами навершия и перекрестия нет: с одним и тем же перекрестием найдены разные навершия, и наоборот.

Менее всего внимания В. Арендт уделяет полосе. Он считает ее нехарактерным, неподвижным элементом². В этом, как мне представляется, — основная порочность работы, причина ее односторонности и оторванности от общей истории оружия. Изучение формы оружия должно быть теснейшим образом связано с назначением его, с теми условиями, которые его породили. А для решения этих вопросов детали рукоятки являются признаками далеко не первой важности.

Главной частью сабли, как и ее предшественника — меча, всегда была полоса. Общий уровень развития металлургии определенной эпохи, воинская тактика, боевой строй, состав наступательного и оборонительного вооружения — все это отражалось прежде всего на полосе; различная тактика сообщала ей определенное назначение и в соответствии с этим менялась ее форма. В этой связи можно вспомнить эволюцию меча бронзового и раннего железного века Центральной Европы, воссозданную Ж. Дешелеттом в связи с изменениями воинской тактики³. Значение формы и величины полосы меча показано им весьма убедительно;

¹ W. Arndt. Ук. соч., стр. 62.

² Там же, стр. 59.

³ J. Dechelette. Manuel d'archéologie préhistorique, celtique et gallo-romaine. Vol. II, 1910, стр. 199—215; vol. III, 1927, стр. 211—218, 612—642.

именно полоса реагировала на переход от колесничной тактики к конной и т. п. Рукоять в известной мере зависела от полосы, положение стержня рукояти было важным фактором в формировании сабли, но детали ее изменялись более свободно и менее закономерно. Формы рукояти, безусловно, важны для истории оружия, но в основе исследования должна лежать полоса.

Поэтому статья В. Арендта представляется мне лишенной фундамента. Исследование его посвящено очень ответственной теме. Описанные им сабли знаменуют переход к новому, не только по форме, но и качественно, виду оружия. Неизбежно возникает вопрос об их происхождении, о причинах, обусловивших их появление. Автор оставляет эти вопросы без внимания, вернее, он считает их, безусловно, решенными уже с самого начала своего исследования, о чем говорилось выше.

Вернемся к доказательствам восточного происхождения сабли, ее инородности для Восточной Европы. Самыми серьезными данными, приведенными В. Арендтом, следует считать находки на Алтае оружия, близкого к рассматриваемому нами, а также изображений такого оружия на каменных изваяниях. Но это доказывает лишь факт наличия в интересующую нас эпоху сабель на Алтае, а отнюдь не алтайское происхождение восточноевропейских сабель. Не доказана должным образом и хронологическая «первородность» алтайских сабель. Восточные мотивы в орнаментике не могут считаться серьезным доказательством. На одном из частных примеров такой орнаментики я уже останавливался выше. Украшения, и особенно украшения оружия, всегда быстро распространялись, преодолевая самые дальние расстояния. Тем более это было возможно в VIII—IX вв., когда связи племен Северного Причерноморья с Востоком значительно усилились. Остается кожа ската. Но ее имели лишь четыре рукояти, да и для них она является второстепенным, абсолютно не характерным признаком. Наличие ее отнюдь не может означать, что сама сабля происходит из мест обитания указанной рыбы. Гораздо естественнее предположить ввоз самой кожи ската. Изделия местных мастеров из привозных материалов известны и в более ранние, и в более поздние эпохи. Так, хорошо известны поделки русских мастеров из скорлупы кокосовых орехов. Не считать же их по этому признаку привезенными из Африки или Индии! Распространение указанного В. Арендтом вида ската (*Trugon Sephon*) весьма широко: оно охватывает Красное море, берега Аравии, Индии, Цейлона, Бирмы, Малайского полуострова, Ост-Индии, Филиппин, Индо-Китая, Меланезии, Квинсленда, Нового Южного Уэльса. Основываясь на столь «определенном» признаке, пришлось бы немало попутешествовать по карте Азии в поисках места первоначального появления сабли. Кроме того, все четыре рукояти с кожей ската, в том числе «меч Карла Великого», хронологически моложе салтовских.

Выдвижение на первый план второстепенных признаков, односторонний и предвзятый подход к теме заставили В. Арендта оставить вне поля зрения ряд восточноевропейских сабель. Это отнюдь не случайное упущение: сабли эти не укладывались в рамки «восточных» признаков, изменяли картину «движения» сабли с востока на запад, входили в не удовлетворявшие В. Арендта комплексы, наконец, были слишком явно связаны с местной культурой (Борисовский могильник). В истории оружия В. Арендт оставался верен своей общей миграционистской схеме: сменился народ, — сменилось оружие; пришли мадьяры, сменили местные племена, и их сабля вытеснила местный сарматский меч. Этой схеме

подчинены и картографические, и хронологические «изыскания» В. Арендта. Мы уже говорили, что В. Арендт необоснованно сужает датировку сабель, относя к VIII—IX вв. материал VIII—XI вв. Такое сужение нужно автору для того, чтобы лишний раз подчеркнуть мадьярскую принадлежность сабель, с которой несовместима датировка их X и XI веками, так как мадьяры, как известно, покинули южную Россию в конце IX в. Этой же тенденции следовал В. Арендт и при составлении карты находок раннесредневековых сабель¹. Здесь центром мадьярского «культурного круга»² представлен Верхний Салтов, находки же сабель в Волго-Камском районе, Приазовье и на Северном Кавказе рассматриваются как следы мадьярских военных постов³, или колоний (факторий)⁴.

Эту мысль подхватил Н. Феттих⁵, совершивший ряд ошибок националистического характера и писавший о расселении мадьярских племен из района Северного Донца в Волго-Камье. Между тем приведенная В. Арендтом карта распространения раннесредневековых сабель, отражающая якобы путь движения мадьярских племен, — грубая фальсификация. Находки сабель отнюдь не являются отрывочными следами движения одной племенной группы. Сабля имела значительно большее, почти сплошное распространение на огромной территории степей и лесостепи, населенной самыми различными племенами (рис. 6). Значительное число сабель В. Арендт, как мы уже видели, не учел. Кроме того, он не сделал никакой попытки выяснить хронологическое соотношение между отдельными находками: все сабли отнесены к одному времени. Таким образом, было достигнуто впечатление, что сабли появились в Восточной Европе неожиданно, одновременно, что начало их распространению положила «культура Донецкого района»⁶. Салтовские сабли противопоставляются местным формам оружия, прежде всего сарматским мечам («Diese Waffe... verdrängt vollständig die Formen des in Südrussland noch erhaltenen gebliebenen zweischneidigen sarmatischen Schwerten»)⁷. Места находок сабель представлены на карте Арендта в виде отдельных разрозненных пунктов, расположенных на путях расселения или передвижений мадьярских племен из единого центра — Салтова (Лебедии?). Для нас подобная схема неприемлема с начала до конца.

Непосредственно предшествовавшей и наиболее родственной сабле формой оружия был меч. Сабля является результатом эволюции определенного вида меча. Но вместе с тем сабля — оружие новое, отличия ее от меча весьма значительны. Отличия эти не исчерпываются особенностями формы сабли — однолезвийностью и изгибом полосы. Известен ряд форм оружия ближнего боя, которые нельзя назвать саблями, несмотря на наличие однолезвийной изогнутой полосы. Таковы тяжелые кривые мечи древнего востока, таковы махайры античного мира и фалькаты пиренейского латена. Более глубокая, принципиальная разница между мечом и саблей определяется характером удара. Удар меча — тяжелый, направленный по прямой сверху вниз. Движение руки с мечом можно хорошо проследить на памятниках изобразительного искусства: на античных рельефах и вазах, на миниатюрах древней Руси и т. д. Пехотинец

¹ W. A r e n d t. Ук. соч., стр. 74, рис. 27.

² Там же, стр. 74.

³ Там же, стр. 76.

⁴ Там же.

⁵ N. F e t t i c h. Die Metallkunst der Landnehmenden Ungarn. Archaeologia Hungarica, XXI. Budapest, 1937, стр. 191.

⁶ W A r e n d t. Ук. соч., стр. 48.

⁷ Там же.

чаще колет мечом, длинные рубящие мечи — принадлежность конницы, причем описанный удар не требует обязательного упора на стремяна. Всадник не приподнимается в седле и не наносит косых секущих ударов. Вообще длинный кавалерийский меч до появления стремян был, видимо, оружием в основном противопехотным, рубка же в конном строю была явлением редким и по технике своей — примитивным. Всадники чаще рубили мечами пехоту.

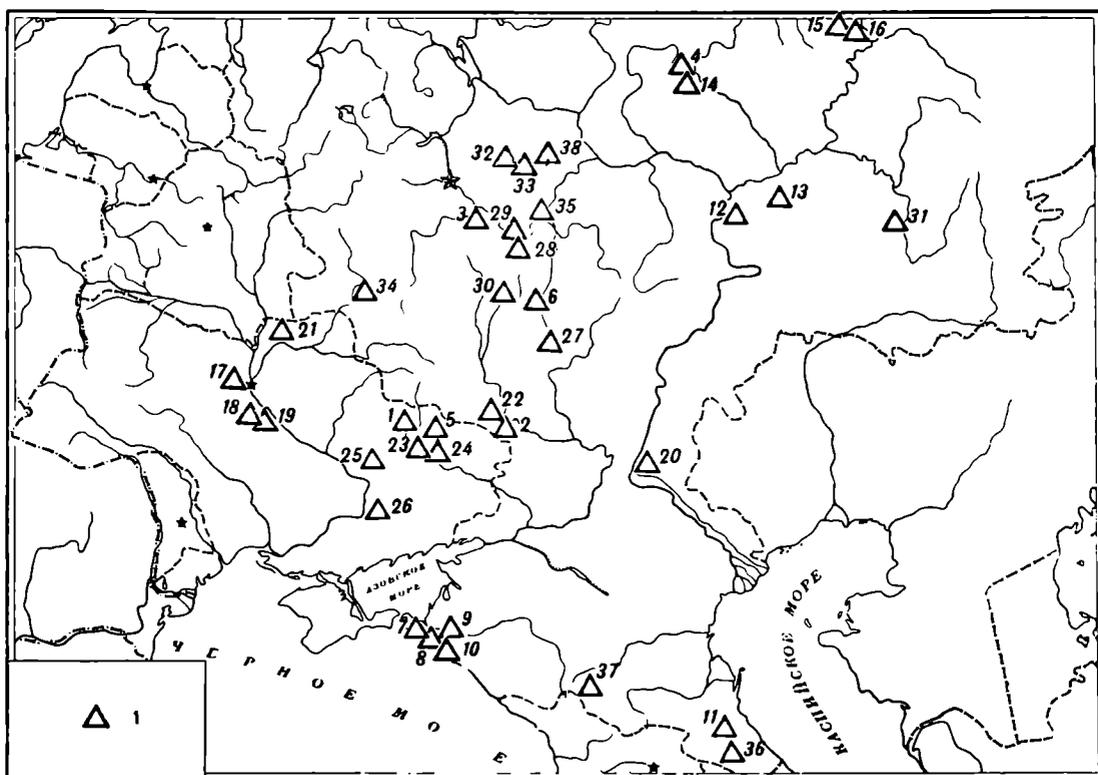

Рис. 6. Схема распространения раннесредневековых сабель на территории Европейской части СССР.

1 — места находок: 1 — Верхний Салтов; 2 — Воробьевка; 3 — Арцыбашево; 4 — Мордвиновский могильник; 5 — хутор Прогоня; 6 — Лядинский могильник; 7 — Мысхаво; 8 — Новороссийск; 9 — Глебовна; 10 — Борисовский могильник; 11 — Агач-Кала; 12 — Танкеевна; 13 — Биллярск; 14 — Загребино; 15 — Ильинское; 16 — Загарье; 17 — Киев; 18 — Тачанка; 19 — Россав; 20 — Энгельс; 21 — Черная Могила; 22 — Подгорное; 23 — Ново-Покровка; 24 — Тополы; 25 — Перещепино; 26 — Вознесенский могильник; 27 — Красный Восток; 28 — Елизаветинский могильник; 29 — Борновской могильник; 30 — Крюковско-Кужновский могильник; 31 — Стерлитамакский могильник; 32 — Владимирские курганы; 33 — Городище, Владимирской области; 34 — Гочевский могильник; 35 — Курманский могильник; 36 — Дегвинский могильник; 37 — Северный Кавказ (Кобань, Галиат, Дуба-Юрт, Уми и др.); 38 — Малышевский район, Владимирской области.

В противоположность удару меча удар сабли скользящий, режуще-секущий. Благодаря протягиванию сабельный удар захватывает большую площадь, чем удар меча. Угол разреза саблей острее, чем угол разрушения мечом. Самый удар наносится иначе. Протягивание требует значительно большей свободы движения тела, руки и в особенности кисти, а следовательно, и большей устойчивости всадника в седле.

Рукоять сабли образует угол (у ранних сабель около 30°) с лезвием, что усиливало эффект секущего удара. Этой же цели служила елмань, определявшая наиболее рациональное размещение центра тяжести¹ Изгиб полосы, наличие елмани, наклонное положение рукояти

¹ T. A n d a. Recherches archéologiques sur la pratique médicale des Hongrois. Acta archaeologica, tom. I, fasc. 3—4. Budapest, 1951, стр. 304.

и, наконец, значительная длина сабли (до 1 м) приводят к правильному распределению тяжести оружия при ударе. Сам удар имеет круговой характер, сила его нарастает с увеличением длины протягивания. При рубке с коня всадник должен обязательно опираться на стремена. Длинный тяжелый меч был принадлежностью тяжеловооруженных воинов, он соответствовал всему характеру и темпу их боя. В отдельных случаях меч мог пробивать броню, хотя общим правилом это считать нельзя. Сабля же — характерное оружие легковооруженных конных воинов. В борьбе с тяжеловооруженным противником она уступает мечу, но зато значительно превосходит его в борьбе с легковооруженным. Она легче, лучше сохраняет силы и подвижность воина, удар ее страшнее для лишенного брони врага. По сравнению с мечом сабля была облегчена за счет сужения полосы и устранения второго лезвия, которое потеряло всякий смысл при изогнутой полосе. Можно полагать, что лезвие сабли было значительно долговечнее лезвий меча, которые тупились и зазубривались о вражескую броню (последнее обстоятельство являлось одним из факторов, обуславливавших двулезвийность мечей).

Как и длинный меч, сабля характерна для кавалерии, но рубят ею не только пехоту. Рубка в конном строю стала более распространенной и сложной, она соответствует стремительному темпу кавалерийского боя.

Где же происходила эволюция определенных форм мечей, приведшая к появлению сабли?

Возможность подобной эволюции на Востоке я отнюдь не отрицаю. Но понятие «Восток» должно быть конкретизировано. Тяжелые мечи раннесредневекового Китая не дают никаких оснований предполагать возможность появления в Китае сабель в VIII—IX вв. Индия узнала саблю вместе со всем мусульманским миром не ранее XIV в. Подробнее следует остановиться на Иране и других областях Передней и Средней Азии, входивших в эту эпоху в состав Арабского халифата.

Еще совсем недавно мы не имели почти никаких сведений об оружии халифата. Только этим можно объяснить возникновение мифа о «мусульманской сабле», получившего столь широкое распространение как в научной, так и в художественной литературе. Замечательный клад оружия, найденный Халил-Этем-беем в Топкапу-Сарае в 1928 г., дал, наконец, представление об истинном вооружении войск халифата¹. Неопровержимо доказано, что на протяжении первых семи веков гиджры у арабов и персов безраздельно господствовал длинный тяжелый меч, сабель же не было вовсе. Сокровищница сохранила замечательные образцы мечей с надписями их владельцев. Среди них имя современника Мухаммеда Соад ибн Убада, имена халифов Омейада Омара ибн Абд-аль-Азиза (719 г.), ибн Абд-аль-Малика (724—743 гг.), Абу-Ахмед-аль-Мустасима, правившего с 1242 по 1258 г. Наличие у арабов мечей совершенно закономерно. Как большинство кочевых народов, они в значительной мере восприняли материальную культуру завоеванных ими оседлых народов, прежде всего Ирана. В Иране в эпоху раннего средневековья был распространен длинный меч, известный по сасанидским рельефам² и по монетам Шапура I, Ормизда I и Варахрана II³. На тер-

¹ Hans Stöcklein. Die Waffenschätze im Topkapu Sarayi Müzesi zu Istanbul. *Arts Islamica*, vol. I, p. 2, 1934, стр. 200—218; А. В. Арциховский. Введение в археологию. М., 1947, стр. 150.

² На портрете Шапура I (Herzfeld. *Archaeological history of Iran*. 1941, стр. 80); воины — с длинными мечами (там же, табл. XII).

³ К. В. Тревер. Художественное значение сасанидских монет. ТОВЭ, т. I, 1941, табл. VI 2, 4 и др., стр. 268.

ритории бывших римских провинций основной формой рубящего оружия была спата — длинный обоюдоострый меч. Длинный меч вполне соответствовал тяжелому и весьма совершенному доспеху арабов, известному нам по памятникам изобразительного искусства. Как и во все времена своего существования, меч у арабов был наиболее почетным оружием. В геральдике он доминирует вплоть до конца XIV в.¹ Макризи упоминает изображение меча на монетах Муавии. Вплоть до конца мамелюкского периода он употреблялся как инвентура султана или халифа². Во времена крестовых походов тяжелым мечам европейских рыцарей были противопоставлены такие же мечи мусульман. И лишь в XIV в. появляются первые сабли. Штеклейн, издавший часть упомянутой выше сокровищницы, и Майер несколько расходятся в определении точной даты появления сабли на Ближнем Востоке. Первый считает таковой вторую половину XIV в. Он пишет, что лишь в конце XIV в. у персов появились первые сабли, вначале слабо изогнутые и только с 1600 г. — со значительной кривизной³. Относительно турецкого оружия он писал, что оно смыкается с обычными персидскими и центрально-азиатскими формами и лишь к XV в. приобретает специфически турецкую форму⁴. Турецкие сабли Махмуда II (1451—1481 гг.) еще очень слабо изогнуты, специфическую форму и широкое распространение они получают, лишь начиная с XVI в. Наконец, в Египте первые сабли появились не ранее второй половины XV в.; до них там бытовали прямые, но однолезвийные мечи (палаш). Первые сабли сосуществовали с мечами и далеко не сразу вытеснили их. Майер в указанной выше работе в общем солидаризируется со Штеклейном, но временем появления сабли в Иране считает не конец, а начало XIV в., однако никаких доказательств этому не приводит.

Таким образом, и арабский Восток должен быть вместе с Индией и Китаем исключен из числа возможных центров происхождения сабли VIII—IX вв. Вместе с ними исключаются почти все побережье Индийского океана и значительная часть тихоокеанского; кстати, тем самым исключается подавляющее большинство мест обитания ската.

Итак, понятие «Восток» для интересующей нас темы ограничивается Южной Сибирью и Средней Азией. Но для решения вопроса непосредственно о восточноевропейских саблях мы находим материал значительно ближе, на территории южнорусских степей, там, где наиболее тщательно и последовательно изучены сарматские и прежде всего позднесарматские памятники.

Весьма благодарным для нашей темы является материал степей Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. Мечи этого района обстоятельно и систематически исследованы К. Ф. Смирновым⁵. Им создана стройная и убедительная схема истории этих мечей. В значительной мере я буду следовать построению К. Ф. Смирнова.

Исследования последнего времени изменили взгляд на историю южнорусских мечей скифо-сарматской эпохи. Прежде почти безраздельно господствующей формой скифского меча считался акинак — короткий.

¹ L. A. Maueg. Saracenic arms and armor. *Ars Islamica*, vol. X, 1943, стр. 8 и сл.

² Там же.

³ Hans Stöcklein. Ук. соч., стр. 208.

⁴ Там же, стр. 203.

⁵ К. Ф. Смирнов. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья, 1945. Рукопись, стр. 210 и сл.

более колющий, чем рубящий меч, и по названию и по форме своей сходный с персидскими мечами «Περσικόν ξίφος τὸν ἀκινάτην καλέουσι»¹. Теперь же все больше начинают обращать внимание на наличие, наряду

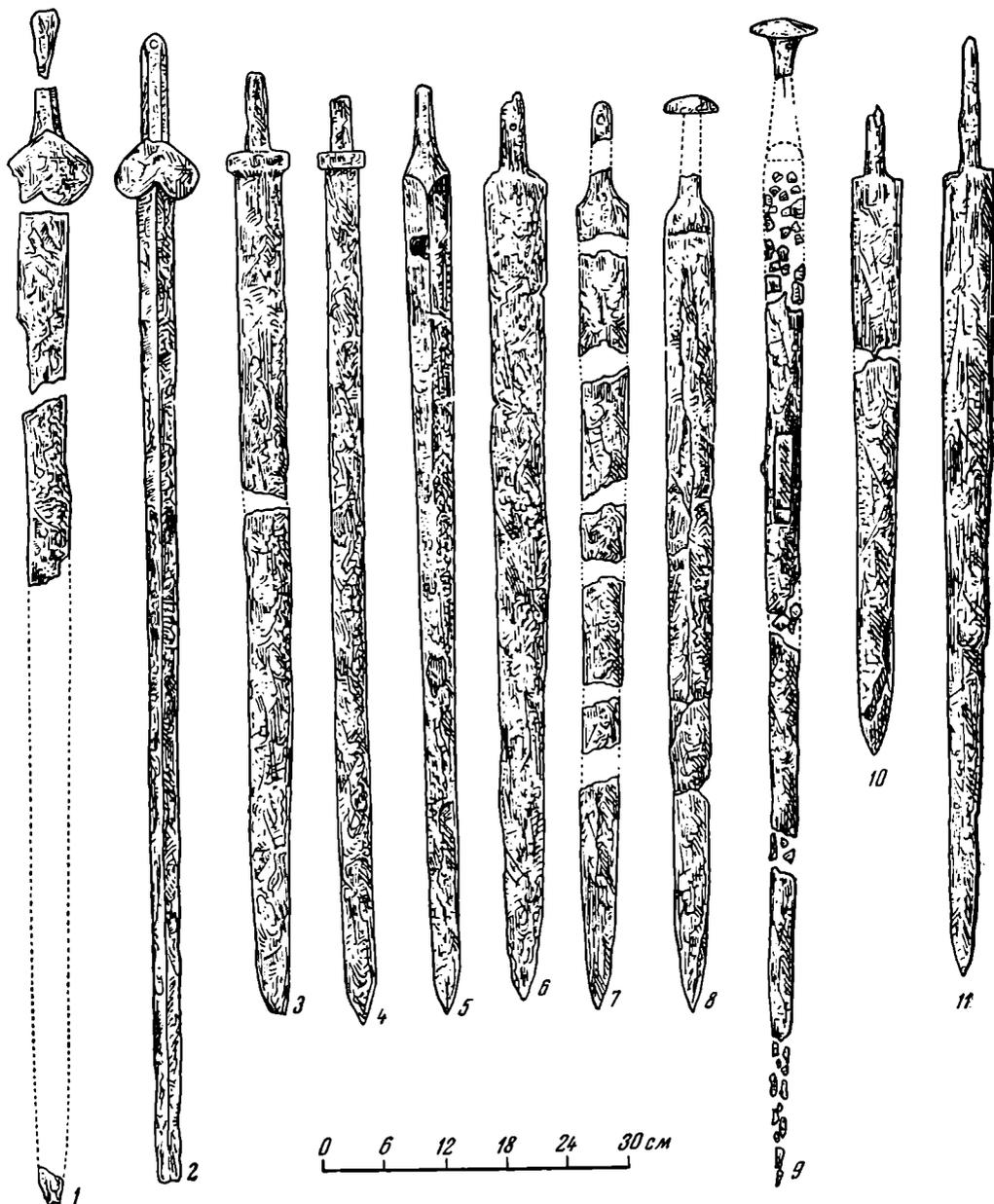

Рис. 7 Длинные кавалерийские мечи скифского и сарматского времени из курганов Поволжья.

с описанным, мечей иной формы. Это длинные рубящие кавалерийские мечи. Среди скифских древностей Поднепровья таких мечей пока очень немного, и они представляются исключительным явлением среди массы

¹ Herod., VII, 54.

коротких мечей¹. Пную картину мы видим в восточной части южнорусских степей. У савроматов Нижнего Поволжья и Южного Приуралья еще в скифское время был распространен длинный рубящий меч, часто имеющий, как и акинак, сердцевидное перекрестие. К. Ф. Смирнов приводит пять примеров таких мечей с характерными скифскими рукоятями и длинными, превышающими 1 м, полосами². Два таких меча представлены на рис. 7, 1, 2. Первый меч найден в погребении № 3 кургана № 12 юго-восточной группы у г. Энгельса и хранится в Саратовском музее. Длина его полосы — 117 см (рис. 7, 1). Второй меч, также из Саратовского музея (№ 116), сохранился не полностью, длина его примерно та же (рис. 7, 2).

Дальнейшее развитие древней формы длинного меча мы видим в прохоровской культуре, где длинные мечи, как и в скифское время, сосуществуют с короткими³. Встречаются длинные мечи и в диагональных погребениях с южной ориентировкой костяков⁴, а начиная со II в. н. э. здесь, как и на всей обширной территории южнорусских степей, длинный, преимущественно рубящий меч получает широкое распространение и становится господствующей формой. На Боспоре же длинный меч сарматского образца становится господствующим с I в. до н. э. — I в. н. э.⁵ Этот меч хорошо известен в археологической литературе, но в большинстве случаев рассматривается как явление новое, не связанное с предшествующей историей скифо-сарматского оружия. М. И. Ростовцев центром происхождения этой формы меча считал античные города Причерноморья и самый меч именовал кубанско-пантикапейским. Пантикапейское происхождение длинного меча поддерживал и П. Д. Рау; он, кроме того, указывал на соответствие этой формы иранскому мечу римского времени и искал корень его формы в позднем латене. Гинтерс считал меч специфически сарматским, указывая на широкое распространение его в иранском мире. Однако и он совершенно не учитывал самобытного развития местных форм. Длинный меч, по его мнению, появился далеко на иранском Востоке и появился в южнорусских степях вместе с пришедшими туда новыми иранскими племенами, как он рассматривает сарматов. К. Ф. Смирнов подвергает последнее положение Гинтерса справедливой критике. «Данные археологии, — пишет он, — говорят за то, что не в эпоху эллинизма... с востока пришла в заволжские и приуральские степи новая форма железного меча с длинным лезвием, а издревле, т. е. с появлением здесь железной индустрии, длинный меч был известен населению Поволжья и более восточных областей. Он-то и мог послужить прототипом для формирования позднесарматской модели меча без перекрестия и без навершия, конечно, пройдя длинный путь развития, проследить который этап за этапом не удастся»⁶ Ход рассуждения К. Ф. Смирнова представляется мне совершенно правильным. Действительно, в Поволжье можно говорить о длительной традиции, о непрерывном процессе развития длинного меча. Проследить этот процесс в деталях и построить четкий эволюционный ряд мы пока не можем,

¹ Примеры: а) меч из «Старшей Могилы» — Д. Я. Самоковасов. Могилы Русской земли, стр. 97, № 1365—1368; б) меч из г. Чугуева — W. Ginters. Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland. 1928, табл. XIX; в) там же, табл. XVIII.

² К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 229, 230.

³ М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. МАР, № 37, 1918, стр. 57

⁴ К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 239.

⁵ Н. И. Соколовский. Боспорские мечи. МИА, № 33, 1954, стр. 147 и сл.

⁶ К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 229.

данных для этого еще недостаточно. Но основные вехи его намечены К. Ф. Смирновым с большой убедительностью. Поволжье и Приуралье относятся к областям сарматского мира, наилучшим образом изученным. Быть может, дальнейшие исследования значительно расширят территорию формирования длинного сарматского меча. Но пока данных для такого расширения нет. На Кубани длинные мечи известны с эллинистического времени, причем здесь мы встречаемся сразу с законченной, развитой формой (меч из Буэровой могилы¹, меч из станицы Псебайской, Майкопского района²). Мало известны длинные мечи раннего времени и в Пантикапее. Римская спата получила широкое распространение лишь веком позже, с III в. н. э.³ Можно предполагать, что жители Боспора сами заимствовали длинный меч у сарматов⁴. Однако весьма вероятно, что в Крыму и на Кубани этот меч получил специфическое оформление в виде круглого плоского навершия из полудрагоценного камня или стекла⁵. В волжско-уральских степях подобное навершие — очень большая редкость.

Абсолютно беспочвенным представляется сравнение сарматского меча с германским (П. Д. Рау)⁶. В эпоху позднего латена на территории распространения германских племен бытовал обычный длинный латенский меч. Сколько-нибудь оригинальных местных форм не было. С известным основанием может считаться специфически германским тяжелый однолезвийный меч, отсутствовавший у кельтов, но ничего общего с сарматским мечом он не имеет. Длинные мечи латена II и III были чрезвычайно широко распространены. В 1946 г. П. Н. Шульц нашел превосходный латенский меч в Крыму, в Неаполе Скифском⁷. Но латенские мечи с округленным или слабо заостренным концом, с очень характерным перекрестием, резко отличаются от длинных рубяще-колющих мечей сарматов; формирование мечей последних явилось результатом издревле существовавшей местной формы, они не нуждались в воздействии отдельных иноземных «пришельцев», каким являлся меч из Неаполя Скифского.

К. Ф. Смирнов упоминает 22 длинных сарматских меча, найденных в Поволжско-Приуральском районе⁸ (рис. 7, 3—11). Их длина колеблется от 0,70 до 1,15 м. Ширина основания — 4—6 см. Конец острый, сужение постепенное, продольного ребра нет. У основания своего полоса переходит в узкий черенок, который часто снабжен в середине отверстием для заклепки. К. Ф. Смирнову удалось выделить ряд вариантов длинных мечей. Эти варианты свидетельствуют о наличии нескольких форм, легших в основу формирования длинного сарматского меча. С другой стороны, они располагаются в хронологической последовательности. Ряд мечей сведен К. Ф. Смирновым в таблицу, которую я публикую с любезного разрешения автора (рис. 7).

¹ W. Ginters. Ук. соч., табл. XXIIIa; MAP, № 37, 1918. табл. 3.

² М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 609; ОАК за 1895 г., стр. 135.

³ P. Souissin. Les armes romaines. Paris, 1926.

⁴ Н. И. Соколовский. Ук. соч., стр. 168.

⁵ К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 239.

⁶ Там же, стр. 239 и сл.

П. Н. Шульц. Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953, табл. VII.

⁸ Это число увеличилось в результате исследований последних лет. В качестве примера укажу превосходный длинный меч с прямым перекрестием и антенновым навершием, найденный И. В. Спицыным в 1950 г. в могильнике Кара-Оба, в низовье Узней (курган № 11, погребение 2). В 1953 г. В. П. Шплов нашел два меча в Калиновском могильнике, Пролейского района, Сталинградской области. Ряд мечей найден К. Ф. Смирновым в Сталинградской области в 1951—1954 гг.

Все эти варианты сохраняют рубящую функцию оружия как основную. Полосы мечей не отличаются массивностью, переставая соответствовать тяжелому вооружению сарматов, хорошо известному как по письменным, так и по археологическим данным. Обоснование этому следует искать в специфике военной истории сармато-аланских племен и прежде всего их восточной группы племен степей Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. Им раньше и более других племен Северного Причерноморья приходилось сталкиваться с легковооруженной конницей азиатских кочевников, главными преимуществами которой были подвижность, стремительность и неуловимость.

Уже в первые века нашей эры до Нижнего Поволжья, Северного, а может быть, и Северо-западного Прикаспия докатывается первая волна азиатских племен, переместившихся в результате гуннского нашествия. Об этом свидетельствуют античные авторы Дионисий (середина II в.)¹ и Птолемей (вторая половина II в.)², а также могильники кенкольского типа на Нижней Волге³. С тех пор началась длительная и упорная борьба сармато-аланских племен с гуннами и другими азиатскими племенами, все более усиливавшими свой натиск. В конце IV в. новая, наиболее мощная волна гуннов сломала сопротивление как прикаспийских, так и приазовских аланов и хлынула в Северное Причерноморье. Современники оставили нам достаточно четкие сведения о гуннской тактике. «Будучи чрезвычайно легки на подъем,— пишет Аммиан Марцеллин, автор конца IV в., — они иногда неожиданно и нарочно рассыпаются в разные стороны и рыщут нестройными толпами, разнося смерть на широкое пространство; вследствие их необычайной быстроты не случается, чтобы они нападали на укрепление или грабили неприятельский лагерь. Их потому можно называть самыми яростными воителями, что издали они сражаются метательными копьями..., а в рукопашную рубятся, очертя голову, мечами и, сами уклоняясь от удара кинжалов, набрасывают на врагов крепко свитые арканы для того, чтобы опутав члены противников, отнять у них возможность усидеть на коне или уйти пешком»⁴. Клавдий Клавдиан особо подчеркивает, что гунны «отличаются необыкновенной подвижностью, но без всякого порядка, и неожиданными обратными набегами»⁵. Евсевий Иероним с ужасом повествует о «рое гуннов, которые, летая туда и сюда на быстрых конях, все наполнили резней и ужасом»⁶.

Современники, таким образом, согласно рисуют нам войско гуннов как легкую кавалерию, подвижную и стремительную, действовавшую рассыпным строем и вооруженную такими специфическими видами оружия, как дротики, арканы и т. п. Длительное соприкосновение с гуннскими племенами, упорные войны с ними не могли не вызвать самых существенных изменений в тактике сармато-аланского населения нашего юго-востока. В I—II вв. н. э. основу аланского войска составляла тяжелая конница; воины были защищены тяжелой броней и снабжены не менее тяжелым наступательным оружием. Это неоднократно подтверждается античными авторами. Корнелий Тацит, описывая вторжение роксалан в Мезию, объясняет катастрофический разгром их именно излишней тяжестью вооружения. «В сырой день и на растаявшем льду,—

¹ SC, I, вып. 1, стр. 186.

² Там же, стр. 232.

³ И. В. Спьяцын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, стр. 29.

⁴ Amm. Marc. XXXI, 2,8—9; SC, II, вып. 2, стр. 338.

⁵ Claud. Claudianus. In Rufinum; SC, II, вып. 2, стр. 378.

⁶ Euseb. Hieron., 77; SC, II, вып. 2, стр. 368 и сл.

пишет он, — ни пики, ни очень длинные мечи их, которые они держат обеими руками (*quos praelongos utraque manu regunt*), не годились вследствие спотыкания коней и тяжести их «катафракта». Это прикрытие их вождей и всех благородных, составленное из железных пластин или очень твердой кожи, непроницаемое для ударов, но для упавших при натиске врагов неудобное при вставании...»¹. Однако к концу IV в. положение резко изменилось: Аммиан Марцеллин упоминает уже как один из отличительных признаков аланов то, что они «очень подвижны вследствие легкости вооружения и во всем похожи на гуннов, только с более мягким и более культурным образом жизни...» (*... armorum levitate veloces, Hunisque per omnia suppare, verum victu mitiores et cultu latrocinando*)². Как мы уже видели при анализе салтовского вооружения, эти данные письменных источников полностью согласуются с данными археологии. Специфические военные условия и соответствующие им изменения тактики вызвали, естественно, и изменения вооружения восточной группы сармато-аланских племен. Оборонительный доспех становится более легким, вместе с ним изменяется и наступательное оружие, в первую очередь меч. Столкновения легковооруженной конницы, действующей рассыпным строем, рубка в конном строю изменили назначение меча и характер его удара. Меч изменяется в сторону облегчения приспособления к режуще-секущему удару, преимущества которого скоро стали очевидны. В соответствии с этим форма меча подвергается существенным изменениям. Двулезвийность стала излишней. Появились первые однолезвийные полосы, пока еще прямые. Они найдены Т. М. Минаевой в Поволжье в «курганах с сожжением»³. Т. М. Минаева связывает эти памятники по инвентарю с позднесарматскими и датирует их IV—V веками по аналогии с инвентарем поздних керченских камер. Это — уже оружие, по характеру удара отличное от меча и являющееся переходной формой между мечом и саблей⁴.

Новое оружие получает быстрое распространение: прямые однолезвийные полосы найдены в Борковском и Кузьминском могильниках, в Армеевском могильнике (V—VI вв.), в Новогригорьевке бывш. Александровского уезда, Екатеринославской губернии и т. д.

Усовершенствование этого оружия, дальнейшее приспособление его к режуще-секущему удару вызвали кардинальные изменения формы — появление изгиба полосы, вначале очень незначительного, и несколько скошенной постановки стержня рукоятки.

Так возникли древнейшие сабли. В Восточной Европе их появление можно отнести к первой половине VIII в., а скорее всего — ко второй половине VII в. Об этом свидетельствует замечательная находка, сделанная Е. П. Крупновым в Галиатском могильнике в Дигории в 1935 г. Здесь, при одном из погребений в большом каменном склепе, была найдена «сабля железная, слабо изогнутая в нижней части, с прямым перекрестием у рукоятки. Общая длина — 90 см, длина рукоятки — 10 см, ширина сабли — 3,5 см, длина перекрестия — 9 см. На сабле сохранились небольшие куски бересты и деревянной обкладки. Никаких украшений деталей сабля не имеет. Находилась сабля слева у первого кос-

¹ Tacit. *Historiae*, I, 79.

² Amm. *Mag.*, XXXI, 21.

³ Т. Минаева. Погребение с сожжением близ Покровска. Ученые записки Саратовского университета, т. VI, вып. 3, 1927, стр. 92, табл. I, рис. 1.

⁴ А. П. Смирнов упоминает еще одну полосу, не только однолезвийную, но и с намечающимся изгибом, относящуюся к V—VI вв. и происходящую из кургана на р. Рось в Киевской области (ук. соч., стр. 64).

тыка, положенная вдоль туловища. Возможно, она в свое время висела на поясе»¹. Датировка этого погребения обоснована Е. И. Крупновым очень убедительно. «Серебряный арабский диргем, — пишет он, — битый в Басре в 81 г. гиджры (700/701 г. н. э.) без каких-либо следов использования его не по назначению, отличной сохранности, с безупречно четкими, не стертymi надписями на сторонах, в данном случае является единственным и, безусловно, верным аргументом в утверждении даты погребения. Это VIII век. Больше того, указанная особенность его состояния — изумительная сохранность — позволяет с полной категоричностью утверждать, что захоронение в склепе состоялось в первой половине VIII в. и никак не позже, ибо трудно себе представить, что тонкий серебряный диргем мог пропутешествовать с юга от Басры до Кавказа более чем полсотню лет, прекрасно сохранив все детали чеканки»². Исследователь убедительно доказывает принадлежность галлиатского склепа аланам. находка в нем сабли, форма которой хорошо выражена и полностью сложилась, позволяет утверждать, что аланы знали этот вид оружия с самого начала VIII в., а возможно, раньше — в VII в. К VII в. может быть отнесен знаменитый перещепенский меч. Г. Ф. Корзухина совершенно справедливо обращает внимание на то, что «он имеет легкую кривизну и, кроме того, он — однолезвийный, что заставляет именовать его «перещепенской саблей»³. «Перещепенская сабля, — заключает исследователь, — повидимому, один из самых ранних экземпляров сабель этого типа, найденных в Восточной Европе»⁴.

Чрезвычайно рельефно переход от меча к сабле прослеживается на материале Борисовского могильника, расположенного вблизи Новороссийска. В. В. Саханев с достаточным основанием относит этот могильник к зихам. Среди находок первой группы погребений имеются полосы двух типов: «1) длинные обоюдоострые мечи с шипами на рукоятках, указывающими на то, что сама рукоять делалась из какого-либо иного материала; найдено их три: один в погребении № 30 и два среди плантажных находок; 2) не менее длинные прямые сабли с лезвием на одной стороне; их найдено всего две, обе, к сожалению среди, плантажных находок»⁵. В третьей группе погребений этого могильника найдено оружие, полностью аналогичное салтовскому. «Сабли, — пишет В. В. Саханев, — не особенно длинные; в этой части могильника большей частью находились в сильно согнутом виде, лишь одна (погребение № 144) найдена не согнутой. Все они прямые, с лезвием лишь с одной стороны и рукоятью, покрывавшейся, вероятно, деревом, рогом или костью, о чем свидетельствуют оставшиеся на втулке шипы. Характерной чертой сабель надо считать то, что ось рукоятки не совпадает с осью клинка, так что рукоять слегка как бы пригнута по направлению к острию. Сабли найдены в погребениях № 90, 99, 108, 125, 134 и 144. Перекрестия у сабель все достаточно массивные. Формы их довольно разнообразны. В двух случаях попадались одни перекрестия без клинков (погребение № 94 и 100)»⁶.

Перекрестия из Борисовского могильника повторяют обе основные формы салтовских перекрестий, как с расширяющимися, так и с суживающимися концами. Изгиб полосы, как и у салтовских сабель,

¹ Е. К р у п н о в. Из итогов археологических работ. Изв. Северо-Осетинского научно-иссл. ин-та, 1940, т. IX, стр. 155, 156.

² Е. К р у п н о в. Ук. соч., стр. 164.

³ Г. Ф. К о р з у х и н а. Ук. соч., стр. 75.

⁴ Там же, стр. 75.

В. В. С а х а н е в. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. ИАК, вып. 56, 1914, стр. 125 и сл., рис. 17.

⁶ Там же, стр. 143 и сл., табл. III, рис. 1, 2, 5 и 6; рис. 10 в тексте.

очень незначителен, а согнутое состояние полосы делало его почти незаметным, что и вызвало неправильное заключение В. В. Саханева о прямой ее форме.

В. В. Саханев датирует первую группу погребений VI веком¹, третью — VIII—IX веками². Датировки его достаточно обоснованы. Чрезвычайно важно для нас справедливое заключение В. В. Саханева о принадлежности могильника «одной и тоже же народности»³, о преемственности между тремя группами, о развитии одной культуры, представленной в могильнике. Здесь очень ярко представлены переход от меча к сабле и формирование последней на местной основе.

Если сабли VII — начала VIII в. на нашей территории пока единичны⁴, то ко второй половине VIII—IX вв. относится уже значительно большая группа сабель. Типологически они смыкаются с более ранними, но формы их становятся более четкими и приобретают ряд специфических черт. Появляется елмань. Стержень рукояти несколько скошен в сторону лезвия, что также связано с режуще-секущим характером удара. Эта особенность может быть отмечена уже у перещепинской сабли; у сабель VIII—IX вв. она наличествует далеко не всегда и выражена еще очень слабо, значительно сильнее она выражена у более поздних сабель. Кроме того, у некоторых сабель VIII—IX вв. рукоятка получает специфическое оформление.

Анализ соответствующих комплексов позволяет отнести к этой группе загребинскую⁵, воробьевскую⁶ и танкеевскую⁷ сабли, сабли из Борисовского могильника, сабли из Тополей (рис. 3, 7), Ново-Покровки (рис. 3, 5—6), Крюковско-Кужновского могильника [рис. 5; одна из сабель этого могильника (погребение 205) найдена с аббасидской монетой 756 г.], Подгоровского могильника, некоторые кавказские сабли (из Кобани, из могильника Дуба-Юрт и др.), сабли из Вознесенского могильника. К этой же группе должны быть отнесены сабли Салтовского могильника. Правда, в Салтове нет погребений, в которых сабля была бы найдена непосредственно с монетой. Но, как уже указывалось выше, погребения с саблями, как правило, сопровождались богатым и характерным инвентарем. Комплекс этот — набор штампованных поясных и обувных блях с сильно стилизованным растительным орнаментом, лапчатые перстни со вставкой, тонкие проволочные браслеты, серьги с навершием и привеской, ажурные привески, конское снаряжение, кувшины и пр. — может быть с уверенностью датирован второй половиной VIII в. — IX веком⁸. В Салтовском могильнике этот комплекс не менее 30 раз найден с монетами, относящимися к одному и тому же промежутку времени, причем промежутку очень короткому, охватывающему примерно 50 лет (между 770 и 820 гг.). Более ранние монеты встречаются значительно реже; почти во всех случаях они были найдены вместе с более поздними аббасидскими диргемами. Монет середины и второй половины IX в. нет совсем, что представляется достаточно показательным при большом числе

¹ В. В. Саханев. Ук. соч., стр. 160.

² Там же, стр. 165.

³ Там же, стр. 165.

⁴ К указанным двум могут быть прибавлены сабли из Арпыбашева и из совхоза «Красный Восток». Анализ этих комплексов см. в указанных выше статьях А. Л. Монгайта и А. Е. Алиховой.

⁵ Г. Ф. Корзухина. Ук. соч., стр. 75, табл. III, 4а, 4б.

⁶ Там же, табл. III, 3.

⁷ Там же, табл. III, 10.

⁸ Н. Я. Мерперт. О генезисе салтовской культуры. КСИИМК, XXXVI, 1952, стр. 24, 25.

найденных в Салтове монет (свыше 60). Правда, В. Е. Данилевич среди находок из раскопок В. А. Бабенко в 1901 г. упоминает саманидский диргем X в.¹, но ни место находки, ни комплекс, ни точное определение монеты не указаны; поэтому данное сообщение В. Е. Данилевича вызывает большие сомнения. Монеты, как правило, сопровождают поразительно близкие комплексы². Очень значительным аргументом в пользу указанной выше датировки являются находки близких салтовским комплексам в северокавказских памятниках только с монетами VIII в. Между тем эти могильники существовали значительно дольше Салтовского; в них можно выделить комплексы более ранние и более поздние, что вполне согласуется с многочисленными монетами, сопровождавшими комплексы.

Еще более многочисленна, как правильно указывает Г. Ф. Корзухина, группа сабель X—XI вв. «Целая серия их найдена на Северном Кавказе, а также в Поволжье, в б. Курской, б. Тамбовской, б. Владимирской губерниях и Прикамье»³. Форма сабли получает дальнейшее развитие. Увеличивается изгиб полосы, появляется дол, увеличивается и становится обязательным наклон стержня рукоятки. Концы перекрестия несколько опускаются вниз. К этому времени относятся древнейшие оригинальные формы славянских сабель, открытие при раскопках в Киеве и других местах⁴.

К. Ф. Смирнов пишет: «К концу периода своего существования в Поволжье длинный двулезвийный сарматский меч сталкивается с новой формой рубящего оружия, которое послужило прототипом для грозной сабли тюрко-монгольских завоевателей эпохи переселения народов. Это однолезвийные мечи с одним клинком»⁵. Думаю, что К. Ф. Смирнов допускает здесь некоторую неточность. Сарматский меч не столкнулся с новой формой, а дал ей начало; эволюция его собственной формы привела к созданию нового, качественно отличного оружия. Основные звенья этой эволюции мы проследили выше, дальнейшие находки позволяют значительно детализировать ее. Во всяком случае уже сейчас можно сказать, что гипотеза о местном происхождении раннесредневековых сабель нашего юго-востока, выдвинутая в свое время М. И. Артамоновым⁶ и А. В. Арциховским⁷, полностью подтверждается фактами и находится в связи с общей историей сармато-аланской тактики и вооружения.

До сих пор была рассмотрена эволюция полосы, которую я считаю главной частью оружия. Эволюция рукоятки сарматского меча может быть намечена пока лишь в самых общих чертах, но и она не противоречит прослеженному выше ходу развития сарматского меча и переходу от него к сабле. Наиболее распространенным на среднесарматской (I в. — начало II в. н. э.) и позднесарматской (II—IV вв.) стадиях (по классификации К. Ф. Смирнова) был меч с треугольным основанием полосы, переходящим в плоский черенок с отверстием для заклепки. Такая форма

¹ В. Е. Данилевич. Карта монетных кладов и находок единичных монет в Харьковской губ. Труды XII АС, т. 1. М., 1905, стр. 393.

² А. М. Покровский, раскопки 1901 г., камеры № 25 и 33; В. А. Бабенко, раскопки 1902 г., камера № 8; 1903 г., камера № 10; 1905 г., камера № 2; 1906 г., камеры № 2, 7 и 14; 1908 г., камеры № 7, 10 и 20; 1909 г., камеры № 7 и 8; 1910 г., камеры № 3, 4, 8, 14, 17 и 21; 1911 г., камера № 22; Н. Е. Макаренко, раскопки 1905 г., камеры № 2, 5 и 11; А. С. Федоровский, раскопки 1911 г., камера № 5; С. А. Семенов-Зусер, раскопки 1946 г., камеры № 5 и 10; 1947 г., камера № 7.

³ Г. Ф. Корзухина. Ук. соч., стр. 75 и сл.

⁴ Там же, рис. 3, 4, 6.

⁵ К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 240.

⁶ М. И. Артамонов. Ук. соч., стр. 246.

⁷ А. В. Арциховский. Введение в археологию. М., 1940, стр. 119; М., 1947, стр. 151.

основания и плавный переход от него к черенку связаны с массивностью полосы, требовавшей особенно прочного сочленения с рукоятью. Позднее, в III—IV вв., появляется меч с прямым основанием рукояти, образующим почти прямой угол с прямым же черенком (меч из Бие-Обы, раскопки Б. Н. Гракова, и меч из Фриценберга на Еруславе). Наконец, наиболее поздний вариант имеет длинный прямой стержень рукояти, образующий совершенно прямой угол с основанием полосы. Таковы мечи из «речного погребения» у г. Энгельса, из размытого водой погребения у Федоровки бывш. Бузулукского уезда¹, меч из первой группы Борисовского могильника². Нетрудно заметить, что последняя форма черенка и основания полосы приближаются к соответствующим формам сабли. Черенок, остававшийся прямым у мечей и наиболее древних сабель (Галиат, Салтовский могильник), позже получает некоторый наклон в сторону лезвия. Этот наклон замечен уже у некоторых сабель из Борисовского могильника, но особенно ярко он выражен у экземпляров X—XI вв. Наконец, перекрестие, характерное для сабли, отмечено у ряда сарматских мечей, в том числе у наиболее поздних (например, из погребения 51 Сусловского могильника, из Новогригорьевки³, из Керчи⁴).

Итак, эволюция сарматского меча, прослеженная нами пока лишь в самых общих чертах, подвела нас к формированию сабли. Появившаяся в степях нашего юго-востока, в Приазовье и Предкавказье, сабля теснейшим образом связана с сарматской культурой, с историей сарматского оружия⁵. Но, с другой стороны, появление ее отражает значительные изменения, происшедшие в этногеографии и культуре степей нашего юго-востока в послегуннский период, значительную роль «общекочевнического элемента» (конская сбруя, оружие, поясной набор) в материальной культуре этого времени. Близкие формы вооружения, поясного набора и конского убранства (прежде всего стремя) быстро распространяются в эту эпоху на обширных пространствах от Южной Сибири до Венгрии — везде, где в воинской тактике преобладал рассыпной строй больших масс легкой конницы.

В этой связи интересно и закономерно, что столь значительное число сабель найдено в степной и лесостепной полосе, прежде всего в Салтовском могильнике, в котором сильные сарматские традиции (в погребальном обряде и инвентаре) сочетаются с «общекочевническим элементом» (конское убранство).

Более сложную картину мы встречаем в горной части Северного Кавказа. Здесь, как уже указывалось выше, также найдено значительное число сабель, по форме совершенно аналогичных салтовским. Точное местонахождение некоторых из них неизвестно. Остальные сабли в большинстве своем найдены в камерах или склепах (Галиат, Кобань⁶, Рутха⁷, Дуба-Юрт), что представляет несомненный интерес. Вместе с тем следует отметить широкое распространение и длительное существование на

¹ Труды секции археологии РАНЦОН, IV, М., 1928, стр. 128.

² В. В. Саханев. Ук. соч., стр. 126, рис. 7.

³ Д. Я. Самоковасов. Могилы Русской земли, стр. 132—136.

⁴ ОАК за 1904 г., стр. 71 и сл.

⁵ В этой связи следует указать, что еще в 1918 г. М. И. Ростовцев писал об особой форме скифского меча, «составляющего модификацию акинака, состоящую в том, что меч приближается к позднейшей сабле, именно из обоюдоострого становится мечом с одним острием, т. е. прототипом сабли, соответственно чему меняется и ручка» (М. И. Ростовцев. Ук. соч., стр. 57).

⁶ W. Agendt. Ук. соч., стр. 49.

⁷ Там же, стр. 53; П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, III, стр. 236.

Кавказе мечей. Они существуют наряду с саблями¹. Мечи найдены в каменных ящиках Санибы, в грунтовых ямах Карца², два меча найдены в курганах близ селения Лац³, в камерах Чми⁴. Это вполне закономерно: возможный противник из Закавказья и Ирана был тяжело вооружен, имел прочный оборонительный доспех; об иранских мечах этого времени я говорил уже выше. На Северном Кавказе тяжелый оборонительный доспех в эту эпоху также не был редкостью. В Чми кольчуга засвидетельствована в камерах № 11 и 24; оба найденных здесь меча обнаружены вместе с кольчугами. Кроме того, кольчуги найдены в Камунте⁵, Ладзе⁶, Балте⁷ и т. д. Местных предпосылок для появления сабли на самом Кавказе не было. Появление ее здесь следует связывать, как я полагаю, с племенами северных предгорий Кавказа, которые более других соприкасались со степняками. Уже в первые века нашей эры некоторые из этих племен стали проникать в горные районы, а после гуннского нашествия IV в. туда отошла значительная часть их. Несмотря на это, связи их со степью не были порваны. У этих племен эволюция воинской тактики и вооружения шла в указанном выше направлении; появление у них одной из наиболее ранних сабель Восточной Европы (Галиат) вполне закономерно. Можно предполагать, таким образом, что сабля появилась на Кавказе вместе с сармато-аланскими племенами, знавшими камерный погребальный обряд и жившими до гуннского нашествия в северных предгорьях Кавказа, а может быть, в степях Южной России. Это вполне согласуется с обоснованным предположением Г. Ф. Дебеца о том, что одна из групп населения Кавказа этой эпохи могла быть пришлой с севера⁸. Связь этого пришлого населения с появлением на Кавказе камерного погребального обряда вполне вероятна. Антропологический материал пока очень невелик, поэтому связывать с уверенностью все три момента — долихокранные черепа, камерный обряд и саблю — пока преждевременно. Но находки сабель преимущественно в камерных могилах, с одной стороны, и связь последних с пришлым долихокранным антропологическим типом — с другой, — весьма примечательны.

Таким образом, можно утверждать, что, появившись на нашем юго-востоке в VII в., сабля VIII—X вв. получила уже более значительное распространение и сделалась важнейшим видом оружия у самых различных племен, соприкасавшихся со степью, боровшихся со степняками и вместе с тем сходных по уровню хозяйственного и социального развития. К этим племенам должны быть причислены аланы (сабли из Галиата и других северокавказских и донецких могильников), зихи (сабли из Борисовского могильника), племена Дагестана (сабли из Агач-кала), волжские и причерноморские («черные» или «внутренние») булгары (сабли из Танкеевки, Воробьевки, Стерлитамака, Билярска и др.), мордва (сабли из могильников «Красный Восток», Лядинского, Крюковско-Кужновского). Тогда же узнали саблю и славяне (сабля из Ново-Покровки), у которых этот тип сабли бытовал и несколько позднее (сабли из Черной Могилы, Гочевского могильника, из Тачанки, из б. усадьбы Трубецкого в Киеве, из княжеского погребения в Десятинной церкви в Киеве и др.).

¹ МАК, VIII, стр. 98.

² Там же.

³ Е. П ч е л и н а. Два погребения времени алаво-хазарской культуры из селения Лац. Труды секции археологии РАН ИОН, IV, стр. 408.

⁴ Д. Я. С а м о к в а с о в. Могилы Русской земли, стр. 180, 184.

⁵ П. С. У в а р о в а. Ук. соч., стр. 306.

⁶ Там же, стр. 164.

⁷ Там же, стр. 130.

⁸ Г. Ф. Д е б е ц. Палеоантропология СССР М.—Л., 1948, стр. 274

Дальнейшее исследование раннесредневековых комплексов и выяснение этнической принадлежности оставивших их племен, несомненно, пополнят этот список. За пределами нашей страны к территории распространения ранних сабель должны быть отнесены Венгрия, где сабли известны с VII в.¹ и широко распространены в IX—X вв. (могильники Касса, Кескемет, Бекас, Секешфехервар, Бихар, Гестередь, Баранга и др.)², и Болгария, где сабли входят в комплексы, аналогичные комплексам причерноморских болгар (могильник Нови Пазар). Таким образом, ни о каком едином центре происхождения сабли не может быть и речи, как и о едином племени, монополизировавшем когда бы то ни было этот вид оружия.

Но и обширная территория в степной и лесостепной зоне Восточной Европы, намеченная выше, отнюдь не является единственным местом появления древнейших сабель. Наличие центров происхождения сабли на этой территории представляется мне несомненным, но я отнюдь не утверждаю исключительность этих центров. За пределами Восточной Европы возможным центром происхождения сабли была Южная Сибирь. Здесь найден ряд раннесредневековых сабель; кроме того, важнейшим доказательством их бытования являются многочисленные каменные изваяния человека, вооруженного саблей, хорошо известные в Южной Сибири и Монголии и неоднократно привлекавшие внимание исследователей. Каменным изваяниям Южной Сибири, Тувы и Монголии посвящены специальные исследования Л. А. Евтюховой³. Она отмечает, что у многих каменных изваяний на левом боку изображены подвешенные к поясу изогнутые или почти прямые сабли. У изваяний с Алтая известны четыре изогнутые сабли с перекрестиями, две без них и три прямые, без перекрестий; у изваяний из Тувы — две изогнутые сабли с перекрестиями, две без перекрестия, одна прямая с перекрестием и одна без него. На изваяниях из Хакасии имеется одна изогнутая сабля, из Монголии — две изогнутые сабли с перекрестиями, одна без него и одна прямая сабля⁴. «Все сабли имеют прямые рукояти... Сабли без перекрестия существовали, очевидно, одновременно, так как изваяния, у которых они изображены, ничем не отличаются от других одновременных изваяний»⁵.

Все указанные сабли представляют несколько близких типов, различаемых по отдельным деталям, но объединенных в одну хронологическую группу, одновременную рассмотренным выше восточноевропейским саблям. Лишь сабля одного из изваяний Монголии, в отличие от степных, имела длинную рукоять необычной формы и представляла собой по сути дела не саблю, а «типичный китайский однолезвийный меч»⁶. Каменные изваяния с саблями Л. А. Евтюхова датирует VII—IX веками⁷. Появление сабли у кочевников Южной Сибири вполне закономерно. Сабля полностью соответствовала их преимущественно конной тактике и сравнительно легкому вооружению. Появление ее в рассматриваемую эпоху обусловлено распространением стремян, известных в Южной Сибири начиная с Таштыкской эпохи, что доказывается находками на Среднем Енисее миниатюрных изображений древнейшего восьмерко-

¹ I. N a t h r e l. Ук. соч., стр. 814.

² Г. Ф. К о р з у х и н а. Ук. соч., табл. IV, блл.

³ Л. А. Е в т ю х о в а. Каменные изваяния Северного Алтая. Труды ГИМ, вып. XVI, 1941; с е ж е. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. МИА, № 24, 1952, стр. 72 и сл.

⁴ Л. А. Е в т ю х о в а. Каменные изваяния Южной Сибири..., стр. 111.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 112.

⁷ Там же, стр. 115.

образного типа стремья¹. На Алтае стремена этого типа имеются в инвентаре кудыргинских могил².

Имеющийся материал еще далеко не достаточен для того, чтобы наметить эволюцию мечей, приведшую к появлению древнейших сибирских сабель, что к тому же выходит за рамки настоящей работы. Но отдельные звенья этой эволюции можно видеть в нескольких находках из Южной Сибири. Академик В. В. Радлов нашел прямой железный кавалерийский меч в первом малом кургане Второго Катандинского кладбища³. Курган этот отнесен А. А. Захаровым к VII—VIII вв.⁴ Наряду с подобными двулезвийными мечами появляются прямые однолезвийные мечи. Такой меч найден М. П. Грязновым в 1947 г. в пятой могиле кургана I в местности Ближние Елбаны. Погребение относится к VIII в.⁵ К этому же типу однолезвийных мечей, представляющих собой переходную форму к сабле, относится меч из Сросткинского могильника на Алтае⁶. Наконец, уже сформировавшаяся железная сабля упоминается среди находок в каменной насыпи Большого Катандинского кургана⁷, которые относятся, очевидно, к впускному погребению.

С. В. Киселев, характеризуя материальную культуру Алтая VI—VIII вв., указывает на наличие сабель и мечей в ряде могильников на Алтае (Берель I, Кокса I, Яконур, Катанда I, Кудыргэ, Сростки); при этом в каждом могильнике только единичные могилы содержат мечи или сабли, что свидетельствует, по его мнению, о том, что мечи и сабли в рассматриваемую эпоху не были еще массовым оружием, но принадлежали только выдающимся знатым воинам⁸. Включение Южной Сибири в территорию происхождения и распространения древнейших сабель представляется, таким образом, достаточно обоснованным. Но нельзя согласиться с С. В. Киселевым, который считает, что «у алтайских тюрок сабля стала применяться едва ли не раньше, чем у других воинственных народов евразийской степи»⁹, тогда как в Причерноморье она «едва ли старше IX—X вв.»¹⁰. Приведенный выше значительный материал достаточно убедительно свидетельствует о том, что в Восточной Европе сабли появились не позже, чем на Алтае: переходные формы от меча к сабле восходят там к IV—VI вв., а в VII в. встречаются уже сформировавшиеся сабли. На это правильно указывал А. П. Смирнов¹¹.

Полагаю, что в территорию распространения ранних сабель должна быть включена и Средняя Азия. Детально этот вопрос рассматривать еще нельзя из-за явной недостаточности материала. Но следует иметь в виду, что и здесь конница была главным родом оружия в эпоху раннего средневековья, и значительное распространение получили длинные кавалерийские мечи, развитие которых приводит к появлению сабли¹².

¹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. Изд. 2-е, 1951, стр. 518.

² С. Руденко и А. Глухов. Могильник Кудыргэ на Алтае. Материалы по этнографии, т. III, вып. 2, 1927, рис. 16, 2.

³ А. А. Захаров. Материалы по археологии Сибири. Раскопки академика В. В. Радлова в 1865 г. Труды ГИМ, вып. 1, 1926, стр. 100.

⁴ Там же, стр. 106.

⁵ Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири..., стр. 112.

⁶ Там же.

⁷ А. А. Захаров. Ук. соч., стр. 81.

⁸ С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 520.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, стр. 521.

¹¹ А. П. Смирнов. Рецензия на книгу С. В. Киселева «Древняя история Южной Сибири». «Советская книга», 1950, № 3, стр. 64.

¹² Т. Г. Оболдуева. Курганы Каунычской и Джурской культур в Ташкентской области. Рукопись, архив ИИМК, д. № 730.

На трассе Большого Чуйского канала, на запад от поселка Ирису, в погребении конного воина, сопровождавшемся двумя лошадиными черепами, слева от костяка, у руки его, «находилось окислившееся железное лезвие, повидимому сабля»¹. Погребение относится к эпохе западнотюркского каганата (VI—VIII вв.). Наконец, сабли или однолезвийные мечи с характерными рукоятями можно видеть на пянджикентских росписях.

Выработанная и распространившаяся в VII—VIII вв. форма сабли оказалась достаточно рациональной и стойкой. Она безраздельно господствовала вплоть до XI в. Позднее у кочевников — степных соседей древней Руси, появились сабли со значительно большим изгибом, с длинным и острым концом. В XII—XIV вв. такие сабли становятся господствующей формой, но наряду с ними продолжают существовать и сабли, очень близкие к рассматриваемой нами группе. С. А. Плетнева выделяет особую группу кочевнических сабель — «массивные и мало искривленные..., почти тождественные венгерским и древнерусским саблям»². А. П. Смирнов любезно сообщил мне о саблях, хранящихся в Краснодарском музее, очень близких по форме полосы к рассмотренной группе. Они найдены на Шепсугинском водохранилище и датируются XIV веком. Это наиболее поздняя находка подобных сабель.

Я уже говорил о том, что древние славяне узнали саблю с самого начала ее существования. Особенно это касается племен, живших в лесостепной зоне, на границе степей, интенсивно общавшихся со степняками. Материальная культура этих племен, выявленная и исследованная Б. А. Рыбаковым³, имеет ряд черт, близких тем элементам материальной культуры (оружие, конское убранство), которые, широко распространившись с кочевыми племенами по евразийским степям, проникли в лесостепь, оказав воздействие на культуру оседлых племен.

На Руси сабля также появилась рано и, судя по указанным выше находкам, принадлежала к исследованной группе. Она, несомненно, сыграла известную роль в истории древнерусского оружия. На это правильно указывает Г. Ф. Корзухина⁴. Но не следует и преувеличивать эту роль. Основным оружием русских воинов продолжал оставаться меч. Не случайно в летописи встречаются яркие противопоставления русских мечей саблям степняков. Широко известно сообщение об уплате полянами дани мечами хазарам, вооруженным однолезвийной саблей⁵. Очень характерный пример из начальной летописи приведен А. В. Арциховским: «Под 968 годом так говорится о перемирии между печенежским князем и русским воеводой Претичем: «и подаста руку межю собою и власть печенежский князь Претичю конь, саблю, стрелы; он же сдать ему броне, щит, меч»⁶. Здесь лаконично, но очень ярко противопоставляется не только меч сабле, но и весь облик тяжеловооруженного русского воина легковооруженному степняку. А. В. Арциховский подсчитал, что с IX по XIII в. русские летописцы упоминают меч 52 раза, а саблю — всего 3 раза, причем первое сообщение о ней относится к 1087 г.⁷

¹ МИА, № 14, 1950, стр. 101.

² С. А. П л е т н е в а. Кочевники южнорусских степей IX—XIII вв. Рукопись, архив ИИМК, д. № 1109, стр. 51.

³ Б. А. Р ы б а к о в. Древности русов. СА, XVII, 1953.

⁴ Г. Ф. К о р з у х и н а. Ук. соч., стр. 74.

⁵ ПСРЛ, т. I, 7.

⁶ А. В. А р ц и х о в с к и й. Русское оружие X—XIII вв. Доклады и сообщения Исторического факультета МГУ, вып. 4, 1946, стр. 6.

⁷ История культуры древней Руси, т. I. М., 1948, стр. 429.

Б. А. ШЕЛКОВНИКОВ

КИЕВСКАЯ КЕРАМИКА X—XI вв., РАСПИСАННАЯ
ЦВЕТНЫМИ ЭМАЛЯМИ

Вопрос о производстве в Киевской Руси поливной керамики был впервые положительно решен раскопками В. В. Хвойко в Киеве в 1907—1908 гг. и в с. Белгородке (бывший Белгород) в 1909—1910 гг. Как в Киеве, так и в Белгородке были найдены высококачественные поливные плитки для выкладывания полов и облицовки стен, покрытые цветными поливами с полихромной эмалевой росписью. Кроме того, в Киеве были найдены керамические мастерские и орудия производства — тигли-лячки для расплавления эмалей, наносившихся на поверхность изделий¹, в Белгородке же — предметы незавершенного производства². Своеобразная, не встречающаяся ни на Переднем Востоке, ни в Крыму, ни в Византии техника украшения киевских плиток расплавленными полужидкими эмалями говорила, — независимо от находки мастерской, орудий производства и предметов незавершенного производства, — о местном происхождении этих интересных в техническом и художественном отношении керамических изделий.

Иначе обстоит дело с поливной посудой. К местному производству относят лишь простые поливные изделия, покрытые одноцветными глазурами без росписи³. Возникает вопрос, почему в домонгольское время на Руси не производилась высококачественная художественная посуда, в то время как находки архитектурной керамики говорят о том, что ремесленники Среднего Приднепровья были знакомы с техникой изготовления расписных поливных керамических изделий.

¹ В. В. Хвойко. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторическое время. Киев, 1913; раскопки в Киеве — стр. 63—75, раскопки в Белгородке — стр. 76—94; о керамической мастерской и тиглях-лячках — стр. 70; о поливных плитках и датировке их временем великих князей Владимира и Ярослава — стр. 70, 71; о керамических плитках, найденных в с. Белгородке, и датировке их с конца X в. по XII в. — стр. 92—94.

² Н. Д. Полонская. Археологические раскопки В. В. Хвойко 1909—1910 гг. в мест. Белгородке. Труды Моск. предв. комитета по устройству XV АС, т. I, М., 1911, стр. 61.

³ Б. А. Рыбаков (Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 362) пишет, что, согласно последним исследованиям, в Киеве производилась посуда с зеленой поливой, датруемая XI веком. Автор ссылается на материалы из раскопок Л. А. Голубевой в ГИМ. О том же пишет М. К. Каргер (Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950, стр. 23). Мысль о местном происхождении простой поливной посуды «горшечные изделия с поливой», в противоположность стеклу, высказал еще в конце XIX в. Н. Кондаков (Русские клады. СПб., 1896; стр. 36; И. Толстой и Н. Кондаков. — «Русские древности», вып. V, СПб., 1897, стр. 28).

Попытки объяснить это явление тем, что по причине широкого распространения в княжеском и боярском быту серебряной и золотой посуды дорогая керамическая посуда не находила сбыта и поэтому не производилась, нельзя признать удовлетворительными. Керамическая посуда, даже высококачественная, стоила дешевле золотой, серебряная же, как легко окисляющаяся, далеко не всегда может заменить поливную керамику.

Возникшее сомнение вынудило нас пересмотреть поливную керамику, найденную на территории древнерусских княжеств, и проверить, действительно ли все образцы высококачественной расписной посуды в тех случаях, когда находку относят к домонгольскому времени, являются завозными изделиями и нет ли среди них продукции местных керамических мастерских.

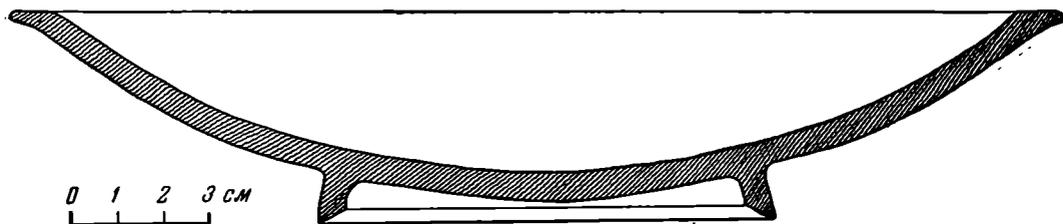

Рис. 2. Реконструкция (разрез) чаши, найденной в Киеве.

Проверка привела к убеждению, что в Киевской земле существовало в домонгольское время производство высококачественной расписной керамической посуды. Это было бы давно известно, если бы объективному исследованию не мешало укоренившееся убеждение об отсутствии на Руси этой отрасли керамической промышленности. Последнее привело к тому, что находимые образцы расписной поливной посуды или приписывали без всяких оснований Переднему Востоку, или относили к более позднему времени.

В 1911 г. в Киеве при земляных работах, вызванных необходимостью подвести фундамент под стену шестизэтажного дома в усадьбе № 6 по Большой Житомирской улице, был найден фрагмент поливной керамической чаши (рис. 1 и 2). Фрагмент был подобран руководителем строительных работ М. М. Денисенко. Никто из присутствующих не записал глубины, на которой был найден фрагмент, но, по свидетельству М. М. Денисенко, она равнялась 3—4 аршинам от поверхности земли¹. Богатая полхромная роспись с интересным изображением птицы заинтересовала М. М. Денисенко, и он хранил найденный фрагмент до 1929 г., когда продал его в Музей искусств Академии наук УССР. В дальнейшем фрагмент поступил в Киевский музей западного и восточного искусства, где и хранится в настоящее время (№ 709, Б. В. Н.²).

Фрагмент принадлежал неглубокой чаше (диаметр — 22,7 см, высота —

¹ Б. К. Жук. Керамічний пам'яток Київського дитинця. Київ, 1930, стр. 5. Кроме фрагмента чаши, в этом же месте была найдена мраморная плитка с изображением и надписями; последняя не сохранилась.

² В 1930 г. фрагмент был издан дважды — Б. К. Жуком в указанном сочинении и Н. Макаренко (Малоазійська миска в Києві. Київські збірки історії і археології побуту і мистецтва. Збірник перший. Київ, 1930, стр. 97—110). Оба автора помещают цветную, хорошо исполненную репродукцию, выполненную по одному клише.

Рис. 3. Чаша, найденная в Тамани
(Государственный Эрмитаж)

Рис. 4. Фрагмент чаши, найденной в Клеве (Клеп,
Музей восточного и западного искусства)

4,6 см, диаметр ножки — 9,6 см, толщина — 0,6 см) с пологими боками, слегка изогнутым краем, на невысокой кольцевой скошенной внутрь ножке. Судя по белому, слегка желтоватому, плотному и сравнительно твердому черепку (по шкале 4—5) тонкого строения с небольшими темными вкраплениями, чаша относилась к высококачественным керамическим изделиям.

Необычна и интересна техника росписи. Сперва, прямо по черепку, наносили рисунок черной краской. Каждое красочное поле обводилось широким черным контурным рисунком и, кроме того, той же краской писались узоры внутри полей. После этого чаша расцветивалась прозрачными и полупрозрачными эмалями, которые заполняли обведенные черной краской ячейки, прозрачные же эмали, кроме того, местами покрывали хорошо видимые через них узоры. Синяя полупрозрачная кобальтовая и прозрачная зеленая медная эмали нанесены настолько толстым слоем, что они образуют заметный на ощупь рельеф; тонким слоем положена буро-желтая прозрачная эмаль и бесцветная, покрывающие фон на дне чаши. Неровным слоем — местами толстым, местами тонким — положена красная, печеночного тона, эмаль и темнофиолетовая, почти черная эмаль. Последняя в тонком слое окрашена в красно-фиолетовый цвет, указывающий на марганец, как краситель. Следовательно, роспись, не считая черных контуров и бесцветной эмали, пятикрасочная. Техника росписи этого фрагмента, с одной стороны, напоминает китайский фарфор, расписанный эмалями по бисквиту, с другой — изделия из перегородчатой эмали, с той лишь разницей, что у последних черные контуры заменены металлическими перегородками.

Внутри на дне чаши, на светложелтом фоне, изображена птица, туловищем, шеей и головой похожая на утку. Поднимающиеся от хвоста завитые перья наводят на мысль, что художник изобразил селезня, конечно, стилизованного. Изображенные примитивно ноги не похожи на ноги утки; видимо, здесь художник, не справившись с задачей, пользовался обычным при изображении птиц на керамике приемом. Впереди птицы мы видим нарисованный, так же как и ноги, черной краской под бесцветной эмалью завиток, похожий на усики вьющегося растения. Голова, шея, брюшко и часть хвоста утки покрыты синей эмалью, грудь — красной и темнофиолетовой с белым кружком, основание крыла — зеленой с черным орнаментом под эмалью. Перья крыла и хвост расцветены зеленой, желтой и синей эмалью.

Круглый медальон с изображением утки окружен узкой зеленой и широкой темнофиолетовой, почти черной, каймой. На последней изображены четыре (на фрагменте видны два) треугольника, обращенные основанием к борту. Треугольники ограничены белой полосой и заполнены синей эмалью. Внутри треугольников изображены белые пятизубчатые «городки» с красным пятном посередине. По борту фрагмента между двух concentрических кругов — черного внешнего и желтого внутреннего — изображена кайма с белым волнистым орнаментом с расходящимися попеременно в обе стороны завитками в виде трехдольных полулиств. Поля между завитками и волнистой линией раскрашены поочередно зеленой и синей эмалью, треугольники же, образовавшиеся между волнистым орнаментом и concentрическими кругами, — красной эмалью. Край фрагмента покрыт густо положенной синей эмалью; в одном месте последняя потекла во время обжига, и этот подтек частично покрыл зеленое поле каймы с волнистым орнаментом.

Обратная сторона фрагмента, кроме ножки и донышка, покрыта светлозеленой поливой, лежащей тонким и неровным слоем, и расцве-

чена под ней желто-красной краской (охрой), нанесенной очень тонким слоем. Изображены соединенные неправильные пятна. На дне, внутри кольцевой ножки, мы видим такое же пятно, но не покрытое поливой.

Прекрасно исполненная роспись этого фрагмента красива в красочном отношении. Эмали густых, но не слишком ярких тонов, хорошо сочетаются друг с другом. Широкие черные контуры лишь частично покрыты заплывшими цветными и бесцветными эмалями, что доказывает вышеописанную технику росписи. По характеру заплывов видно, что чаша обжигалась в печи в неперевернутом виде.

Второй экземпляр керамики этого вида был найден 20 лет спустя, в 1931 г., при раскопках в Тамани, производившихся экспедицией ГАИМК под руководством А. А. Миллера. На обрыве у залива сотрудником экспедиции Б. Б. Пиотровским была обнаружена чаша, хотя и разбитая на много кусков, но сохранившаяся на $\frac{3}{4}$ (рис. 3). В настоящее время она хранится в Государственном Эрмитаже (№ 1260/2484). Форма чаши, при близких размерах к киевскому фрагменту (диаметр — 21 см, высота — 4,7 см, диаметр ножки — 8 см), отличается от последнего тем, что борт у нее отогнут, и этим таманская чаша близка по форме к глубокой тарелке. Ножка у нее кольцевая, как и у киевского фрагмента. Характер черепка, техника росписи и эмали — те же, что и у фрагмента с уткой; лишь зеленая эмаль на таманской чаше имеет более выраженный голубоватый оттенок. Сходство черепка, техники росписи и красок говорит об едином происхождении обоих предметов.

Роспись таманской чаши также обнаруживает большое сходство с киевской не только стилистически, но и в деталях рисунка и расцветки. На дне чаши изображены две птицы, симметрично поставленные по сторонам стилизованного дерева, похожего на пирамидальный тополь и делящего поле дна на две половины. Ствол тополя синий, крона же голубовато-зеленая; при этом на кроне эмаль лежит поверх нанесенного черной краской по черепку рисунка, условно изображающего ветки и листву кроны. Птицы обращены головами к дереву, ногами же — к борту чаши. Голова и шея птиц синие, крылья желтые с черным рисунком, нанесенным по черепку под эмалью; хвост посередине желтый, по сторонам голубовато-зеленый; клюв красный.

Фон чаши, так же как у киевского фрагмента, покрыт бесцветной эмалью. Вокруг медальона с птицами, на месте перехода дна чаши к борту, расположена широкая кайма, ограниченная двумя узкими желтыми полосками. Кайма, как на киевском фрагменте, покрыта такой же темнофиолетовой эмалью, но не сплошь, а с четырьмя голубовато-зелеными полями, заменяющими на таманской чаше треугольнички киевского фрагмента. Треугольнички же с совершенно такими же «городками» и почти той же расцветки украшают борт чаши с двумя птицами; здесь они расположены в два ряда: внутренний, обращенный основаниями к центру чаши, и внешний с основаниями, обращенными к краю. Разница расцветки треугольничков заключается лишь в том, что фон заполнен не синей, а голубовато-зеленой эмалью. Край чаши, так же как у киевского фрагмента, покрыт синей эмалью, все же красочные поля обведены широкими черными контурами. Обратная сторона чаши, так же как у фрагмента с уткой, расписана очень тонко положенной желто-красной краской; здесь изображены такие же неправильные соединенные пятна, но светлозеленой поливы на таманской чаше нет.

Сходство черепка, эмалей и красок, тождество техники и манеры росписи, местами очень близкой по почерку, треугольнички на внешней и красные пятна на обратной стороне предметов вызывают мысль об

едином художнике-керамисте и вынуждают нас относить как киевский фрагмент, так и таманскую чашу к одному производству и времени.

Теперь остается решить вопрос о том, когда и где изготовлены эти высококачественные и редчайшие образцы художественной керамики.

Начнем с датировки киевского фрагмента обоими авторами, издавшими его в 1930 г. Б. К. Жук, основываясь, с одной стороны, на месте находки — детинец старого Киева, — с другой — на сходстве изображения птицы с подобными изображениями на тканях, датируемых О. Фальке VII—IX вв., относит киевский фрагмент к X—XI вв.¹; Н. Макаренко, исходя, главным образом, из места находки, дает более расплывчатую датировку, относя его к X—XII вв.² Оба автора не обратили внимания на тарелку и кружку такой же выделки, найденные в конце XIX в. в Гнездовском могильнике около Смоленска, не знали таманской чаши, найденной в 1931 г., и фрагментов керамики того же вида, обнаруженной в 1950—1951 гг. в Саркеле — «Белой Веже»³.

Найденные в курганах Гнездова небольшая тарелка с изображением зверя-птицы, сенмурва, в медальоне, окаймленном рядом дисков, и цилиндрическая кружка с небольшой круглой ручкой, по тулову которой расположены восьмиугольные, вписанные в круг фигуры, сильно пострадали от жара кострища. Оба предмета имеют светлый беловатый черепок, расписаны они цветными эмалями с широкими темными контурами. По сходству техники и манеры росписи тарелка и кружка Гнездова принадлежат к тому же типу изделий, как вышеописанные чаши⁴. Тарелка найдена В. И. Сизовым в большом кургане, раскопанном в 1885 г.⁵ В. И. Сизов датирует этот курган X веком⁶; найденный в этом кургане диргем 903 г.⁷ очевидно, исключает IX век. Кружка происходит из кургана, научно не исследованного⁸, но отмеченное В. И. Сизовым сходство техники и манеры росписи⁹ указывает на то же время и происхождение.

Фрагменты этого вида керамических изделий из Саркела — Белой Вежи, несмотря на незначительность их размеров, не позволяющих

¹ Б. К. Жук. Ук. соч., стр. 9—10.

² Никола Макаренко. Ук. соч., стр. 107.

³ Раскопки ИИМК под руководством М. И. Артамонова (№ ВД-51,2031, ВД-51 СІ а 320, ВД-51 СІІ 1446).

⁴ Оба предмета хранятся в Москве в ГИМ. Они экспонированы в витрине импорта и отнесены к Ирану, хотя никакой аналогичной им керамики ни в Иране, ни в других странах Переднего Востока не производилось. Техника и манера росписи этих замечательных образцов художественной керамики на Переднем Востоке вообще не была известна.

Оба предмета изданы В. И. Сизовым. Гнездовский могильник близ Смоленска — МАР, вып. I 1902, табл. VIII, рис. 1, стр. 61, 62; рис. 65, 66, стр. 94, 95. В. И. Сизов относит эти изделия к Востоку по сходству формы данной кружки и кружек из могильников Северного Кавказа (там же, стр. 94; П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, вып. VIII, 1910, табл. СХХVIII, № 7 и СХХIX, № 8) и по орнаментации — к металлическим зеркалам Дергавса (там же, стр. 95; П. С. Уварова. Ук. соч. табл. LIV, рис. 11 и 13).

Пятилучевая звезда зеркала Дергавса лишь отдаленно напоминает восьмиугольную фигуру кружки из Гнездова; нет также достаточного сходства в форме для выводов об общем происхождении, тем более, что неполивные глиняные изделия Северного Кавказа технически не имеют ничего общего с белоглиняными поливными изделиями Гнездова.

⁵ В. И. Сизов. Ук. соч., стр. 8—9.

⁶ Там же, стр. 11.

⁷ Там же, стр. 10. В. И. Сизов, предполагая, видимо, длительное бытование образцов поливной керамики, датирует их IX веком — началом X в. (там же, стр. 96).

⁸ Там же, стр. 94.

⁹ Там же, стр. 95. Автор пишет: «Кружка из Гнездова имеет в технике рисунка и поливы, в тонах контуров, в составе глины, на наш взгляд, несомненное сходство с тарелкой».

судить об их орнаментации в целом, интересны в двух отношениях. Во-первых, найденный в Саркеле-Белой Веже фрагмент от края тарелки (ВД-51 СИ 1446) очень близок по форме к тарелке из Гнездова. Борт в обоих случаях украшен одинаковым орнаментом из поперечных, под углом сломанных, темных полосок, пространство между которыми заполнено и у фрагмента из Саркела, и у тарелки из Гнездова теми же чередующимися эмалями — зеленой и желто-коричневой. Сходство не только в орнаменте, но и в характере росписи настолько велико, что их общее и одновременное происхождение не вызывает сомнений¹. Последнее дает нам право и фрагмент от края тарелки, и остальные фрагменты Саркела-Белой Вежи с таким же черепком и эмалями датировать, как и тарелку из Гнездова, X веком.

Во-вторых, фрагменты Саркела-Белой Вежи позволяют провести сравнение их черепка с черепками как таманской чаши, так и киевского фрагмента, что имеет большое значение для определения мест производства, так как тождественность физических свойств черепка указывает на общее происхождение. Рассматривая гнездовские образцы, обгоревшие в кострище, мы обошли этот вопрос, так как загрязненность черепка затрудняла сравнение. Теперь же, установив единое происхождение смоленской и саркельской керамики, мы можем ограничиться сравнением черепка последней, распространив выводы и на первую. Черепок саркельских фрагментов по цвету, плотности, слоистому строению и небольшим темным вкраплениям очень близок к черепку как таманской чаши, так и киевского фрагмента. Последнее говорит об общем происхождении всех найденных на территории Киевского государства образцов керамики, расписанной эмалями. Но если вся керамика рассматриваемого вида производилась в одном керамическом центре, то это еще не значит, что она относится к одному времени. Конечно, разница во времени, из-за сходства черепка, не может быть велика и должна измеряться не столетиями, а скорее, десятилетиями, так как техника производства и часто сырье, применяемое в производстве, обычно не остаются без изменений в течение длительного периода. Более развитая орнаментация и более богатая красочная палитра как таманской чаши, так и киевского фрагмента по сравнению с саркельскими и гнездовскими образцами говорят о более позднем времени, и, следовательно, вполне вероятно, что они изготовлены не в X в., а в XI в.; более позднее время, по ранее высказанным соображениям, приходится отбросить².

Перед тем как перейти к вопросу о месте производства рассматриваемой керамики, рассмотрим поливную расписную керамику — до XI в. включительно — стран, лежащих к востоку, югу и западу, исключая культурно отстававший север.

Начнем со Средней Азии. Подглазурная роспись ангобом, как белым, так и цветным, является основным, наряду с гравировкой по ангобу,

¹ Кусочек от борта тарелки из Гнездова, брошенный на кострище, не попал в жар и поэтому настолько хорошо сохранился, что оказалось возможным провести сравнение (В. И. С и з о в. Ук. соч., т. VIII, рис. 2, стр. 61).

² Последнее находит подтверждение в следующих обстоятельствах. Среди материалов, хранящихся в ГИМ, найденных в Тамани в 1952 г. во время раскопок под руководством Б. А. Рыбакова, когда были вскрыты слои XII—XIII вв., нет ни керамики, расписанной эмалями, ни других видов, найденных в Саркеле и Миллером в Тамани в 1931 г. Очевидно, в 1931 г. были вскрыты более ранние слои, относящиеся к X—XI вв. То, что в 1952 г. в Тамани были вскрыты слои XII—XIII вв., подтверждается сходством найденной керамики с расписной и гравированной по ангобу керамикой из раскопок Херсонеса, датируемой XII—XIV веками (А. Л. Я к о б с о н. Средневековый Херсонес. М.—Л., 1950, табл. II—XXII).

техническим приемом украшения не только ранней (до XI в.), но и более поздней поливной керамики. Надглазурная роспись в Средней Азии появилась поздно, не ранее XIV в. и, судя по сохранившимся образцам, явно под воздействием Ирана; в это время стали расписывать керамику и люстром¹. Роспись эмалями непосредственно по черепку, как на анализируемой в этой статье керамике, в Средней Азии не применялась². Нет также никакого стилистического сходства между интересующей нас керамикой и среднеазиатской. Следовательно, приходится отбросить не только среднеазиатское происхождение, но и возможность каких-либо генетических связей с ней. Здесь уместно упомянуть мнение немецкого ираниста Фридриха Зарре о киевском фрагменте. Музей Академии наук УССР посылал ему в Берлин описание и рисунок фрагмента, запросив определение. Ф. Зарре ответил, что керамика этого вида редка и что в литературе, насколько он знает, о керамике этого вида ничего не говорится. Все же он предположительно отнес ее к Средней Азии или Кавказу и датировал XIV—XV веками³. Конечно, это определение не случайно. Зарре, хорошо зная керамику Переднего Востока, не был знаком с керамикой кавказской, в западноевропейской литературе обойденной, и имел лишь очень неполное представление о среднеазиатской по скромному собранию Берлинского музея. Поэтому, исключив возможность русского или балканского происхождения, Зарре гадательно остановился на Кавказе или Средней Азии. Не случайна и его датировка. Зарре относит киевский фрагмент ко времени, хуже всего изученному в западноевропейской литературе⁴, предполагая, что этот своеобразный и необычный образец керамики принадлежит этой таинственной в истории керамической промышленности эпохе.

Как мы видим, датировка Ф. Зарре и определение киевского фрагмента как среднеазиатского несостоятельны. Приходится отбросить, как мы сейчас увидим, и возможность его кавказского или иранского происхождения.

Кавказская и иранская художественная поливная керамика до XI в. включительно украшалась тремя основными способами: росписью подглазурной, гравировкой по ангобу и надглазурной росписью люстром. Полихромная надглазурная роспись появилась позже, повидному, в XII в., при этом не на Кавказе, а в Иране. К редким образцам иранской керамики принадлежат изделия, расписанные эмалями, или, как часто принято говорить, глазуриями, но у них роспись, в противоположность рассматриваемой нами керамике, сопровождается широкой и глубокой гравировкой. Последняя ограничивает поле, заполненное цветными эмалями, и на

¹ В Государственном Эрмитаже хранятся два очень интересных фрагмента из собрания Н. И. Веселовского: расписанный коричневым люстром по глухой оловянной поливе фрагмент чаши (№ СА 9785) и фрагмент сосуда с надглазурной росписью спией, голубой и красной красками по такой же глазури (№ СА 12877). Первый фрагмент по характеру росписи (феникс среди растительных побегов с цветами), по цвету люстра и оживлению поверхности голубыми пятнами очень близок к иранским, приписываемым Султанабаду, фаянсам XIII—XIV вв.; второй же фрагмент похож, хотя и не в такой степени, на иранские фаянсы рейского происхождения. Но совершенно иной, невысокого качества, рыхлый и окрашенный черепок исключает иранское происхождение обоих фрагментов. Последние, вероятно, исполнены в Средней Азии иранскими мастерами, переселенными в Самарканд Тимуром. Они сохранили технику росписи и стиль орнаментации, но, вынужденные пользоваться местным сырьем, не могли изготовить керамику, равную иранской по черепку.

² Лишь изразцы XV—XVII вв., подражающие мозаичным, расписывались эмалями.

³ Б. К. Жук. Ук. соч., стр. 9.

⁴ G. Reitlinger. The interim period in persian pottery. An essay in chronological review. *Ars Islamica*, vol. V, t. I, 1938, стр. 155—178.

иранской керамике заменяет черный контурный рисунок. Кроме того, иранская керамика этого вида знает лишь четыре цвета — голубой, желтый, фиолетовый и синий, зеленая же и красная эмаль на них не встречается.

Исключив возможность кавказского или иранского происхождения интересующей нас керамики, остановимся на керамике Крыма, Месопотамии, Сирии и Малой Азии. Полная расписная керамика из Феодосии и Херсонеса в основном относится к более позднему времени, к XII—XIV вв. Она украшена гравировкой по ангобу и подглазурной расцветкой двумя красками — зеленой и желтой, без фиолетовой¹. Ранняя керамика XI—XII вв., найденная в Крыму, украшена или только гравировкой по ангобу, или подглазурной росписью теми же красками; последние А. Л. Якобсон считает предположительно привезенными из Константинополя². Ни по технике, ни по характеру орнаментации в крымской керамике мы не находим даже отдаленных аналогий интересующей нас керамике. То же приходится сказать и о керамике Месопотамии, Сирии и Малой Азии³.

Оба автора, издавшие киевский фрагмент, приписывают его Сирии или Малой Азии. Б. К. Жук, исключив возможность славянского происхождения, предположительно относит фрагмент к Сирии, основывая свой вывод на том, что в Сирии была развита керамическая промышленность, и Сирия ввозила свою продукцию в Киев⁴. Мотивировка явно недостаточная, тем более что вопрос основывается на устаревшем и опровергнутом мнении Н. Кондакова о том, что находимое в Киеве стекло привезено из Сирии⁵. Н. Макаренко относит фрагмент к Малой Азии или Сирии, основываясь на стилистическом сходстве с сирийской керамикой⁶. Он считает, что композиция и форма птицы близки к сирийской чаше, изданной Мижоном⁷. Действительно, концентрическое распределение узора мы видим и на киевском фрагменте, и на сирийской чаше, но так как эта композиция была широко распространена, — от стран Дальнего Востока до Византии, — то общность композиции недостаточна для определения места производства. Изображение же птиц настолько различно, что у них нет никаких общих черт, исключая, конечно, сходство всех птиц вообще.

Заканчивая обзор керамики смежных стран, перейдем к Балканскому полуострову. В Преславе, столице Болгарии в IX—X вв., и в Патлейне, монастыре, расположенном в 2 км от Преславы, найдена замечательная белоглиняная расписная керамика.

Болгарская керамика интересна своеобразной, на востоке не встречающейся техникой росписи и живописным приемом, близкими к

¹ Э. Р. Штерн. Феодосия и ее керамика. Одесса, 1906, табл. VI—VIII (в красках); А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес. МИА, № 17, 1950, стр. 178—187, табл. X—XIX. Автор ошибочно желто-коричневую железную краску называет марганцевой (стр. 178).

² А. Л. Якобсон. Ук. соч., стр. 171—177, табл. I—VI, стр. 195—197, табл. XXVI—XXVII.

³ Керамикой Месопотамии, Сирии и Малой Азии занимался Ф. Зарре, издавший несколько работ по этому вопросу. Мы же увидели, что Ф. Зарре, запрошенный о происхождении киевского фрагмента, не относит его к этим странам, видимо, считая последнее невозможным. F. Sarre. Die Ausgrabungen von Samarra, Bd. II. Die Keramik von Samarra. Berlin, 1925; его же. Keramik und andere Kleinkünste der islamischen Zeit von Baalbeck. Berlin; его же. Seljuk and early osmanli pottery of Miletus. Transactions of the Oriental ceramic society, 1930/1931.

⁴ Б. К. Жук. Ук. соч., стр. 10.

⁵ И. Толстой и Н. Кондаков. Ук. соч., стр. 28.

⁶ Никола Макаренко. Ук. соч., стр. 103—105.

⁷ G. Migeon. Manuel d'art musulman, II. Les arts plastiques et industriels. Paris, 1927, стр. 186, рис. 334.

рассматриваемой нами керамике. Техника преславской керамики исследована профессором Софийской Академии художеств Ст. Димитровым. Ее описание отличается большой точностью и четкостью, редко встречающейся в западноевропейской литературе по керамике¹. Преславская керамика имеет мелкозернистый, светложелтый или розоватый черепок без заметных вкраплений зерен песка. Расписывалась она кистью или пером. Непосредственно на обожженный черепок шоколадно-коричневой краской (окись железа, глина и вода) наносился сравнительно широкий контурный рисунок. После этого обведенная контурами ячейка заполнялась разбавленными в воде красками или эмалевыми пастами. К краскам, помимо коричневой контурной, относилась красная (красная глина). Эмали были следующих цветов: желтая, травянисто-зеленая, голубовато-зеленая, оливково-зеленая и темнофиолетовая. Получались они из окрашенных металлическими окислами стекол (эмалей), требующих вторичного обжига. Эмали положены сравнительно толстым слоем; они настолько прозрачны, что покрытые ими контуры хорошо видны. На некоторых фрагментах из Преславы сохранились следы позолоты. Сохранность эмалей плохая; она не только деформировалась, но местами и отпала². Свободная от рисунка поверхность изделий покрыта очень тонким бесцветным глазурным слоем. Преславская керамика изготовлялась в Болгарии уже в конце IX в.; об этом свидетельствуют встречающиеся на ней буквы «глаголицы», бывшей в употреблении около 900 г. В 972 г. с разрушением Преславы Иоанном Цимисхием производство этих замечательных как в техническом, так и в художественном отношении изделий прекратилось³.

При сравнении болгарской керамики, технология которой нами подробно изложена по Ст. Димитрову, с киевским фрагментом и таманской чашей обнаруживается большое сходство. При этом общими являются как раз те особенности, которые нигде на Переднем Востоке не встречаются; таковы роспись густо положенными прозрачными или полупрозрачными эмалями, заполняющими рисунок, обведенный широкими темными контурами, и исключительно богатая для средневековой керамики красочная палитра. Генетическая связь, на наш взгляд, бесспорна, хотя общее происхождение обоих видов керамических изделий исключено по следующим причинам. Черепок болгарской керамики не имеет, в противоположность рассматриваемой нами, темных вкраплений. Краски последней значительно лучше связаны с черепком, и их отслаивания, как на болгарской керамике, не наблюдается. Золочение на рассматриваемой нами керамике не встречается; нет на ней оливково-зеленой эмали⁴. К этому следует еще

¹ Кръстю Мпятаев. Преславската керамика. София, 1936, стр. 8, 9.

² Там же, стр. 47, 48. В описании фрагмента посуды № 1 (табл. XVIII, 4) говорится, что восстановить первоначальный вид предмета нельзя, так как краски отпали, сохранилась лишь местами красная краска и голубая эмаль.

³ Там же, стр. 62—66. Близкая к болгарской по стилю и манере росписи керамика найдена в Константинополе, но иная техника (по Тальбот Райсу), подглазурная роспись, стилизованные кувчиеские надписи и заполнение фона красными точками говорят об ином происхождении (см. там же, стр. 121, прим. 5; D. Talbot Rice. Byzantine polychrome pottery. Burlington Magazine, 1932, t. CCCLVII, стр. 281—287). Образцы константинопольской керамики воспроизведены: D. Talbot Rice. Byzantine glazed pottery. Oxford, 1930, табл. III, рис. 3 и 4. Близкая к константинопольской керамика найдена в Коринфе: Charles H. Morgan. The byzantine pottery, Cambridge — Massachusetts, 1942, т. XIII—XV). Морган датирует ее IX—XI веками, при этом к раннему времени он относит изделие с фоном, заполненным красными точками, для позднего же (XI в.) характерны любовь к высокому ободку, тяжеловесный рисунок и более простая (бедная) палитра (стр. 67). Ножка чаши № 307 не скошена, как на киевском фрагменте (рис. 47, А).

⁴ Хотя по таблицам в красках книги Кръстю Мпятаева можно было бы синий цвет принять за кобальтовый, последнее мало вероятно, так как в тщательном техническом

прибавить совершенно другую по стилю орнаментацию болгарской керамики, состоящую из пальметок, полупальметок, арочек, чешуек и рядов дисков.

Все изложенное дает право считать, что рассматриваемые нами изделия производились там, где найдены, т. е. на территории Киевской Руси. Отсутствие аналогий на Востоке и сходство с болгарской керамикой дают основание предполагать, что исследуемая керамика производилась в юго-западной части государства. Высокое качество изделий указывает на вероятность производства в крупнейшем ремесленном центре государства — Киеве.

Сделав эти предположения, нам остается проверить их.

Все образцы рассматриваемой керамики имеют белый или почти белый черепок; следовательно, они могут быть изготовлены лишь там, где имелась глина, дающая после обжига белоглиняную керамику. Так как киевская поливная керамика X—XII вв. в большинстве имеет светлый, почти белый черепок, то Киев мог быть местом их производства. Но этого еще мало, нужно сравнить черепок более детально не только по цвету, но и по строению. Поливные плитки архитектурного назначения из Киева и Белгородки имеют почти белый черепок, но он значительно грубее по строению. Последнее понятно, так как для таких толстостенных изделий не требовалось тщательной сортировки и очистки сырых материалов. Сравнивать черепок интересующей нас керамики нужно не с плитками, а с поливной посудой. Хранящийся в Государственном историческом музее кувшин покрыт зеленой глазурью¹ и имеет белый мелкозернистый черепок, близкий по твердости, слоистому строению и небольшим темным вкраплениям к поливной керамике. Такой же черепок имеют хранящиеся в Государственном историческом музее фрагменты поливной одноцветной керамики из Вышгорода (№ 79542, 71512) и хранящиеся в Украинском историческом музее в Киеве фрагменты сосудов из находок в Кисловке в 1932 г. (№ 497) и из Зарубинцев, в 40 км от Киева, раскопки В. В. Хвойко (№ 2555). Перейдем к сравнению эмалей.

Росписные плитки Киева и Белгородки обычно покрыты поливой темнофиолетового, почти черного цвета, по которой производилась роспись цветными непрозрачными эмалями, наносимыми на поверхность в горячем полужидком состоянии посредством тиглей-лячек. Если желтая, белая и зеленая эмали плиток отличаются от эмалей интересующей нас керамики непрозрачностью, то полива фона тождественна с темнофиолетовыми эмалями как фрагмента с уткой, так и чаши с двумя птицами². Техническое сходство с простой поливной керамикой Киева и его окрестностей, местное производство которой, как мы уже говорили, не вызывает сомнений, подтверждает высказанное нами предположение о киевском происхождении рассматриваемой нами керамики.

Обратимся теперь к стилю росписи. Мы уже говорили о сходстве техники росписи рассматриваемого вида керамики с перегородчатой эмалью. В обоих случаях ограниченное металлической перегородкой или черным контуром пространство заполнялось цветными эмалями. Необычность для керамики этой техники украшения говорит о вероятности заимствования

описании о кобальте нет ни слова. Скорее, это плохо переданная голубая эмаль. Если это так, то киевский фрагмент и таманская чаша отличаются от болгарской еще и синей кобальтовой эмалью.

¹ ГИМ, 987; найден в 1937 г. при раскопках в Вышгороде.

² Особенно похожа темнофиолетовая полива плиток из раскопок В. В. Хвойко (Киевский исторический музей, № в. 1/27, в. 1/6, в. 1/38 и две плитки, не имеющие номера).

ее у эмальерного искусства. Но, заимствуя у мастеров-эмальеров технику украшения, керамисты могли перенять также характер орнаментации и отдельные узоры. Поэтому, обратившись к русской перегородчатой эмали XI—XII вв., проверим, наблюдается ли сходство орнаментации у этих двух так далеко стоящих друг от друга по материалу видов прикладного искусства. Следует при этом учесть, что керамическая техника не позволяла из-за расплывания эмалей, ограниченных не перегородками, а лишь нарисованными контурами, достигнуть такой же четкости и миниатюрности. На керамике линии теряют свою правильность, углы оказываются закругленными, красочные же поля даются значительно больших размеров, чем ячейки эмалевых изделий. Кроме того, нужно иметь в виду, что вследствие относительной по сравнению с эмалью на золоте дешевизны керамических изделий мастера-керамисты не могли затрачивать на отделку керамических изделий столько труда, сколько тратили ювелиры.

Начнем сравнение с изображений птиц, украшающих как обе чаши, так и очень распространенных на русских эмалях.

Стремясь блеском и разноцветной игрой эмалей заменить в украшении ювелирных изделий цветные камни¹, русские мастера-эмальеры расчленили изображения птиц на отдельные, обычно очень маленькие ячейки, заполненные эмалями, придерживаясь правила разноцветности соседних полей. То же наблюдаем мы и на обеих чашах, таманской и киевской (смоленские экземпляры керамики из-за очень плохой сохранности, поскольку эмали почти целиком выгорели от жара кострища, нельзя сравнивать). В обоих случаях тело и оперение птиц расчленено на ряд красочных полей. Это является особенностью рассматриваемой керамики и на передневносточной и византийской не наблюдается. На ранней передневносточной керамике IX—XI вв. имеются монохромные силуэтные изображения птиц, написанные или ангобом, или люстром; реже встречаются контурные изображения, опять-таки одноцветные². На византийской керамике контурное изображение птиц на одноцветной керамике встречается и в XII—XIV вв.³ На иранской и, особенно, закавказской керамике XII—XIII вв. полихромные изображения птиц были распространены, но роспись, во-первых, ограничивалась, как правило, лишь двумя цветами — зеленым и желто-коричневым и, во-вторых, красочные поля выходили за пределы контурного рисунка, изображающего перья хвоста и крыльев, окрашивая в один цвет нескольких оттенков ограниченные контурами участки⁴. Изложенное подтверждает мысль о том, что художники-керамисты, расписывавшие как таманскую, так и киевскую чаши, исходили не из керамических образцов, а заимствовали характер росписи у эмальеров. В этом отношении особенно показательна роспись хвоста у утки киевского фрагмента. Длинные средние желтые перья, разделенные черным пером, окаймлены завитыми перышками попеременно зеленого и синего цвета. Кроме того, хвост у основания пересечен закругленным длинным и узким белым пером. Такой богатой и четкой полихромии мы не встречаем ни на керамике, ни

¹ Перегородчатая эмаль заменила более древнюю технику перегородчатой инкрустации из камней и цветных стекол.

² A survey of persian art. New York—London, 1938, t. V: среднеазиатская керамика X—XI вв., расписанная ангобом, — табл. 562-B, 563-A, B; расписанная люстром керамика Ирана IX—XI вв. — табл. 575-B, 576-A, 576-C; одноцветная керамика Ирана с гравированными по ангобу контурными изображениями птиц — табл. 587, 588.

³ D. Talbot Rice. Byzantine glazed pottery, табл. XVII, a.

⁴ A survey..., табл. 607 и 609-B, 610-A, B (автор ошибочно датрует эту керамику XI веком); Б. Шелковников. Керамика и стекло из раскопок гор. Двина. Труды Гос. историч. музея Академии наук Арм. ССР, т. IV, Ереван, 1952, рис. 13, стр. 54—58; В. В. Джапаридзе. Художественная глазурованная керамика Грузии XI—XIII вв. СА, XVII, 1953, рис. 3, 1—3, 3, стр. 203.

на эмалях Западной Европы¹. Лишь русские ювелиры-эмальеры так богато и пестро расцвечивали изображения птиц и сиринов². Роспись утки киевского фрагмента настолько близка по стилю к изображениям птиц на перегородчатых киевских эмалях, что трудно представить ее самостоятельное и независимое от ювелирных образцов возникновение. Поэтому, хотя среди изданных русских перегородчатых эмалей мы не встречаем близкого изображения утки, кажется почти бесспорным, что таковые существовали, но утрачены и до нас не дошли.

Изображения птиц на таманской чаше интересны своей необычной композицией. Симметрично расположенные по сторонам дерева птицы изображены так, что головы их обращены к дереву, ноги же — к борту чаши. На ранней передневносточной и византийской керамике мы не встречаем такой композиции. Птицы там расположены по кругу³ или, заполняя центр чаши либо блюда, часто окружены растительными побегами⁴. Как исключение, встречаются расположенные симметрично птицы, обращенные друг к другу головами и всем корпусом и не разделенные деревом, растением или другим предметом⁵. Лишь на одной чаше, найденной в Салониках и датируемой Тальбот Райсом XIII и XIV веками, изображены птицы, разделенные плетеным орнаментом и обращенные к нему головами, ногами же — к борту⁶. В отличие от таманской чаши птицы как бы бегут друг за другом по борту, поэтому они не зеркально симметричны. Но эта чаша, как относящаяся к значительно более позднему времени, не могла оказать влияние на рассматриваемую нами керамику.

Изображения птиц на ранних (до XI в.) передневносточных и византийских тканях еще более распространены. Здесь мы встречаем симметрично расположенных по сторонам дерева или стилизованного цветка птиц⁷, но выворотных изображений, подобных таманскому, нет. Лишь на киевских перегородчатых эмалях мы встречаем ту же композицию. Правда, на эмалях дерево заменено стилизованным цветком, но птицы по сторонам цветка на русских колтах XI—XII вв. всегда располагаются так же, как на таманской чаше⁸.

¹ W. L. Hildburg. Medieval spanish enamels. London, 1936. табл. VII, рис. 7, с; табл. VIII, рис. 8, с; Otto Falkе und Heinrich Frauberger. Deutsche Schmelzarbeiten des Mittelalters. Frankfurt am Main, 1904. Изображения птиц на выемчатых эмалях XII в. выполнены или эмалью одного цвета, или гравировкой по металлу. Цвета. табл. IX, XV, XIX, XX, XXI; Ernest Ripin, L'oeuvre de Limoges. Paris, 1890, табл. I (в цвете), стр. 61. Выемчатые эмали XI—XII вв.

² Н. К он д а к о в. Русские клады. СПб., 1896, табл. II, рис. 9. Колт из клада, найденного в 1880 г. в Киеве на Б. Житомирской улице. Сравнительно небольшие крылья сиринов расцвечены в пять цветов — желтый, зеленый, красный, синий и белый (табл. III, рис. 2). Колт из клада, найденного в 1885 г. в Киеве, в усадьбе Еспирского, близ Софийского собора. Все изображения сиринов пестро расцвечены, крылья — в пять и хвост — в три цвета. То же мы видим на колтах с изображениями двух птиц из клада, открытого в 1876 г. в усадьбе Лескова (табл. XV, рис. 18 и 19).

³ A survey...: расписная керамика Средней Азии X—XI вв. — табл. 562-B, 563-B; расписанная люстром керамика Ирана IX—XI вв. — табл. 576-A, 576-C.

⁴ Чаша, найденная в Двине — Гос. историч. музей Академии наук Арм. ССР, 1946, № 472, X—XI вв. Гравировка по сырцу, глазурь бесцветная; A survey... — гравировка по сырцу, XI—XII вв., табл. 597, 602; Charles H. Morgan. Ук. соч., табл. XLII, a, b, c; XLIV, e, f.

⁵ A survey... — табл. 604-B. Изображены две утки, соприкасающиеся грудью и головами. Они исполнены гравировкой по сырцу. Чаша датируется XI веком.

⁶ D. Talbot Rice. Byzantine glazed pottery, табл. XVIII, a. Чаша украшена гравировкой по ангобу и росписью; описание ее — на стр. 115.

⁷ Otto Falkе. Kunstgeschichte der Seidenweberei. Berlin, 1921, рис. 124, Спрля — Египет, VIII—XI вв.; рис. 190, Византия, X—XI вв.; рис. 191, Византия, XI—XII вв.

⁸ Н. К он д а к о в. Ук. соч., табл. XV, рис. 18, 19. Клад, открытый в 1876 г. в усадьбе Лескова; ДП, вып. V, табл. XXVII, № 998; Византийские эмали, собр

Остановимся на орнаментах. Как таманская чаша, так и киевский фрагмент украшены, как уже упоминалось, одинаковыми треугольниками с городками внутри. На таманской чаше, расположенные в два ряда, они украшают борт, на киевском фрагменте четыре треугольника составляют переход от дна к борту. Подобных треугольников с городками нам не удалось найти на средневековой керамике; они не встречаются ни на Переднем Востоке, ни в Крыму, ни в Болгарии. Тем более интересно, что на киевских перегородчатых эмалях этот узор является одним из наиболее распространенных. В особенности часто встречаются одиночные треугольники и четыре треугольника, расположенные по кругу, обращенные вершиной к центру, совсем так же, как на киевском фрагменте. Одиночные треугольники имеются на обратной стороне колта из клада, найденного в 1880 г. в Киеве на Б. Житомирской улице, на колте из клада, найденного в 1885 г. в Киеве в усадьбе Есикорского, на колте, обнаруженном в 1887 г. в ограде Михайловского монастыря¹. Четырьмя треугольниками, расположенными по кругу, украшены круглые бляшки цепи, найденной в 1880 г. в Киеве на Б. Житомирской улице, бляшки цепи из клада, найденного в 1887 г. в Киеве в ограде Михайловского монастыря, и бляшки фрагмента цепи из собрания А. В. Звенигородского².

Городки на эмалях или трех-, или пятизубчатые, как на керамике, при этом их раскраска также похожа: городки — светлой окраски на темном фоне с яркой красной или синей серединой. Городки, расположенные в два ряда, как на борту таманской чаши, украшают отрезки венчика по сторонам изображений святых на колтах, найденных в 1887 г. в Чернигове³. Светлые городки этих колтов имеют внутри красные пятна так же, как на таманской чаше, но фон весь залит синей эмалью; поэтому треугольники не прорисованы так четко, как на чаше⁴. Наконец, вьющийся орнамент, украшающий борт киевского фрагмента, также встречается на русских эмалях⁵, но, учитывая его широкое распространение, нельзя придавать этому факту большое значение. Бесспорная связь росписи обеих керамических чаш с киевскими перегородчатыми эмалями подтверждает высказанное ранее предположение о киевском происхождении этой керамики. находка же при раскопках, произведенных под руководством В. В. Хвойко, на близком друг от друга расстоянии керамической и ювелирной мастерской⁶ объясняет тесную связь мастеров-художников обоих видов прикладного искусства.

Плохая сохранность кружки и тарелки из Гнездова не позволяет подробно разобрать их орнаментацию. Поэтому остановимся лишь на отдельных моментах. Во-первых, следует отметить, что изображение фантастического зверя-птицы (сенмурва) на гнездовской тарелке⁷ было широко

А. В. Звенигородского. СПб., 1892, табл. 21, два колта с птицами. На западноевропейских лиможских выемчатых эмалях XII в. встречается та же композиция (Ernest R и р. Ук. соч., табл. I, рис. 7, круглая бляшка из Беллака).

¹ Н. К о н д а к о в. Ук. соч., табл. II, рис. 10; табл. VI, рис. 2; табл. III, рис. 3.

² Там же табл. I, рис. 1; табл. VI, рис. 4; Византийские эмали..., табл. 21.

³ Там же, табл. XI, рис. 2 и 3. Автор называет их «городчатыми крестами» (стр. 124), хотя городки пятизубчатые и на полукресты не похожи.

⁴ Похожие треугольники украшают замечательный венчик из собрания А. В. Звенигородского (Византийские эмали..., табл. 16). Автор описания, Н. Кондаков, считает их византийскими и относит к X в. (там же, стр. 296). В отличие от киевских в треугольниках помещены не городки с прямоугольными зубчиками, а полурозетки с тонко прорисованными, закругленными лепестками.

⁵ Н. К о н д а к о в. Ук. соч., табл. II, рис. 10; табл. VI, рис. 2.

⁶ В. В. Х в о й к о. Ук. соч., стр. 70, 71.

⁷ В. И. С и з о в. Ук. соч., стр. 61, 62, табл. VIII, 1. В. И. Сизову изображение сенмурва послужило основанием для утверждения восточного происхождения тарелки.

распространено в искусстве и встречается не только на Востоке, но и в Византии¹, Западной Европе² и в домонгольской Руси³; поэтому оно не может иметь значения при определении места производства. Во-вторых, если орнаментация киевского фрагмента и таманской чаши не имеет общего с орнаментацией болгарской керамики, то этого нельзя сказать о гнездовской. Фигура в виде восьмиугольной, вписанной в круг, звезды на кружке из Гнездова украшает фрагмент керамики из Патлейны⁴. Лента с рядами небольших дисков, имеющаяся на тарелке с сенмурвом, сравнительно часто встречается на болгарской керамике⁵. Хотя ни в одном случае мы не находим такого сходства в орнаментации, которое говорило бы о едином происхождении, все же пренебречь этим сходством нельзя. Отсутствие общих черт с болгарской керамикой в орнаментации киевского фрагмента и таманской чаши и некоторое сходство узоров предметов, найденных в Гнездове, подтверждают высказанное ранее предположение о более позднем и, следовательно, более отдаленном от производства керамики из Преславы времени изготовления первых. Кроме того, вышележащее подтверждает высказанную мысль о генетической связи русской керамики с болгарской и дает основание предполагать, не была ли техника производства керамики, расписанной эмалями, перенесена в Киев болгарскими мастерами, переселившимися на Русь или во время походов Святослава, или после разрушения Преславы Цимисхием. Если принять это предположение, становится понятным, почему на более ранних изделиях, созданных или непосредственно болгарскими мастерами, или под их влиянием, мы встречаем сходные с преславской керамикой черты в орнаментации, в дальнейшем, с переходом производства целиком в руки русских мастеров, совершенно утраченные.

¹ Adolf Goldschmidt und Kurt Weitzmann. Die byzantinische Elfenbeinskulpturen des X — XIII Jahrhundert, Bd. I. Berlin, 1930, табл. LXII, № 107; табл. XLIV, № 108; табл. LXVI, № 114.

² Otto von Falke und Erich Meyer. Romanische Leuchter und Gefässe. Berlin, 1935, табл. 98, № 229; Водолея в виде сенмурва (табл. 99, № 230) автор относит к Лотарингии и датирует XII веком.

³ А. А. Бобринский. Резной камень в России, вып. I. М., 1916.

⁴ Кръстю Мпятев. Ук. соч., стр. 47, рис. 58 и табл. XVIII, рис. 17.

⁵ Там же, табл. XVII, рис. 1—6; табл. XVIII, рис. 4.

МАТЕРИАЛЫ И ПУБЛИКАЦИИ

А. О. МНАЦАКАНЯН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ
НА ОСУШЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ ОЗЕРА СЕВАН

В 1951 г. стало известно, что после спуска воды Севанского озера на осушенной территории начали обнаруживаться археологические памятники. Наше обследование на месте и археологические раскопки показали, что выступившие из воды памятники относятся к разным периодам.

Эти памятники датируются от начала III тысячелетия до н. э. до второй половины I тысячелетия до н. э. Так, например, имеются курганы, относящиеся к периоду энеолита и представляющие собой пирамиды, правильно сложенные из необработанных камней средней величины; диаметр курганов у основания достигает 8 м, а высота — 1,5—2 м. Вторая группа обнаруженных памятников представлена гробницами в виде каменных ящиков, обмытых водой и выступивших на поверхность земли; у некоторых из таких гробниц камни перекрытия отсутствуют. Остальные (большинство) были занесены песком (Цамакаберд). Их боковые стены сложены из 1—3 плоских камней, а торцовые — из 1—2; ориентированы они, за небольшим исключением, с северо-востока на юго-запад. Размеры колеблются в пределах: длина — 1,5—2,8 м, ширина — 0,80—1,2 м и глубина — 0,45—1 м. Гробницы относятся ко времени от начала I тысячелетия до VII в. до н. э.

В результате долгого пребывания под водой поверхность гробниц покрылась толстым и твердым слоем известняка. Протяженность таких слоев, образовавшихся в результате осадков, достигает местами 50 м, и под ними иногда было скрыто до 7—8 гробниц.

Третья группа — это кромлехи, расположенные правильными рядами с юго-востока на северо-запад; их диаметр колеблется от 3 до 6 м, они содержат одиночные захоронения VI—IV вв. до н. э.

Последняя группа памятников — это современные каменным ящикам остатки поселений и крепостей, которые сохранились в с. Мухан в районе Нового Баязета и на равнине с. Гили Басаргечарского района.

В раскопанных нами гробницах отсутствует единообразие: встречались одиночные, семейные, коллективные захоронения. В большинстве покойники лежали на левом боку с согнутыми руками и ногами или находились в сидячем положении на корточках. В этом отношении древние обычаи были, повидимому, разнообразны и сложны, что отражено также многообразием положенных с покойниками предметов и различием в размещении этих предметов в гробницах. В каждой из раскопанных гробниц находились 3—6 целых или сломанных глиняных сосудов, а иногда также несколько обломков от разбитых разных сосудов. Всегда внутри одного-

трех из этих горшков находились реберные кости барана. В числе найденных предметов сравнительно редко встречается оружие, но украшений много. Особенно интересны разноцветные пастовые, сердоликовые и агатовые бусы. Привлекает также внимание наличие костей крупного и мелкого рогатого скота почти во всех гробницах, кроме с. Цамакаберд, где имеются кости только крупного рогатого скота.

В октябре 1951 г. Комитет по охране памятников Армянской ССР известил, что в с. Мухан Ново-Баязетского района разрушаются обнаженные подводные памятники. Исследованием на месте мною было установлено, что из-под воды обнажалось 12 кромлехов, 5 курганов и в трех местах 40 гробниц в виде каменных ящиков.

В 1951 г. из числа уцелевших гробниц была раскопана только одна, а из полуразрушенных — три. Раскопан был также один из маленьких курганов¹.

В 1952 г. на этом же месте археологическая экспедиция Исторического музея Академии наук Армянской ССР раскопала еще 14 обнаружившихся из воды гробниц и 4 гробницы, находившиеся на суше². Гробницы Мухана на суше относились к VI—V вв., а гробницы осушенных земель — к X—VIII вв. до н. э.

До конца 1953 г., по мере спуска воды из озера Севан, продолжали выходить из воды новые ряды муханских и цамакабердских гробниц, несмотря на то, что к этому времени уровень воды в озере уже опустился на 10 м. Вода отошла от муханского могильного поля на 600 м, а в Цамакаберде — на 80 м.

Ниже приводится описание раскопок некоторых наиболее заслуживающих внимания муханских и цамакабердских гробниц.

Вначале остановимся на раскопках в Мухане в 1951 и 1952 гг.

После окончательной очистки от земли взорванной гробницы 3 выяснилось, что в гробнице остались скелеты еще 3 человек. Находившиеся в середине гробницы два скелета лежали лицом к лицу один на правом, а другой на левом боку, с согнутыми руками и ногами. У ног этой пары обнаружен скелет третьего покойника в сидячем положении, на корточках. Если верить показаниям Л. Саакяна, то он извлек из этой гробницы 4 черепа и много костей. Значит, здесь было похоронено 7 человек. Около каждого скелета, лежавшего посреди гробницы, находилось по 2 глиняных сосуда, а около скелета человека, захороненного в сидячем положении, — 3 сосуда. У каждого из лежавших скелетов на руках было по бронзовому браслету; у шеи лежавшего на левом боку скелета было собрано 13 агатовых бус, а у лежавшего на правом боку между костями ног был вложен маленький железный кинжал (рис. 1, 2). Подобные кинжалы найдены в Ани-Пемзе, в Арктиском районе (рис. 1, 1) и в Лизгоре³.

Уцелевшая гробница 1 имела в длину 2,35 м, в ширину — 1,6 м и в глубину — 0,95 м. Направление — с северо-востока на юго-запад. Перекрывающего камня не было (рис. 2, 1), камни кладки выступали на-

¹ В июне 1951 г. муханские жители Левон Саакян, Сурен Швонян, Миран Тапрошян, увидев на осушенных землях озера необычайные сооружения, в надежде найти клад, взорвали одну гробницу, в которой, по заявлению Саакяна, лежали четыре человеческих скелета, обломки разбитых глиняных сосудов, бронзовые браслеты, много бус. Воодушевшись неожиданными для себя результатами, на следующий день они взорвали еще три гробницы.

² В археологической экспедиции принимали участие заведующий фотолабораторией П. Григорян, студенты V курса археологического отделения Исторического факультета Гос. университета им. В. М. Молотова С. Есоян, А. Арутюнян и С. Арутюнян под руководством А. О. Мнацаканяна.

³ МАК, т. VIII, 1900, стр. 227, табл. XIV, рис. 51.

половину на поверхность земли; гробница была заполнена песком и мелкими камнями. Цементированный осадок известняка был снят с помощью зубил и тяжелых ломов. После расчистки гробницы выяснилось, что здесь похоронены 4 человека. Три скелета находились в углах в сидячем положении, на корточках, а четвертый, в середине гробницы, лежал на левом боку с согнутыми руками и ногами; на нем был надет бронзовый пояс, совершенно разрушившийся. На каждой руке имелось по бронзовому

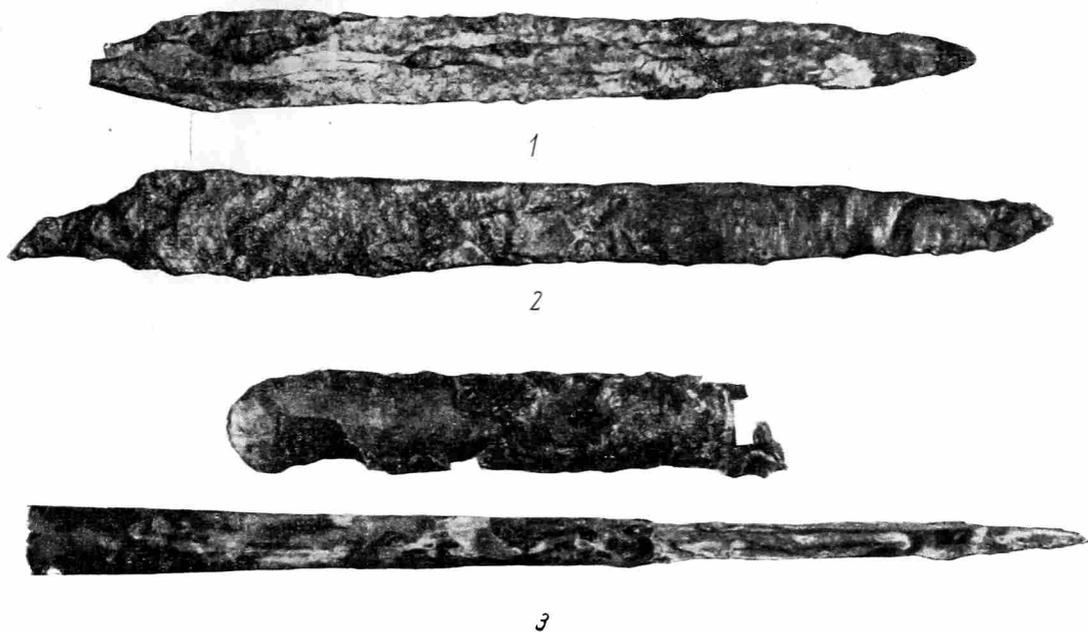

Рис. 1. Железные кинжалы и рукоять жезла.

1 — Ани-Пемза; 2 — Мухан, гробница 3; 3 — Мухан, гробница 2.

браслету, а на пальце руки — сурьмовое кольцо. Шея и кисти рук покойника были украшены агатовыми и сердоликовыми бусами (рис. 3). У шеи было собрано несколько обломков золотых бус, изготовленных из тонких золотых листков, облежавших какое-то вещество, совершенно разложившееся (стекло?). Был найден хорошо сохранившийся, обуглившийся мелкий орех со следами бронзовой окиси на скорлупе.

В октябре 1952 г. на муханском могильном поле было раскопано еще 14 каменных ящиков и 2 кургана. Курганы оказались небогатыми по содержанию, но интересными по своей конструкции. Они были облицованы двойным слоем необработанных камней средней величины и весом каждый по 40—60 кг. С вершины до низа кургана были установлены один на другом два продолговатых камня, составлявших вертикальную ось кургана; диаметр этих камней в среднем достигал 50—70 см. Высота обоих камней вместе составляла около 2,2 м; из общей высоты над уровнем земли они выступали на 1,3 м. Вокруг этих камней в яме находились остатки человеческих костей. Диаметр ямы был равен 6 м, а диаметр каменной насыпи кургана — 8 м. Яма под каменной насыпью была заполнена слоем черной мокрой земли толщиной около 40 см, а под этим слоем залегал слой насыпной земли белого цвета такой же толщины (рис. 4). Под этим слоем были обнаружены остатки человеческих костей и около 40 обломков обсидиана. В этом кургане (№ 1) была найдена глиняная чаша (рис. 5, 1).

Подобные чаши встречаются при раскопках энеолитических памятников в Армении. Они имеют вмятины снаружи; их поверхность покрыта

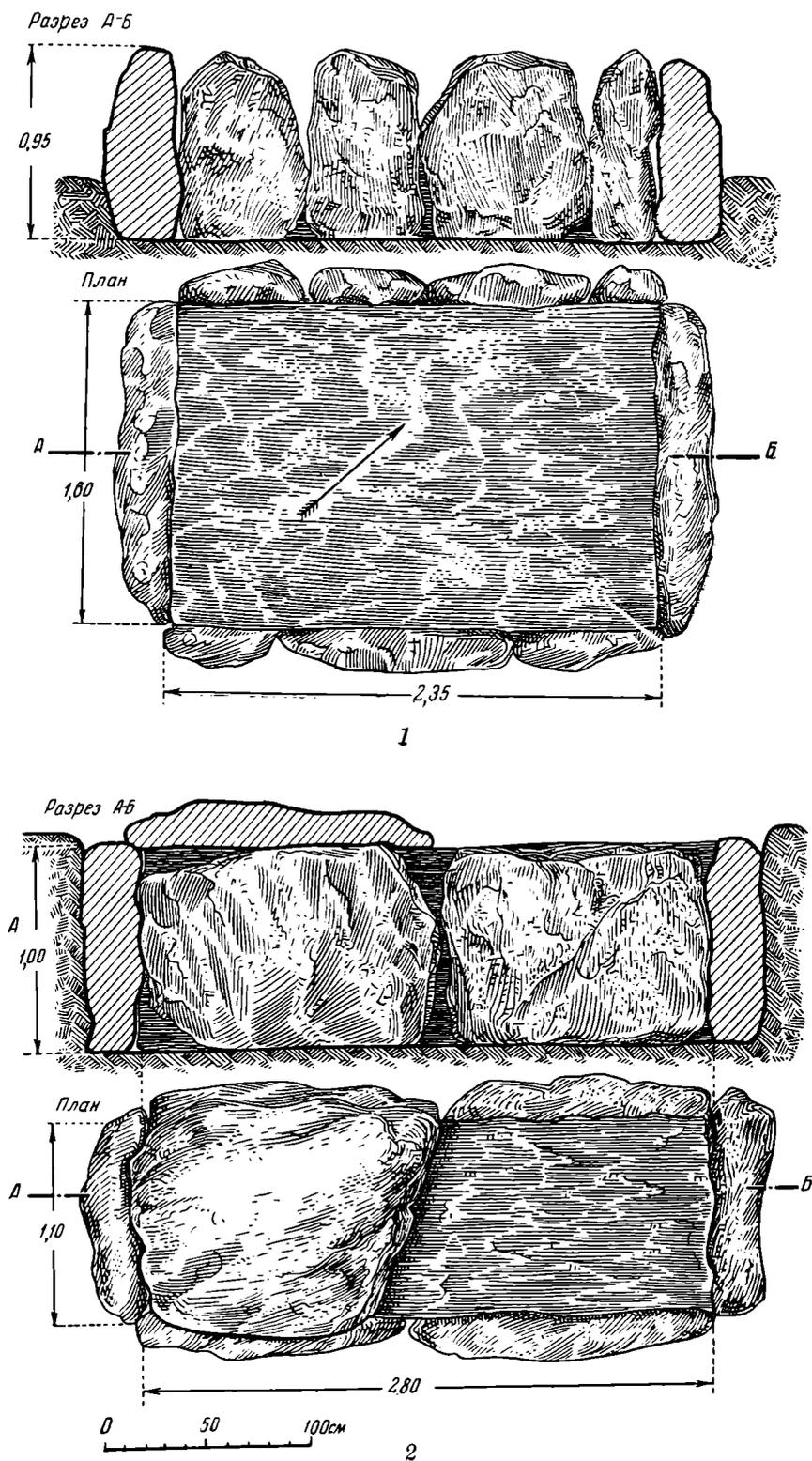

Рис. 2.

1 — Мухан, гробница 1; 2 — Цамакаберд, гробница 5.

черным лощением, верхний край резко уширен. Такие чаши часто встречались при раскопках Шрешблур, Ахавнатуна, Кахси, Элара, Шенгавита (рис. 5, 2).

В Мухане особенным обилием археологических находок выделяется погребение 5, в котором были найдены 4 бронзовых наконечника копья¹ (рис. 6, 2, 4, 5, 10; на рис. 6, 3, 6, 8, 9, 11 представлены бронзовые наконечники копий из разных районов Армении).

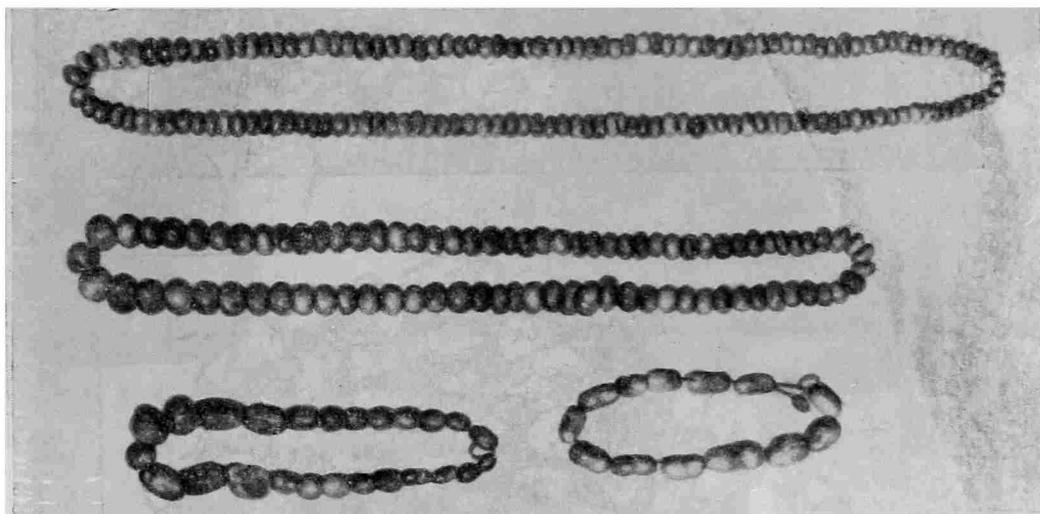

Рис. 3. Агатовые и сердоликовые бусы (Мухан, гробница 1).

К числу богатых принадлежит также гробница 2, ориентированная с северо-востока на юго-запад; длина ее — 2,35 м, ширина в одном конце — 1,60 м, в другом — 1,45 м, глубина от низа перекрывающего камня до дна — 1 м. Перекрывающие камни лежали рядом и были покрыты известковым осадком. В гробнице похоронены 4 человека в сидячем положении: один — в центре, остальные — лицом к лицу напротив него.

Среди найденных предметов особенно выделяются орнаментированная рукоятка жезла (рис. 1, 3), бронзовый кинжал, 2 сурьмовых браслета (рис. 7, 2, 5) и 9 бронзовых (рис. 7, 1, 3, 4, 6, 7—11), из которых два замкнутые, остальные незамкнутые.

Заслуживает внимания погребение 2, содержащее много сердоликовых и разнообразных пастовых бус. Длина пронизки бус, собранных из погребения 2, составляет более 4 м (рис. 8). Среди украшений бусы занимают одно из самых видных мест по своему разнообразию, технике изготовления и сверления, различию материала, мастерству отделки, разноцветности и величине (от 1 до 20 мм).

Г. Г. Леммлейн находит, что по недостаточности данных вопрос о местном происхождении бус остается открытым². Факты доказывают, что в Ереване, Иджеванском и Вединском районах, в Котайке, Севанском бассейне и в других районах Армении имеются месторождения нескольких видов сердолика, а в Иджеване, кроме того, — агат. Более вероятно, что

¹ Следует заметить, что металлические предметы, особенно бронзовые и железные, находившиеся длительный период под водой, разрушились, главным образом, — пояса, наконечники стрел, частично браслеты и т. д.

² Г. Г. Леммлейн. Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе. КСИИМК, XVIII, 1947, стр. 30.

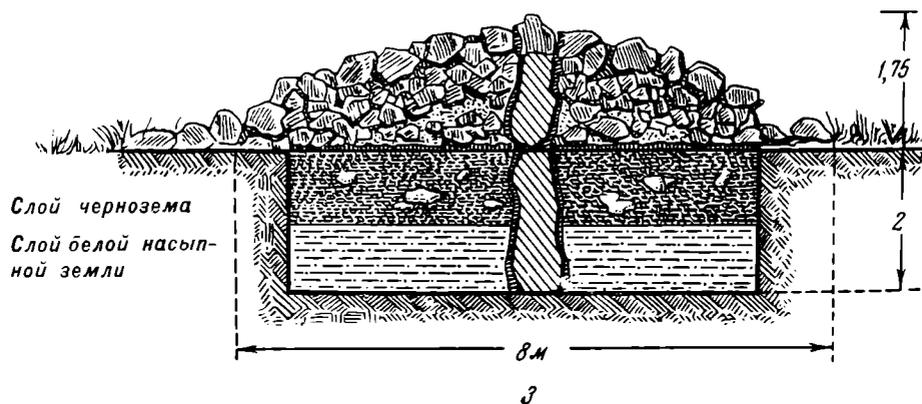
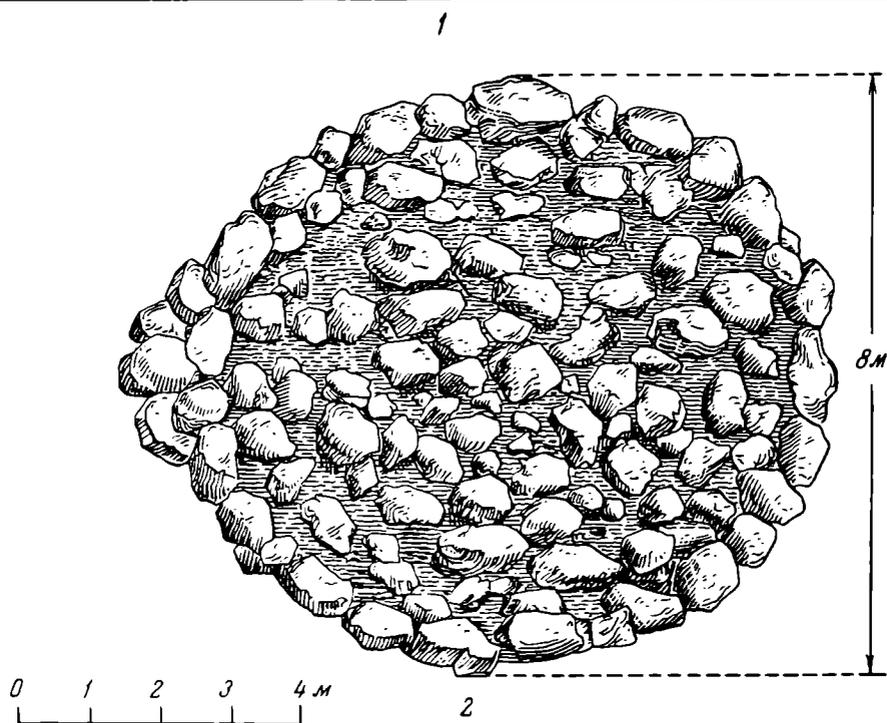
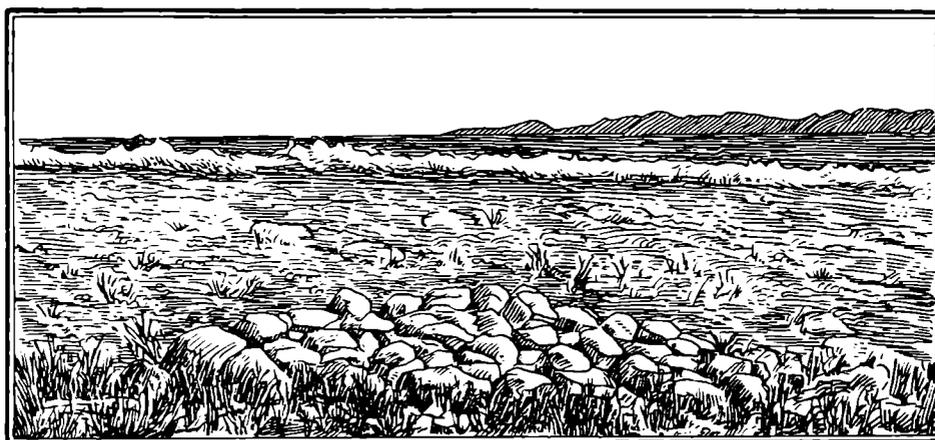

Рис. 4. Мухан.

Общий вид (1), план (2) и разрез (3) кургана № 1.

аборигены Армении в рассматриваемый период использовали местные породы камней, а не привозили их со стороны. Вероятно, этим следует объяснить наличие большого количества бус в древних погребениях Армении и Закавказья¹.

Изображенные на рис. 9 браслеты все сделаны из сурьмы, местонахождения которой имеются во многих районах Закавказья. Различные изделия из сурьмы встречаются во многих могильниках (в Гетабеке и Хачене², в Кировакане³, в ущелье Хртаноц у с. Головино).

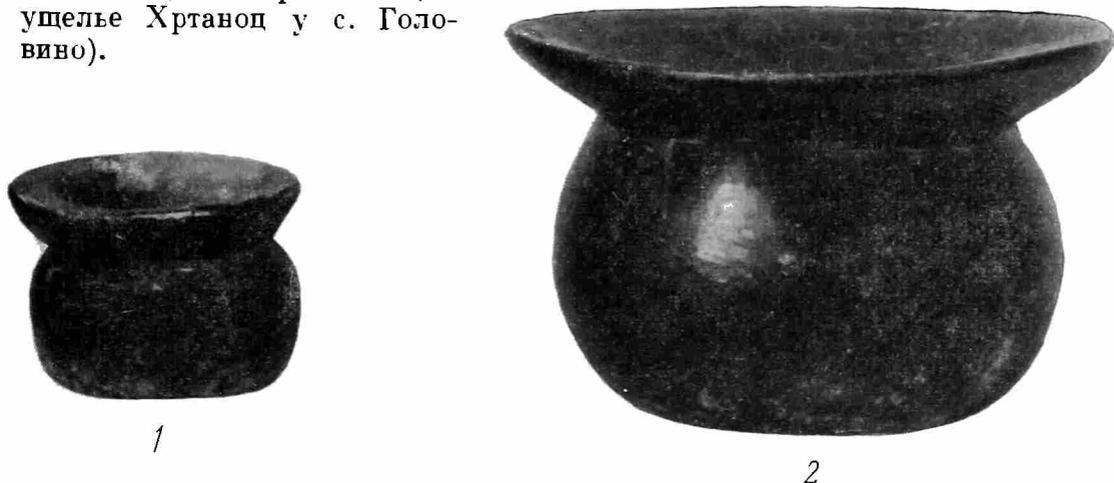

Рис. 5. Глиняные чаши.

1 — Мухан, курган № 1; 2 — Шенгавит.

В 1951 и 1952 гг. мы нашли при раскопках в Мухане 1 кольцо и 6 браслетов из сурьмы. При раскопках в Мухане как в 1951 г., так и в 1952 г. часто встречались ножи (рис. 10).

Чтобы составить общее представление об археологических раскопках, произведенных на осушенных территориях Севанского бассейна, кратко скажем также о раскопках, произведенных в 1952 г. в местности севернее с. Цамакаберд (Севанский район) против бывшего Севанского острова.

¹ Очень показательное в этом отношении поразительное сходство результатов химического анализа сердоликов бус из раскопок у селения Головино Иджеванского района Армянской ССР 1950 г. и необработанного сердолика из соседнего ущелья. Анализ произведен зав. Лабораторией геологического института Арм. ССР А. Петросян.

Наименование материалов	Где найдено	Кремнезем (SiO ₂)	Оксид алюминия (Al ₂ O ₃)	Оксид титана (TiO ₂)	Оксид железа (Fe ₂ O ₃)	Оксид марганца (MnO)	Оксид магния (MgO)	Оксид кальция (CaO)	Оксид натрия (Na ₂ O)	Оксид калия (K ₂ O)	Потери при прокалывании (сжиг.)	Итого
Бусы сердоликовые	Головино I погребение 1950 г.	97,04	2,27	нет	0,13	нет	0,12	0,41	следы	нет	0,02	94,99
Бусы сердоликовые	Головино III погребение 1950 г.	95,44	2,40	нет	0,20	нет	0,20	0,90	0,22	нет	0,39	99,45
Необработанный сердоликовый камень	Из ущелья Головино	95,01	2,18	нет	0,18	нет	0,21	0,76	0,20	нет	0,28	98,74

² А. А. Ивановский. По Закавказью. МАК, т. VI, 1911, стр. 105, 115, 154.

³ К. Кафадарян. Раскопки гробниц в Кировакане. Изв. Академии наук Арм. ССР (на арм. яз.), 1941, № 3—4, стр. 63.

Погребальное поле Цамакаберда занимает территорию длиной около 200 м, шириной 20 м; погребения вытянуты рядами с севера на юг. Кромлехи расположены в отдельном ряду, в третьей линии. Пятый ряд гробниц еще находится под водой.

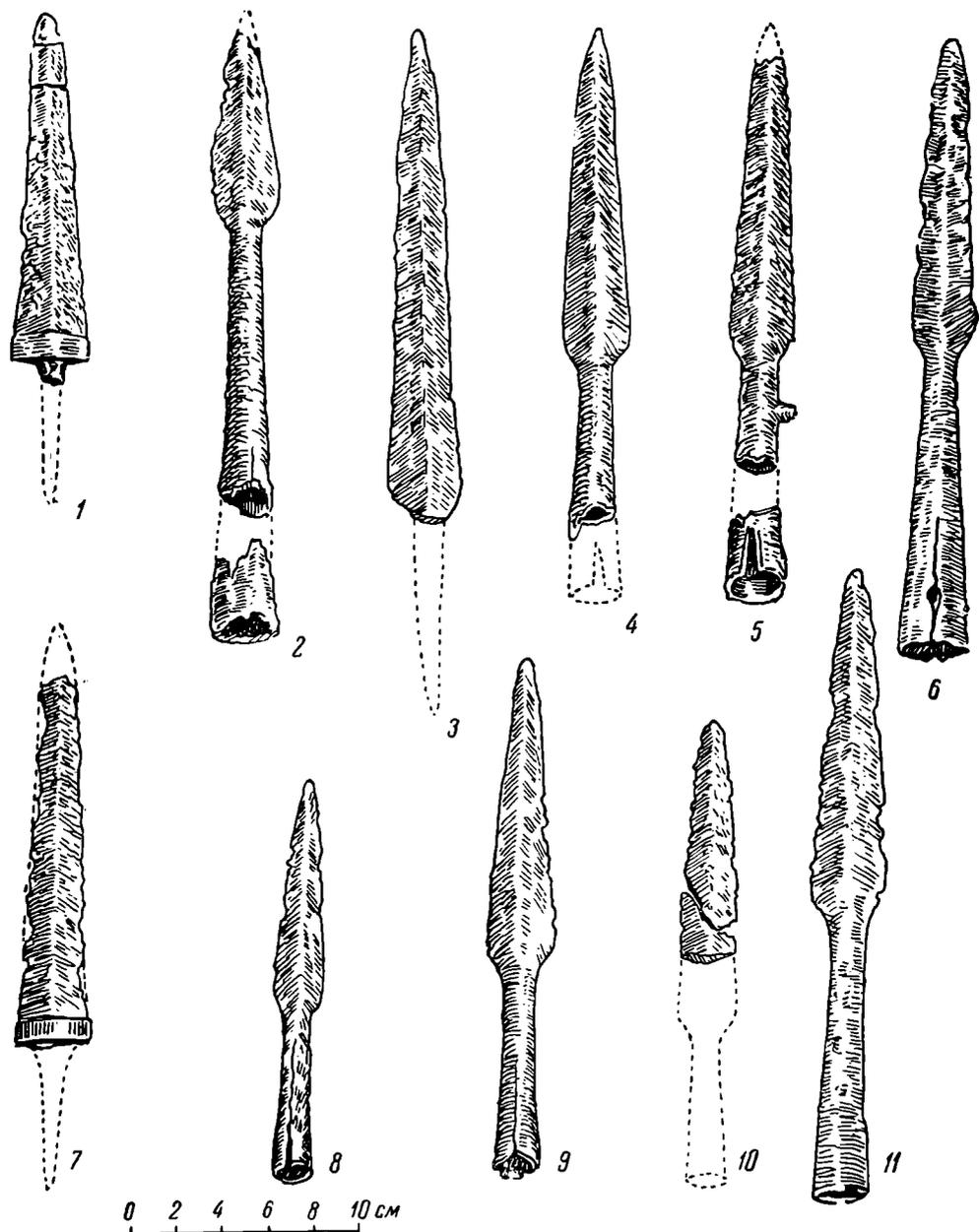

Рис. 6. Бронзовые наконечники копий и железные клижалы.

Гробницы почти совсем потеряли внешние признаки и слились с окружающей местностью. Осадки извести и солей цементировали прибрежные пески и мелкие камни, образовав твердый слой, скрывающий под собой иногда до 7—8 погребений.

После освобождения погребений от «брони» цементировавшегося осадка известняка, имеющего толщину 18—20 см, под ней раскрываются слои (15—20 см толщиной) прибрежных мелких камней, под которыми

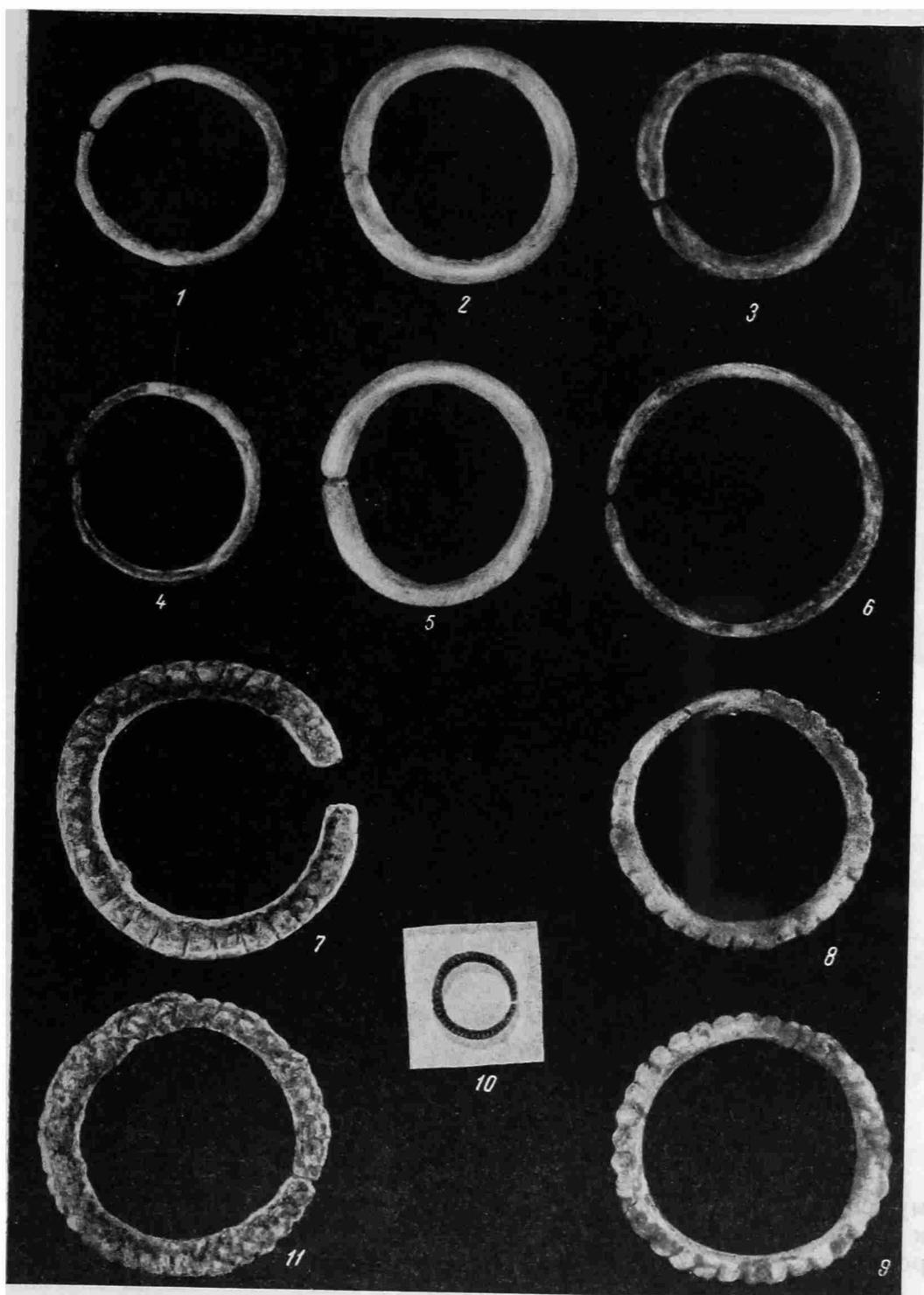

Рис.

1 — 11 — сурьмовые и бронзовые браслеты и кольца

находится чистый, рыхлый слой песка толщиной 20—30 см; под песком — слой красноватой глины, в которой находятся захоронения.

Внутренние засыпки всех раскопанных нами погребений были одинаковы; это доказывает, что при погребении гробницы не были засыпаны землей.

Из раскопанных нами 14 гробниц в 13 находилось по одному человеческому скелету. В четырнадцатой гробнице лежали один женский и один

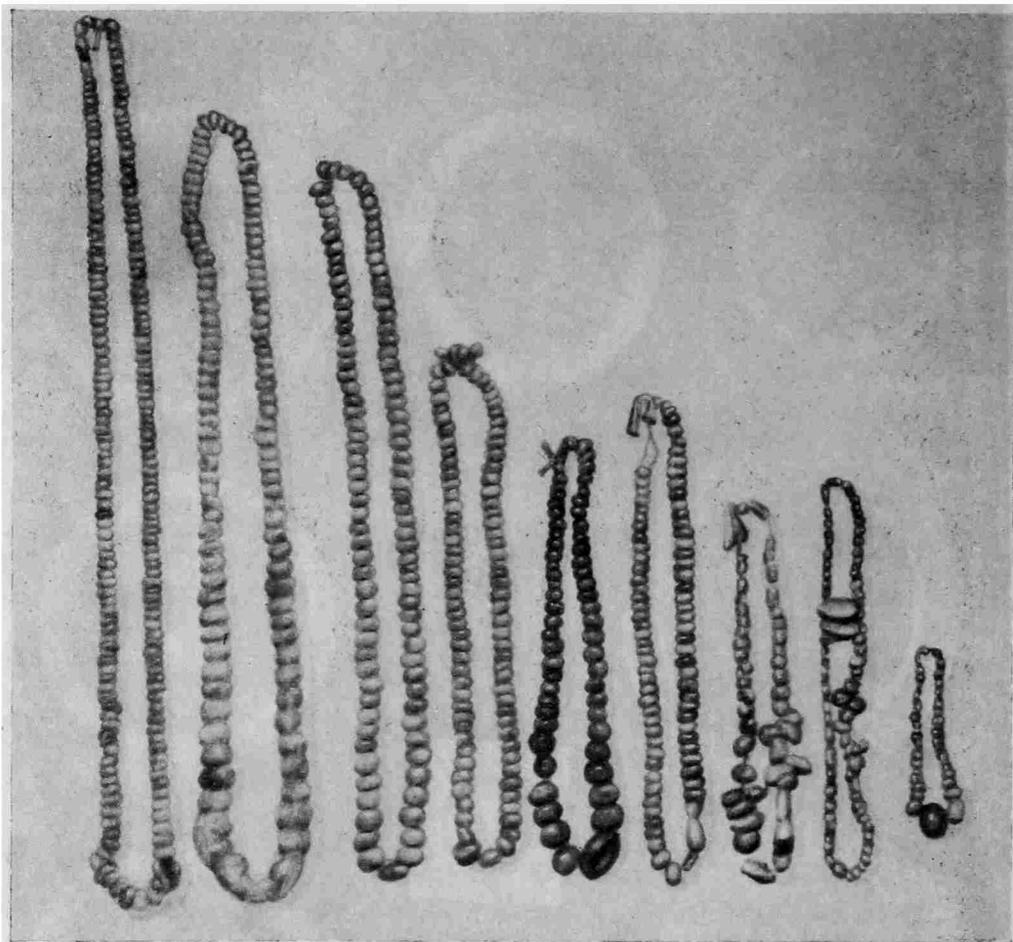

Рис. 8. Сердоликовые и пастовые бусы (Мухан, погребение 2).

мужской скелет, первый — на правом, второй — на левом боку, лицом к лицу, с согнутыми руками и ногами. Бесспорно, что здесь были похоронены супруги.

Из 14 погребений 11 ориентированы с северо-востока на юго-запад, а в 3 кромлехах — с севера на юг. Все скелеты лежали на левом боку с согнутыми руками и ногами.

Погребения Цамакаберда беднее предметами, — особенно украшениями, — чем муханские. Каменные ящики более богаты находками, чем находящиеся рядом с ними кромлехи.

В каждом из каменных ящиков находились 3—5 глиняных сосудов, изготовленных на гончарном кругу; большинство из них украшено прямилинейными узорами.

При каждом погребении в 1—2 сосудах всегда лежали бараньи ребра.

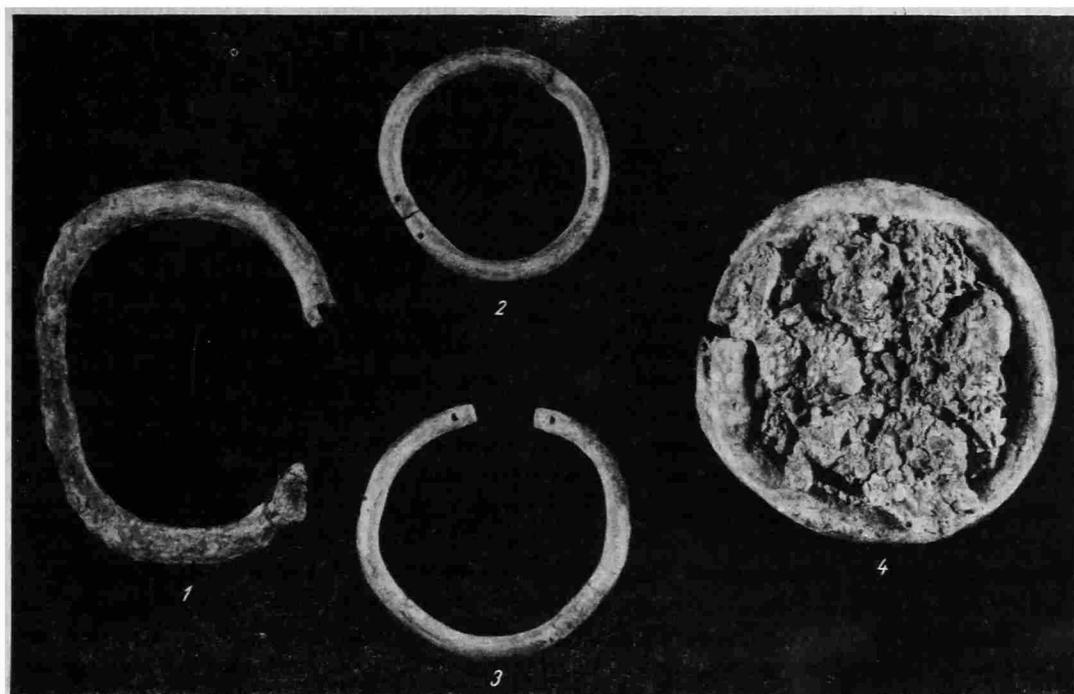

Рис. 9. Кольца и браслеты из сурьмы (Мухав).

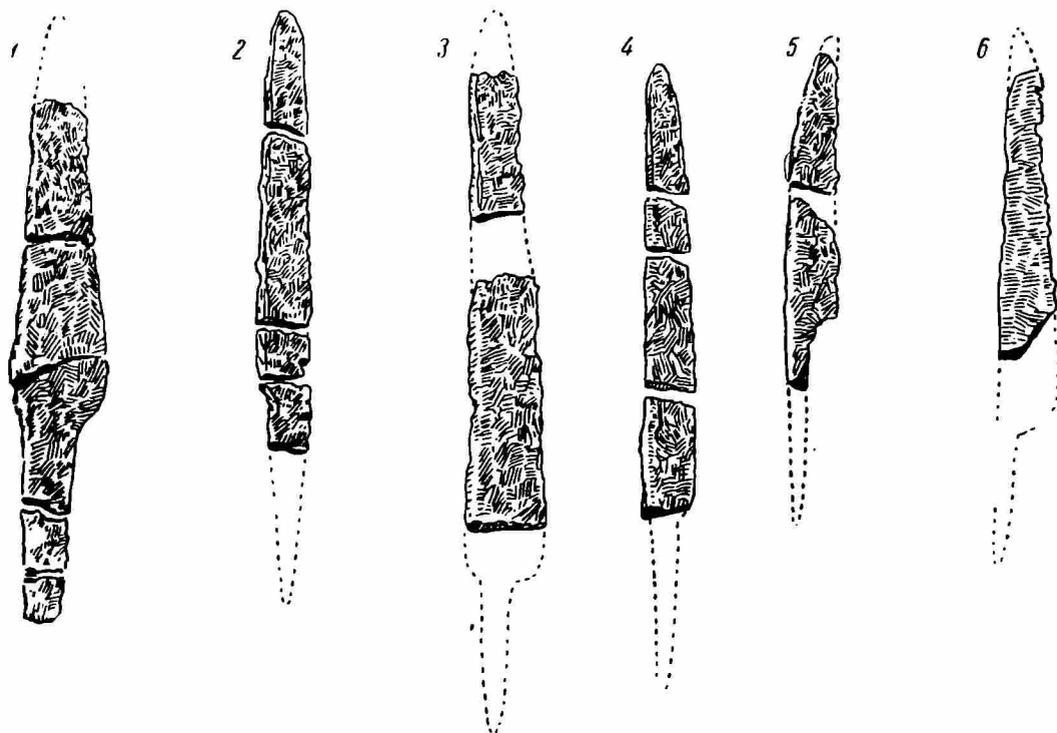

Рис. 10. Железные ножи (Мухав).

Как правило, в каждом из раскопанных погребений Цамакаберда находилось по 3—4 левосторонних ребра (четвертые — восьмые) крупного рогатого скота и бедренная кость левой ноги¹.

В данной статье не представляется возможным подробно рассмотреть все раскопанные гробницы. Остановлюсь на двух из них, наиболее заслуживающих внимания.

Гробница 3, ориентированная с северо-востока на юго-запад, состояла из двух каменных плит по каждой длинной стороне и по одной плите по коротким сторонам (одна из коротких сторон разрушена). В гробнице находились один скелет человека и неорнаментированные глиняные горшки, кости крупного рогатого скота и череп собаки. С. К. Далем подверг специальному изучению череп собаки. По его мнению, этот череп имеет большое научное значение и представляет весьма большой интерес для истории домашних животных древнейшего периода Закавказья. Собака, которой принадлежал этот череп, отнесена им к породе *Canis familiaris abacanensis*, близкой к закавказской овчарке и являющейся потомком закавказских волков.

Большого внимания заслуживает погребение в гробнице 5 (рис. 2, 2), ориентированной с северо-востока на юго-запад; с длинных сторон она имеет по две, а с коротких — по одной каменной плите. Гробница была перекрыта двумя каменными плитами, из которых одна была снесена водой и лежала рядом под песком, другая находилась на месте. Гробница была покрыта затвердевшим осадком известняка толщиной около 30 см, под которым находился слой песка, смешанного со щебнем, толщиной 23 см; ниже шел слой (18 см) отборного мелкого песка, а еще ниже — слой красноватой глины, в котором и было совершено погребение. Кости здесь истлели больше, чем в других погребениях. Покойник лежал на левом боку с согнутыми руками и ногами. На каждой руке было надето по два браслета из сурьмы. После полной расчистки выяснилось, что скелет был окрашен красной охрой: нашлось несколько кусков охры, а на костях ног, таза и особенно черепа сохранились хорошо видные следы краски.

В 1951 г. в с. Кахси (Ахтинский район) мы раскопали одну гробницу энеолитического периода, где кости, пол и стены гробницы тоже были окрашены в красный цвет. Найдено было также несколько больших кусков охры. Таким образом, погребение 5 в Цамакаберде не является исключением.

Под черепом скелета в гробнице 5 у левого уха оказалось височное кольцо с длинными волнообразно согнутыми концами (рис 11, 1). На кольце сохранились кусочки окрашенной охрой ткани. Подобные кольца широко распространены в пределах Закавказья. Два таких кольца были найдены при раскопках в 1929 г. Археологической экспедицией охраны памятников Армении у с. Головино в ущелье Хртаноц. Такие же кольца мы нашли в с. Головино (в гробницах 1 и 2) при раскопках в 1953 г. Все эти кольца относятся к VII—VI вв. до н. э.

В гробнице 5 в Цамакаберде было найдено сравнительно много вещей. Кроме указанного кольца, там обнаружен маленький железный кинжал с бронзовым ободком у конца рукоятки (рис. 6, 1). Подобные кинжалы были найдены в Степанаване и в других местах Армении (хранятся в Ереване, в Историческом музее, инв. № 1891, 8; рис. 6, 7). Из 7 найденных браслетов 1 железный (рис. 11, 2), 4 из сурьмы и 2 бронзовых. Помимо того, в гробнице находились 3 глиняных горшка с узкими горлами и выпуклыми туловами и обломки верхних краев от 11 разных глиняных со-

¹ Определение костей сделано кандидатом биологических наук С. К. Далем.

судов (рис. 12). Обычай класть с покойниками обломки сосудов имел большое распространение в древней Армении.

Древний обряд положения с покойником только левосторонних костей животных связан, по нашему мнению, с обычаем считать одну сторону животных съедобной, а другую — несъедобной, нечистой, пережитки чего дошли до нашего времени. Так, у армян одна сторона верблюда считалась съедобной, а другая — несъедобной, точно так же, как только одна сторона медведя считалась съедобной, а другую не ели.

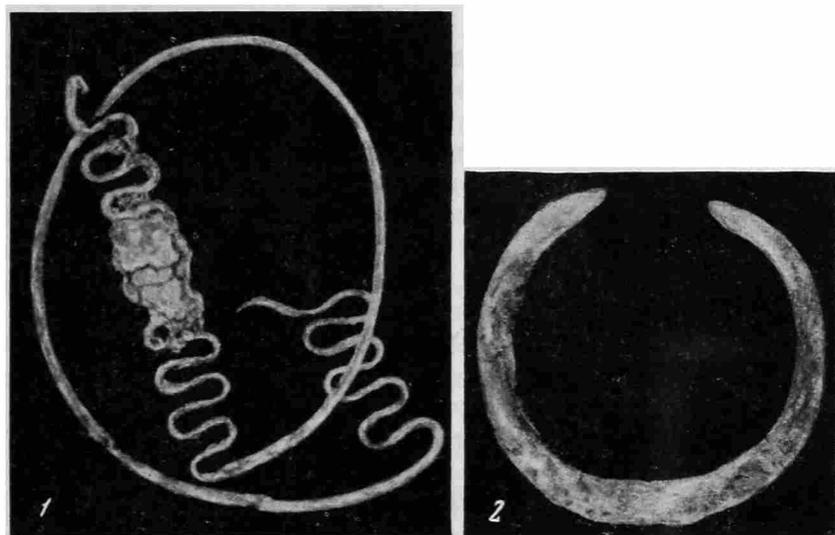

Рис. 11. Цамакаберд, гробница 5.

1 — бронзовое височное кольцо; 2 — железный браслет.

Возможно, что эти пережиточные обычаи армян могут быть поставлены в связь с бытом племен, захоронения которых раскопаны нами в Цамакаберде. Иначе говоря, можно предполагать существование этнической связи между армянами и этими древними племенами. Окрестности озера Севан изобилуют древними памятниками, развалинами, поселениями, остатками крепостей и городов, имеющими армянское происхождение. Это все свидетельствует о том, что, начиная с незапамятных времен, Севанский бассейн был густо населен.

А. А. Ивановский был прав, когда писал, что берега Гекчи видели человека каменного периода¹. Вопрос этот связан с проблемой изменения уровня воды в озере Севан.

Как известно, еще с половины прошлого столетия на озеро Севан обратили внимание ученые, работавшие в разных отраслях науки. В 1896 г. Д. Н. Анучин в статье, напечатанной в приложении ко 2-й книге «Землеведение», связывал происхождение озера Севан с провалами, образовавшимися в связи с подземными процессами. В. А. Обручев и М. Ф. Митте происхождение озера связывали с кратерами угасших вулканов. Последний считал, что озеро Гекча, вероятно, является результатом вулканического действия, сочетавшегося с землетрясениями². Громадный, глубокий кратер потухшего вулкана постепенно наполнялся водами потоков,

¹ А. А. Ивановский. Ук. соч., стр. 16.

² М. Ф. Митте. Бассейн Гекчинского озера. Горный журнал, 1891, стр. 358.

стекавших с окружающих гор, которые и определяли пределы колебания вод этого озера.

В данном случае нас интересует сопоставление различных мнений о многовековых колебаниях уровня озера.

Насколько нам известно, до сих пор нет согласованности во мнениях о причинах колебаний уровня озера Севан. Многие из исследователей

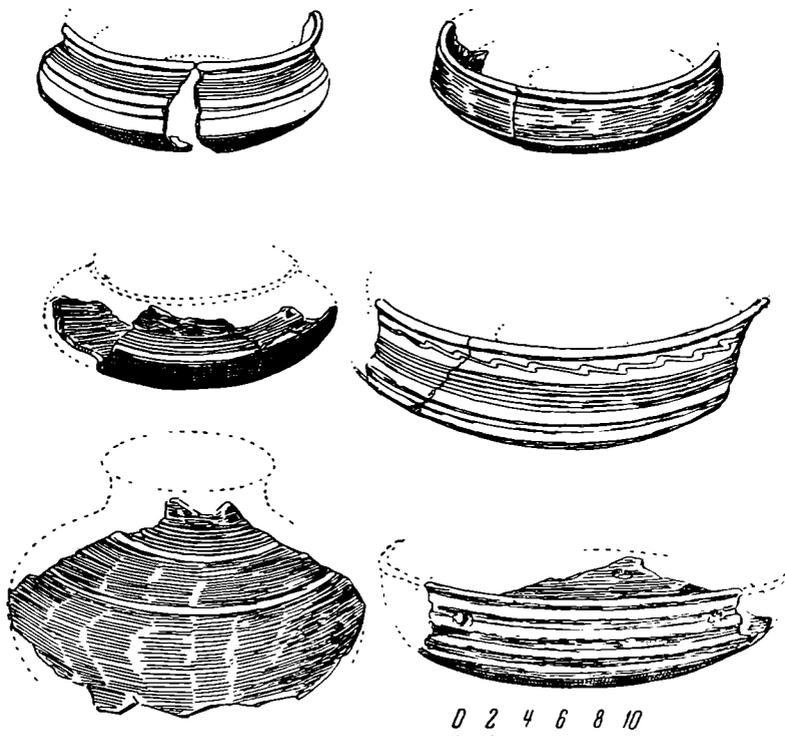

Рис. 12. Части глиняных сосудов (Цамакаберд, гробница 5).

связывают их с внешними процессами. Говорится о существовании подводных родников, откуда якобы прибывает вода, и об отверстиях, через которые эта вода уходит; о том, что подводные отверстия то действуют, то закрываются осадками на дне озера, и о том, что это влияет на колебания горизонта севанских вод. Другие авторы связывали колебания уровня воды с реками, впадающими в Севан, или с тектоническими процессами, с оголением берегов от лесных массивов и влиянием ветров.

Большинство исследователей связывает колебания уровня воды с атмосферными осадками. В связи с этим заслуживают внимания изданные в 1951 г. два новых исследования Б. И. Бек-Мармарчева¹. В этих трудах автор рассматривает прежние исследования других специалистов и добавляет к ним материалы исследований двух экспедиций, проведенных им. На основании всего этого Б. И. Бек-Мармарчев приходит к заключению, что в течение сотен лет амплитуда колебания уровня озера находится в пределах 3 м². Соглашаясь с высказанными до него мнениями, что коле-

¹ См. А. А. Ивановский. Ук. соч., стр. 9, 10; Б. И. Бек-Мармарчев. Причины колебания уровня озера Севан. Изв. Академии Наук Арм. ССР, физ.-мат. серия, т. IV, № 3, 1951, стр. 191—193.

² Б. И. Бек-Мармарчев. Многолетняя кривая колебания уровня озера Севан. Изв. Академии Наук Арм. ССР, физ.-мат. серия, т. IV, № 1, стр. 69.

бания уровня озера связаны с осадками, Б. И. Бек-Мармарчев находит, что «...основной причиной колебания уровня озера являются климатические колебания Севанского бассейна»¹. Автор цитируемого труда говорит о том, что «в течение последних веков и даже тысячелетий побережье озера, повидимому, не испытало крупных вертикальных перемещений, которые могли бы отразиться на горизонте воды»². Привлекая к рассмотрению археологические памятники и их местонахождение, Б. И. Бек-Мармарчев приходит к окончательному заключению: «Следовательно, — говорит он, — уровень озера 2500—3000 лет тому назад стоял примерно на той же отметке, что и в настоящее время» (до спуска воды)³.

Но те новые археологические памятники, которые открыты на осушенных территориях Севанского озера, несколько тысяч лет назад находились на глубине не 3 м, а более 10 м под водой; этот факт свидетельствует о том, что старые теории о причинах колебания уровня озера не оправдались и нуждаются в дальнейшем пересмотре и уточнении. Надо предположить, что на протяжении веков уровень Севана по каким-то причинам непрерывно повышался.

Археологические данные показывают, что в древности уровень озера был ниже, а водное зеркало меньше. Это бесспорно доказывается фактом существования на осушенных территориях гробниц и погребений, относящихся к энеолиту, первой и второй половине I тысячелетия до н. э. Из рассмотренных выше данных следует, что тысячелетия назад погребальные поля были расположены на суше и отстояли дальше от берегов озера, а само озеро было меньше.

Страна Велюкюхов Севанского бассейна имела большое значение в деле объединения живших там племен (по данным урартских клинообразных надписей)⁴, а также по своей военной мощи и величине территории. Погребальное поле в Мухане должно было принадлежать стране Велюкюхов и ее населению. Разнообразие погребений в гробницах Мухана и Цамакаберда должно объясняться не только различиями в обычаях, связанных с погребениями разного времени, но, по нашему мнению, также с разнообразием в обычаях различных племен, которые согласно своим традициям и создали разные виды погребений.

Гробницы, обнаружившиеся из-под воды, и другие, находящиеся в тех же местах и относящиеся к тому же периоду гробницы принадлежали, очевидно, коренному населению тех мест. По всей вероятности, это были жители Прибрежной страны, указанной в Ордаклянской урартской клинообразной надписи царя Аргишти. В тексте этой клинообразной надписи читаем: «Величием бога Халди Аргишти говорит: завоевал я страну города Кехуни. Дошел (?) я до города Иштикуни. Страна в šana сторону озера... Аргишти, царь могущественный, царь страны Бианили, правитель Тушпа-города»⁵.

Цамакабердское погребальное поле расположено на расстоянии 6—7 км от места находки клинообразной надписи и не могло входить в состав какой-либо другой территории, кроме «Прибрежной страны», указанной в клинооб-

¹ Б. И. Бек-Мармарчев. Причины колебания..., стр. 200.

² Б. И. Бек-Мармарчев. Многолетняя кривая колебания..., стр. 53.

³ Там же, стр. 68.

⁴ Гр. Капанцян. Клинообразные надписи из Нор-Баязета. Ереван, стр. 19. О том же см. Известия Комитета по охране армянских памятников, 1929, № 3 (на арм. яз.); И. И. Мещанинов. Стела Сардура в Ване «Сурп Погос». Изв. Академии Наук СССР, VII серия, 1932, № 2, стр. 162.

⁵ Г. А. Мелнкшили. Урартские клинообразные надписи. ВДИ, 1953, № 3, стр. 267.

разной надписи, тем более что это погребальное поле находилось почти на окраине данной территории. Весьма вероятно, что этот могильник заключает погребения жителей города Кехуни. Этот город, вопреки до сих пор существовавшим мнениям, был расположен на побережье Севана.

Ныне на полуострове из-под воды озера появляются крепостные стены и развалины зданий; можно предполагать, что эти развалины принадлежали городу Кехуни.

Могильник Цамакаберда заслуживает больше внимания, так как обнаружился из-под воды только после спуска уровня воды в озере на 10 м, причем все-таки многие из гробниц еще целиком или частично находятся под водой. Следовательно, несомненно, что при совершении в этих гробницах погребений уровень воды в озере был еще намного ниже, чем при наших раскопках. «Остров» Севан, бесспорно, был связан широкой полосой суши с берегом, т. е. с раскопанным нами могильником. Из этого следует, что жители, погребавшие в этом могильнике покойников, имели свое поселение на существовавшем тогда полуострове. Это особенно ясно, если принять во внимание, что, кроме этого полуострова, поблизости от могильника нет другого удобного места для поселений. Окрестности могильника представляют собой гористую местность, непригодную для поселений. Мы предполагаем, что кромлехи Цамакаберда связаны с периодом образования армянской культуры, принимая во внимание, что в эпоху урартского господства в VII в. до н. э. заканчивался процесс образования армянского народа. Известно также, что VII—V вв. до н. э. были эпохой бурных передвижений внутри страны, а конец указанного периода был эпохой господства армянских царей Ервандидов. Следовательно, культура цамакабердских кромлехов может быть связана с началом образования армянской культуры и принадлежала какой-либо группе армянских племен, живших на полуострове в VI—V вв. до н. э.

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

О ПАНТИКАПЕЙСКОЙ ВЕСОВОЙ СИСТЕМЕ

Вопрос о весовых системах в последнее время сравнительно мало привлекал внимание исследователей античных государств Северного Причерноморья. Монетные весовые системы Ольвии, Херсонеса и Боспора уже давно¹ получили весьма обстоятельную разработку². При этом выяснена большая роль эгинской весовой системы в древнейшую эпоху, что теснейшим образом связано не только с большим значением этой системы в эллинском мире, но отчасти также и с хлебной торговлей Припонтских стран с Эгиной и Пелопоннесом³, хорошо засвидетельствованной в начале V в. до н. э.

Изучение ольвийских свинцовых гирь⁴ позволило А. Л. Бертье-Делагарду выдвинуть вполне обоснованное предположение, что в торговой весовой системе Ольвии применялась мина весом около 360 г (или 355 г), делившаяся на 60 драхм, в 6 г (5,91 г) каждая⁵. Вместе с тем А. Л. Бертье-Делагард счел нужным воздержаться от изучения боспорских гирь, пока не наберется необходимого материала⁶.

Как нам представляется, в настоящее время мы уже располагаем материалом, вполне достаточным для выяснения вопроса о пантикапейской весовой системе.

При раскопках Пантикапея в 1946 г. среди многочисленных и разнообразных предметов, найденных на Эспланадном раскопе, были обнаружены две свинцовые гири, отличающиеся очень хорошей сохранностью.

Первая гиря (рис. 1) представляет сравнительно тонкую пластину, почти квадратную по форме. Размеры ее 0,040 × 0,035 × 0,005 м, вес — 102,21 г. Посередине одной из сторон пластины вырезаны две буквы:

¹ А. Бертье-Делагард. Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене в половине IV в. до н. э. Нумизматический сборник, т. I. М., 1911, стр. 1 и сл.; е г о ж е. Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды. Нумизматический сборник, т. II. М., 1913, стр. 49 и сл.

² В последующее время потребовались только отдельные исправления и дополнения (А. Н. Зограф. Античные монеты, МИА, № 16, 1951, стр. 174 и сл.).

³ О вывозе понтийского хлеба на Эгину и в Пелопоннес мы находим прямое указание у Геродота (H e r o d ., VII, 147). Многочисленные находки коринфской расписной керамики в северопонтийских городах также свидетельствуют о торговых связях их с Пелопоннесом.

⁴ А. Бертье-Делагард. Относительная стоимость..., стр. 78 и сл., прим. 2.

⁵ Там же, стр. 81 и сл.

⁶ Там же, стр. 81 и сл., прим. 4.

КЕ, которые, очевидно, означают число — 25¹. Это число, несомненно, показывает количество весовых единиц, заключающихся в данной гире. Следовательно, вес такой единицы $102,21 \cdot 25 = 4,0884$ г. Подобная весо-

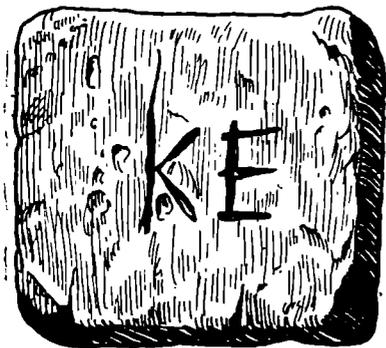

Рис. 1. Свинцовая гиря из Пантикапея, весом в $\frac{1}{4}$ пантикапейской мины.

Установить дату второй гири значительно труднее, чем первой. Она была найдена в позднеантичном слое среди разновременных памятников. Однако сходство фактуры, а равно и размеров обеих гирь, различаю-

вая единица может отвечать только драхме. В таком случае рассматриваемая гиря имеет вес $\frac{1}{4}$ мины, и, следовательно, пантикапейская мина равна 408,84 г. Хотя эта гиря была найдена в слое I—II вв. н. э., однако, судя по начертанию букв, ее нет оснований датировать временем позднее, чем последние века до нашей эры.

Вторая гиря (рис. 2), также почти квадратная по форме, несколько толще первой. Размеры ее: $0,041 \times 0,036 \times 0,009$ м, вес — 136,27 г. Такой вес составляет ровно третью часть пантикапейской мины: $\frac{136,27}{408,84} = \frac{1}{3,0002}$

Псчисление веса пантикапейской мины по второй гире дает 408,81 г, т. е. совершенно незначительное отклонение от первой цифры.

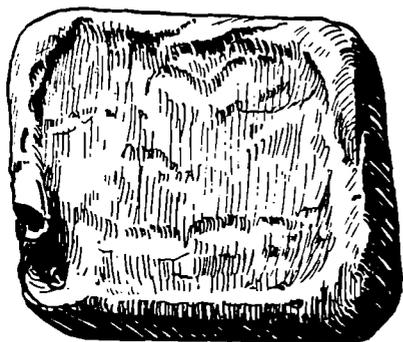

Рис. 2. Свинцовая гиря из Пантикапея, весом в $\frac{1}{3}$ пантикапейской мины.

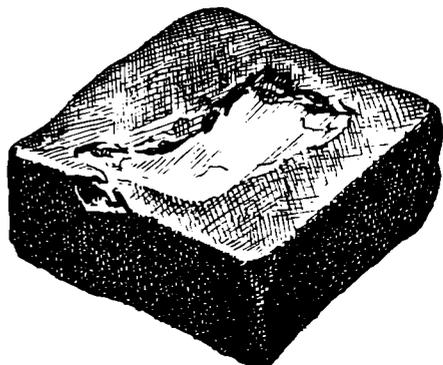

Рис. 3. Свинцовая гиря из Пантикапея, весом в $\frac{1}{2}$ пантикапейской мины.

щихся в сущности только по толщине, побуждают нас считать их сравнительно близкими и по времени.

Третья гиря (рис. 3), добытая при раскопках Пантикапея в 1952 г., была обнаружена на Верхнем Митридатском раскопе в «доме Коя». По стратиграфическим данным, она должна быть отнесена к концу VI в. до н. э.

¹ Над буквой К, которая, так же как и Е, прорезана довольно глубоко, виднеется чуть процарапанный, едва заметный знак, возможно, представляющий собой А. Если такое истолкование справедливо, то этот знак, может быть, означает: ἀγοραία. В таком случае резчик, исполнивший надпись на гире, хотел подчеркнуть, что достоинство ее отвечает 25 драхам торгового веса, который в Пантикапее был ниже веса, применяемого в монетной системе.

Эта гиря также очень хорошо сохранилась; она отличается от предыдущих большей толщиной. Размеры ее $0,035 \times 0,035 \times 0,015$ м, вес — 205,16 г. Исходя из наблюдений над двумя первыми гирями, можно заключить, что третья гиря весила половину мины.

Точный вес этой мины — 410,32 г, примерно на $1\frac{1}{2}$ г (1,48—1,51 г) выше, чем вес, выведенный из первых двух гирь. Это различие не следует объяснять только случайностью.

Весовая единица, установившаяся в Пантикапее еще в VI в. до н. э., вероятно, не подвергалась особым изменениям до последних веков до нашей эры. Однако изготовление новых гирь, возможно, производилось по старым образцам, которые, нужно думать, несколько обтирались вследствие их длительного употребления. Поэтому по прошествии нескольких столетий легко могло случиться, что гиря была изготовлена такого веса, что мина вместо 410,32 г равнялась только 408,81 г. Такая неточность тем более естественна, что все рассмотренные нами гири имеют приватный характер: на них нет клейм магистратов, которые подтверждали бы правильность их веса.

Таким образом, мы можем считать установленным, что пантикапейская мина весила от 408,81 до 410,32 г, т. е. величина ее в среднем отвечает старому русскому фунту (409,5 г).

Находки 1946 и 1952 гг. позволяют наметить возможный набор гирь, употреблявшихся в Пантикапее, или, скорее, часть такого набора. Эти гири весом в $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{3}$ и $\frac{1}{2}$ мины. Гири такого же достоинства засвидетельствованы и на западном Понте. В Томах применялись гири в 1, $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{8}$ мины, а в Каллатии — в $\frac{1}{3}$ и $\frac{1}{4}$ мины¹. Несколько иной набор наблюдался в Ольвии: в $1\frac{3}{4}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{5}$, $\frac{1}{8}$ мины².

Летом 1954 г., при раскопках Раевского городища, была обнаружена гиря в виде довольно тонкой свинцовой пластинки размером примерно $0,04 \times 0,04$ м, квадратной формы, со скругленными углами. Вес этой гири — 50,3 г — довольно точно отвечает $\frac{1}{8}$ пантикапейской мины. Согласно весу публикуемых нами гирь $\frac{1}{8}$ мины должна была колебаться от 51,1 до 52,54 г, в среднем составляя 51,2 г, т. е. менее чем на 1 г превышая вес гири с Раевского городища.

В дополнение к описанным пантикапейским гирям следует упомянуть об одной находке при раскопках в Дне-Тиритаке, в слое, заключавшем предметы эллинистического и римского времени. Там была обнаружена свинцовая гиря, по внешнему облику очень близкая пантикапейским³. Размеры ее $0,055 \times 0,054$ м (толщина не указана), вес — 276 г.

Указанный вес почти точно вдвое больше веса второй пантикапейской гири: $136,27 \text{ г} \times 2 = 272,54 \text{ г}$. Если же исходить из того, что пантикапейская мина весит 410,32 г, то в рассматриваемой гире будет 67,5 драхмы, т. е. примерно $\frac{2}{3}$ мины.

Таким образом, последняя находка пополняет наши представления о наборе разновесов на Боспоре. Вместе с тем последняя гиря позволяет выдвинуть еще одно предположение, а именно, что на Боспоре, так же как и во многих местах в древности, наряду с легкой миной, весившей 408,81—410,32 г, существовала еще и тяжелая, весом 819 г. Если последнее предположение справедливо, то гиря из Дии-Тиритаки представляет

¹ Т. В. Блаватская. Западнопонтские города в VII—I вв. до н. э. М., 1952, стр. 200.

² А. Бертье-Делагард. Относительная стоимость..., стр. 83.

³ Т. Н. Книпович и Л. М. Славян. Раскопки юго-западной части Тиритаки. МИА, № 4, 1941, стр. 58, рис. 84.

собой не $\frac{2}{3}$ обычной пантикапейской мины, а $\frac{1}{3}$ тяжелой пантикапейской мины.

Как известно, Пантикапей на значительном протяжении своего существования находился в весьма оживленных торговых сношениях с центрами Средиземноморья и Причерноморья; кроме того, в боспорскую столицу в значительном числе проникали обитатели различных эллинских городов, что особенно хорошо засвидетельствовано для IV—III вв. до н. э.

Рис. 4. Свинцовая гиря из Пантикапея, весом в $\frac{1}{2}$ персидской мины.

При таких обстоятельствах в Пантикапей легко могли завозиться гири, которые должны были находить широкое применение.

Такая завезенная на Боспор гиря была обнаружена при раскопках Пантикапея в 1949 г. (на Эспланадном раскопе). По внешнему облику эта гиря несколько отличалась от описанных нами пантикапейских гирь. Рассматриваемая гиря (рис. 4) представляет собой почти квадратную пластину размером $0,056 \times 0,53 \times 0,008$ м, на одной из сторон которой имеется рельефное изображение головы быка впрямь, а на другой — исполненная чуть выпуклыми буквами плохо сохранившаяся многострочная надпись.

С некоторым трудом поддаются чтению только первые две строки: АГОΡΑΝΟ|ΜΟΥΝΤΩΝ. Поверхность гири местами довольно сильно изъедена. В настоящее время она весит 220,56 г, первоначальный же вес ее был около 250 г. Такой вес явно не отвечает установленной нами пантикапейской весовой системе. Вместе с тем он довольно близок половине облегченной ассирийской¹ или персидской² мины (504,6 г).

Помимо таких гирь, привезенных на Боспор из других городов, в Пантикапее могли быть в ходу гири местной работы, но следующие иным весовым системам. Примечательна в этом отношении гиря из большого булыжника яйцевидной формы, найденная в Керчи в 1869 г.³ Этот камень весил 4043,8 г. На камне была высечена надпись⁴: ΔΕΚΑΤΟΝΜΙΝ, которая, скорее всего, должна быть истолкована как обозначение веса 9,5 мины. Такая мина должна была весить 426,5 г. Этот вес очень близок весу гири (426,63 г), найденной на Афинском акрополе в так называемом персидском мусоре⁵. Судя по характеру надписи, гиря должна быть отнесена к последней трети V в. — началу IV в. до н. э.⁶ — ко времени интенсивных торговых сношений Боспора с Атикой.

Так обстоит дело с находками гирь в Пантикапее. Несколько иную картину дают находки в малых городах Боспора.

¹ E. Babelon. Mina — Daremberg et Soglio. Dictionnaire, III, 2, стр. 1907.

² А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 42.

³ ОАК за 1869 г., стр. 192.

⁴ IOSPE, II, № 320.

⁵ E. Babelon. Ук. соч., стр. 1908.

⁶ J. Kirchner. Imagines inscriptionum atticarum. Berlin, 1948, № 28—31, 33—35, 40, 41, 43, 44.

Обнаруженная при раскопках Мирмикия 1936—1938 гг. свинцовая гирия в виде пластины размером $0,052 \times 0,045 \times 0,011$ м весит 293,2 г¹. Этот вес очень близок $\frac{1}{3}$ эвбейской мины (873 г)².

Значительно сложнее решить вопрос, к какой весовой системе относится гирия в виде свинцовой пластины с неясным клеймом, обнаруженная при раскопках Дии-Тиритаки³. Вес этой гири — 388 г, т. е. заметно ниже пантикапейской мины, и вряд ли может быть с достаточной долей вероятия связан с какой-либо иной системой⁴.

Завершая наш небольшой очерк, мы можем считать опровергнутым выдвигавшееся в свое время А. Л. Бертье-Делагардом⁵ предположение о том, что во всем Северном Причерноморье еще до прихода туда греков было установлено каппадокийскими корабельщиками господство финикийской торговой системы веса (легкая мина)⁶. С опровержением этого положения, разумеется, отпадают и все возможные, связанные с ним выводы.

Вместе с тем мы можем утверждать наличие в Пантикапее своей⁷ торговой весовой системы (мина — примерно 409,5 г, а драхма 4,095 г).

¹ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмикия в 1935—1938 гг., МИА, № 25, 1952, стр. 155.

² E. V a b e l o n. Ук. соч., стр. 1908.

³ Т. Н. Книпович и Л. М. Славин. Ук. соч., стр. 58, рис. 85. О гириях еще одной весовой системы см. В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи и окрестностях в 1909 г. ИАК, вып. 47, 1913, стр. 6, гробница № 11.

⁴ E. M i c h o n. P o n d u s — D a r e m b e r g e t S a g l i o. Dictionnaire, IV, I, стр. 550 и сл.; E. V a b e l o n. Ук. соч., стр. 1907 и сл.; H u l t s c h. Drachme. RE, V, стр. 1615.

⁵ А. Бертье-Делагард. Относительная стоимость..., стр. 84, 99 и сл.

⁶ Кстати сказать, самим А. Л. Бертье-Делагардом установлено наличие в Ольвии весовой системы, отличной от финикийской (ольвийская торговая мина — около 360 г).

⁷ Нужно, впрочем, отметить, что мина примерно такого же веса, видимо, имела употребление и в метрополии. Известны две бронзовые гирии с изображением головы быка, весом 409,81 г, хранящиеся в Берлинском музее (E. M i c h o n. Ук. соч., стр. 551).

М. М. ТРАПШ

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В СУХУМИ В 1951—1953 гг.

Территория Сухуми и его окрестности представляют большой интерес для изучения самых различных эпох, начиная от палеолита и кончая памятниками средневековья. Эта территория заслуживает самого тщательного археологического исследования. Достаточно сказать, что на территории Сухуми, по нашему мнению, была расположена древняя Диоскурия. Однако нужно отметить, что историко-археологическое изучение этого района до 1950 г. систематически не проводилось.

Впервые археологические раскопки в Сухуми, в западной части нынешнего сквера Руставели, были произведены В. И. Сизовым в 1886 г. В результате этих раскопок он собрал здесь богатый керамический материал: обломки простой глиняной посуды и амфор, чернолаковых и краснолаковых сосудов, свидетельствовавших о существовании здесь античного поселения в III—I вв. до н. э. Кроме того, В. И. Сизовым были найдены бронзовая монета города Амиса и остатки погребения у берега моря¹.

На территории того же сквера в 1925 г. археологические раскопки произвел А. С. Башкиров, который обнаружил много черепков изящной, прекрасного обжига, краснолаковой посуды, указывавшей на наличие здесь древнего поселения в I—III вв. н. э. Он произвел исследование также в Сухумской крепости, где им было установлено наличие трех разновременных культурных слоев, охватывавших период, начиная со II в. н. э. и кончая позднейшим средневековьем².

Культурные остатки древнего поселения были открыты также в 1940 г. при прокладке водопровода перед гостиницей «Рица». Здесь Л. Н. Соловьевым и И. А. Адзінба были собраны пирамидальные грузила, амфориски, большое количество фрагментов посуды амфорного типа, изящно сделанной посуды, покрытой черным, а в отдельных случаях и бурым лаком и один фрагмент посуды типа так называемой «мегарской» чаши³.

Наличие остатков античного поселения в Сухуми прослежено и далее по левой стороне р. Беслетки, вдоль берега моря до железнодорожной эстакады. Здесь кое-где под средневековым культурным слоем М. М. Иващенко⁴ были обнаружены обломки чернолаковой посуды.

¹ В. И. С и з о в. Восточное побережье Черного моря. МАК, вып. II, 1889, стр. 14—16.

² А. С. Б а ш к и р о в. Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 г. Изв. Абхазск. научн. об-ва, вып. IV, 1926, стр. 4—18.

³ Л. Н. С о л о в ь е в. Диоскурия... Труды Абхазск. гос. музея, вып. I. Сухуми, 1947, стр. 120, 121.

⁴ М. М. И в а щ е н к о. К вопросу о местонахождении Диоскурии древних. Изв. Абхазск. научн. об-ва, вып. IV, 1926, стр. 100, 101.

Такую посуду неоднократно находили и около того же района, на холме замка Баграта¹.

Чернолаковые сосуды III в. до н. э. вместе с железным оружием и другими вещами из частично разрушенного погребения были найдены Л. Н. Соловьевым в 1939 г. на западном склоне вершины холма Ахвыла-абаа, восточнее замка Баграта².

Такова вкратце история археологического исследования г. Сухуми.

О богатом историческом прошлом Сухуми, помимо приведенных данных, говорят значительные археологические находки, добытые на Сухумской горе в 1951 г. при производстве земляных работ по строительству городского лесопарка и, частично, раскопками Абхазского института языка, литературы и истории Академии наук Грузинской ССР.

Наиболее ранние предметы, найденные на Сухумской горе, относятся к эпохе поздней бронзы. Этот период представлен, во-первых, зарытым в простом грунте кладом, состоящим из 14 бронзовых топоров колхидско-кобанского типа, 2 «долот» и нескольких слитков того же металла; во-вторых, могильным инвентарем из грунтового погребения, состоящим из 3 бронзовых топоров колхидско-кобанского типа, одного бронзового, слегка граненого браслета и 2 глиняных сосудов небольшого размера. Эти находки свидетельствуют о том, что на территории современного Сухуми, еще задолго до возникновения античного поселения, находилось местное поселение, история которого восходит к глубокой древности.

Следующие находки на Сухумской горе охватывают период приблизительно V—III вв. до н. э. Здесь, по данным автора, обнаружено 12 разрушенных погребений: четыре кремационных, остальные — без следов сожжения. Все погребения грунтовые, за исключением одного в урне с пеплом покойника.

Железный инвентарь этих могил состоит из мечей с прямыми поперечными перекладинами на вершине рукояти, кинжалов с рогообразными наконечниками и сердцевидными перекрестиями, топоров-секир с широкими лопастями, топоров-молотков, наконечников копий и дротиков. В погребении № 2 вместе с железным мечом, железным топором-секирой и другими предметами (рис. 1) находились амфориск и донышко чернолакового сосуда типа котилы (рис. 2, 1, 6). В погребении 3, вместе с двумя железными топорами-секирами, подобными найденным в могиле 2, и другими предметами были найдены чернолаковый канфар и амфориск (рис. 2, 3, 4). В погребении 4 вместе с железным кинжалом (с рогообразным наконечником и сердцевидным перекрестием) и другими вещами находился железный топор-секира (рис. 3, 2) типа предыдущих погребений. В погребении 5 вместе с железным мечом (с поперечной перекладиной на вершине рукояти), топором-секирой и наконечником копья (рис. 3, 4, 6) был обнаружен амфориск (рис. 2, 2) типа предыдущих погребений.

Все указанные погребения по найденным в них предметам (чернолаковый канфар, мечи, топоры-секиры) датируются IV—III веками до н. э.

К бронзовым предметам, найденным в разрушенных погребениях Сухумской горы, относятся круглопроволочные браслеты с выгибом в средней части, пластинчатые браслеты, обрамленные по краям шишечками, колокольчики с цепочками и другие вещи. Кроме бронзовых предметов, в этих погребениях найдены также серебряные фибулы с пластинчатой — овальной формы — орнаментированной дужкой, с одним витком у основания дуги вместе с иглой, и другие предметы.

¹ Л. Н. Соловьев. Ук. соч., стр. 124, 125.

² Там же, стр. 124.

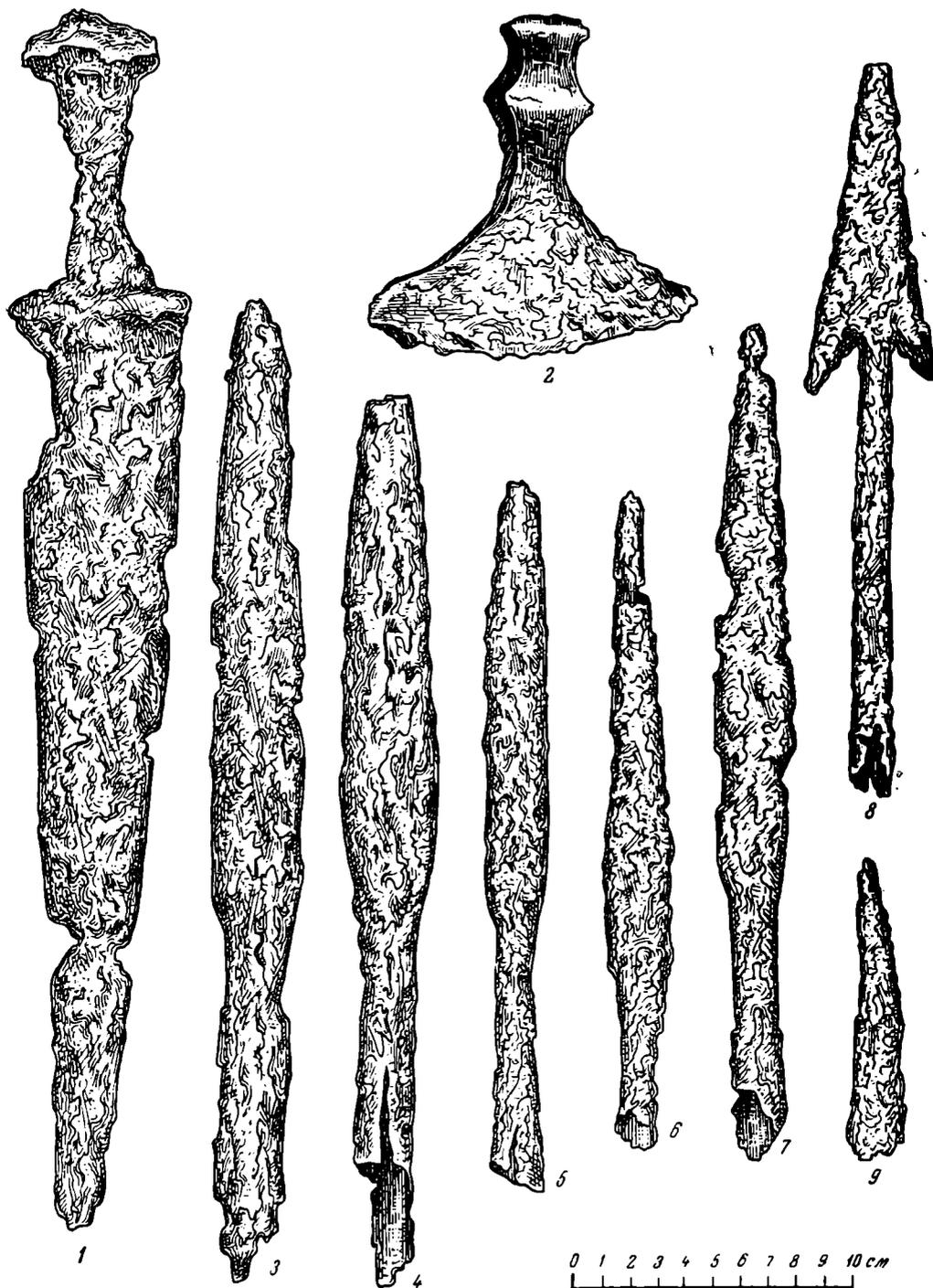

Рис. 1. Сухуми. Сухумская гора. Железный инвентарь погребения 2.

1 — меч с поперечной перекладиной на вершине рукояти; 2 — топор типа секиры-молотка; 3 — 7 — втульчатые наконечники копий; 8 — втульчатый дротик; 9 — втульчатый предмет.

Наряду с указанными выше вещами в могильном инвентаре Сухумской горы представлена также глиняная посуда, состоящая из кувшинов, горшков, амфор, амфорисков, чернолаковых канфаров и котил.

Выявленный археологический материал на Сухумской горе, лишний раз обратив наше внимание на научную важность рассматриваемой ме-

ственности в историко-археологическом отношении, указал на необходимость приступить к планомерному и систематическому исследованию данной территории и ее окрестностей.

В марте 1952 г. Абхазским институтом языка, литературы и истории Академии наук Грузинской ССР был исследован небольшой участок, прилегающий к развалинам южной стены Сухумской крепости. Стратиграфическими наблюдениями выявлены здесь четыре культурных наслоения.

Рис. 2. Сухуми. Сухумская гора. Глиняная посуда.

1 — доньшко чернолаковой котилы (погребение 2); 2 — амфориск (погребение 5); 3 — чернолаковый канфар (погребение 3); 4 — амфориск (погребение 3); 5 — чернолаковый канфар (погребение 7); 6 — амфориск (погребение 2).

Под растительным почвенным слоем залегал культурный слой мощностью 3,25 м, являвшийся насыпным грунтом. В этом слое были найдены водопроводные трубы, плоские черепицы, обломки от различных глиняных сосудов (кувшины, горшки) и другие предметы, относящиеся к поздне-средневековому времени.

Второй культурный горизонт толщиной 1 м, залегающий под первым, образовался путем наслоения разных отбросов строительного и иного мусора. В этом слое встречались обломки стеклянных браслетов, черепки, покрытые темнозеленой, светложелтой и коричневой глазурью, гончарные трубы, кирпичи и черепицы, фрагменты от простой посуды из красной и серовато-черной глины и другие вещи, которые могут быть отнесены к XI—XIII вв. Ниже этого слоя находилась погребенная в древности растительная почва толщиной 20 см, лишенная культурных остатков, что, возможно, свидетельствует о перерыве жизни человеческого поселения на этом участке.

Третий культурный горизонт толщиной от 80 см до 1 м состоит из темновато-серого цвета глины с примесью песка, гальки и гравия. В этом слое найдены: кабаньи клыки, пряслица, черепки от посуды из серовато-черной глины, фрагменты чернолаковой посуды, светильники, бронзовая арбалетовидная фибула, ряд римских медных монет I—II вв. н. э. (рис. 4).

В четвертом культурном слое толщиной 40 см, имеющем черноватый цвет с примесью песка и гравия, обнаружены фрагменты простой глиняной посуды с различными видами орнаментации, в том числе ручки, доньшки, горлышки амфор и черепки чернолаковых сосудов (рис. 5), а также обгорелые кости животных, древесные угольки и т. д. Этот культурный слой

по выявленным в нем обломкам амфорных и чернолаковых сосудов определяется временем приблизительно V—III вв. до н. э.

Таковы результаты исследований, произведенных в Сухумской крепости.

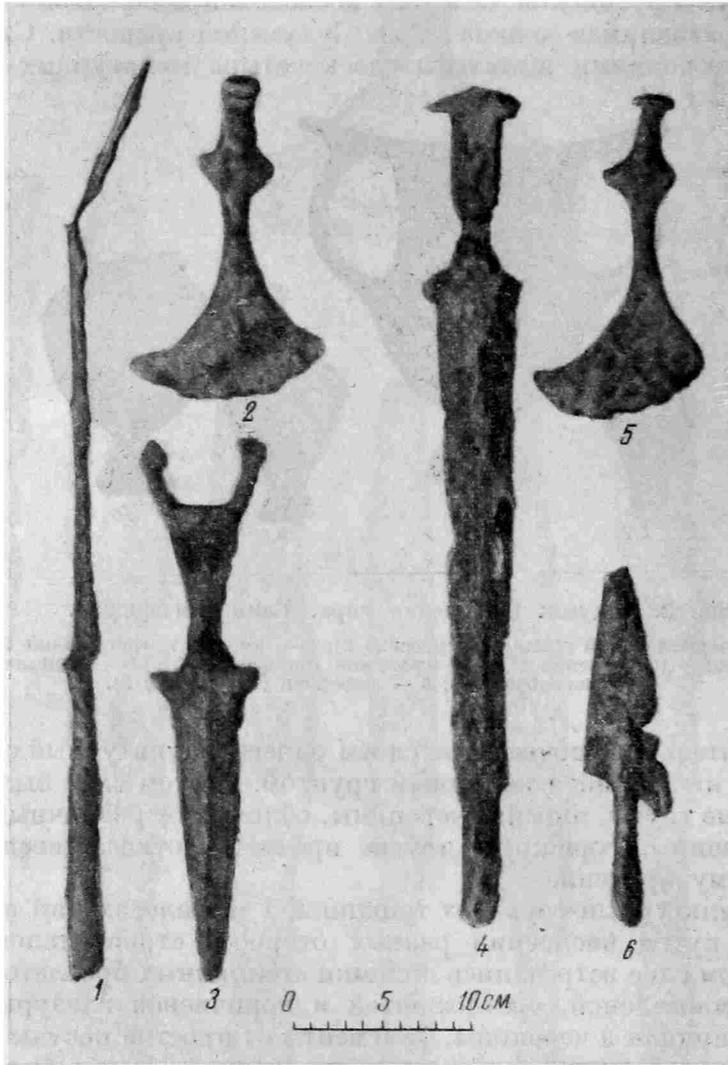

Рис. 3. Сухуми. Сухумская гора. Железный инвентарь.

1 — втульчатый четырехгранный наконечник копья (погребение 4);
2, 5 — топоры типа сефиры-молотка (погребение 4); 3 — финжал с рогообразным навершием и сердцевидным перехлестием (погребение 4); 4 — меч с поперечной перекладиной на вершине рукояти (погребение 5); 6 — втульчатый наконечник копья (погребение 5).

Для сбора более широкого археологического материала в мае и июле 1952 г. Абхазским институтом языка, литературы и истории Академии Наук Грузинской ССР были произведены археологические разведки и раскопки на горе Гуад-иху¹, находящейся севернее Сухумской горы, на границе между г. Сухуми и сел. Бирцха (рис. 6).

¹ Название горы Гуад-иху в переводе с абхазского означает «возвышенность Гуада». С вершины этой горы открывается широкая панорама на дальние горы и ущелья. Внизу лежит всхолмленная равнина, где расположились селения Бирцха, Абжаква и др.

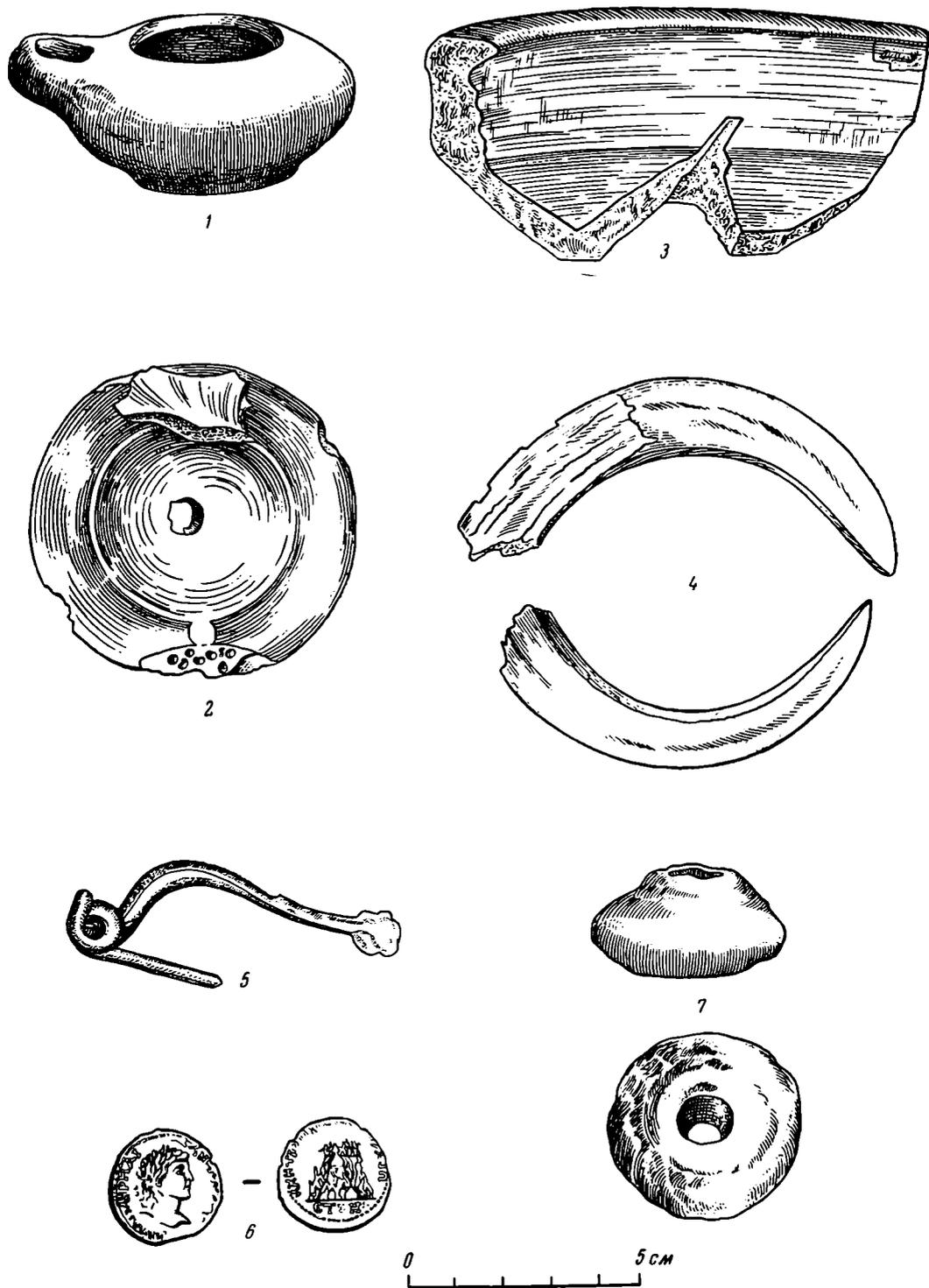

Рис. 4. Сухуми. Сухумская крепость. Находки из третьего культурного слоя.

1 — светильник; 2 — фрагмент краснолакового светильника; 3 — обломок краснолаковой миски; 4 — кабаньи клыки; 5 — арбалетовидная бронзовая фибула; 6 — римская медная монета третьей четверти II в. н. э.; 7 — пряслице.

Данное место было выбрано для исследования в результате производившихся в 1952 г. в окрестностях г. Сухуми археологических наблюдений. Во время этих наблюдений внимание было обращено на значительное количество черепков от посуды, встречавшихся на склонах названной

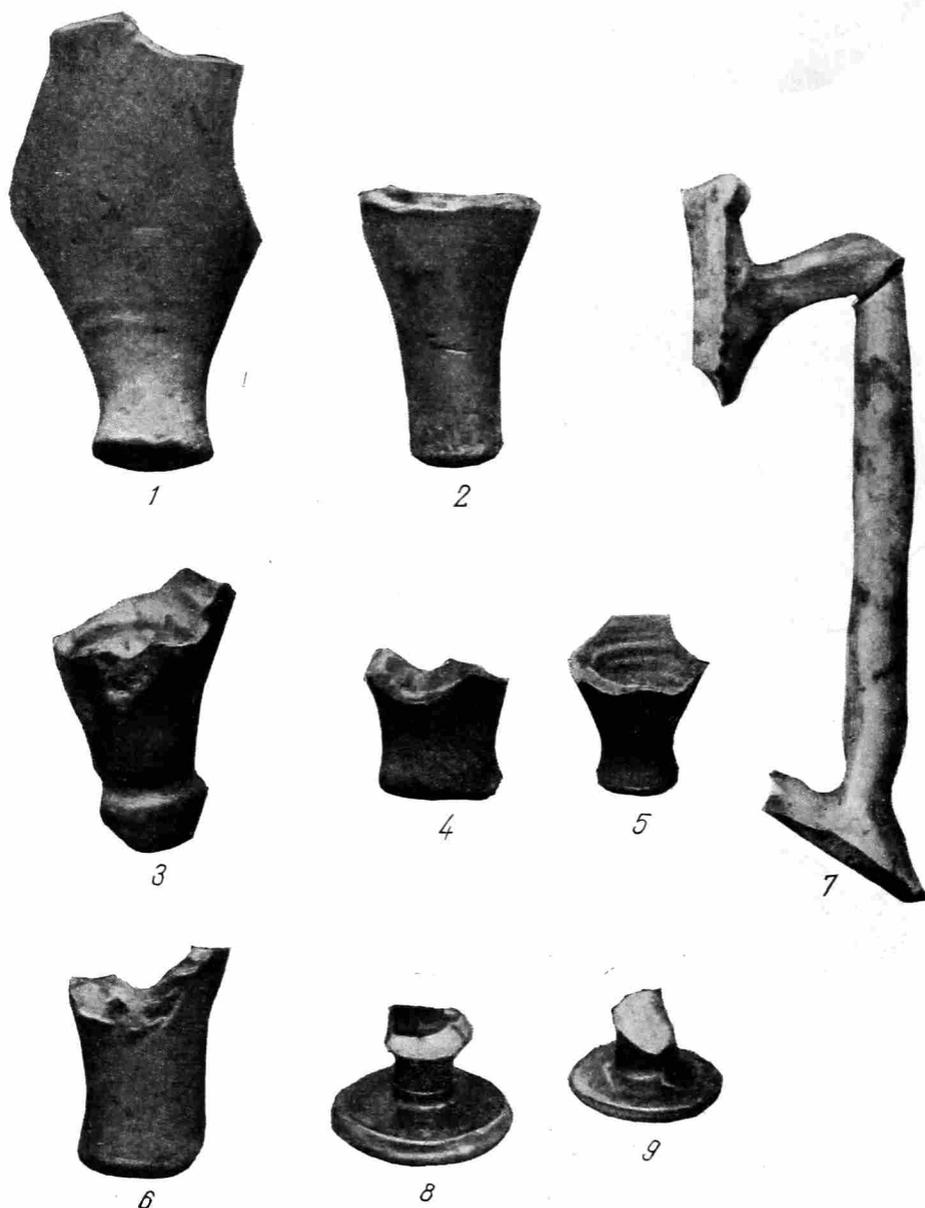

Рис. 5. Сухуми. Сухумская крепость. Находки из четвертого культурного слоя. Фрагменты глиняной посуды.

1—6 — доньшки амфор; 8—9 — ножки чернолаковых вилликов; — двустольная ручка амфоры.

горы. При дальнейшем осмотре здесь были найдены пирамидальное керамическое грузило и обломок чернолакового сосуда. В районе обнаружения последних двух предметов были заложены в нескольких местах контрольные разведывательные шурфы. Здесь, в 4 м от места первоначального нахождения чернолакового обломка, обнаружилось человеческое погребение с богатым могильным инвентарем, состоявшим из железных

предметов (топор-секира, меч, наконечники копий, дротики) и глиняных сосудов, в том числе чернолаковых.

Этот результат дал основание приступить к археологическому исследованию горы Гуад-иху.

Исследование было начато на северном склоне названной горы — на месте первоначальных находок; оно велось сначала разведывательными траншеями, которыми была намечена площадь для исследования размером около 50 кв. м. На этой площади было вскрыто еще четыре простых грунтовых погребения, относящихся приблизительно к IV в. до н. э. Дальнейшие работы, произведенные на северном склоне горы Гуад-иху, не дали положительных результатов.

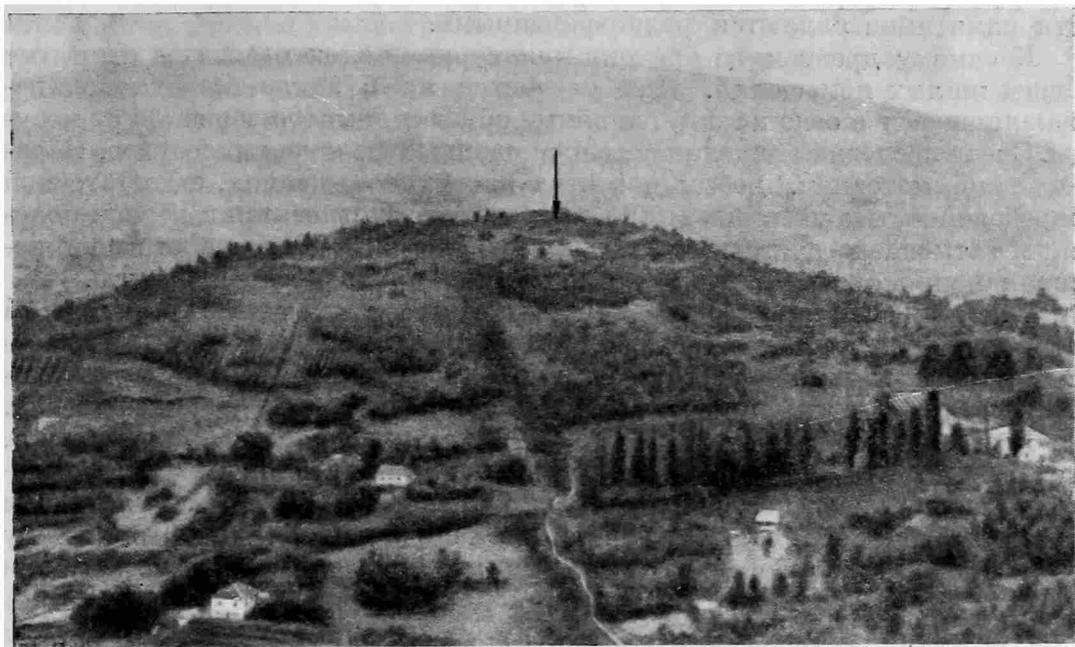

Рис. 6. Сухуми. Общий вид горы Гуад-иху (южный склон, стрелка показывает место раскопок).

Следующим объектом исследования был избран южный склон горы Гуад-иху. На этом склоне после тщательных поисков траншеями удалось обнаружить некрополь. Разведывательными траншеями была установлена юго-восточная граница некрополя, откуда и было начато исследование могильника.

Раскопанная площадь составила 345 кв. м. Эта площадь, вскрытая четырьмя раскопами, исследовалась по штыкам до обнаружения могильных пятен или до материка. При этом в земле встречались черепки различных сосудов (доньшки, стенки, венчики и др.), сделанных на гончарном круге.

Кроме того, на этой площади местами встречались каменные орудия — полированные топоры, мотыги, грузила, зернотерки и обломки от грубых лепных глиняных сосудов с простыми орнаментами, относящиеся к концу эпохи неолита. Эти памятники свидетельствуют о том, что освоение данной местности началось в очень ранний период.

Произведенными раскопками на вскрытой площади обнаружено 45 грунтовых кремационных погребений, которые по найденным в них предметам датируются приблизительно V—III веками до н. э.

Таким образом, раскопками 1952 г. на горе Гуад-иху вскрыто всего 50 погребений.

В 1953 г. Абхазским институтом языка, литературы и истории Академии наук Грузинской ССР была организована вторая археологическая экспедиция для дальнейшего исследования некрополя на горе Гуад-иху. Экспедиция ставила своей задачей выявить дополнительный археологический материал к раскопкам 1952 г. с тем, чтобы получить более полную картину развития культуры древнего населения, занимавшего территорию современного Сухуми во второй половине I тысячелетия до н. э.

Исследование могильного поля производилось небольшими площадями. Раскопанная площадь составила более 400 кв. м и на ней обнаружено 24 грунтовых кремационных погребения и следы 2 жилых помещений. Эти памятники являются разновременными.

К самому древнему времени культурному слою относятся открытые следы жилых помещений. При расчистке их в земле встречались перекалившиеся в огне камни, глиняные обмазки и много черепков от посуды. Среди последних находились оплакованные фрагменты сосудов. Керамический материал, добытый в этих жилых помещениях, с достаточной определенностью указывает на то, что остатки их относятся к первой половине I тысячелетия до н. э., когда в районе раскопок, еще до возникновения некрополя, существовало поселение эпохи поздней бронзы.

К следующему, более позднему времени принадлежит инвентарь 24 кремационных погребений, возраст которых по обнаруженным в них железным топорам-молоткам, железным топорам типа секиры-молотка, чернолаковым сосудам и другим предметам определяется временем V—III вв. до н. э.

Всего на горе Гуад-иху в 1952—1953 гг. раскопаны 74 погребения, которые по своему устройству и обряду захоронения покойников подразделяются на два типа. К первому типу относятся округлые могильные ямы без всякой обкладки с полной кремацией покойников. Ко второму типу принадлежат могильные ямы удлиненной формы с частичным сожжением покойников (до обугливания костей).

Покойники, хоронившиеся по обряду первого типа, подвергались полной кремации вместе с инвентарем вне могил, затем их пепел вместе с остатками инвентаря, древесными угольками и золой складывался в погребальные ямы. Что касается второго типа захоронения, то он совершался непосредственно в могильных ямах, которые были ориентированы с востока на запад.

Переходя к рассмотрению могильного инвентаря, раскопанного на горе Гуад-иху в 1952—1953 гг., прежде всего нужно отметить, что из выявленных там двух типов погребений, располагавшихся на глубине от 40 до 70 см, преобладающим является первый тип, т. е. могильные ямы округлой формы с полной кремацией покойников. Факт установления различных форм могильных ям и обрядов захоронения покойников указывает, по нашему мнению, на неоднородность этнического состава древнего населения, оставившего некрополь на горе Гуад-иху, приблизительно в V—III вв. до н. э.

Раскопанный в некрополе большой археологический материал—в основном местного производства. Он является ценнейшим историческим источником для изучения подлинной истории древнего населения Сухуми в социальном, экономическом и культурном отношениях.

Изучение инвентаря могил показывает, что часть погребений не содержала никаких вещей, а если они и имелись, то состояли обычно из нескольких простых предметов. Другая же часть погребений содержала значительное количество вещей, в состав которых входят различные художественные изделия, сделанные с большим техническим мастерством.

Эти факты свидетельствуют о том, что население Сухуми в V—III вв. до н. э. по своему хозяйственному положению и социальному составу не являлось однородным, что в нем наличествовала в сильной степени классовая дифференциация.

Выявленный в погребениях инвентарь состоит из различных групп памятников. К первой из них принадлежат бронзовые орудия, так называемые сечки, которые впервые были найдены в погребении. Они имеют одинаковую форму — вид плоского стержня с округлым лезвием. Орудия подобного типа встречаются только в Колхиде. И в пределах самой Колхиды они распространены лишь на определенной территории, начиная от Сухуми до современного турецкого Лазистана¹. Такие изделия в древней Колхиде применялись, повидимому, для резания кожи, так как развитое скотоводческое хозяйство на этой территории могло способствовать появлению подобных специфических орудий для обработки кожи.

Вторая группа находок некрополя состоит из большого количества железного боевого оружия, в состав которого входят: мечи с поперечными перекладинами на вершине рукояти, кинжалы с сердцевидными перекрестьями, топоры-молотки, топоры-секиры с широкими лопастями, наконечники копий, дротики, которые имеют аналогию с подобного рода памятниками, обнаруженными на Сухумской горе в 1951 г.

В погребении 19 в некрополе на горе Гуад-иху вместе с железным мечом (с поперечной перекладиной на вершине рукояти), втульчатыми железными наконечниками копий и другими предметами (рис. 7) был найден чернолаковый сосуд (рис. 8,5), имеющий сходство с котилой. В погребении 17 вместе с железным кинжалом (с сердцевидным перекрестьем), железным топором-молотком, синей стеклянной бусиной (с глазками) и другими вещами находились втульчатые железные наконечники копий (рис. 9) того же типа, что и в предыдущем погребении.

Железные мечи из некрополя Гуад-иху и Сухумской горы имеют сходство с железными мечами, обнаруженными в Пашковском² и Усть-Лабинском³ могильниках Краснодарского края. Мечи из Усть-Лабинского могильника Н. В. Анфимов датирует IV веком и началом III в. до н. э.⁴

Железные кинжалы типа сухумских встречаются на обширной территории. В Грузии они известны из могильников Двани⁵ и Верхней Рачи⁶. На Северном Кавказе подобные кинжалы найдены в станице Келермесской⁷ и Краснодарском могильнике⁸. Аналогичные кинжалы известны и из степной полосы юга России⁹.

¹ Н. В. Хоштария. Об одном бронзовом орудии из Колхиды. КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 177, 178; Н. В. Трубников а. К вопросу о назначении «кобанских сечек». КСИИМК, XVIII, 1947, стр. 49, 50.

² К. Ф. Смирнов. О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана. КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 163, рис. 48, 3.

³ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской. МИА, № 23, 1951, стр. 166, рис. 4, 5.

⁴ Там же, стр. 162—168.

⁵ С. И. Макалатия. Раскопки Двинского могильника. СА, XI, 1949, стр. 225, рис. 4. 1.

⁶ Г. Ф. Гобеджидзе и Ш. И. Археологические раскопки в советской Грузии (на груз. яз.), 1952, стр. 99, табл. XIII—XV.

⁷ А. А. Миллер. Раскопки в районе древнего Танаиса. ИАК, вып. 35, 1910, стр. 104, табл. V, рис. 23а.

⁸ Н. В. Анфимов. К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху. СА, XI, 1949, стр. 258, рис. 9.

⁹ А. А. Бобринский. Курганы и случайные находки близ местечка Смелы, т. I, СПб., 1887; т. II, СПб., 1894.

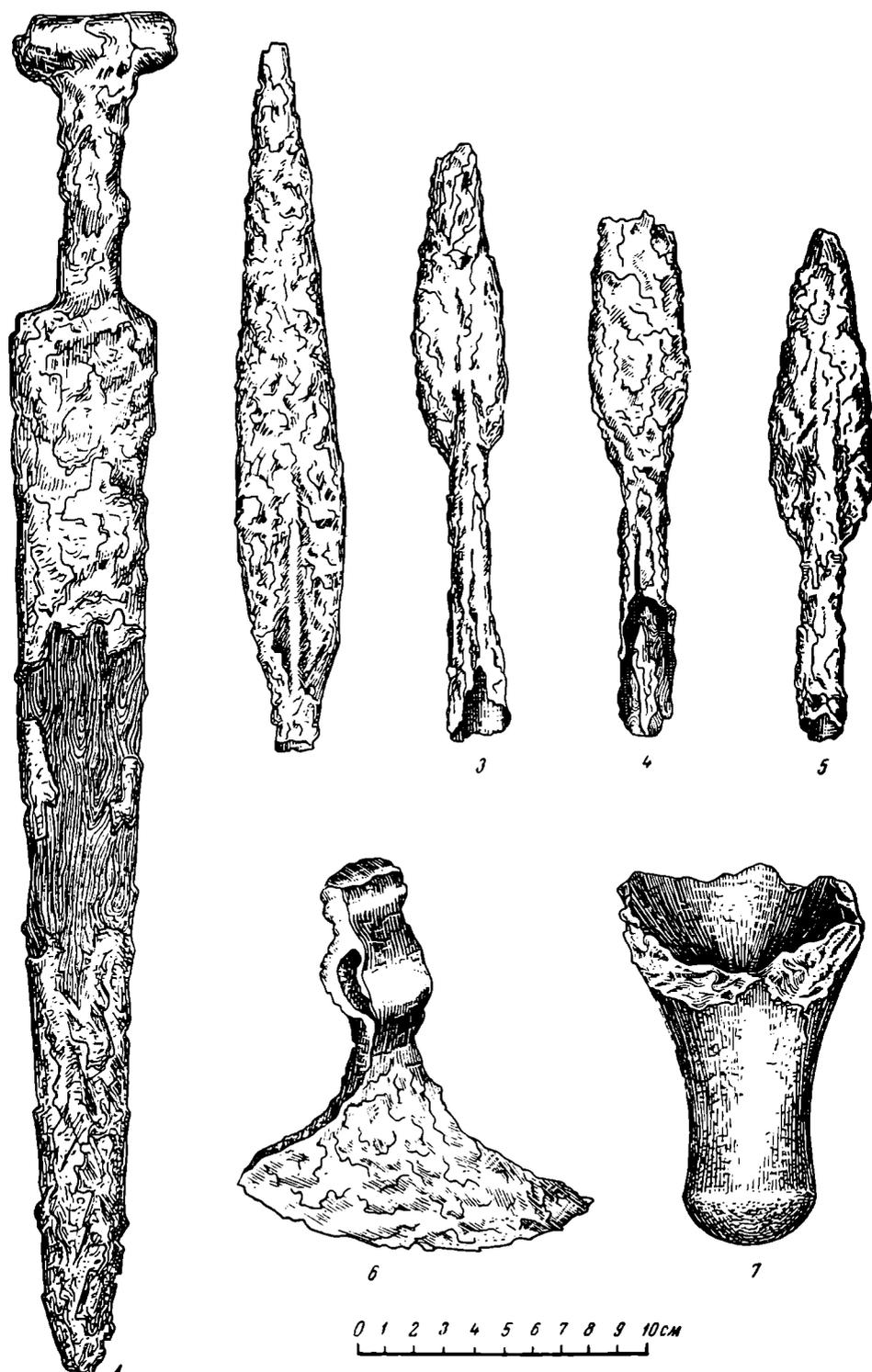

Рис. 7. Сухуми. Некрополь на горе Гуад-иху. Инвентарь погребения 19
(1—6 — железные изделия).

1 — меч с поперечной перекладиной на вершине рукояти; 2—5 — втульчатые наконечники копий; 6 — топор типа секиры-молотка; 7 — доньшко амфоры.

В отношении топоров-молотков из некрополя горы Гуад-иху и Сухумской горы надо заметить, что они по некоторым своим чертам (овальное насадочное отверстие, общий профиль) напоминают бронзовые колхидско-кобанские топоры типа «б» по уваровской классификации. Что касается указанных топоров-секир с широкими лопастями, то подобные изделия встречаются в отчетливо выраженной форме в орнаментах и рисунках некоторых археологических памятников, обнаруженных при раскопках некрополя в Херсонесе¹ и в скифском кургане близ Воронежа². На этих памятниках изображены скифские воины, держащие в руках топоры-секиры, тождественные с сухумскими.

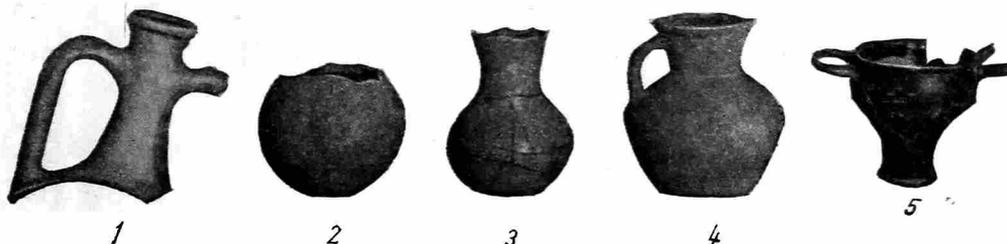

Рис. 8. Сухуми. Некрополь на горе Гуад-иху. Глиняная посуда.

1 — горло амфоры из третьего культурного слоя (Сухумская крепость); 2 — горшок (погребение 16); 3 — кувшин без ручки (погребение 17); 4 — кувшин (погребение 24); 5 — черноталовая котила (погребение 19).

Следует указать, что в добытых материалах из некрополя на горе Гуад-иху в 1952—1953 гг. совершенно отсутствует бронзовое оружие. Аналогичное явление имеет место и в синхронных с сухумским некрополем могильниках Парцханаканеви Кутаисского района³ и Добла-Гоми Самтредского района⁴ (Западная Грузия). Эти факты говорят об окончательном переходе на территории Колхиды примерно в VI—V вв. до н. э. от бронзового оружия к железному.

Третья группа памятников из некрополя горы Гуад-иху состоит из литых бронзовых перстней-печатей (рис. 10), являющихся высокохудожественными ювелирными изделиями. На их щитках имеются различные вырезные изображения, которые по своему стилю и технике исполнения принадлежат к античному художественному ремеслу. В одной из могил (№ 18) было обнаружено восемь лежавших в куче перстней; из них на четырех имеются вырезные человеческие фигуры. Фигура первого перстня (рис. 10, 1), обнаженная, с крыльями за спиной, сидит на стуле, и на правой вытянутой ее руке сидит фантастическая птица с распростертыми крыльями. Фигура второго перстня (рис. 10, 2), с обнаженным до пояса туловищем, сидит на стуле и играет на свирели. Человеческая фигура, переданная на третьем перстне (рис. 10, 3), одета в длинный плащ, сидит на стуле и держит в руках ветвь. Фигура четвертого перстня (рис. 10, 4), обнаженная, с крыльями за спиной, стоит на одном колене. На остальных четырех перстнях изображены следующие фигуры животных: на первом — сфинкс, на втором — лев, на третьем — лошадь и на последнем — орел. Вместе

¹ Б. Н. Граков. Скифский Геракл. КСИМК, XXXIV, 1950, стр. 14, 15, рис. 3.

² М. И. Ростовцев. Воронежский серебряный сосуд. МАР, вып. 34, 1914, стр. 79 и сл., табл. I, рис. 1 и 2.

³ М. М. Иващенко. Кувшинный могильник Западной Грузии. СА, XIII, 1950, стр. 320 и сл.

⁴ Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, т. II. Тбилиси, 1950.

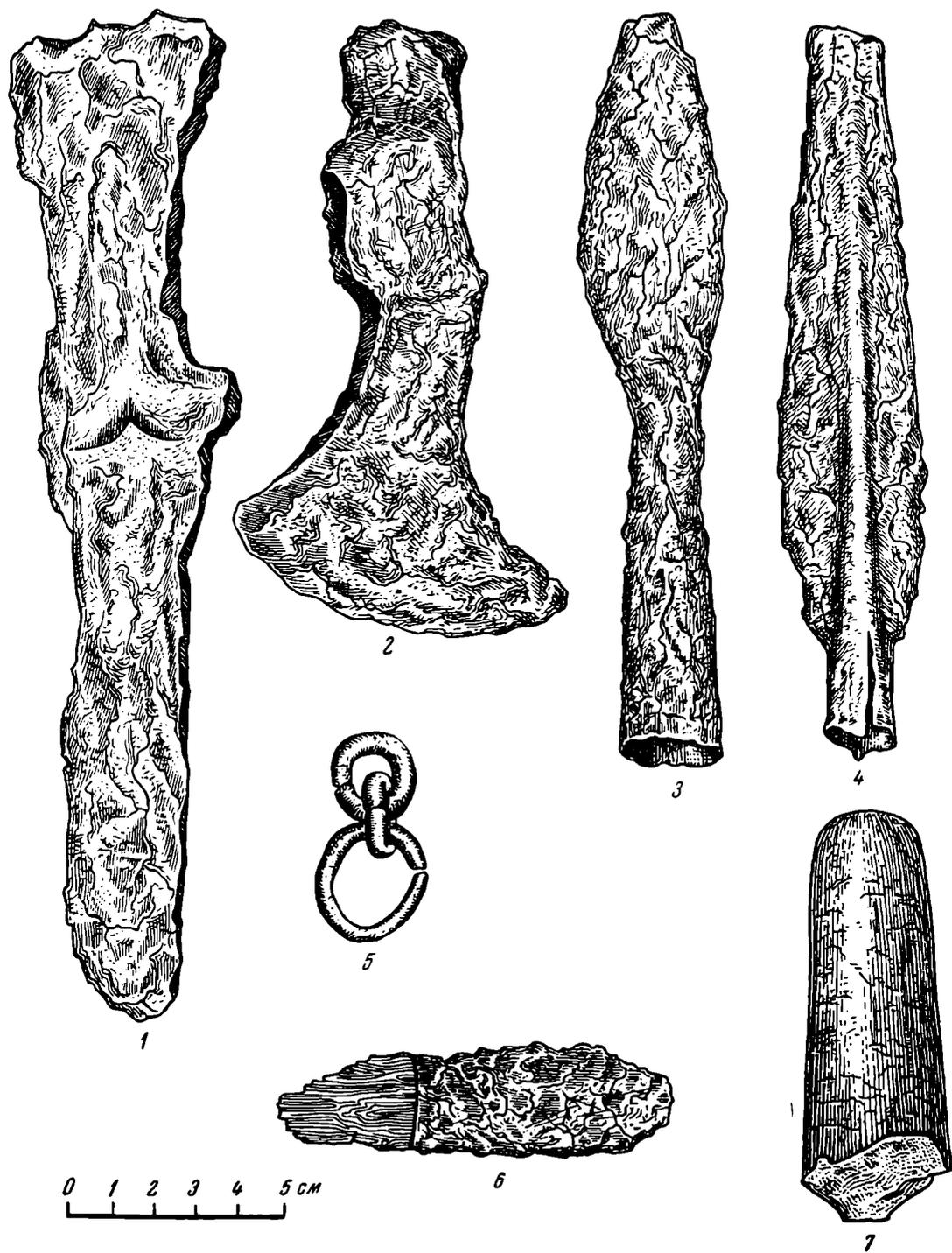

Рис. 9. Сухуми. Некрополь на горе Гуад-иху. Инвентарь погребения 17 (1—4, 6—железные изделия).

1 — кинжал с сердцевидным перекрестием; 2 — топор-молоток; 3—4 — втульчатые наконечники копий; 5 — бронзовая цепочка; 6 — нож; 7 — оселок.

с перстнями в этом погребении находились два сильно фрагментированных чернолаковых сосуда (возможно, типа котил) и другие предметы.

Значение этих перстней-печатей заключается в том, что они, помимо остального раскопанного могильного инвентаря, служат важным источ-

ником для суждения о социально-экономическом положении древнего населения Сухуми, которому, несомненно, принадлежало открытое кладбище на горе Гуад-иху.

Давно установлено, что еще в древнем мире перстни с вырезанными изображениями служили преимущественно печатями. Их применяли не только для скрепления как частных, так и официальных документов, но также и для охраны и закрепления имущества за его собственником. Поэтому есть все основания сказать, что большинство перстней выполняло функцию печатей, и владельцы их, безусловно, принадлежали к богатой торгово-аристократической части древнего населения Сухуми.

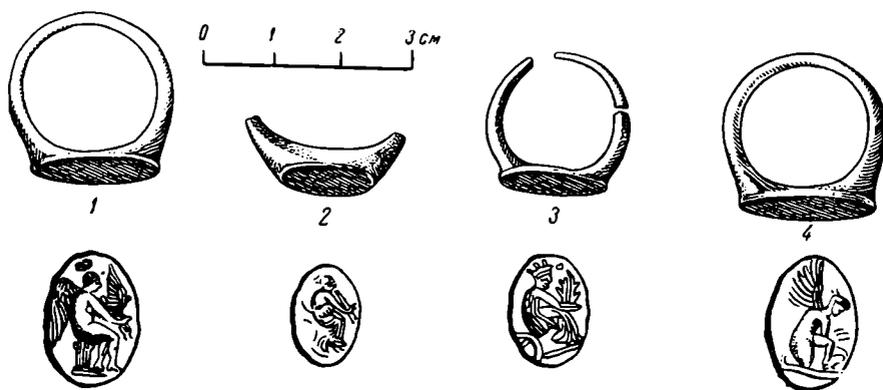

Рис. 10. Сухуми. Некрополь на горе Гуад-иху. Бронзовые перстни - печати из погребения 18.

Четвертая группа находок некрополя состоит из различных видов бронзовых украшений, среди которых преобладающими являются кругло-проволочные браслеты. Последние принадлежат к следующим типам:

первый тип (рис. 11, 1, 2) — браслеты с пятью, семью, десятью и шестнадцатью напльвами, украшенными продольными рубцами;

второй тип (рис. 11, 3) — браслеты, снабженные в пяти местах утолщениями четырехгранно-призматической формы;

третий тип (рис. 11, 4) — браслеты с винтовидной нарезкой и птицеобразными головками на концах;

четвертый тип — трехгранные браслеты с наружными поперечными надрезами и драконовыми головками на концах;

пятый тип (рис. 11, 5) — браслеты с утолщенными концами, украшенными винтообразной нарезкой;

шестой тип (рис. 11, 6) — браслеты со змеиными головками;

седьмой тип — браслеты с поперечными наружными надрезами, чередующимися с продольными врезными линиями и гладкой поверхностью.

Браслеты, аналогичные первым четырем типам, прослеживаются пока только в Абхазии¹ и на территории Западной Грузии².

Следующий вид украшений состоит из однотипных бронзовых булавок. Среди них по величине и техническому мастерству исполнения обращает на себя внимание булавка (рис. 12, 1) с головкой из шести расходящихся в плоскости полосок, длиной около 7 см, состоящих каждая из двух как

¹ А. Л. Лукин. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии. Труды Отд. истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа, т. I. Л., 1941, табл. XV, 3, 4; табл. XXI, 7.

² Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, т. I. Тбилиси, 1949, рис. 9, 3; т. II, Тбилиси, 1950, табл. А.

бы сплетенных жгутов. Полоски упираются в перекладину, концы которой украшены смотрящими в противоположные стороны бараньими головками. Перекладина снабжена восемью ушками с подвесками в виде колокольчиков. У основания полосок с одной стороны положен спиральный круг, а с другой стороны имеется ушко. Длина булавки — около 21,5 см. Предельная ширина верхней ажурной части — 8,8 см. Бронзовая булавка,

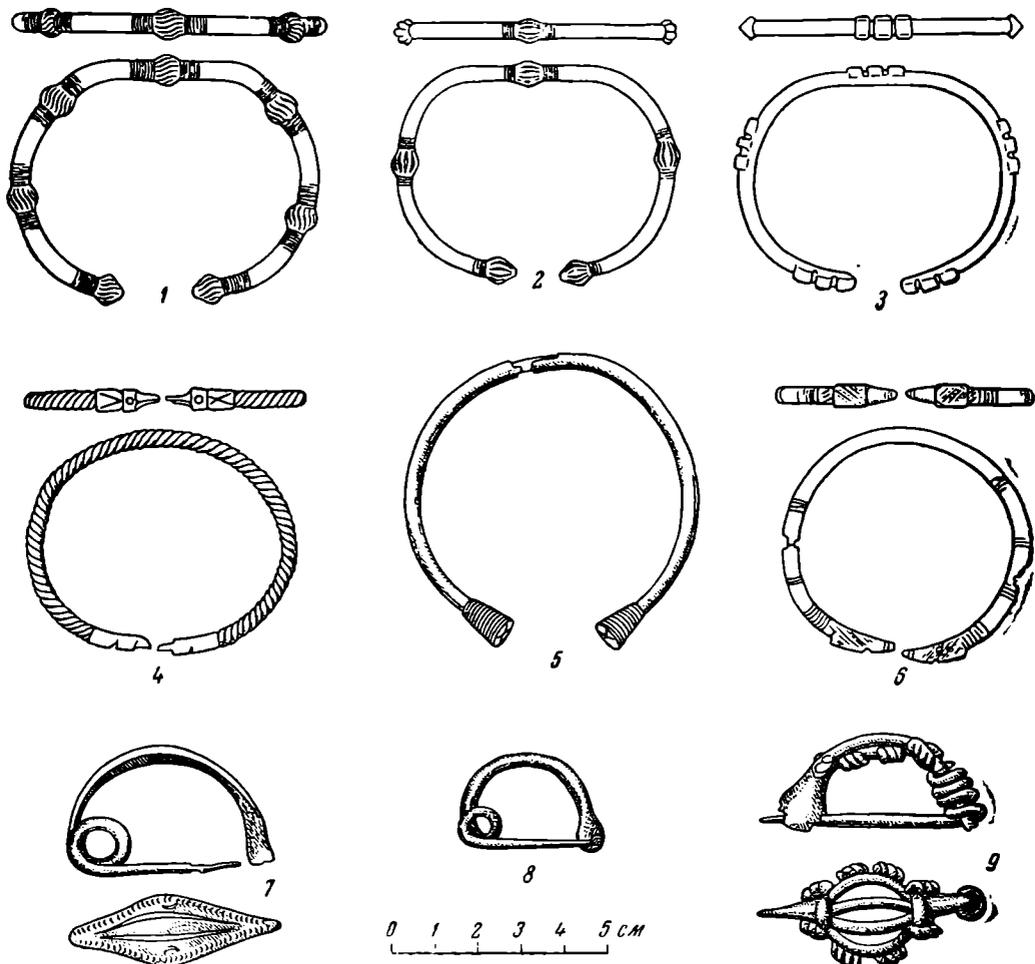

Рис. 11. Сухуми. Некрополь на горе Гуад-иху. Бронзовый инвентарь.

1—2 — браслеты с напыльями (погребение 58); 3 — браслет с утолщениями четырехгранно-призматической формы (погребение 55); 4 — браслет с винтообразной нарезкой и птицеобразными головками на концах (погребение 59); 5 — браслет с концами конической формы (погребение 72); 6 — браслет со змеиными головками (погребение 59); 7 — фибула с пластинчатой дужкой (погребение 72); 8 — фибула со слегка граненой проволочной дужкой (погребение 72); 9 — двучленная фибула со своеобразной разделкой дужки (погребение 72).

имеющая некоторое сходство с описанными, известна из сел. Мцара, Гудатского района, Абхазской АССР¹.

На Северном Кавказе, в частности из могильника Нижней Рутхи, известны большого размера двучленные бронзовые булавки², головки которых состоят из таких же расходящихся в плоскости полосок, как у сухумских.

¹ А. Л. Лукин. Ук. соч., табл. XV, 2.

² П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, вып. VIII, 1900, стр. 250, рис. 202.

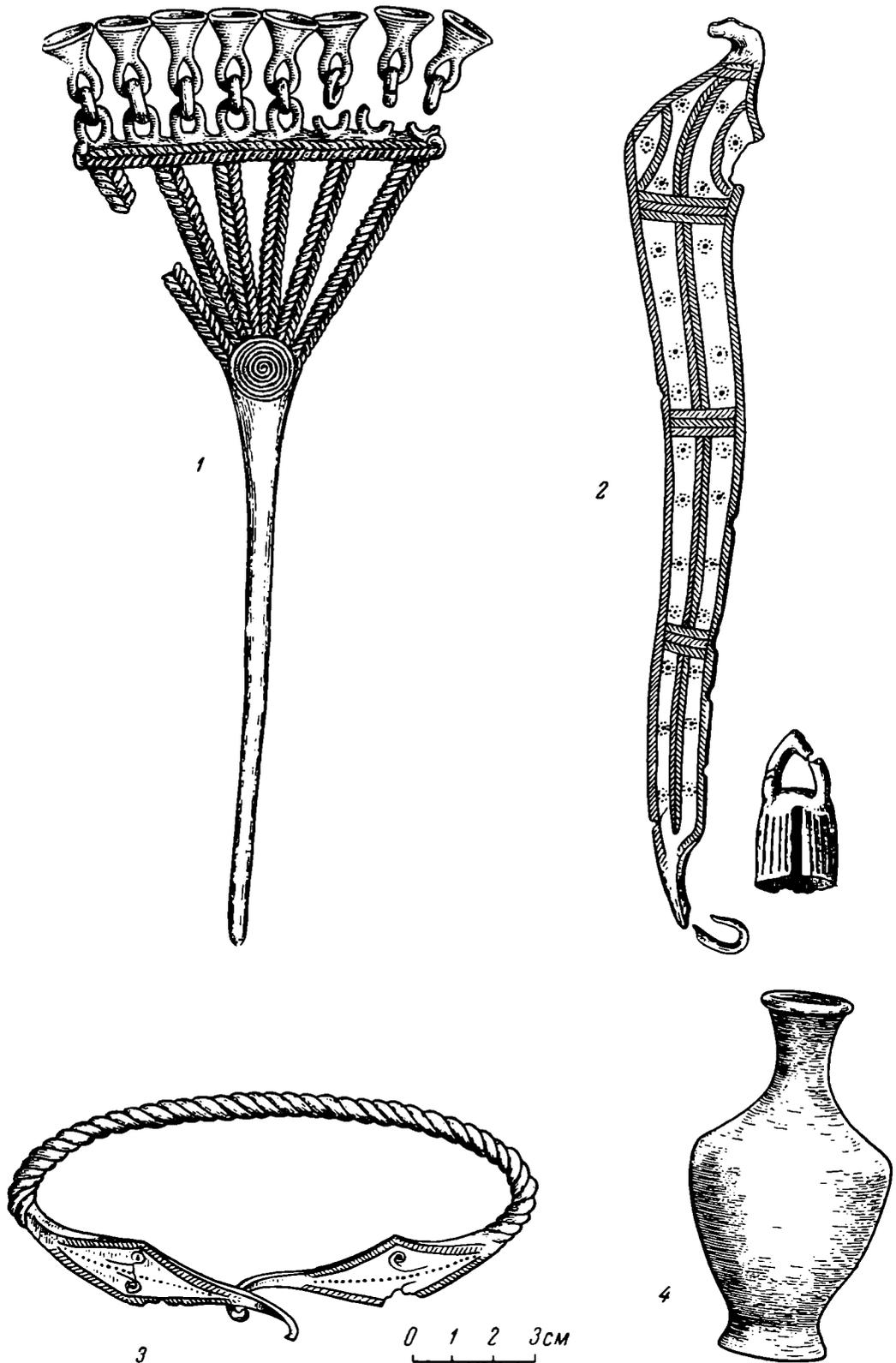

Рис. 12. Сухуми. Некрополь на горе Гуад-иху.

1 — бронзовая булава с колокольчиковидными подвесками; 2 — бронзовая орнаментированная пластинка с колокольчиком (погребение 54); 3 — бронзовая шейная гривна (погребение 67); 4 — амфориск (погребение 55).

Другой вид бронзовых украшений состоит из фибул трех различных типов. К первому типу (рис. 11, 7) принадлежат фибулы с пластинчатой—овальной формы — орнаментированной дужкой, имеющей один виток у основания дуги вместе с иглой. Ко второму типу (рис. 11, 8) относится проволочная фибула со слегка граненой дужкой, с одним витком у основания дуги вместе с иглой. К третьему типу (рис. 11, 9) принадлежит двучленная проволочная фибула со своеобразной разделкой дужки в виде круглой прорезной розетки, обрамленной восемью спиралеобразными выступами; у крючкообразно изогнутого основания дуги прикручена игла фибулы.

Первые два типа фибул известны в Абхазии¹ и в центральной части Северного Кавказа². Последний тип фибулы не имеет аналогии в известной нам археологической литературе.

В состав украшений входят также принадлежности пояса. Они состоят из маленькой костяной пряжки цилиндрической формы с двумя продольно-сквозными отверстиями и большого количества бронзовых трехгранных колечек овальной формы, надевавшихся на узкий ремень. Применение такого типа колечек для украшения пояса впервые прослеживается в некрополе на горе Гуад-иху.

К следующему виду украшений принадлежит витая шейная гривна (рис. 12, 3) с ромбовидно ушпиренными пластинчатыми концами, переходящими в четырехграннопроволочные крючки, сцепленные друг с другом. Ромбовидные ушпирения гривны украшены точечно-ямочным, штриховым и очкообразно-линейным орнаментом. Гривна рассматриваемого типа является пока единственной находкой в Абхазии.

Из других предметов украшений обращает на себя внимание орнаментированная пластинка (рис. 12, 2). Верхняя широкая часть ее на конце сужена и загнута в крючок. Нижняя часть пластинки, постепенно суживаясь, заканчивается круглопроволочной петлей с висящим на ней колокольчиком. По средней части пластинки, вдоль, расположены елочные дорожки, отделенные друг от друга поперечными штриховыми полосками. Боковые поля елочных дорожек, ограниченные линиями и штриховыми черточками, украшены кругообразно расположенными точечными выбоинками: по середине каждого точечного круга имеется по одной ямке. На ромбовидном ушпирении пластинки, кроме указанных видов орнаментации, нанесены дугообразные полоски, заполненные короткими штрихами. Такой своеобразный предмет неизвестен нам среди древностей Кавказа.

К группе украшений, наряду с рассмотренными выше предметами, относятся также стеклянные и янтарные бусы. Стеклянные бусы разного цвета — голубые, синие, черные. По форме они подразделяются на цилиндрические, круглые, боченкообразные и грушевидные. Среди голубых и синих бус имеются бусы с глазками. В число янтарных бус входит подвеска в виде головки кабана; она применялась, повидимому, в качестве амулета.

В добытом могильном инвентаре на горе Гуад-иху имеется единственная серебряная монета «колхидка», которая по найденным вместе с ней топору-секире, чернолаковым сосудам типа котилы и другим предметам датируется приблизительно IV веком или первой половиной III в. до н. э. На горе Гуад-иху хорошо представлена также глиняная посуда. Она делится на четыре группы. Первая состоит из кувшинов, горшков, орна-

¹ А. Л. Лукин. Ук. соч., табл. XV, 7; М. М. Трапш. Куланурхвинский древний могильник (автореферат кандидатской диссертации). Сухуми, 1951.

² П. С. Уварова. Ук. соч., табл. XXXVIII, 8 и CIV, 2.

ментированных гребенчатым, сетчатым, волнообразным орнаментами, ломаными линиями и т. д. Материал этой посуды—грубая глина, со значительной примесью песка; обжиг — средний. Среди сосудов ведущее место занимают кувшины (рис. 8, 3, 4).

Вторую группу керамики составляют красноглиняные амфорски (рис. 12, 4).

Третью группу керамики составляют фрагменты красноглиняных и красновато-серых амфор. От них найдены ручки, стенки и доньшки (рис. 7, 7), причем среди последних некоторые напоминают сосуды типа гераклейских амфор, датирующихся IV—III веками до н. э.¹ Глина, из которой сделана эта посуда, является местной.

Четвертую группу керамики составляет значительное количество обломков чернолаковой посуды, приближающейся к типам котил, киликов и канфаров. Они сделаны из красной и красновато-серой глины хорошего обжига. Подобная чернолаковая посуда была найдена на Сухумской горе в 1951 г. Донная часть чернолакового сосуда типа сухумских котил известна также из Бамборской поляны, западнее Гудаут².

Последняя группа посуды, т. е. чернолаковая, является одной из опор для правильной датировки вскрытых погребений на горе Гуад-иху. Известно, что чернолаковая посуда вообще связана с античными поселениями. В Северном Причерноморье значительная концентрация ее прослеживается только в античных городах, как, например, в Пантикапее, Ольвии, Херсонесе и др. Аналогичное явление, как это установлено за последние годы раскопками Абхазского института языка, литературы и истории Академии наук Грузинской ССР, имеет место и в Сухуми, где в различных пунктах этого города обнаружено большое количество чернолаковой посуды. Данное обстоятельство, по нашему мнению, говорит о том, что во второй половине первого тысячелетия до нашей эры в районе современного Сухуми существовало античное поселение городского характера, именовавшееся, по видимому, Диоскурией.

Эту мысль, помимо некоторых других наших данных, в значительной степени подкрепляет античный мраморный барельеф, найденный в Сухуми в начале августа 1953 г. на дне моря, на глубине около 2 м, возле устья р. Беслетки против санатория № 22. В момент обнаружения этот барельеф лежал изображением вниз, чем и объясняется его хорошая сохранность. Мраморная плита с барельефом (рис. 13) имеет прямоугольную форму; у нее недостает нижнего левого угла, равного примерно одной трети ее величины. Облом — старый. Размеры плиты: длина — 157 см, ширина — 92 см, толщина — 11—12 см. В торцовой верхней части плиты имеется шесть круглых отверстий, расположенных друг от друга на расстоянии от 11,5 до 16,5 см. Эти отверстия служили, несомненно, для соединения на штырях фронтона с мраморной плитой. Мрамор, из которого сделана плита, сероватый, пятнистый. Подобный мрамор в Абхазии не встречается.

На лицевой стороне мраморной плиты изображены три изящно изваянные человеческие фигуры: сидящая в кресле нарядно одетая женщина, обнимающая правой рукой прислонившегося к ее коленам обнаженного мальчика, на которого она смотрит с глубокой печалью, как бы прощаясь с ним навсегда; мальчик тоже с умоляющим выражением смотрит на нее и держит ее за бессильно опущенную левую руку. Перед ними стоит

¹ И. Б. Зеест. О типах гераклейских амфор. КСИИМК, XXII, 1948, стр. 48, 49, рис. 10, 1, 2.

² А. Л. Ликин. Ук. соч., стр. 72, табл. XXIII.

девушка, которая также грустно смотрит на сидящую в кресле женщину; в левой, приподнятой кверху руке девушка держит квадратный предмет — повидимому шкатулку с драгоценностями. С кресла свисает часть шкуры какого-то животного. Такова композиция этого замечательного памятника, отражающего сцену большого горя.

Рис 13. Мраморная плита с барельефом.

Памятник этот по изображенным фигурам, живописной трактовке форм и изяществу драпировки одежд, изумительной обработке мрамора является замечательным произведением античного искусства, в котором художник выявил свое высокое мастерство. Он не имеет аналогии среди известных мраморных барельефов из античных городов Северного Причерноморья.

Барельеф является, несомненно, надгробной плитой, на что, кроме размера и формы плиты, указывает его композиция. Такая композиция встре-

чается в надгробных памятниках античного искусства второй половины V в.¹

В районе, где был найден барельеф, приблизительно в 70—100 м от берега, в море, находятся развалины стен от какого-то древнего каменного строения. По данным М. М. Иващенко², море здесь еще раньше во время сильных штормов выбрасывало на берег обломки чернолаковой посуды. Местные краеведы В. И. Чернявский и др.³ в свое время также указывали на находки в Сухуми выброшенных морем эллинских монет и других предметов античной культуры. Эти данные вместе с рассмотренным мраморным барельефом дают возможность полагать, что часть древнего античного городского поселения находится на дне Сухумской бухты.

В итоге произведенных исследований в Сухуми в 1951—1953 гг. можно сделать следующие выводы:

1. Предварительное изучение рассмотренного выше археологического материала позволяет наметить его хронологические рамки, начиная приблизительно с X в. до н. э. и кончая позднейшим средневековым временем. К древнейшему времени, т. е. примерно к первой половине I тысячелетия до н. э., относятся обнаруженные в некрополе горы Гуад-иху следы жилых помещений и открытые на Сухумской горе клад с бронзовыми топорами колхидско-кобанского типа и погребение с такими же топорами, которые указывают на то, что в районе современного Сухуми еще до появления античного поселения существовало развитое в культурно-экономическом отношении местное поселение.

Хронологически к этим находкам примыкает могильный инвентарь на горе Гуад-иху и Сухумской горе и предметы, найденные в четвертом культурном слое Сухумской крепости. Изучение этого материала, в частности, сравнительный анализ предметов (как, например, топоров типа секиры - молотка⁴, мечей с поперечными перекладинами на вершине рукояти, кинжалов с сердцевидными перекрестиями, чернолаковых сосудов и других вещей), позволяет датировать его V—III веками до н. э.

Следующие группы сухумских находок обнимают I—IV, XI—XIII и XVI—XVIII вв.

К периоду I—IV вв. относятся обнаруженные в третьем культурном слое Сухумской крепости римские монеты эпохи Марка Аврелия, светильники, арбалетовидные фибулы, фрагменты краснолаковой посуды, поясная пряжка с язычком, украшенным головкой животного, и т. д.

К XI—XIII вв. может быть отнесен второй культурный слой Сухумской крепости, который характеризуется, главным образом, глазурованной посудой различной окраски и украшениями.

XVI—XVIII веками датируется первый культурный слой Сухумской крепости, характеризующийся обломками керамических вещей: кувшинов, горшков, плоских черепиц, водопроводных труб и т. д.

2. По результатам исследованной части могильника на горе Гуад-иху можно предполагать, что древнее население, занимавшее территорию современного Сухуми во второй половине I тысячелетия до н. э., состояло

¹ В. М е т а к с а. Идеализация земной жизни на древнегреческих надгробных барельефах. СПб., 1901, стр. 6—21.

² М. М. И в а щ е н к о. К вопросу о местонахождении Дioskурпи..., стр. 101.

³ В. А. С. Протоколы Подготовительного комитета. М., 1879.—Записка В. Чернявского о памятниках Западного Закавказья, стр. 14; там же — Замечания А. Введенского на записку Чернявского, стр. 125; там же — Мнение А. Комарова, стр. 324.

⁴ На одном чернолаковом краснофигурном лекифе, найденном раскопками Б. В. Фармаковского в 1911 г. в некрополе древней Ольвии, изображена секира типа сухумских вместе с головкой амазонки. Лекиф этот по стилю рисунка относится к концу V в. до н. э. (ИАК, вып. 8, 1903, стр. 27, 28, рис. 14).

из различных этнических групп. На это прежде всего указывают выявленные в названном некрополе различные формы могильных ям — удлиненные и округлые, причем последняя форма могил не являлась типично местной и, возможно, связана с существовавшим здесь античным поселением.

Следующим аргументом, говорящим в пользу выставленного тезиса, является различный обряд захоронения покойников в округлых и удлиненных могилах. Покойники, хоронившиеся в первых, подвергались полной кремации вместе с инвентарем вне могил, затем их пепел вместе с остатками инвентаря и древесными угольками складывался в погребальные ямы. Покойники, хоронившиеся в удлиненных могилах, подвергались частичной кремации, совершавшейся непосредственно в заранее подготовленных могильных ямах.

Высказанное нами соображение может подкрепить также и тот факт, что обнаруженные на исследованном могильном поле на горе Гуад-иху две формы могильных ям с различными обрядами захоронения покойников располагались отдельно по группам, насчитывавшим от 2 до 6 могил каждая. Приведенные данные, правда, недостаточны для обоснования выдвинутого нами тезиса, но и утверждать обратное нет никаких оснований, тем более что из рассмотренного выше археологического материала видно, что во второй половине I тысячелетия до н. э. в районе современного Сухуми существовало поселение городского характера, культура которого слагалась из местной и античной. Следовательно, население этой территории могло быть не чисто местным или античным, а смешанным. Такое же явление, как это установлено археологическими исследованиями, имеет место и в античных городах Северного Причерноморья.

3. Общество, которому принадлежал могильник, не являлось однородным: в нем чувствовалась в сильной степени классовое расслоение. Об этом говорят вскрытые погребения в некрополе на горе Гуад-иху, которые по количеству и качеству выявленного в них могильного инвентаря четко подразделяются на относительно богатые и бедные погребения и могилы без погребального инвентаря.

Ряд предметов, как, например, бронзовые перстни-печати, обнаруженные в погребениях 12, 13, 16 и 18, связаны, несомненно, с частной собственностью и говорят о классовой дифференциации. Эти предметы могли применяться для охраны и закрепления имущества за его собственником, и владельцы их, бесспорно, принадлежали к торгово-аристократической части древнего населения Сухуми. На это указывает также мраморное надгробие, которое, безусловно, было связано с жизнью богатой аристократической верхушки.

4. На добытом в Сухуми в 1951—1953 гг. археологическом материале второй половины I тысячелетия до н. э. и I—IV вв. н. э. прослеживаются торгово-экономические связи древнего населения Сухуми с народами восточной части Средиземноморья. На это указывают, например, чернолаковая посуда (килики, канфары, котилы), амфоры, античный мраморный барельеф, римские монеты и т. д.

Определенная часть предметов из раскопок в Сухуми, как, например, кинжалы с сердцевидными перекрестиями, мечи с поперечными перекладинами на вершине рукояти, секиры и другие вещи, указывают также на культурно-исторические связи древнего населения Сухуми с народами Северного Кавказа, степной полосы юга России и Северного Причерноморья.

5. Рассмотренный материал позволяет также предполагать, что во второй половине I тысячелетия до н. э. древняя Диоскурия находилась

в районе современного Сухуми. Эта мысль подкрепляется, во-первых, наличием в найденных материалах большого количества античной чернолаковой посуды, обнаруженной в различных пунктах Сухуми (в Сухумской крепости, перед гостиницей «Рица», в сквере им. Руставели, на Сухумской горе, на горе Гуад-иху, в военном городке, в районе замка Баграта и т. д.); во-вторых, — обнаруженными в некрополе на горе Гуад-иху раскопками 1952 г. бронзовыми перстнями-печатами с различными на их щитках вырезными изображениями, относящимися по своему стилю и технике исполнения к античному художественному ремеслу; в-третьих, — упомянутым выше античным мраморным барельефом, найденным в августе 1953 г. на дне моря в Сухуми.

В пользу тезиса о местонахождении Диоскурии в районе Сухуми, помимо археологического материала, могут говорить также и письменные сообщения некоторых древних авторов. В частности, по данным Страбона¹ и Арриана², местоположение древней Диоскурии с большой точностью совпадает с районом современного Сухуми.

Таким образом, все приведенные фактические данные позволяют, как нам думается, решить проблему местонахождения Диоскурии в пользу Сухуми. Дальнейшее археологическое исследование Сухуми в более широком масштабе даст, несомненно, новый интересный материал о богатом историческом прошлом этого города.

---

¹ В. В. Л а т ы ш е в. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. СПб. 1893, т. I, вып. 1, стр. 135.

² Там же, стр. 223.

В. П. Ш И Л О В

НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ ЕЛИЗАВЕТИНСКОМ ГОРОДИЩЕ
ПО РАСКОПКАМ 1952 г.

I

Городище расположено в 18 км к западу от г. Краснодара, на восточной окраине Елизаветинской станицы, на краю высокой надпойменной террасы р. Кубани, которая в настоящее время изменила русло и течет в 2 км к югу от городища.

Площадь городища достигает 108 875 кв. м и представляет в плане треугольник, основанием которого служит край террасы длиной 670 м. С северной стороны городище было защищено глубоким большим оврагом длиной 450 м и шириной в среднем 40—42 м, соединившимся в северо-восточной части городища с другим небольшим оврагом длиной 450 м, ограничивавшим городище с восточной стороны (ширина 30 м). Овраги оплыли и частично засыпаны при планировке станицы, особенно в северо-западной части.

Судя по уровню древнего русла Кубани и глубине оврагов, не исключена возможность, что овраги в древности были наполнены водой и представляли водные рубежи, защищавшие поселение с севера и востока¹.

На юго-востоке городища возвышаются два холма, составляющие его центральную часть. Западный холм — прямоугольной в плане формы (размером 45 × 28 м), восточный холм — округлой формы (диаметром 26 м). Центральная часть окружена глубоким рвом шириной в среднем 10 м, а в промежутке между холмами ширина рва удваивалась.

Большая часть городища в настоящее время находится под постройками и огородами колхозников станицы; свободной для археологических исследований осталась лишь небольшая юго-восточная часть. Поверхность, особенно в северо-восточной части городища, нарушена многочисленными окопами, вырытыми в период Великой Отечественной войны; здесь же имеется большая западина размером 40—60 м, образовавшаяся в результате выборки глины для изготовления самана.

По сравнению с 1947 г., когда автор этих строк впервые посетил городище, оно подверглось значительным изменениям. В результате выборки глины разрушен западный край городища на протяжении 10—12 м.

Кроме того, в целях предохранения берега от обвала вдоль юго-восточной границы городища прокопан уступ шириной 1—1,5 м и глубиной до 1,25 м. В обресе уступа хорошо заметны культурные напластования,

---

¹ В. А. Городцов. Станица Елизаветинская. Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. М.—Л., 1941, стр. 213.

в частности в трех местах нами были открыты гончарные печи. Из них две были исследованы¹.

К восточному оврагу с востока примыкает огромное трапециевидной формы укрепленное пространство площадью свыше 160 га, которое В. А. Городцов называл «Восточным городищем» и рассматривал его появление как результат роста западного поселения в более позднее время². Оно расположено на мысу, образованном резким изгибом древнего русла р. Кубани, и защищалось с южной и восточной сторон высоким берегом р. Кубани, с западной — упомянутым оврагом и с северной — валом и рвом, идущими от западного оврага в северо-восточном направлении до края террасы на протяжении 1460 м. Наиболее хорошо вал сохранился в северо-восточной части, где высота его достигает 1,5 м, а в юго-западной, на территории станицы, он едва выделяется над окружающей местностью.

В юго-восточной части укрепленного пространства находится курганный могильник, насчитывающий около 35 курганов различной величины. Площадь курганного могильника покрыта дубовым лесом, вследствие чего эта местность называется «Дубинка».

Западная часть укрепленного пространства в настоящее время занята частично усадьбами колхозников, частично виноградником и молочно-товарной фермой колхоза им. И. В. Сталина.

Елизаветинское городище было известно еще Е. Д. Фелицину³. В 1913—1915 гг. и 1917 г. Н. И. Веселовский производил в «Дубинке» раскопки курганов, известных под названием Елизаветинских⁴.

В 1928—1929 гг. небольшие разведочные работы на городище были проведены Ю. С. Крушкол. В 1928 г. ею был заложен шурф в северной части городища, где были открыты неясного назначения «цементированный пол на основе песка и битой глиняной посуды», значительное количество местной и привозной керамики и «небольшой фрагмент мегарской чаши с изображением бегущего Эроса»⁵. О находке аналогичной площадки на юго-восточном склоне городища Ю. С. Крушкол упоминает и в отчете за 1929 г.⁶ В том же 1928 г. Ю. С. Крушкол был заложен шурф в юго-западной части городища, находки из которого были тождественны, как сообщает автор, находкам из первого слоя.

С 1928 г. за городищем установил систематический надзор Краснодарский историко-археологический кружок школы № 2, руководимый М. В. Покровским, а затем Краснодарский историко-краеведческий музей.

В 1928—1934 гг. на городище был собран значительный подъемный материал, исследовано 30 погребений на грунтовом могильнике и раскопаны две гончарные печи, одну из которых М. В. Покровский принял за жертвенник⁷.

В 1934—1936 гг.⁸ на городище и грунтовом могильнике проводились раскопки разведочного характера Кубанской археологической экспедицией

¹ Гончарные печи были обнаружены и на дороге, идущей от Майской уллицы к амбарам колхоза им. И. В. Сталина. Здесь поверхность городища несколько понижается вследствие частой езды подвод, и отдельные кирпичи из обожженного самана выступают прямо на поверхность дороги.

² В. А. Городцов. О результатах археологических исследований Елизаветинского городища и могильника в 1934 г. СЭ, 1935, № 3, стр. 71 и сл.

³ Е. Д. Фелицин. Археологическая карта Кубанской области. М., 1882.

⁴ ОАК за 1913—1915 гг., стр. 148—157; ОАК за 1912 г. стр. 57—59; Сообщения ГАИМК, т. I, 1926, стр. 206.

⁵ Архив ИИМК, д. № 169, 1930 г., л. 8.

⁶ Там же.

⁷ Там же, д. № 194, 1931 г.

⁸ В интересной статье И. Б. Зеест «Торговые связи Прикубанья» (МИА, № 19, 1951, стр. 107) ошибочно указано, что раскопки на Елизаветинском городище произво-

МАЭ Академии наук под руководством В. А. Городцова, краткий отчет о которых был опубликован в виде трех небольших статей¹.

С 1937 г. по 1951 г. раскопки на городище не производились. Н. В. Анфиновым в различное время здесь были обнаружены и исследованы две гончарные печи и несколько погребений грунтового могильника.

В 1952 г. Краснодарским отрядом Северо-Кавказской экспедиции ИИМК на городище были проведены небольшие разведки с целью проверки данных, полученных предшествующими раскопками В. А. Городцова.

Отряд поставил следующие задачи:

- 1) обследование так называемого Восточного городища с целью выявления здесь культурных напластований;
- 2) изучение типов гончарных печей;
- 3) разведочные работы на западном городище для получения стратиграфических наблюдений.

В. А. Городцовым в 1935 г. на так называемом Восточном городище обнаружены два колодца цилиндрической формы и остатки какого-то глинобитного сооружения неясного назначения². Последнее послужило поводом В. А. Городцову рассматривать это укрепленное пространство как поселение, возникшее в более позднее время, чем соседнее западное. В силу сказанного Краснодарский отряд решил детально обследовать Восточное городище.

Осмотр обнажений края террасы с южной и восточной сторон не выявил культурных напластований, хотя свежие обнажения наблюдались во многих местах террасы. Везде прослеживаются чистые наслоения гумусированного суглинка, переходящие в подстилающие светлые лёссовые отложения. Заложённые во многих местах на площадке укрепленной части городища шурфы также не дали никаких положительных результатов. Признаков культурного слоя не выявлено.

Таким образом, укрепленная часть Елизаветинского городища, так называемое Восточное городище, не являлась поселением, а служила, по видимому, убежищем для скота, а также, вероятно, и людей окружающей периферии в случае нападения врага. В пользу этого говорит и наличие здесь курганного могильника, который находился внутри укреплений.

Аналогичные по функциональному назначению укрепленные участки, но гораздо большей площади, широко распространены на территории Северного Причерноморья (Бельское, Немировское и другие городища). Любопытно, что такая же укрепленная часть, на которой располагался курганный могильник, имелась и на Краснодарском городище на Дубинке³

II

На западной оконечности городища, на участке колхозника Дмитренко, в 42 м к востоку от мыса, на краю террасы была обнаружена на глубине

длились в 1933 г. Кроме того, И. Б. Зеест не использовала материалы раскопок В. А. Городцова 1936 г.

¹ В. А. Городцов. О результатах археологических исследований..., стр. 71—76; е г о ж е. Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 г. СА, I, 1936, стр. 171—186; е г о ж е. Станица Елизаветинская..., стр. 210 и сл.

² В. А. Городцов. Елизаветинское городище..., стр. 176.

³ В. Л. Бернштам. Дневник археологических работ, веденных на Кавказе в 1879 г. Тр. V АС. Протоколы Подготовительного комитета, изданные под редакцией Мансветова. М., 1879, стр. 298 и сл.

0,85 м; упомянутая выше гончарная печь, частично разрушенная при рытье траншеи вдоль усадьбы. В обресе траншеи были заметны центральная перегородка и корпус печи, сложенные из саманных кирпичей.

На месте печи вдоль берега был заложен раскоп $7,50 \times 2,20 \times 4,90$ м, ориентированный длинной осью с севера на юг. На глубине 0,85 м от

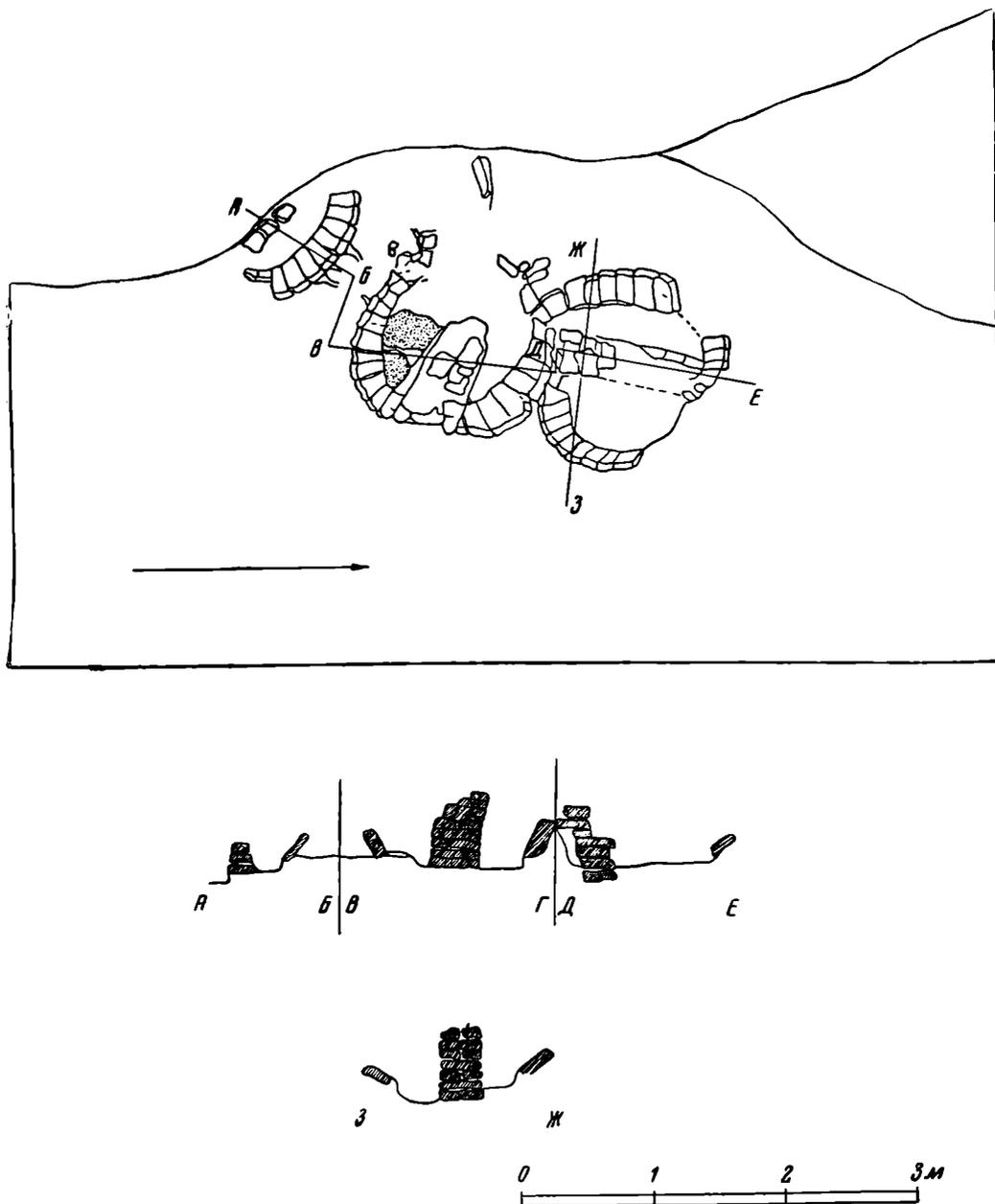

Рис. 1. План и разрез гончарных печей местного типа.

северо-восточного угла раскопа были открыты остатки трех отопительных камер гончарных печей (рис. 1), из которых две (№ 2 и 3) оказались удовлетворительной сохранности.

Печь № 1 (рис. 1). От овальной в плане (диаметр в верхней части 1,33—1,35 м, а по поду — 0,85—0,90 м) печи сохранились лишь северо-восточная часть корпуса, сложенного из одного ряда наклонно поставленных

на торец саманных кирпичей размером $0,22 \times 0,12 \times 0,07$ м, и наполовину обвалившаяся центральная перегородка, разделявшая внутреннее пространство камеры на две неравные части — северо-восточную и юго-западную; центральная перегородка сложена в переплет из двух рядов горизонтально положенных саманных кирпичей того же размера. Вследствие плохой сохранности размеры центральной перегородки определить не удалось. Перегородка возвышалась на $0,20$ м выше уровня пола камеры.

Рис. 2. Печь № 2.

Под печи, покоившийся на слое битой керамики, внутренние стены корпуса и северо-восточная стена центральной перегородки были обмазаны глиной толщиной до 1 см, сохранившейся лишь на отдельных участках. От топки, располагавшейся в северо-западной части отопительной камеры, не осталось никаких следов.

Печь № 2. Вторая печь, располагавшаяся в $0,50$ м к северо-востоку от печи № 1, оказалась лучшей сохранности (рис. 1 и 2). Здесь полностью сохранился корпус отопительной камеры, почти вся центральная перегородка и частично обкладка устья топки. При сооружении этой печи было разрушено устье печи № 3. Для устройства печи был вырыт котлован овальной формы с пологими стенками, который был обложен одним рядом поставленных на торец саманных кирпичей размером $0,27 \times 0,12 \times 0,07$ м. Размеры овала печи: диаметр с юго-запада на северо-восток по поду — $1,02$ м, по верху — $1,38$ м; диаметр с юго-востока на северо-запад по поду — $1,16$ м, по верху — $1,50$ м. Примерно посредине, несколько ближе к северо-восточной стенке корпуса, была сложена из саманных кирпичей (размером $0,26 \times 0,13 \times 0,08$ м) в переплет продолговатая центральная перегородка, делящая внутреннее пространство обжигательной камеры на две несколько неравные части. Ширина столба равнялась вверху $0,40$ м и несколько увеличивалась у основания ($0,43$ м). Одним концом перегородка примыкала впритык к восточной части кор-

пуса печи, а другим подходила к топочному отверстию. Центральная перегородка сохранилась в длину на 0,75 м, а в высоту — на 0,60 м.

Под обжигательной камеры, покоящийся на слое битой керамики, центральная перегородка и внутренняя поверхность стен корпуса печи были обмазаны толстым слоем глины, обожженной в результате работы печи. Толщина сохранившихся частей обмазки пода достигала 5 см.

Для сооружения устья топки был вырыт продолговатый котлован, стенки которого облицованы вертикально поставленными саманными кирпичами; об этом свидетельствуют найденные *in situ* саманные кирпичи обкладки северной стенки топочного отверстия, образующие тупой угол с продольной осью центральной перегородки (рис. 2).

Вследствие плохой сохранности печи ширина и длина топочного отверстия могут быть восстановлены приблизительно. Длина его достигала примерно 0,60—0,70 м, ширина — 0,40—0,45 м.

Печь № 3 (рис. 1). Как уже отмечено, топочная часть печи была разрушена при сооружении печи № 2. Здесь, так же как и в печи № 2, при ее сооружении выкапывался округлый в плане с пологими стенками котлован, стены которого облицовывались одним рядом поставленных на торец саманных кирпичей, того же размера. Диаметр печи с запада на восток по поду — 1,14 м, по верху — 1,50 м. Диаметр печи с севера на юг не определен, так как с южной стороны печь № 3 частично разрушена при сооружении печи № 2. Примерно посередине, немного ближе к западному краю, внутреннее пространство отопительной камеры разделяла центральная перегородка, почти полностью разрушенная в северной части, но зато хорошо сохранившаяся в южной части у устья топки, где на торцевой части перегородки сохранилась даже глиняная обмазка. Верхняя часть перегородки несколько нависала над нижней частью (рис. 1, разрез *D—E*). Таким образом, можно установить размеры перегородки, длина которой равнялась по верху 1,20 м, по поду — 1,10 м, высота — 0,65 м и ширина — 0,35 м.

Печь № 4 обнаружена в раскопе № 2, который был заложен на краю террасы на расстоянии 0,86 м от края западной оконечности раскопа. Здесь в обресе края террасы был замечен обломок саманной лепешки. Раскоп имел размеры 5 × 4,40 × 3,10 м. На глубине 0,65 м открыта совершенно разрушенная печь, представлявшая грудку обломков саманных обожженных кирпичей. В заполнении всех трех отопительных камер печей раскопа № 1 находились обломки обожженной обмазки с отпечатками прутьев, фрагменты сильно пережженного саманного кирпича и, наконец, обломки саманных лепешек красного цвета с отпечатками рубленой соломы. Две такие же целые лепешки неодинаковых размеров встречены и В. А. Городцовым при раскопках в 1936 г. Они представляли в плане овально вытянутые, несколько суживающиеся к одной из сторон «хлебцы» с плоским сильно ошлакованным основанием и со следами действия огня на боковых гранях. Размеры большой лепешки: длина — 74 см, ширина в средней части — 44 см, толщина в средней части — 18 см. Размеры малой лепешки: длина — 55 см, ширина в средней части — 31,2 см, высота в средней части — 15 см.

Фрагмент большой аналогичной лепешки был обнаружен внутри отопительной камеры такой же гончарной печи, исследованной Н. В. Анфимовым в 1947 г.; лепешка лежала одной длинной стороной на корпусе печи, а другой, обломанной, — на поду отопительной камеры.

Все вместе взятое позволяет утверждать, что эти лепешки использовались в качестве решетки, отделявшей отопительную камеру от обжигательной. Этому не противоречат и их размеры. Наибольшее расстояние от

центральной перегородки до корпуса печи равняется в среднем 50—60 см, а общая длина большой лепешки равнялась 74 см, что давало возможность последней прочно лежать концами на центральной перегородке и крае корпуса печи. Если большая лепешка перекрывала среднюю часть отопительной камеры, то лепешки меньших размеров укладывались по одну и по другую сторону от большей лепешки, где расстояние между опорной перегородкой и корпусом печи не превышало 0,45 м.

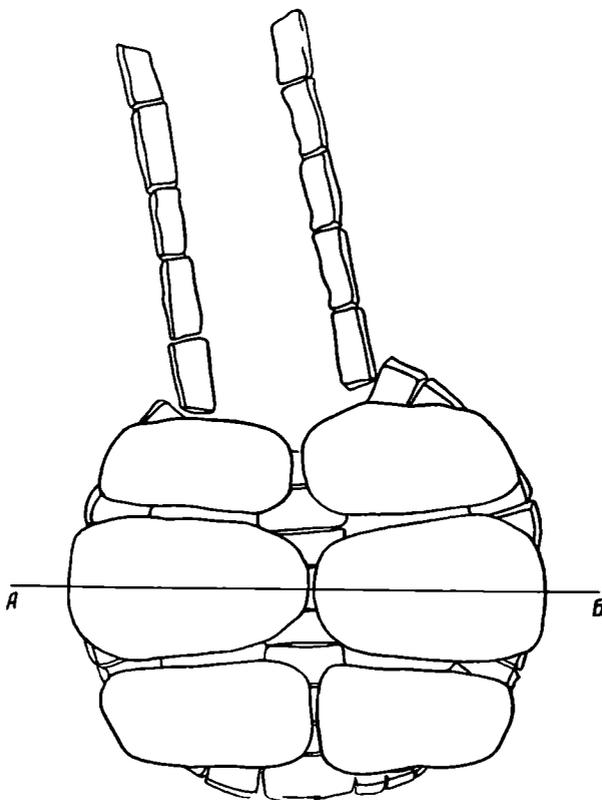

Рис. 3. Реконструкция печи местного типа.

Как мы уже указывали, длина перегородки в печи равнялась 1,20 м, что давало возможность вместить одну большую и две малые (по краям) лепешки, общая ширина которых равнялась 1,07 м ($44 + 31,2 + 31,2$ см), причем между лепешками оставался зазор в виде щели 3—4 см шириной, через которую пламя поступало из отопительной камеры в обжигательную.

Отсюда становится понятным некоторое сужение лепешек к одной стороне, поскольку диаметр круга в центре меньше, чем у корпуса печи. Если бы лепешки были одинаковой ширины по всей своей длине, то стороны крайних лепешек, лежавших на опорной перегородке, слишком выдавались бы за пределы печи. Лепешки укладывались более узким концом на центральную перегородку, а широким — на стенку корпуса печи (рис. 3). Такое устройство позволяло сохранять одну и ту же ширину щелей-проходов.

Свод обжигательной камеры, повидимому, был сферическим и, судя по аналогиям, имел отверстие для помещения посуды в обжигательную камеру. Каркас перекрытия сооружался из прутьев и камыша и обмазывался с обеих сторон толстым слоем глины, обломки которой с отпечатками прутьев встречены в заполнении печей. Основание купола покои-

лось непосредственно за широкими оконечностями лепешек, поскольку такое расположение давало возможность менять лепешки, подвергавшиеся сильному воздействию огня. Таким образом, наряду с греческим типом печей с центральным округлым столбом и решеткой с продухами¹, гончары исследуемого поселения пользовались и описанным выше типом печей, происхождение которого является местным и пока не встречает аналогий.

Вокруг печей было обнаружено значительное количество бракованной посуды: обломки сероглиняных лощеных мисок на кольцевом поддоне, кувшинов, а также красноглиняных сосудов, украшенных по плоскому днищу и по плечикам многорядными параллельными линиями (см. рис. 6, 2, 4, на стр. 239).

В заполнении печи № 2 было обнаружено значительное количество обломков керамики описанных ниже типов. Здесь встречены реберчатая ручка красноглиняной амфоры. Н. В. Анфимов датирует эти амфоры I веком до н. э. — началом I в. н. э.² (рис. 4, 6) и днище сероглиняного лощеного канфара на кольцевом поддоне типа, хорошо известного в комплексах конца II—I вв. до н. э. (рис. 5, 10).

В печи № 3 найдены два обломка венчиков сероглиняных мисок. На одном имеется просверленное отверстие для скрепления. На одном уровне с дневной поверхностью печей найдены два обломка ручек синопских амфор с клеймами астиномов Леомедонта и Эхина, относящиеся, по Б. Н. Гракову, к VI и IV хронологическим группам (рис. 4, 9, 10).

Таким образом, все печи следует датировать второй половиной II — I в. до н. э. Печь № 2 была сооружена после того, как печь № 3 пришла в негодность, однако датировка ее не выпадает из указанных рамок.

III

Стратиграфически культурные отложения обоих раскопов можно разделить на два слоя:

I слой — мусорный с большими включениями пепла, саманной обожженной крошки и фрагментов керамики, переходящий без резких изменений в слой II. Мощность слоя — 1,15—1,20 м. Находки датируют слой II—I веками до н. э.

II слой — более темной окраски, с обильными включениями архитектурных остатков: обломков саманных обожженных и необожженных полов жилищ, обожженного светлого кирпича, скоплений обожженной крошки самана, а также прослоек древесного угля. Мощность слоя — 0,75—0,80 м. Находки датируют его серединой IV в. — III веком до н. э. Отдельные находки, связанные по времени со слоем II, попадались в подстилающем желтом суглинке до глубины 2,50 м.

подавляющее большинство находок первого слоя составляет керамика, которая по технике изготовления и центрам производства может быть разделена на три группы: 1) привозная античная, 2) сероглиняная лощеная и красноглиняная местного производства, изготовленная на гончарном круге, и 3) лепная.

Первая группа — привозная античная керамика — представлена обломками амфор четырех типов.

¹ В. А. Городцов. Елизаветинское городище..., стр. 175, рис. 1; М. В. Покровский. Городища и могильники Среднего Прикубанья. Труды Краснодарского педагогического института, т. VI, вып. 1. Краснодар, 1937, стр. 25, рис. 20.

² Н. В. Анфимов. Новые материалы по меото-сарматской культуре Прикубанья. КСИИМК, XLVI, 1952, стр. 81.

1. Родосские амфоры, обломки ручек и днищ (рис. 4, 2, 3). Две ручки — с клеймами: на одной ручке — круглое клеймо с изображением цветка (balastium), с совершенно стертой легендой, от которой сохранилась лишь одна буква А; на другой — прямоугольное клеймо с именем мастера 'Ερμάϊον (рис. 4, 2). Оба клейма по палеографическим данным датированы А. А. Нейхардт II в. до н. э.

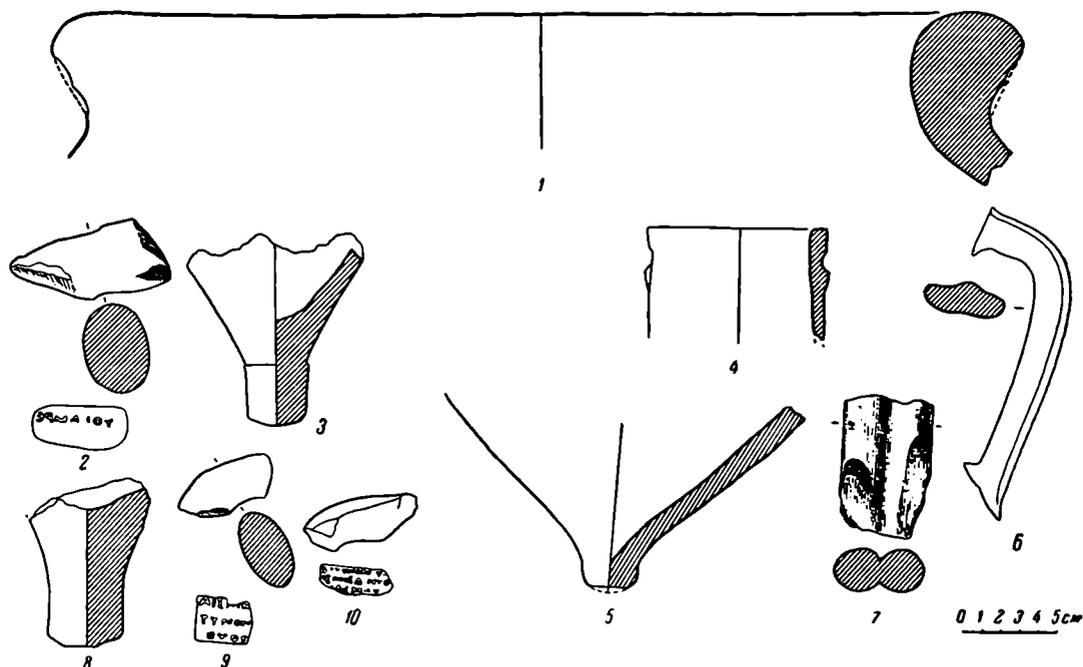

Рис. 4. Привозная керамика первого слоя.

2. Синопские амфоры, обломки венчиков, ручек и днищ (рис. 4, 8—10). Две ручки синопских амфор имели клейма:

1) ἀστνομόυιν[τος]
Λεωμέδοντος τοῦ
Ἐπίδημου
Πρώτος

2) Αἰσχίνου ἀσ
τυνομ [ουτος]
Θυος

(Придик, стр. 73, № 238, рис. 4, 9). Эмблема — палица (Придик, стр. 84, № 464—465, рис. 4, 9).

Первое клеймо датируется, по Б. Н. Гракову, 120—70 годами до н. э., второе — 180—150 годами до н. э.

3. Обломки широкогорлых амфор с высоким цилиндрическим горлом, от которого отходят две двустольные ручки с жолудеобразным отростком на остром днище (рис. 4, 7). Масса черепка в изломе красновато-коричневая с редкими включениями белых блесток слюды и извести.

Целые амфоры этого типа встречались при раскопках Раевского городища¹ и датируются I веком до н. э.²

¹ В. П. С и з о в. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии. МАК, вып. II, стр. 124, рис. 37, фотопластины XXII, 2; табл. XIII.

² Б. А. К у ф т и н. Материалы к археологии Колхиды, т. I. Тбилиси, 1949, стр. 26.

4. Обломки амфор с высоким цилиндрическим горлом и выступающим широким, вертикально срезанным венчиком. Овальные в сечении ручки имеют продольное ребро. Ножка острая, напоминающая ножки синопских амфор типа, показанного на рис. 4, 4—6. Масса черепка крупнозернистая, красноватого цвета, с включениями белых блесков слюды и извести. Подобные амфоры датируются I веком до н. э. — началом I в. н. э. В группу

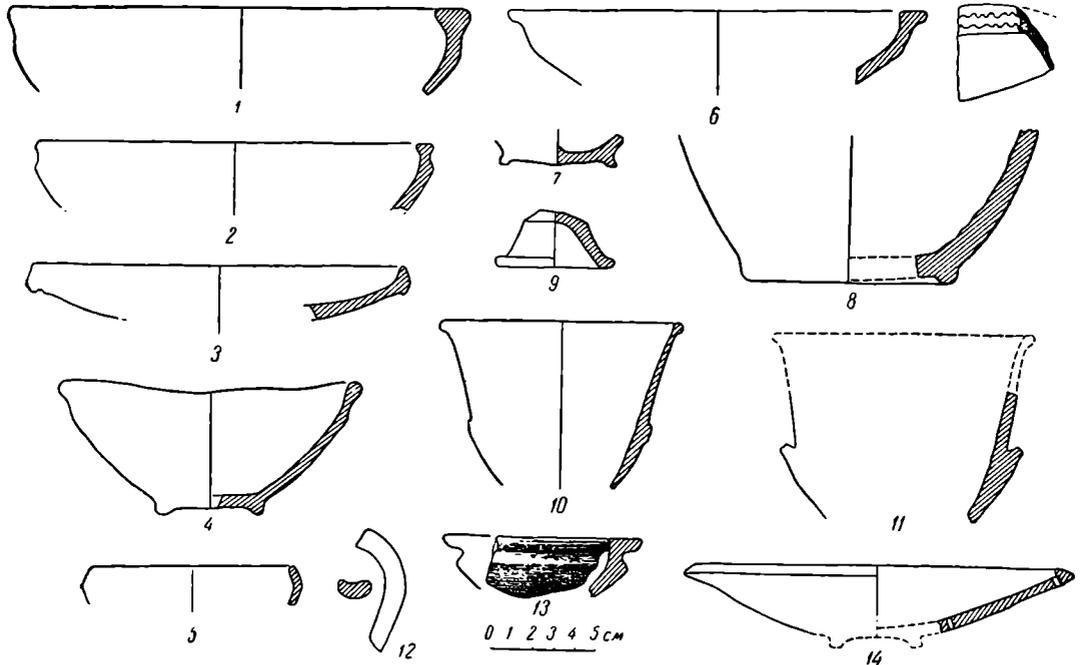

Рис. 5. Сероглиняная гончарная керамика первого слоя.

привозной керамики следует также включить обломки венчика боспорского пифоса диаметром 52 см (рис. 4, 1).

Вторая группа керамики, более многочисленная, — сероглиняные лощеные и красноглиняные сосуды.

Сероглиняная керамика представлена канфарами, мисками, тарелками и кувшинами.

1. Канфары встречены двух типов:

а) Обломки от канфаров с воронкообразно сужающимся к днищу туловом, сидящим на низкой кольцевидной подставке. Ручки с наружной стороны в большинстве случаев имеют продольные желобки. Края канфаров иногда украшались бороздками (рис. 5, 7, 10—12). Сосуды этого типа широко распространены в Прикубанье. Несколько аналогичных канфаров найдено В. И. Сизовым при раскопках подвального помещения на Раевском городище вместе с амфорами третьего типа и ручкой родосской амфоры с клеймом¹. Два целых подобных канфара обнаружены в погребениях Елизаветинского могильника: а) в погребении 14 (раскопки 1934 г.) вместе с лагиносом II в. до н. э.; б) в погребении № 44 (раскопки 1935 г.) в одном комплексе с зеркалом (с загнутым краем), датирующимся II веком до н. э.² Несколько целых сосудов этого же типа встречено в Усть-Лабинском могильнике № 2 и на Семибратнем городище³.

¹ В. И. Сизов. Ук. соч., стр. 122, рис. 32.

² Зеркало данного типа см. Н. В. Анфилов. Меотско-сарматский могильник у станции Усть-Лабинской. МИА, № 23, 1951, стр. 185, рис. 13, 1.

³ Там же, стр. 181, рис. 11, 1—3.

б) Обломки канфаров на высоком коническом поддоне. В отличие от канфаров первого типа они имеют круглые в сечении ручки. В большом количестве канфары рассматриваемого типа встречены в погребениях Усть-Лабинского могильника № 2 и датируются II—I веками до н. э. (рис. 5, 9)¹.

2. Миски встречены пяти типов:

а) С округлозагнутым внутрь краем и профилированным желобком (рис. 5, 2, 4). Подобные миски характерны для погребальных комплексов Прикубанья². Диаметр края — 22 см.

б) С широким горизонтально отогнутым наружу краем, украшенным двумя концентрическими кругами из зигзагообразных линий (рис. 5, 6). Аналогичные миски найдены В. А. Городцовым; диаметр края — в среднем 23—25 см.

в) Небольшие мисочки с загнутым внутрь краем, образующим при изгибе острое ребро (рис. 5, 5).

Первый и второй типы мисок имеют кольцевой поддон, а третий — плоское или вогнутое днище.

г) Небольшие мисочки с широким горизонтально отогнутым наружу краем и с вогнутым днищем. Подобные мисочки широко распространены в грунтовых могильниках Прикубанья II—I вв. до н. э.³; диаметр края — 11 см. (рис. 5, 13).

д) Миски с загнутым внутрь и утолщенным в виде валика краем, повторяющие формы боспорских красноглиняных мисок (рис. 5, 1, 3)⁴.

3. Тарелки встречены одного типа, на кольцевом поддоне с валикообразным краем (рис. 5, 14). Они имитируют форму античных желтоглиняных чернолаковых тарелок III—II вв. до н. э., покрытых серовато-коричневым лаком (типа, показанного на рис. 8, 15). Две таких целых тарелки найдены в погребении 43 (раскопки 1935 г.) Елизаветинского могильника и датируются обе II веком до н. э. Аналогичные тарелки местного производства встречены в Ольвии⁵.

4. Кувшины одного типа — крупные (высота 35—40 см), яйцевидной формы (рис. 5, 8); они хорошо известны по Усть-Лабинскому могильнику № 2 и датируются III—II веками до н. э.⁶

Красноглиняная керамика представлена обломками мисок, кувшинов, пифосов и кастрюль.

1. Миски найдены одного типа — с прямым краем, под углом переходящим в корпус сосуда, сидящего иногда на плоской, иногда на кольцевидной подставке (рис. 6, 9). Целые миски этого типа обнаружены В. А. Городцовым при раскопках Елизаветинского городища и могильника в комплексах II—I вв. до н. э.

2. Кувшины встречены двух типов:

а) Большие кувшины с витыми ручками и расширяющимся кверху горлом и сферическим туловом, с плоским или вогнутым днищем (рис. 6, 8). Аналогичные кувшины встречались при раскопках упомянутого подвального помещения на городище станицы Раевской и в погребениях Елизаветинского и Усть-Лабинского могильников⁷ и датируются II—I веками до н. э. Высота кувшинов достигает 25—30 см.

¹ Н. В. А н ф и м о в. Меото-сарматский могильник..., стр. 179, рис. 10, 4—9.

² Там же, стр. 176, рис. 8, 2.

³ Там же, стр. 178, рис. 9, 1.

⁴ В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Раскопки Мпрмекия и Тирптаки в 1935—1938 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 202, рис. 115, 7.

⁵ Т. Н. К н и п о в и ч. Керамика местного производства из раскопа II. Сб. «Ольвия». Киев, 1940, стр. 155, рис. 102, 2.

⁶ Н. В. А н ф и м о в. Меото-сарматский могильник..., стр. 173, рис. 6, 3.

⁷ В. И. С п з о в. Ук. соч., фотоплния XXI, 2—4.

б) Небольшие кувшинчики с расширяющимся кверху горлом, украшенным по краю многорядной волной. Форма не восстанавливается (рис. 6, 7).

3. Обломки венчиков и стенок пифосов (рис. 6, 1).

4. Обломки больших сосудов округлой формы, с резко отогнутым наружу краем и плоским, слегка вогнутым внутрь дном. Плечики сосудов украшались иногда многорядной волной в сочетании с круговыми параллельными бороздками, а иногда — только волнистым или бороздчатым орнаментом. Днище подчеркивается иногда округлым выступом. Высота сосудов не определена. Целые сосуды этого типа мне неизвестны (рис. 6,

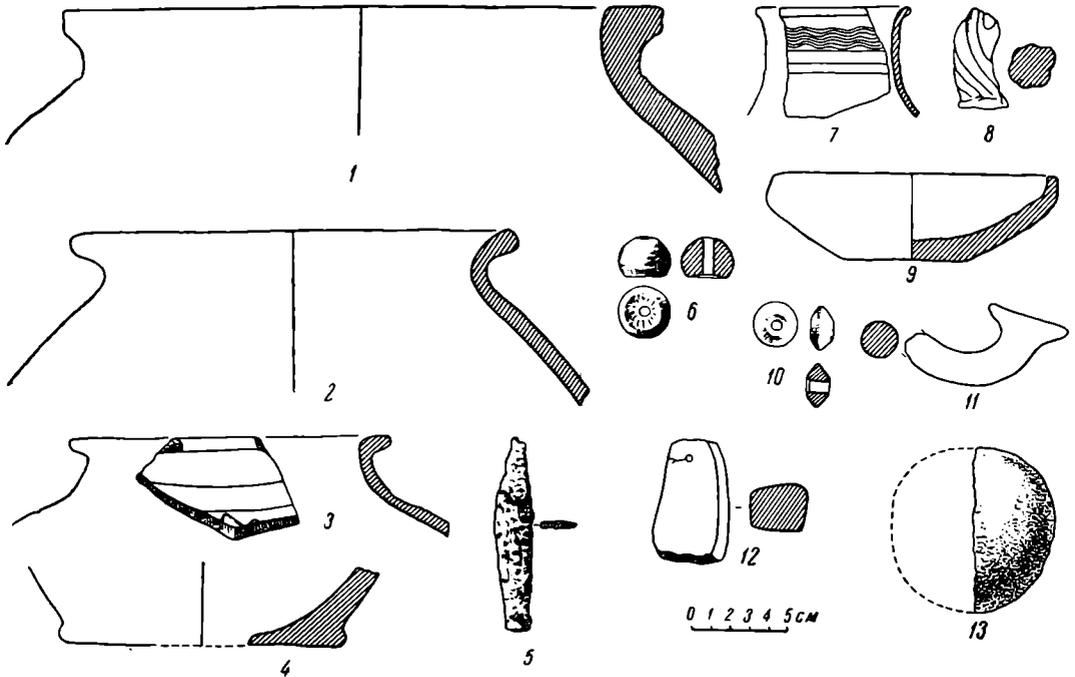

Рис. 6. Красноглиняная гончарная керамика и другие находки первого слоя.

2—4). Обломки подобных сосудов встречены в заполнении печи № 2; кроме того, в слое было обнаружено бракованное, вздувшееся днище сосуда такого типа. Таким образом, эти сосуды были местного производства.

5. Обломки кастрюль для варки пищи, пмтирующих формы боспорских кастрюль¹ (рис. 6, 11).

Керамика, третьей группы, лепная, представлена горшками двух типов. Горшки изготовлены из грубого теста с включениями зерен кварца и шамота. Поверхность их частично покрыта копотью.

а) Горшки с загнутым внутрь краем, с плоским дном. Наибольший диаметр — в верхней части сосуда. Целые сосуды этого типа характерны для позднеэллинистических комплексов Елизаветинского и Усть-Лабинского могильников² (рис. 7, 1).

б) Горшки второго типа отличаются от горшков первого лишь тем, что края их отогнуты наружу. Эти горшки также типичны для памятников Прикубанья IV—I вв. до н.э.³ (рис. 7, 2—5).

¹ В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 201, рис. 112.

² Н. В. А н ф и м о в. Меото-сарматский могильник..., стр. 166, рис. 13, 7.

³ Там же, стр. 165, рис. 3, 2.

Кроме обломков сосудов, в слое были обнаружены обломки больших пирамидальных рыболовных грузил, обломки каменных зернотерок¹, лицевая подвеска из синей стекловидной пасты, на которой детали лица выполнены белой пастой. Такие подвески типичны для II—I вв. до н.э. Следует упомянуть также находки ткацких грузиков из коричневой глины (рис. 6, 12), сероглиняных пряслиц, украшенных насечками (рис. 6, 6, 10), половинку каменного ядра, повидимому от баллисты (рис. 6, 13), куски глиняной обожженной обмазки с отпечатками камыша, куски железного шлака, железный ножичек (рис. 6, 5).

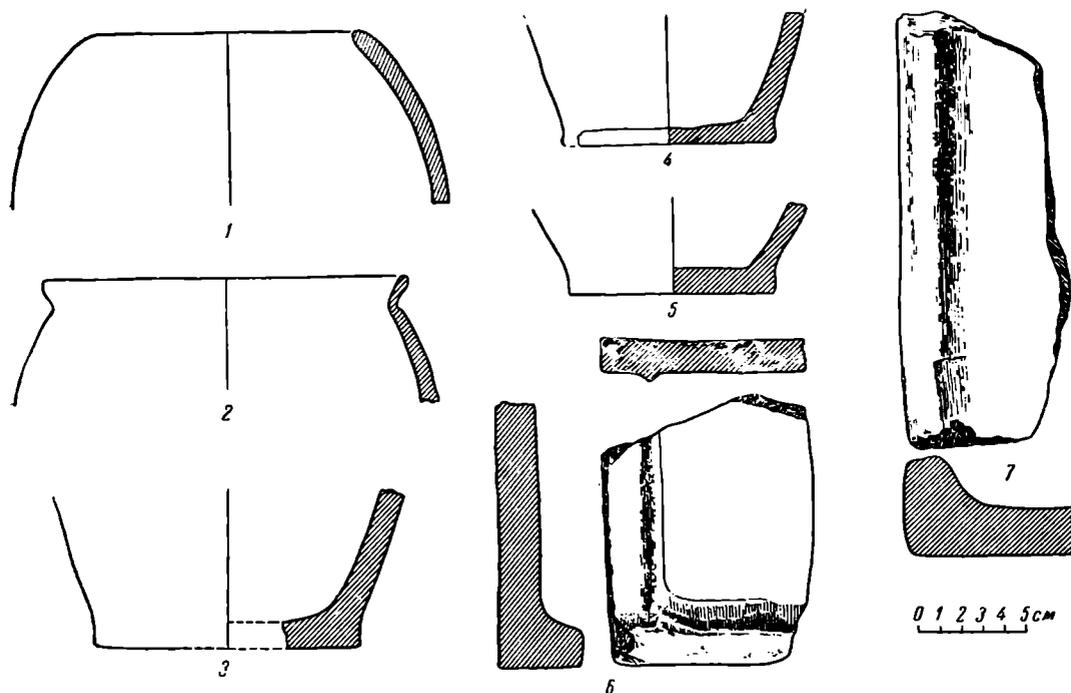

Рис. 7.

1 — 5 — лепная керамика первого слоя; 6 — 7 обломки керамики второго слоя.

Керамика второго слоя подобна керамике первого слоя и представлена на тремя группами.

Первую группу керамики составляют обломки амфор, черволаковых сосудов и синопских лутериев.

1. Амфоры встречены восьми типов:

а) Тип представлен обломками венчиков, ручек и днищ (рис. 8, 4—8; рис. 9, 13), происходящих от сравнительно небольших амфор яйцевидной формы с довольно высоким (высота — 0,22—0,23 м) цилиндрическим горлом, слегка суживающимся к корпусу, и резко профилированным свисающим венчиком, образованным широко отогнутым наружу краем, от которого отходят округло изогнутые овальные или двустольные ручки. Расширяющаяся у основания кубаревидная ножка иногда имеет углубление (рис. 8, 8; рис. 9, 13). Красноватое, а иногда коричневатое тесто черепков содержит обильные включения белых блесток слюды и небольшое количество мелких частиц извести. Поверхность сосудов иногда покрыта более светлым ангобом.

¹ См. Н. В. А н ф и м о в. Земледелье у меото-сарматских племен. МИА, № 23, 1951, стр. 152, рис. 3, 2, 3.

Целая амфора этого типа встречена в кургане № 11 у станицы Некрасовской и издана Б. А. Куфтиным¹. На одном из стволов ручки целой амфоры, так же как и на аналогичной амфоре из Пашковского могильника, имелось круглое монограммное клеймо². Б. А. Куфтин датирует курган № 11 IV—III веками до н. э.

Аналогичная амфора найдена Н. В. Анфимовым при исследовании кургана № 6 у станицы Красноармейской. В отличие от некрасовских сосудов она имеет овальную в сечении ручку и более вытянутую конусообразную форму. Эта амфора датируется найденным вместе с ней низким чернолаковым канфаром концом IV в.—началом III в. до н. э. Подобная же амфора была обнаружена Н. И. Веселовским в боковом погребении кургана

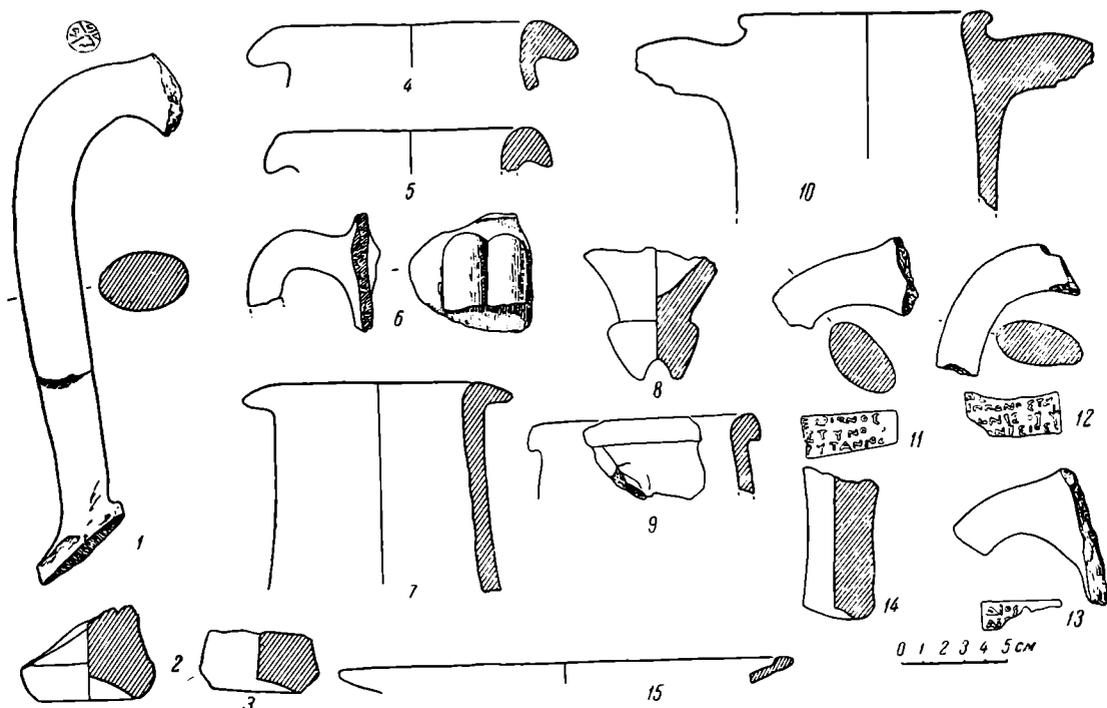

Рис. 8. Привозная керамика второго слоя.

«Солоха»³ (IV в. до н. э.). Аналогичные амфоры были найдены в погребении 3 при раскопках Усть-Лабинского могильника № 2 в 1938 г.⁴; дата погребения определяется мечом без перекрестия с брусковидным навершием, характерным для более ранних погребений Элизаветинского курганного могильника. Целые амфоры того же типа найдены в Зеленском могильнике⁵ и в кургане близ с. Ильинцы⁶. Обломки аналогичных амфор встречались и при раскопках раннеэллинистических комплексов Семибратнего городища вместе с днищами и венчиками гераклеийских амфор.

¹ Б. А. Куфтин. Ук. соч., стр. 27, рис. 7; см. также стр. 25, рис. 6.

² К. Ф. Смирнов. Пашковский могильник № 3. КСИМК, XXVI, 1949, стр. 89.

³ А. П. Манцевич. Амфоры кургана Солоха. Сообщения Эрмитажа, вып. 4, 1947, стр. 3, 4.

⁴ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник..., стр. 167, рис. 4, 4.

⁵ Н. В. Анфимов. Новые материалы по меото-сарматской культуре., стр. 73, рис. 19, 1.

⁶ А. П. Манцевич. Ук. соч., стр. 3, 4.

Горло подобной же амфоры найдено при раскопках в Тиритаке в 1935 г. (инв. Л. 1026). Днища аналогичных амфор встречались на Елизаветинском городище¹.

Таким образом, время бытования амфор этого типа ограничивается периодом IV — начало III в. до н. э. О центре производства этих амфор высказан ряд гипотез, которые, однако, не решают вопроса об их происхождении²

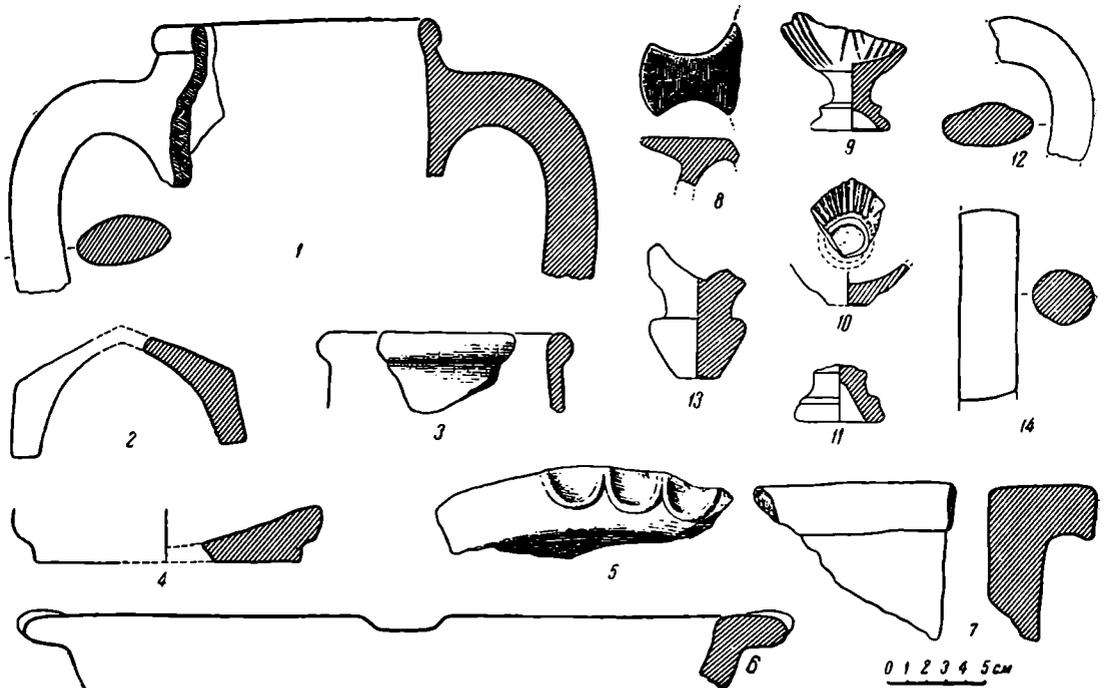

Рис. 9. Привозная керамика и боспорские черепицы второго слоя.

б) Обломки гераклейских амфор из коричневатой крупнозернистой глины с обильными мелкими включениями белых и черных частиц (рис. 8, 14)³.

в) Обломки от амфор вытянутых пропорций с высоким, слегка расширяющимся книзу горлом, заканчивающимся валикообразным венчиком с двумя округло изогнутыми овальными в сечении ручками. Остроконечное днище имеет значительное количество мелких частиц белой слюды и извести. Целые аналогичные амфоры и фрагменты встречены в Марицине⁴ и на Елизаветинском городище⁵ (рис. 8, 3).

г) Обломки венчиков косских амфор. Почти целая косская амфора с двустольными округло изогнутыми ручками, с характерным валикообраз-

¹ Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у станции Елисаветовской по находкам экспедиции Гос. академии истории материальной культуры в 1928 г. ИГАИМК, вып. 104, стр. 134, рис. 31, 2.

² А. П. Манцевич. Ук. соч., стр. 3, 4; Б. А. Куфтин. Ук. соч., стр. 30.

³ Б. Н. Граков. Эпиграфические клейма на горлах некоторых эллинистических остроновных амфор. Труды ГИМ, вып. I, стр. 170, табл. I; стр. 172, табл. II, рис. 2.

⁴ M. Ebert. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn. Prähist. Zeitschrift, Bd. 5, H. 1—2, стр. 27, рис. 282.

⁵ Т. Н. Книпович. Опыт характеристики..., стр. 132, рис. 32, 1—3.

ным утолщением у днища, найдена в погребении 20 Елизаветинского могильника. И. Б. Зеест датирует ее III веком до н. э.¹ (рис. 8, 9).

д) Обломки ручек, венчиков и днищ синопских амфор. На ручках имеются клейма:

1) Δίος ἀστ[ρονόμος]

(Придик, стр. 88, № 534—543, рис. 8, 13).

2) ἀστ[ρονόμος] Ὑππῶνος τοῦ [Δι]ονυσίου. [Διονύσιος]

Эмблема — ветка (Придик, стр. 72, № 2113, рис. 8, 12).

3) Θεαρίωνος ἀστ[ρονόμος] [Π]ρωτάνος

Эмблема — гроздь. (Придик, стр. 101, № 825. рис. 8, 11).

Первое клеймо относится к хронологической группе III (по Б. Н. Гракову) и датируется концом III в. — началом II в. до н. э. Второе клеймо относится к хронологической группе VI и датируется 120—70 годами до н. э. Нахождение этого клейма в слое случайно и связано с ямой, которая находилась у северной стенки раскопа № 2. Третье клеймо относится к хронологической группе II (270—220 гг. до н. э.).

От четвертого совершенно стертého клейма сохранились лишь буква ο — (рис. 9, 12).

е) Венчики, ручки и днища родосских амфор (рис. 9, 3, 14).

ж) Большой интерес представляет находка двух ручек, ножки и стенок одной и той же амфоры, — к сожалению, не поддающейся реставрации, — изготовленной из красной глины с включением белых блесков слюды и белых частиц извести. На обеих ручках имеются колесовидные одинаковые клейма (рис. 8, 1, 2).

Е. М. Штаерман предполагает, что центр производства этих амфор находился либо в Македонии, либо во Фракии, и отмечает, что колесовидные клейма впервые появляются в середине IV в. до н. э.²

з) Обломки днищ и венчиков с частью ручек боспорских амфор (рис. 8, 10; рис. 9, 1), датирующихся IV—III веками до н. э.³

2. Обломки чернолаковой керамики найдены в небольшом количестве (8 обломков). Наиболее крупные фрагменты происходят от высских канфаров на высокой профилированной подставке. Нижняя часть канфаров украшалась обычно каннелюрами, а края — гирляндой из ветвей плюща. Встречены обломки ручек и подставок (рис. 9, 8—11). Крупнозернистое тесто коричневатого цвета (а в одном случае — серого) содержит значительное количество блесков белой слюды. Лак — с металлическим отливом. Подобные целые канфары найдены при раскопках некрополя в Ольвии⁴, в погребении 15 раскопок 1935 г. Елизаветинского могильника, в Пергаме⁵ и некоторых городах Причерноморья.

Тесто и форма позволяют рассматривать исследуемые канфары как малоазийские и датировать III веком до н. э.

Следует отметить обломки тарелок из желтой глины, покрытых черным редким лаком металлического отлива. Аналогичные тарелки Т. Н. Книпович датирует III—II веками до н. э.⁶ (рис. 8, 15).

¹ И. Б. Зеест. Внутренняя торговля Прикубанья с Фанагорией. МИА, № 19, 1951, стр. 109 и сл.; стр. 117, рис. 5, 3.

² Е. М. Штаерман. Керамические клейма из раскопок Мирмекия и Тиритаки. МИА, № 25, 1952, стр. 394.

³ И. Б. Зеест. Ук. соч., стр. 111, рис. 2, 2; е е ж е. К вопросу о боспорских амфорах. Сб. «Археология и история Боспора». Симферополь, 1952, стр. 157 и сл., стр. 159, рис. 1.

⁴ Б. В. Фармаковский. Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г. ИАК, вып. 8, стр. 36, рис. 23; см. также сб. «Ольвия». Киев, 1940, табл. XX, 2, 3.

⁵ *Altertümer von Pergamon*, 1, 2, табл. 37, 4.

⁶ Т. Н. Книпович. Керамика местного производства..., стр. 155, рис. 102, 2.

В одном случае встречены обломки края чернолаковой малоазийской мисочки (III в. до н. э.; рис. 10, 5)¹.

3. Обломки синопских лутериев (рис. 9, 4—6) с характерной розовато-сиреневой глиной и включением зерен туфа, датируются также IV—III веками до н. э.²

Местную, изготовленную на гончарном круге керамику можно разделить по глине на две подгруппы: 1) сероглиняную лощеную и 2) красноглиняную.

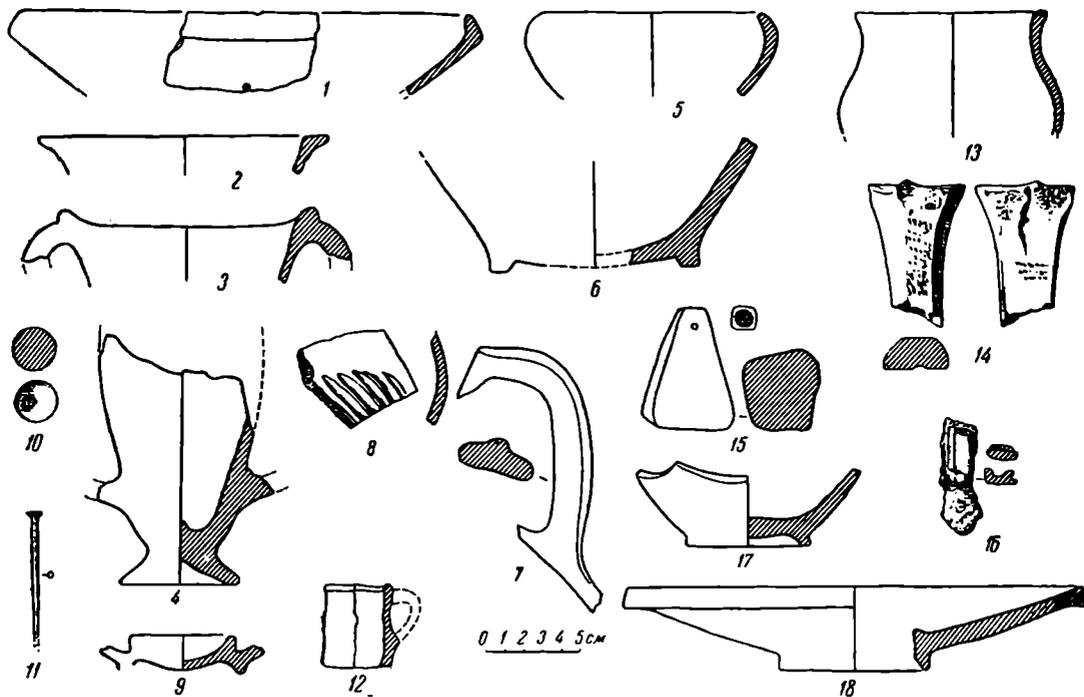

Рис. 10. Находки второго слоя.

1 — 4, 6 — 9, 13, 17, 18 — сероглиняная гончарная керамика; 5 — обломок малоазийской чернолаковой мисочки; 10 — глиняный шарик; 11 — костяная булава; 12 — обломок горла лепного сосуда с ручкой; 14 — кость со следами обработки; 15 — сероглиняный твацкий грузик с отпечатком геммы, изображающей бегущего Эроса; 16 — обломок ножа с костяной рукояткой.

Сероглиняная лощеная керамика представлена канфарами, мисками, кувшинами и рыбными блюдами.

1. Канфары обнаружены двух типов:

а) Обломки высоких, конически сужающихся к днущу канфаров с двумя круглыми в сечении ручками, на высокой ножке в виде раструба. Высота сосудов достигает 17 см (рис. 10, 3, 4). Целые аналогичные сосуды найдены в кургане станицы Марьинской³, на Елизаветинском городище и могильнике (погребение 18, раскопки 1935 г.); датируются они концом IV в. — III веком до н. э.

б) Обломки средней части канфаров, не позволяющие восстановить полную форму, но указывающие на имитацию определенного типа чернолаковых античных канфаров с каннелюрами, рассмотренных выше (рис. 10, 8).

¹ Т. Н. Книпович. Опыт характеристики..., стр. 140, рис. 36, 1.

² Т. Н. Книпович. Керамика местного производства..., стр. 151, 152, табл. XXXVII, 4, 7.

³ ОАК за 1912 г., стр. 54, рис. 72 (средина, верхний ряд).

2. Обнаружены обломки от мисок двух типов:
 а) больших мисок с резко загнутым внутрь краем, типичных для Прикубанья; диаметр — 23—27 см (рис. 10, 1)¹
 б) плоских небольших мисочек с прямо отогнутым наружу краем, типичных для Прикубанья II—I вв. до н. э. (рис. 10, 2)².
3. Найдены обломки от кувшинов трех типов:
 а) Узкогорлые кувшины яйцевидной формы с одной реберчатой ручкой на низкой кольцевидной подставке. Аналогичные кувшины в Прикубанье

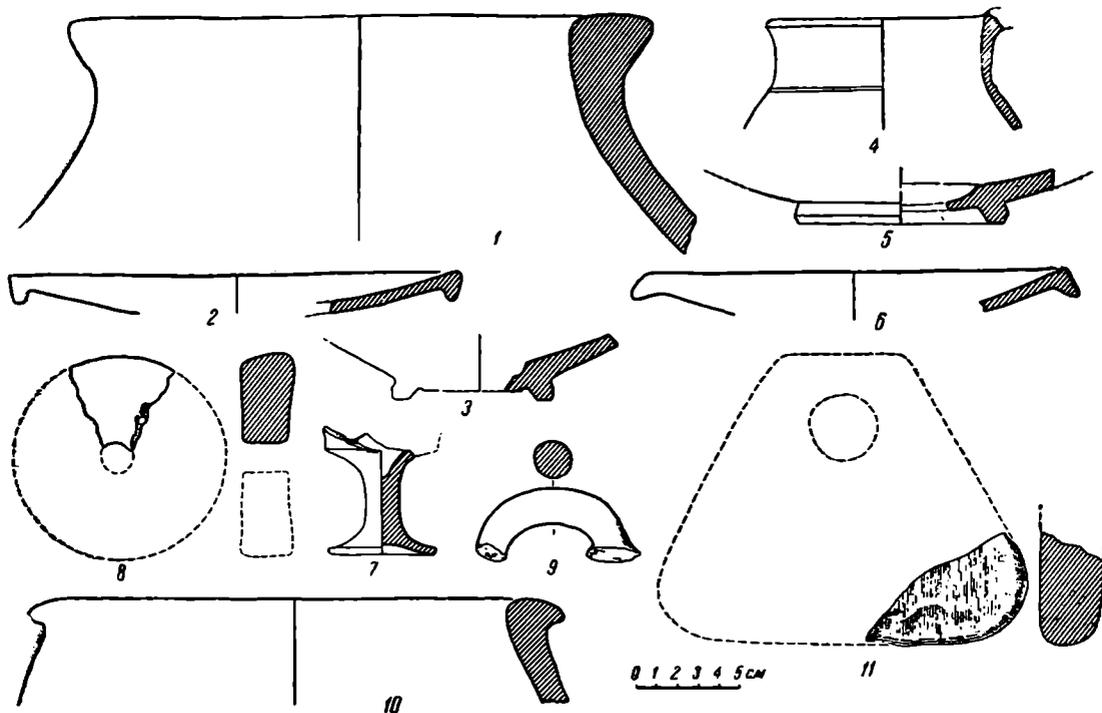

Рис. 11. Находки второго слоя.

1 — 7, 9 — красноглиняная гончарная керамика; 8 — обломок колеса от игрушечной повозки; 10 — обломок лепного лощеного сосуда; 11 — обломок рыболовного грузила.

встречают многочисленные реплики (Елизаветинский могильник, погребение 15, раскопки 1935 г., в особенности Усть-Лабинский могильник № 2)³, и датируются III—II веками до н. э. (рис. 10, 6, 7).

б) Небольшие узкогорлые кувшинчики шаровидной формы, украшавшиеся по плечикам бороздками. Аналогичные кувшинчики характерны для Прикубанья (Елизаветинский могильник и Усть-Лабинский могильник № 2) и датируются III веком до н. э.⁴ (рис. 10, 17).

в) Небольшие кувшинчики со слегка отогнутым наружу краем (рис. 10, 13). Аналогичный целый кувшинчик, найденный в погребении 7 Елизаветинского могильника, датируется комплексом III в. до н. э.

4. Рыбные блюда являются характернейшей формой для Елизаветинского могильника и городища. Помимо этих памятников, они встречены на городищах хуторов Батарейного и Семибратнего. Впервые рыбные блюда местного производства появляются в Прикубанье в IV в. до н. э. и

¹ Н. В. А н ф и м о в. Меото-сарматский могильник..., стр. 76, рис. 8, 6.

² Там же, стр. 178, рис. 19, 2.

³ Там же, стр. 173, рис. 6, 2, 3.

⁴ Там же, стр. 175, рис. 1, 3, 4.

бытуют вплоть до I в. до н. э. Наиболее ранние отличаются правильной и тщательной моделировкой формы. Края этих сосудов не отогнуты книзу под прямым углом, а слегка утолщены. Центральное углубление, как правило, окружено выступающим высоким, овальным в сечении валиком.

К IV в. до н. э. относятся два рыбных блюда. Одно из них происходит из Елизаветинского могильника (погребение 12, раскопки 1935 г.) и датируется найденной там же чернолаковой аттической солонкой IV в. до н. э. Второе рыбное блюдо найдено Н. В. Анфимовым при исследовании кургана близ станицы Красноармейской, вместе с низким чернолаковым канфаром IV в. до н. э.

В дальнейшем развитие местных форм рыбных блюд имеет тенденцию к постепенному уменьшению центрального углубления, предназначенного для приправы, в результате чего на более поздних сосудах центральное углубление почти исчезает и остается лишь валик, окружающий последнее. В III в. до н. э. исчезновение углубления еще не столь разительно. К этому времени относятся два рыбных блюда, происходящих из Елизаветинского могильника (погребение 20, раскопки 1934 г. и с городища). В первом случае рыбное блюдо датируется бронзовым античным перстнем с изображением воина со щитом, во втором — пантикапейской монетой III в. до н. э., найденной в одном слое с рыбным блюдом. Валик вокруг отверстия в блюде здесь резко выделяется над средним углублением. Во II—I в. до н. э. тенденция к исчезновению среднего углубления и валика проявляется во всей силе. На некоторых сосудах [МАЭ (Музей антропологии и этнографии), колл. 5456/24; 5338/1411] среднее углубление исчезает вообще, остается лишь валик, на отдельных же сосудах (МАЭ, колл. 5266/157; 5338/1368; 5338/1215) имеются еще небольшие углубления и валик. Наличие на наших обломках рыбных блюд валика и хорошо выраженного центрального углубления позволяет отнести их к формам III в. до н. э. (рис. 10, 9, 18).

Красноглиняная керамика представлена обломками сосудов пяти типов: миски, кувшинчики, рыбные блюда, кастрюльки с крышечками для варки пищи и пифосы.

1. Миски встречены того же типа, что и в первом слое.

2. Кувшинчики встречены одного типа. Это низкие, с широким, выделенным устьем одноручные кувшинчики, плечики которых украшались иногда бороздками и валиками с круглой или овальной в сечении ручкой, в некоторых случаях с продольным желобком (рис. 11, 4). Аналогичные кувшинчики встречены в Усть-Лабинском¹, Ладожском и Елизаветинском (погребение 28, раскопки 1935 г.) могильниках. В последних двух случаях кувшинчики датируются целыми родосскими амфорами II в. до н. э.

3. Рыбные блюда представлены обломками краев с вертикально загнутым книзу бортиком и кольцевыми подставками с частью углублений (рис. 11, 2, 3, 5, 6). Край украшен бороздками. По форме они напоминают боспорские рыбные блюда IV—III вв. до н. э.²

4. Кастрюли — невысокие, шаровидные, с отогнутым наружу краем, плоским дном и двумя овальными горизонтальными, округлыми в сечении, ручками (рис. 11, 9). Сосуды имели крышку. Эта форма обычна для античных городов Северного Причерноморья³; в Прикубанье она встречена, кроме Елизаветинского, еще на Семибратнем городище. На-

¹ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник... стр. 175, рис. 7, 9.

² В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекия..., стр. 202, рис. 115.

³ Там же, стр. 201, рис. 112.

конец, в эту же группу следует включить подставку с частью корпуса от бокала (рис. 11, 7).

5. Обломки пифосов не позволяют восстановить форму сосудов, однако моделировка венчиков напоминает пифосы, находимые в большом количестве при раскопках античных городов (рис. 11, 1).

Лепная керамика представлена обломками горшков, идентичных по форме и технике изготовления горшкам из первого слоя. К этой же группе относятся цилиндрическое горлышко с ручкой от небольшого сосудика (рис. 10, 12) и обломки венчика сосуда с горизонтально отогнутым наружу краем (рис. 11, 10). Целые экземпляры таких сосудов в Прикубанье мне не встречались.

Помимо сосудов, во втором слое были найдены обломки рыболовных грузил (рис. 11, 11) и пирамидальный ткацкий грузик с оттиснутым на верхней плоскости изображением Эроса с распушенными крыльями (рис. 10, 15). Этот мотив изображения типичен для ткацких грузиков, найденных при раскопках боспорских городов, в частности в Херсонесе¹. Обнаружены также обломки зернотерок. Аналогичные целые зернотерки встречались на Семибратнем городище и на Боспоре². Следует отметить обломки боспорских керамид (рис. 7, 6, 7; рис. 9, 7) и калпштеров (рис. 9, 2), а также обломок кости со следами обработки (рис. 10, 14) и обломок костяной гвоздевидной булавки (рис. 10, 11). Целые аналогичные булавки встречены в погребениях III—II вв. до н.э. Елизаветинского могильника. Далее следует отметить находку небольшого неясного назначения шарика из коричневатой обожженной глины (рис. 10, 10), обломок железного ножа с костяной рукояткой, прикрепленной заклепками (рис. 10, 16), и обломок колеса от детской повозочки (рис. 11, 8). Подобные целые игрушки широко распространены в Северном Причерноморье³.

В обоих раскопах найдено значительное количество костей домашних и диких животных:

Вид животного	Количество	
	костей	особей
Корова (<i>Bos taurus</i>) .	143	59
Овца (<i>Ovis aries</i>) .	55	30
Свинья (<i>Sus scrofa</i>) .	43	28
Лошадь (<i>Equus caballus</i>) .	56	25
Собака (<i>Canis familiaris</i>) .	16	7
Лисица (<i>Vulpes vulpes</i>) .	1	1
Олень (<i>Cervus elaphes</i>) .	2	2

По определению Н. К. Верещагина, остатки костей домашних животных являются типично кухонными остатками, к которым относятся и кости лошади. Любопытно, что кости свиней, овец, коров и собак относятся не к крупнопородным, как сообщал в свое время В. А. Городцов⁴, а к мелкопородным видам. «Все они малые захирелые животные,

¹ В. Ф. Г а й д у к е в и ч. К вопросу о ткацком ремесле в боспорских поселениях. МИА, № 25, 1952, стр. 407.

² В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 99, рис. 9.

³ П. Б е н ь к о в с к и й. О терракотовых повозочках из Керчи. ИАК, вып. 9, стр. 63—72; В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Раскопки Мирмекия..., стр. 166, рис. 56.

⁴ В. А. Г о р о д ц о в. Елизаветинское городище..., стр. 178, 179.

крайне характерные для всего Прикубанья в первых веках до нашей эры», — пишет Н. К. Верещагин.

При раскопках были обнаружены кости рыб — осетра и карпа.

От колхозника Тарасенко получены собранные им к западу от центральной части городища десять боспорских бронзовых монет III—II вв. до н. э. Приводим их перечень:

1. Лицевая сторона. Голова безбородого Сатира влево, с надчеканенной восьмиконечной звездой.
Оборотная сторона. Горит с луком и легенда — ПАН.
Начало III в. до н. э.
(А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, табл. XLI, 3).
2. Лицевая сторона. Голова Аполлона вправо.
Оборотная сторона. Орел впрямь, с распущенными крыльями, легенда — ПАН.
Середина III в. н. э.
(А. Н. Зограф. Ук. соч., табл. XLI, 10).
3. Лицевая сторона. Голова безбородого Сатира влево.
Оборотная сторона. Лук и стрела, внизу легенда — ПАН.
300—250 гг. до н. э.
(А. Н. Зограф. Ук. соч., табл. XLI, 4).
4. Лицевая сторона. Голова безбородого Сатира влево с надчеканенной восьмиконечной звездой.
Оборотная сторона. Лук со стрелой вправо, легенда — ПАН.
300—240 гг. до н. э.
(А. Н. Зограф. Ук. соч., табл. XLI, 4, стр. 177).
5. Лицевая сторона. Голова безбородого Сатира влево с надчеканенной восьмиконечной звездой.
Оборотная сторона. Лук со стрелой влево, легенда — ПАН.
300—250 гг. до н. э.
(А. Н. Зограф. Ук. соч., табл. XLI, 4, стр. 177).
6. Лицевая сторона. Голова Аполлона вправо.
Оборотная сторона. Лук со стрелой, легенда — ПАН.
200—121 гг. до н. э.
(А. Н. Зограф. Ук. соч., табл. XLII, 11, стр. 181).
7. Лицевая сторона. Голова Аполлона (неясная).
Оборотная сторона. Орел с распростертыми крыльями, внизу легенда — ПАН.
Середина III в. до н. э.
(А. Н. Зограф. Ук. соч., табл. XLI, 10, но меньшего размера).
8. Лицевая сторона. Голова безбородого Сатира влево со знаком М
Оборотная сторона. Лук со стрелой, надчеканенная восьмиконечная звезда, легенда — ПАН.
Первая половина III в. до н. э.
(А. Н. Зограф. Ук. соч., табл. XLI, 3, 4).
9. Лицевая сторона. Голова безбородого Сатира (?).
Оборотная сторона. Лук со стрелой, легенда — ПАН.
300—250 гг. до н. э.
(А. Н. Зограф. Ук. соч., табл. XLI, 5).
10. Лицевая сторона. Голова безбородого Сатира (?) с надчеканенной восьмиконечной звездой.
Оборотная сторона. Горит с луком, легенда — ПАН.
Начало III в. до н. э.
(А. Н. Зограф. Ук. соч., табл. XLI, 3).

Кроме работ на городище, Краснодарским отрядом были произведены небольшие разведки на грунтовом могильнике, где в обрыве террасы были обнаружены четыре разрушенных погребения. От первого погребения сохранилось лишь несколько разбросанных позвонков и сероглиняный целый кувшин яйцевидной формы (рис. 12, 3), аналогичный кувшинам Усть-Лабинского могильника¹. В погребении 2 обнаружена красноглиняная

¹ Н. В. А н ф и м о в. М е т о - с а р м а т с к и й м о г и л ь н и к . . , стр. 173, рис. 6, 2, 3.

мисочка с плоским дном; на внутренней поверхности мисочки имеется вырезанный по сырой глине знак в виде перекрещивающихся линий (рис. 12, 2). Подобные знаки довольно часто встречаются на загадочных глиняных таблетках Прикубанья¹. Кроме того, от жителей станицы была

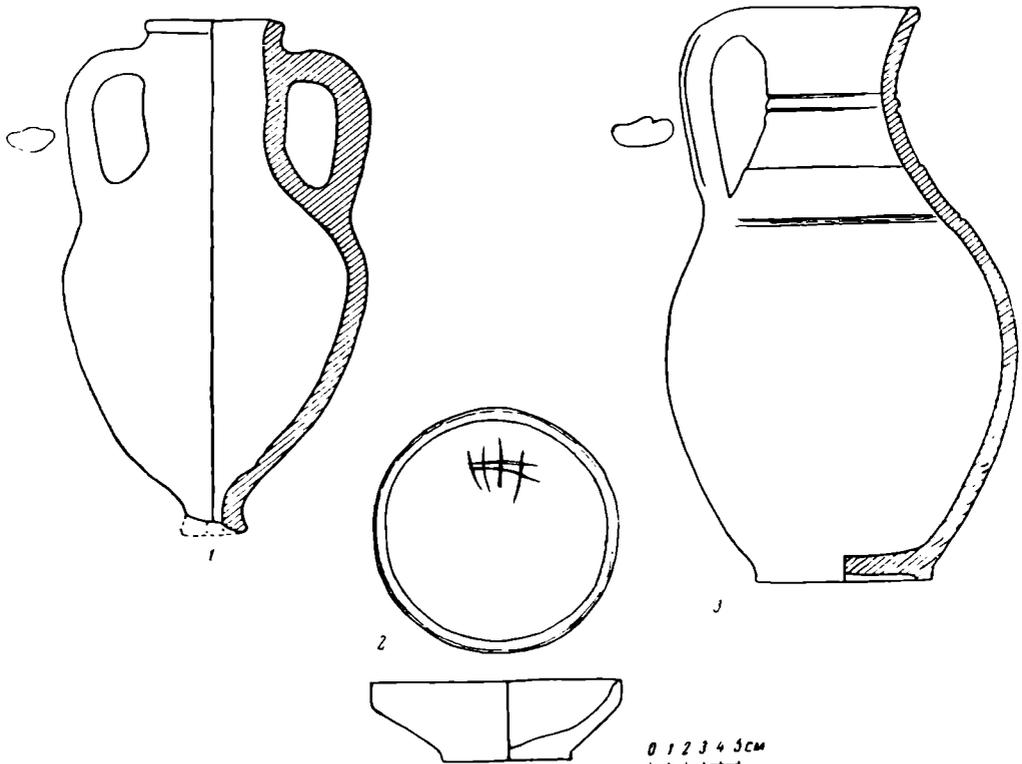

Рис. 12.

1 — миниатюрная амфора местного типа; 2 — красноглиняная миска с врезанным знаком ▲ (погребение 2); 3 — сероглиняный кувшин III—II вв. до н. э. (погребение 1).

получена небольшая красноглиняная амфора местного производства (рис. 12, 1).

Таким образом, разведки на Елизаветинском городище выяснили новые черты жизни его обитателей и еще раз подчеркнули значение этого своеобразного поселения в истории меотских племен Прикубанья, имевших оживленные связи с Боспором.

¹ М. В. Покровский. Ук. соч., стр. 11 и сл.

К. А. РАЕВСКИЙ

НАЗЕМНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ МЕЖДУРЕЧЬЯ
ДНЕПРА—ДНЕСТРА в I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ н. э.

Район Северо-западного Причерноморья между Бугом и Днестром, т. е. территория, расположенная между двумя крупными древними торговыми и культурными центрами—Ольвией и Тирой, уже по своему стратегическому положению и природным условиям играл значительную роль в истории племен, населявших приморские степи в I тысячелетии н. э.

Экспедициями Института археологии Академии Наук УССР, Одесского историко-археологического музея и Одесского государственного университета за последние годы здесь было выявлено значительное количество памятников, относящихся к разным эпохам,—городищ, поселений, курганных и бескурганных могильников I тысячелетия н. э. и установлено два типа памятников, имеющих общие черты с культурой «полей погребений».

Тип первый — наземные сооружения, относящиеся к раннему, или так называемому «сарматскому», этапу,—представлен оборонительным укреплением на городище I—IV вв. н. э. у хутора Петухово; второй тип—поселением у с. Киселово, относящимся к более позднему времени—IV—V вв. н. э.

Археологическое обследование берегов Куяльницкого и Хаджибеевского лиманов, проведенное нами с группой юных археологов Одесского дворца пионеров в период 1938—1940 гг., впервые обрисовало состав и характер памятников одного из важнейших, но в то же время почти неизвестного в археологическом отношении района Северо-западного Причерноморья по течению р. Большой Куяльник на участке Одесса — Кубанка, Плянка — Одесса¹.

По краям береговых террас пионеры открыли ряд городищ, селений и курганов, относящихся к разному времени. Собранный материал дал возможность сделать первичную классификацию памятников и некоторые из них включить в план полевых исследований Одесского историко-археологического музея и Института археологии Академии Наук УССР для более углубленного изучения культуры земледельческих поселений ольвийско-тирской периферии I тысячелетия н. э.²

Из числа открытых памятников наиболее важным по своему значению является поселение, имеющее общие черты с культурой «полей погребений»

¹ К. А. Раевский. Юные археологи. Газета «Большевистское знамя» (Одесса), 1941, № 137.

² Раскопки в Ольвии. Газета «Большевистское знамя» (Одесса), 1940, № 211.

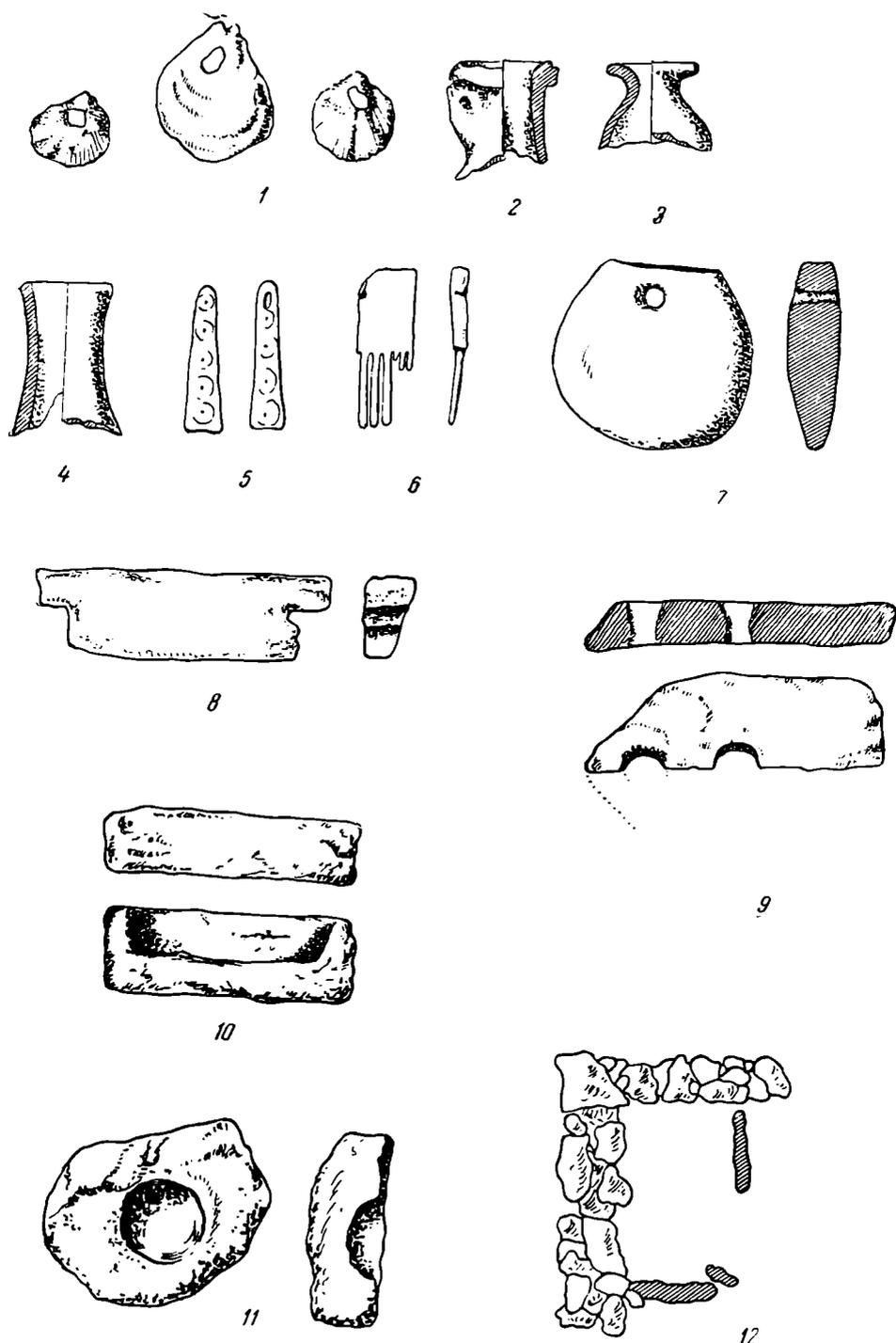

Рис. 1. Находки на Кисловском поселении.

1 — подвески из ракушек; 2—4 — горлышки стеклянных сосудов; 5 — костяной предмет; 6 — обломок костяного гребня; 7 — грузило; 8 — каменный порог; 9 — обломок каменного якоря; 10 — часть каменного порога; 11 — каменная ступка; 12 — тип каменной кладки в постройках.

и расположенное у входа в Куяльницкий лиман на огородах поселка Киселово. Это поселение впервые дало нам представление о материальной культуре населения IV—V вв. н. э. на северо-западном побережье Черного моря. Здесь были найдены остатки земледельческого инвентаря, кости домашних животных, керамика и другие предметы, характеризующие производственно-хозяйственную деятельность и быт местного населения¹.

Еще более ценным было открытие здесь впервые для этого времени каменных фундаментов многокамерных наземных построек с очагами, свидетельствующих о высокоразвитом домостроительстве; все это делает Киселовское поселение важным объектом при изучении вопросов происхождения восточного славянства.

Киселовское поселение находится в 500 м на север от Лузановского парка, на территории Одесского пригородного района, и было детально исследовано нами по поручению Института археологии Академии Наук УССР в 1938—1940 гг. Левый берег Куяльницкого лимана, на котором располагается поселение, представляет собой открытое степное плато, возвышающееся над уровнем лимана до 10 м. Южная сторона его омывается морем, западная — р. Большой Куяльник, впадающей в Куяльницкий лиман.

Как и все другие известные памятники культуры «полей погребений», Киселовское поселение расположено на склоне высокого плато надпойменной террасы. В свое время для устройства этого поселения была избрана открытая местность без естественных укреплений на южном склоне Куяльника, в удалении от береговой линии на таком расстоянии, чтобы оно не просматривалось с моря и лимана. Выбор места для поселения определялся, главным образом, наличием у склона плато пресноводных источников, дающих в достаточном количестве пресную воду, и возможностью устройства в лимане гавани, хорошо защищенной от морских ветров. Оборонительные цели, повидимому, не играли при этом никакой роли.

В процессе раскопок были установлены примерные границы поселения: с юго-востока оно замыкается неглубокой балкой, с северо-запада — глубокой искусственной выемкой песочных карьеров, с северо-востока — современными строениями поселка и Киселовским курганом № 1, с юго-запада — чересыпью.

Судя по распространению подъемного материала, расцветке грунта и свидетельствам колхозников, поселение тянется вдоль склона плато на 200 м и вверх плато — на 100—120 м. На всей этой площадке встречаются на поверхности в большом количестве мелкие остатки известняка, кости животных, фрагменты древней посуды; здесь были найдены точильный камень, глиняное грузило (рис. 1, 7) и каменная ступка (рис. 1, 11).

Культурные остатки находятся только в пахотном слое на глубине 0,2—0,4 м. Жилые и хозяйственные постройки поселения располагались по гребню плато на протяжении 150 м в два ряда. Первый ряд домов ориентирован по оси восток — запад, второй ряд — по оси юго-восток — северо-запад (рис. 2).

Раскопками были вскрыты остатки многокамерных наземных жилых и хозяйственных сооружений, сложенных насухо из примитивно обработанного камня.

¹ К. А. Раевский. Научно-исследовательская работа Одесского исторического музея (археологические раскопки). ВДН, 1939, № 2, стр. 141.

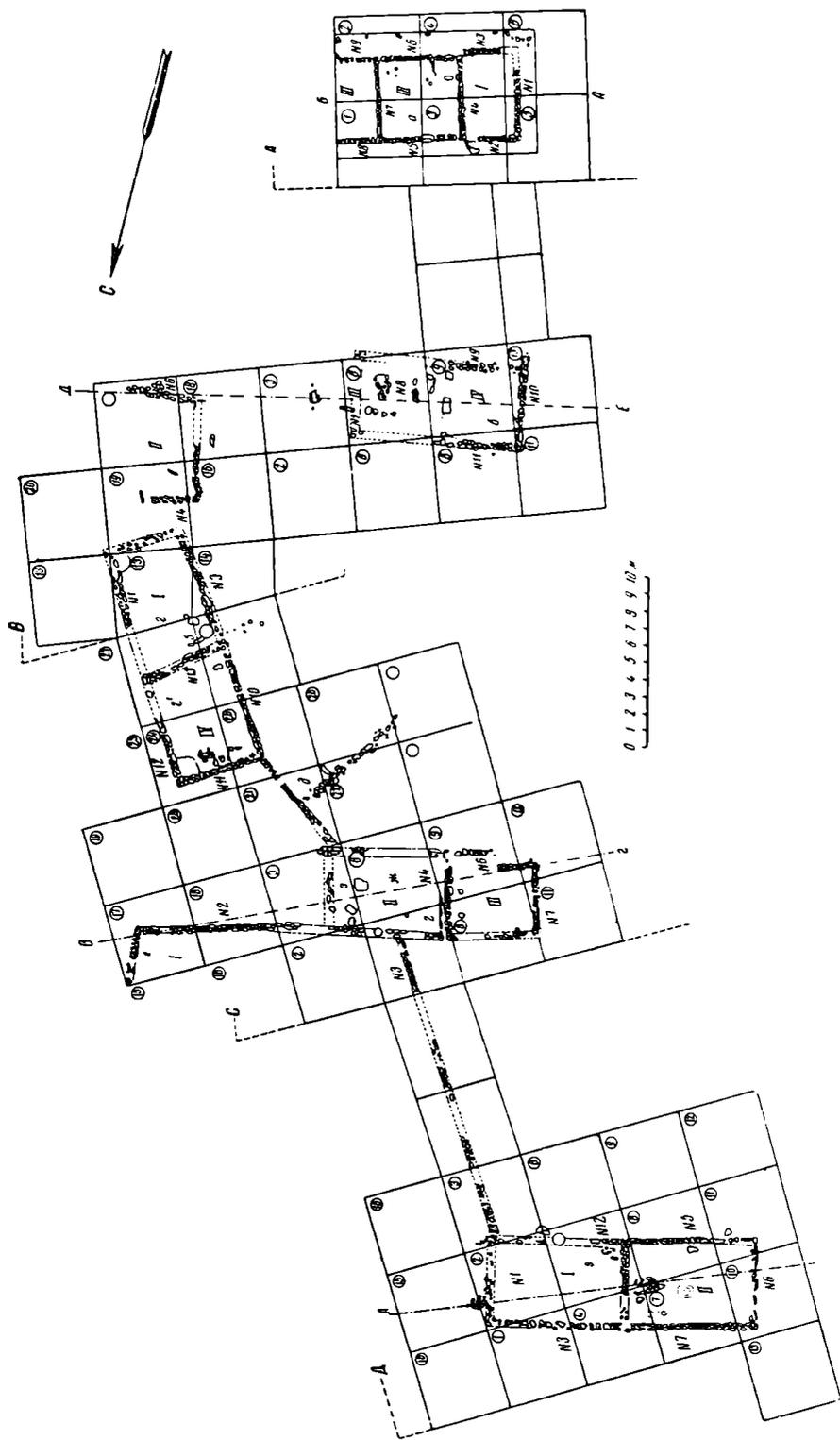

Рис. 2. Общий план раскопок поселения в Киселово.

Раскопки Киселовского поселения начались в 1938 г. в той части, которой угрожало дальнейшее разрушение¹

Остатки многокамерного дома в раскопе А (строительный комплекс а; рис. 2). Как выяснилось во время раскопок 1938 г.², в раскопе А, расположенном в юго-западном углу поселения, находились остатки сооружений строительного комплекса, состоявшего из трех прямоугольных жилых помещений, примыкающих одно к другому по оси восток — запад.

Помещение I — прямоугольное, площадью 20 кв. м (5,4 × 3,8 м), его северо-восточный и юго-западный углы частично разрушены. Помещение II, площадью 25 кв. м (5 × 5 м), прилегалo к помещению I. Судя по кладке, это было основное помещение данного комплекса. Помещение III примыкало к помещению II. В восточной части оно разрушено при посадке виноградника; сохранились только обрывки кладок северной и южной стен длиной 1,8 м и отдельные мелкие камни, указывавшие границы разрушенного помещения. Судя по уцелевшим остаткам, помещению III также имело площадь 25 кв. м.

В юго-западном углу помещения II находились две известковые плиты размером 0,6 × 0,5 м и 0,5 × 0,4 м, поставленные на ребро (рис. 1, 12); они вместе со стенами помещения представляли кладовую для хранения предметов хозяйственного обихода.

Весьма ценный материал для датировки помещения дали раскопки этой кладовой. Под завалом камня, после расчистки и удаления его, наряду с сероглиняной лощеной (рис. 3, 2) и лепной керамикой были найдены фрагменты красноглиняной мисочки позднеримского времени, изготовленной на гончарном круге (22,5 × 5 см), покрытой красным ангобом низкого качества (рис. 4, 3), а также фрагменты желтоглиняной амфоры с яйцевидной формой дна; две трети поверхности этой амфоры от основания горизонтально-ребристы (рис. 3, 3). По форме амфора является предшественницей амфор, встречающихся в раннесредневековом слое боспорских городов Тиритак и Мирмекия³.

Близ кладовой на уровне жилой поверхности лежали плашмя две гладкие, хорошо вытесанные, прямоугольные каменные плитки. Назначение их определить не удалось. В юго-восточном углу помещения обнаружены следы очага, от которого сохранились три каменные плитки неопределенной формы, служившие вымосткой очага. В этом месте найдены обгорелые кости животных, зола и древесные угли.

Общая площадь строительного комплекса а (рис. 2) составляла 70 кв. м. Судя по обнаруженному в кладке порогу, вытесанному из раковистого известняка и уложенному в северной стене помещения II, дверной проем находился в главном помещении с северной стороны и имел ширину 1,2 м. Остальные помещения, надо полагать, имели только внутренние сообщения.

Двухкамерный жилой дом в раскопах В и С. В 12 м к северу от строительного комплекса а (рис. 2) в 1940 г.⁴ в цен-

¹ Л. Славин. Научная конференция археологов, изучающих историю Украины в скифо-сарматский период. ВДП, 1940, № 1(10), стр. 205.

² К. А. Раевский. Древнее земледельческое поселение на левом берегу Куяльницкого лимана. Предварительное сообщение о разведке-раскопке в Киселово. Записки Одесского исторического музея, 1941.

³ МИА, № 4, 1941, стр. 56, рис. 81; СА, VI, 1940, стр. 203, рис. 14.

⁴ В состав археологической экспедиции 1940 г. входили начальник экспедиции К. А. Раевский, научные сотрудники А. В. Добровольский, Т. Г. Сискова, М. С. Синицын и др.

тральной части древнего поселения был заложен раскоп В площадью 775 кв. м.

На глубине 11—12 см были обнаружены беспорядочно лежащие камни разных размеров от завала кладки, среди которых встречались куски сильно обожженной глины, обломки посуды и кости животных. Глубина залегания завала постепенно увеличивалась в направлении восток — запад и доходила до 0,25 м.

Рис. 3. Образцы керамики из Киселовского поселения.

1 — сероглиняный лощеный кувшин из грунтового погребения; 2 — венчик горш-
кообразного сероглиняного лощеного сосуда; 3 — реставрированная амфора
с яйцевидным дном; 4 — сероглиняная корчага.

В отличие от строительного комплекса *a* строительный комплекс *г* (рис. 2) был вытянут с юга на север, параллельно берегу Куяльника, и размещался во втором ряду поселения. Длина сохранившихся стен помещения I равна 6,5 м, ширина — 0,5 м; кладка сухая, в два камня раковистого известняка, на высоту 0,25 м. В юго-восточном углу, на месте старой ямы, находился глинобитный очаг размером 1,25 × 0,6 м. Район расположения очага был сильно насыщен золой, мелкими кусочками древесных углей и обгорелых костей.

В юго-восточном углу у северной стены (рис. 2) были обнаружены установленные на ребро две большие каменные плиты сарматского

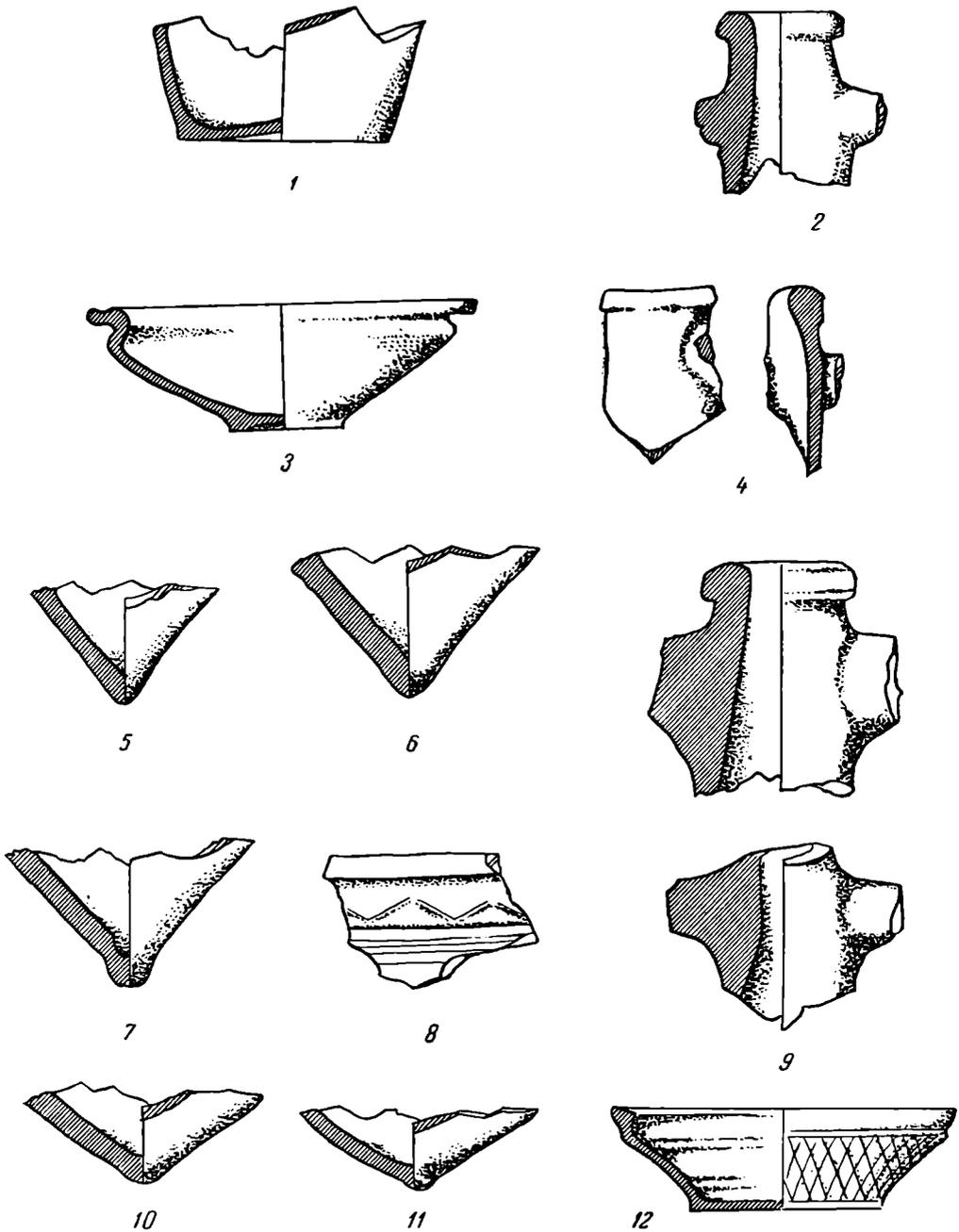

Рис. 4. Образцы керампки, сделанной на гончарном круге, из Киселовского поселения.

1 — краснолаповый сосуд; 2, 4, 9 — горла амфор; 5, 6, 7, 10, 11 — донья амфор; 3 — краснолаковая миска; 8, 12 — фрагмент венчика и миска типа полей погребений

известняка, которые отгораживали кладовую площадью 0,6 кв. м (1,2 × 0,5 м) для хранения домашней утвари.

Помещение IV примыкает к помещению I с северной стороны и является вторым помещением одного строительного комплекса. Оба помещения прямоугольны и имеют площадь по 32,5 кв.м каждое (6,5 × 5 м). Стены выложены из крупных и неровных камней раковистого известняка. Вход в помещение, по всей вероятности, был с восточной стороны. В северо-вос-

точном углу помещения IV находился глинобитный очаг в виде круглого пласта утрамбованной и сильно обожженной желтой глины. Рядом с очагом, к западу от него, находилось «подполье» — погребок размером $1 \times 0,75$ м, углубленный в грунт ниже уровня пола на 0,5 м и облицованный внутри каменными плитками сарматского известняка.

Вдоль северной стены по соседству с погребком была устроена кладовая, ограждение которой состояло из установленных на ребро каменных плит больших размеров.

Между кладовой и погребком находилась небольшая яма грушевидной формы, диаметром 0,6 м. На дне ямы находились глина зеленого цвета и куски большого сероглиняного толстостенного сосуда типа больших корчаг с плоским венчиком, отогнутым внутрь сосуда (рис. 3, 4). Отмечаем его сходство с сосудами из находок Среднебугской экспедиции Института археологии Академии наук УССР¹. Яма, повидимому, служила для хранения сосуда с водой.

Внутри помещения попадалось много золы, обгорелых костей животных и обломков керамики. Основные находки приходятся на нижний горизонт культурного слоя. Здесь были найдены обломки стеклянных сосудов позднееримского времени (рис. 1, 2, 3, 4), часть костяного гребешка (рис. 1, 6) и целая костяная подвеска в виде четырехгранной пирамидки, грани которой орнаментированы концентрическими кругами (рис. 1, 5).

Судя по находкам, помещения I и IV строительного комплекса г (рис. 2) были самостоятельными изолированными жилищами, не имевшими между собой сообщения, но с одинаковыми конструктивными особенностями.

Строительный комплекс ж (рис. 2). Этот строительный комплекс (помещения II и III) состоял из остатков каменных кладок большого дома, ориентированного по оси с востока на запад, площадью 63,5 кв. м, разделенного перегородкой на два изолированных друг от друга жилых помещения (рис. 5).

Помещение II имело площадь 38,5 кв. м ($7 \times 5,5$ м). Границы его прослеживаются по остаткам мелкого камня от разрушенных фундаментов. Внутри помещения, на 1 м западнее восточной стены, в центре был расположен прямоугольный в плане очаг размером $0,9 \times 0,7$ м, выложенный из плиток сарматского известняка, окаймленный с внешних сторон такими же плитками, уложенными на ребро. На очаге сохранились следы сильного огня и копоти, вокруг него найдены мелкие обломки керамики и обожженная глина. В северо-восточном углу помещения находилась хозяйственная яма грушевидной формы, диаметром 0,5 м, глубиной 0,4 м, и большая каменная плита-крышка, которой накрывалась яма (рис. 6).

Вход в помещение был в южной стене; он обозначен каменным порогом шириной 1,2 м (рис. 1, 10). У западной стены было оборудовано место для хранения сосудов в виде кладовой, отгороженной четырьмя каменными плитами (размером $1,7 \times 0,4$ м), поставленными на ребро. Внутри кладовой находились типичные для данного поселения обломки сосудов.

Стены помещения III ориентированы в длину по оси восток — запад; кладка стен сухая, в два-три камня раковистого известняка. Северная и южная стены разрушены, но по их остаткам можно определить границы

¹ Э. А. Сыманович. Мельничное сооружение первых веков нашей эры на Южном Буге. «Археология», IV, Київ, стр. 100, рис. 2, 7, 8.

помещения, которое, как и предыдущее, являлось жилым и имело площадь 25 кв. м (5 × 5 м).

В юго-западном углу был обнаружен глинобитный очаг (1,05 × 0,85 м) с каменным каркасом из больших плит сарматского известняка. У очага располагалась кладовая (рис. 7) размером 1,25 кв. м (2,5 × 0,5 м), подобная описанной выше. Между очагом и кладовой лежали плашмя две каменные плиты и находились в большом количестве обломки сосудов и костей, зола, обожженная глина и древесные угли.

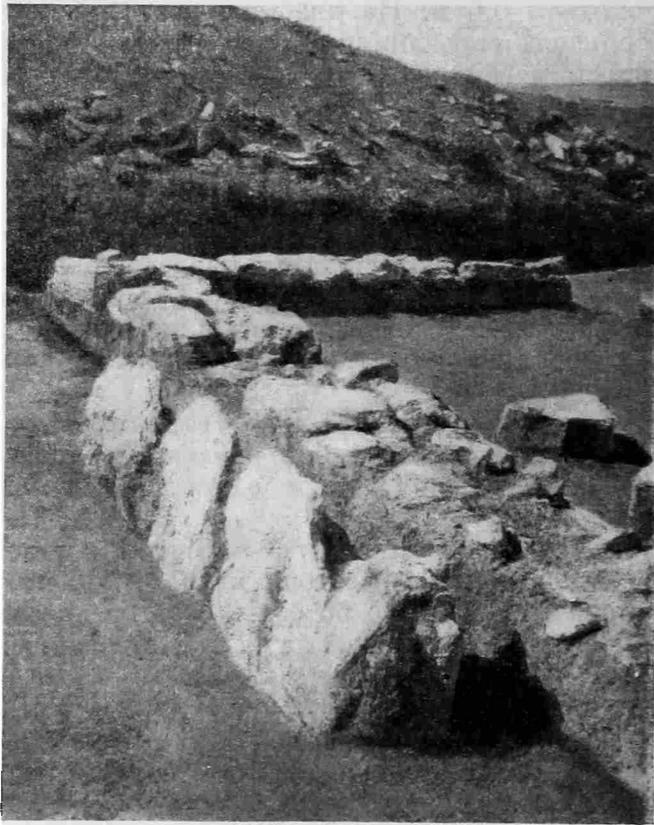

Рис. 5. Каменная перемычка двухкамерного помещения в раскопе С.

В северо-восточном углу поселения, между строительными комплексами *ж* и *з* (рис. 2) располагался комплекс *е* — большой хозяйственный двор, загон для скота. Площадь его около 300 кв. м (16 × 18 м). Стены двора были построены из сырцового кирпича или самана на каменном фундаменте (рис. 8).

Отмеченные на нашем плане остатки фундаментов (рис. 2) указывают на то, что стены двора соединялись со стенами домов (*ж* и *з*) и являлись по существу единым строительным комплексом, который связывал целую группу строений.

Дальнейшее направление стены двора к северу проследить не удалось.

Внутри двора, кроме обломков известняка, редко встречались только мелкие изломанные кости животных.

К северо-западному углу помещения IV комплекса *г* (рис. 2) с внешней стороны впритык по оси северо-запад — юго-восток прилегал камен-

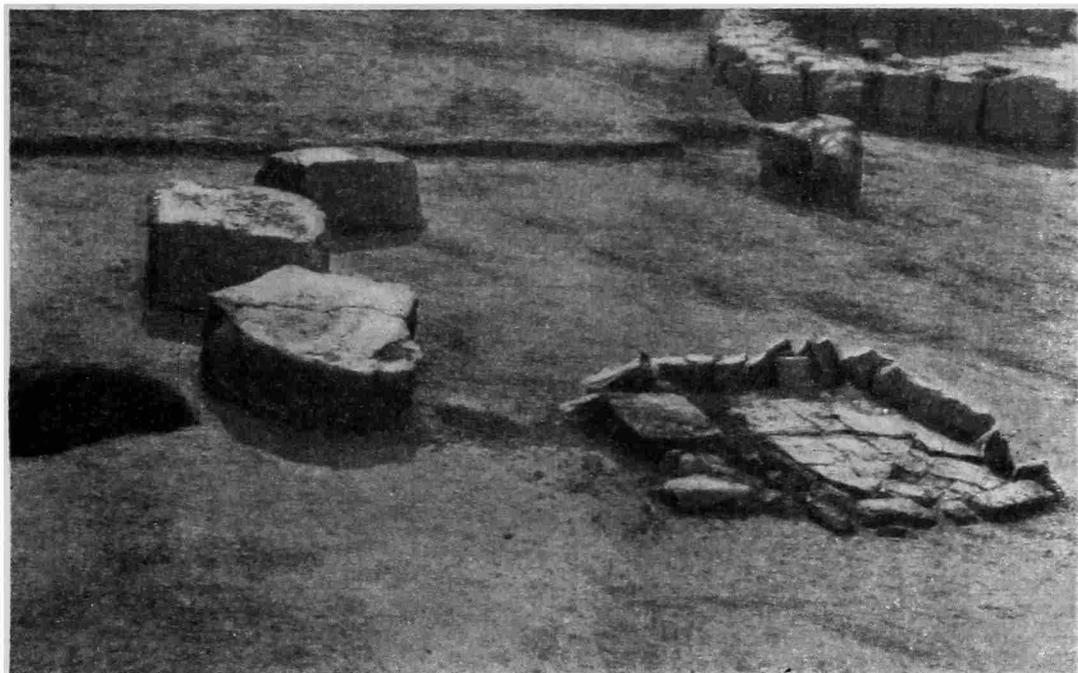

Рис. 6. Площадка помещения II в раскопе С с очагом, ямой, каменной плитой

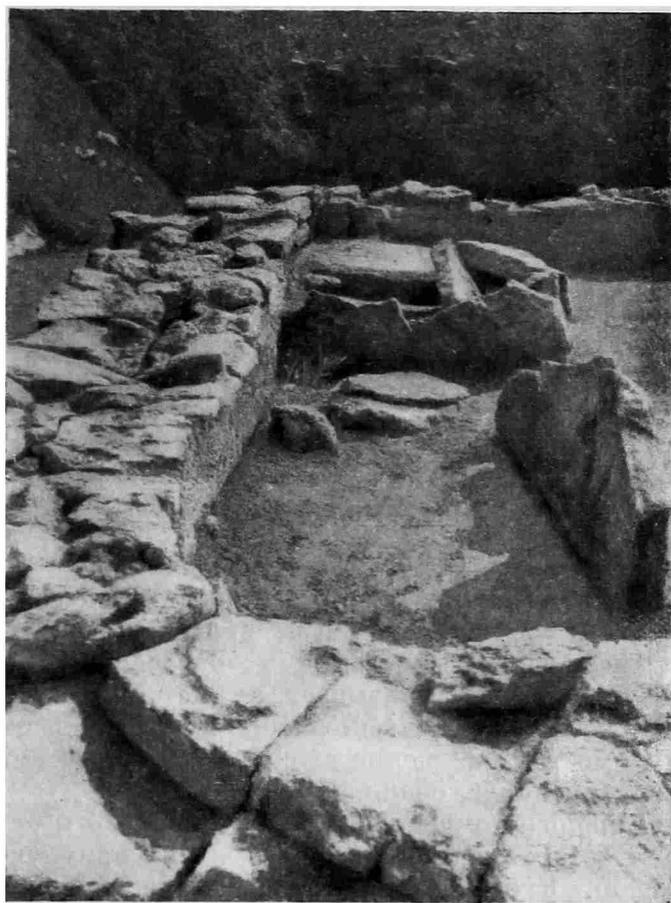

Рис. 7. Часть помещения III с очагом в раскопе С.

ная кладка (комплекс *д*) в два камня раковистого и сарматского известняка, сложенного вперемежку. Сохранившаяся часть кладки имела длину 5,8 м. Она соединялась с юго-восточным углом помещения II строительного комплекса *ж* (рис. 2). Кладка служила фундаментом стены загона для скота или забора хозяйственного двора двух жилых комплексов *г* и *ж* (рис. 9). Участки скотных или хозяйственных дворов, входившие в строительные комплексы *г* и *ж*, были разграничены стеной,

Рис. 8. Остатки стены большого двора в раскопах С и D.

от которой сохранился фундамент, выложенный насухо в 2—3 камня сарматского известняка (рис. 2) и ориентированный с северо-востока на юго-запад; фундамент этот сохранился на протяжении 6,5 м.

Наличие в Киселовском поселении хозяйственных дворов, огражденных каменными стенами, указывает на устойчивость частной собственности на землю, скот и сельскохозяйственный инвентарь, которая вызвала необходимость сооружения дворов для каждой семьи, входившей в состав родовой земельной общины.

Южнее строительного комплекса *г*, на расстоянии 4 м от помещения I, были обнаружены остатки еще одного сооружения прямоугольной формы (комплекс *в*; рис. 2). Его стены были сложены насухо в два камня тесаного раковистого известняка. Стена № 4 длиной 3,1 м ориентирована с востока на запад. Восточная часть ее разрушена земляными работами.

В восточной части, на расстоянии 0,5 м от конца кладки № 4, обнаружены остатки кладовой, состоявшей из двух больших каменных плит сарматского известняка размером $0,45 \times 0,4$ м, поставленных на ребро. В западном направлении кладка № 4 (рис. 2) соединяется под углом 90° с остатками кладки № 5, составлявшей западную стену помещения; она выложена в три камня сарматского известняка и ориентирована по оси север — юг. Кладка обрывается у большой каменной плиты ($0,75 \times$

Рис. 9. Каменная кладка стены двух хозяйственных дворов в раскопе С.

$\times 0,50$ м), разбитой на две части и лежавшей на расстоянии 40 см к западу от стены. Надо полагать, что положенная в этом месте плита являлась каменной вымосткой входа в помещение II, от которого сохранились фундаменты трех стен (№ 4, 5 и 6). В углу помещения обнаружена земляная засыпка, которая содержала в себе куски древесных углей, мельчайшие фрагменты керамики, обожженную глину и кости животных. Очевидно, здесь находился очаг.

В пределах помещения оказалось большое скопление обломков амфор и сероглиняных горшков, сформованных на гончарном круге. У каменных плит, стоящих на ребре, на 8 см ниже уровня кладки лежали раздавленный горшок и точильный камень. Все это указывает на то, что описываемое помещение было жилым, однако точные размеры и план его проследить не удалось.

На краю юго-западной части раскопа В открыто помещение III. Оно ориентировано по оси восток — запад (комплекс б; рис. 2). Строительная площадка залегала на глубине 0,25 м от современного горизонта, судя по очагу, обнаруженному под завалом камня в центральной части помещения, и остаткам каменных кладок-фундаментов № 7 и 8, а также контурам восточной и западной стен помещения III. Очаг размером 0,37 кв. м (0,75 × 0,5 м) занимал центральную часть помещения; он был выложен из каменных плиток небольшого размера сарматского известняка с глиняным подом. Вокруг него находились скопление золы и обгорелые кости животных.

Сохранившиеся части кладки восточной стены № 7, сложенной из раковистого известняка, сохранились в длину на 3,6 м. Непосредственно у кладки находился другой глинобитный очаг. Западная стена помещения была представлена остатками кладки № 8 из камней такой же породы, выложенных в два ряда. Можно предположить, что помещение III было утепленным и состояло из камеры размером до 30 кв. м.

К западу от помещения III были обнаружены фундаменты трех стен помещения IV (каменные кладки № 9, 10 и 11). Кладка № 9, ориентированная по оси восток — запад, длиной 4,2 м, осталась от южной стены помещения IV, а параллельная (в 4 м от нее) кладка № 11, длиной 4,1 м, была северной стеной помещения. Западная стена № 10, ориентированная по оси север — юг, длиной 5,65 м, под углом 90° соединялась с кладками № 9 и 11.

Таким образом, обнаруженные линии кладок четко обрисовали контуры трех стен помещения IV площадью 25 кв. м (5 × 5 м). Восточная стена оказалась разрушенной, от нее уцелели лишь два крупных камня размером 0,5 × 0,95 м, ориентированные по оси север — юг.

Внутри помещения IV под завалом из камней были обнаружены большое скопление битой посуды, типичной для этого поселения, керамические и каменные изделия.

Наблюдение за строительной техникой в раскопе В дает возможность предположить, судя по технике и материалу, что стены № 1, 2, 3, 6, 9, 10 и 11, залегавшие неглубоко под поверхностью современной почвы, относятся к более позднему строительному периоду. К раннему периоду можно отнести остатки стен № 7 и 8, в кладке которых применялся тесаный раковистый известняк, по всей вероятности привозившийся из заброшенного поселения в Лузановке, находившегося в непосредственной близости от Киселова. Стены № 6, 7 и 8, залегавшие на 10 см ниже остальных, относятся, по нашему мнению, ко второму строительному периоду.

Строительная техника очагов также соответственно разделяется на два периода. К более позднему периоду относятся очажные конструкции на специально выложенной основе из хорошо вытесанных каменных плит раковистого известняка; в первый же период существовала более примитивная строительная техника.

Ремесленная мастерская в двухкамерном жилом сооружении в раскопе Д (строительный комплекс з; рис. 2). Этот строительный комплекс располагался в самой крайней северо-западной части поселения, где был заложен раскоп Д. На глубине 12 см от поверхности была выявлена сплошная масса плит сарматского известняка, лежавших группами на ребре; такое положение плит явно указывало на завал каменных стен (рис. 10). Это явилось наиболее интересной находкой, обнаруженной на поселении.

Здесь отчетливо выпрсовывались контуры двух смежных помещений

общей площадью не менее 90 кв. м, ориентированных по оси восток-запад (рис. 11). Жилое помещение I (восточное) имело площадь 42 кв. м (7 × 6 м). В юго-западном углу, при входе в помещение, была устроена кладовая (1,2 кв. м) из больших каменных плит сарматского известняка, установленных в притеску к стенам № 2 и 4. Внутри кладовой под завалом лежали раздавленный сероглиняный горшок, обломок железного рала, два обломка железного серпа, три морские ракушки-подвески от украшений

Рис. 10. Фундамент и каменный завал двухкамерного дома в раскопе D.

с просверленными ушками (рис. 1, I), кусок сильно окисленного цветного металла, обломки венчика чашевидного сосуда и несколько кусков стенок амфоры позднеримского времени. Как видно из находок в кладовой, она служила хранилищем домашней утвари.

В северо-западном углу помещения располагался очаг, размером 1,6 × 1,3 м, сложенный из морской гальки, которая от воздействия огня стала красной; часть ее сильно закопчена. Вокруг очага находилась зола, обгорелые кости животных, ракушки мидий, битая посуда.

Вход в помещение с юга фиксируется каменным порогом (рис. 1, 8) длиной 0,8 м и шириной 0,3 м; с северной стороны у него высечен фланец для дверей, а по бокам — гнезда втулки для дверных косяков. С южной стороны у входа сохранилась каменная плита от вымостки (1,2 × 0,6 м) из сарматского известняка, лежавшая плашмя.

Помещение II (западное), площадью 50 кв. м, по характеру кладки и материалу ничем не отличается от других построек Киселовского поселения. Оно ориентировано так же, как и помещение I. Вход в помещение

был с южной стороны, где снаружи у порога была уложена каменная вымостка ($1,5 \times 1$ м). Двери прикреплялись к дверным косякам, которые устанавливались в гнездах каменного порога. Они открывались внутрь помещения, на что указывает высеченный в пороге вырез (фланец) для плотного прилегания двери.

Добытый внутри помещения материал указывает на то, что здесь была мастерская ремесленника. Особенное внимание привлекают остатки большой печи, устроенной посередине у восточной стены № 4 на высоком каменном фундаменте и облицованной большими известковыми плитами

Рис. 11. Фундаменты смежных помещений I и II в раскопе D.

(рис. 12). Внутри печи находилась сильно обожженная глиняная площадка в виде усеченного треугольника размером до 3 кв. м. Уцелевшие части внешней облицовки у основания служили основой, на которой был сооружен свод. Печь стояла на сильно утрамбованном глинобитном полу, на глубине 40 см. Здесь было большое скопление золы, шлаков и мелких кусков разложившегося железа. На уровне очажка между ямами и печью остались следы слежавшейся глины; на этом месте, по всей вероятности, производилась обработка керамического теста. В центральной части помещения найдены фрагментированный железный заступ, кусок железной секиры, чашеобразный лощеный сосуд (рис. 13, 4), три куска каменной ступки и гладкая каменная плита размером $0,75 \times 0,5$ м. В северо-восточном углу помещения, непосредственно у печи, лежала часть разбитого каменного корыта из раковистого известняка.

На расстоянии 1,20 м от печи, у северной стены, находилась грушевидная яма диаметром 1,2 м, глубиной 1,6 м. На дне были найдены остатки

зеленой глины. Повидимому, яма служила для хранения или отмучивания глины. Тут же рядом была открыта вторая яма диаметром 2 м и глубиной 1,8 м. На дне ее лежала каменная плита сарматского известняка с чашевидным углублением в центре. Назначение ее определить не удалось.

Заканчивая описание наземных сооружений, обнаруженных на поселении в Киселово, подведем краткие итоги.

Все открытые фундаменты более поздних наземных построек клались из нетесанного раковистого известняка на глине. Толщина стен достигала

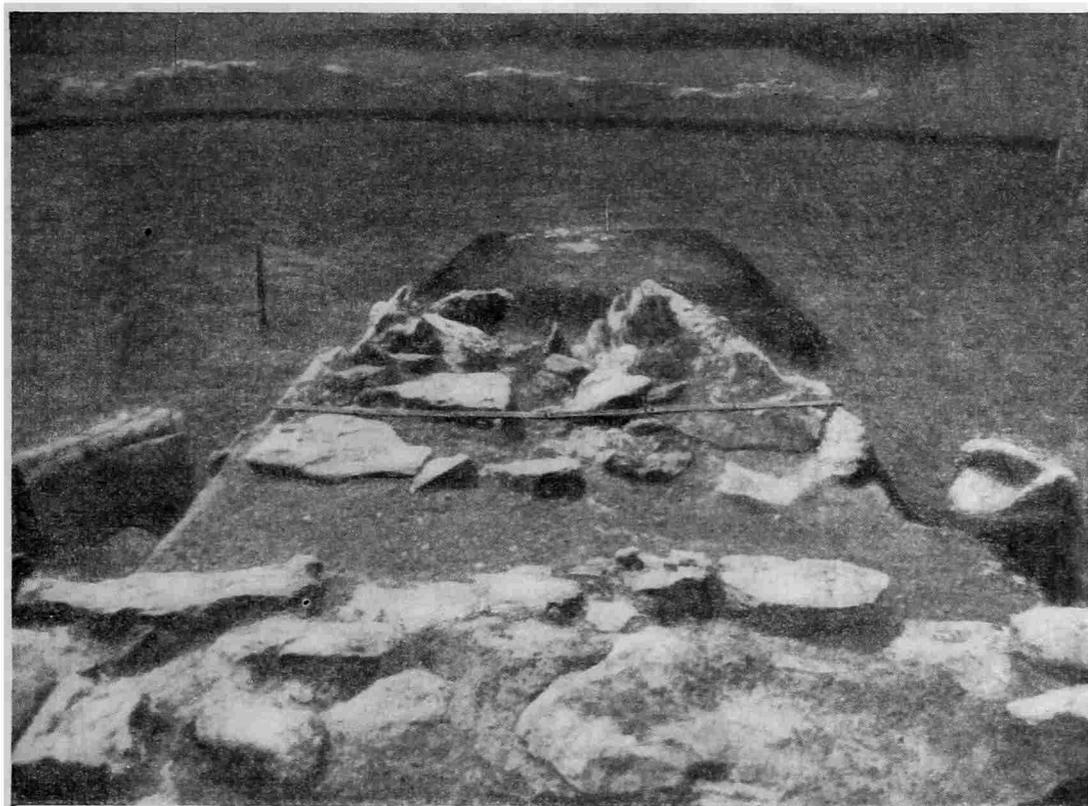

Рис. 12. Остатки печи внутри помещения II в раскопе D (вид с востока).

45—50 см. Часть стен была саманная, причем саман укладывался на высоком цоколе, попеременно с дикарным камнем, который усиливал прочность.

Поперечные стены построек выкладывались с треугольными фронтонами и с гнездами для установки бревен. На бревнах утверждалась двускатная крыша из соломы или камыша на глинистом растворе, что придавало кровельному материалу большую прочность и водонепроницаемость. Пол внутри помещения был земляной и сильно утрамбован.

Жилые помещения отапливались очагами, которые выкладывались или из небольших плоских плит сарматского известняка, или из морской гальки, или были глинобитные. Располагались они, как правило, у восточных стен, а у помещений, ориентированных по оси север — юг, — у северных стен. Большая часть помещений на поселении была ориентирована по оси восток — запад. Исключение в ориентировке составляли помещения в и з (рис. 2), которые находились на поселении во втором

ряду от склона плато и были ориентированы продольной осью по длине поселка с северо-запада на юго-восток.

В больших помещениях раскопов А, С и D имелись каменные перегородки, от которых сохранились фундаменты; они разделяли дома на две или три отдельные камеры, причем каждая камера имела самостоятельные вход и очаг

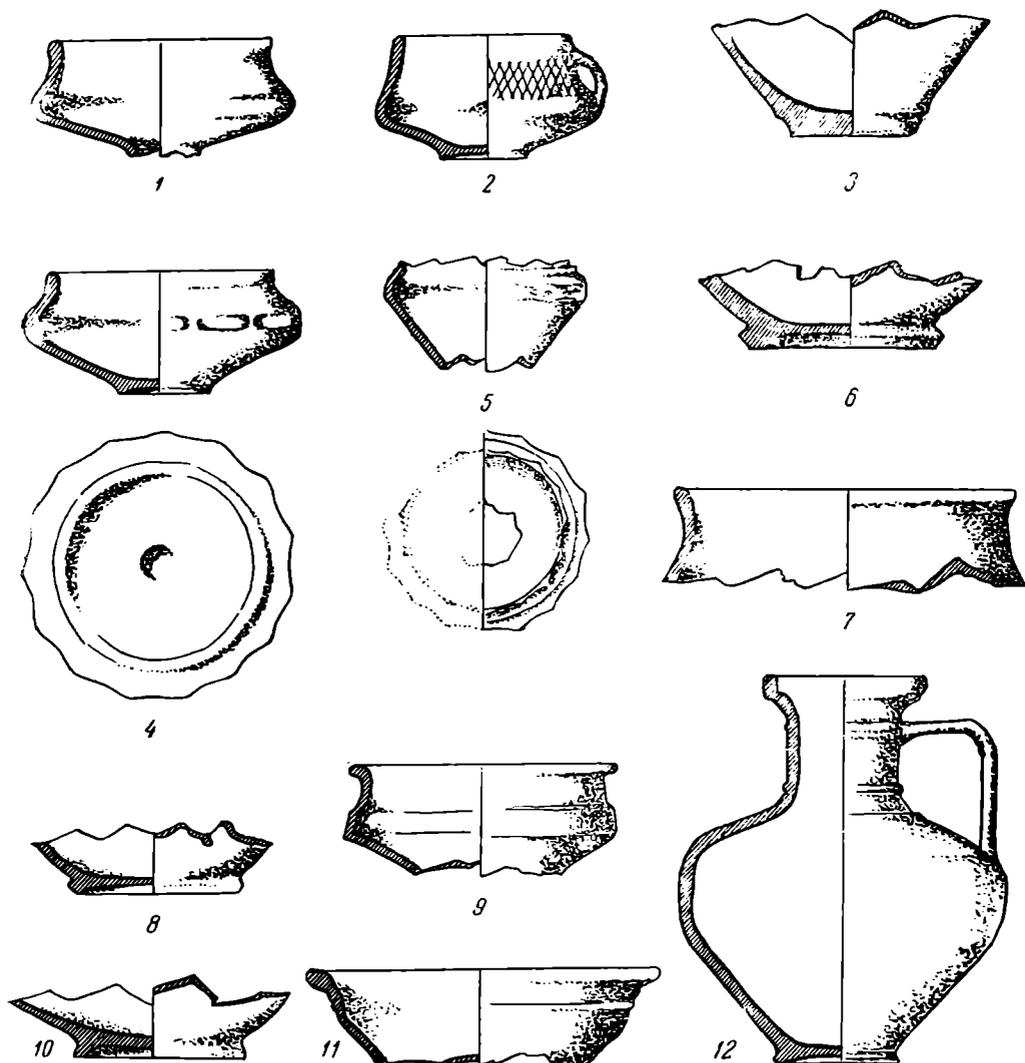

Рис. 13. Киселовская сероглиняная лощеная керамика.

Обнаруженные кладки являются остатками фундаментов построек, стены которых были выложены из камня или из самана. Основанием для такого предположения является неглубокое заложение подошв стен — от одного ряда более крупного до трех рядов мелкого, необработанного камня. Сравнительно узка поперечная кладка фундаментов, достигающая всего 0,5 м; камни укладывались на земле.

Строительный материал добывался из карьера или же использовался камень от построек близлежащих заброшенных поселений. Об этом свидетельствует наличие в кладке стен различных пород камня, крупнораковистого известняка одесских отложений и мелкоракковистого «сарматского» камня. Надо полагать, что эти камни извлекались из остатков

существовавшего весьма долгое время поселения, в котором при строительстве первоначально применялся камень из более отдаленных ломок, а позднее — более близкий одесский камень. Это имело место в Лузановском поселении IV—III вв. до н. э.

Однородность строительной техники, отсутствие мощных культурных отложений, отсутствие пересечений стен разновременных построек, а также однородность находок заставляют предположить, что поселение пережило только один строительный период и существовало сравнительно недолго¹.

Заслуживают внимания отдельные строительные детали вроде специально обработанных каменных порогов с гнездами для дверных косяков.

Каменное домостроительство в районе Северо-западного Причерноморья, в междуручье Буга и Днестра, относящееся еще к эпохе бронзы, известно по археологическим раскопкам и разведкам Одесского исторического музея в Усатове — Большом Куяльнике, а относящееся к более поздним временам — в Лузановке, Петухове I и ряде других поселений, где в разное время применялся для строительства жилых и хозяйственных сооружений известняк. Однако строительная техника, архитектура и планировка не имеют сходства с планировкой и строительной техникой киселовских построек.

Строительные остатки, открытые в Киселове, дают возможность полностью восстановить планировку жилых зданий и дворов для скота.

Каждое помещение, как правило, снабжалось отдельным входом, одним, а иногда двумя очагами, причем если в помещении находилось два очага, то они были разной конструкции и имели различное назначение. Внутри помещений в углах или вдоль стен устраивались кладовые для хранения домашней утвари, погребки для хранения продуктов питания, а также неглубокие ямы, в которых устанавливались, как нам кажется, большие корчаги для хранения питьевой воды. Такое помещение могло принадлежать только одной семье. Это подтверждается тем, что в отдельных помещениях были найдены обломки сосудов с семейными знаками собственности.

Каменная вымостка у причала Киселовской гавани. Рельеф местности изучаемого района представляет собой слегка всхолмленную и понижающуюся к морю степную равнину. Берег моря на всем протяжении высокий и крутой, с узкими песчаными и каменистыми пляжами. Местность пересечена широкими балками и лиманами, тянущимися с севера на юг. Часть лиманов, как, например, Куяльницкий и Хаджибеевский, когда-то соединявшиеся с морем, теперь отделены песчаной пересыпью шириной до 6 км.

Исследуемое побережье между Бугом и Днестром разделено лиманами на ряд изолированных друг от друга участков, что в свое время, несомненно, являлось крупной водной преградой при движении по степи с запада на восток примерно в полосе 60 км к северу от берега моря. Вместе с тем меридиональное расположение лиманов несколько не препятствовало движению с севера к морю и, наоборот, создавало хорошие условия для связи моря с глубинными районами степей на расстояние свыше 250 км.

В 100 м на северо-запад от строительного комплекса в раскопе D Киселовского поселения, за железнодорожным мостом, на пойменной части лимана на небольшой площадке (размером 5—10 м) в чистом илистом песке на глубине 12 см от современного горизонта земли были

¹ Исключение составляют остатки стен № 7 и 8, относящиеся к какому-то более раннему строению.

обнаружены лежащие плашмя плоские каменные плиты, составлявшие вымостку. Среди камней изредка встречались мелкие кости животных, ракушки мидий и фрагменты амфорной посуды, типичной для Киселовского поселения.

В центральной части вымостки была найдена половина лодочного якоря из плиты сарматского известняка размером 45×25 см с двумя одинаковыми круглыми сквозными отверстиями (рис. 1, 9), с промежутком между ними в 8 см.

Каменную вымостку можно считать причалом Киселовской гавани, устроенной на берегу лимана для удобства погрузки и выгрузки судов.

Киселовский курган № 1. В западной части поселения на огороде колхозницы Левицкой находился курган высотой 2,5 м и диаметром 54—56 м. Северная сторона его имела крутой спуск, южная — отлогий. В восточной части он был разрушен глубокой траншеей ($25 \times 3 \times 3$ м), вырытой в 1932 г.

Раскопками установлено, что курганы могильника в Киселове использовались племенами, обитавшими в Северо-западном Причерноморье, для захоронения своих покойников в разные времена, начиная с эпохи бронзы вплоть до V—VI вв. н. э.

Раскопки в 1938 и 1939 гг.¹ обнаружили 12 погребений, среди которых особый интерес представляет впускное погребение 3д, по моему мнению, увязывающееся с рассмотренным поселением².

На глубине 1,5 м в глине лежал скелет в вытянутом положении на спине, с руками, протянутыми вдоль тела, головой на юго-восток (рис. 14). С правой стороны от черепа находились плохо сохранившиеся красноглиняный горшкообразный сосуд позднеримского времени, покрытый красным ангобом, разбитый стеклянный кубок и железный наконечник втульчатого

копья. Кубок из белого прозрачного стекла имел правильную сужающуюся к дну коническую форму. Край кубка был слегка отогнут наружу и орнаментирован спиральными нитями, что было особенностью стеклянного производства на Рейне.

¹ Раскопки кургана производились в 1938 и 1939 гг. К. А. Раевским, а в 1940 г. А. В. Добровольским.

² Во время раскопок кургана А. В. Добровольский произвел вырезку погребения 3д, которая в настоящее время находится в экспозиции Одесского исторического археологического музея.

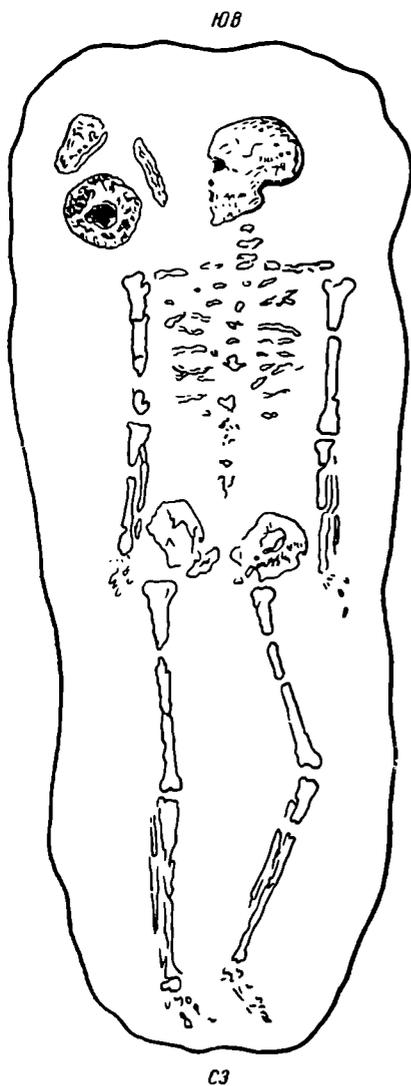

Рис 14. Впускное погребение 3д.

Аналогии этому сосуду можно видеть в коллекции стеклянных кубков из франкских погребений, датированных концом IV в. н. э.¹ Р. Шмидт подобные кубки относит к V в. н. э.² Исследователь стеклянного производства римской Галлии Ж. Морэн сообщает о широком распространении конических стеклянных кубков далеко на север. Подобные кубки часто встречаются в погребениях Римской империи и в франкских могильниках V—VI вв. н. э.³

Таким образом, могильный инвентарь погребения Зд хронологически ограничивается пределами V—VI вв. н. э. и свидетельствует о связях в это время Северо-западного Причерноморья с Западом по рейнско-дунайскому водному пути, что подтверждается и письменными источниками.

На месте песчаных карьеров, в 75 м южнее полотна железной дороги, в северо-западном углу огородов поселка Киселово, при рытье ямы были обнаружены остатки погребения человека. Здесь из среза ямы, с глубины 2,5 м, были извлечены череп человека и сероглиняный лощеный кувшинчик (рис. 3, 1), типичный для керамики культуры «полей погребений», высотой 17,5 см, сформованный на гончарном круге, с плоской ручкой, орнаментированной под горлышком и на шейке двумя параллельными бороздками. У основания плечиков вылеплен чуть выступающий опоясывающий валик. Можно предположить, что здесь был похоронен рядовой житель Киселовского поселения.

Находки привозных предметов наряду с предметами местного производства как в погребениях, так и в поселении подтверждают свидетельство древних авторов о широких в ту пору связях Причерноморья с Западом и Востоком.

Наличие у местных жителей погребений в курганах (использование существовавших курганных насыпей) и бескурганных могильников дает основание предполагать, что одновременно сосуществовали два типа погребальных обрядов, имеющих ближайшую аналогию в памятниках культуры «полей погребений» Среднего Поднепровья⁴

* * *

Обнаруженный на поселении вещественный материал, исключая глиняные сосуды и кости животных, невелик и однообразен. Он состоит из каменных изделий — каменных порогов, ступок, известняковых корыт, каменных ядер, точильных камней и каменных пестов; нескольких глиняных изделий — грузил, намоток, гладилок; фрагментированных стеклянных флаконов и орнаментированного стеклянного кубка; части костяного гребня, костяного шила, гладилки и орнаментированной концентрическими кругами костяной подвески.

Среди железных изделий прежде всего обращают на себя внимание найденные у каменной печи кузнечного помещения в комплексе 3 (рис. 2) куски уже выкованного железа. Это два конца железного рала, часть железного серпа, кусок железной секиры, кусок наконечника копья и часть железного заступа. Помимо этого, в кузнечном помещении вместе с железными шлаками в виде мелких, неправильной формы желваков

¹ A. K i s a. Das Glas im Altertum. Leipzig, 1908, стр. 343 и 205, рис. 102.

² R. S c h m i d t. Das Glas. Berlin, 1912, стр. 30, рис. 15.

³ J. M o r i n. La verrerie en Gaule sous l'empire Romain. Paris, 1913, стр. 191, рис. 189.

⁴ Е. В. М а х н о. Кантемировское поселение и могильник культуры «полей погребений». АП, III, 1952, стр. 231.

железистой массы было найдено еще 12 неопределенных обломков различных железных изделий и небольшой кусок сильно окисленной меди. Из металлических предметов, обнаруженных вне кузнечного помещения, следует отметить лишь кусок окислившейся меди в раскопе С.

Точильные камни по размерам и материалу подразделяются на две группы, из которых первую составляют точила из мелких плиток мелкозернистых пород камня; вторую — большие точила из более грубых пород песчанка, которые, очевидно, употреблялись при изготовлении железных предметов.

Основную массу находок в поселении составляют обломки посуды, среди которых преобладают сероглиняные, изготовленные на гончарном круге и ручным способом. Здесь встречаются обломки красноглиняных амфор, сероглиняных корчаг больших размеров, серых горшков, мисок и чашек. Соотношение всех групп керамики по отдельным участкам приведено в табл. 1.

Таблица 1

Раскоп	Площадь раскопов, кв. м	Керамика									
		сероглиняная лепная		изготовленная на гончарном круге						всего (обломков сосудов)	
				сероглиняная с шероховатой поверхностью		лощенная		амфоры			
		количество	%	количество	%	количество	%	количество	%	количество	
А	150	21,1	42	19,6	39	28,6	57	30,7	61	8,4	199
В	775	29,2	223	17,8	135	15,0	114	38,0	291	30,6	763
С	620	25,5	181	27,0	191	6,8	48	40,7	288	28,6	708
Д	375	48,5	390	13,6	109	8,1	65	29,8	240	32,4	804
Всего...	1920	33,8	836	19,1	474	11,5	284	35,6	880	100	2474

При изучении лощенной керамики из Киселовского поселения отчетливо выступает ее идентичность с материалами, известными из многих памятников культуры «полей погребений» Среднего Поднепровья, среднего течения Днестра, Западной Украины, Южного Буга и Северо-западного Причерноморья.

Как на ближайшую аналогию, сошлемся на керамику, ежегодно добываемую из раскопок верхних культурных горизонтов Ольвии и Тиря. Основная масса ее относится ко времени так называемой культуры «полей погребений» и датируется IV—V веками н. э.

По назначению, формам и технике изготовления керамика подразделяется на четыре группы.

К первой группе относится грубая кухонная посуда, которая изготовлялась примитивным способом, без гончарного круга, из серой глины и имеет не вполне правильную форму с различным сечением в разных частях сосуда. Тесто этих сосудов приготавливалось из глины с примесью большого количества толченого ракушечника; обжигались эти сосуды на

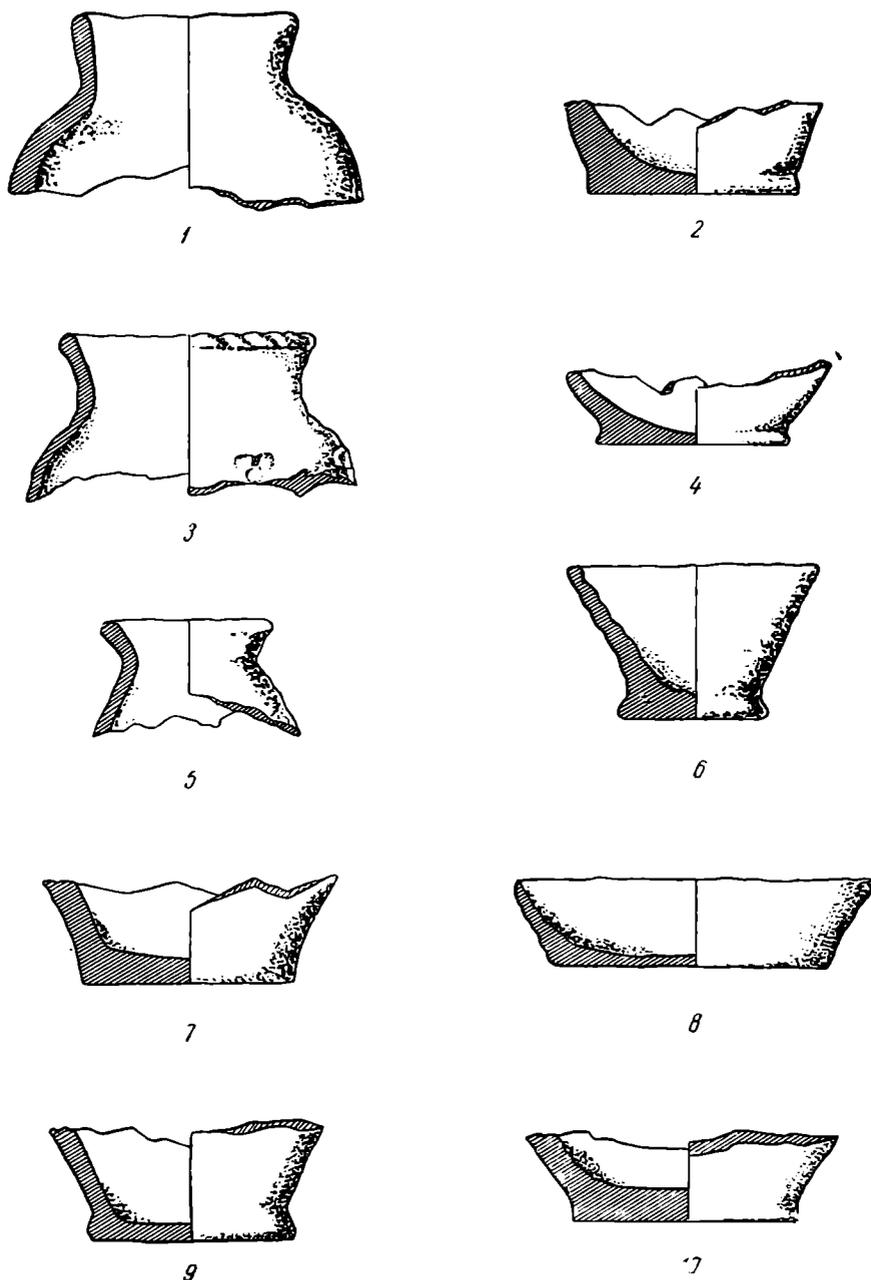

Рис. 15. Киселовская сероглиняная лепная посуда

открытом огне и потому обладают большой пористостью и малой прочностью. По форме они делятся на горшкообразные с плоскими доньями (рис. 15, 2, 4, 7, 9, 10), с отогнутыми наружу венчиками (рис. 15, 5), иногда орнаментированные насечкой по краям венчика или зацепом на плечиках (рис. 15, 3), и на плоскообразные (рис. 15, 6, 8) небольших размеров. Первые, надо полагать, применялись для варки пищи, а вторые — в качестве жаровень.

Ко второй группе относятся обломки от грубых и массивных сосудов с шероховатой поверхностью из светлосерой глины. На доньшках и стенках этих сосудов наблюдаются следы от выпадения зерен кварца в процессе формования сосудов на гончарном круге. Посуда этой группы стоит

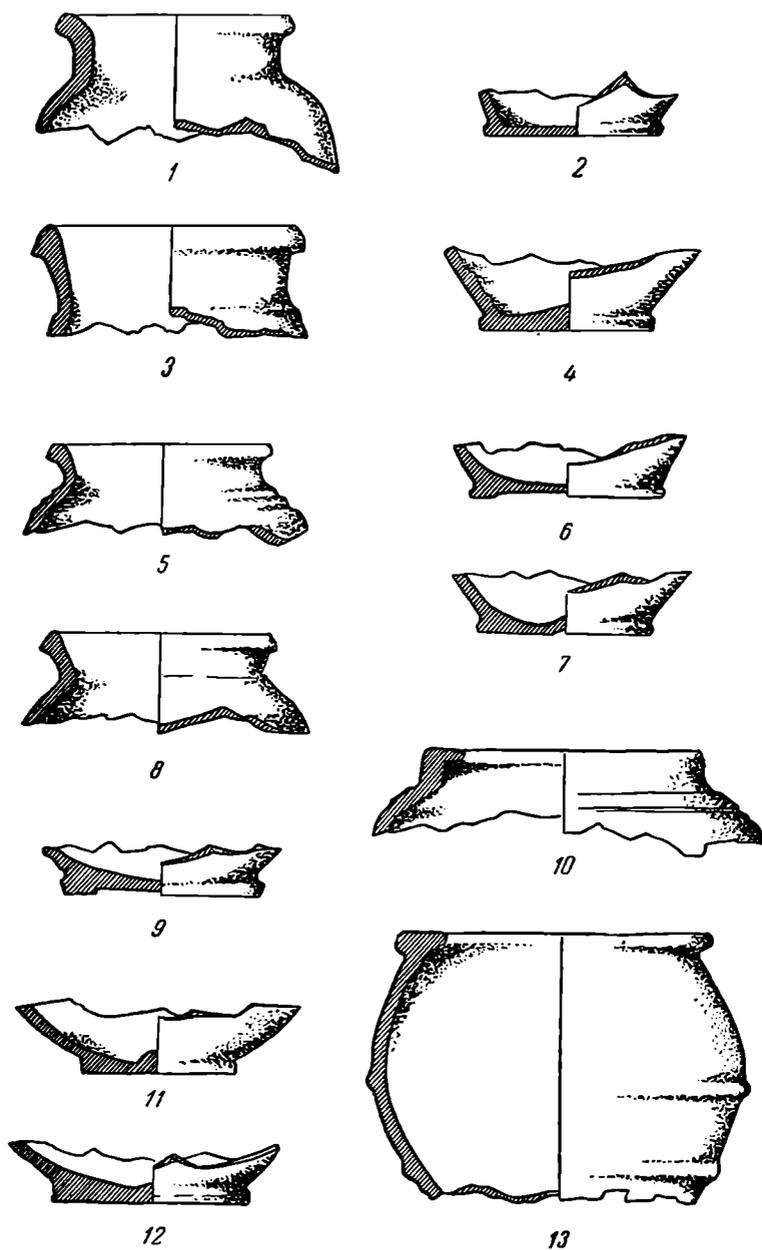

Рис. 16. Киселовская сероглиняная керамика, изготовленная на гончарном круге.

на более высоком техническом уровне. Изготавливалась она из пластических бескарбонатных глин. Сосуды по своей форме и размерам весьма разнообразны в зависимости от назначения. Толщина стенок равномерная; керамическая масса содержит большое количество примеси крупнозернистого кварца. У одних сосудов дно плоское с внутренней и наружной стороны (рис. 16, 2), у других — на кольцеобразных ножках (рис. 16, 6, 9), а у третьих — выпуклое внутрь сосуда (рис. 16, 4, 7, 11, 12). Эта посуда второй группы — хорошего обжига, прочная, несмотря на большую пористость. Принадлежит она к числу кухонной, но, очевидно, мало употреблялась для варки пищи, так как не носит на себе следов копоти. Часть ее орнаментирована защипом по краям венчика и плечикам или параллельными бороздками на шейках сосудов (рис. 16, 5). Некото-

рые обломки принадлежат крупным корчагам, орнаментированным параллельными опоясывающими валиками (рис. 16, 13). Венчики, как правило, у всех сосудов этой группы отогнуты наружу (рис. 16, 1, 3, 8). У одного сосуда (рис. 16, 10) венчик отогнут внутрь.

К третьей группе относится посуда с лощеной поверхностью, представленная чашками (рис. 13, 2), мисочками (рис. 13, 1, 4, 9, 11) и кувшинчиками (рис. 13, 12). Керамическая масса — без примесей, глина хорошо обработанная. Все эти сосуды тонкостенные, равномерного сечения, изготовлялись на гончарном круге; они имеют сильный обжиг, прочны и мало пористы. По расцветке они подразделяются на темносерые, светлосерые и красные (покрытые красным ангобом плохого качества). Расцветка сосудов находится в зависимости от цвета керамического теста. Донья сосудов этого типа бывают плоские (рис. 13, 3) и на кольцеобразной ножке (рис. 13, 6, 8, 10); венчики слегка отогнуты наружу (рис. 13, 7), часть их украшена геометрическим орнаментом из перекрещивающихся линий (рис. 13, 2), опоясывающими валиками (рис. 13, 11) и параллельными бороздками (рис. 13, 9, 12). Эта посуда, как более изящная, была столовой.

К четвертой группе относятся обломки амфор, имеющих узкие горлышки (рис. 4, 2, 4, 9), тупые доньшки (рис. 4, 5, 6, 7, 10, 11) и ребристые стенки. Керамическая масса амфор однородная, состоит из красной или желтой глины, содержит примесь кварца; амфоры были хорошо обожжены и прочны.

Основной тип киселовской амфоры имеет невысокое горло и длинный корпус, резко переходящий в полукруглое дно, оканчивающееся небольшим выступом. Ручки амфор плоские и желобчатые. На горле амфор встречаются следы красной краски, на стенках — нацарапанные надписи и монограммы.

На Киселовском поселении было найдено несколько обломков сосудов чисто славянского типа (рис. 4, 8, 12), которые попали сюда, повидимому, случайно.

Особое внимание следует уделить фрагментам керамики, на которых изображены знаки, нацарапанные острием на стенках сосудов после их обжига (рис. 17).

Первое изображение выцарапано на обломке стенки амфоры и состоит из одного знака. Оно было найдено внутри помещения II раскопа С. Второе изображение, также на стенке амфоры, состоит из одного знака и обнаружено в помещении IV раскопа В. Третье изображение, найденное в помещении II раскопа Д после снятия третьего слоя земли, состоит из одного знака, но нанесено не на амфоре, а на стенке красноглиняного сосуда, покрытого красным ангобом низкого качества. Четвертое изображение найдено в раскопе В внутри помещения I; оно является частью надписи, от которой сохранилось три знака.

Содержание найденных нами знаков на посуде еще не выяснено. Можно допустить, что они являются семейными знаками собственности.

При раскопках жилищ встречены кости коровы, лошади и мелкого рогатого скота. Найдено много костей расколотых, сломанных и перерубленных на мелкие части, а также несколько обгорелых. Костный материал свидетельствует о занятии жителей поселения скотоводством. Киселовское стадо состояло из крупного рогатого скота — 57,5%, лошадей — 24,7%, овец — 17,2%, свиней — 0,5%¹ (табл. 2).

¹ Определение и изучение остеологического материала произведено проф. А. А. Браунером.

Таблица 2

Раскоп	Площадь, к м	Кости	Рога	Коньята	Зубы	Всего	Корова, бык		Лошадь		Овца		Всего	В % к общему количеству
							количество	%	количество	%	количество			
A	150	65	—	1	4	70	9	52,9	8	47,0	—	—	17	9,1
B	775	388	3	1	27	419	40	60,6	16	24,2	9	13,6	65	35,5
C	620	287	1	1	42	331	37	58,7	12	19,0	14	22,2	63	33,9
D	375	168	—	—	12	180	21	52,5	10	25,0	9	22,5	40	21,5
Всего..	1920	908	4	3	85	1000	107	57,5	46	24,7	32	17,2	185	100

Любопытно отметить, что среди костного материала совершенно отсутствуют кости птиц, рыб и диких животных. Можно предположить,

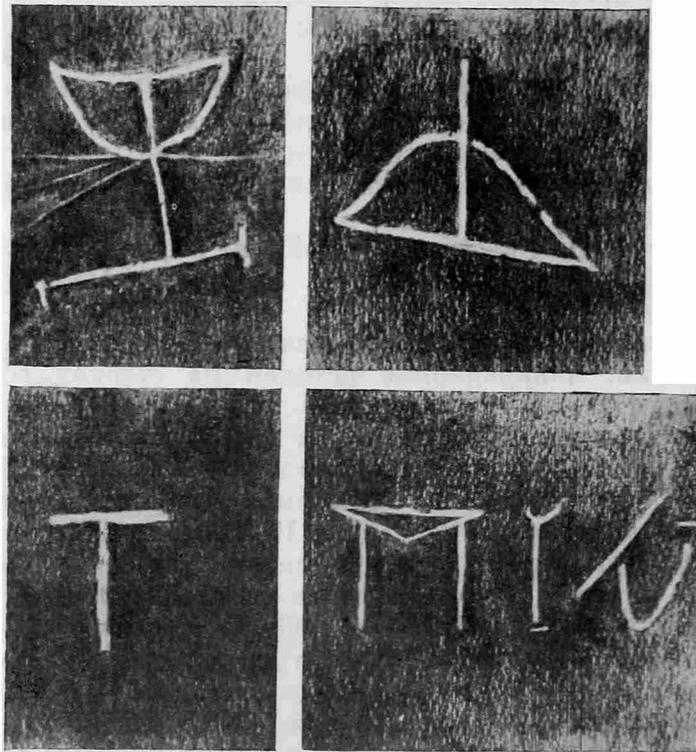

Рис. 17. Родовые знаки собственности на стенках сосудов.

что дикие животные не употреблялись в пищу вследствие высокоразвитого скотоводства, а охота не носила характера промысла.

Одесский степной лиманно-морской ландшафт своими природными богатствами привлекал к себе внимание не только кочевников, но, в первую очередь, оседлых земледельцев.

Целинная степь с плодородным каштановым черноземом, отлогий морской берег с песчаным дном, обилие рыбы, лиманы, соединявшиеся с морем, и соляные озера с самосадочной солью, богатые плавни, поросшие камышом и обильные дичью, залежи мягкой породы известнякового камня в непосредственной близости к лиманам и, главное, наличие на западном склоне киселовского плато поймы и пресноводных источников — вот что привлекало к себе древних поселенцев.

Плодородная заливная пойма была пригодна для земледелия. Все это создавало благоприятные условия для оседлости.

Остатки открытых нами построек дают возможность сделать вывод, что дома, разделенные на несколько помещений, находились под одной крышей. Каждый такой дом принадлежал, повидимому, одной большой семье, входившей в состав родовой общины¹.

О земледелии и скотоводстве Киселовского поселения необходимо сказать следующее: засушливый климат с незначительными осадками и неблагоприятными для растительности ветрами в этом крае, на первый взгляд, как будто делал невозможным занятие земледелием, а степь с кратковременным и малым снежным покровом при наличии пресноводных источников должна была бы сделать скотоводство основным видом хозяйственной деятельности древних киселовцев. Такое утверждение было бы ошибочным потому, что скотоводство у древних киселовцев могло существовать только на базе земледелия. С другой стороны, наличие заливной поймы, богатого степного каштанового чернозема и сравнительно нетрудная обработка почвы компенсировали климатические минусы.

Земледелие, как мы полагаем, было основным видом производственно-хозяйственной деятельности даже при неблагоприятных климатических условиях, а скотоводство, развитию которого способствовали естественные условия, существовало и развивалось на базе земледелия, дополняя его.

Из орудий производства, подтверждающих наличие земледелия у жителей Киселовского поселения, найдены железные наральники, серпы, ступки, встречавшиеся в большом количестве, глиняные намотки для ниток, указывающие на знакомство с волокнистыми культурами, льном или коноплей.

Крупный скот использовался для обработки посевных участков.

Выразительным фактом хозяйственной деятельности является керамика местного производства, которая в целом стоит на сравнительно высоком техническом уровне. Как уже отмечалось выше, из привозной керамики на Киселовском поселении было найдено большое количество обломков амфор; их наличие указывает на существование интенсивного обмена. В качестве предмета импорта служило, по всей вероятности, вино, имевшее большой спрос.

Исследование Киселовского поселения дает возможность значительно расширить в юго-западном направлении границы распространения керамики, имеющей общие черты с керамикой культуры «полей погребений» IV—V вв. н. э. в Среднем Поднепровье.

Данных для решения вопроса об этнической принадлежности населения мы не имеем, но полагаем, что это было местное, а не пришлое население. В его материальной культуре (например, сероглиняная лепная и сделанная на кругу керамика) четко прослеживаются старые местные традиции, идущие от поздних скифов. По данным письмен-

¹ Возможно, территориальной, но сохранявшей в себе еще родовые признаки.

ных источников, излучину Причерноморья в районе между Днестром и Днепром заселяли анты.

Иордан, Прокопий Кесарийский, Маврикий Стратег свидетельствуют о развитом пашенном земледелии и скотоводстве местных племен Причерноморья. Сам характер поселений — неукрепленные населенные пункты и городища, выявленные в них наземные сооружения, инвентарь и керамика — свидетельствуют о тесных связях с соседними районами Поднепровья, Поднестровья и Южного Буга и характеризуют культуру местного населения, находившегося на последней ступени развития первобытно-общинного строя.

М. Р. ПОЛЕССКИХ

ЗАВАЛЬСКИЕ ПИСАНИЦЫ

Первое упоминание в литературе о скальных изображениях на р. Оке (левый приток Ангары) встречается в трудах А. Л. Чекановского, где автор приводит извлечение из журнала геолога Яковлева, посетившего в 1810 г. дер. Сахаульскую (старое название с. Заваль). В журнале Яковлев упоминает об утесе «Скоропспный камень», на котором «видно много лиц в мунгальском наряде»¹.

В 1920 г. Завальские скалы посетил этнограф Г. С. Виноградов и срисовал фигуру лося, высеченную на центральном утесе².

В 1948 и 1949 гг. мною во время археологических разведок в долине р. Оки было проведено исследование всего комплекса этих писаниц.

Скалы с писаницами располагаются на левом берегу среднего течения р. Оки в 1,5 км выше с. Заваль, Куйтунского района, Иркутской области. Занимая господствующее место на берегу, эти скалы видны издали (рис. 1). Они представляют собой выходы плотного известкового песчаника древнего палеозойского происхождения. Группа невысоких обнаженных утесов, разделенных между собой небольшими промежутками или щелями и отделенных от берега крутым задернованным спуском, и является местом нахождения памятников древнего изобразительного искусства.

Изображения находятся на отвесной скале, обращенной к реке, т. е. к северо-востоку; поверхность скалы гладкая, светлоспесочного цвета; у подножья ее проходит пешеходная тропа.

Завальские писаницы частью высечены, частью нарисованы красновато-малиновой минеральной краской. Небольшая группа наиболее древних изображений находится на значительной высоте, все остальные — приблизительно на уровне груди взрослого человека; вся гряда утесов как бы опоясана узором из красных писаниц.

Изображения на завальских скалах можно отнести к трем эпохам — энеолиту, бронзе и железу.

Первая группа представлена четырьмя нарисованными малиновой краской фигурами, из которых одна изображает человека, остальные три — лосей. Изображения лосей на бесчисленных и многообразных скальных

---

¹ А. Л. Чекановский. Геологические исследования в Иркутской губернии. Иркутск, 1874, стр. 20.

² Г. С. Виноградов. Следы неолитической стоянки. Завальская писаница. Этнографический бюллетень ВСОРГО, 1923, № 3, стр. 16, 17, и № 4 — обложка.

писаницах Иркутской области занимают одно из первых мест, а в эпоху неолита господствуют¹.

Неолитические писаницы на территории Иркутской области к настоящему времени известны в четырех местах: 1) 1 и 2-й Каменные острова

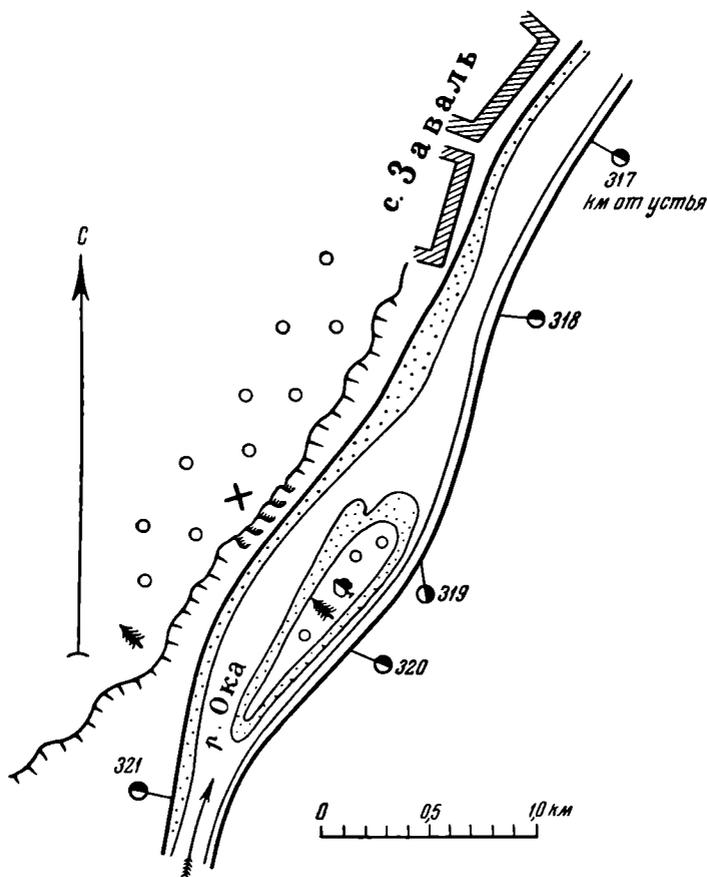

Рис. 1. Схема местонахождения писаниц (X) у с. Заваль на р. Оке.

на р. Ангаре², 2) скалы у дер. Воробьево³, 3) скалы у дер. Шишкино на верхней Лене⁴ и 4) скала у с. Заваль на р. Оке⁵.

¹ Лось нередко изображался и в неолитической скульптуре. Таковы найденное А. П. Окладниковым в неолитическом погребении на острове Жилом (низовья Ангары) изваяние двухголового лося и находка П. П. Хороших в неолитическом могильнике на Циклодроме (г. Иркутск) небольшой круглой костяной скульптуры, изображающей голову лося. В фондах Иркутского музея хранится статуэтка лося из рога лося, найденная в неолитическом могильнике у с. Усть-Уда (среднее течение Ангары).

² Н. И. Витковский. Следы каменного века в долине р. Ангары. Изв. ВСОРГО, т. XX, № 1, 1889, стр. 35, 36; Страницы. По Сибири. От Братска до Иркутска. «Сибирский сборник» за 1901 г. — приложение к газете «Восточное обозрение», Иркутск, стр. 128; И. В. Арембовский. На заре истории Прибайкалья. Иркутск, ОГИЗ, 1940, стр. 42; А. П. Окладников, И. И. Барашков. Древняя письменность якутов, Якутск, 1942, стр. 6.

³ С. А. Григорьев. Краткое сообщение об археологической поездке в долину р. Лены. Изв. ВСОРГО, т. 45, 1917, стр. 314; А. П. Окладников, И. И. Барашков. Ук. соч., стр. 6.

⁴ А. П. Окладников. Археологические исследования в Бурят-Монголии в 1947 г. ВДИ, 1948, № 3, стр. 158.

⁵ М. Р. Полесский. Рассказы о древностях. Иркутск, 1949, стр. 54, 55.

Четырехфигурное изображение «Скорописного камня» находится на центральном утесе, на высоте 4 м от его подножья (от уровня реки до подножья скалы — 6 м, от подножья до «балкона» — 3 м, от «балкона» до изображения — 1 м). Сохранившийся ровный горизонтальный выступ скалы оказался превосходной площадкой, стоя на которой древний художник делал свои рисунки. Вся группа разделяется двумя вертикальными щелями на три части.

Наилучшим образом сохранились две фигуры в правой части. Крайняя правая фигура — шагающий или бегущий безрогий лось (рис. 2, 1). Краска, покрывающая силуэт лося, выцвела и приобрела лиловый оттенок, а в задней и особенно нижней частях стерлась настолько, что контуры угадываются с трудом. Лось шагает размашисто и энергично, движение мастерски подчеркнуто двумя деталями: сильно отставленной задней правой ногой и оттопыренным хвостом. Вся фигура реалистически верно передает характерные особенности сохатого-самца. Крестообразной деталью под брюхом, возможно, показано перекрестье ног в момент быстрого бега зверя или это остаток какого-то первоначального изображения.

Следующая, вторая справа, фигура человека в фертообразной позе с расставленными ногами и ступнями, повернутыми внутрь. Аналогии подобному изображению среди неолитических писаниц Восточной Сибири неизвестны, зато фертообразные человеческие фигуры нередко встречаются на петроглифах Енисея¹.

Две остальные фигуры писаницы представляют остатки сильно стертых лиловато-красных силуэтов двух лосей. Третья справа фигура напоминает очертания лосихи, крайняя слева — шагающего лося. Эта последняя фигура исполнена в той же манере, что и крайняя правая, но в более спокойном движении. Необходимо отметить, что была еще одна — пятая — фигура вправо от переднего лося, но ныне на нее налегает крупное высеченное изображение лося, под брюхом которого и видны лиловатые пятна утраченной фигуры.

Ближайшие аналогии к энеолитическим изображениям лосей у с. Заваль составляют следующие писаницы Восточной Сибири: 1) рисунок безрогого лося, исполненный красной краской у дер. Чуру на р. Лене², 2) рисунок безрогого лося, исполненный красно-бурой краской на скале у дер. Шишкино на р. Лене. Есть сведения о краснофигурных изображениях трех лосей между станциями Тит-Ары и Тоен-Ары по левому берегу р. Лены³.

Рассмотренная четырехфигурная писаница своей традицией связана с неолитом, вещественные остатки которого найдены автором в ряде мест среднего течения р. Оки, в частности в ближайших к с. Заваль местах — у р. Каменной и у с. Барлук⁴. С другой стороны, в писанице присутствует новый элемент — фертообразная человеческая фигура, напоминающий о наскальном изобразительном творчестве эпохи бронзы. Поэтому писаницу можно датировать энеолитом.

¹ И. Т. Савенков. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Труды XIV АС, т. 1, 1910, стр. 164, табл. II, рис. 18 и 26, стр. 180; Н. М а р т ь я н о в. Путевые заметки из поездки в северо-восточную часть Минусинского округа. Изв. ВСОРГО, т. 14, № 3, 1883, стр. 1—13 и таблица.

² А. П. О к л а д н и к о в. Исторический путь народов Якутии. Якутск, 1943, стр. 33.

³ Н. Н. Г р и б а н о в с к и й. Сведения о писаницах Якутии. СА, VIII, стр. 283.

⁴ М. Р. П о л е с с к и х. Археологические разведки в долине реки Оки, притока Ангары. КСИМК, XXXVI, 1951, стр. 131—135.

Рис. 2.

1 — первая центральная писаница (все рисунки уменьшены приблизительно в 8 раз); 2 — вторая центральная писаница; 3, а — писаница у Больше-Кандиных порогов; 3, б — изображение северного оленя у р. Зама; 4 — древние красные писаницы на Завальских утесах, группы № 1 и 2; 5 — то же, группы № 3 и 4.

Вторая писаница находится в непосредственном соседстве с первой центральной, на той же высоте, но вправо от нее.

Писаница состоит из трех высеченных на камне фигур лосей (рис. 2, 2). Контуры фигур отличаются четкостью линий и равномерной, доходящей до 6—7 мм, глубиной желобка. Все фигуры высечены комбинированным способом: по контуру и силуэтом (передние части изображений); при этом фигура *б*, в отличие от двух остальных, имеет четкую контурную внутреннюю границу. Всюду, особенно на фигуре *в*, хорошо видны следы инструмента — круглоконечного борodka.

Нижняя, наиболее крупная фигура *а* находится в ряду с первой центральной писаницей и перекрывает собой остатки краснофигурного изображения. Она изображает безрогого лося-самца в момент напряженной скачки, что подчеркнуто склоненной головой и раскрытой пастью. Хорошо проработаны очертания головы, шеи, конечностей. Очень правильная и отчетливая выпуклость на голове лося, должно быть, обозначает глаз (однако в смещенном положении).

Фигура *б* изображает бегущую лосиху. Общее сходство с фигурой *а* в положении тела нарушается лишь деформированной передней ногой и поворотом животного в противоположную сторону. Глаз помещен более правильно.

Третья, незаконченная фигура является наименьшей в данной группе. Судя по непропорционально большой голове, узкому корпусу и вообще малому размеру фигуры, можно думать, что она изображает лосенка. Задняя часть изображения разрушена.

В изобразительной манере всей писаницы заметна двойственность: с одной стороны, проявляется реализм, восходящий к эпохе неолита и выражающийся в хорошо выдержанных пропорциях тел животных и умении передать наиболее характерные морфологические черты и динамичность; с другой стороны, в изображениях проступает новая струя — начавшийся упадок реализма, выразившийся в некоторой манерности, свойственной наскальным росписям эпохи бронзы. Так, например, у лосей рассматриваемой писаницы мы видим ненатуральную изогнутость верхних частей ног (рис. 2, 2, *а*), непропорционально малые и деформированные передние ноги (рис. 2, 2, *б*). Более того, подогнутые ноги лося напоминают тагарские бронзовые фигуры оленей с поджатыми ногами.

Летом 1949 г. автору этой публикации удалось исследовать открытые Пласковицким¹ скальные изображения у Больше-Кадинских порогов на нижнем течении р. Оки, где обнаружена очень похожая на завальскую фигурка лося, также с подогнутыми ногами. Там же имеется совершенно уникальное изображение сцены борьбы, или пляски, или полового сближения двух фантастических животных, одно из которых похоже на зайца, другое — на лису (рис. 2, 3, *а*). В этом изображении² уже нельзя не видеть черт, присущих скифо-сибирскому звериному стилю, возможно, в его наиболее раннем варианте.

Укажем еще на две аналогии завальскому изображению лосей:

1. Изображение северного оленя, высеченное на вертикальной плоскости скалы у р. Зама на правом берегу р. Оки в 29 км ниже Завальских

¹ П л а с к о в и ц к и й. Кадинская писаница. Изв. ВСОРГО, т. 19, № 2, 1888, стр. 28, 29 и приложение.

² Левая фигура поразительно напоминает изображение людей в рогатых масках, высеченных на скальных берегах Онежского озера; см. В. И. Р а в д о н и к а с. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря, ч. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 43, 69, 79, табл. 4, 16, 20.

скал, открытое мною в 1949 г. (рис. 2, 3, б). Изображение трактовано в реалистическом стиле, великолепно переданы тупая морда оленя и абрис его фигуры.

2. Изображения на Байкальских скалах Ая и Саган-Заба, среди которых имеются фигуры лосей и оленей¹.

Таким образом, как нам кажется, комплекс «лосиных» и сопутствующих им иных изображений у с. Заваль (вторая центральная группа), на Заме, у Большой Кады (по р. Оке) является памятником развитой таежной бронзы, восходящей к VIII—IV вв. до н. э.² Поэтому не случайны и находки в устье Оки бронзовых кельтов с характерным треугольным орнаментом на широких плоскостях³.

Древние росписи железного века, исполненные красной краской, тянутся бордюром по группе Завальских утесов. Именно они дали повод местным жителям именовать в старину местность «Скорописным камнем».

Все фигуры располагаются приблизительно в одну линию и по обе стороны от центральных писаниц.

Состав краски и технику начертания исследовал А. Ломоносов⁴. Ему удалось доказать, что применявшееся для этой цели вещество было красным мелом (известковистая порода, встречающаяся здесь же в расщелинах скал) в смеси с животным жиром. Древний художник, по мнению А. Ломоносова, «натирал несколько раз этой густой массой, которая от времени проникала в известковистую породу». Но вполне возможно, что перед нанесением рисунка поверхность скалы обильно смачивалась водой. Такая смоченная скала, как показали мои наблюдения, высыхала даже в жаркий день очень медленно и впитывала краску глубже и прочнее. Нельзя согласиться с выводом цитированного автора о натирании рисунка несколько раз. Изображения наносились смелыми, уверенными и скорыми мазками — техникой, метко названной в народе «скорописью».

Многие рисунки стерлись от времени и непогоды, иные — настолько, что оставили после себя одни бесформенные пятна; лишь небольшая часть изображений сохранила чистоту контуров и яркость краски.

Часть изображений по их расположению удалось расчленить на небольшие группы, часть рассматривается в качестве одиночных рисунков, но, вероятно, имевших в свое время смысловую связь с общей пиктографической записью.

Рассмотрим писаницы справа налево, т. е. идя вверх по течению реки:

№ 1. Группа из трех рисунков, расположенных на высоте 30 см от подножья (рис. 2, 4). Рис. 2, 4, а изображает косулю-самку, как будто спокойно идущую в гору. Рисунок прост и реалистичен. Над ним заметны красноватые пятна — следы исчезнувших изображений. Слева от косули фигура (рис. 2, 4, б) похожа на приподнявшуюся лисицу.

Рядом и чуть выше (рис. 2, 4, в) изображено несколько символических знаков, составленных из более или менее прямых стертых по кон-

¹ А. А. Агапцов. Изображения на утесах Байкала. Изв. ВСОРГО, т. 12, № 4—5, 1881, стр. 5 и таблица; П. П. Хороших. Исследование каменного и железного века Иркутского края. Иркутск, 1924.

² А. П. Окладников. Погребенше бронзового века в Ангарской тайге. КСИИМК, VIII, 1940, стр. 106—112.

³ М. П. Овчинников. Отчет о командировке в г. Киренск для осмотра архивов. Труды Иркутской ученой архивной комиссии, вып. III. Иркутск, 1916, стр. 332. Находки топоров сделаны также учителями-краеведами с. Братска.

⁴ А. Ломоносов. Исследование красильного вещества, которым исчерчены утесы р. Оки в Иркутской губернии. Записки СОРГО, т. IX—X, 1867, стр. 599, 600.

цам полосок в различных сочетаниях и представляющих собой быть может «зачаточную идеограмму»¹. Похожие начертания, исполненные красной краской, нередко встречаются в долине р. Лены².

Далее, немного левее и ниже, имеются аналогичные вышеприведенным знаки, с той лишь разницей что исполнены они способом выпарывания; образец точно скопированных начертаний этого рода представлен на рис. 2, 4, г.

№ 2. Группа рисунков, составляющих, возможно, цельную композицию. На человека (возможно,—женщину) с растопыренными пальцами одной руки и выпавшим из другой руки каким-то предметом нападает животное, похожее на собаку (рис. 2, 4, д). В правом верхнем углу—очень удачный силуэт бегущей собаки. Одевание человеческой фигуры совпадает с одеянием подобных же (женских) фигур курыканской писаницы у дер. Шишкино на Верхней Лене, изображающей пеших людей³.

№ 3. Группа из трех рисунков: лося, звезды (?) и всадника на коне (рис. 2, 5, а, б, в). Рисунки расположены на высоте около 50 см, при этом рис. 2, 5, б находится в щели, образованной двумя скалами; подобное местоположение характерно для «звездообразных» фигур и повторится в дальнейшем.

Изображение лося (рис. 2, 5, а) при всей схематичности верно передает наиболее характерные черты животного; рога лося соединяются перемычкой — остатком какого-то специального рисунка на них. Аналогом может служить изображение лося на одной из ленских скал вблизи дер. Кресях, между рогами которого помещается большое крупное пятно, символизирующее солнце.

В качестве чисто изобразительных аналогов к рассматриваемому рисунку лося можно привести многочисленные изображения лосей на ленских скалах у дер. Шишкино, например курыканские рисунки лося⁴.

Не случайно в данном случае присутствие звездообразного знака вблизи силуэта лося. Созвездия, звезды и их изображения нередко встречались в шаманском культе народов Сибири. Такова Большая Медведица, почитаемая остяцкими шаманами и представлявшаяся им в образе лося, Венера — шаманская звезда и т. д.⁵

Рис. 2, 5, в, повидимому, не имеет связи с двумя первыми. Здесь изображен всадник на коне. Несмотря на то, что фигура всадника несколько непропорциональна по сравнению с величиной лошади, а ноги лошади несколько удлинены, рисунок в целом создает впечатление вполне реалистического изображения.

Изображения всадников на конях, исполненные красной краской, во множестве встречаются на скалах р. Енисея; таковы, например,

¹ А. П. Окладников. Археологические исследования 1940—1943 гг. в долине р. Лены и древняя история северных племен. КСИИМК, XIII, 1946, стр. 106, 107.

² Г. В. Ксенофонов. Изображения на скалах Лены в пределах Якутского края. Верхнеудинск, 1927, табл. 6 и 7; Я. В. Стефанович. От Якутска до Аяна. Иркутск, 1896, стр. 64 и таблица.

³ А. П. Окладников. Археологические исследования в Бурят-Монголии..., стр. 159.

⁴ А. П. Окладников. Археологические исследования 1940—1943 гг. в долине р. Лены..., стр. 101—102; е го же. Археологические исследования в Бурят-Монголии..., стр. 160.

⁵ В. И. Анучин. Очерк шаманства у енисейских остяков. СПб., 1914, стр. 15.

манские писаницы,¹ более примитивные и стилизованные по сравнению с рассматриваемым изображением, бирюсинская писаница².

Замечательно сходство фигуры завальской лошади с фигурами лошадей, высеченных по контуру на Манхайских скалах, близ г. Усть-Орды Иркутской области³. Здесь та же короткая и крутая шея, острая морда, одинаковая форма ушей, удлиненные ноги, оттопыренный хвост.

№ 4. Группа совершенно стершихся изображений, среди которых уцелел рисунок четвероногого животного и стоящего за ним человека (рис. 2, 5, 8). Рисунок допускает двойное толкование: охотник, настигающий животное, или шаман с жертвенным животным (коровой). Исследователь якутского шаманства В. Серошевский описывает сцену жертвоприношения и связанное с ним поверье в следующих словах: «Вслед за птицами полетит на небо шаман, гоня перед собой жертвенную скотину»⁴. Изображение коровы и позади нее человека есть и на Енисее — тесинский петроглиф⁵.

Известна краснофигурная писаница на правом берегу Енисея, выше Джойского порога, где изображен человек с расставленными руками и ногами, с обращенными к нему мордами двух животных, похожих на коров или быков⁶. В Бурят-Монголии, на горе Бага-Зараа, Шулуновым зарисовано изображение человека в рогатом головном уборе, стоящего около лося⁷. Рогатые антропоморфные фигуры, нарисованные красной краской, были обнаружены Ангарской экспедицией А. П. Окладникова на скалах близ устья р. Манзи.

Существенной деталью данного изображения, указывающей на культовый характер, является головной убор человека, представляющий собой шапку шамана. Эта деталь повторится и на других завальских писаницах. В настоящее время можно считать доказанным, что изображаемые на писаницах рогатые головные уборы-короны принадлежат шаманам с их «сверхъестественной, получеловеческой полуживотной природой»⁸.

Интересно отметить еще одну черту фигуры человека — суживающееся книзу, возможно оканчивающееся треугольником, тело. Эта деталь сближает завальские изображения с изображениями шаманов у поселка Свирского на Ангаре⁹.

¹ А. Адрианов. Писаницы по р. Мане. Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества, т. IX, СПб., 1913, стр. 5.

² Н. И. Попов. О писаницах Мнусинского края. Изв. СОРГО, т. III, № 5, стр. 275.

³ М. Полесских. В Кудинской степи. Журн. «Вокруг света», 1948, № 9.

⁴ В. Серошевский. Как и во что веруют якуты. Сибирский сборник, вып. II. Иркутск, 1891, стр. 154, 155.

⁵ И. Т. Савенков. Ук. соч., табл. IV, рис. 9.

⁶ А. И. Булгаков. Верховья Енисея в Урянхэе и Саянских горах. Изв. РГО, т. 64, 1908, стр. 389—437.

⁷ Журн. «Вокруг света», 1944, № 1, стр. 33.

⁸ А. П. Окладников, И. И. Барашков. Древняя письменность якутов, стр. 10; А. П. Окладников. Писаницы около поселка Свирского на Ангаре. КСИИМК, XIV, 1947, стр. 23—25; е го же. Древне-шаманские изображения из Восточной Сибири. СА, X, 1948, стр. 220; М. П. Овчинников. Дневник И. И. Виташевского, веденный им во время поездки по р. Ангаре. «Сибирский архив», 1912, № 11, стр. 828; И. Т. Савенков. Ук. соч., стр. 126.

Рогатые и перистые шапки были отмечены у телеутских шаманов (Потанин), у якутских (Барашков), у эвенкийских (Левин, Виташевский), у шаманов енисейских остяков (Авучин), у бурятских (Затопляев, Хангалов) и т. д.

⁹ А. П. Окладников. Писаницы около поселка Свирского на Ангаре, стр. 23, 25.

№ 5. Группа изображений, состоящая из 3 частей (рис. 3, 1). Две первые части (рис. 3, 1, а, б) отстоят от подножья скалы на одинаковой высоте (1,5 м) и находятся в непосредственной близости одна от другой. Третья часть (рис. 3, 1, в) расположена поодаль и слева.

Первая часть группы (рис. 3, 1, а) изображает двух всадников на маралах. Животные, особенно первое справа, стилизованы, однако их характерные черты переданы удачно. Фигура всадника с шаманским головным убором изображена в фас и, несомненно, приподнята над седлом, так что человек, возможно, не сидит, а стоит; одна рука всадника — на талии, в другой он, повидимому, держит посох — один из шаманских атрибутов (бурятск. «морин харьбо»; шаманский костыль — у черных татар, по наблюдениям Ядринцева; эвенкийск. «алгарин») ¹. Все в данном рисунке изобличает его культовый характер. Перед нами, возможно, изображение шамана в молитвенной позе, едущего на священном олене.

Второй всадник и марал исполнены в иной манере. Животное здесь выписано более реалистически, хотя длинная его шея очерчена лишь узким контуром; передние ноги стерлись, зато задние переданы очень правдиво. Крестообразная фигура всадника, изображенного в фас, крайне условна и схематична. Создается впечатление, что художника интересовало лишь изображение марала, в то же время лишить животное всадника было невозможно.

По древним поверьям шорцев, главным помощником шамана является дух Таг-бура, который представляется в образе марала. Некоторые духи ездят на «небесных конях» — оленях. Тувинские же шаманы представляют себе бубен ездовым маралом ².

В пантеоне древнетунгусской религии значатся антропоморфные изображения — вместилища для духов-предков, а также изображения собаки или оленя, на которых души предков любят передвигаться ³. Д. К. Зеленин приводит данные о том, что, по представлениям древних бурят (минусинцев, эвенков и других народностей), духи нередко передвигаются на животных, в частности на изыхах — оленях ⁴.

Таков, вероятно, смысл всей писаницы, изображающей передвижение шамана и управляемого им духа на священных животных — перевоплотившихся духах. Добавим еще одно аналогичное краснофигурное изображение, расположенное по соседству с № 4 (рис. 2, 5, д). Здесь фигура лося и непропорционально малая по сравнению с ней фигурка всадника с раскинутыми руками и трехзубчатой короной имеют совершенно то же значение.

Левая часть писаницы № 5 представляет сцену из охотничьей жизни (рис. 3, 1, б). Две передние фигуры — охотники, едущие на лыжах или идущие по узкой тропе. Второй из них ведет на поводу животное, возможно, оленя с всадником. Животное изображено весьма схематично, его передние ноги расплываются в широкую ленту. Передний охотник стоит в позе человека, натягивающего тетиву самострела. Известно, что

¹ Г. Н. Потанин. Очерки Северо-западной Монголии, т. IV, 1881—1883, стр. 53; М. Г. Левин. Эвенки Северного Прибайкалья. СЭ, № 2, 1936, стр. 77 и там же (стр. 75, 76) о священных оленях; В. М. Мухайловский. Шаманство, 1892, стр. 72.

² Л. П. Потапов. Очерки по истории Шории. Изд. АН СССР, М., 1936, стр. 94.

³ С. М. Широкогоров. Опыт исследования шаманства у тунгусов. Ученые записки Ист.-фил. ф-та, Владивосток, т. I, 1919, стр. 64.

⁴ Д. К. Зеленин. Культ онгонов в Сибири. М.—Л., 1936, стр. 297—300.

Рис. 3. Писаницы на Завальских утесах.

1 — группа изображений № 5; 2 — группа изображений № 6; 3 — краснофигурные изображения в угловой нише свалы, группа № 7; 4 — группа изображений (№ 8) по другую сторону от центральных писаниц; 5 — краснофигурная писаница (группа № 9), расположенная над группой изображений № 8.

самострел употреблялся в прошлом в качестве оружия или капкана на маралов у разных народностей Сибири, например у шорцев¹.

Расположение рассматриваемых изображений охотников и маралов близко одно от другого и по всей вероятности отражает связь между той и другой сценой.

Третья левая часть группы (рис. 3, 1, в) состоит из двойного ряда простых палочкообразных начертаний, подобных описанным выше (№ 1). Ниже их нарисована фертообразная фигура всадника верхом на коне. Голова всадника украшена трехзубчатой короной, похожей на оленьи рога. Все изображение крайне схематизировано и очень похоже на караульненский петроглиф на Енисее. Несколько схожих изображений есть и на манских писаницах².

Данный рисунок по своему стилю не совсем увязывается с описываемым комплексом изображений, за исключением рисунка всадника на лосе. Характерна и другая его особенность — поворот фигуры животного в левую сторону. При всем том характер и традиционная символика рисунка объединяют его с группой соседних изображений, отличительная же манера исполнения объясняется, быть может, всего лишь иным исполнителем.

На расстоянии 1—2 м от данной группы по левую сторону заметно много полустершихся палочек-полосок, подобных изображенным на сцене № 1. Около палочек нарисована небольшая фигура оленя.

№ 6. Группа состоит из 9—10 изображений, как будто объединенных общим смыслом, что подчеркивается их расположением в одном месте и в одной плоскости (рис. 3, 2). Необычно место для рисунков: они находятся в узкой, неглубокой щели, образованной двумя массивными плитами песчаника с заглаженной поверхностью и непосредственно у подножья. Расположенные в столь укромном месте рисунки были пощажены непогодой и сохранили четкость контуров и свежесть краски, обладающей здесь густомалиновым оттенком. Впрочем, часть изображений, повидимому, незначительная, исчезла вследствие обломов края плиты.

Все рисунки на данной писанице представляют символические знаки, отражающие древние, возможно, культовые, космогонические представления. Верхний знак — зигзаг, можно толковать как изображение молнии или змеи. В последнем случае изображение принимает значение онгона, встречавшегося у бурят (онгон Нуган-Эзинуд), на бубнах черневых татар (Потанин), у кызыльцев (Зеленин); по наблюдению И. Т. Савенкова, на енисейских писаницах нередко встречаются изображения змей; это же отмечено и А. П. Окладниковым на Фофановской горе у р. Селенги.

Ниже расположены два знака, похожие на луну и солнце. Солярно-лунарные изображения были широко развиты у древних племен Сибири. Ярким примером могут служить красные писаницы на р. Мане. И. Т. Савенковым подсчитано, что солнце, прочерченное красной краской, на енисейских петроглифах встретилось ему 15 раз, луна — 4 раза³. У бурят культ солнца уходит в далекие времена. Остатком этого культа являются изображения на «шире», на онгонах. Солнце и луна, по наблюдениям Д. Клеменда, были неперменной частью рисунков на шаманских бубнах минусинских тюрков. Солнце изображалось на остяцких знаменах и т. д.

¹ Л. П. Потапов. Ук. соч., стр. 42, 43.

² И. Т. Савенков. Ук. соч., стр. 164, 165, табл. 2, рис. 1; А. Адрианов. Ук. соч., рис. 4, 11 и др.

³ И. Т. Савенков. Ук. соч., стр. 229

Еще ниже мы видим остатки утраченного изображения, похожего на солнце. В самом низу помещены еще два звездчатых знака, которые отделяются четырьмя вертикальными палочками.

Справа в глубине щели и в другой плоскости нанесены два великолепно сохранившихся рисунка, возможно, антропоморфная фигура с подобием крючкообразной дубины в руке и какой-то условный знак с резко очерченными контурами.

№ 7. На неровной плоскости, в угловой нише скалы, рядом с № 6 осталось множество следов краснофигурных, ныне стершихся изображений (рис. 3, 3). Среди них в верхней части угадываются: вертикальные палочки, сплетенные посередине и по низу, крестообразный знак, фигура, похожая на дерево или на распяленную шкуру. В нижней части группы вновь повторяются палочки с перемычкой посередине, по 4 в ряд; ниже их — изображение фигуры человека с раскинутыми руками и расставленными ногами, увенчанного четырехзубчатой короной. Эта корона, а также поза, указывают на изображение в данном случае шамана, находящегося, повидимому, несмотря на отсутствие бубна, в состоянии священной пляски¹.

Рядом с упомянутой группой, за неширокой щелью, находится одиночное изображение шагающего человека, как будто бы ведущего за собой сильно стилизованное животное.

№ 8. Данная группа изображений, как и все последующие, располагается по другую сторону от центральных писаниц, там, где скалы постепенно отходят от береговой черты и поворачивают к луговине — старому руслу реки.

С левой стороны первой части группы изображен крупный силуэт человека, расставившего ноги и упершего руки в бока; рядом — странного вида животное, вероятно, лошадь, и далее — всадник на лошади. Над крупной фигурой человека, как бы в отдалении, нарисована маленькая человеческая фигурка (рис. 3, 4). Сцена в общем является повторением изображения охотников (№ 5).

Интересна вторая часть группы, представляющая исполненные с нарочитой небрежностью фигурки лошади и всадника. Художник не позаботился ни о ногах животного, ни о положении всадника, нелепо раскинувшего руки и ноги. Повидимому, здесь мы имеем дело с древнейшим изображением домашнего фетиша, по терминологии Потанина — онгона. Еще Георги наблюдал, что сибирские шаманы изготовляют идолов из странных отростков дерева, которые кажутся подобием человеческой фигуры².

Тунгусские шаманы изгоняли духа болезни при помощи специально изготовленного из коры лиственницы человекообразного изображения, которое после молений уносилось в тайгу и вешалось на дерево³. Как бы то ни было, ясно, что в данном случае изображены не реальный человек и не реальное животное.

№ 9. Последняя из обнаруженных краснофигурных писаниц — группа, расположенная непосредственно над № 8; она нарисована в несколько отличной от предыдущих манере. Линии контура очень неровны и расплывчаты. Впервые представлена фигура человека в профиль (рис. 3, 5), у которого, кроме хорошо прорисованных ног, все остальные части тела

¹ О скальных изображениях шаманов без бубна см. у И. Т. Савенкова — ук. соч., стр. 177, табл. 3, 6, 13.

² Георги. Описание обитающих в Российском государстве народов, ч. III. СПб., стр. 106.

³ М. Г. Левин. Ук. соч., стр. 77.

выполнены крайне грубо. За человеком — фигура животного, по контуру которой угадывается силуэт лося. Перед человеком — еще две фигуры, в том числе фигура человека, изображенного в фас, с раскинутыми в стороны руками и в шапке, снабженной двумя выступами. Позади фигуры лося, в некотором отдалении, нарисовано пятно неопределенной формы. Под ним, очевидно, не связанная с предыдущими рисунками, изображена фигура человека, подтверждающая предыдущий вывод по поводу шаманов. В данном случае изображен шаман в молитвенной позе с бубном в руке; на голове его ясные очертания убора с двумя характерными рогами. Совершенно похожая фигура шамана с бубном в руках имеется на манских писаницах.

Вся группа не объединяется в одно целое; возможно, что три фигуры правой части добавлены позднее, но они сохранили в основном прежнюю изобразительную и смысловую традицию.

№ 10. По валикообразному выступу угловой скалы в конце всей «галереи», на высоте груди взрослого человека, тянется полоса высеченных однообразных вертикальных, иногда косых, палочек, изредка прерывающихся знаками из 2—3 скрещенных палочек. Местами начертания оживляются знаками в «елочку», есть изображение наконечника железной стрелы, рисунок какого-то горбатого животного. Есть несколько схематических антропоморфных рисунков.

Смыкаясь с краснофигурными пятнами, высеченные начертания налегают на них; получается своеобразное наслоение изображений, доказывающее позднейшее происхождение вторых по сравнению с первыми. Все это, несомненно, те же счетные палочки и тамги — зачаточная архаическая письменность, появившаяся в таптыкское время¹.

Наскальные высеченные изображения в виде счетных палочек получили широкое распространение на р. Лене, там они «в общем числе рисунков представляют подавляющее большинство»².

Среди завальских счетных палочек имеются, повидимому, и знаки родовой собственности — тамги, с их характерной особенностью — увеличением черточек между двумя или несколькими знаками при одинаковом рисунке.

Заканчивая обзор завальских писаниц, сделаем некоторые обобщения.

Все завальские писаницы отчетливо распределяются по следующим эпохам: энеолит, развитая бронза и железный век; при этом писаницы железного века можно разделить на два периода.

Первая группа писаниц железного века, состоящая из краснофигурных изображений, имеет прямую связь с тюркским периодом истории Прибайкалья, с курыканскими конными племенами V—X вв. н. э. В то же время несомненная близость завальских писаниц с верхнеенисейскими (р. Мана) свидетельствует о родстве древних культур этих двух бассейнов.

Анализ одних писаниц не дает достаточных оснований для этногенетических выводов, в частности, не позволяет причислять или не причислять завальское население этого времени к тюркским племенам. Известная отдаленность с. Заваль от центров расселения курыкан в Прибайкалье, суровая таежная природа наложили свой отпечаток на культуру населения этих мест. Здесь нет даже следов древнетюркской рунической письменности, хорошо известной прибайкальским курыканам. Скорее

¹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 610, 611.

² А. П. Окладников, П. П. Барашков. Древняя письменность якутов, стр. 21, 22.

всего, по среднему течению р. Оки около тысячи лет назад жили лесные племена, зависимые от сильных тюркских племен.

В духовной культуре древнего населения Средней Оки получила значительное развитие система религиозных представлений, выразившаяся в преобладании шаманства, в культуре онгонов и космических явлений. Наряду с этим писаницы р. Оки отражают реальную жизнь, черты труда и быта таяжных племен курыканского времени Прибайкалья.

Позднейшие, сильно схематизированные высеченные изображения, а возможно, и некоторая небольшая часть краснофигурных изображений, относятся к периоду позднего, «тункинского железа» — XII—XIV вв. Случайные находки жителями с. Заваль нескольких погребений в колодах подтверждают эту датировку.

Г. А. ЧЕРНОВ

ХЭЙБИДЯ-ПЭДАРСКОЕ ЖЕРТВЕННОЕ МЕСТО В БОЛЬШЕЗЕМЕЛЬСКОЙ ТУНДРЕ

В 1947 г. в северной части Большеземельской тундры мною было обнаружено на р. Хэйбидя-Пэдара (Море-ю) в нескольких пунктах большое количество серебряных, посеребренных, бронзовых, железных предметов, а также керамика¹.

Археологические памятники этого времени до сих пор в Большеземельской тундре не были известны, если не считать отдельных наших находок на реках Сандибей-ю и Колва-вис², у с. Пустозерска³ и на р. Кортаихе⁴.

Жертвенное место было обнаружено в среднем течении р. Хэйбидя-Пэдара (рис. 1), или, как ее называют иначе, Море-ю и Хайпудыра. Оно расположено в районе елово-березового леса, который является самым северным лесным «оазисом» в Большеземельской тундре. Благодаря небольшому лесу, расположенному в тундре далеко к северу от общей границы леса, эта река получила ненецкое название Хэйбидя-Пэдара, что в переводе означает «священный лес». В настоящее время этот лесной «оазис» известен почти всем кочующим оленеводам (рис. 2). «Оазис» усиленно вырубается оленеводами. Несомненно, что в более ранние времена этот лес служил удобным районом для поселения, что подтверждается присутствием стоянок и жертвенных мест.

Река Хэйбидя-Пэдара в данном месте течет с востока на запад, в сравнительно узкой долине с хорошо выраженными низкими террасами; она подходит то к левому, то к правому коренному 30-метровому берегу, сложенному одними четвертичными ледниковыми отложениями. В осно-

¹ Г. А. Чернов. Жертвенное место в северной части Большеземельской тундры. КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 84—88.

² Г. А. Чернов. Стоянки древнего человека на р. Колве, Колва-вис и Сандибей-ю в Большеземельской тундре. КСИИМК, IX, 1941, стр. 101—111; его же. Археологические находки в центральной части Большеземельской тундры. Труды Четвертичной комиссии, т. VII, вып. 1, 1948.

³ Г. А. Чернов. Стоянки древнего человека в бассейне реки Печоры. КСИИМК, XXIII, 1948, стр. 50—59.

⁴ Г. А. Чернов. Археологические находки в восточной части Большеземельской тундры. СА, XV, 1951, стр. 308—324.

В сборах археологического материала принимала участие сотрудница экспедиции М. И. Шевыренкова. Зарисовки на таблицах выполнены Т. Н. Черновой. Спектральный анализ металлических вещей выполнен Н. В. Лизуновым. Сердоликовые бусы были просмотрены Г. Г. Леммлейном. Всем лицам, принимавшим участие в данной работе, приношу искреннюю благодарность.

вании берегов обычно выступают валунные суглинки третьего, последнего, новоземельского оледенения Большеземельской тундры¹.

Валунные суглинки покрываются сначала грубозернистыми флювиогляциальными песками с галькой и прослойками галечников, а верхняя часть склонов сложена желтыми, обычно мелкозернистыми песками,

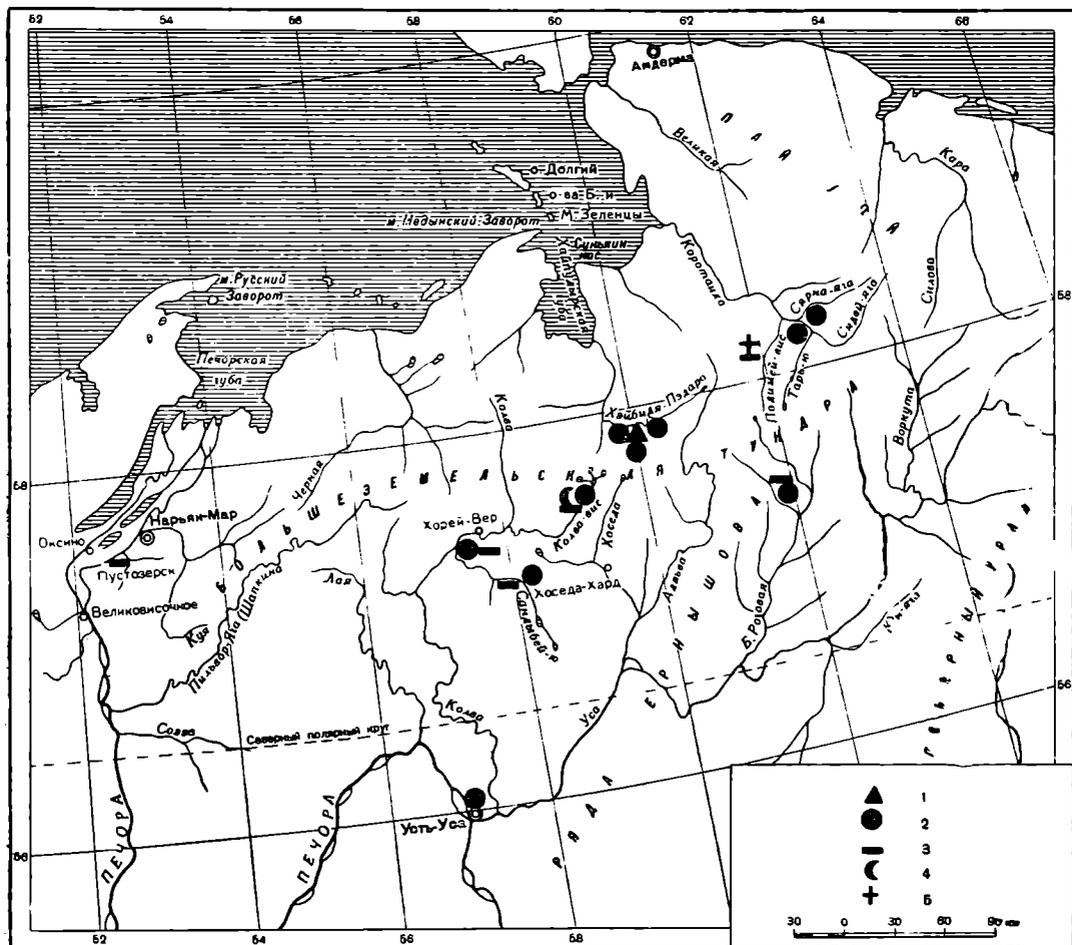

Рис. 1. Карта Большеземельской тундры.

1 — жертвенное место; 2 — отдельные находки бронзовых предметов; 3 — отдельные находки железных предметов; 4 — отдельные находки стеклянных бус и латунных колец; 5 — могила XVII — XVIII вв.

содержащими лишь в нижних частях мелкую гальку. Желтые пески на значительном протяжении по обоим коренным берегам развеваются ветром, и в них образуются значительные котловины выдувания, которые местные жители называют яреями.

¹ В. В. Коперина. Отчет по геологической съемке верхнего течения р. Адзвы и Хайпудыры в 1932 г. «Землеведение», т. 35, вып. 4, 1933; Н. А. Кулик. О северном постпледене. Геологический вестник, т. 5, № 1—3, 1926; Ю. А. Ливеровский. Геоморфология и четвертичные отложения северных частей Печорского бассейна. Труды Геоморфологического ин-та, вып. 7, 1933; Г. А. Чернов. Образование террас Печорского бассейна. Труды Сев. геолог. упр., вып. 14, 1944; его же. Новые данные по четвертичной истории Большеземельской тундры. Бюллетень Четвертичной комиссии, № 9, 1947; А. Шренк. Путешествие к северо-востоку Европейской России, ч. 1. СПб., 1855.

На этих яреях в нескольких местах нами были собраны кремневые орудия и черепки глиняных сосудов, принадлежащие стоянкам древнего человека, которые описаны нами отдельно¹. Пункт, служивший местом жертвоприношений, был обнаружен на левом коренном 30-метровом берегу, вблизи первого западного лесного участка (рис. 3). Здесь коренной берег выступает к северу узким носом, но не доходит до реки. В 250 м от реки, на его бровке, расположен бугор почти правильной круглой формы, до 10 м в диаметре (рис. 4), возвышающийся над окружающей ровной поверхностью берега не более 1,5 м. Бугор имеет рогную задернованную поверхность, только в юго-западной части его находится

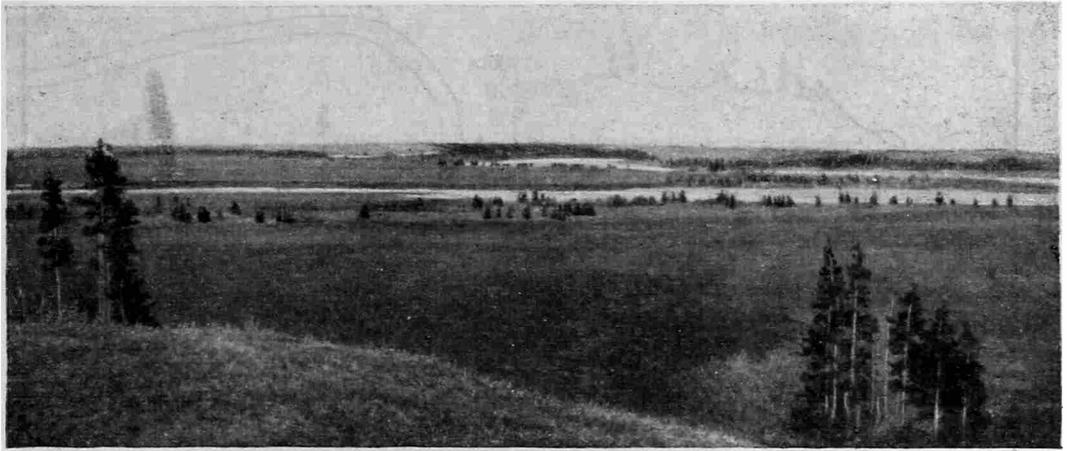

Рис. 2. Река Хэйбидя-Пэдара у жертвенного места.

ярей до 4 м в поперечнике, на песках которого были обнаружены бронзовые и сердоликовые бусы и другие предметы (рис. 5).

В северной части ярея под дерном обнажался культурный слой жертвенного места (рис. 6). Строение культурного слоя следующее:

- 1) дерн до 10 см толщиной;
- 2) под дерном — желтые пески до 25 см толщиной;
- 3) ниже идет прослойка коричневатого песка до 10 см толщиной, прослеживаемая в разрезе на протяжении 5 м; граница ее с вышележащими и нижележащими песками неровная и не везде резкая;
- 4) затем залегают снова желтые пески слоем до 1 м толщины, содержащие тонкие (до 1 см) линзочки коричневатого и черно-углистого вещества; линзочки чаще всего располагаются параллельно коричневатой прослойке, идущей параллельно поверхности бугра.

При расчистке культурного слоя (около 2 куб. м песка) было извлечено большое количество различных предметов, часть которых изображена в натуральную величину на таблицах, приведенных в конце статьи (стр. 307).

При изъятии предметов из культурного слоя жертвенного места удалось установить следующее.

От основания культурного слоя до дерна встречались черепа молодых и взрослых оленей вместе с рогами, чаще — одни рога, изредка — отдельные челюсти с зубами. Все кости были довольно сильно рагрушены, причем найденные в нижних горизонтах были выветрены сильнее. Кроме

¹ Г. А. Чернов. Стоянки древнего человека в северной части Большеземельской тундры. КСИМК, XXXVI, 1951, стр. 96—114.

оленьих черепов и рогов, никаких других костей не встречалось; не найдено также никаких костяных изделий.

Почти от самого основания культурного слоя попадались отдельные черепки глиняной посуды с ямочно-гребенчатым орнаментом. Количество черепков заметно увеличивалось кверху, достигая максимума вблизи коричневатого слоя. Здесь встречались черепки от сосудов с поддоном. Целых сосудов во всем культурном слое найдено не было. Почти все сосуды имеют небольшие размеры (8—12 см) и только некоторые достигли

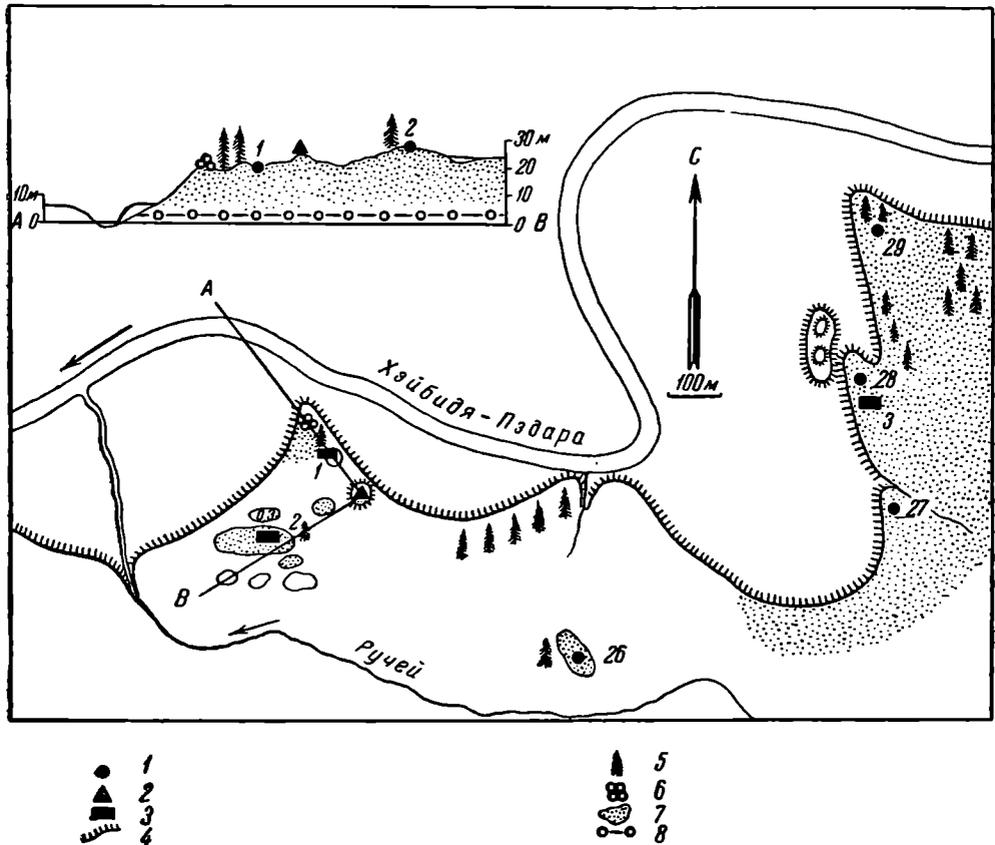

Рис. 3. Схематический план расположения стоянок на р. Хэйбидя-Пэдара.

1 — стоянки древнего человека; 2 — жертвенное место; 3 — отдельные находки бронзовых вещей; 4 — граница левого коренного (30 м) берега; 5 — участки елового леса; 6 — груды камней (валуны); 7 — развеваемые пески; 8 — морена.

Цифры означают номера раскопов.

30 см в диаметре. Выше коричневатого слоя черепки глиняных сосудов не попадались.

Примерно с середины глубины культурного слоя стали встречаться железные предметы; среди них преобладали наконечники стрел и дротиков (табл. XI и XII). Наибольшее количество наконечников стрел попало под коричневатой прослойкой, но в ней их уже не было. Все железные предметы сильно проржавели, от более мелких предметов почти ничего не осталось. Присутствие мелких предметов узнается по сильно ожелезненным пескам, имеющим бурый цвет. Все извлеченные стрелы находились в горизонтальном положении.

Бронзовые фигурки, так же как и железные наконечники стрел, извлечены из верхней части желтых песков, залегающих под коричневатой прослойкой, но в последней фигурок не встречено. Кроме фигурок, по-

падалось много женских украшений (табл. VII, VIII и IX) и различных кусочков металла, преимущественно малых размеров. Металл и женские украшения встречались и в коричневатой прослойке, но выше они не обнаружены.

Серебряные, посеребренные и позолоченные предметы встречались в верхней части желтых песков и в коричневатой прослойке. Посеребренные вещи очень плохо сохранились, в большинстве случаев посеребрение отпало.

В отношении расположения находок по площади можно было заметить, что олени череп и рога встречены во всех частях разрытого участка, так же как и черепки глиняных сосудов. Железные наконечники стрел

Рис. 4. Бугор жертвенного места на р. Хэйбидя-Пэдара.

были сосредоточены в восточной части участка, а серебряные и бронзовые украшения — в западной. Все бронзовые фигурки были извлечены из юго-восточной части (рис. 5).

Кремневых орудий в жертвенном культурном слое найдено не было. Невдалеке от жертвенного места на желтых песках были обнаружены в трех пунктах отдельные металлические предметы (рис. 3 и табл. XIII).

Перейдем к краткому описанию отдельных предметов.

I. Из культурного слоя извлечено 247 черепков, принадлежащих, судя по орнаменту, 30 сосудам.

Из нижней части культурного слоя (рис. 6) были извлечены черепки с ямочно-гребенчатым орнаментом, принадлежащие 7 сосудам, часть которых изображена на табл. I. Сосуды, по всей вероятности, были круглодонные, со слегка выпуклыми боками. Размеры сосудов — от 15 до 30 см в диаметре, при толщине стенок от 4 до 8 мм. Обжиг сосудов различный, но в большинстве случаев слабый; только с поверхности они имеют, — и то не везде, — красно-бурый цвет. У некоторых сосудов с внутренней стороны сохранился нагар от пищи. В глину при изготовлении сосудов примешивалась дресва, чаще из дробленого гранита, судя по присутствию зерен кварца, полевого шпата и черной слюды. Орнамент этих сосудов имеет большое сходство с орнаментом некоторых сосудов стоянок

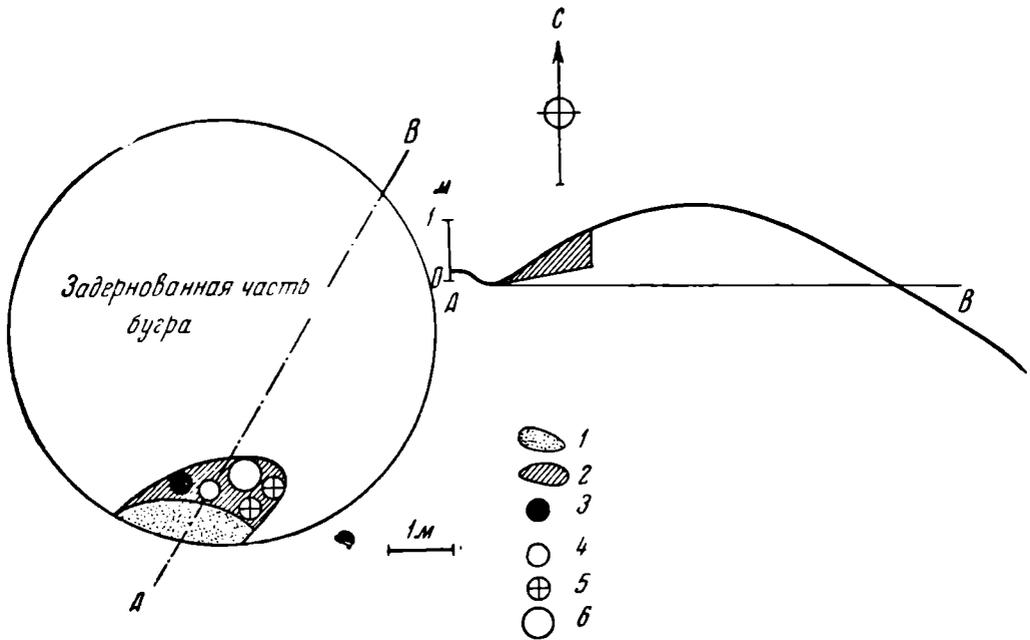

Рис. 5. Схематический план жертвенного бугра с указанием мест наиболее часто встречающихся предметов.

1 — развеваемые пески (ярей); 2 — место раскопок; 3 — место наибольшего скопления бронзовых предметов; 4 — серебряные вещи и женские украшения; 5 — бронзовые фигурки; 6 — железные наконечники стрел.

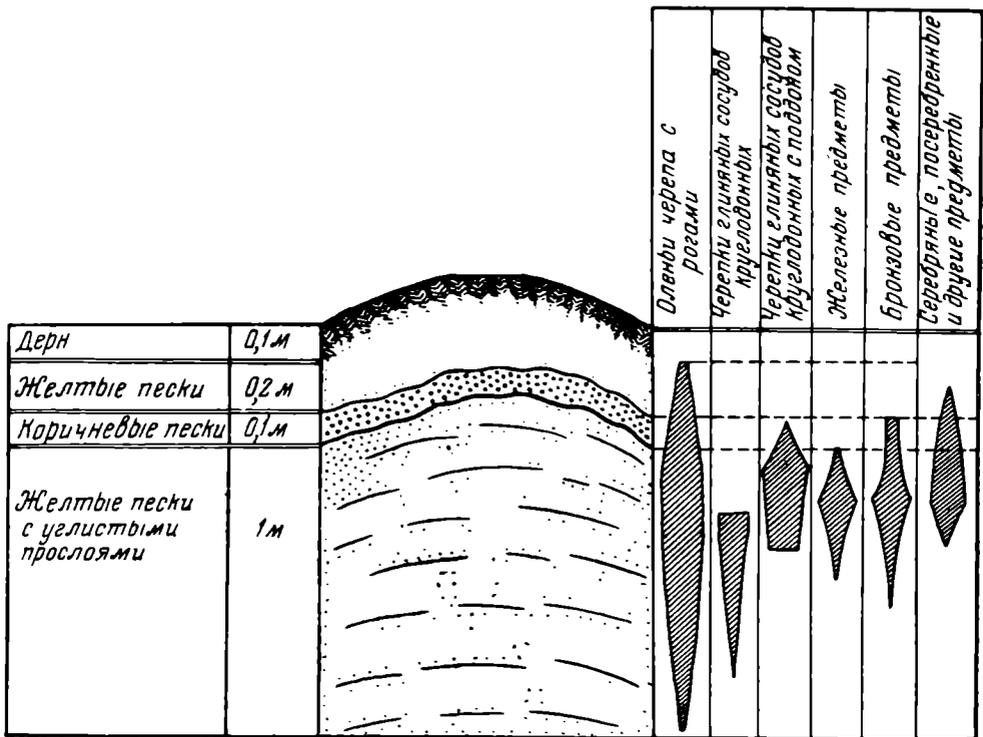

Рис. 6. Схематический разрез культурного слоя жертвенного места и диаграмма встречающихся в нем предметов.

Большеземельской тундры (стоянки 11, 12, 15, 23 — р. Колва-вис¹, стоянка 5 — р. Падимей-вис и стоянка 5 на побережье Хайпудырской губы²).

В средней части культурного слоя наряду с описанной выше керамикой стали попадаться черепки только с одним гребенчатым орнаментом (табл. II), а еще выше — снова с ямочно-гребенчатым орнаментом. Здесь большинство сосудов имеет низкий поддон (табл. III и IV). Черепки с одним гребенчатым орнаментом принадлежат 6 сосудам.

Наряду с простой орнаментацией (табл. II, 1, 3) некоторые сосуды имели сложный орнамент (табл. II, 2, 4), выполненный несколькими штампами. В отличие от описанного выше орнамента орнамент на этих сосудах гирляндообразный, спускающийся на боковые части сосуда (табл. II, 3, 4). Сосуды с поддоном имеют орнамент еще более сложный и изящный, выполненный иногда фигурным штампом (табл. IV, 3). Сосуды из верхней части культурного слоя в большинстве случаев — небольших размеров, от 8 до 15 см в диаметре, и только некоторые из них имели диаметр до 30 см. Форма сосудов остается той же, они круглодонны, иногда с довольно сильно выпуклыми боками, к которым приделывался поддон высотой 2 см. На некоторых сосудах поддон с наружной стороны орнаментировался (табл. III, 4), а с внутренней этим же штампом проводились бороздки (табл. III, 4а).

Обжиг этих сосудов различный; у большинства сосудов он несовершенен, поскольку имеются различные цвета с разных сторон. У более крупных сосудов с внутренней стороны сохранился нагар от пищи. При изготовлении сосудов в глину также примешивалась дресва, в которой встречается много белой слюды.

Сосуды с гирляндообразным орнаментом и поддоном на стоянках в Большеземельской тундре не встречались, за исключением, может быть, одного сосуда со стоянки 11 (р. Колва-вис)³, имеющего сходный орнамент, а также сосуда со стоянки 22 (р. Падимей-вис)⁴.

II. Из верхней части культурного слоя было извлечено 9 серебряных предметов и 4 предмета, сделанные из серебра с бронзой (белая бронза). К предметам из серебра относятся:

1. Два серебряных литых браслета разного размера (табл. VI, 4, 5), на одном из которых с внутренней стороны сохранились еле заметные насечки, идущие несколько наискось.

2. Булавка до 1 мм толщиной с одним острым концом, другой ее конец обломлен; повидимому, с этого конца было ушко или головка (табл. VII, 1).

3. Три тонкие бляшки (табл. VII, 2, 7; табл. X, 5); на одной из них (табл. VII, 7) бугорками выдавлена четырехконечная звезда, в средней части которой сохранился небольшой участок позолоты.

4. Две пластинки с отверстиями (табл. VII, 5, 6).

5. Тонкая, длинная изогнутая пластинка, на концах которой имеются отверстия (табл. VII, 10).

Кроме чисто серебряных предметов, которые имели обычно серебряный блеск, были найдены предметы, изготовленные из серебра

¹ Г. А. Чернов. Археологические находки в центральной части Большеземельской тундры.

² Г. А. Чернов. Стоянки древнего человека в бассейне реки Печоры, стр. 50—59.

³ Г. А. Чернов. Археологические находки в центральной части Большеземельской тундры.

⁴ Г. А. Чернов. Археологические находки в восточной части Большеземельской тундры, стр. 308—324.

с бронзой или из белой бронзы (см. таблицу — данные спектрального анализа):

1. Бляха с изображением двух птиц с большими клювами, обращенных друг к другу; бляха эта односторонняя, слегка выпуклая и имеет черный налет (табл. V, 5).

2. Бляха с тремя овальными выпуклостями, окруженными зернью, ниже которых находится гнездо, повидимому, предназначенное для камня (табл. VI, 2); последнее также окружено зернью в пять рядов; подобные «кулоны» были найдены Е. Д. Сошкиной в Подчеремском кладе и описаны В. А. Городцовым¹, а также в с. Георгиевском (Керчь) и описаны А. А. Спициным².

3. Шесть подвесок, на которых с одной стороны были припаяны тонкие листочки серебра. Подвески являются копиями сассанидских монет (табл. VI, 6, 8); все они имеют небольшие грубо приделанные ушки. Изображения сохранились лишь на двух подвесках (слабое очертание жертвенника, по сторонам которого стоят два человека). Кроме того, в культурном слое оказалось несколько тонких листочков плющенного серебра.

III. Бронзовых предметов обнаружено много, причем у некоторых из них в бронзе содержалось значительное количество кобальта (см. приведенную выше таблицу — данные спектрального анализа):

1. Кресало, с двумя отверстиями (табл. V, 2), обрамленными змеями; ободок правого отверстия сильно обтерся в том месте, где оно привязывалось; от железной пластинки кресала почти ничего не осталось.

2. Односторонняя плоская подвеска, изображающая, повидимому, лося, однако общий вид животного напоминает скорее корову (табл. V, 4). Животное стоит на четырех толстых ногах; над передними ногами насечками сделан овал, пересеченный кривой чертой; на задней части туловища животного — кривой крест; на боку тремя насечками изображены ребра. Кривыми насечками украшен и постамент, поднимающийся к морде животного и соединяющийся с рогами. Подвеска имеет острые ребра, поскольку после литья она не была обработана (табл. V, 4).

3. Четыре подвески (табл. V, 6, 7, 8, 9) с изображением человеческих фигур, над головами которых располагается голова лося без рогов; все фигурки односторонние, сделаны грубо, имеют острые края и покрыты зеленоватой патиной.

4. Одна хорошо выполненная двусторонняя подвеска, изображающая, повидимому, гагару (табл. VI, 1), вылитая из бронзы, имеющей стальной цвет; на шее и на туловище птицы имеются глубокие ложбины, а на спине отверстие.

5. На другой односторонней подвеске изображена птица, напоминающая сову (табл. VI, 3); голова птицы сильно стерта, крылья обозначены глубокими ложбинами; на груди как будто бы намечается изображение человеческого лица; хвост прямой со слабыми насечками. Подвеска сделана из желтой бронзы и покрыта светлозеленой патиной; повидимому, она была посеребрена, так как кое-где на поверхности сохранился белый металл (серебро, см. приведенную выше таблицу спектрального анализа). Фигурка эта имеет слабо выпуклую лицевую сторону, а на вогнутой стороне — обломанное ушко, находящееся против грудной части птицы.

6. Зеркало с обломанными краями, сделанное из тонкой (0,5 мм) слегка выпуклой пластинки, на которой заметны параллельные царапины (табл. VI, 7); у края пластинки сделано маленькое отверстие, служившее

¹ В. А. Г о р о д ц о в. Подчеремский клад. СА, II, 1937, стр. 113 и сл.

² А. А. С п и ц ы н. Древности Камской чудл. МАР, т. 26, 1902, табл. XXXVIII, 2.

для подвешивания; бронза желтого цвета, покрытая с обеих сторон черной патиной.

7. Бронзовый браслет, вырезанный из пластинки (табл. VII, 3). Концы его слегка заострены. Металл светложелтый и хрупкий, вероятно, из-за присутствия цинка (см. таблицу — данные спектрального анализа); патина светлозеленоватая.

Кроме этих предметов, было найдено несколько вылитых из красноватой бронзы небольших пластинок с отверстиями (табл. VII, 4) и около десятка бус различной формы (табл. VII, 8, 9, 12, 13; табл. IX, 5, 6, 12). Все бусы литые, толстостенные, за исключением одной, имеющей очень тонкие стенки (табл. IX, 9). Два широких пластинчатых бронзовых браслета, сделанных из листоватого металла, имеют светлозеленую патину; на одном из них (табл. VIII, 1) нанесен ромбический орнамент из слабо выпуклых бугорков, а на другом (табл. VIII, 4) острым инструментом нанесены неглубокие зигзагообразные мелкие парapiны, идущие двумя перекрещивающимися линиями посередине и прямыми — вдоль краев браслета. Рисунок выполнен небрежно и несимметрично. Сделанная из желтой бронзы цепочка имеет оригинальное сцепление (табл. IX, 1). Найдена овальная пластинка с нацарапанным оленем (табл. X, 2). Помимо этого, обнаружено несколько бронзовых спиралей (табл. X, 4, 9, 10) и пластин (табл. X, 11, 12, 14), на одной из которых сохранился кожаный (?) плетеный ремешок (табл. X, 12).

Кроме предметов, извлеченных из культурного слоя, недалеко от жертвенного места были найдены отдельно бронзовые вещи (рис. 3). Так, на стоянке № 2 обнаружена спиральная привеска с ушком и тремя подвесками в виде бубенчиков (одна подвеска утрачена); они были сделаны из желтой бронзы и покрыты голубовато-зеленой патиной (табл. XIII, 1). На стоянке № 1 найдена односторонняя пряжка из желтой бронзы с изображением медвежьей головы. Здесь же оказались бубенчики (табл. XIII, 6, 7) и обломок от неизвестного предмета (табл. XIII, 8). На стоянке № 3 найдены фигурка, изображающая, по всей вероятности, тюленя (табл. XIII, 4), и кусок бронзового слитка (табл. XIII, 5). Металл обоих предметов, видимо, один и тот же, он покрыт светлозеленой патиной.

IV Предметов, вылитых из меди, оказалось немного:

1. Односторонняя выпуклая подвеска с изображением хищной птицы (совы ? — табл. V, 1), сделанная из желто-красной меди и имеющая патину зеленого цвета. На груди птицы — три овальных отверстия; нижнее из них значительно больше остальных, так как, по видимому, за это отверстие подвеска привязывалась. Подвеска сильно обтерта и нагрудный рисунок неясен.

2. Односторонняя, слегка выпуклая пряжка, на которой сохранился кожаный ремешок; в средней части пряжки изображена медвежья голова, по бокам — две лапы с тремя насечками, обозначающими когти (табл. V, 3). Пряжка вылита из красной меди и покрылась сверху зеленой патиной.

3. Из четырех браслетов один сделан из пластинки и украшен ромбическим узором из зигзагообразных линий (табл. VIII, 3), второй — литой, сделанный из круглого в сечении прута, концы которого уплощены (табл. VIII, 2) и украшены кружковым орнаментом в три ряда; на самых концах — четыре поперечных валика. Вылит браслет из красной меди и покрыт зеленой патиной. На браслете, сделанном из пластинки 2 мм толщиной (табл. VIII, 3), орнамент сходен с орнаментом на описанном выше бронзовом браслете (табл. VIII, 4). В металле содержится примесь цинка (см. таблицу — данные спектрального анализа), поэтому он менее яркого

цвета, чем остальные медные предметы. Два других браслета найдены в обломках. Один из них вылит из бело-желтой меди, покрыт зеленой патиной (табл. IX, 2); на конце он был украшен изображением головы какого-то зверя с ушами и геометрическим орнаментом из насечек. От следующего браслета, вылитого из желтой меди, найден конец с неясным, сильно стертým рисунком (табл. IX, 13).

Из меди сделано несколько полых бусин (табл. IX, 3) и пепочка, найденная на стоянке № 1 (табл. XIII, 3). Кроме этого, были обнаружены различные мелкие предметы, представленные на табл. IX и X; среди них есть спирали, проволоки, пластинки, пуговицы и др.

V Из культурного слоя были извлечены железные наконечники дротиков, копий и один нож. Наконечники имеют различную форму. Один из них узкий, длинный, четырехгранной формы, с двумя жальцами в средней части (табл. XI, 1); второй — продолговатой формы с сохранившимся куском сильно выветренной кости (табл. XI, 2). Найдены два наконечника ланцетовидной формы с втульчатым насадом (табл. XI, 3; табл. XII, 5) и два наконечника с двурогим острием (табл. XI, 5, 6). Четыре наконечника оказались с черешковым насадом (табл. XII, 1, 2, 3, 4). Нож был найден с кольцом от ножен (табл. XI, 4). Кроме того, из железных предметов обнаружена цепь, а также большое количество мелких кусочков от неизвестных предметов.

VI. Среди предметов из культурного слоя были найдены две шаровидные бусины из золотисто-оранжевого полупрозрачного сердолика. Бусины имеют узкие отверстия, высверленные алмазным сверлом с обеих сторон так, что их отверстия не совсем совпадают в средней части бусины (табл. IX, 4).

* * *

Не имея достаточного времени для детального изучения культурного слоя жертвенного места и располагая всего лишь несколькими часами, притом во время сильного дождя, мы вынуждены были произвести расчистку, чтобы иметь представление об этом историческом памятнике в труднодоступной части Большеземельской тундры. Нашими расчистками вскрыта очень незначительная часть жертвенного места (рис. 5); следует думать, что при детальном исследовании остальной части жертвенного места археологи в будущем смогут установить его точную стратиграфию.

Данное жертвенное место расположено в районе золотых песков, поэтому материал в слое местами был перепутан. Таким образом, к изучению стратиграфии культурного слоя следует подходить с большой осторожностью. В настоящее время у нас нет достаточной уверенности в стратиграфической диаграмме (рис. 6), в которой мы отметили лишь места наших находок, и мы можем дать только общую характеристику обнаруженного нами единственного жертвенного места в Большеземельской тундре.

На основании имеющегося материала, извлеченного из жертвенного места, можно сделать следующие выводы.

Наличие в культурном слое исключительно оленьих черепов с рогами указывает на то, что данное место, безусловно, являлось пунктом жертвоприношений. Отсутствие в культурном слое других костей говорит о том, что в качестве жертвы приносились одни лишь оленьи головы. Нахождение одних рогов без черепа может быть объяснено тем, что жертвы растаскивались зверями (песцами и волками).

Тонкие углистые линзочки в культурном слое указывают, повидному, на неоднократное устройство костров на месте жертвоприношения.

Несомненно, что при переивании золотых песков во время образования песчаного бугра предметы поздних жертвоприношений могли спуститься и смешаться с предметами более ранних жертвоприношений. Так, например, железные наконечники и керамика, относящиеся к разному времени, были обнаружены лежащими рядом.

Поскольку из нижней половины культурного слоя жертвенного места были извлечены глиняные черепки, имеющие сходный орнамент с сосудами большинства древних стоянок Большеземельской тундры, постольку мы имеем основание эту часть культурного слоя относить к I тысячелетию до н. э.¹

Появление в верхней половине культурного слоя жертвенного места черепков, имеющих орнамент более сложного рисунка (орнаментация некоторых сосудов четырьмя различными штампами, имеющими при этом фигурный рисунок), заставляет нас относить эту часть культурного слоя к более позднему времени.

Присутствие в верхней половине культурного слоя небольших глиняных горшков без характерного нагара на них может указывать отчасти на то, что, кроме металлических предметов, в жертву, возможно, приносились специально сделанные маленькие горшочки с хорошо выполненным рисунком.

Цельных горшков найдено не было, но наличие большого количества черепков от одного сосуда в одном месте указывает на то, что горшки ставились целиком, но были раздавлены впоследствии золотыми песками. Возможно, что мелкие сосуды с низким поддоном являются специальными сосудами, предназначенными для жертвоприношения, так как одновременно с ними были обнаружены и круглодонные сосуды. Аналогичных сосудов с низким поддоном на стоянках Большеземельской тундры нигде обнаружено не было. Это обстоятельство говорит в пользу сделанного предположения, что данные сосуды могут быть найдены лишь в жертвенных местах. На сосудах с поддоном мы видим, что орнамент спускается гирляндами, выполненными штампами, очень сходными с теми, которыми часто орнаментировались сосуды, обнаруженные в низовьях р. Оби. Так, например, глиняные сосуды, найденные С. Г. Бочем² и В. Н. Чернецовым³ на стоянке Сартинья I, имеют орнамент, несколько сходный с орнаментом рассмотренных нами сосудов с поддоном⁴.

Черепки с похожим орнаментом были найдены нами на р. Щучьей⁵. Отдельные сходные элементы орнамента наблюдаются на усть-полульской керамике⁶.

Горшки с аналогичным низким поддоном известны на западном побережье полуострова Ямал, на мысе Тиутей-сале⁷.

¹ Г. А. Чернов. Археологические находки в центральной части Большеземельской тундры; е г о ж е. Стоянки древнего человека в бассейне реки Печоры; е г о ж е. Археологические находки в восточной части Большеземельской тундры; е г о ж е. Стоянки древнего человека в северной части Большеземельской тундры.

² С. Г. Боч. Стоянки в бассейнах Северной Сосвы и Конды. Труды Четвертичной комиссии, т. V, вып. 1, 1937.

³ В. Н. Чернецов. Очерк этногенеза обских югров. КСИИМК, IX, 1941, стр. 18—28; е г о ж е. Древняя приморская культура на полуострове Ямал. «Советская этнография», 1935, № 4—5.

⁴ В. Н. Чернецов. Очерк этногенеза обских югров. КСИИМК, IX, 1941, рис. 2, фиг. 14 и 18; С. Г. Боч. Ук. соч., табл. III, рис. 1.

⁵ Г. А. Чернов. Археологические находки на р. Щучьей. КСИИМК, XL, 1951, стр. 95—104.

⁶ В. Н. Чернецов. Результаты археологической разведки в Омской области. КСИИМК, XVII, 1947, стр. 79—91.

⁷ В. Н. Чернецов. Древняя приморская культура на полуострове Ямал.

Среди найденных металлических предметов в верхней половине культурного слоя оказались предметы, тождественные и сходные с вещами, уже известными в литературе. Найденный нами «кулон» (табл. VI, 2) является точной копией «кулона» из Подчеремского клада, описанного В. А. Городцовым¹ и отнесенного им к III—IV вв. н. э. Аналогичный «кулон» известен из с. Георгиевского². Медная пряжка с медвежьей головой (табл. V, 3) и бронзовое кресало (табл. V, 2) являются копиями пряжки и кресала из дер. Загорье³.

Некоторое сходство имеют медная подвеска (табл. V, 1) и цепочка (табл. IX, 1) с подвеской из дер. Михалево⁴.

Есть сходство и в браслетах. Так, например, один найденный нами браслет (табл. VIII, 2) сходен с браслетом из дер. Коча⁵, а другой браслет (табл. VIII, 3) — с браслетом из дер. Герд-Кухет и с браслетом, представленным в работе Н. Г. Первухина⁶.

Можно наблюдать некоторое сходство рассмотренных нами подвесок (табл. VI, 6, 8) с подвесками с р. Ухты⁷. Монеты, подобные найденным нами (табл. VI, 6, 8), есть у А. А. Спицына в его работе «Древности камской чуди»⁸. (найденны в дер. Вакиной).

Ф. А. Теплоуховым⁹ описан ряд предметов, имеющих большое сходство с нашими находками.

Сходство заметно и в железных наконечниках стрел. А. А. Спицыным приведены наконечники со стрелами из с. Пльинского, которые датируются им III и VI веками н. э., и наконечник из дер. Бузуево, который датируется уже XIII—XIV веками н. э.¹⁰

Возможно, что данные наконечники стрел попали в жертвенное место значительно позже, чем остальные предметы.

Таким образом, большинство металлических предметов, извлеченных из верхней части культурного слоя жертвенного места, можно датировать III — XI веками н. э.

¹ В. А. Городцов. Подчеремский клад.

² А. А. Спицын. Древности Камской чуди, табл. XXXVIII, 2.

³ Там же, табл. XVI, 10; табл. XVII, 3.

⁴ Там же, табл. V, 18.

⁵ Там же, табл. XV, 22.

⁶ Н. Г. Первухин. Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губ. Материалы по археологии восточных губерний, вып. II, 1896, табл. XV, 1.

⁷ А. А. Спицын. Шаманские изображения. ЗРАО, т. VIII, вып. 1, 1906.

⁸ А. А. Спицын. Древности камской чуди, табл. VII, рис. 17.

⁹ Ф. А. Теплоухов. Древности Пермской чуди из серебра и золота и ее торговые пути. «Пермский край», вып. III, 1895 (V — VII вв. и IX—X вв.). Ср.:

Предметы жертвенного места Предметы, описанные Ф. А. Теплоуховым

Изображенный на табл. IX, 3	сходен с представленным на табл. IX, 19
IX, 7, 8, 10, 11	IX, 6
VII, 8	VI
IX, 5	XI, 14
XIII, 1	IX, 8
X,	XIII, 8
IX, 1	XIII, 20
X, 4, 10	XV, 5
VIII, 2	XVI, 6

¹⁰ А. А. Спицын. Древности камской чуди, табл. I, рис. 40, 41 и табл. XXVII, рис. 13.

По данным В. Н. Чернецова¹, появление «белой бронзы», содержащей олова до 20% и более, в низовье Оби падает на первые века нашей эры. В большинстве случаев бронза встречается в виде культовых предметов.

Сердоликовые бусы, по определению Г. Г. Леммлейна, происходят, по видимому, из месторождения в Юго-западной Аравии (Иемен) и являются продуктом ирано-арабской торговли. Судя по технике сверления бус, они отвечают пятому типу, установленному Г. Г. Леммлейном². Время производства этих бус относится к VIII—IV вв. до н. э.

Большинство металлических вещей, извлеченных из культурного слоя, безусловно, было привезено из южных районов, где были известны аналогичные предметы («жулон», бусы, серьги, браслеты, кресало, пряжки и т. п.). Нам кажется, что эти вещи могли, скорее всего, проникнуть в Большеземельскую тундру с р. Камы, через верховье р. Печоры, где были также обнаружены металлические предметы. Не исключена, однако, возможность, что они в конце I тысячелетия н. э. могли проникать и с запада — из Архангельска — в низовье Печоры. Как отмечает в своей работе Ф. С. Томилов³, древнейшие обитатели Севера частично были оттеснены в сторону Северного Урала русскими, пришедшими с юга на побережье Белого моря.

Найденные в жертвенном месте кусочки металла, имеющие иногда тот же состав, несомненно, указывают, что некоторые фигурки были отлиты на месте. Подтверждением этому могут служить, например, фигурки человека с головой лося над ним (табл. V, 6—9) и фигурка тюленя (табл. XIII, 4), который был, конечно, известен жителям побережья Баренцова моря.

Мифические фигуры с изображением медвежьей головы, птиц и лося имеют некоторое сходство с предметами чудского жертвенного места на р. Колве. Здесь среди предметов религиозного культа Ф. А. Теплоухов⁴ отмечает фигуру мифического животного — ящера и человеческую фигуру со звериной головой, названные драконовидными. Фигурки, подобные описанным (табл. V, 6—9), найдены и на р. Колве; они отлиты из желтой меди и покрыты серо-зеленой и черной патиной. На приведенных нами фигурках ящера внизу нет, но над головой человека находится как бы вместо головного убора лосиная голова⁵.

В. М. Новицкий⁶ указывает, что в жертвенных обрядах, особенно у более северных угров и самоедов, видное место занимает умерщвление северного оленя, отражение чего мы находим на некоторых предметах из жертвенного места в Большеземельской тундре (табл. V, 4; табл. X, 2).

Обнаруженные предметы говорят в пользу того, что мы имеем дело именно с жертвенным местом, а не с другим каким-либо памятником.

¹ В. Н. Чернецов. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье. Тр. Ин-та этнографии, т. I, 1947, стр. 113—125.

² Г. Г. Леммлейн. Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе. КСИИМК, XVIII, 1947, стр. 22—30.

³ Ф. С. Томилов. Север в далеком прошлом. ОГИЗ, Архангельск, 1947.

⁴ Ф. А. Теплоухов. Древности Пермской чуди в виде баснословных людей и животных. «Пермский край», вып. II, 1893; его же. Пермская чуда и ее культурная обстановка. Пермские губернские ведомости, 1894, № 101—103; его же. Чудское жертвенное место на р. Колве. Труды ПУАК, вып. III, 1896 (VII в.), стр. 131—151.

⁵ А. Н. Анучин. К истории искусства и верований у Приуральской чуди. Материалы по археологии восточных губерний, т. III, 1899.

⁶ В. М. Новицкий. Дюнные стоянки в дельте Оби. Труды Об-ва естествоиспыт. при Казанском ун-те, т. XI, вып. 1, 1916.

В заключение следует отметить, что, кроме описанных металлических предметов, ранее нами были сделаны в Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте отдельные находки различных бронзовых, медных и железных вещей. Так, у устья р. Падимей-вис¹ был найден железный наконечник стрелы, подобный представленному на табл. XI, 6. На р. Колва-вис на стоянке № 23 (Злоба)² были найдены два латунных кольца, железные

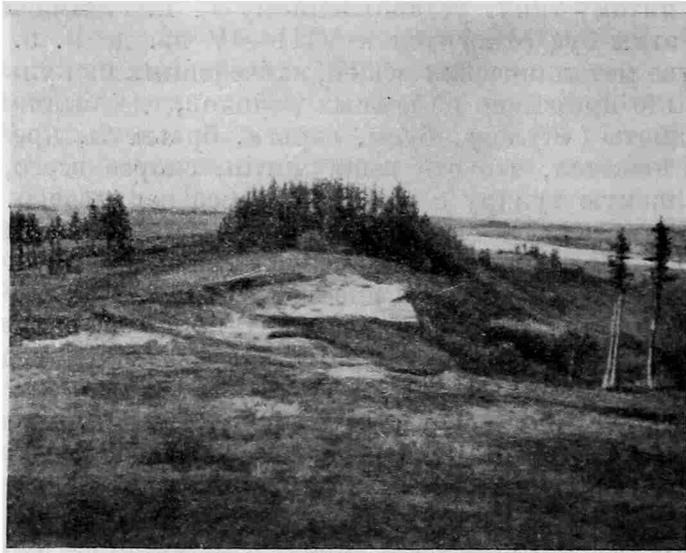

Рис. 7. Стоянка, расположенная к северу от жертвенного места (около леса — древняя могила).

и стеклянные вещи. У устья р. Сандибей-ю обнаружена бронзовая фигурка, на стоянке № 1 — бронзовый амулет, на стоянке № 25 — кусочки бронзы³. В низовье р. Печоры⁴ был найден железный наконечник стрелы. На р. Большой Роговой⁵ у устья р. Малек-вис и на р. Падимей-вис (стоянки № 5 и 20) были найдены кусочки бронзы, а на стоянке № 26 — бронзовый амулет. Укажем также на наши находки металлических предметов на р. Щучьей⁶, где были обнаружены медное кресало, бронзовые, медные, латунные и железные вещи. Кроме того, как мне известно⁷, в 1946 г. в верховьях р. Лангот-юган был найден клад бронзовых, медных и железных предметов; некоторые из них имеют сходство, с одной стороны, с вещами Подчеремского клада⁸ и, с другой — с вещами Зеленой горки⁹.

¹ Г. А. Чернов. Археологические находки в восточной части Большеземельской тундры.

² Г. А. Чернов. Археологические находки в центральной части Большеземельской тундры.

³ Там же.

⁴ Г. А. Чернов. Стоянки древнего человека в бассейне реки Печоры, рис. 24, 35.

⁵ Г. А. Чернов. Археологические находки в восточной части Большеземельской тундры.

⁶ Г. А. Чернов. Археологические находки на р. Щучьей.

⁷ Со слов сотрудника Воркутстроя т. Блохина.

⁸ В. А. Городцов. Подчеремский клад.

⁹ В. Н. Чернецов. Зеленая горка близ Салехарда. КСИИМК, XXV, 1949, рис. 24, 3.

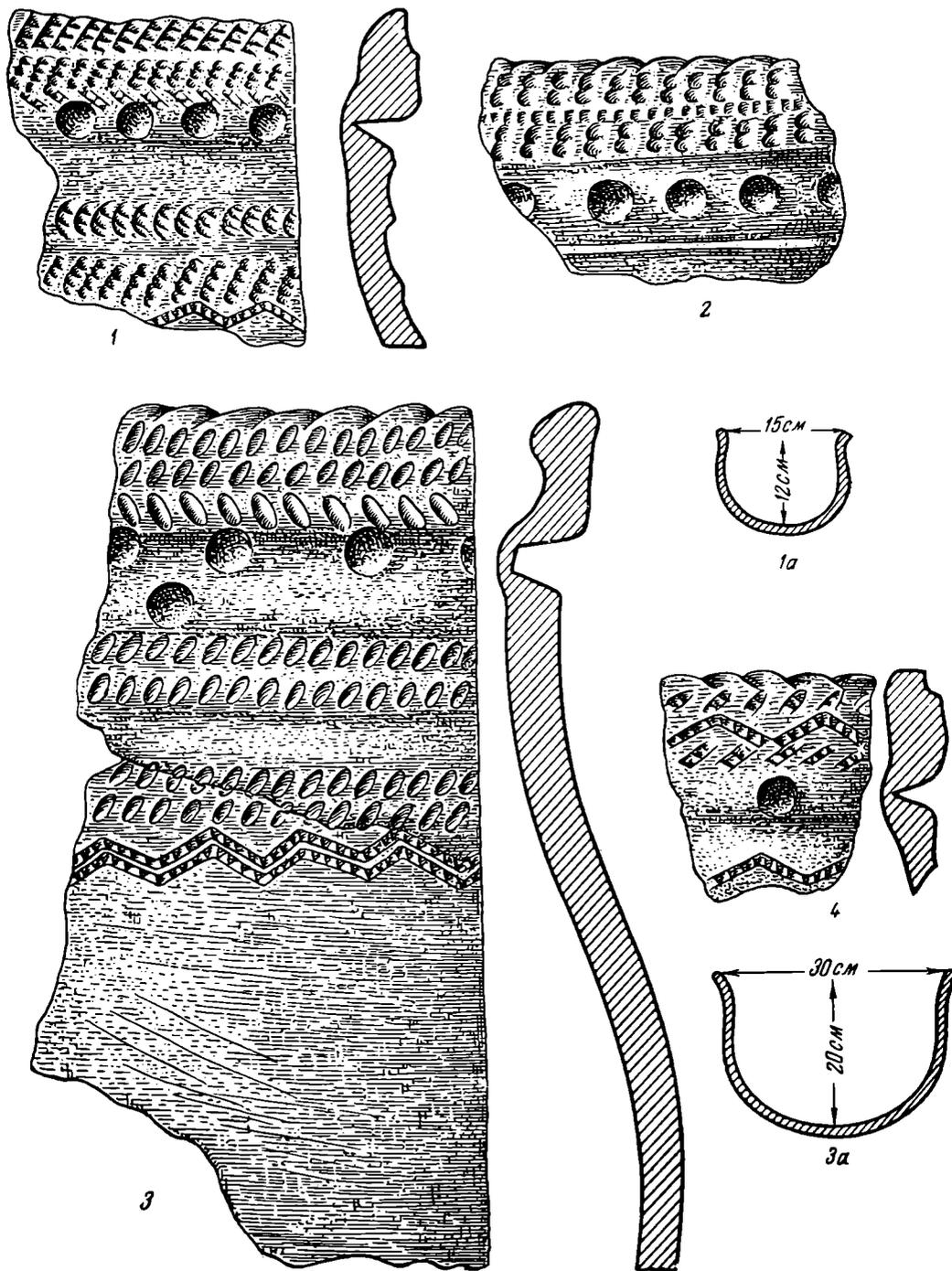

Табл. I. Фрагменты сосудов с ямочно-гребенчатым орнаментом из нижней части культурного слоя жертвенного места.

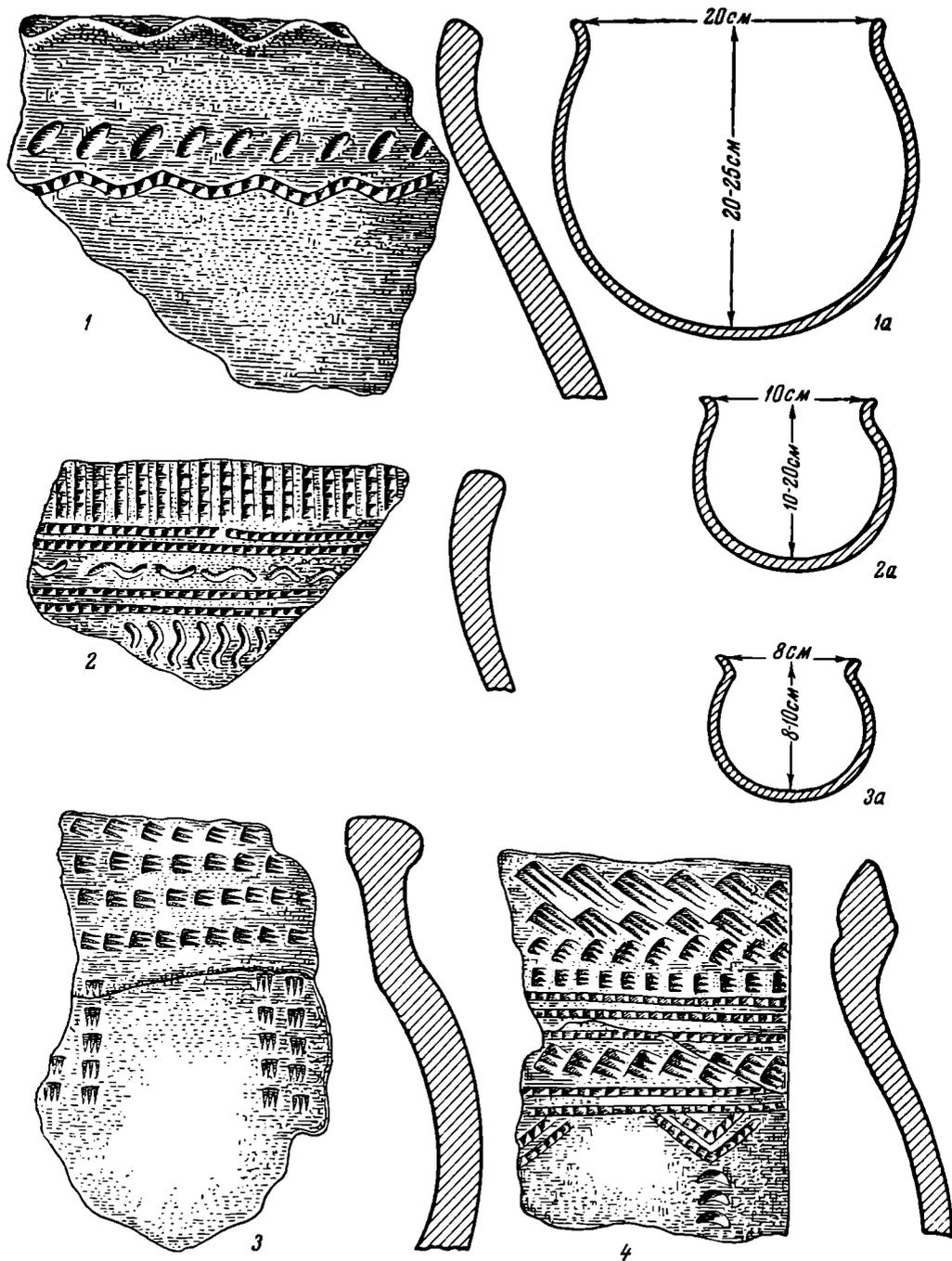

Табл. II. Фрагменты сосудов с гребенчатым орнаментом из верхней части культурного слоя жертвенного места.

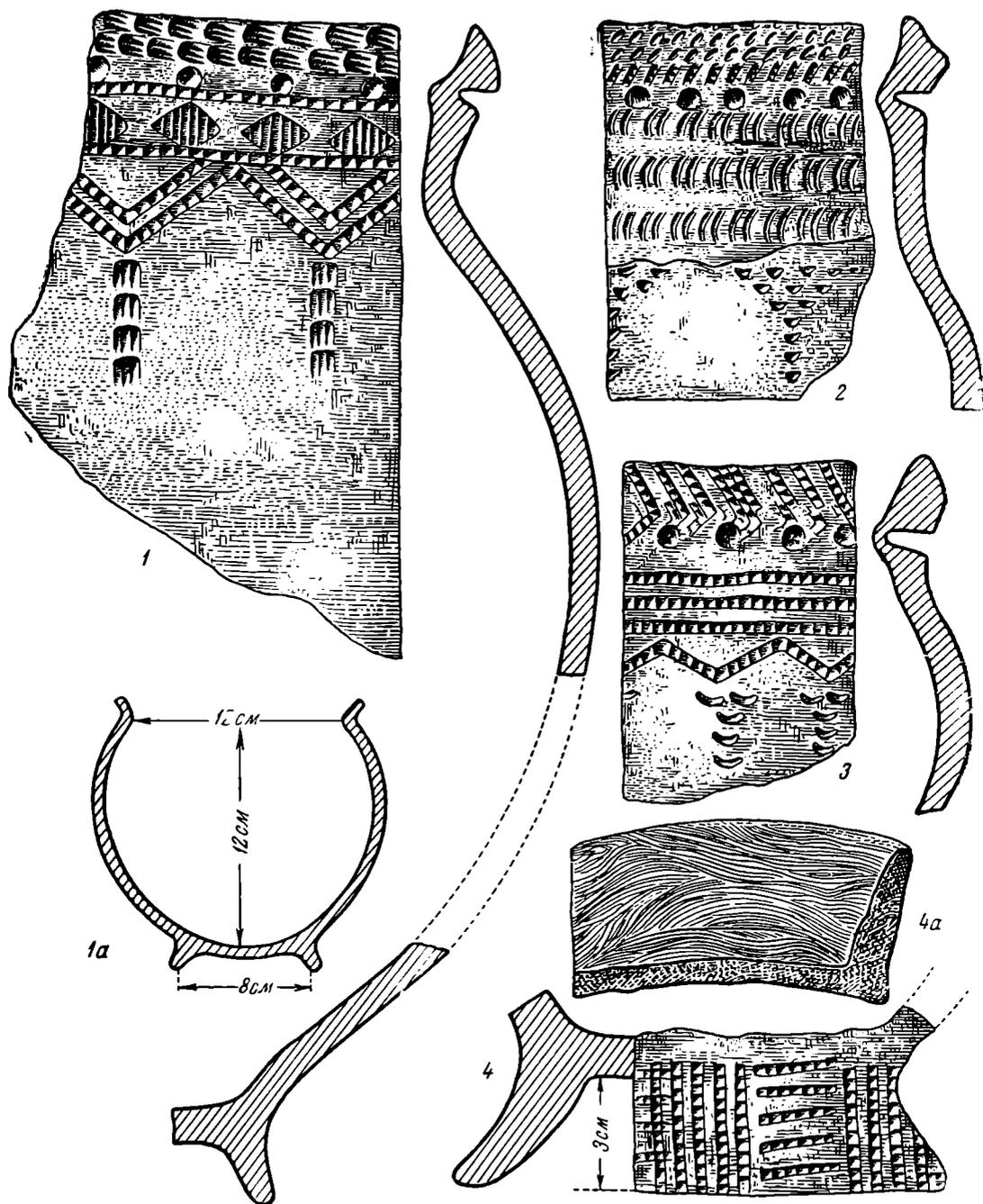

Табл. III. Фрагменты сосудов с поддоном и с ямочно-гребенчатым орнаментом из верхней части культурного слоя жертвенного места.

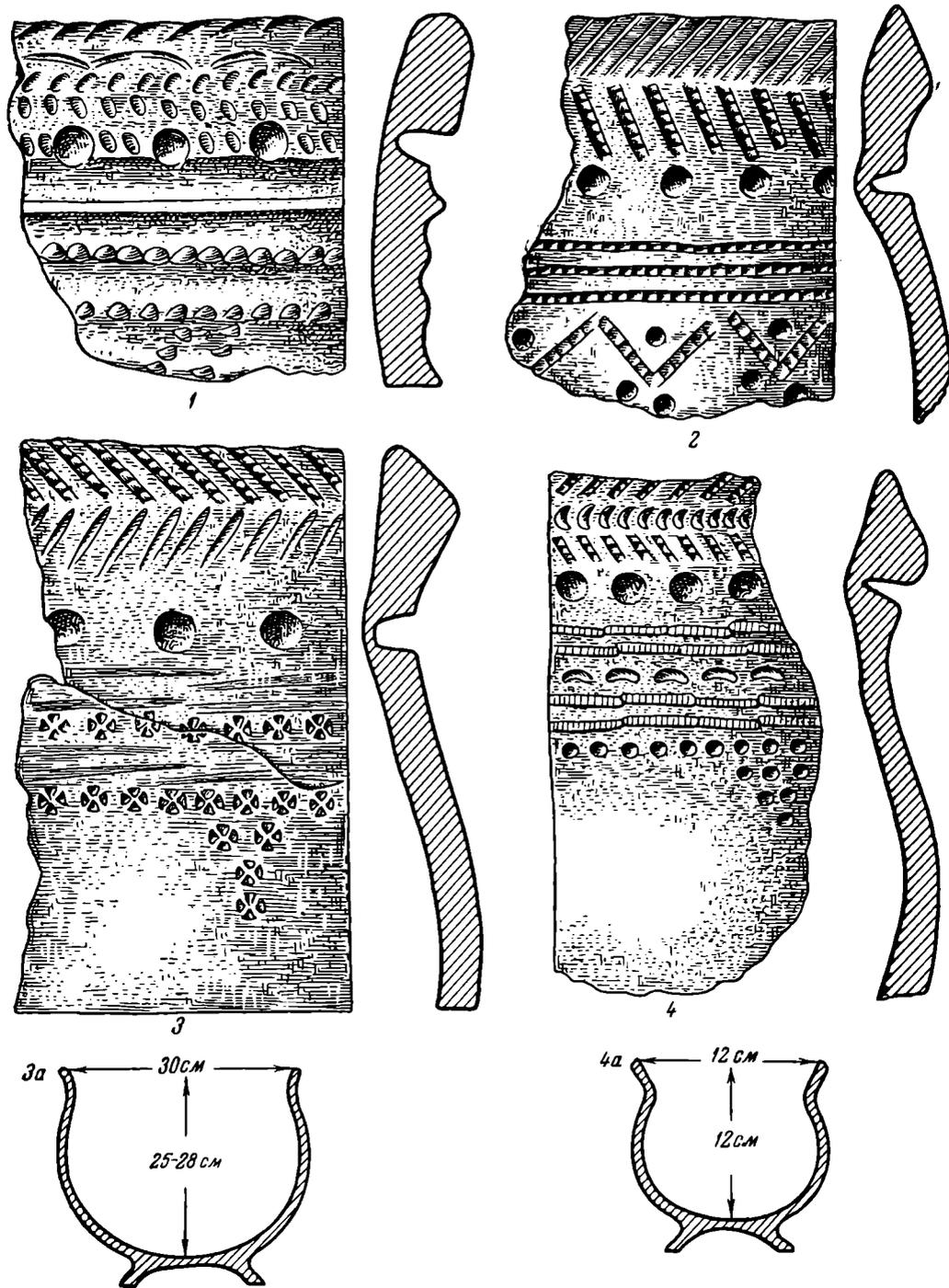

Табл. IV. Фрагменты сосудов с поддоном и с ямочно-гребенчатым орнаментом из верхней части культурного слоя жертвенного места.

Табл. V Металлические предметы из верхней части культурного слоя жертвенного места.

1, 3 — медь; 4, — бронза с кобальтом; 1, 8, 9 — бронза; 5 — серебро с бронзой и цинком.

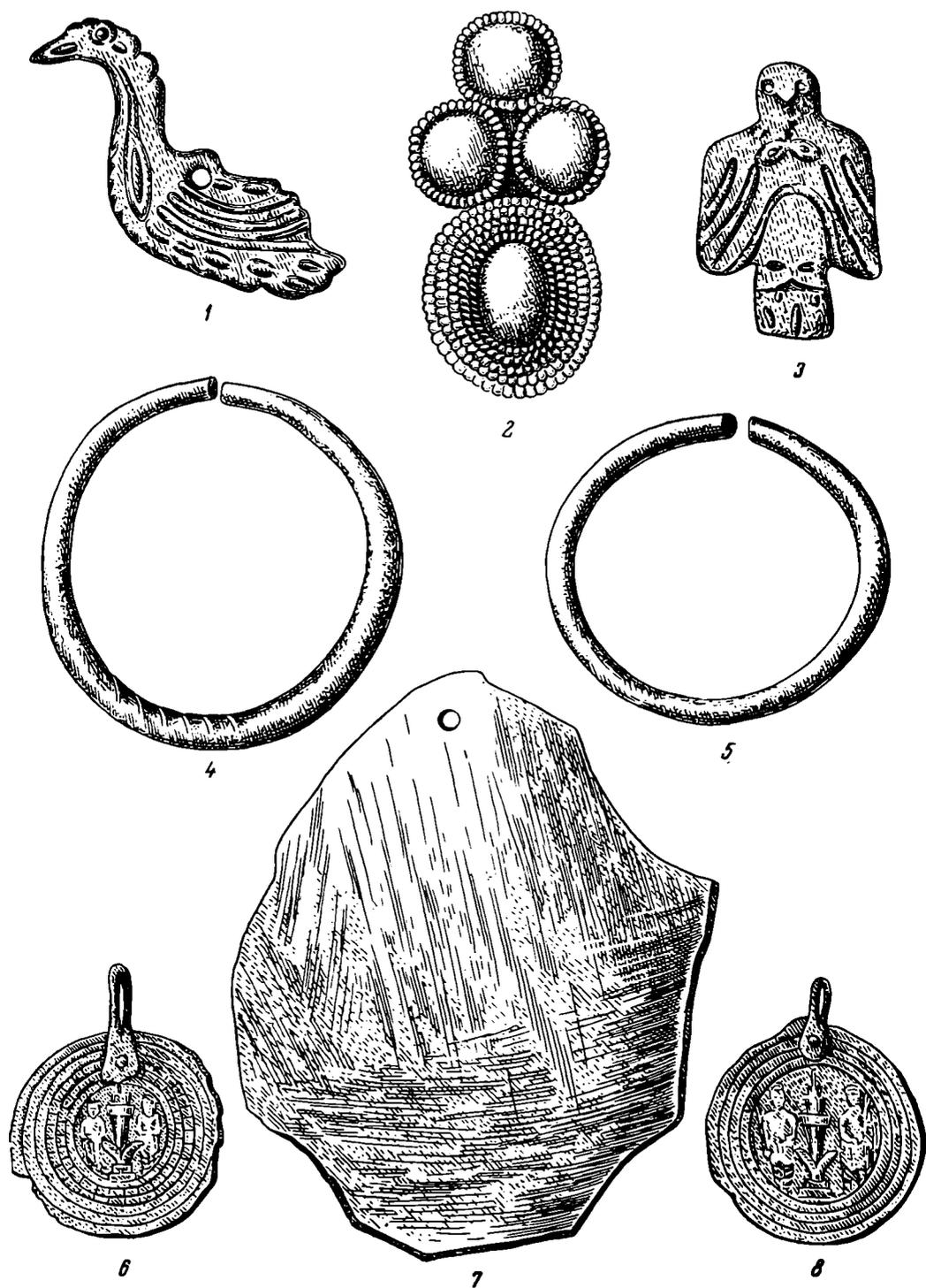

Табл. VI. Металлические предметы из верхней части культурного слоя
жертвенного места.

1, 3, 7 — бронза; 2, 8 — серебро с бронзой; 4, 5 — серебро.

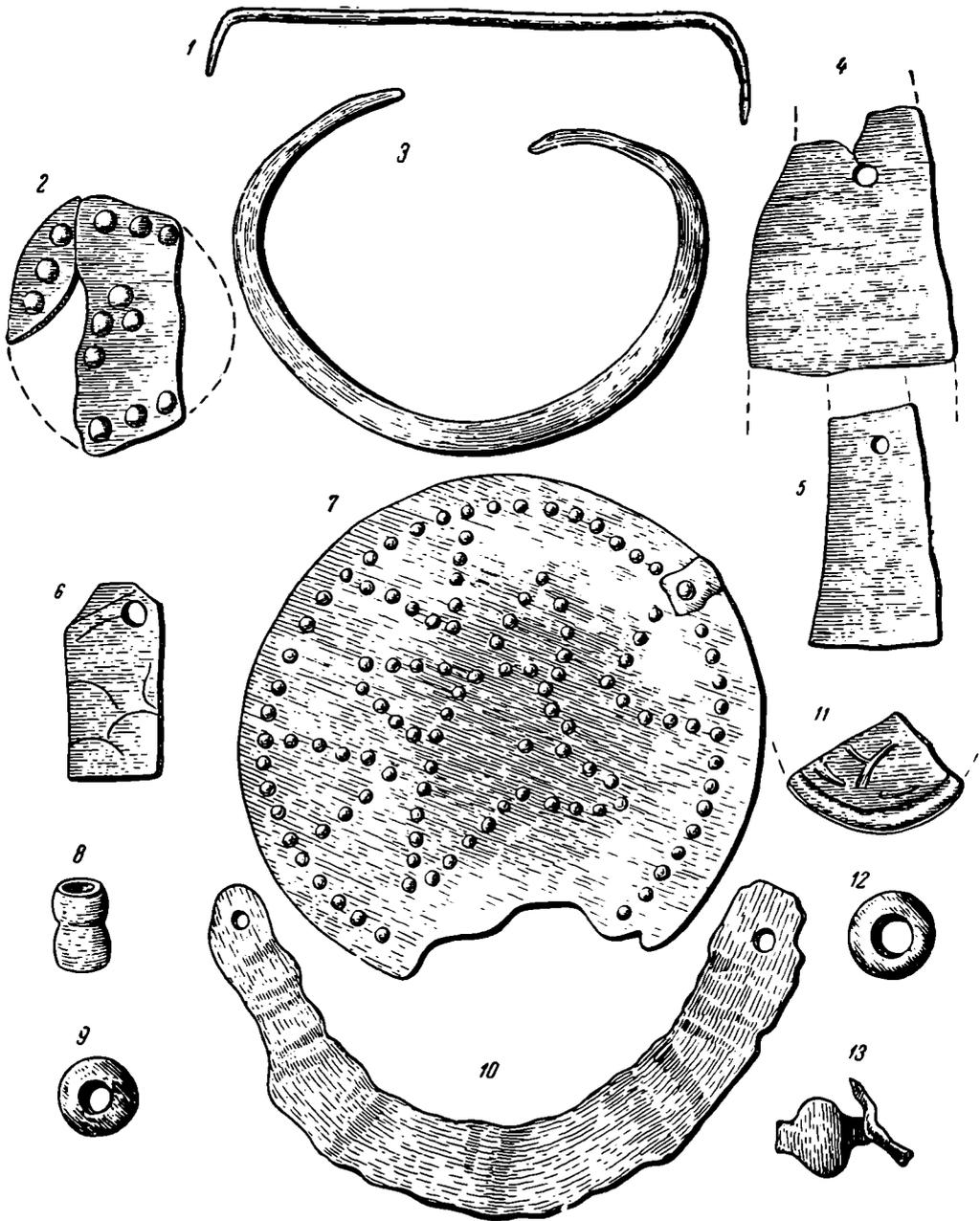

Табл. VII. Металлические предметы из верхней части культурного слоя жертвенного места.

1, 2, 5, 6, 10— серебро; 3, 1 — бронза с кобальтом; 13 — бронза.

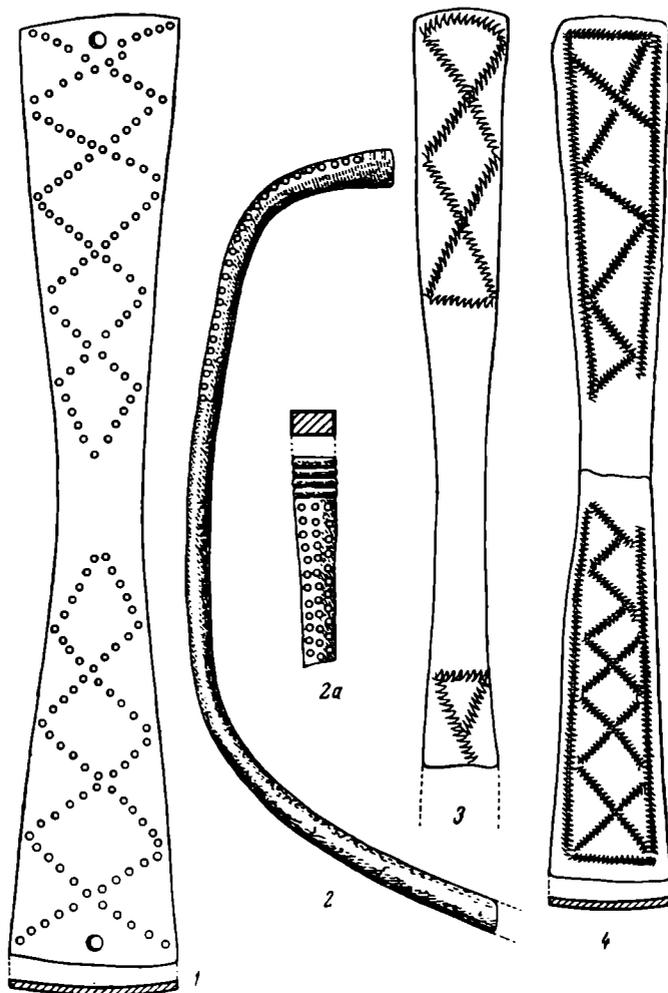

Табл. VIII. Металлические предметы из верхней части культурного слоя жертвенного места.

1, 4 — бронза с кобальтом; 2, 3 — медь.

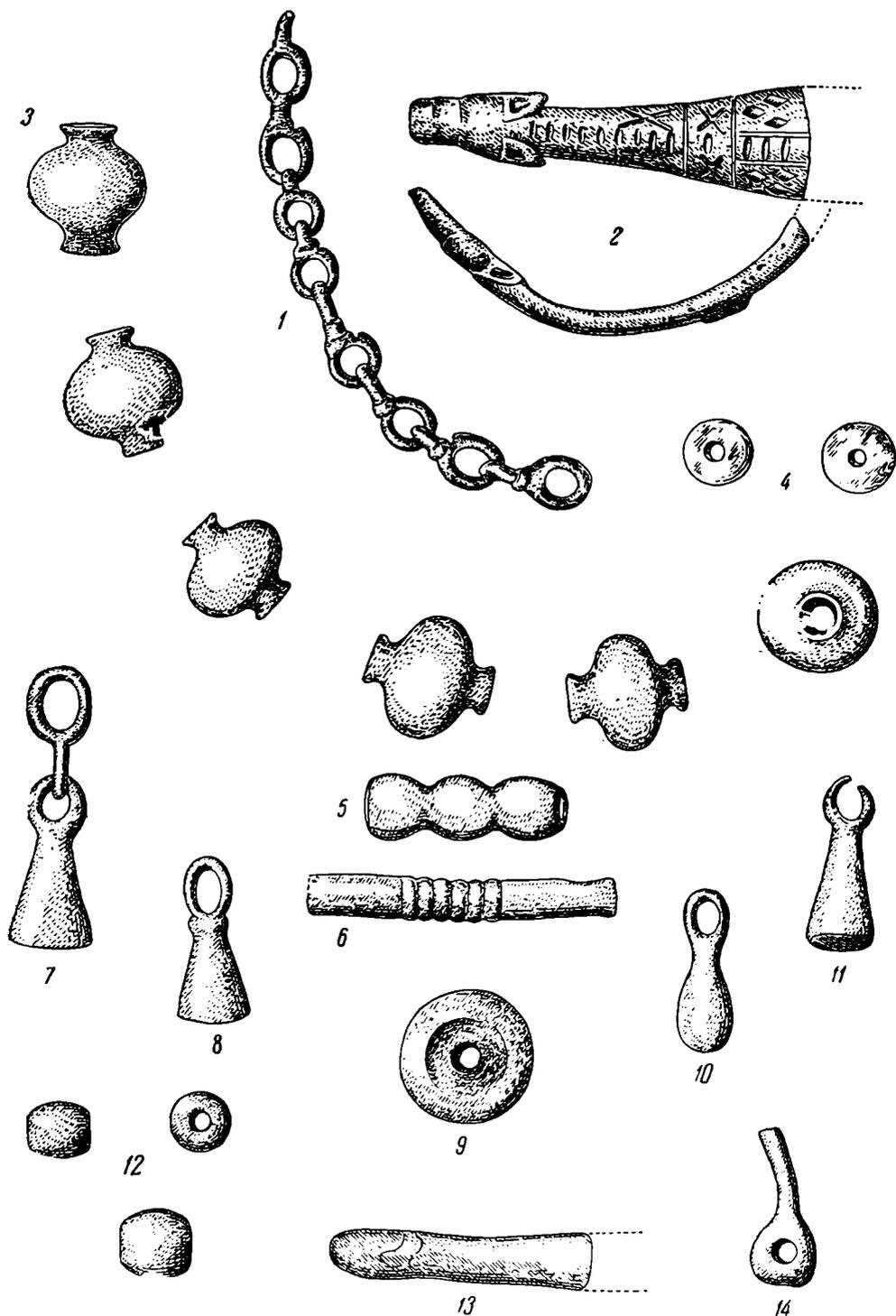

Табл. IX. Металлические предметы из верхней части культурного слоя жертвенного места.

1 — бронза с цинком; 2 — медь; 3, 13 — медь с цинком; 4 — сердолик (бусина); 6 — бронза.

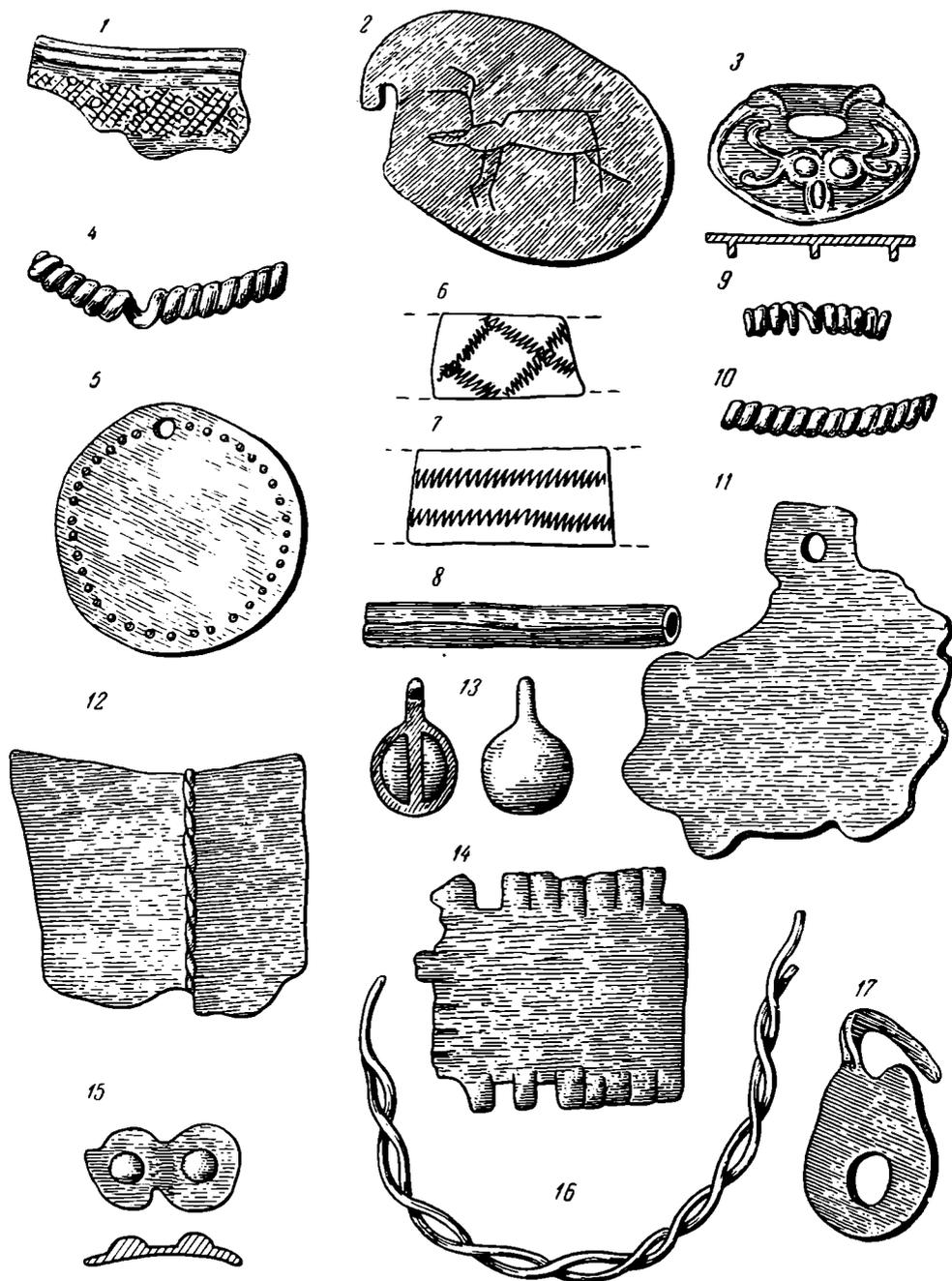

Табл. X. Металлические предметы из верхней части культурного слоя жертвенного места.

2 — бронза; 5 — серебро; 10, 14 — бронза с кобальтом.

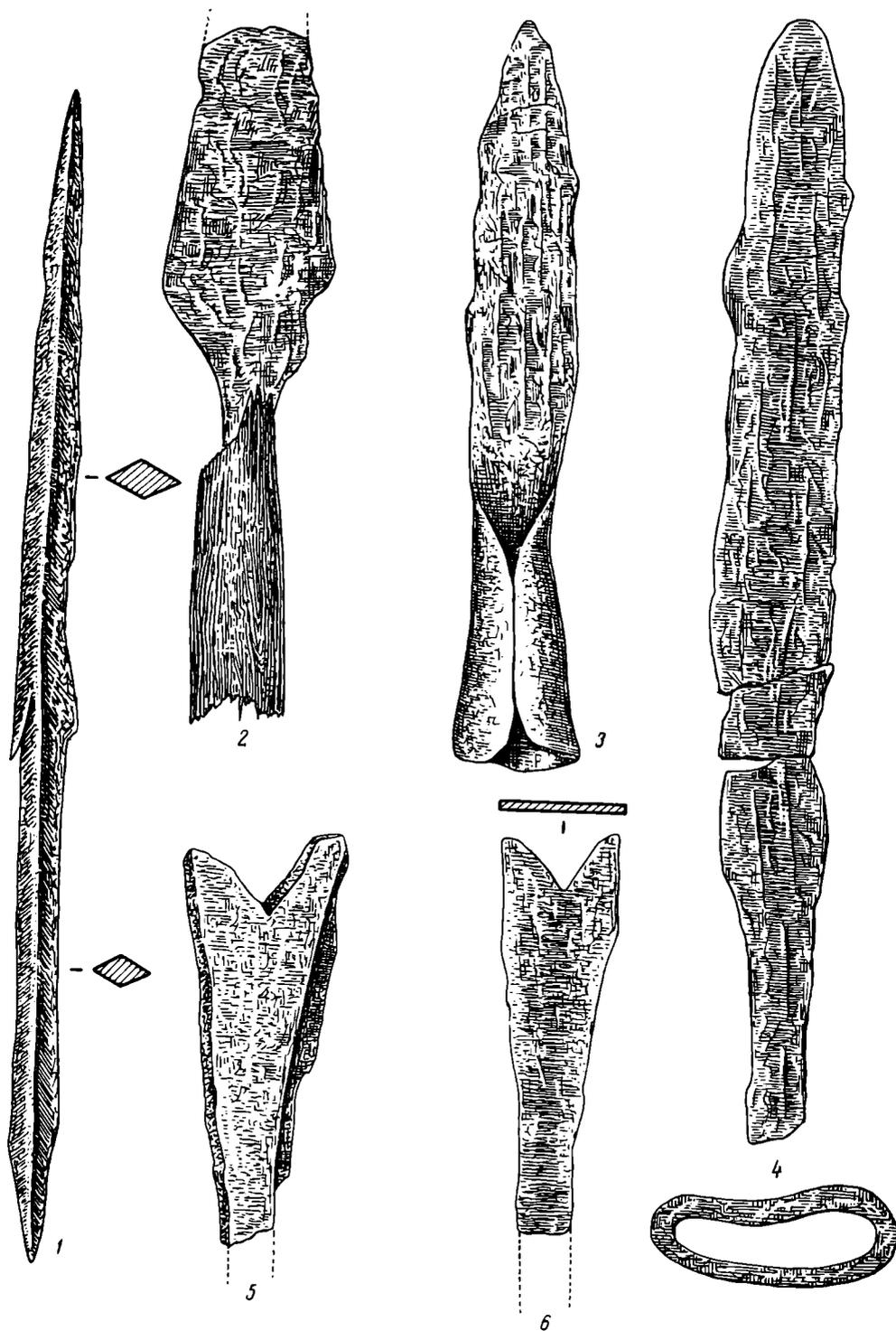

Табл. XI. Железные наконечники стрел из верхней части культурного слоя жертвенного места.

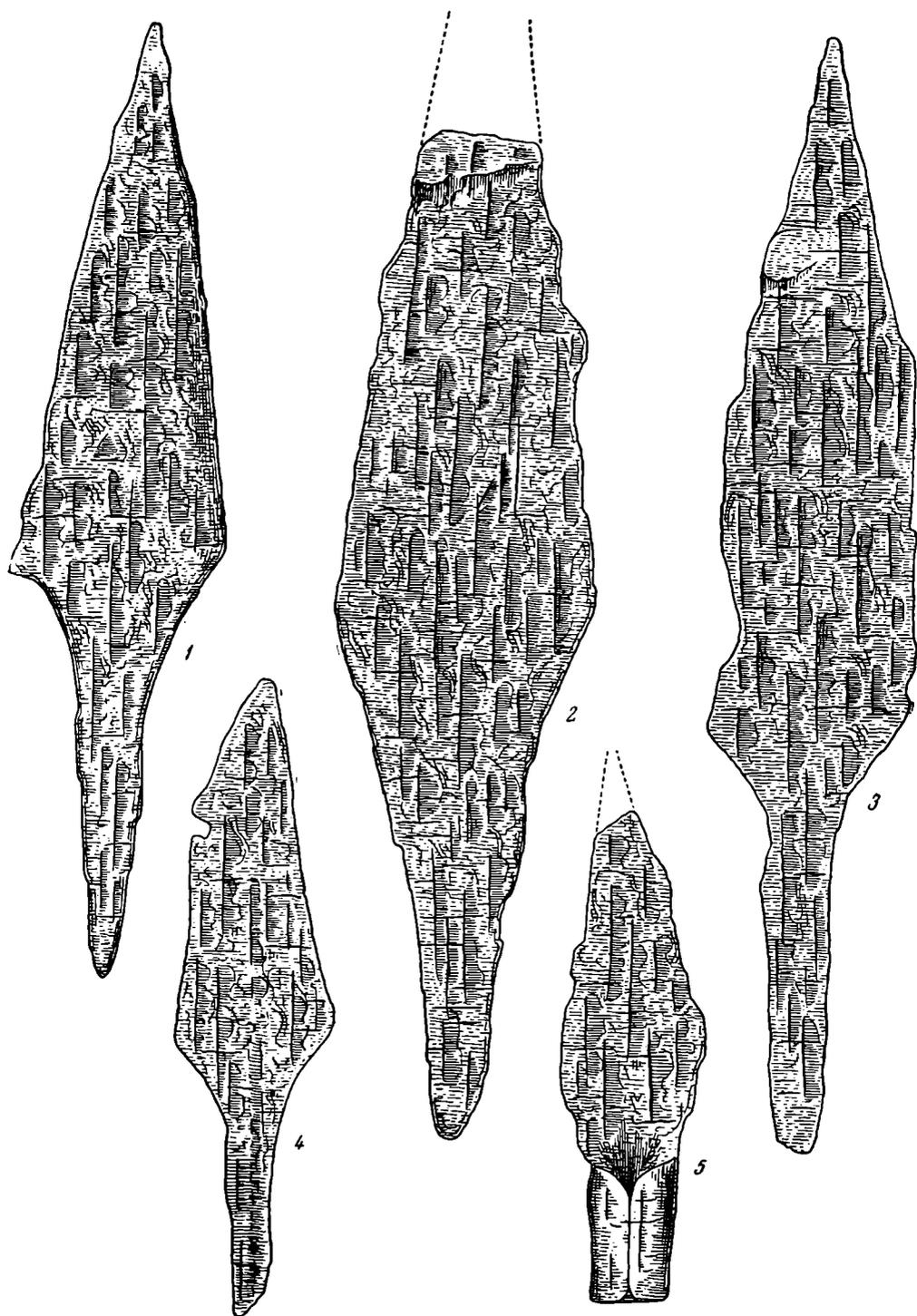

Табл. XII. Железные наконечники стрел и копий из верхней части культурного слоя жертвенного места.

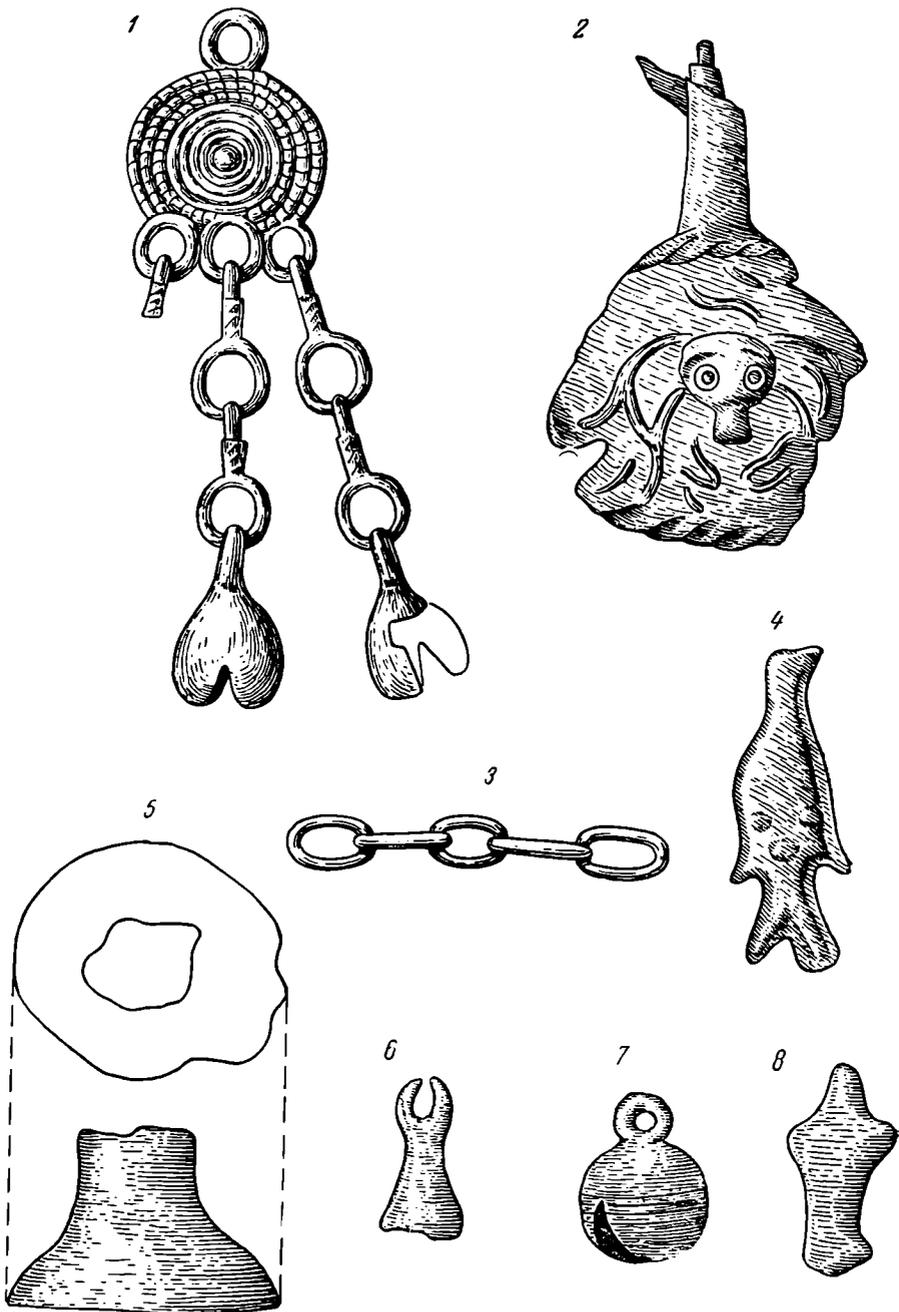

Табл. XIII. Отдельные находки металлических предметов вблизи жертвенного места.

1 — бронзовая серьга с подвесками со стоянки № 2; 2, 3, 6, 7, 8 — медные и бронзовые предметы со стоянки № 1; 4, 5 — бронзовая фигурна тюленя и слиток бронзы со стоянки № 3.

Все эти единичные находки, сделанные в различных частях Большеземельской тундры, говорят о том, что металлические предметы проникали во все уголки труднодоступной тундры, которая была заселена задолго до нашей эры.

История заселения Большеземельской тундры еще мало нам известна ¹, но, судя по отдельным случайным находкам ², можно с уверенностью сказать, что она представляет большой интерес, и первые же специальные археологические исследования, которых еще здесь не было, принесут богатейший материал для изучения истории северо-востока Европейской части СССР.

---

¹ Н. П. Ш и ш к и н. Коми-пермяки. Институт географии Академии Наук СССР. Молотов, 1947; е г о ж е. Происхождение народа коми. Газета «За новый Север», 20 августа 1946 г.; е г о ж е. Печорский промышленный район. Коми изд-во. Сыктывкар, 1947.

² В частности, следует отметить груды камней в 200 м к северо-западу от жертвенного места (рис. 7). Она находится на высоком левом коренном берегу, образующем мыс в сторону реки. Возможно, что это древняя могила, заложенная крупными камнями, которые могли быть принесены сюда только из русла реки.

А. Л. МОНГАЙТ

НЕКОТОРЫЕ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ПАМЯТНИКИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

Таманская археологическая экспедиция ШИМК, возглавляемая Б. А. Рыбаковым, должна решить одну из сложнейших проблем русской истории. Это не только проблема Тмутаракани, вопрос о ее истории, культуре, жизни города. Это проблема гораздо более широкая, проблема Юго-восточной Руси в целом. В самом деле, была ли Тмутаракань только одним городом, южным форпостом восточных славян, торговой факторией или это была обширная область, населенная славянами? Когда появилось здесь славянское население — только в X в. н. э., как думают одни ученые, или задолго до этого времени, как предполагают другие? Как далеко простирались связи Тмутараканского княжества с окружающими его иноязычными племенами? Эти и ряд других вопросов стоят перед Таманской археологической экспедицией. Но прежде всего возникает еще один важнейший вопрос: в какой мере археология может разрешить все эти проблемы? На этот вопрос тем более необходимо ответить, что из-за неправильного использования археологических данных иногда возникают легенды, ставящие перед историками задачи, не менее сложные, чем легенды летописные.

В 1952 г. один из отрядов Таманской экспедиции обследовал территорию, никогда не включавшуюся в Тмутараканское княжество, но граничившую с ним и населенную, главным образом, неславянскими племенами, но, возможно, частично и славянами. В задачи отряда не входила сплошная разведка какого-либо района, а лишь обследование определенных пунктов, уже ранее известных, с точки зрения выяснения их пригодности для раскопок и значения того материала, который может быть на них получен для изучения истории Тмутаракани. Опорными пунктами должны были быть: Борисовский могильник, в котором некоторыми археологами была выделена группа погребений, как предполагалось, принадлежавших славянам VI—VIII вв., и селища на Кубани в районе Краснодара, принадлежность которых славянам XI—XIII вв. была определена в 1930 г. В. А. Городцовым.

Письменные источники о пребывании славян на юго-востоке Европы, о так называемой «Причерноморской Руси», очень скудны. В IX в. на Византию были совершены походы русов. Если отбросить тенденциозные попытки приписать эти походы норманнам, то нет сомнения, что это были походы славян. Это их активное вступление в европейскую политику, относившееся к 860 г., вызвало панику в Константинополе. Русские корабли в количестве 200 появились у Константинополя 18 июля 860 г.

Столица империи не была готова к отражению в значительной степени неожиданной атаки с севера, с Черного моря. Вторжение длилось до марта 861 г. и вызвало ужас в империи. Византийские историки сообщали об этом событии в следующих словах: «Раса из скифов, так называемые «рос», появились из Эвксинского моря и Босфора и ограбили все дворцы и монастыри»¹. Патриарх Фотий в своем письме восточным патриархам (867 г.) вспоминает о нашествии «жестоких народов, называемых Русью, на империю» и добавляет, что теперь они переменяли религию на греческую, и империя приобрела в них друзей. Очевидно, эти отношения империи с Русью установились между 864 и 867 гг. Можно предположить, что походы русов на Константинополь совершались Причерноморской — Тмутараканской — Русью. Эта же Русь приняла крещение от константинопольского патриарха значительно раньше, чем Киев.

Такова одна группа письменных источников, позволяющих говорить о существовании Тмутараканской Руси задолго до того, как Тмутаракань впервые упоминается в русской летописи.

Другая группа источников — это сведения арабских писателей. В известиях о русах и славянах у арабских географов намечается несколько традиций, сложившихся, очевидно, в зависимости от места и времени наблюдения. Одна из древнейших традиций, восходящая еще к Муслиму Ал-Джарми и Ибн-Хурададбеку (IX в.) и наиболее ярко отраженная в трудах Масуди (первая половина X в.), представляет русов прибрежными жителями Черного моря и даже самое море называет морем русов. В этих сообщениях, видимо, речь идет не о тех воинах-дружинниках V—VII вв., исследованию древностей которых посвятил свой труд Б. А. Рыбаков², а о Руси Тмутараканской, так как местом поселения русов называют болотистый остров с нездоровым климатом, как нельзя лучше совпадающий по описаниям с топографическими сведениями о положении Тмутаракани в дельте Кубани.

Таковы те немногие письменные источники, которые весьма условно позволяют говорить о существовании Тмутаракани уже в IX в. Недостоверность этих источников, вернее, неуверенность в том, что сообщаемые ими сведения относятся к Тмутаракани, заставляет наиболее осторожных историков отрицать существование Тмутараканской Руси до X в. и представлять возникновение ее результатом завоевания русских князей в X в.³ Вот здесь решающим могло бы быть мнение археологов. Но и археологи не пришли к единству мнений в этом вопросе.

И. И. Ляпушкин и М. И. Артамонов полагают, что славяно-русское население появилось на Тамани лишь в момент падения Хазарского каганата, т. е. в конце X в. Б. А. Рыбаков, А. В. Арциховский и другие считают, что Тмутараканское княжество возникло на основе древних славянских поселений на Тамани, восходящих еще к VIII в., а может быть, и к более раннему времени. Решение вопроса на основании археологических данных затруднено как потому, что мы вообще плохо знаем облик славяно-русской культуры VII—IX вв., так и потому, что стоящая несколько особняком среди других славянских земель Тмутараканская Русь могла иметь свой особый облик материальной культуры, сложившейся под влиянием окружающих ее местных племен и потому в зна-

¹ Из описания Никиты Пафлагонянина, биографа патриарха Игнатия. См. А. А. Васильев. The russian attack on Constantinople in 860. Massachusetts, 1946, стр. 186.

² Б. А. Рыбаков. Древние русы. СА, XVII, 1953.

³ А. Н. Насонов. Тмутаракань в истории Восточной Европы X века. АН СССР, Исторические записки, т. 6, 1940, стр. 79—99.

чительной степени отличающейся от Руси Поднепровской или Северо-восточной Руси.

Раскопки в Тмутаракани дали, несомненно, славянские находки, относящиеся к X—XII вв., т. е. ко времени существования Тмутараканского княжества. Но были ли здесь славяне раньше? Продолжение работ Таманской экспедиции, несомненно, принесет ответ на этот вопрос. Пока же полученные материалы послужили для сравнения с северокавказскими находками. И если бы, скажем, керамика, найденная в Тамани, оказалась схожей с найденной на кубанских селищах, то можно было бы говорить о единой культуре, а если бы было доказано, что эта культура славянская, то можно было бы говорить о славянских поселениях на Кубани до X в. Но, как мы увидим дальше, этого не случилось. Керамика из слоев, относимых к VII—IX вв. на Таманском городище, — безотносительно к тому, может ли она быть признана славянской, — не схожа с керамикой на обследованных нами кубанских селищах, и вообще эти селища не дали находок, восходящих ко времени ранее XI в.

Совсем особняком стоит вопрос о Борисовском могильнике. Борисовский могильник находится на берегу Рыбацкой (Голубой) бухты, в 9 км от Геленджика, и был раскопан в 1911—1912 гг. В. Саханевым¹. Исследователь не только тщательно провел работы в поле, но и подробно исследовал добытый материал; по ряду неопровержимых признаков он разделил все погребения на 3 группы, датировал их временем от VII в. до IX в. и приписал могильник в целом зихам. Однако первая часть могильника, по мнению В. Саханева, могла принадлежать евдусианам, которых считают готами или племенем, родственным готам. Согласно анонимному Периплу Черного моря, отходящему к V—VI вв. н. э., от Анапы до Геленджика простиралась страна Евдусия, жители которой говорили «готским или таврским языком», а от Геленджика до р. Псе-зуапе или даже до р. Шахе жили зихи, имевшие царем Стахемфласа, поставленного римским императором².

Однако в недавнее время было высказано и неоднократно повторено, — главным образом в устной форме, в докладах, кое-где в печати, — предположение, что евдусиане — это славяне. Б. А. Рыбаков в докладе «Славяне в Крыму и на Тамани» (25 мая 1952 г.) высказал это предположение в очень осторожной форме. Он считает, что на месте древних керкетов в V—VI вв. н. э. «появляется новый северный народ «евдусиане», в имени которых можно отметить обычный славянский суффикс («поляне», «дедопане», «гаволяне»). В районе размещения «евдусиан» известен Борисовский могильник, в составе которого в VII—VIII вв. появляются могилы с трупосожжением и инвентарем, чрезвычайно близким к южнорусскому»³.

В статье «Уличи» Б. А. Рыбаков пишет: «Гавань Ептала близ устья реки... расположена почти на границе Зихии и страны Евдусии, жители которой стали говорить в близкое к V в. время на каком-то северном языке («таврском» или «готском»). И вот именно здесь, в Геленджикской бухте, и был раскопан могильник, давший вещи, необычайно сходные с Воскресенским комплексом в предполагаемой земле уличей и с комплексами из могильников в области Донца. Речь идет о Борисовском могильнике близ Геленджика. Здесь мы встретим и стремена, и удила сходных

¹ В. Саханев. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 годах. ИАК, вып. 56, 1914, стр. 75—219.

² В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. 1, стр. 278, 279.

³ Доклад на объединенной научной сессии Отделения истории и философии и Крымского филиала Академии Наук СССР «Крымская правда», 31 мая 1952 г. № 107.

типов, и ножны сабель, близкие к воскресенским, и самые сабли, согнутые на огне. Есть черты, роднящие могильник и с Салтовским. Особенно важно отметить, что в этом могильнике в VIII—IX вв. появляется обряд трупосожжения, необычный для Северного Кавказа и обычный для русских областей. Не здесь ли, на побережье Зихиц и на «островах» (под которыми, может быть, нужно разумеать дельты рек), следует искать загадочный «остров русов»?¹

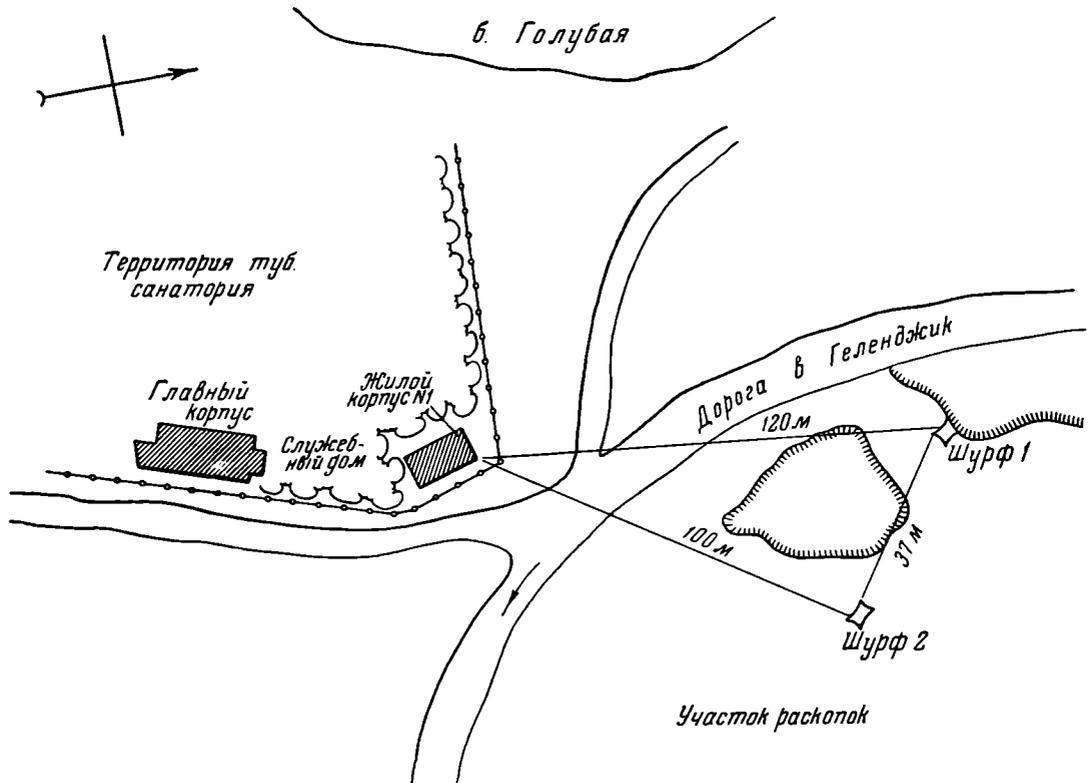

Рис. 1. Схематический план селища Солнцедар.

А. П. Смирнов приписывает славянам трупосожжения в ящиках, найденные среди погребений Борисовского могильника².

Это предположение обязывало ближе ознакомиться с Борисовским могильником и попытаться отыскать современное ему поселение.

Такое поселение было найдено. Это — селище, расположенное в 50 м к северо-востоку от жилого корпуса № 1 санатория «Солнцедар», у дороги, ведущей из Геленджика. Селище находилось на плато, являющемся продолжением террасы, на которой был раскопан Борисовский могильник, в 100 м к северо-востоку от могильника. С востока плато ограничено впадающей в Рыбацкую (Голубую) бухту р. Ашамбой, к которой ведет довольно крутой склон. На склоне террасы между Геленджикской дорогой и р. Ашамбой прослеживается культурный слой древнего поселения. Селище расположено на поляне, издревле расчищенной от леса. На селище было заложено 10 шурфов. В результате исследований можно считать установленным, что верхний слой селища смыт, часть керамики найдена

¹ Б. А. Рыбаков. Улич. КСИМК, XXXV, 1950, стр. 15.

² А. П. Смирнов. К вопросу о формировании кабардинского народа по археологическим данным. Ученые записки Кабардинского научно-исслед. ин-та, т. IV. Нальчик, 1948.

в переотложениях. Постройки на поселении были глинобитные и, по-видимому, почти целиком исчезли. Можно проследить их остатки по очаговым ямам и кускам обожженной глины. Селище существовало в течение длительного времени. Нижний слой относится еще к скифскому времени. В этом слое найдена керамика серой глины, плохо обожженная, с защипами по венчику. Сосуды баночной формы слабо профилированы. На некоторых имеются дырочки у венчика. Эта керамика скифского типа может быть датирована IV—III веками до н. э.

Основной слой селища современен Борисовскому могильнику. Верхний слой относится к более позднему времени и по керамике может быть датирован XI—XV веками.

Поселения, современные могильникам типа Борисовского, малоизвестны, ранее не исследовались, и наше исследование является лишь предварительным, разведочным. Однако, судя по полученным данным, можно заранее сказать, что вряд ли раскопки подобных поселений помогут внести ясность в вопрос об этнической принадлежности населения, оставившего нам могильники типа Борисовского. Вообще, так как археологические данные, по которым мы судим об этнической принадлежности, — это прежде всего украшения, наряды, свойственные тому или иному племени и устойчиво удерживаемые рядом поколений, то могильники дают для этой темы значительно больше материала, чем могут дать поселения. Могильники же типа Борисовского хорошо известны, для некоторых заключений достаточно уже имеющихся материалов, и нет необходимости в дополнительных раскопках. К тому же в большинстве случаев раскопки ранее открытых могильников невозможны, так как их территория застроена и для раскопок недоступна.

Судя по нашим наблюдениям и сведениям В. В. Саханева, В. И. Сизова, А. А. Миллера и А. А. Спицына, все могильники типа Борисовского обычно располагаются на высоких местах, на мысах, вблизи моря. Как «дьяковцы» не пропускали ни одного речного мыса, используя их для поселения, так «борисовцы» не пропускали ни одного морского мыса, используя их для могильников. От Новороссийска до Геленджика и дальше на юг до Туапсе на всех мысах известны могильники: на Мысхако, Добо, Борисовском, Тонком мысе, Толстом мысе и т. д.

Однако если мы отбросим такой определяющий признак, как типы керамики и оружия, и будем сравнивать могильники лишь по украшениям, бляшкам, пряжкам, поясным наборам, то круг могильников, сходных с Борисовским, не сузится, а, наоборот, значительно расширится, и подобные вещи мы найдем на обширных пространствах Восточной Европы. Эти находки приписывались готам, аварам, аланам; никогда и никто не мог точно очертить границы их распространения, поэтому предполагали, что в процессе переселения народов широко распространилась общеевропейская мода¹. Что же собственно позволяет приписывать часть погребений Борисовского могильника русам, под которыми в данном случае понимают славян? Главным образом — обряд трупосожжения и сходство некоторых инвентарей с найденными в Поднепровье. Однако инвентарь третьей группы Борисовского могильника, в которой встречено наибольшее количество трупосожжений, выявляет наименьшее количество черт сходства с поднепровскими находками. Сам по себе обряд трупосожжения этническим признаком служить не

¹ Б. А. Рыбаков (Древние русы. СА, XVII, 1953) характеризует подобные находки как вещи общеевропейских типов, свидетельствующие о прочных связях с культурой дружин эпохи «великого переселения народов».

может. Малая распространенность этого обряда на Северном Кавказе еще не доказывает, что он свойствен славянам. В Крымских могильниках IV—VII вв. встречаются трупосожжения в амфорах и в урнах, но нет каких-либо доказательств принадлежности этих погребений славянам. По всем признакам эти погребения принадлежат сармато-аланским племенам, а, возможно, — готам ¹.

Для третьей части Борисовского могильника наиболее характерно превосходное железное оружие, в частности прямые сабли. Но такое же оружие мы находим и в Верхне-Салтовском могильнике ², в комплексах, найденных у с. Тополи, в могильнике Ново-Покровка ³, в Ардыбашевском погребении ⁴ и в венгерских древностях ⁵. Наконечники стрел — плоские, листовидные, трехперые и трехгранные — также встречены во всех выше перечисленных памятниках. Широко распространены железные стремяна овальной формы с вогнутой внутрь широкой нижней пластиной. Не приходится говорить, как об особом характерном только для данного могильника признаке, о пряжках, фибулах и т. п. Железные четырехугольные со щитком или без щитка пряжки, фибулы с пластинчатой дужкой очень широко известны в древностях Восточной Европы. Если бы мы подобным образом подробно рассмотрели весь инвентарь III группы Борисовского могильника, то, за исключением, может быть, бус из белого роговика, мы не нашли бы ничего характерного только для этого могильника и исключающего другие современные ему широко распространенные древности. Бусы же эти этническим признаком служить не могут. Таким образом, я не вижу серьезных оснований ни для того, чтобы утверждать, что евдусиане являлись славянами, ни для того, чтобы настаивать, что погребения III группы Борисовского могильника принадлежат русам — славянам.

По вопросу о причинах распространения древностей, подобных найденным в Борисовском могильнике, было очень много написано. Эти древности иногда приписывали готам. Но если отбросить тенденциозные попытки немецких националистических историков и археологов преувеличить историческую роль и размеры «готского царства» (Германариха), — попытки, повторяющиеся и поныне ⁶, — то большинство ученых связывает эти древности с сармато-аланскими племенами и их распространение — с передвижением этих племен по Европе ⁷. Ведь не вызывает же удивления находка в долине Луары типичных аланских пряжек, кав-

¹ В. В. Кропоткин. Погребальные обряды на территории юго-западного Крыма в IV—VII вв. Доклад на заседании сектора славяно-русской археологии ИИМК 16 апреля 1953 г.

² Труды XII АС, т. I, табл. XX, XXII.

³ Ю. В. Кухаренко. О некоторых археологических находках на Харьковщине. КСИМК, XLI, 1951.

⁴ А. Л. Монгайт. Археологические заметки. КСИМК, XLI, 1951.

⁵ J. Hampe l. Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn. Braunschweig, 1905, т. III.

⁶ См., например, E. Schwarz. Die Urheimat der Goten und ihre Wanderungen ins Weichselland und nach Südrussland. Saeculum, Bd. 4, H. 1. München, 1953, стр. 13—27. Автор утверждает, в частности, что евдусиане — это одно из мелких готских племен, в 250 г. отправившееся на юг и поселившееся на восточном берегу Черного моря.

⁷ Еще писатель IV в. Аммиан Марцеллин приводит мнение, что термин «алан» является собирательным, обнимающим целый ряд народностей, объединенных под именем их победителей. Готы в Причерноморье, хорошо известные по письменным источникам, повидимому, были по своей материальной культуре настолько ассимилированы местными сармато-аланскими племенами, что археологи не могут выделить собственно готскую культуру.

казских бронзовых изделий, находок, сходных с осетинскими¹. Это ясно связывается с известными историческими фактами — с передвижением во второй половине V в. какой-то группы аланов в долину Луары. Почему же другие древности, распространение которых явно связано с каким-то общим источником на юго-востоке Европы, вызывают такие сомнения и попытки приписать их самым различным народностям? Ведь самый факт удивительного сходства ряда древностей из могильников типа Борисовского и из Крымских могильников IV—VII вв. с вещами из Венгрии² и из других отдаленных районов Восточной Европы должен был бы предостеречь от попыток приписать эти древности русам или славянам.

В отношении Борисовского могильника нужно напомнить об общеизвестных и, кажется, несомненных фактах, заключающихся в том, что все три группы погребений этого могильника различаются только хронологически. В их инвентаре видна столь ясная преемственность, что говорить о замене одного населения другим, о якобы происшедшей смене этнонимии, совпавшей с изменением характера оружия, украшений, керамики и т. п., нет никаких оснований. Борисовский могильник близок к Пашковскому могильнику № 1. Последний современен I группе погребений Борисовского могильника. Сходна керамика: сосуды серой и красной глины, сделанные на гончарном круге, кувшины с высоким горлом, кувшины с плоской ручкой и другие изделия³. Сходны оружие, украшения, фибулы, бусы и т. п. Таким образом, устанавливается непосредственная связь Борисовского могильника с могильниками сармато-аланского круга. Что касается письменных источников, то они довольно ясно указывают на то, кем были евдусиане; так, анонимный автор Перипла Понта Эвксинского сообщает, что евдусиане говорили готским, или таврским, языком. Из другого места того же Перипла явствует, что под таврским языком здесь разумеется аланский. Никаких новых материалов, которые позволили бы по-иному интерпретировать и этнически определить Борисовский могильник, археологи за последнее время не получили, и поэтому нет фактических оснований для появившихся в последнее время утверждений, что мы можем якобы установить этническую принадлежность отдельных групп погребений в этом могильнике. Не отрицая возможности проникновения славян на Северный Кавказ, мы пока не видим в археологических данных доказательств этого факта, так же как не видим пока возможных путей поисков этих доказательств.

Могильники, подобные Борисовскому, как уже говорилось выше, тянутся по всему побережью Черного моря от Новороссийска до Туапсе⁴. По мнению В. В. Саханева, все три группы Борисовского могильника принадле-

¹ L. Franchet. Une colonie scytho-alaine en Orléanais au V-e siècle. Les bronzes caucasiens du Vendemois. Revue scientifique, 1930, № 2, стр. 70—82; № 3, стр. 109—115.

² N. Fettich. Das Kunstgewerbe der Avarzeit in Ungarn. Archaeologia Hungarica, I, Budapest, 1926; е г о ж е. Die Metallkunst der Landnehmenden Ungarn, Archaeologia Hungarica, XXI, Budapest, 1937.

³ Коллекция ГИМ, II. 36/226; II. 36/21a; II. 36/21 б.

⁴ В 3 верстах от Новороссийска, по дороге в Мысхако (В. С и з о в. Восточное побережье Черного моря. МАК, вып. II, 1889); на б. хуторе Пенчула (там же); в с. Небугском (ОАК за 1897 г., стр. 47); в местности «Старая крепость» (Дузу-Кале) близ с. Ново-Михайловского (погребения VI—VII вв. — А. А. С п и ц ы н. Могильник VI—VII вв. в Черноморской области. ИАК, вып. 25, СПб., 1907, стр. 188—192); в Агойском ауле (с. Карповка — А. А. М и л л е р. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. ИАК, вып. 33, СПб., 1909); на Кадошском мысу и на даче Киселева близ Туапсе (там же); на Толстом мысу (Геленджик) — раскопки Аханова 1950 г., погребения VI—VII в. (материалы Геленджикского музея); на территории дома отдыха «Туапсе» (на Кадошском мысу) — находки 1937 г.; наше обследование 1952 г.

жали зихам. Зихи упоминаются уже раннесредневековыми авторами наряду с меотами, синдами и керкетами¹. Повидимому, зихи были одним из адыгских племен. В V в. они сражались против грузинского царя Вахтанга Горгасала². В VI в. адыги приняли христианство; эта религия и священники пришли к ним из Грузии³. По сообщению Константина Багрянородного, Зихия в X в. занимала территорию от Таманского полуострова до р. Нечепсухо⁴, причем зихи попрежнему населяли приморскую полосу протяжением в 300 миль вместе с островами Кубанской дельты, а касоги и папаги — лесистую оконечность Кавказского хребта. В IV—IX вв. адыги были оседлыми земледельцами. В письменных источниках X в. адыги выступают под именем казахов и папагов (Константин Багрянородный), кешак (Масуди) и касогов (русские летописи).

К X в. относятся первые достоверные сведения письменных источников, свидетельствующие о проникновении русских князей на Северный Кавказ. В 965 г. Святослав «ясы победи и касоги и приведе их к Киеву»⁵. Некоторые исследователи связывают с этим походом Святослава начало существования Тмутараканского княжества. Но, как об этом было сказано выше, имеются некоторые исторические данные, позволяющие предположить гораздо более раннее возникновение Тмутараканского княжества. Малообоснованным является предположение, что в VII—X вв. до похода Святослава адыги находились под властью хазар. Доказательств этому нет. Даже в письме царя Иосифа, как известно, несколько преувеличившего пределы хазарского каганата, адыги в числе подвластных народов не упоминаются. В адыгейских преданиях сохранились известия о походе адыгов против хазар и о взятии ими Саркела. Но источник этих преданий очень неясен.

Особенно близкие отношения завязались у славян с народами Кавказа в период существования Тмутараканского княжества. Часть племен находилась в прямой зависимости и платила дань тмутараканским князьям. Так, в летописи говорится: «Ростиславу сущю Тмутараканю и емлющю дань у косога и иных стран»⁶. Под 1022 г. отмечено, что после одержанной над касожским князем Редедю победы «пойде Мстислав с хазары и с касоги на великого князя Ярослава»⁷. В «Слове о полку Игореве» говорится, что Боян вещей «песнь пояше... храброму Мстиславу, иже зареза Редедю пред полкы касожьскими»⁸.

Предание об этом событии, о борьбе касогов с тмутараканским войском и о гибели Редеди, сохранилось в адыгейском эпосе. Вообще этот эпос весьма интересен для истории, но до сих пор мало изучены источники, которыми пользовался Ш. Б. Ногмов, собравший предания кабардинцев, впервые изданные в 1847 г. Книгу Шоры Ногмова⁹ то относили к недостоверным источникам, то считали источником абсолютно надежным. Ш. Б. Ногмов хорошо знал русскую историю, читал Н. М. Карам-

¹ Прокопий из Кесарии. Война с готами, кн. IV. М., 1950, стр. 383; Анонимный Перипл Черного моря VI в.— В. В. Латышев. Ук. соч., т. I, стр. 278, 279.

² История Грузии (князя С. Баратова), II тетрадь. СПб., 1871.

³ М. Г. Джанашивили. Краткий обзор русско-грузинских отношений. Сборник материалов по истории и древностям Грузии и России. Тифлис, 1912, стр. 12.

⁴ Константин Багрянородный. Об управлении государством. гл. 42, пер. В. В. Латышева. ИГАИМК, вып. 91, 1934, стр. 20, 21.

⁵ Лаврент. летопись. ПСРЛ, т. I, вып. I, ч. II. Л., 1926, стр. 65.

⁶ Новгород. летопись, под 1066 г. СПб., 1888, стр. 96.

⁷ ПСРЛ, т. XXIV, Пг., 1921, стр. 50.

⁸ Слово о полку Игореве. М.—Л., 1950, стр. 9.

⁹ Ш. Б. Ногмов. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик, 1947.

зина и мог внести в свою «Историю» не только фольклорные сведения, но и данные, почерпнутые им из книг и русских летописей¹. В книге Ш. Б. Ногмова приведены кабардинские предания о богатырях — антах. Кабардинцы считают их своими предками. Не сохранил ли кабардинский фольклор предания о славянах-антах, живших на Северном Кавказе и бывших близкими соседями адыгов? Косвенным доказательством возможного существования славянских поселений на Северо-западном Кавказе является рассказ Ибн аль Факиха (IX в.) о том, что на Кавказе есть племя из славян. Если этот рассказ не относится непосредственно к Тмутаракани, то возможно, что где-то в северо-западной части Кавказа жили славяне, которые, судя по данным адыгейского фольклора, сохранили эпические сказания о событиях в Причерноморье и на Дунае в антское время. Но даже признавая такую возможность, нельзя уверенно определить время проникновения сведений о славянах в адыгский фольклор. Ведь это могло произойти и в XIII в. в результате ассимиляции этих славян местными адыгейскими (зихо-керкетскими) племенами после падения Тмутараканского княжества. Мы знаем, как далеко от места своего возникновения сохраняются и как долго удерживаются эпические предания. Например, киевский эпос великокняжеской поры сохранился до наших дней на Севере. Также и эпические сказания об антах могли через много веков сохраниться вдали от места их происхождения, в Тмутаракани. Поэтому, даже признавая надежность книги Ш. Б. Ногмова как исторического источника, мы не можем пока установить, какие исторические факты лежат в основе сообщаемых им легенд.

Археологические данные X—XII вв. и позднейшего времени относительно черкесов-адыге очень немногочисленны; они получены, главным образом, в результате раскопок курганов. Одна такая курганная группа была раскопана В. В. Саханевым недалеко от Борисовского могильника. Эта курганная группа расположена на горе мыса Дооб и насчитывала 100—200 курганов. Эти курганы в значительной части уничтожены, и при нашем обследовании в 1952 г. оставалось лишь 6 годных для раскопок курганов. Курганные насыпи невысокие (0,53—1,43 м), но широкие (7,5—13 м диаметром); в них наблюдалось 2 обряда погребения: трупосожжения в урнах и трупосожжения в каменных гробницах. В инвентаре погребений имеются длинные, прямые, обычно согнутые, сабли, ножи, калачевидные кресала, удила с большими железными кольцами, без псалиев. Керамика — кувшины из красной глины с одной или двумя ручками. Сходные курганные могильники были исследованы В. И. Сизовым вблизи Новороссийска (Мысхако, Пенчула, Цемесская долина), в Геленджикской бухте, на Тонком мысу, а также в лесу в 1 версте на восток от бухты. В 1937 г. М. А. Миллером были произведены новые раскопки этих курганов².

У станиц Натухайской и Раевской В. И. Сизовым были раскопаны курганы XIII—XIV вв. Все эти курганные группы, по предположению В. В. Саханева и других исследователей, принадлежали черкесскому (адыгейскому) племени натухайцев, обитавших по берегу Черного моря от Анапы до Туапсе и по р. Кубани до р. Адагума. Близ сел Кабардинского и Ново-Михайловского, в Агойском ауле и в других местах были раскопаны черкесские курганы XII—XVII вв.

¹ И сейчас некоторые сведения Ш. Ногмова подвергаются сомнению. Так, например, Л. И. Лавров утверждает, что в адыгском эпосе предания о богатыре Редде вообще не существует.

² Материалы к Всесоюзному археологическому совещанию. М., 1945, стр. 88.

Во время наших разведок 1952 г. были найдены селища, современные близлежащим курганным группам. Так, к XI—XV вв. относится верхний слой селища Солнцедар. В северной части горы Дооб, вблизи дороги, ведущей к Дообскому маяку, найдено селище XI—XV вв. Здесь встречено много обломков керамики красного цвета, с хорошо залощенной поверхностью, со штриховым орнаментом, а также с рифлением. Вокруг селища расположены обширные пахотные поля, и само селище обнаружено на пахотном поле. Земля здесь, повидимому, издревле пашется. Обломки больших с толстым венчиком пифосов, в большом количестве найденных на селище, видимо, являются остатками сосудов, в которых земледельцы из поселения на горе Дооб хранили зерно.

Нами обследованы курганные группы близ аула Кулихо (в 12 км от Агоя по дороге в горы). Здесь группа маленьких курганов раскапывалась местными жителями — кладочискателями. Находки: кувшины, шашки, бритвы, оселки. Дата — XV—XVI вв.

В Соляной щели, в 5 км от аула Куйбышевка (Карповка) по р. Агоя, по дороге в горы, нами обследована группа курганов, расположенных в лесу и заросших вековыми деревьями.

В центральной курганной группе насчитываются 42 кургана, сложенных из камня. Среди курганов находится «памятник», представляющий собой плоский узкий камень высотой 1 м, закопанный нижним концом в землю. На него надета «шапка» в виде усеченного конуса. Курганы полушаровидной формы, сложены из плоского камня, на некоторых стоят (иногда торчат сбоку) небольшие менгиры. На расстоянии 200 м на северо-запад от этой курганной группы, на небольшом плато расположены еще 23 кургана.

В ауле Куйбышевка одна из курганной группы, состоящая из 26 курганов, расположена за хозяйственным двором колхоза Агоя—Шапсуг. Это курганы небольшой высоты (от 20 до 70 см), диаметром от 1,2 до 4,5 м. Вокруг курганов идет каменная обкладка из 1—2 или 3 рядов камней. Среди курганов имеется «памятник» — каменная баба, сделанная из одного большого плоского камня, которому придана антропоморфная форма; на него насажена конусовидная шапка, сделанная из другого камня (рис. 2). Раскопанный нами курган был окружен камнями. С восточной стороны кромлех состоял из 2 рядов крупных камней (рис. 3). Погребение находилось в центре кургана на подсыпке из глины, выше материка. Скелет лежал головой на запад. У шейных позвонков найдены были белые пастовые бусы и металлическая подвеска в виде большой орнаментированной полой бусины с двумя ушками для подвешивания. Подобные бусы известны из кабардинских курганов XIV в. У пояса найдены небольшая круглая железная пряжка и небольшой нож.

Вторая курганная группа находится на берегу р. Агоя в 2 км от аула Куйбышевка вниз по реке; в группе — 27 курганов.

Курганные группы у аула Куйбышевка очень сходны с кабардинскими курганами XIV—XVI вв.¹ Для внешнего вида последних характерны полушаровидная форма, небольшие размеры насыпи, почти всегда обложенной камнями (большей частью по поверхности, иногда в виде кольца на подошве). Сходен и инвентарь.

Необходимо отметить, что в ранних курганах X—XI вв., вскрытых раскопками Миллера, Сизова и Спицына на Мысхако, в Пенчуле и близ

¹ О. В. Милорадович. Кабардинские курганы. СА, XX, 1954.

Туапсе, ряд предметов сходен с находками в славянских курганах X—XII вв.: бубенчики, колокольчики, крестики, наконечники стрел и др.¹

Большой интерес представляет могильник, раскопанный Н. Н. Анфиимовой на Шапсугинском водохранилище у р. Убинки. К сожалению, результаты раскопок до сих пор не опубликованы. Коллекции, находящиеся в Краснодарском музее, за годы, истекшие с момента раскопок

Рис. 2. Памятник у курганной группы в ауле Куйбышевка.

(1940—1941 гг.), пришли в беспорядок, и изучение комплексов могильника с течением времени все больше затрудняется. В Убинском могильнике было вскрыто 300 погребений X—XIV вв., из них 30 трупосожжений. Курганы с трупосожжением иногда окружены каменными обкладками. Погребения — обычно на горизонте в двуручных и одно-ручных урнах. А. П. Смирнов высказал предположение, что эта группа погребений (трупосожжения) относится к славянскому населению Прикубанья². Здесь, как и в других случаях, единственной основой для этнического определения, повидимому, послужил обряд трупосожжения, так как во всем инвентаре, кроме, может быть, нескольких сосудов, о которых речь будет идти ниже, нет ничего, связывающего Убинский могильник со славянской культурой.

Многочисленные находки здесь оружия, орудий труда, керамики и т. п. рисуют нам обычную адыгскую или черкесскую средневековую

¹ В. Сизов. Ук. соч., стр. 74, 145, 147, фототипия XI, 1—10, 12, 14.

² А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 89, 90.

культуру с земледельческой основой хозяйства. Рядом с могильником найдены 2 селища — Убинское № 1 и 2. С первого селища в Краснодарском музее находятся крышки сосудов красной глины, ручки сосудов и ряд высокогорлых кувшинов хорошей формовки и обжига, обычных для северокавказской керамики XII—XIV вв.

Несколько иную картину представляет керамика, собранная на Убинском селище № 2, расположенном вблизи Шапсугского водохранилища.

Рис. 3. Раскопки кургана № 26 в ауле Куйбышевка.

Здесь наряду с красной и черной керамикой с залощенной поверхностью встречается керамика серая с линейным орнаментом и поздняя золотоордынская (XIV—XV вв.) — поливная и красноглиняная.

Трупосожжения Убинского могильника в амфорах по инвентарю датируются XII—XIV веками. В это время нигде у славян уже не существовал обряд трепосожжения, а погребение в амфорах (в так называемых «полях погребений») относится у славян к эпохе почти за тысячу лет до амфорных погребений Убинского могильника. Амфоры (погребальные) представляют собой высокие широкогорлые сосуды, обычно с двумя ручками, с черной томленной поверхностью и с лощением на стенках и плечиках (рис. 5). Вся остальная посуда Убинского могильника — из красной глины, тонкостенная, сделана на кругу, с клеймами на днищах или с подсыпкой песком (рис. 4.) Формы сосудов — кувшины с носиками (как у чайника), с одной ручкой, кувшины с носиком типа ойнохойи, кувшины без ручек и т. п. Некоторое исключение из этих типов сосудов представ-

ляют небольшие сероглиняные лепные сосуды, по форме несколько напоминающие славянскую керамику так называемого курганного типа, но в отличие от последней сделанные не на кругу, а от руки, имеющие обычно ручки (рис. 6). Некоторые из этих горшков были определены А. П. Смирновым как славянские. Действительно, они представляют некоторое исключение среди посуды Убинского могильника и, казалось бы, принесены сюда каким-то другим населением.

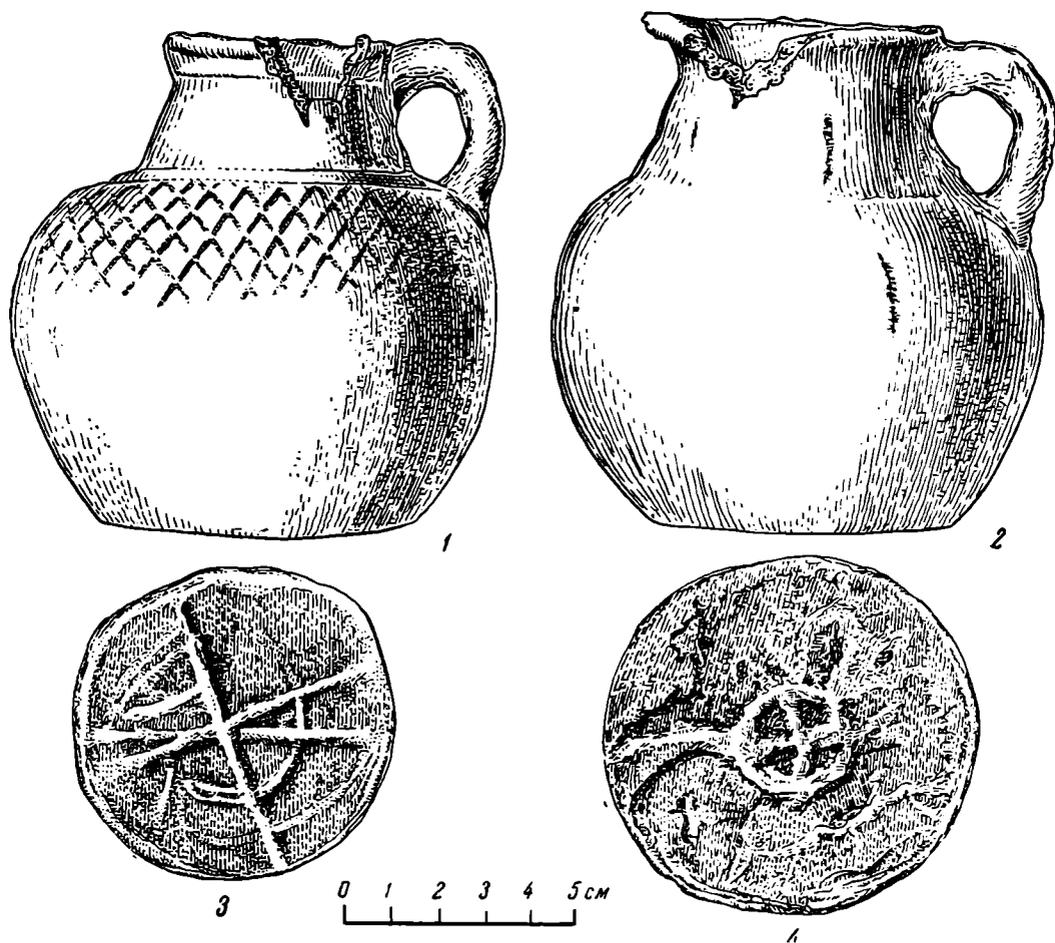

Рис. 4. Сосуды из Убинского селища № 1.

1 — 2 — сосуды; 3 — 4 — клейма на донышках.

Но, во-первых, у славян в X—XIV вв. почти не встречается керамика, вылепленная от руки, без гончарного круга: во-вторых, эти сероглиняные сосуды встречаются в комплексах вместе с обычной для Убинского могильника прекрасной красноглиняной посудой и нигде не составляют отдельных комплексов. Повидимому, эта лепная керамика, которая клалась в могилы наряду с великолепно сделанной на гончарном кругу, имела ритуальное значение и воспроизводила какие-то древние формы. В самом деле, эти сосуды сходны с керамикой сармато-аланского типа, известной из Пашковского и других могильников. И форма сосудов, и подражание нарезному орнаменту близко напоминают о древнейших керамических традициях Прикубанья. Таким образом, Убинский могильник, или, как его иногда называют, могильник на Шапсугском водохранилище,

представляет собой интереснейший памятник адыгской культуры, но вряд ли может служить источником для изучения славяно-адыгских связей.

Сходны с Убинским могильником адыгские могильники XIII—XIV вв., известные в междуречьях Зеленчуков и Кубани (раскопки Т. М. Минаевой 1950—1951 гг. у с. Ново-Кувинского), западнее, на Урупе, в окрестностях Пятигорска и в других местах. К еще более позднему времени относится Белореченский могильник, довольно точно датированный монетами и арабскими надписями XIV—XVI вв.¹ Курганы этого рода

Рис. 5. Погребальная урна из Убинского могильника (погребение 4, площадь 60).

известны на территории Ставропольского края, Кабардинской и Северо-Осетинской республик и Грозненской области до р. Сунжи. Повидимому, так далеко расселились в XIV—XVI вв. адыго-черкесско-кабардинские племена. Их могильники изредка раскапываются, но в целом средневековая культура этих племен слабо изучена и ждет еще своего исследователя.

Я не останавливаюсь на многочисленных средневековых крепостях, известных на Северо-западном Кавказе и до сих пор мало изученных, так как эти памятники должны подвергнуться серьезному архитектурно-археологическому исследованию, и лишь тогда можно будет их точно датировать и определить их историческое значение.

Среди средневековых археологических памятников Северо-западного Кавказа особый интерес представляют многочисленные селища. На этих селищах найдена, главным образом, керамика, типичная для адыго-черкесских племен. Однако В. А. Городцов счел возможным приписать часть керамических находок на этих селищах славяно-русскому населению. В одной из рукописей В. А. Городцов указывает, что в четырех древних

¹ Раскопки Н. И. Веселовского. ОАК за 1895, 1896, 1906—1907 гг.; В. П. Левашова. Белореченские курганы. ТГИМ, вып. XXII, 1953, стр. 163 и сл.

селищах Тмутараканского княжества, открытых на р. Кубани близ Краснодара, найдена «керамика, сходная со старорязанской»¹. Это же В. А. Городцов повторяет, описывая культурный слой обследованного им селища на левом берегу Кубани у аула Тлюстенхабль: «Кроме того,

Рис. 6. Сосуды из Убинского могильника.

всюду встречалась зола, угли и печины, служившие или остатками разрушенных глинобитных печей, или обмазкой жилых помещений, стравших в пожарах. Обломки глиняной посуды по форме, технике и орнаменту совершенно близки к славяно-русским, в особенности к рязанским, что и заставляет заключить, что селище, вероятнее всего, принадлежало славяно-русскому населению»².

Вслед за В. А. Городцовым то же утверждение о наличии славянской керамики XI—XII вв. на селищах вблизи Краснодара было повторено другими исследователями. Так, А. П. Смирнов пишет, что такая керамика имеется в собрании Краснодарского музея из селищ: у Корсаковской балки, Прочно-Окопского № 1, у аула Тлюстенхабль и у колхоза

¹ К материалам по археологии Рязанского края. Рукопись в научном архиве Рязанского музея, № 211.

² В. А. Городцов. Археологические изыскания на Дону и Кубани в 1939 г. Памятники древности на Дону. Ростов-на-Дону, 1940, стр. 5, 6.

«Восточный пахарь»¹. В своей работе 1945 г. о Старой Рязани² я, учитывая эти высказывания В. А. Городцова и не имея тогда возможности ознакомиться с коллекциями Краснодарского музея, писал, что если учесть некоторое своеобразие старорязанской керамики, то сообщения В. А. Городцова приобретает особое значение для истории связей Рязани и Тмутаракани. Исторические связи этих областей, как они рисуются по летописным данным, несомненны. Ведь первый известный по летописи рязанский князь Олег Святославич в 1078 г. бежал в Тмутаракань, и, повидимому, в последующие годы (после 1083 г.) его посадники продолжали сидеть в Рязани. Если бы оказалось, что действительно керамика

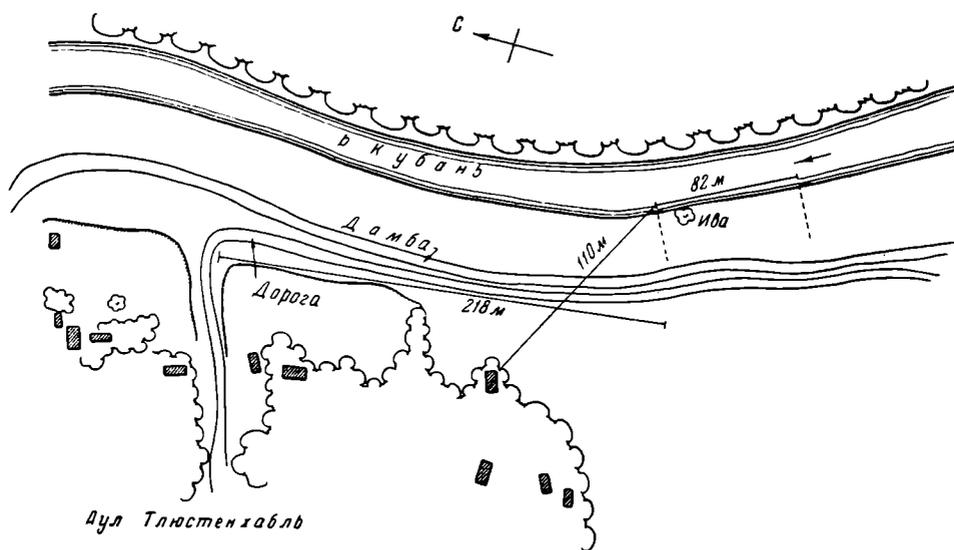

Рис. 7. Схематический план селища у аула Тлюстенхабль.

прикубанских селищ сходна со старорязанской, то это служило бы подтверждением предположения о связях этих областей. Однако знакомство с коллекциями Краснодарского музея и последующее обследование селищ на Кубани не подтвердили данные В. А. Городцова.

Обследованное нами в 1952 г.³ селище у аула Тлюстенхабль находится на левом берегу старого русла Кубани, в 100 м к востоку от аула (рис. 7). Высокий крутой берег перекрыт наносами р. Кубани. Культурный слой прослеживается в обрыве берега на протяжении 82 м. Его толщина — 60—75 см. Часть культурного слоя разрушена рекой, часть перекопана для устройства дамбы, защищающей поля от разливов реки. В культурном слое попадаются зола, угли, печины, кости животных и, главным образом, обломки глиняной посуды. Нами было раскопано одно жилище. Жилище было прямоугольным, наземным; стены, повидимому, глинобитные. В северной части жилища открыта яма, заполненная углем, костями, обломками керамики. Неподалеку от ямы находилась глинобитная печь, прямоугольная в плане, сверху полукруглая. Печь была сооружена путем обмазывания глиной каркаса из прутьев. В глину была подмешана солома. Печь опиралась на какие-то деревянные конструк-

¹ А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 86.

² А. Л. Монгайт. Старая Рязань. «Вопросы истории», 1947, № 4.

³ Все обследования селищ на Кубани были проведены при участии Н. В. Анфилова.

ции, прослеживающиеся в виде угольков. На поду печки найден обломок красноглиняной амфоры, стенки которой покрыты сплошным рифлением. В яме оказалась шейка красноглиняного сосуда типа ойнохойи, в точности сходного с подобными сосудами из Убинского могильника.

Керамика, найденная нами при раскопках и собранная в обнажениях культурного слоя на селище у аула Тлюстенхабль, представляет собой главным образом тонкостенные сосуды прекрасного обжига, красного цвета. Это преимущественно горшки с отогнутым наружу венчиком, реже с прямым венчиком, кувшины с плоской ручкой и довольно глу-

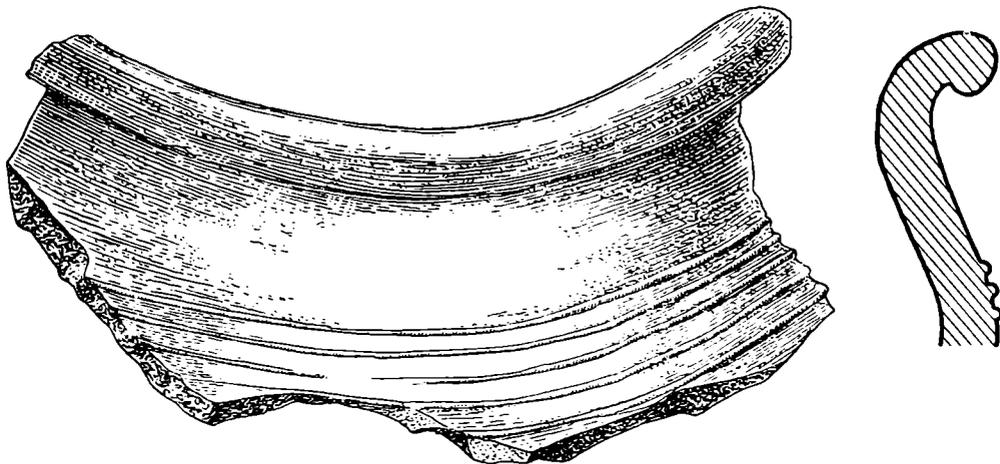

Рис. 8. Фрагмент керамики с селища Тлюстенхабль (Краснодарский музей).

бокие с наклонными под значительным углом стенками, миски, амфоры с низким горлом, непосредственно от которого отходят поднимающиеся над краями ручки. Ручки амфор овальные в сечении, чаще всего массивные и широкие. На амфорах часто встречается линейно-врезной орнамент, нанесенный гребенчатым штампом. Здесь, как и на других селищах, встречены фрагменты кувшинов коричневой (серой в изломе) глины, снаружи окрашенных в темнокрасный (с коричневым оттенком) цвет. М. И. Артамонов такие кувшины датирует XIV—XV веками. Одноручных кувшинов, характерных для Таманского городища, во время нашей разведки на Тлюстенхабльском селище не встречено. Среди керамических находок следует отметить красноглиняные крышки сосудов с вдавленным орнаментом в виде концентрических линий.

С Тлюстенхабльского селища (находка 1938 г.) в коллекции Краснодарского музея имеется фрагмент сосуда славянского типа XI—XIII вв. (рис. 8). Это был горшок с резко отогнутым венчиком, со стенками, покрытыми линейным орнаментом. Подобные фрагменты в наших раскопках не встречены. Указанный фрагмент едва ли не единственный принадлежащий сосуду славянского типа во всей коллекции Краснодарского музея.

Второе обследованное нами селище находилось в устье р. Псекупса, при впадении ее в старое русло Кубани, на левом берегу. Культурный слой выходит на поверхность и четко виден в обрыве берега. Толщина слоя — 18—20 см. Культурный слой селища в устье р. Псекупса полностью аналогичен слою Тлюстенхабльского селища. Однотипны с ним также селище, открытое М. В. Покровским на территории Всесоюзного научно-исследовательского института лубяных культур, в 6 км от Краснодара, вниз по течению р. Кубани по дороге на станицу Елизаветинскую, и селище на р. Афице, в 1,5 км от аула Новый Бжегокай, открытое Н. В. Анфи-

мовым в 1935 г. На Бжегокайском селище, кроме слоя XI—XV вв., в отличие от Тлюстенхабльского селища, есть слой VI—VIII вв. с керамикой «сарматоидного облика» (по определению Н. В. Анфимова).

Одним из наиболее интересных средневековых селищ Краснодарского края является Ангелинское селище, открытое в 1937 г. Н. В. Анфимовым. Оно было обследовано нами в 1952 г. Селище находится на расстоянии 4 км на северо-восток от станицы Пвановской (в 50 км от Краснодара) на левом берегу Ангелинского ерика, в урочище «Вторая подкова». Ангелинский ерик в этом месте делает петлю, благодаря чему образуется полуостров площадью 1,64 кв. км, омываемый с востока, юга и севера водой. Вся эта территория представляет собой ровную поверхность, за исключением нескольких небольших холмообразных возвышенностей округлой или овальной в плане формы, находящихся в северной, восточной и юго-восточной частях. Эти возвышенности, повидимому, представляют собой остатки древних сооружений, заросших землей. На возвышенностях встречено наибольшее количество керамики и кирпичей. Кирпичи — квадратной формы, красного цвета, размером 0,19 × 0,23 м, толщиной 0,05 — 0,06 м.

Очень мощный (до 1 м) культурный слой селища в отдельных местах сильно распахан и разрушен глубокой вспашкой. Многочисленные каналы оросительной системы пересекают территорию селища в разных направлениях. Большая часть «подковы» занята под виноградники и потому для обследования недоступна. В выходах культурного слоя, в обрезах каналов оросительной системы и на пахотных полях встречались фрагменты амфор, красноглиняных сосудов с линейным, линейно-волнистым орнаментом, с орнаментом зубчиками (гребенчатым) и т. п., венчики и стенки сосудов с сетчатым орнаментом, нанесенным лощением, фрагменты посуды с желтой и зеленой поливой и полихромные.

В 1937 г. Н. В. Анфимов раскопал примыкавший к поселению с западной стороны могильник. В коллекции Краснодарского музея хранится ряд предметов с Ангелинского селища, в том числе глиняные прясла, сделанные из обломков сосудов, жернова, изготовленные из плотного песчаника. Нижняя часть жерновов имеет четыре желобка, идущих в радиальном направлении; в центре — круглое отверстие. Размеры жерновов: диаметр — 0,34—0,46 м, толщина — 0,05—0,75 м. Подобные жернова встречены и на других средневековых селищах Кубани (Убинское, Псекупское и др.). Здесь же найдены форма для отливки крестов — песчаниковая плитка прямоугольной формы с изображением креста на обеих ее сторонах (крест XII в.), цилиндрический железный замок и другие железные предметы, фрагменты гладких зеркал из белой бронзы. На селище найдено пять монет: три из них бронзовые, сильно стертые, определению не поддаются, две серебряные — золотоордынские: одна Токтогу-хана (1291—1300 гг.), другая крымская 1298—1299 гг.¹

Наши сборы керамики на Ангелинском селище дали следующие материалы: фрагменты амфор грушевидной формы с низким горлом, непосредственно от которого отходят поднимающиеся над краями ручки, стенки амфор, покрытые врезанными горизонтальными линиями (рифленые). Подобные амфоры датируются XI—XII веками. Они встречаются на поселениях Нижнего Дона, в Крыму, на Тамани, в Приднепровье и других местностях.

Большинство сосудов, найденных на Ангелинском селище, тонкостенные, хорошо обожженные, красного цвета разных оттенков. Все они

¹ Отчет Н. В. Анфимова об обследовании Ангелинского селища в 1937 г. Научный архив Краснодарского музея, № 167.

сделаны на кругу; лепной керамики не встречается. Много одноручных кувшинов, иногда снабженных носиком. Преобладает волнистый орнамент. Значительный процент составляет керамика с лощеным орнаментом, состоящим из блестящих линий, нанесенных горячим инструментом по сырой еще глине. Подобная керамика встречается на большинстве кубанских средневековых селищ. Мало сосудов серого цвета с небольшими, слегка отогнутыми наружу венчиками, линейным орнаментом, иногда покрывающим весь сосуд. Несколько фрагментов поливной керамики со светложелтой и зеленой поливой. Подобная керамика часто встречается в так называемых «золотоордынских» слоях XIII—XIV вв.

Таким образом, собранная нами на селище коллекция и материалы Краснодарского музея позволяют датировать Ангелинское селище XI—XIV веками. Это поселение, повидимому, представляло собой крупный центр. Об этом свидетельствуют его размеры, наличие кирпичных домов, находки каменных литейных форм и т. д. Население занималось земледелием и скотоводством. Найденные на селище кости, по заключению В. П. Цалкина, принадлежат главным образом крупному рогатому скоту и лошадям.

При изучении средневековых поселений Кубани Ангелинское селище, безусловно, должно быть подробно исследовано одним из первых, так как здесь имеются датирующие материалы, позволяющие установить точные хронологические рамки эпохи существования подобных селищ на Северо-западном Кавказе.

В 1946 г. Краснодарским музеем было проведено обследование ряда селищ. Собранная на них керамика находится в коллекции музея. Среди этих селищ следует отметить Прочноокопское селище № 1 (у Кизиловой балки). Здесь найдены: амфора X в., красноглиняные толстостенные пифосы с линейным орнаментом, пифос с вмятинами по венчику и сероглиняные, большие в диаметре, сосуды с линейным орнаментом. Эти последние, повидимому, были определены А. П. Смирновым, как «славянская керамика XI—XII вв.»¹

Однако ни форма сосудов, ни даже линейный орнамент такого типа, как на прочноокопских сосудах (сплошное рифление всей поверхности сосуда), не типичны для славянской керамики указанного времени. На селище у хутора Воровского найден большой сосуд с линейным орнаментом, с вмятинами по венчику («гофрировка»); сосуды из серой глины с прямыми венчиками и с зубчатым орнаментом по краю венчика и по плечикам; амфоры и пифосы с линейным орнаментом. На селищах у Корсаковой балки и у колхоза «Восточный пахарь» найдена красноглиняная черкесская посуда XII—XIII вв., а также обломки сосудов из серой глины с примесью песка, с резко отогнутым венчиком и линейным орнаментом по всему тулову сосуда.

Я не касаюсь здесь вопроса о средневековых слоях на таких городищах, как Фанагория и другие, где несомненны следы славяно-русской культуры времени существования Тмутараканского княжества. Но на одном вопросе, также порождающем или могущем породить недоразумения, я считаю необходимым остановиться. В своем отчете о раскопках на городище Патрэй (на северном берегу Таманского залива) А. С. Башкиров² пишет, что в 1928 г. на городище были открыты слои от VI—V вв. до н. э. до XII—XIII вв. н. э. Среди других керамических находок здесь

¹ А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 86.

А. С. Башкиров. Отчет об историко-археологических изысканиях на Таманском полуострове летом 1948 г. Ученые записки Моск. гор. пед. института тм. В. П. Потемкина, т. XIII, вып. 2, 1949.

имеются мелкие горшки и мелкие кувшины, у которых по плечам сосудов идет волнистый или линейный орнамент. В. А. Городцов отождествил эту керамику с ранней славяно-русской. Трудно решить, в какой мере был прав В. А. Городцов, так как эта керамика в иллюстрациях к отчету А. С. Башкирова не представлена и в коллекциях не сохранилась. Но на рис. 19, 20, 21 и 22¹ А. С. Башкиров воспроизвел кувшин якобы «славяно-русский». Это широкогорлый одноручный кувшин из серой глины; подобные кувшины часто встречаются в средневековых поселениях юго-востока, в частности на Таманском городище, но нет никаких оснований подобную керамику считать «типичной славяно-русской». Такое утверждение неосновательно и отнюдь не способствует выяснению облика славяно-русской культуры Тмутараканской Руси.

Обследованные в Прикубанье средневековые селища представляют собой довольно сходные в археологическом отношении памятники, характеризующие культуру местных адыгских племен. Никаких типичных для славянской культуры черт на этих памятниках не прослеживается. Должен ли этот вывод вести к отрицанию всякой связи Тмутараканского княжества с местным населением Северного Кавказа? Конечно, нет. Во-первых, наши выводы получены в результате разведки, а разведка, как бы тщательно она ни была проведена, без серьезных раскопок не может служить основой для окончательного вывода. Во-вторых, необходимо еще раз повторить, что славянская материальная культура на юго-востоке под влиянием особых условий развития могла утратить те специфические черты, которые она имела в средние века в Поднепровье или в Северо-восточной Руси. В-третьих, необходимо учесть, что обследованные нами селища расположены довольно далеко от самой Тмутаракани. Возможно, что на территории, ближайшей к Таманскому городищу, будут найдены памятники, которые помогут выявить следы проживания здесь славян во времена Тмутараканского княжества. На сравнительно отдаленных от Тамани селищах, где вряд ли можно предполагать сплошное славянское население, влияние славянской культуры на местное население в результате торговых и политических связей может быть выявлено по памятникам материальной культуры лишь в результате значительных раскопок, когда условия находки даже отдельных славянских вещей могут служить основой для важных выводов². Пока это не сделано, нужно говорить лишь о фактах и избегать преждевременных выводов.

Таким образом, археологические памятники Северо-западного Кавказа могут послужить важным источником для истории адыгских племен. К сожалению, эти источники еще недостаточно разработаны. Если памятники более древней меото-сарматской эпохи изучены несколько лучше, то памятники средневековья почти не затрагивались исследователями³. Между тем в сопоставлении с письменными источниками, хотя и отрывочными, но довольно обильными (греческими, римскими, византийскими, арабскими, грузинскими, еврейско-хазарскими, итальянскими и другими), археологические источники могут послужить основой для более или менее полной реконструкции средневековой истории Северо-западного Кавказа.

¹ А. С. Башкиров. Ук. соч.

² Так, например, названные выше находки вещей славяно-русского происхождения в адыгских курганах X—XI вв. могут служить несомненным доказательством связей местного северокавказского населения с Тмутараканью.

³ В последнее время исследованнем средневековых и прежде всего аланских памятников Северного Кавказа занимаются Т. М. Минаева и Е. П. Алексеева. Ими обследован целый ряд памятников Черкесии и Ставропольского края, проведены раскопки городищ (у аула Жако, у башни Адюх и др.). Нужно надеяться, что в ближайшее время будут подробно изучены интереснейшие городища в долине Б. Зеленчука.

Н. В. ХОЛОСТЕНКО

ИССЛЕДОВАНИЕ РУИН УСПЕНСКОГО СОБОРА
КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ

Выдающийся памятник русского зодчества XI в. Успенский собор Киево-Печерской лавры был весьма мало изучен. Лишь перед Великой Отечественной войной 1941—1945 гг. начаты были исследования и обмеры, оставшиеся неоконченными, так как памятник в 1941 г. был взорван немецко-фашистскими оккупантами. На очередь встала задача планомерной разборки руин, их тщательного архитектурно-археологического исследования и консервации сохранившихся частей сооружения. Эти работы проводились Государственным архитектурным музеем-заповедником Лавры¹ со 2 июня по 14 октября 1952 г.; их результаты и освещаются в данной статье.

К и р п и ч У с п е н с к о г о с о б о р а и е г о н о м е н к л а т у р а При разборке завалов проведено было массовое обследование кирпичей и их обмер. Оказалось, что они делятся на группы, отличающиеся друг от друга и дающие по размерам варианты типового ассортимента кирпичей. Кирпич изготовлялся из разной по цвету глины.

Светложелтые и розоватые кирпичи имеют добавку дресвы, иногда в довольно крупных фракциях, красные кирпичи — примесь крупного кварцевого песка. Отдельные партии кирпича весьма неодинаковы по качеству обжига и выделке.

Каждая группа (рис. 1) представляет собой определенный набор стандартов, куда входят как кирпичи для кладки стен, так и лекальные кирпичи для отдельных деталей здания; они варьируются лишь в отдельных типах.

Для кладки стен применялись квадратные и прямоугольные кирпичи с отношением сторон приблизительно 9/7 и 5/7 и половинного к ним размера. Кроме того, изготовлялись фасонные кирпичи: 1) трапециевидной формы — для кладки внутренних частей стен апсид; 2) полукруглые с одного конца — для полуколонок; 3) клинообразные — для кладки зубчатых поясков. Квадратные, прямоугольные и трапециевидные кирпичи делались в рамочных формах, полукруглые же и клинообразные изготовлялись индивидуальной обрезкой прямоугольных кирпичей.

¹ Работы вела группа в составе научного руководителя Н. В. Холостенко, архитекторов М. М. Александровой и Е. И. Лопушинской, археологов В. Г. Демина, В. И. Ганцева, В. С. Куницкой и В. А. Покровской, историка В. А. Щаденко, искусствоведа Н. А. Брауде. От Института археологии Академии наук УССР постоянные консультации проводил В. А. Богусевич, от Академии архитектуры УССР принимали участие в работах Г. Н. Логвин и Ю. С. Асеев.

Всего по собору определены несколько комплектов и два типа лекальных кирпичей, не входящих в эти комплекты. Состав некоторых из этих комплектов показан на рис. 1. В эти комплекты не входят кирпичи для малых полуколонок и зубчиков (клинообразные) длиной 30—27 см.

Наличие различных комплектов кирпичей показывает, что они изготовлялись в разных мастерских или отдельными группами строителей. Изучение кладки храма показало, что расположения кирпичей по признакам комплектов не наблюдается. Кирпич из комплектов разбирался

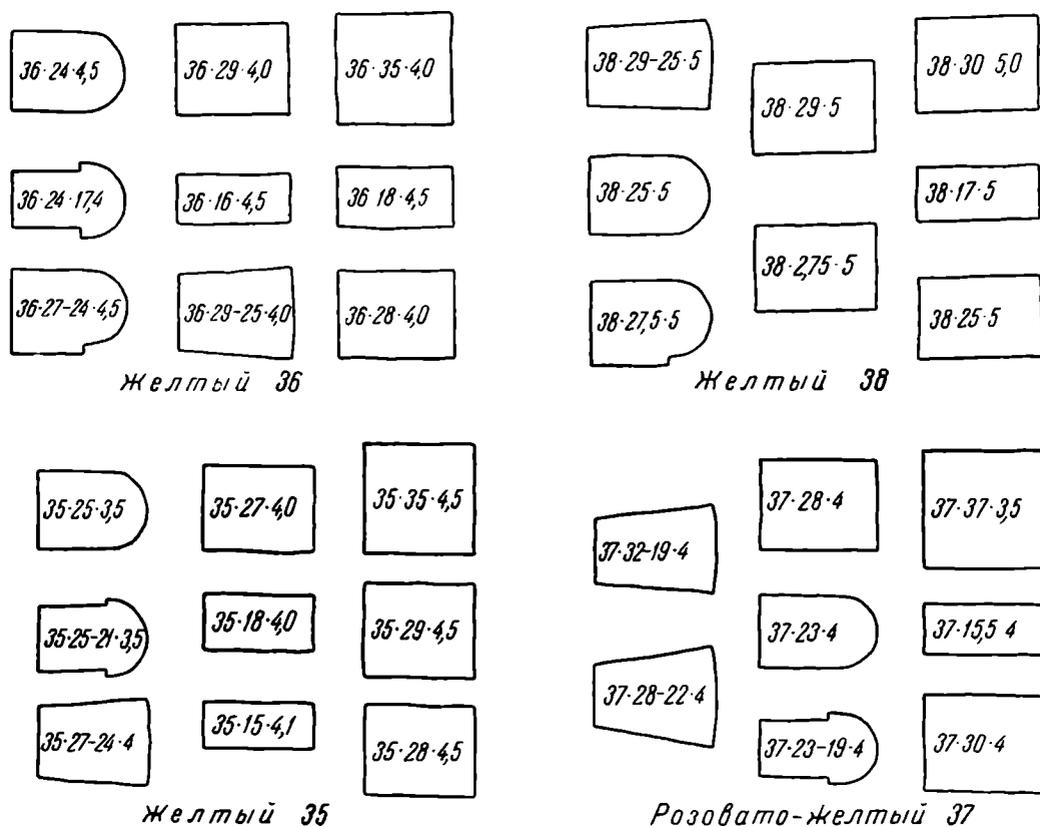

Рис. 1. Комплекты кирпичей собора.

лишь по назначению — для стен и для фасонных частей здания. Следовательно, различие комплектов не зависит от той или иной части здания. Кирпичники руководились лишь ассортиментом, обусловленным намеченными архитектурными формами и их размерами и сложившимися традициями и навыками строителей. В этом отношении показательно, что, например, для одних и тех же полуколонок в различных комплектах имелись разные варианты лекальных кирпичей, рассчитанные на разные системы перевязки их швов при равнослойной кладке. Эти различные лекальные кирпичи в кладке полуколонок применены смешанно и кладлись по одной принятой в данном сооружении системе кладки с западающим рядом.

К и р п и ч и к р е щ а л ь н и. Характерной особенностью кирпичей крещальни — здания значительно меньшего размера, чем собор, — является более крупный размер лекальных кирпичей для деталей. Среди кирпичей крещальни обнаружены три основных комплекта (рис. 2); кирпичи этих комплектов имеют большие размеры, чем кирпичи собора,

и иные пропорции (соотношение длины и ширины близко к отношению 1 : 2). Среди них отсутствует также трапециевидный кирпич. Комплекты кирпичей, аналогичных по размерам соборным, не содержат фасонных кирпичей, за исключением одного комплекта, в который входит один тип трапециевидного кирпича для кладки апсид малого размера.

Сравнение комплектов кирпичей крещальни с комплектами кирпичей собора, а также строительных приемов обеих построек, говорит о том,

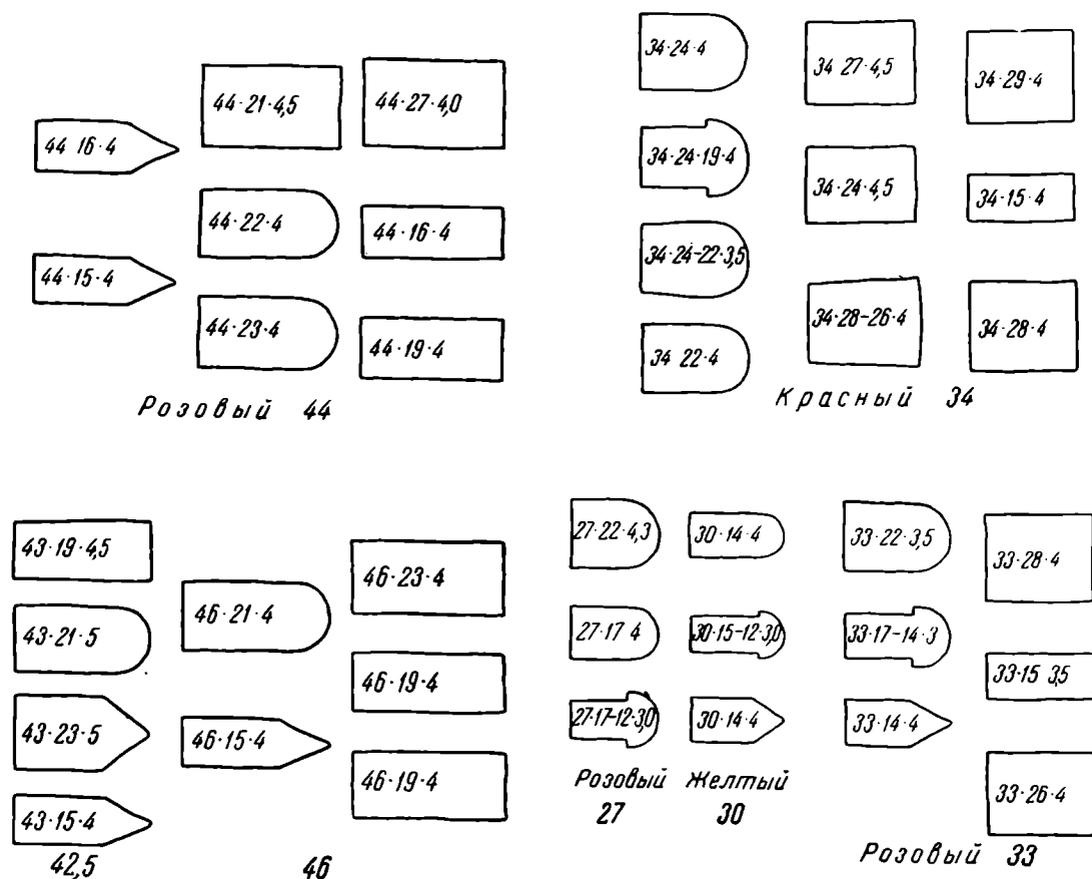

Рис. 2. Комплекты кирпичей крещальни.

что разница во времени между ними невелика и очевидно крещальня строилась вслед за собором. Массовый обмер кирпичей показал, что для комплектов, сходных с комплектами кирпича собора, были использованы те же формы (рамки), в которых делались кирпичи собора; очевидно, кирпичи изготовлялись в одной и той же мастерской. Специально же для крещальни, в соответствии с размерами ее деталей, были заказаны в полном ассортименте (кроме трапециевидных) комплекты большемерного кирпича.

Знаки на кирпичах. При разборке и сортировке кирпичей XI в. на их широкой стороне выявлены знаки двух типов (рис. 3): 1) писанные пальцем по сырой глине непосредственно после формовки; 2) нанесенные острым инструментом, — очевидно, деревянным ножом или скребком, который употреблялся при формовке для снятия излишка глины. В последнем случае знак мог наноситься сразу по набивке формы или на уже подсохшем кирпиче. Учитывая общее количество обследованных кирпичей и количество найденных кирпичей с метками, можно

считать, что один знак приходится примерно на 100 кирпичей¹. Это наблюдение подлежит уточнению при дальнейших работах.

Нам удалось установить, что на кирпичах большого формата из светло-желтой и розовато-желтой глины (размером 44, 42, 38, 37 см) встречены только писанные пальцем по сырой глине, энергично и глубоко вдавленные метки. На кирпичах длиной 36, 35 и 34 см встречены знаки, сделанные обоими способами. Следовательно, эти знаки были не знаками мастера, а метками сдаваемых партий кирпича.

Знаки применялись как простые в виде черт (вертикальной, горизонтальной, диагональной и т. п.), так и в виде более сложных рисунков, а также букв глаголического и кирилловского алфавита. Буквенные метки написаны в широкой, скорописной манере, руками, очевидно, привыкшими к письму. Из кирилловских букв на кирпичах обнаружены Н, У и О начертания, характерного для XI в., из глаголических — «веди», «мысле», «он».

Система кладок и характер наружного оформления стен собора XI в. При постройке собора была применена техника смешанной кладки, типичной для сооружений Киева XI в.

Изучение кладки стен показало, что она характеризуется стремлением строителей применить минимальное количество кирпича и максимальное — местного валунного камня. Эта расчетливость зодчих сказалась и в применении системы «облегченной» кладки, которая состоит из внешней и внутренней облицовок, сделанных регулярной кладкой, и «ядра» между ними, заполнявшегося нерегулярной массой. Облицовки делались из рядов камня — валунов, проложенных двумя-тремя рядами кирпича, положенного в системе кладки «с западающим рядом»; толщина облицовки — в 1 кирпич. Внутренняя полость стены заполнялась валунами на растворе (рис. 4).

Пилоны собора сложены так, что их наружные поверхности в основном сделаны из кирпичной кладки «с западающим рядом», а для забутки применены те же валуны сплошь или попеременно с нерегулярной кладкой из кирпича. При толщине кирпичей 3,5—4,5 см расстояние между выступающими рядами облицовки равнялось 9—11 см. По высоте пилоны расчленялись, в соответствии с общими членениями собора, шиферными плитами толщиной 6,5—8 см.

От древних арок после взрыва сохранились лишь их нижние части у юго-восточного пилона. В кладке арок применялась система перевязки швов как путем поворота прямоугольных кирпичей, так и путем применения «половинных» кирпичей.

Наружная поверхность стен, пилонов и арок заштукатуривалась специальным штукатурным раствором, отличным от раствора для кладки; при этом выступающие ряды кирпича оставались открытыми.

Сохранившиеся фрагменты нижних частей южной стены XI в., очищенные в 1948—1952 гг. от завалов, показали, что цокольная часть собора была обработана иначе, чем остальная поверхность стен. Штукатурная поверхность цоколя была оформлена под каменную кладку. Здесь глубокими линиями была изображена кладка из рядов камней «на образок» и торцовых — «на ребро», чередующихся с рядами «ложковых» камней. Для того, чтобы этот рисунок лучше читался, «торцовые» камни и «ложковый» ряд делались с заглаженной поверхностью, а камни «на образок» имели шероховатую, ноздреватую поверхность. В этом

¹ Аналогичное соотношение установлено Б. А. Рыбаковым для Благовещенской церкви в Чернигове и церкви во Вщиже.

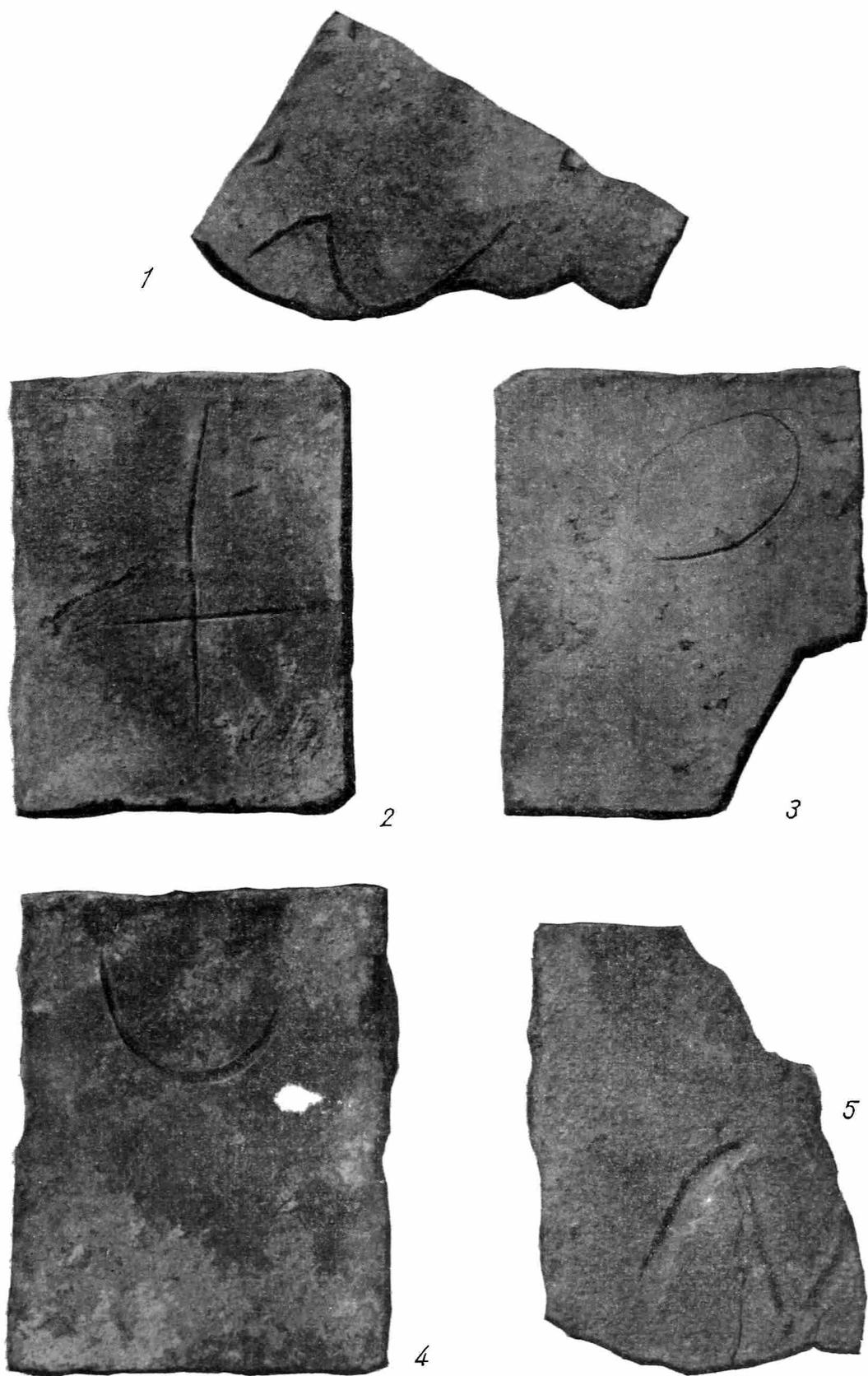

Рис. 3. Метки на кирпиче.
1 — 3 — процарапанные; 4 — 5 — написанные пальцем.

отношении цоколь Успенского собора Лавры аналогичен «крепиде» Софийского собора.

Исследование завалов у восточного фасада собора. Мы приступили к работам (рис. 5), когда большая часть завалов от восточных частей здания уже была вывезена. Обследование завалов остатков у центральной апсиды установило, что ее кладка в основном относится к XI в. Конха была сложена из кирпича размером $25 \times 13 \times 8,5$ см. Верх апсиды был надложен кирпичом XVI—XVIII вв.

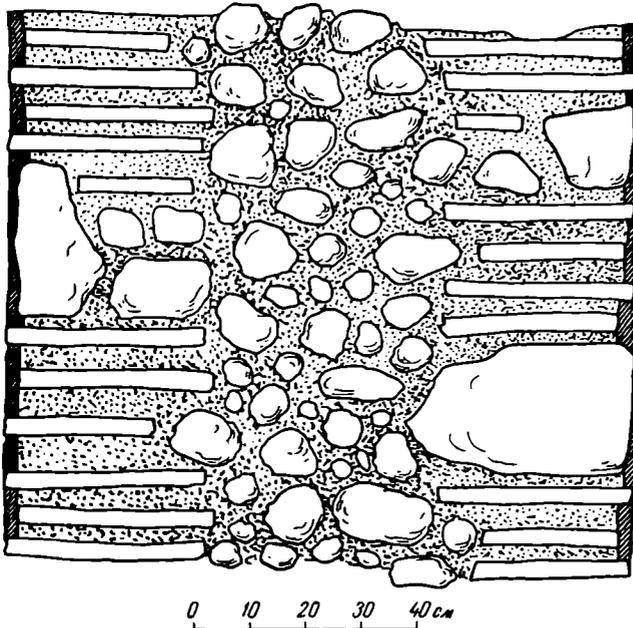

Рис. 4. Схема облегченной кладки стен собора.

положенных плашмя, а под ними в виде «капель» находились кирпичи, положенные на ребро. Еще ниже наблюдались остатки выложенного из кирпича меандрового орнамента, известного по аналогичным орнаментам церкви Спаса на Берестове, Киевской Софии и Пятницкой церкви в Чернигове.

От описанных П. А. Лашкаревым древних закомар восточного фасада, имевших зубчатые пояса², найдены фрагменты с зубчатым карнизом из упомянутых выше специальных зубчатых кирпичей небольшого формата.

Сохранность северной и южной апсид соответствовала описанию П. А. Лашкарева. Судя по кладкам завала северной апсиды, она была в основном древней, кроме верха, надложенного позднейшей кладкой. От южной апсиды сохранился лишь нижний северный угол. Контрфорс у южной апсиды был сложен из кирпича XI, XII—XIII и XVI вв. на известковом растворе, что дает основание отнести его ко времени восстановления собора К. Острожским.

Композиция фасада апсид до разрушения сохранялась древняя; только окна первоначально были больше, опускаясь до железного отлива низа их обрамления. Сами окна были растесаны за счет окружа-

Исследования позволили конкретизировать описание древнего карниза, сделанное П. А. Лашкаревым во время ремонта 1880—1883 гг. П. А. Лашкарев писал: «Карниз имеет вид полки с двумя рядами постепенно уменьшающихся квадратов под нею, которые заканчиваются внизу узкою продолговатую полоскою, в виде капель»¹.

От венчающей части карниза сохранился лишь один ряд древнего кирпича, под которым шли описанные П. А. Лашкаревым кронштейны, состоявшие из плитки, вытесанной из коричневого песчаника. Ниже шли два выступа из кирпичей,

¹ П. А. Лашкарев. Церковно-археологические очерки, исследование и рефераты. Киев, 1898, стр. 213.

² Там же, стр. 211—213.

ших их ниш. В развале центральной апсиды в 1948 г. В. А. Богусевичем был обнаружен сделанный из песчаника барельеф с изображением Оранты, расколотый на три части.

Исследование фрагментов кладки апсид (рис. 5, 10) констатировало ту же систему, что и у кладки собора. Внутренняя полуциркулярная

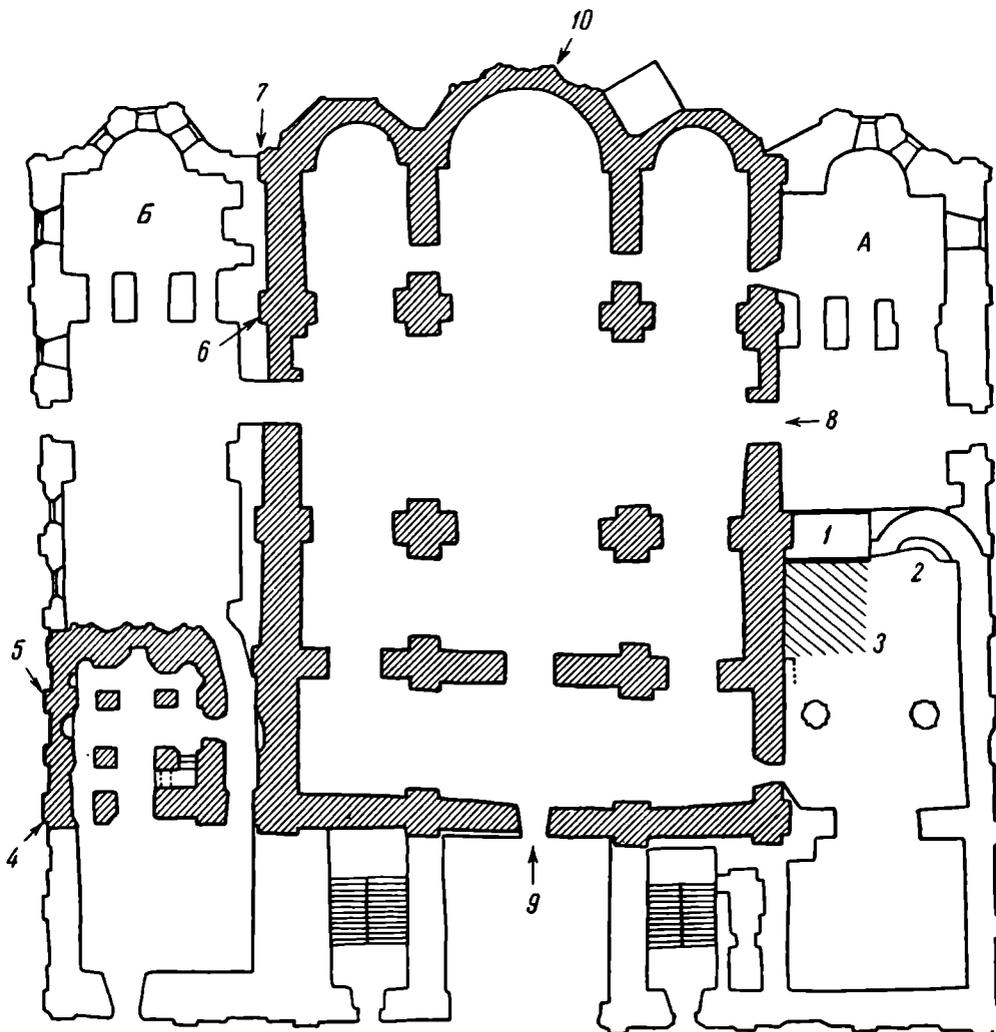

Рис. 5. Схема плана Успенского собора с указанием мест наблюдений.

А — придел Иоанна Богослова; Б — придел Стефана; 1 — расширенный контрфорс XV в.; 2 — расширенная апсида Трехсвятительского придела; 3 — капелла XV — XVII вв.; 4 — место блока северо-западного угла крещальни; 5 — место блока кладки пилястры и столба крещальни; 6 — место блока с двуступенчатой пилястрой, вышей и оконным проемом; 7 — место блока кладки северо-восточного угла собора; 8 — южный портал; 9 — западный портал; 10 — место блока кладки средней апсиды с полуколонкой.

«облицовка» сделана из сегментного кирпича, положенного в один ряд, а наружная, граненая, — из прямоугольного. Полуколонки (рис. 6) сложены из лекальных кирпичей; в их кладке чередовались лекальные кирпичи (для выступающих рядов) с прямоугольными, поставленными углом (для западающих рядов кладки), и затем полуколонки заштукатуривались заподлицо с выступающими рядами кирпичей.

Найденный блок кладки северо-восточного угла собора с частью примыкавшей апсиды (рис. 5, 7) показал, что на углу была раскрепована пилястра. Пилястры несколько отступали от угла стены.

Исследования завалов у западного фасада собора. Характер и расположение развалов кладок показывают, что части западной стены собора за лестницами сохранили кладку XI в. на всю высоту и были надложены новым карнизом в период 1723—1729 гг., когда к стене были пристроены лестницы на хоры.

Между лестницами в большом количестве лежали блоки и развал кладки из кирпича размером $27 \times 14 \times 7$ см, красного цвета, желоб-

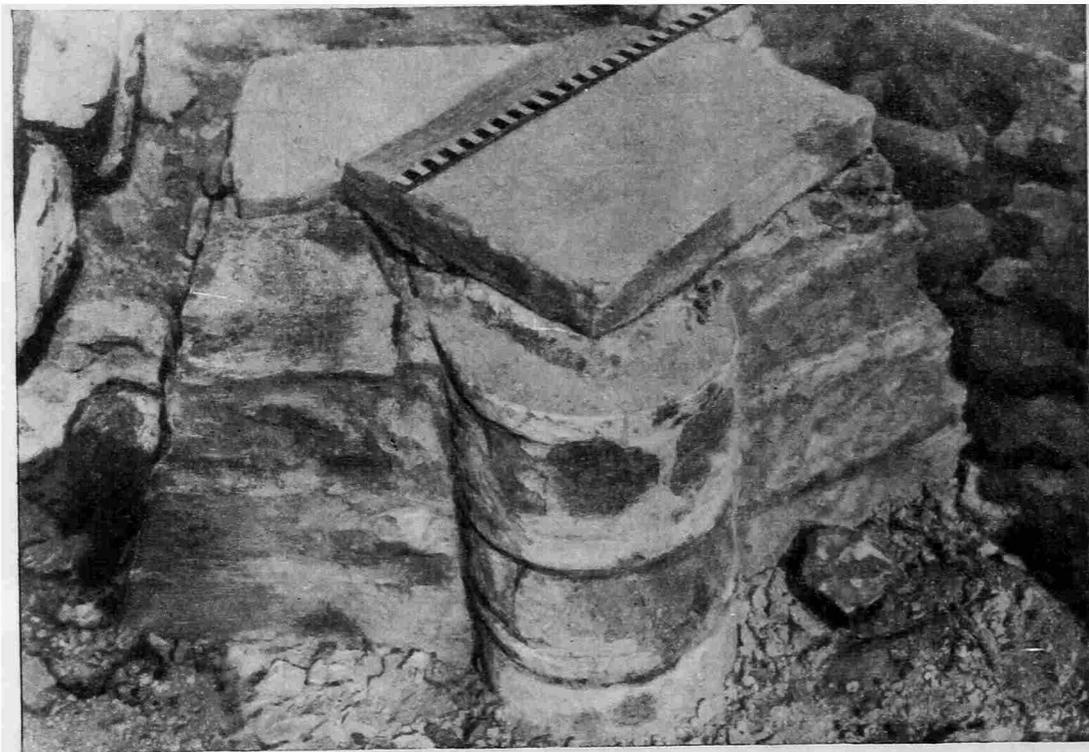

Рис. 6. Система кладки полуколонки алтарной апсиды.

чатого (неоднородного по качеству обжига), положенного на прочном сером растворе. Под ними шел развал кладки XI в., сохранявшейся здесь на небольшую высоту, судя по количеству развала, сравнительно со стенами за лестницами. В. Н. Николаев так описывал состояние западной стены собора во время ремонта 1893 г.: «Западная стена храма сохранилась с древних времен в частях, выходящих к новейшим пристройкам, где помещены лестницы. В части же стены между лестницами древняя кладка находится только на высоте двух аршин от главного пола храма»¹. Наши наблюдения совпадают с этим описанием.

Среди блоков кладки из желобчатого красного кирпича найдено несколько блоков беловато-серого известняка. Характер их обработки и профилировки показывает, что они происходят от обрамления портала. Аналогичные блоки здесь были найдены и в 1948 г. (рис. 5, 9).

Наиболее ранние изображения западного фасада собора, на которых хорошо видна его центральная часть, имеются на гравюре из «Бесед

¹ В. Н. Николаев. Стены внутри Великой церкви Киево-Печерской лавры по святни с них штукатурки. Труды XI АС в Киеве в 1899 г., т. II. М., 1902, Протоколы, стр. 125.

1

2

Рис. 7 Западный фасад Успенского собора по гравюрам XVII в.

1 — 1661 г.; — 1658 г.

Пвана Златоуста» 1623 г., гравюре 1658 г и гравюре «Патерика» 1661 г. (рис. 7). На них изображен полуциркульный вход, обрамленный уступчатым наличником; особенно четко изображение его на гравюре из «Патерика» 1661 г. Это обрамление портала фигурирует затем на всех последующих гравюрах с изображением Успенского собора вплоть до 1729 г., когда оформление портала изменяется.

Орнаментация и профилировка найденных блоков портала перекликаются как с орнаментацией вокруг рельефа Богородицы XV в. со стев

Успенского собора, так и с миниатюрами и рисунками книг XVI в. (евангелия Заборовского, Пересопницкое, Львовское 1574 г., Острожский Апостол 1580 г.). Эти аналогии и связь описанных тесаных камней с кладкой из кирпича размером $27 \times 14 \times 7,5$ см указывают на принадлежность портала ко времени восстановления собора К. Острожским.

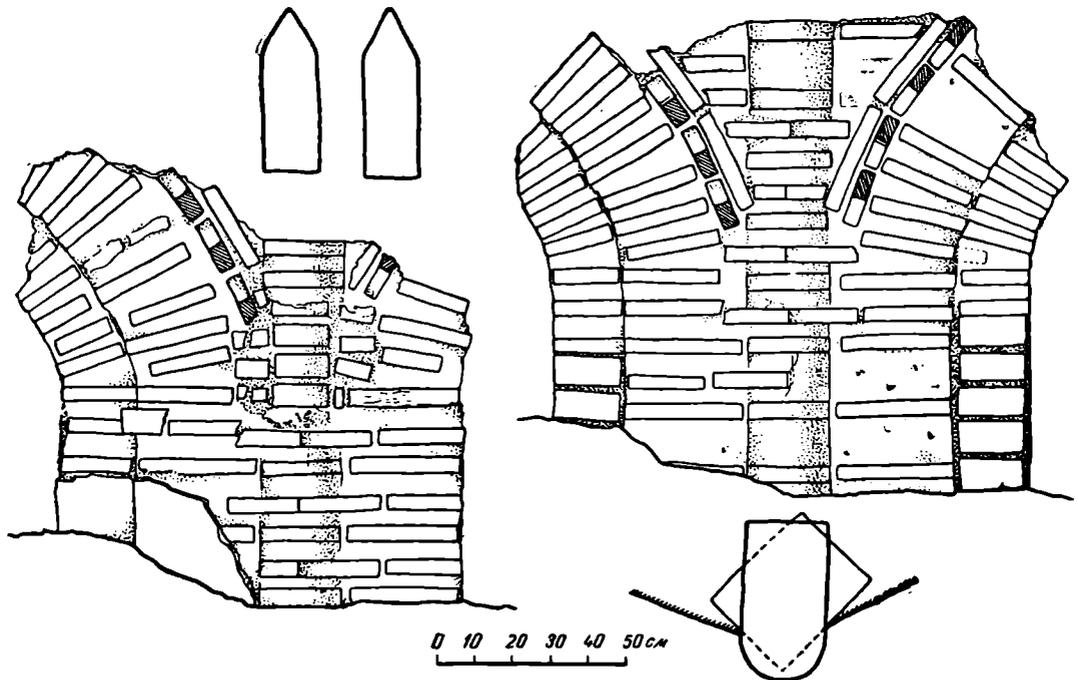

Рис. 8. Фрагменты барабана купола крещальни.

Месторождения известняка, из которого сделан портал, имеются в Поднестровье, где он выходит на поверхность и разрабатывается открытыми выработками. Ближайшими от Киева месторождениями являются южные районы Винницкой и Тернопольской областей.

Среди развала кладки XI в., слева от западного портала, был обнаружен блок стены XI в. с двухступчатой пилястрой.

Исследования завалов у северного фасада собора. К северо-западному углу собора примыкало здание крещальни (Иоанно-Предтеченская церковь). Расчистка фрагментов стен установила, что западные углы здания были раскрепованы (рис. 5, 4). Глубина угловой раскреповки — 26 см. Пилястры (рис. 5, 5) были двухступчатые, ширина уступов — 22 см, выступ — 16 см. Древние узкие, щелевидные окна, помещавшиеся в небольших нишах, впоследствии были или заложены, или растесаны с внутренней стороны раструбом. Ширина оконных ниш — 20 см, глубина — 12 см. Внешним пилястрам соответствовали внутренние лопатки шириной 80—87 см, с выступом в 23 см. Угловые раскреповки, уступы пилястр, часть окон и оконные ниши были заложены желтым кирпичом XVIII в. и заштукатурены заподлицо с остальными частями.

В верхней зоне руин был найден развал древней кладки закомары с карнизом из зубчатого кирпича размером $44 \times 15,5 \times 4,5$ см. Пазухи

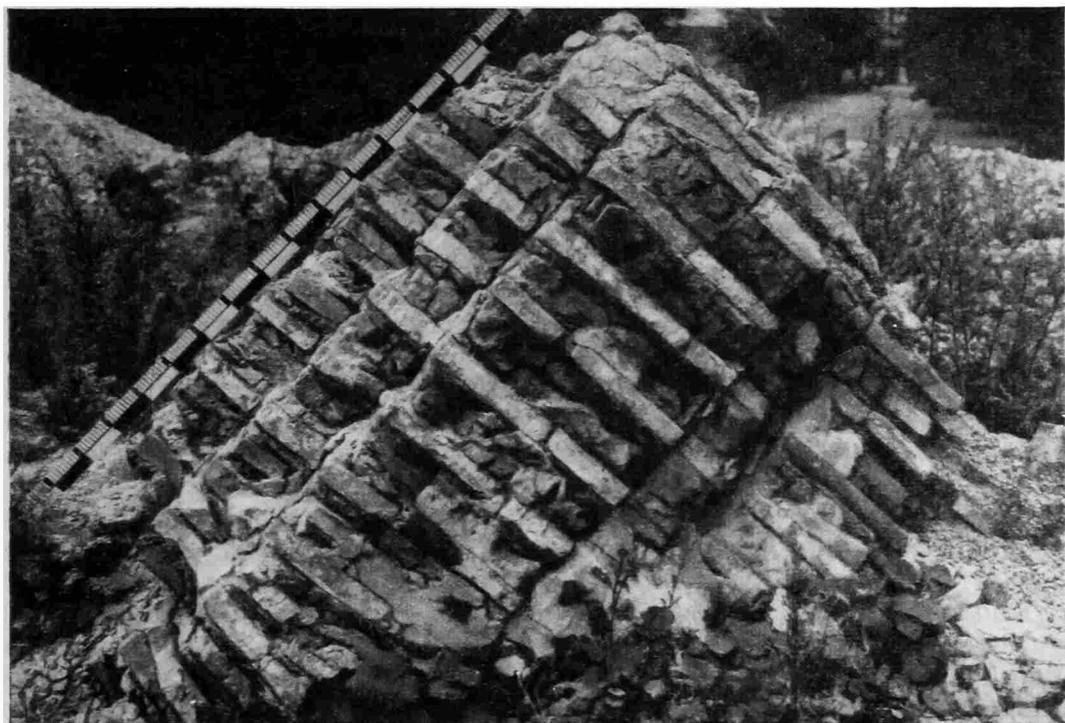

Рис. 9. Фрагмент стены северного фасада.

Рис. 10. Часть южной стены собора (слева— кладка XI в., справа —кладка XIII в.).

закомары были заложены бутобетоном с кирпичным щебнем XVIII в. У восточного угла крещальни был расчищен блок древней кладки верхних частей апсид крещальни. Здесь, в начале кривой апсиды, находится ниша высотой 130 см, шириной 51 см; внутри нее — вторая ниша, шириной 18 см. По оси центральной апсиды помещалась другая ниша, отличающаяся от первой тем, что ее внутренняя небольшая ниша — полудиркульная.

В верхней зоне завала крещальни найдены два фрагмента барабана ее купола. Оба они представляли собой междуоконные столбы с примыкающими к ним частями арочных перемычек окон (рис. 8). По ребру грани междуоконного простенка барабана шла полуколонка, выложенная в той же системе, что и полуколонка апсид собора. Над аркой ниши окна сохранился арочный зубчатый карниз из древнего кирпича. Карнизы эти сходились у полуколонки, не перерезая ее. Вопрос о завершении барабана арочками или горизонтальным карнизом решился в пользу последнего: полуколонка шла выше зубчатых арок, в пазухах же арок шла древняя кирпичная кладка горизонтальными рядами.

Найденные фрагменты верхних частей северной стены собора (рис. 5, 6) показали, что до взрыва она сохраняла почти на всю высоту до уровня закомар древнюю кладку; в XVII—XVIII вв. был надложен карниз с парапетами. Стена членилась двухступчатыми пилястрами. Оконные ниши непосредственно примыкали к внешнему уступу пилястр (рис. 9). Эти уступы пилястр были в 1729 г. тщательно заложены кирпичом заподлицо с пилястрой и заштукатурены, вследствие чего членения стен получили более грубую и упрощенную форму.

Стена 1723—1729 гг. между крещальней и приделом Стефана была сложена из кирпича размером $30 \times 16 \times 5,5$ см. Придел Стефана в 1952 г. не обследовался.

Исследование завалов у южного фасада собора. Южная стена собора была закрыта поздней штукатуркой и росписью. Как показало обследование ее остатков, она была сложена из кирпича, взятого из развала кладок XI в. При этом кирпич не полностью очищался от крепко приставшего к нему древнего розового раствора, что обусловило уширение (до 4 см) швов кладки, сделанной на светлом белом растворе с характерной двусторонней подрезкой. Исследование этого раствора показало, что в него добавлялась цемянка из разбитой кладки XI в. Стена была выложена в той же «облегченной» системе с «облицовками» в один кирпич, но равнослойной кладкой. Внутренность стены была заполнена битым кирпичом XI в., валунами, кусками розового раствора, обломками шиферных плит, в том числе резных. Внутри собора эта кладка перевязывалась с кладкой арок, сложенных из яркокрасного кирпича. Из такого же кирпича были сложены верхние части южной стены. Размеры красных кирпичей: $28 \times 23 \times 5$ см; $21 \times 16 \times 5$ см; $28 \times 25 \times 5,5$ см; $31 \times 24 \times 5,5$ см.

Обследование остатков нижних частей южной стены показало, что здесь частично сохранилась кладка XI в., надложенная вышеописанной порядовой кладкой (рис. 10).

Эта кладка из кирпича XI в. распространялась на всю южную стену, часть южной апсиды и простенок между южной и центральной апсидами. Здесь она начиналась выше проема в простенке между апсидами, причем арка проема и низ простенка оказались древней кладкой XI в. Как показал зондаж, юго-восточный пилон был также переложен (рис. 11). Он несколько меньше по размерам, чем остальные столбы; в его кладке встречаются яркокрасные кирпичи описанного формата, из такого же

кирпича были сложены и примыкавшие к столбу подпружные арки, а также барабан центрального купола.

П. А. Лашкарев, имевший возможность наблюдать собор, очищенный от позднейшей штукатурки во время ремонта 1880—1882 гг., отмечал, что «от первоначального сооружения этой церкви оказались сохранившимися два алтарные апсиды, главный — средний и соседний с ним северный; в апсиде же южном от древней кладки сохранился только один угол, примыкающий к главному апсиду и при постепенном от фундамента подъеме едва достигающий высоты нижней части среднего окна в этом апсиде...»¹. При этом П. А. Лашкарев указывал на наличие многочисленных трещин в стенах, — из которых особенно большая была на центральной апсиде, — высказывая предположение, что они появились в результате землетрясения 1230 г., когда «в монастыри Печерском церкви святая Богородица камена на 4 части разступися»². Эти данные дополняются наблюдениями В. Н. Николаева при ремонте 1893 г. Он указывает: «Из такой же кладки (XI в.) оказалась и вся внутренняя часть храма, но на разную высоту, а не до самого верха: так, стены и пилоны оказались древними, кроме западной стены, паруса же и купол главный, сложенный хотя и из древнего кирпича, но кладка и раствор не древние и только в северо-западном парусе оказался кусок древней кладки не более одного квадратного аршина, в котором сохранился голосник...»³.

Приведенные свидетельства уточняются нашими наблюдениями. При землетрясении 1230 г. больше пострадала юго-восточная часть собора. Главная сила удара прошла под углом к западному фасаду, разрушив часть западной стены, южную стену, юго-западный пилон и южную апсиду. Лучше сохранились северная стена, северо-восточный угол и крещальня, которая получила только трещины. Кладка, переложенная из древнего кирпича XI в., как и перекрывающая ее кладка из красного кирпича (из которого сложены части стен, подпружные арки и барабан с куполом), по характеру и размерам кирпича и по составу раствора относится к домонгольскому времени. Следовательно, собор был восстановлен вскоре после 1230 г. и до разгрома Киева татарами в 1240 г.

Контрфорсы XV в. и восстановление собора Олельковичами. На рисунке Абрагама ван Вестерфельда, показывающем общий вид Лавры, хорошо заметен южный фасад собора⁴. Здесь, по осям его основных членений пилястрами, изображены мощные контрфорсы, особенно отчетливо видные по сторонам портала. Об этих контрфорсах говорит в своем описании собора и Павел Алеппский⁵. Такие же контрфорсы были и с других сторон собора — их фиксируют гравюры XVII в.

Контрфорс к западу от южного портала (рис. 5, 1) был приложен к сбитой пилястре шириной 1,32 м. Его ширина — 2,20 м, длина — 4 м; он сложен из желтых брусковых желобчатых кирпичей размером 25 × 13 × 8,5 (9) см в системе чередования «тычковых» и «ложковых» рядов с горизонтальными швами в 3 см толщиной. Фундамент контрфорса был сложен из валунов и кусков кладки XI в., дополненных кирпичом размером 25 × 13 × 9 см. Из такого же кирпича были сделаны свод южной апсиды, верхняя часть ее стен и часть конхи центральной

¹ П. А. Лашкарев. Ук. соч., стр. 209—310.

² ПСРЛ, т. VII, стр. 136.

³ В. Н. Николаев. Ук. соч., стр. 126.

⁴ Я. И. Смирнов. Рисунки Киева 1651 года по копиям их конца XVIII в. М., 1908.

⁵ Путешествие антиохийского патриарха Макария..., вып. II. М., 1897, стр. 46.

апсиды, что показали развалы их кладки и на что указывал П. А. Лашкарев¹.

Единственным документом, сообщающим о больших восстановительных работах в соборе, проведенных в 1470—1471 гг. Симеоном Олельковичем, являлась надпись под рельефом-триптихом, ранее вставленным

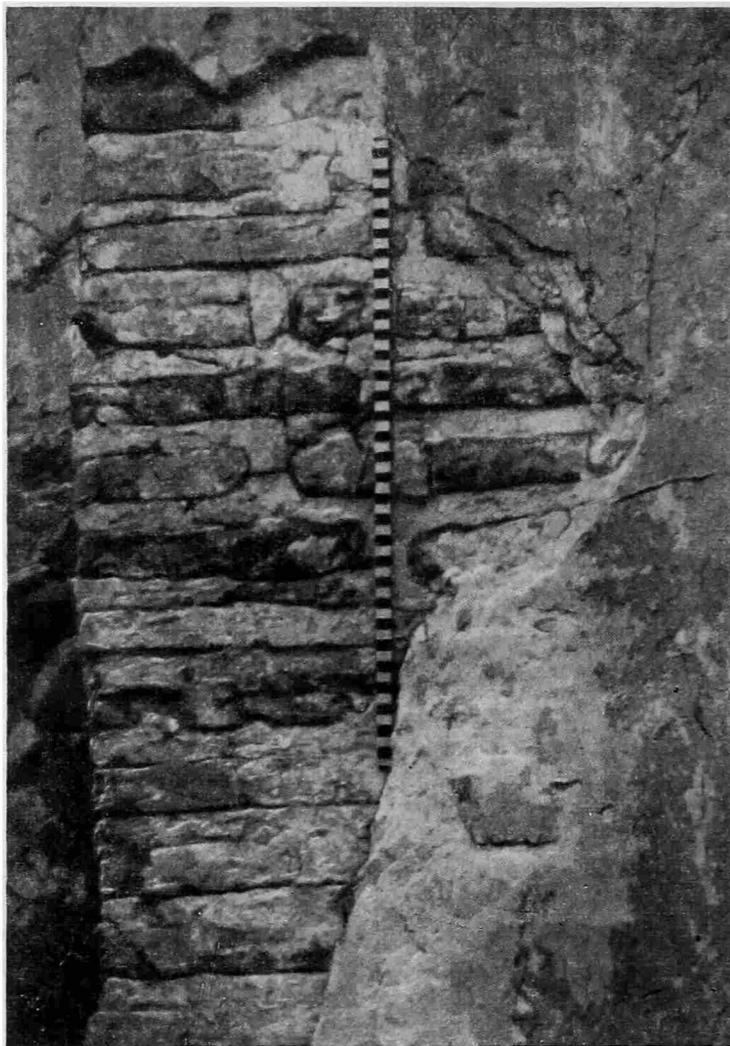

Рис. 11. Порядовая кладка юго-восточного пилона.

в стены собора и в 1718 г. перенесенным на колокольню; в надписи сказано: «Основана бысть церковь пресвятая Богородица печерская, на старом основании, при великом короле Казимире, благоверным князем Семеном Александровичем Олельковичем Киевским; при архимандрите Иоане». К этому времени и относятся устройство контрфорсов и перекладка части южной апсиды и сводов. Самый прием сооружения мощных контрфорсов характерен для архитектуры той поры. Показательны в этом отношении такие памятники, как церковь в Зимно, Богоявленская церковь в Остре, замки в Клевани, Луцке и др. Кирпич этих построек так-

¹ П. А. Лашкарев. Ук. соч., стр. 211.

же близок к кирпичу контрфорсов и перекладок XV в. собора Киево-Печерской лавры.

Южный придел и строительство Острожских. Единственной уцелевшей от взрыва частью собора является юго-восточный придел Иоанна Богослова, хотя и в нем своды и перекрытия обрушены. На плане Кальнофийского 1638 г. он показан в виде значительно более низкой, чем собор, и крытой односкатной кровлей пристройки. Более четкое его изображение дает указанный выше рисунок Вестерфельда. Построен придел К. Острожским в XVI в.

Обследование стен придела показало, что его восточная и южная стены сделаны из гладкого кирпича размером $30 \times 16 \times 5,5$ см. Западная же стена по кладке не одновременна; ее нижняя часть выполнена довольно примитивной кладкой в системе чередующихся «тычковых» и «ложковых» рядов. Размер кирпича — $27 \times 14 \times 7$ см; кирпич красный, желобчатый, неоднородный по качеству.

В источниках есть указание, что в 1723—1729 гг. были «наново» устроены 8 приделов, в их числе придел Иоанна Богослова¹. К этому строительству относится кладка из гладкого красного и желтого кирпича размером $30 \times 16 \times 5,5$ см. Часть же стен, сложенная из кирпича размером $27 \times 14 \times 7$ см, осталась от постройки XVI в., имевшей, очевидно, деревянные покрытия и сильно пострадавшей в пожар 1718 г.

Эти наблюдения над кладками придела дают возможность проследить и другие работы, проведенные в соборе К. Острожским после больших разрушений Менгли-Гирея. К работам, осуществленным в основном в первой четверти XVI в., следует отнести кладку западной стены, в частности, около главного, — относящегося к этой же поре, — портала, а также закладку части южной стены над южным порталом, где до того были три окна (Павел Алеппский). Здесь был, видимо, связанный с опустошениями Менгли-Гирея пролом, заложенный после кирпичами размером $27 \times 14 \times 7$ см и $27,5 \times 14 \times 7,5$ см с оставлением одного высокого окна по оси портала (он изображен на рисунке Вестерфельда). Это окно в свою очередь было заложено кирпичами размером $30 \times 16 \times 5,5$ см в XVIII в., когда этот портал оказался внутри пристроек.

Трехсвятительский придел. При исследовании остатков южной наружной стены обстроек собора была открыта часть апсиды, которая подходила почти вплотную к контрфорсу XVI в. (рис. 5, 2). Эта апсида являлась частью Трехсвятительского придела, устроенного в начале XVII в. и, вероятно, перестраивавшегося в конце этого столетия.

Стена апсиды толщиной 1,32 м сложена из желтого и красного кирпича размером $28(29) \times 14,5 \times 6(6,5)$ см. Кирпич этого типа характерен и для других лаврских построек конца XVII в. Так, кирпич ограды имеет размеры $29 \times 16 \times 6,5$ см и $28 \times 15 \times 5,5$ см, кирпич типографии — $28 \times 15 \times 6,5$ см, церкви Всех святых — $27,5 \times 15 \times 5$ см.

Капелла XV—XVII вв. При расчистке и снятии пола из чугунных плит между второй и третьей с запада пилястрами южной стены собора (рис. 5, 3) под слоем песка и строительного мусора были обнаружены остатки существовавшей здесь капеллы, занимавшей место между двумя контрфорсами. Длина ее южной стены — 4,54 м, ширина (по размеру контрфорса) — 3,96 м. Южная стена шириной 63 см сложена из желтого и розового желобчатого кирпича так называемого брускового типа ($26 \times 12 \times 7,5$ см). Снаружи она была оштукатурена и побелена. Приблизительно посередине нее сохранился низ дверного проема шири-

¹ Архив Киево-Печерской лавры, д. № 5, стр. 17.

ной 1,54 м. Порог был сделан из древней шиферной плиты. Три ступеньки вели внутрь капеллы. Снаружи южной стены шла выстилка из песчаниковых плит, сильно стертых от хождения, — древняя вымостка двора.

Внутри капелла была разделена на две части (рис. 12). С восточной стороны в ней было выделено деревянной перегородкой узкое (1,41 м) помещение. Пол в этом помещении был из красного желобчатого кирпича размером $25 \times 14,5 \times 5,5$ см. Пол самой капеллы был выложен из тон-

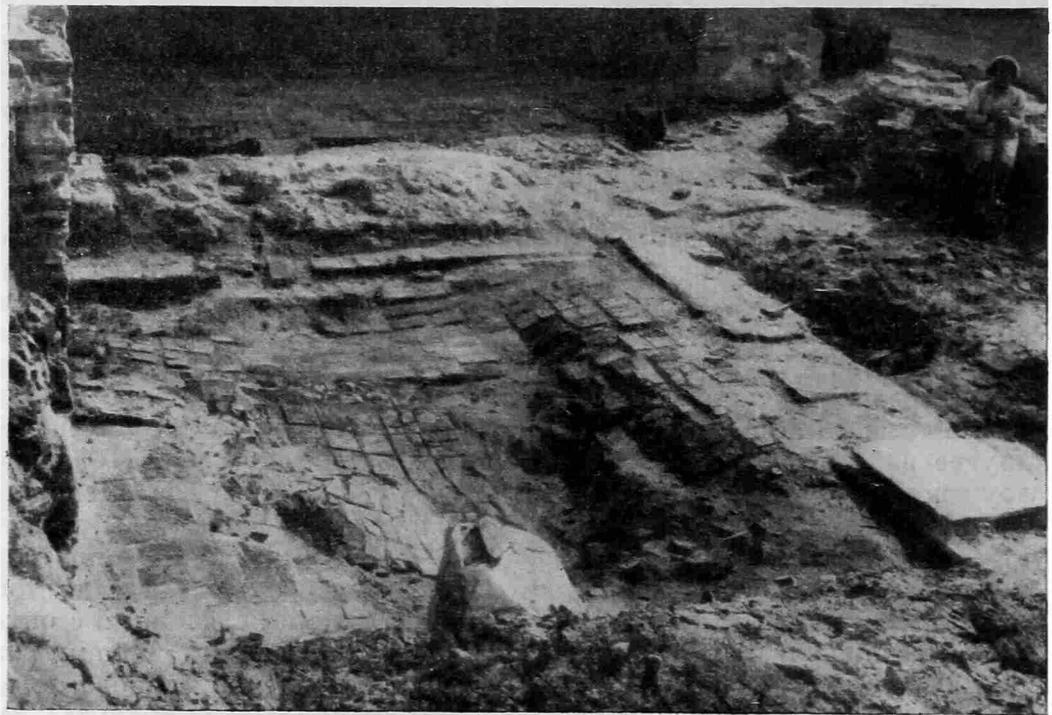

Рис. 12. Капелла XV—XVII вв. Вид с запада.

ких красноглиняных плиток размером $14 \times 19 \times 2$ см; он сильно осел, особенно в юго-западной части капеллы. У южной стены собора против двери сохранился на высоту 6—8 см пьедестал памятника (или престола?) прямоугольной формы (40×60 см). За ним в древней стене собора имеется ниша, заложенная кладкой из древнего, переложеного кирпича.

При расчистке строительного мусора, лежавшего над плиточным полом капеллы, найдено много небольших фрагментов питукаатурки с фресковой росписью, а также куски шиферных плит, среди которых — один большой фрагмент с резной, плохо сохранившейся надписью, дважды упоминающей имя архимандрита Елисея, очевидно, Плетенецкого. Это подтверждает эпитафия Е. Плетенецкого, приведенная А. Кальнофийским: «Умерши, он покоится снаружи церкви в сей каплице, которую при жизни сделал для своего погребения. 1624 года, октября 19, в 19 часу»¹.

Разведочный раскоп внутри капеллы установил, что здесь были разновременные захоронения: 1) в кирпичном склепе под ступенями входа в капеллу — из кирпича первой половины XVII в.; 2) рядом с ним — захоронение в колоде и 3) также рядом, но ближе к южной стене собора, —

¹ Сборник материалов по исторической топографии Клева. Киев, 1874, отд. II, стр. 40.

захоронение в гробнице шиферных плит с остатками надписи 1492 г. Последнее вскрывалось уже в древности, и куски верхней, разбитой при вскрытии, шиферной плиты были кое-как набросаны при обратной засыпке саркофага. В перекопанной земле над захоронениями были найдены фрагменты горшков и кафелей начала XVII в. В земле, заполнявшей шиферную гробницу, — фрагменты штукатурки XI в. с фресковой

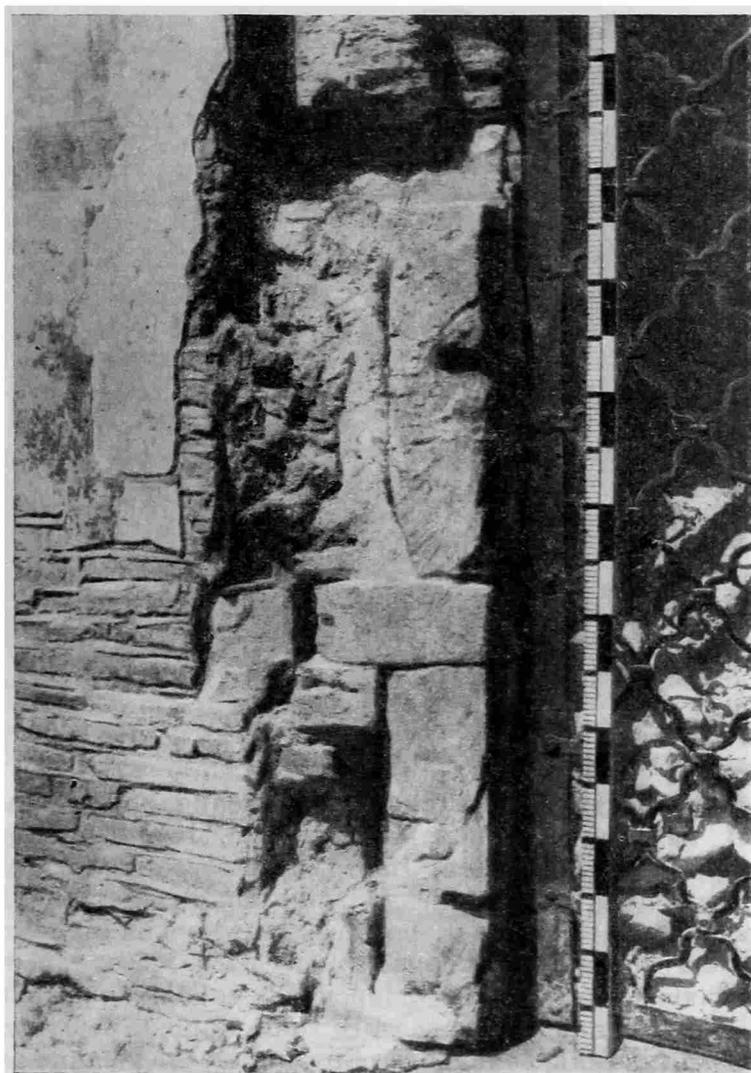

Рис. 13. Кладка южного портала.

росписью, кусочки смальты как от стеновых мозаик¹, так и от инкрустированных полов, а также фрагменты голубого стеклянного сосуда домонгольского периода. Захоронение в шиферной гробнице современно устройству контрфорсов, а остальные захоронения — не позже даты смерти Е. Плетенецкого (1624 г.). Это определяет время ее существования.

¹ Сравнение найденных смальт со смальтами стеклянно-мозаичного производства, обнаруженного раскопками В. А. Богусевича у древних лаврских стен, показало их идентичность.

Капелла была сломана, вероятно, при постройке Трехсвятительского придела в первой половине XVII в.

Южный портал. Нами было проведено лишь частичное исследование южного портала. Он сильно переделан после 1718 г., когда он оказался внутри пристроек. Зондаж его нижней части показал, что здесь

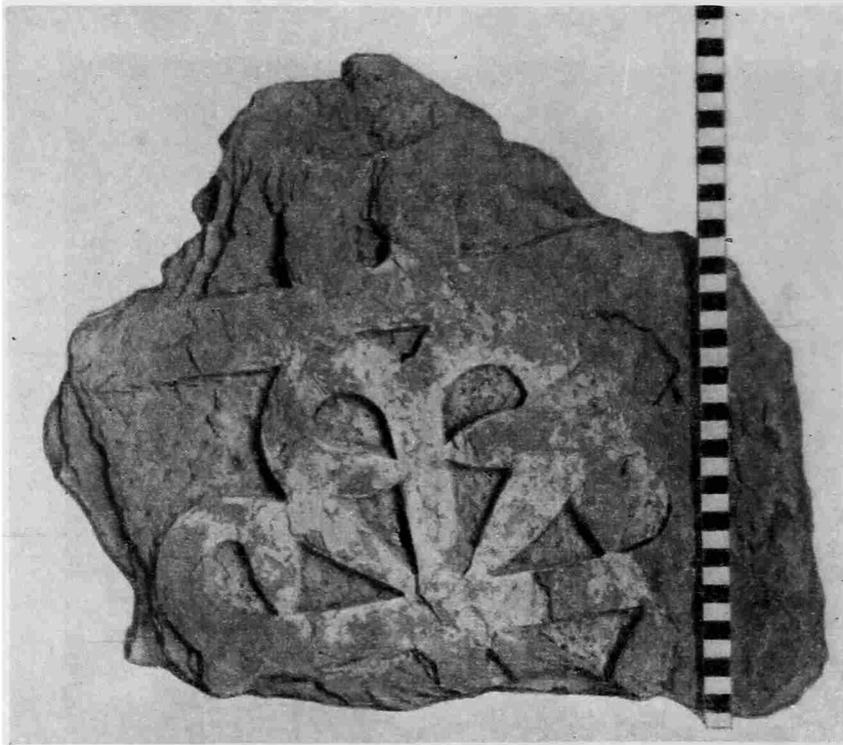

Рис. 14. Обломок шиферной плиты от пола собора.

кладка уступов сделана из кусков обрамления — притолок портала, поставленных тыльной стороной наружу (рис. 13). Это камни первоначального древнего портала XI в. Портальный известковый камень того же типа обнаружен нами среди неопубликованного материала раскопок П. П. Покрышкина у Спаса на Берестове. Этот камень происходит, скорее всего, из портала западного притвора церкви Спаса. Материал этого камня, как и камней южного портала лаврского собора, также сходен. Это известняк — ракушечник светложелтого тона, хорошо режущийся и резко отличающийся от камня западного портала. Исследование этого известняка в Институте геологии Академии наук УССР установило, что это светлый желтовато-серый мергельно-эолитовый известняк. Его месторождения имеются на юге Украины, южнее линии Вознесенск — Кривой Рог — Запорожье. Здесь он и сейчас используется для жилищного строительства. Применение его в постройках XI в. говорит о знании строителями этих месторождений.

Остатки древних полов собора. При разборке завалов были неоднократно найдены куски пиферных плит от древнего пола собора, как гладкие, так и резные, инкрустировавшиеся мозаичным набором (рис. 14). Частично из гладких половых плит с надписями XII—XVII вв. была сделана вымостка снаружи собора у южной апсиды. Эти интереснейшие эпиграфические памятники заслуживают особого исследования.

СПСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АП — Археологічні пам'ятки УРСР
АС — Археологический съезд
ВДИ — Вестник древней истории
ВСОРГО — Восточносибирское отделение Русского географического общества
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ДП — Древности Приднепровья
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ЗУОЛЕ — Записки Уральского общества любителей естествознания
ЗРОРАО — Западнорусское отделение Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИА АН УССР — Институт археологии Академии наук УССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАО — Московское археологическое общество
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МЭ — Материалы по этнографии
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
ПИМК — Проблемы истории материальной культуры
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
ПУАК — Пермская ученая архивная комиссия
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГО — Русское географическое общество
СА — Советская археология
СОРГО — Сибирское отделение Русского географического общества
ТГИМ — Труды Государственного исторического музея
ТОВЭ — Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа
Daremberg et Saglio — Ch. Daremberg et M. Ed. Saglio. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua
FA — Folia Archaeologica
IOSPE — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini
PZ — Praehistorische Zeitschrift
RA — Revue archéologique
RE — Pauly — Wissowa — Kroll. Realencyklopädie der klassischen Altertumswissenschaft
SC — Scythica et Caucasica. В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, 1893—1906.
-

СО Д Е Р Ж А Н И Е

С т а т ь и

Б. Б. П и о т р о в с к и й (Ленинград). Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье	5
А. Д. С т о л я р (Ленинград). Мариупольский могильник как исторический источник. (Опыт историко-культурного анализа памятника).	16
Н. Л. Ч л е н о в а (Москва). О культурах бронзовой эпохи лесостепной зоны Западной Сибири	38
Н. Н. Б о н д а р ь (Киев). Торговые сношения Ольвии со Скифией VI — V вв. до н. э.	58
Е. В. М а х н о (Киев). Раннеславянские (зарубинецко-корчеватовские) памятники в Среднем Поднепровье.	81
В. А. Ш и ш к и н (Ташкент). Варахша. (Предварительное сообщение о работах 1949—1953 гг.)	101
Н. Я. М е р п е р т (Москва). Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье	131
Б. А. Ш е л к о в н и к о в (Ленинград). Киевская керамика X—XI вв., расписанная цветными эмалями	169

М а т е р и а л ы и п у б л и к а ц и и

А. О. М н а ц а к а н я н (Ереван). Археологические раскопки на осушенной территории озера Севан	185
В. Д. Б л а в а т с к и й (Москва). О пантикапейской весовой системе	201
М. М. Т р а п ш (Сухум). Некоторые итоги археологического исследования в Сухуми в 1951—1953 гг.	206
В. П. Ш и л о в (Ленинград). Новые данные об Елизаветинском городище по раскопкам в 1952 г.	228
К. А. Р а е в с к и й (Ленинград). Наземные сооружения земледельцев между речья Днестра — Днестра в I тысячелетии н. э.	250
М. Р. П о л е с с к и х (Пенза). Завальские писаницы	277
Г. А. Ч е р н о в (Ленинград). Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место в Большеземельской тундре	291
А. Л. М о н г а й т (Москва). Некоторые средневековые археологические памятники Северо-западного Кавказа	321
Н. В. Х о л о с т е н к о (Киев). Исследование руин Успенского собора Киево-Печерской лавры	341
Список сокращений	359

Утверждено к печати Институтом истории материальной культуры Академии наук СССР

Редактор издательства Н. И. Сокольский Технический редактор Г. Н. Шееченко
Корректор А. В. Утина

РИСО АН СССР № 73-77В. Сдано в набор 15/VI 1955 г. Подписано к печати 30/VI 1955 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Печатн. лист. 22,5+8вкл.=30,82+8 вкл. Уч.-изд. л. 30,3+8 вкл (0,7 л) Тираж 2 000. Т-05904. Изд. № 749. Тип. заказ № 1170.

Цена 20 руб. 50 коп.

Издательство Академии наук СССР. Москва Б-64, Подсосенский пер., 21.
2-я типография Издательства АН СССР. Москва, Шубинский пер., д. 10.

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
34	1 св.	8. Мариупольский могильник	6. Мариупольский могильник
48	1 сн.	ст. 152	стр. 152
71	Подпись под рис. 7, 2-я строка	Пакафалова	Покафалова
143	6 св.	погребении	погребении
157	5 сн.	находные	находки
161	18 св.	перещепенский	перещепинский
167	2 сн.	Джурской	Джунской
182	8 сн.	Elfenbeinskulturen	Elfenbeinskulpturen
191	19 св.	сердоликов	сердоликовых
191	Таблица графа 3	NiO ₂	SiO ₂
»	графа 6	Fe ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃
257	2 сн.	Сыманович	Сымонович
300	11 св.	Спициным	Спицыным
303	23 сн.	Сартинья	Сартынья
324	2 сн.	данными	данным